

**«Мәдени мұра»
Мемлекеттік бағдарламасының
кітап сериялары
Қазақстан Республикасының
тұңғыш Президенті
Нұрсұлтан Назарбаевтың
бастамасы бойынша шығарылды**

“Мәдени мұра” бағдарламасын жүзеге асыру жөніндегі қоғамдық кеңес мүшелері:

Әшімбаев М.С., кеңес төрағасы,
Асқаров Ә.А., жауапты хатшы, Абдрахманов С.А.,
Аяған Б.Ғ., Әбусейітова М.Қ., Әжіғали С.Е., Әлімбаев Н.,
Әуезов М.М., Байпақов К.М., Биекенов К.Ү., Бұрханов К.Н.,
Досжан А.Д., Есім Ғ., Қасқабасов С.А.,
Қошанов А., Құл-Мұхаммед М., Нысанбаев Ә.Н.,
Салғара К., Самашев З., Сариева Р.Х., Сейдімбек А.С.,
Сұлтанов Қ.С., Тұжбаев Қ.Қ., Түймебаев Ж.Қ.,
Хұсайынов К.Ш., Шаймерденов Е.

**“Ә.Х. Марғұлан шығармалары”
сериясының редакциялық алқасы:**

Садықов Т.С., бас редакторы,
Марғұлан Д.Ә., жауапты хатшы, Байпақов К.М.,
Бердібаев Р.Б., Қасқабасов С.А., Қойгелдиев М.Қ.,
Күмеков Б.Е., Аяған Б.Ғ., Кененбай Ы.С., Сейдімбек А.С.,
Смағұлов О.С., Тасмағамбетов И.Н., Уәлиханов Ш.Е.

83.3(5Қаз)
М 22
МАРГУЛАН А.Х.

СОЧИНЕНИЯ

ШЕСТОЙ ТОМ

537339
Дил
Павлодарская областная
библиотека
С. Торайгырова

**“АЛАТАУ”
АЛМАТЫ – 2008**

83,3(5Қаз) + 634(БҚаз)

М ББК63.4 Қаз
М 22

Комитет информации и архивов
Министерства культуры и информации РК
Программа 017 "Издание социально важных видов
литературы"

МАРГУЛАН А.Х.

М22 Сочинения – Алматы: Издательство "Алатау",
2008 – VI том – 496 стр.

Составители: Д.А. Маргулан, Д.А. Маргулан

ISBN 9965-807-22-1

Шестой том собрания сочинений посвящен анализу памятников Центрального Казахстана эпох неолита и бронзы. Автором проанализированы все исследованные им самобытные памятники бегазы-дандыбаевской культуры – кульминационного этапа эпохи бронзы Центрального Казахстана, развившейся на основе древнего горного дела и металлургии. Большое внимание уделено проблеме периодизации памятников, исследованию вопросов ирригации и хозяйственного уклада, строительного, керамического, ювелирного и др. искусств. История бегазы-дандыбаевской культуры рассматривается в тесной связи с социальными процессами того времени.

Спец. редактор книги – Д.А. МАРГУЛАН

ISBN 9965-807-22-1

ББК 63.4 Қаз

© Издательство «Алатау» 2008

© Маргулан Д.А., Маргулан Д., составление, 2001

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Центральный Казахстан – Сарыарка представляет собой обширное плоскогорье с множеством рек и обширных водоемов и значительными горными цепями (Каркарала, Баянаул, Улытау, Атасу, Арганаты, Кокшетау, Имантау, Жаксы-Жангыстау и др.). С гор реки стекают на юг в Арало-Балхашский бассейн и на север, в бассейн Иртыша. Самую высокую точку Арало-Иртышского водораздела на востоке составляют Каркаралинские горы (Кзыл-Арай), на западе – Улытауские горы, отсюда на запад до Мугоджар идет обширная Тургайская равнина.

В жизни древнего населения Центрального Казахстана огромную роль играли реки Сарысу, Ишим, Нура и Тургай. Благоприятные природные условия Сарыарки – прохладный климат горных долин, обилие воды, обширные пастбища и недра, богатые рудами цветных металлов, явились условием появления в среде древних степняков самобытной культуры, о чем свидетельствуют многочисленные памятники далекого прошлого, изучение которых представляет огромный интерес для понимания истории этого огромного региона.

Богатство недр полезными ископаемыми сделало Центральный Казахстан в эпоху бронзы крупнейшим центром древней металлургии, где шла интенсивная добыча руд и плавка меди.

олова, золота и серебра. Эти металлы сыграли ключевую роль в развитии культуры древних насельников. Цветной металл добывался не только для нужд местных аборигенов, но и для экспорта (Геродот).

Сведения о древних памятниках Центрального Казахстана есть в трудах арабских, иранских и среднеазиатских путешественников и ученых X-XVI вв. (ибн-Фадлан, аль-Бируни, аль-Идриси, Мухаммед-Хайдар).

Знаменитый среднеазиатский ученый аль-Бируни писал, что в стране кимаков есть «чудесный источник пресной воды; там следы ног, рук с пальцами и колен человека; следы [ступни] ребенка и копыта осла». Как писал аль-Бируни, гузы поклонялись этим изображениям. Изображения человеческой ступни и лошадиного копыта отмечены в Улытауском районе, в горах Арганаты, в долине р.Сарысу и в Каркаралинских горах (Кокшетау). Камни со следами лошадиного копыта в народе называются Тулпартас (Камень скакуна). О памятниках Мангышлака и Северного Прикаспия известно из трудов ибн-Фадлана (X в.). Описание древнекипчакских памятников оставил Рубрук.

В вопросах изучения исторической топографии Казахстана большое значение имеют карты аль-Идриси, Махмуда Кашгари, а также средневековые итальянские карты, на которых довольно точно указано местонахождение некоторых исторических памятников Казахстана. Речь идет о «Большой карте» Франциско и Доминико Пицигани, составленной в 1367 году, «Каталонской карте мира» 1375 года и «Карте Фра Мауро» 1459 года.

Историческая топография Нижнего Поволжья, Казахстана и Средней Азии, отраженная в карте Пицигани, считается наиболее полной. Там указано местонахождение многих городов и поселений, к нашему времени лежащих в руинах. Большую загадку для науки представляет месторасположение города с названием Акша-Кент, изображенного на карте Пицигани в долине между рр.Нура и Сарысу. На Каталонской карте изображены всадники и караван верблюдов, идущих от Сарайчика на восток (в Алмалык) через Тургайские и Сарыуские степи. Историческая топография

Казахстана и Мавераннахра более отчетливо отражена на карте Фра Мауро (XV в.). На этой карте севернее города Самарканда указаны горы Сапаргани или горы Скифии (Центральный Казахстан). Здесь город Сыгнак выделен в особую провинцию, расположенную севернее Мавераннахра. Отрар и Алмалык (Семиречье) объединены в одну область. В провинцию Сыгнак включены северные области (горы Скифии) и два населенных пункта. Мимо одного из поселений протекает река (Сарысу?), впадающая в малое озеро (Теликуль?). Там изображены рисунки на скалах, соответствующие теперешнему Тамгалы-Жару в низовьях р. Сарысу. Севернее реки Сарысу, где-то в низовьях р. Нура отмечено местонахождение города, по источникам соответствующего Ботагаю. Возможно, это и есть город Акша-Кент, отмеченный на карте Пицигани. Степи Центрального Казахстана обозначены изображением четырехколесной повозки, на которых степняки совершали перекочевки. Горные районы Семиречья, Тарбагатай и Алтай обозначены изображением стола на четырех ножках. Такой же стол показан и в районе древнего Ургенча. Очевидно, так были отмечены этнографические особенности обитавших в этих местах племен.

Очень интересно, что севернее страны тангутов (уйгуров) отмечена «Великая резиденция» Ван-хана (керентского) с припиской *Sepultura Sepelsra Joi antigo de grando redito Un-Cam*.

Ван – китайский титул, который носил керентский хан Тогрул, в европейской литературе Ун, Иоани. Ван-хан был приверженцем несторианства, одной из сект христианства, распространенной среди керентов и найманов, европейские путешественники называли его «святим человеком» – Иоанном. О Ван-хане в европейской литературе XIII-XVI вв. встречается много легенд и преданий. Резиденция Ван-хана, отмеченная на карте Фра-Мауро, не обнаружена.

Со ссылками на эти карты Риттер, позднее Бруно утверждали, что в XVII веке «река Сарысу еще изливалась в Аральское море, а ныне в Теликуль, на расстоянии пятидневного пути от Арала». Сокращение русла р.Сарысу Риттер объясняет общим высыханием

степей Казахстана. «И ныне, — пишет он, — в тех местах поверхность постоянно изменяется от высыхания почвы между нижним Сихоном, верхним Иртышом, Тоболом и Уралом».

Теперь установлено, что в древности рр. Сарысу, Чу и Тургай впадали в Аральское море, а русла этих рек, как и в древности, близко подходят к Сырдарье в районе Кызыл-Орды.

Значительные материалы по археологии и исторической топографии Северо-Восточного и Центрального Казахстана рассеяны в исторических источниках о Сибири XVI-XVII вв. и прежде всего в русских сибирских летописях, в отписках служилых людей, открывавших «новые земли», в опросниках сибирских воевод о землях и народах Казачьей Орды, а также в записках путешественников XIV-XVII веков. Особого внимания заслуживают сведения летописи «Сказание о человеках, неизвестных в Восточной стороне» (первая половина XVI в.), данные летописи Саввы Есипова (1636), сказание о «чуди» (о первоначальном населении Сибири и Северного Казахстана), сведения о памятниках раннего средневековья. В «Новом летописце» (XVII в.) впервые говорится о сибирских писаницах, об остатках древних построек в степи. Обширный историко-топографический материал содержится в книге «Большого чертежа», в «Сибирских чертежных книгах» С.У. Ремезова и в трудах летописца И.Л. Черепанова.

Из многочисленных трудов Ремезова особый интерес для нас представляет «Чертежная книга Сибири», составленная в 1701 году и в ней «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи», составленный по распоряжению Петра I на основе расспросных материалов, полученных от Ф. Скибина и М. Трошина, побывавших посланниками Петра I в ставке Таукехана в г. Туркестане в 1698 году. В указе Петра I сказано: «Написать степи от Тобольска до Казачьей орды и до Бухарины Большой и до Хивы и до Янка и до Астрахани... чертеж трех аршин длины, поперек двух». Для составления этого чертежа было велено: «Допросить бывших в Казачьей орде у Тевки-хана тобольских детей боярских Федора Скибина с товарищами... сколь далеко от Тобольска до Казачьей орды, и каким путем ход бывает, и много ль дней идти будет сухим

путем, горы каменные есть ли и летним путем ратным людям... От Тевки-ханова города до Бухарины сколько пути». В этом атласе уже довольно четко показаны места древних надписей и построек в долине р.Ишим. Позднее Г.Н. Потанин отмечал, что в атласе Ремезова отражены следы древних городов: на правом берегу Каратала, правого притока р.Тургай «град пустой» (л.22); на левом берегу Ишима — «город каменный» (л.22), на реке Сарысу — «мечеть Талмас-Ата (л.22); на Иртыше — «мечеть в урочище Кабалгасун» (л.22). Отмечены места с древними письменами в долине Черного Иртыша и в горах Тарбагатай. Здесь «изображение, похожее на поле, усеянное костями, и подле надпись «кости». Г.Н.Потанин задавался вопросом: «Не свидетельства ли это о местах военных побоищ или о местах прежних обиталищ?»

Районы Тарбагатай еще не изучались археологами и поэтому неизвестно, о каких памятниках древности здесь идет речь. По атласу Ремезова архитектурные памятники Центрального Казахстана в XVII веке были еще в хорошем состоянии, теперь же они в своей основной массе лежат в руинах.

Для исследователей исторической топографии Казахстана известный интерес представляют записки путешественников по Сибири XVII в., в частности, записки пославявца Россия в Китае Ф.И. Байкова (1654-1658), путь которого лежал от Тобольска по северо-востоку Казахстана, вверх по Иртышу до Кара Иртыша; оттуда путь Байкова следовал по суше в Монголию и Китай. В «Записках путешествия» Байкова мы находим первые сведения об оросительной системе и поливном земледелии в верхнем Иртыше в середине XVII века, сообщения о древних архитектурных сооружениях — «каменных палатах и хоромах». Записки Байкова привлекли внимание русских ученых и в середине XVIII в. были опубликованы в академических изданиях Г.Ф.Миллером, затем неоднократно издавались в полном и сокращенном виде Н.И.Новиковым, Г.И. Спасским, П.И. Ивановым, И. Сахаровым.

Ряд археологических и историко-топографических сведений о Северо-Восточном Казахстане можно найти в работе другого русского посланника в Китай (в 1675 г.) — Н.Г. Спафария, путь

которого лежал от Тобольска до Ямышева и далее через Сибирь в Кигтай. По возвращении в Москву Спафария представил обширный географический труд, в котором было описание берегов Иртыша и народов, живших по ним. Описывая свой маршрут по Иртышу, он говорит о «мечетях», где «стоят серебряные, медные и деревянные идолы». В составе посольства Н. Спафария был Никифор Венюков — автор труда, известного под названием «Описания Новых земель Сибирского государства».

Перу Юрия Крижанича, долгое время бывшего в ссылке в Тобольске (1661-1676), принадлежит работа, опубликованная Г.И. Спасским в «Сибирском Вестнике» и А.А. Титовым в сборнике «Сибирь в XVII веке». Юрий Крижанич писал: «В Сибири повсюду встречаются неизвестные гробницы древних народов. Кладонскатели, занимаясь гвардейством, нашед таковые гробницы выкапывают иногда несколько серебра. Я сам видел выкопанные таким образом серебряные сосуды». По свидетельству Крижанича, кладонскатели выдавали серебро из курганов за выплавленное из руды. Из этого следует, что кладонскатели уничтожали ценные предметы древнего искусства, переливая их в слитки. Крижанич писал, что древняя традиция погребения ценностей с умершим хозяином не исчезла. Он был свидетелем того, как «с умершим бухарцем Мустом было зарыто восемь тысяч рублей (золотых монет)».

Большой материал по археологии Северо-Восточного Казахстана содержится в работах голландского географа и юриста Николая Витзена. В 1694-1695 гг. он жил в Москве, проявляя большой интерес к истории и археологии. Витзен был в дружеских отношениях с царем Петром Алексеевичем, вел с ним переписку и во время пребывания Петра I в Голландии принимал его у себя. Это обстоятельство позволило Витзену побывать на Урале и в Западной Сибири. В 1692 году выходит его работа «Северо-Восточная Татария», где описано множество древних вещей, полученных из России через посланника Петра I боярина Ф.А. Головина. В числе их были золотые и серебряные сосуды, шейные гривны, пряжки, подвески, кольца, пластинки с изображениями диких зверей и

домашних животных. Материалы из Сибири и Северо-Восточного Казахстана продолжали поступать, и в 1705 году Витзен выпускает второе дополненное издание. Но лучшим считается третье издание, посвященное Петру I. Издание иллюстрировано прекрасными предметами из коллекции сибирских древностей. Эти труды не утратили своего значения и поныне.

Краткий перевод сочинения Витзена по древним памятникам Сибири и Казахстана был сделан академиком В.В. Радловым. В наше время полный перевод на русский язык сделан В.Г. Трисманом. Витзен пишет: «Недалеко от р. Тобол встречаются под горами особого рода весьма древние могилы, в которых была найдена металлическая утварь из серебра, меди и железа». В трудах Витзена нашли отражение остатки древней городской культуры на Иртыше и в Западной Сибири. Он пишет: «В некоторых местностях можно видеть пришедшие в упадок старые стены и развалины, бывших там, по-видимому, городов и там находим разные памятники». Витзен, пользуясь данными Ф.И. Байкова, Н.Г. Спафария, С.У. Ремезова и других путешественников и летописцев Сибири, упоминает о руинах Семи Палат, Аблайкитском замке и др. Всесторонний анализ работ Витзена, посвященных вопросам археологии, истории, этнографии народов Сибири, Казахстана и Средней Азии, дан в рецензии И.Ф. Катанова «Витзен и его сочинения о России» (рукопись).

Следует отметить, что в первой четверти XVIII века интерес к Казахстану и Средней Азии усиливается со стороны Петра I, считавшего казахские степи «воротами всем землям Азии», в связи с чем число исследователей Казахстана и Средней Азии со стороны России увеличивается. Толчком послужило сообщение Петру I в 1714 году о песочном золоте в казахских степях. Из России отправляются экспедиции Бековича-Черкасского в Хиву (1714-1717), Ф. Беневени в Бухару (1719-1725), подполковника И.Д. Бухгольца (1715-1716) и генерал-майора И.М. Лихарева (1720) к верховьям Иртыша, И.С. Унковского в Джунгарский Алатау (1723) и др. Вместе с поиском месторождений золота Петр I большое значение придавал

сбору древностей Казахстана и Сибири. После сообщений о кладях, открываемых в степи, он дал указание князю М.П. Гагарину, затем Черкасскому об организации на местах сбора древних сокровищ и о посылке их в Берг-коллегию или в Московскую и Петербургскую аптеки. Из «Дел кабинета Петра Великого» нам известно несколько его указов, изданных в 1716 и 1718 годах. На основании этих указов уже в январе 1716 года от М.П. Гагарина поступила первая коллекция золотых вещей, состоявших из десяти предметов, среди них два золотых рельефа (бляхи) с изображениями львов, четыре небольшие бляхи с изображением диких зверей и другие. В конце того же года из Тобольска Гагариным была выслана вторая большая партия сибирской коллекции – шесть «мест» золотых вещей.

Много золотых и серебряных вещей поступило также от А.Н. Демидова, работавшего директором уральских и сибирских заводов и его преемника Б.И. Геннина. По изложению указа от 1727 года Геннину было велено «иметь старание в присках всяких подземельных старинных вещей в приске и в покупке осяцких, тунгусских и татарских идолов и прочих чудских старинных и всяких подземельных вещей золотых, серебряных, медных, каменных и костяных, также камней сердолику, хрустало и прочих цветов... неотложное старание и оные покупать на здешние заводские деньги». В 1718 г Петром I издано два указа, по которым определены размеры вознаграждения за добытые из курганов вещи: за скелет древнего человека тысячу рублей, за голову пятьсот. Там сказано: «Где кладуца такие вещи, всему делать чертежи, как что найдут».

О проведении раскопок курганов говорится и в указе 1723 года, в качестве специалиста по «бугровым» делам указано имя Тобольского боярского сына Ивана Буткеева, работавшего еще при Гагарине: «Буткеев осматривал и вершины, и камень, и урочища». Из этого следует, что все вещи, найденные в курганах и присланные Гагариным, а затем Черкасским, по указам Петра I были добыты Буткеевым из разных местностей, а термины «и вершины и камень» скорее говорят о горном ландшафте и мелкосопочниках Центрального Казахстана, нежели о равнинах Западной Сибири.

По указу от 1728 года поисками редких вещей занимался некто Бурцов. В результате своей работы только в один летний сезон (1728) им собрано разных видов пять тысяч девяносто камней, которые он прислал в Берг-коллегию. Среди этих камней было много уникальных вещей. После получения коллекции Бурцова было решено: «Такие вещи собирать почаще и из разных мест, а сверх того указами оповестить, чтобы вещи, добытые (из курганов), приносили в Берг-коллегию, за которые платить тем сыскаателям деньги по усмотрению, дабы их к такому приску впредь приучить и другим придать охоту и, что в приске будет присылать оные в Берг-коллегию».

Петр I был заинтересован не только в сборе предметов древней культуры Сибири и Казахстана, он приказывает организовать их научное изучение. Известно, что в 1719 году в Сибирь был послан доктор Мессершмидт «для изыскания всяких раритетов». По заданию Петра I Мессершмидт прибыл в Тобольск в декабре 1719 года и оставался там до лета 1721 года. Здесь он познакомился с пленным шведом Таббертом, впоследствии известным в науке под фамилией Ф.Страленберг. За время пребывания в Тобольске Мессершмидт при помощи Страленберга и местных сведущих людей ознакомился с исторической топографией Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана, занимаясь археологией междуречья Ишима и Иртыша, совершая временами длительные экскурсии и составляя чертежи «чуждского» письма. В своих рапортах в Петербург он пишет: «Промыслом откапывания золота и серебра, находимых в могилах, впервые занялись русские, жившие на Ишиме. Оттуда они продвигались все далее и далее на восток, пока в своих поисках не дошли до Оби». Как отмечает Мессершмидт, эти люди «зарабатывали много денег раскопками в степях». Далее он сообщает: «С последним санным путем они отправляются на 20-30 дней езды в степи; собираются со всех окрестных деревень в числе 200-300 и более человек и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь. Эти отряды расходятся в разные стороны, но лишь настолько, чтобы иметь всегда между собою сообщение и в случае прихода

калмыков или казаков (казахов) быть в состоянии защищаться». По этим данным грабительские раскопки совершались в Северо-Восточном Казахстане, в районах, прилегающих к Кокчетавской и Павлодарской областям. Мессершмидт сообщает, что «ишимцы» иногда напрасно копают могилы язычников, «находят только разные железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей, фунтов по 5, 6 и 7, состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов».

В 1721-1725 гг. Мессершмидт совместно со Страленбергом путешествовал по Западной и Восточной Сибири, плыл вверх по Иртышу (до Железинска), а на обратном пути посетил верховья Тобола и Южный Урал. Он провел ряд археологических раскопок, материалы которых поступили в Петровскую кунсткамеру. В ходе работ Мессершмидтом были составлены полевые дневники и записки по археологии Сибири, снабженные картами, рисунками и чертежами. Полезным и энергичным сотрудником экспедиции Мессершмидта оказался Ф.Страленберг, который собственно вел раскопки, помогал Мессершмидту в составлении чертежей, полевых дневников, зарисовывал все находки. Страленберг жил в Тобольске в течение десяти лет (1711-1721) и за время своего пребывания в этом городе, тогдашнем центре Западной Сибири, он собрал материалы по истории, географии, исторической топографии и археологии не только Западной Сибири, но и Северного и Центрального Казахстана. В 1723 году, уезжая на родину в Швецию, он увез с собой эти материалы, которые вошли в его труд, посвященный географии северо-востока Европы и Азии. В этом труде много сведений об археологических памятниках Северного и Центрального Казахстана, об их местонахождении. Он впервые сообщает о «писаницах» в горах Итык (Едыге – одна из вершин гор Улытау), о древностях, расположенных в долинах рр. Ишим, Иртыш, о наскальных рисунках Центрального Казахстана, Алтая и Сибири. «В Сибири встречаются волшебные знаки и всякие в истории неизвестные фигуры, – писал Страленберг,

– которые будучи вырезаны на металле и камне или написаны на пергаменте или чем-либо другом имеют особенное значение, а употребляются для различных суеверных целей. Последнего рода знаки местами встречаются в Сибири и Татарии, изсеченными на скалах и камнях или писанными на них имели бы возможность добыть значительное число таких надписей, если бы располагали временем, свободой и необходимыми средствами». О надписях в Зауралье Страленберг пишет, что «эта такая прекрасная древность, какую трудно найти в другом месте». Автор сожалеет о непонимании местного языка и начертания знаков. По его мнению, «не подлежали сомнению, что не все эти знаки руны, а что к ним примешан, может быть, другой род древних персидских букв». Особенно интересны сведения Страленберга о каменных изваяниях и поселениях Северо-Восточного Казахстана, которые в его время были в хорошей сохранности, сообщения об открытии экспедицией генерала Лихарова памятников по Иртышу и в степях к западу от него. «Они нашли на Иртыше, – пишет Страленберг, – не только много древностей и старых языческих капищ, но и далее от этой реки, к западу, югу и юго-западу от Тобольска, между верховьями рр. Тобол и Ишим (куда, впрочем, ходят немногие) встретили, как мне рассказывали тобольские татары и русские, очень много вытесанных из камня изображений людей и животных. В тех же степях находятся развалины различных городов». Здесь речь идет о древностях, расположенных в Ишимских, Улытауских и Тургайских степях, где каменных изваяний в XVII-XVIII вв. действительно было очень много. Что касается развалин поселений, то о них позднее писали Н.Рычков, И. Шангин, академик А.И.Шренк. Страленберг придавал особое значение изучению памятников этих местностей: «Русские в Сибири рассказывали мне, что на горе Итыке, лежащей между реками Ишимом и Иртышом, находится пирамида, на которой будто-бы и теперь еще видны письма... Было бы весьма любопытно, если бы время и обстоятельства позволили посетить это место... Одним словом, в этих местах на конце р.Тобол находятся древности и редкости, которые вполне заслуживают быть срисованными». Заслуживают внимания сообщения Страленберга

о курганах, расположенных в Павлодарском Прииртышье и в степях, прилегающих к нему. Он дает описание и рисунок золотой медали из кургана неподалеку от Иртыша около Ямышена. Эта медаль с изображениями была представлена Сибирскому губернатору князю Гагарину. Страленберг мимоходом сообщает о коллекции предметов древности, хранившихся у Сибирского губернатора Черкасского: «У него можно видеть много редких и замечательных вещей, так как он большой любитель их».

Работа Страленберга со всеми неточностями представляет известный интерес для ученых, изучающих историческую топографию и древнюю культуру племен Сибири и Казахстана. Она иллюстрирована рисунками каменных изваяний, «писаниц», бронзовых и железных предметов, найденных на территории Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана.

Работы Мессершмидта, Страленберга и Витцена находились в прямой связи с интересами Петра I. Он предоставил им возможность проведения научных экспедиций в Сибири и казахских степях. Заслуги Петра I в культурно-просветительской сфере были отмечены в трудах П.С. Савельева, Н.Данилова, академика В.В.Радлова, Н.И. Веселовского, А.А.Спицына. Результатом организационной деятельности Петра Великого стала уникальная «Сибирская коллекция» памятников древнего искусства и культуры, сначала хранившаяся в Кунсткамере, а с 1859 года в Эрмитаже.

По утверждению одного из знатоков древнего искусства С.И.Руденко, вещи из «Сибирской коллекции» Петровской Кунсткамеры «происходят из курганов, хищнически раскопанных в Западной Сибири в конце XVII и первой четверти XVIII вв». С.И. Руденко писал, что «точное местонахождение этих курганов неизвестно», но строками ниже все же конкретизирует, что «местность, где производились в первой четверти XVIII в. раскопки, по всем данным, была территорией, занимаемой ныне современным Северным Казахстаном и Алтайским краем». Эти выводы С.И.Руденко согласуются со сведениями из трудов Мессершмидта и «Записок» Геннина, где сказано, что «важнейшие места находок золота расположены под 50° северной широты», т.е. южнее города Павлодара, в районах Павлодарского Прииртышья

– Майском, Бескарагайском, Байнаульском, Каркаралинском, Абаевском. Большие курганы в этих районах давно разграблены, в них видны глубокие грабительские воронки. В 1723 году по этим местам проезжал И.С. Унковский, возглавлявший русское посольство к джунгарскому хонтайше Цеван Рабтану. В своем дневнике он писал: «Едучи в пути степью видели множество разрытых бугров, которые землю не забросаны, и такие разрытые бугры видны по всей степи». Страленберг более конкретен в вопросах о местах грабительских раскопок. Уточняя неверную трактовку ученого Вебера, он замечает, что идолы, минотавры (грифоны) и древние письма были найдены не около Самарканда и не у берегов Каспийского моря, а добыты в калмыцких степях, вверх по Иртышу, «справа и слева из древних кумирен и могильных насыпей».

537335
В первой четверти XVIII в. грабительские раскопки были прекращены. Официальный указ о прекращении грабительских раскопок был издан в 1764 году, но это была временная мера, связанная с военными событиями в степи. В указе сказано: «Дабы никто под жестоким наказанием в степь для бугрования не ездил». И действительно, степи Центрального Казахстана в первой половине XVIII века оставались почти нетронутыми «бугровщиками», о чем Страленберг говорил, что туда «ходят немногие». Позднее началась новая волна грабительских раскопок. Миллер, прибывший в эти места с желанием «открыть многое, что послужит в пользу нашего намерения», сожалел, что в Прииртышских, Красноярских и Нерчинских степях грабителями разорено «много хранилищ драгоценностей и редкостей, разъясняющих историю и быт прежних жителей». «Весьма желателен, – писал он, – тщательный надзор, чтобы снова не погибло неоценное сокровище столь многих замечательных исторических памятников». Слова Миллера, а позднее Спасского и Абеля Ремюза были голосами вопиющих в пустыне. Царское правительство не взяло на себя заботу об охране исторических памятников. В грабительские раскопки включились кладовщики представлявшие колониальный аппарат и купечество и представители местного населения, которые, изменяя вековым традициям, запрещавшим трогать древние памятники,

Павлодарская областная
библиотека
С. Торайгырова

в поисках золота стали раскапывать курганы. Сблуженные находками золотых предметов в курганах горными инженерами в Акмолинской и Семипалатинской областях, казахи занялись грабительскими раскопками древних курганов. Так, в районе слияния рр. Улкен и Балатерсаккан силами целой волости был раскопан огромный курган Караоба, имевший высоту до 10 м. Когда в 1907 году по долине р. Терсаккан проезжал агроном Н. Лебедев, он нашел этот курган уже разрытым. По его наблюдению «наверху кургана обнаруживается громадная конусообразная яма, глубиной до самого основания его. Говорят, здесь казахи искали золото, но нашли серебряное седло и кувшин». Таких раскопанных курганов много в Улытауской, Атасуской, Каркаралинской и Баянкульской степях. По словам казахов из Улытауского района, кувшин и серебряная чаша из Караоба впоследствии переходили из рук в руки в качестве приданого для невест.

Большое число курганов в указанных районах было разграблено купцами Унаковым, Сорокиным и др. Разумеется, найденные при раскопках золотые и серебряные предметы шли на переплавку.

Благородные идеи Миллера и Спасского об охране памятников культуры и искусства оставались без внимания со стороны царского правительства, а грабительские раскопки в степях Центрального Казахстана продолжались почти на протяжении двухсот лет.

На сбор археологических материалов и их изучение известное влияние оказало пребывание Н.В. Татищева в Сибири (1720-1722) и Казахстане (1734-1737). Это был большой энтузиаст, один из первых собирателей материалов по географии, древней истории и археологии Казахстана. В то время Н.В. Татищев работал помощником Геннина – директора уральских и сибирских горных заводов, помогая ему в сборе древних предметов для Петровской Кунсткамеры. Будучи в Тобольске в 1720 году Татищев познакомился со Страленбергом, поддерживая дружеские контакты встречался с ним и в Стокгольме в 1725 году. Позднее он содействовал переводу на русский язык сочинения Страленберга и написал обстоятельный отзыв о достоинствах и недостатках его работы. О пребывании Татищева в Стокгольме Страленберг писал

своему другу, языковеду И. Фришу следующее: «Здесь находится горный советник Татищев, очень интересный и образованный русский. Он охотно согласился взять в Петербург для перевода имеющийся у меня труд Абулгази». Это свидетельствует о том, что Татищев знал тюркские языки, в его трудах встречаются цитаты на казахском, башкирском и татарском языках. Татищева интересовали сибирские древности. Он писал: «В сибирских курганах золота и серебра, камня, медных идолов и сосудов немало находят». Изучая материалы, Татищев впервые ставит вопрос о значении скотоводства в жизни древних народов.

Первая академическая экспедиция, отправленная в Сибирь в 1738 году, была организована не без участия В.Н. Татищева. Материалы экспедиции, названной «Второй Камчатской», до сих пор составляют одну из ярких страниц археологического изучения территории Сибири и Казахстана. В составе экспедиции были выдающиеся ученые того времени: профессор Г.Ф. Миллер (1705-1783), И.Гмелин (1709-1755), Л.Делакроер, геодезисты А.Красильников, А.Иванов, Н.Чекин, М.Ушаков, живописцы И.Беркан, И.Льорсеннус, студент С.Крашенинников и др. Позже к ним присоединился адъюнкт исторических наук И.Фишер – известный историк Сибири.

Участники экспедиции выехали из Петербурга в начале августа 1733 года и к весне 1734 г. прибыли в Тобольск. Их путь шел через Тверь, Казань, Екатеринбург. Из Тобольска они продолжили путь через Тару, Железинскую, Ямышевскую, Семипалатинскую крепости до Усть-Каменогорска, отсюда в Сибирь через Барнаул, Кузнецк. В 1740 году Гмелин посетил Северный Казахстан до верховьев Яика (Урал). Им описаны древние памятники Иртыша, Ишимской и Тургайской степей. Он писал: «Пространнейшие степи песчаные и сухие от нижнего Урала к востоку». Гмелин издал четырехтомный труд на немецком языке, извлечения из которого на русском языке были сделаны академиком В.В. Радловым. В этот труд Гмелин включил значительный материал по археологии Казахстана, дал описание и зарисовки ряда памятников, в том числе древних надписей, наскальных рисунков, остатков древних построек.

Огромную энергию к сбору и изучению памятников Сибири и Казахстана приложил академик Г.Ф. Миллер. Его интерес к древним источникам был велик, он собирал сибирские летописи и архивные документы, географические карты, чертежи, произведения древнего искусства, археологические материалы. Миллер проводил широкие археологические разведки вдоль Иртыша, дважды провел раскопки в районе Ямышевской крепости и на Ульбе, около Усть-Каменогорска, сделал обмеры и зарисовки древних сооружений. В результате в Петербург были привезены многочисленные рукописи, коллекции древностей из курганов долины Иртыша, зарисовки каменных изваяний, петроглифов и архитектурных сооружений, сделанные художниками И. Люрсеннусом, И. Берканом и В. Шишковым (Калбасунская башня, Семь Палат, Аблайкитский замок и др.). К великому сожалению, этот ценнейший материал не был обработан и систематизирован при жизни ученого, многое из этих материалов не опубликовано и находится в разных архивах.

Миллер имел большое желание посетить Улытауские степи, осмотреть и изучить памятники Центрального Казахстана, о которых он знал из трудов С.У. Ремезова, Ф. Страленберга, из рассказов В.Н. Татищева и геодезиста В. Шишкова. Ссылаясь на сочинение Ф. Страленберга, Миллер писал: «На горе Итик, между Иртышом и Ишимом находится пирамида, на которой еще видны письмена. Если только возможно будет, я еще сам намерен осмотреть все эти места, но если бы мне это не удалось сделать, то предлагаю обратить на них внимание». Однако желание ученого осталось не осуществленным. И после Миллера на протяжении двухсот лет улытауские надписи и пирамиды (дын) оставались не изученными. Эти памятники стали предметом научных исследований только в наше время.

Исследования Миллера по Сибири и Казахстану отражены в его трудах «Исторические замечания», «Описание Сибирского путешествия», «Инструкция для адъюнкта Фишера», «Описание Сибирского царства», «Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных».

«Исторические замечания» представляют собой предварительный отчет или путевые донесения, написанные в разное время и

отправленные в Сенат и Российскую Академию наук. Древние памятники Казахстана впервые нашли отражение в отчете Миллера от 20 мая 1735 года. Здесь дано описание развалин древних поселений и сооружений, в частности, Калбасунской башни, Семь Палат, Аблайкитского дворца. Здесь же можно найти сведения о раскопках Миллером курганов на Иртыше между Ямышевской крепостью и Семипалатинском, а также на Ульбе, сведения о древних рудниках и копях на Алтае и за Иртышом. «Исторические замечания» написаны на латинском языке, академиком В.В. Радловым сделано краткое извлечение на русском языке. «Описание Сибирского путешествия» составлено в виде дневника, в нем дано описание маршрута от Ямышевской крепости до Семипалатинска.

Большого внимания заслуживает «Инструкция для адъюнкта Фишера», в которой изложены взгляды Миллера на вопросы изучения исторических памятников Сибири и Казахстана. Инструкция, написанная на немецком языке, переведена на русский язык и опубликована В.В. Радловым. В этой инструкции Миллер поручал Фишеру изучать поселения и древние строения на Иртыше, осмотреть и дать описание «писаниц» на горе Итик, обследовать древние рудники и остатки плавильных печей и трейгердов. Он советовал поставить вопрос об охране памятников, расположенных в степях к западу от Иртыша, в верховьях рр. Ишим и Тобол. Миллер дает советы, как вести раскопки и, как организовать рабочие силы, вести учет и фиксацию, найденных при раскопках материалов. Взгляды Миллера на историю и культуру изложены в его трудах «История Сибири» и «Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных». Он считал, что на Енисее люди долго не знали железа, а потому все находки там состояли из красной меди. На основании раскопок в первой четверти XVIII века (в основном грабительских) он заключил, что «самые богатые погребения найдены при Волге, Тоболе, Иртыше и до реки Оби; посредственные в степях реки Енисей; а самые бедные по ту сторону озера Байкал». Раскопки курганов в Ильмевой пади, Суджинского могильника, открытие памятников Ноин-Ула и

плиточных оград в Забайкалье опровергают утверждения проф. Миллера, высказанные двести с лишним лет назад.

После исследований Г.Ф.Миллера, И.Гмелина и И.Фишера историческая топография Казахстана нашла отражение в записках и картах путешественников К.Миллера (1738, 1842), Гладышева и Мурзиева (1740-1741). К.Миллер был направлен В.Н. Татищевым по договоренности с ханом Абулхайром в Ташкент в 1738 году для установления торговых связей со среднеазиатскими ханствами. В составе экспедиции К. Миллера был геодезист А. Кушелев. Их путь шел от Орска в Туркестан, через Тургайские, Улытауские и Сарысуйские степи, через западную часть пустыни Бетпакадала и низовья р. Чу. На обратном пути от Туркестана на северо-восток они пересекли рр. Талас и Чу и через Каркаралинские и Ишимские степи вернулись в Орск. Записки К.Миллера не сохранились, имеются лишь короткие сообщения и карта пройденного маршрута, изданная Я.В. Ханжиковым в 1850 году и в атласе Оренбургской губернии И. Красильникова.

Археологическое изучение Казахстана во второй половине XVIII в. связано с работой Второй академической экспедиции, организованной в 1768-1774 годах. В ее задачу входило исследование истории, географии и этнографии народов Урала, Поволжья, Казахстана и Сибири. В составе этой экспедиции работали выдающиеся ученые того времени П.С.Паллас (1741-1811), академик И.П. Фальк, И.Г. Георги (1729-1802), П.И. Рычков, Х.Барданес и другие.

Паллас был одним из организаторов этой экспедиции, он принимал деятельное участие при составлении ее плана. В 1768-1773 гг. Паллас совершил длительное путешествие по Волжским степям, Казахстану и Сибири. Его путь шел из Москвы через Астрахань. Он посетил Уфу, затем через Екатеринбург и Тюмень прибыл в г. Тобольск. Оттуда Паллас направился вверх по Иртышу до Западного Алтая, откуда продолжил свое путешествие по Сибири. В результате многолетних путешествий Палласу удалось составить фундаментальный труд по естественной истории, географии и этнографии народов Поволжья, Казахстана

и Сибири. В этом и других работах Палласа содержится значительный материал по древним памятникам и исторической топографии Казахстана. Он дает обстоятельное описание и историко-культурный анализ памятников, о которых писали Витзен, Страленберг, Гмелин и Миллер, о руинах Семи Палат, Аблайкитского замка, Калбасунской башни и других сооружений. Одна из работ П.С.Палласа посвящена вопросам древнего горного дела – “чудским копям” и древней металлургии Сибири и Северо-Восточного Казахстана. Интересны описания Палласа каменных изваяний, которые он осматривал на территории Казахстана и Алтая. Происхождение наиболее древних каменных изваяний Паллас связывает с историей гуннов, а поздних – с ногайцами.

Путешествие академика И.П. Фалька продолжалось с 1768 по 1773 год, им было собран материал по исторической топографии Северного и Центрального Казахстана, однако в связи с внезапной смертью ученого его работы не были опубликованы. В архиве Фалька хранится значительный графический и текстовый материал по исторической топографии Казахстана, очень полезный при разработке вопросов археологии и истории архитектуры Казахстана.

Значительный материал по исторической топографии Казахстана содержится в трудах И.Г.Георги, совершившего поездку в степь в составе экспедиции И.П. Фалька. Георги включился в работу экспедиции двумя годами позже ее начала, но успел сделать многое. Он объехал Уральские горы, нынешнюю Кустанайскую область, Северный Казахстан и Алтай.

Деятельным сотрудником экспедиции Фалька был Х.Барданес – первый ученый, пересекший Центральный Казахстан с севера на юг. Его маршрут проходил от Петропавловска до Аягуза. По его наблюдениям в казахской степи много разрушенных городов. «При речке Илик видны развалины города с четырьмя башнями. При сей речке видно много больших и малых курганов». Барданес осмотрел архитектурные памятники и остатки древних поселений на р. Эмбе, в верховьях Тобола и в Тургайской степи. «При реке Аягуз, – писал он, видны остатки большого каменного здания,

кои киргизцы называют Косу-Корпеш». Барданес говорил о грабительских раскопках на Караобе, которую казахи называли Тулпарбас. Он писал: «Когда в 1746 году киргиз-кайсаки начали искать в них сокровища, то четыре человека были задавлены и с тех пор оных более не раскапывают».

Значительный вклад в изучение географии, исторической топографии и археологии Казахстана был сделан замечательным ученым П.Н. Рычковым. Это был большой энтузиаст в деле изучения исторических памятников. Многие вопросы исторической топографии Центрального Казахстана нашли отражение в ряде его работ и, прежде всего, в «Топографии Оренбургской». Он не был в Центральном Казахстане, но был хорошо осведомлен о древностях этого региона. Рычков одним из первых дает описание древних архитектурных сооружений на рр. Ишим, Нура и Сарысу, пишет о развалинах Татагая (Ботагая), Жубан-ана, Белян-ана (Белен-ана), говорит о значении Баянаульских пещер, позднее исследованных советским ученым, геологом П.Л. Дравертом. Рычкова интересовали древние выработки, добыча и плавка медной, свинцовой и оловянной руд.

Весьма интересный археологический материал содержится в дневнике капитана Н.П. Рычкова, путешествовавшего по Тургайской и Ишимской степям в 1771 году. Н. Рычков дает описание памятников Улытауского и Атбасарского районов. В частности, он пишет об огромных валах на реке Ишим. Рычков был поражен громадными курганами, расположенными в долине р. Каратургай в Улытауском районе. Им сделаны наружные обмеры этих курганов и дано их описание. «Огромное кладбище древних народов засыпано просто землей и поднято в высоту более 15 сажень, окружение же оного 135 сажень. Какое великое число народа должно быть соиздателями сей громады», — писал Рычков. Он дает правильную датировку этой серии курганов: «Эта громада была воздвигнута в честь какого-нибудь скифского царя или героя». Рычков сожалеет о том, что эта историческая ценность разрушена кладонскателями: «Копали оную от вершины до самой подошвы земли, где, по сказанию киргиз-кайсаков, обрели много сокровищ».

И добавляет: «Искатели сих сокровищ суть русские люди, живущие в Сибири». Со второй половины XVIII в. промысел «бугрования» расширился до Улытауских гор. По сведениям Рычкова, казахи в его время еще крепко придерживались своей традиции и не были втянуты в кладонскительство. Он говорит: «Кайсаки напротив того почитают за крайнее беззаконие искать сокровища в прахе умерших людей».

В верховьях р. Тургай и в районе гор Арганты Рычков открыл «старинное городище, развалины древних строений». По его описанию городище представляло собой тип укрепления, окруженного валами и рвом. Оно было сооружено «наподобие четырехугольного замка... С восточной стороны видны поныне земляные ворота, открывающие ход внутрь укрепления». Оплывшие валы и рвы «прежней глубины своей лишенные, свидетельствуют о древности сего места. На поверхности городища всюду валялись черепицы и камни». В двух верстах южнее городища Рычков обнаружил остатки значительного здания, сложенного из кирпича и камня. Стены этого здания были так мощны, что и «поныне еще непоколебимы. Высота оного, простирающаяся поныне более девяти сажень, показывает, сколь огромно было сие здание в свое время». Рычков писал: «При устье Кенгира находятся славные развалины, именуемые Жан-Ана» (Жубан-ана). Чрезвычайно ценны описания Рычкова заброшенного поселения с древней оросительной системой в долине Каратургая: «На сих обильных полях видны остатки древних нив или хлебопахотных мест, кои были наводняемы прочно приведенными каналами из источника Кара-Тургая».

Из более поздних памятников Рычков отмечает мавзолей хана Абулхайра, умершего в 1748 году, и об изваяниях в казахских погребениях.

С конца XVIII века Центральный Казахстан с севера на юг вошел в маршруты капитана Андреева, Телятникова и Безносикова (1796), горных чиновников М. Поспелова и Бурнашева (1800), Путинцева (1811), Ф.Назарова (1813), Н.И.Потанина (1829) и других. В записках капитана Андреева, составленных в 1785 году по заданию

Якоби, наряду с вопросами этнографии, географии и истории Казахстана второй половины XVIII века содержатся материалы по археологии и исторической топографии Семипалатинска, Чингизтауского и Каркаралинского районов, включая территорию Семиречья. Рукопись Андреева хранится в архиве Всесоюзного географического общества.

Некоторые сведения об исторических памятниках Центрального Казахстана содержатся в журнале атамана Телятникова. В экспедиции Телятникова принимал участие специалист по горному делу Безносиков. Они прибыли в Среднюю Азию по приглашению владетеля Ташкента в 1796 году с целью осмотреть прииски в окрестностях Ташкента и обучить местных жителей горному делу. Путь Телятникова и Безносикова проходил от Ямышевской крепости в Туркестан через пустыню Бетпакадала и Сузак. Проезжая через верховья р. Нура, они осмотрели древние выработки на р. Алтынсу в горах Шешен-Кара. Телятников сообщает, что от озера Ботагара (теперь пос. Ульяновский) «в двух верстах при небольшом буторке медный рудник, где и разработка чудская видна. С правой стороны означенной горы протекала р. Малая Нура, впадающая в Большую Нуру».

В 1800 году в Ташкент были посланы горные чиновники Поспелов и Бурнашев также по вопросам осмотра прииска. Их маршрут проходил от Ямышевской крепости в Ташкент через Каркаралинские степи и низовья р. Чу. Следуя по степям Центрального Казахстана, они осмотрели курганы и каменные изваяния. «Во многих местах кайсацкой степи, особливо около речки Нура, находятся курганы древних народов, которые наружный вид имеют, как в других местах около Алтайского хребта. По уверению кайсаков в некоторых из них находятся и металлические вещи», — сообщили они. Поспелов и Бурнашев отмечают, что многочисленные памятники Центрального Казахстана представляют собой «большие гранитные камни [изваяния], врытые в землю, с грубыми изображениями человеческого лица — мужчин и женщин».

Ряд сведений по исторической топографии Тургайской степи и Северного Приаралья содержится в записках Гавердовского, сделанных им во время следования его в Бухарское ханство (1803-1804).

О некоторых памятниках Центрального Казахстана сообщает Филипп Назаров — переводчик Отдельного сибирского корпуса, сопровождавшего посланников в Коканд. Их путь шел из Петропавловска в Ташкент через долины рр. Ишим, Сарысу и Западную Бетпакадалу. При возвращении Назаров следовал от Сузака на северо-восток по Семипалатинской караванной дороге, пересекая Центральный Казахстан, Восточную Бетпакадалу, верховья рр. Моинты и Сарысу. Назаров сообщает о медных и свинцовых рудниках, на которых работали жители Каркаралинского и Кокчетавского аймаков. «Кайсаки Чанчар-Каракисецкой волости, — пишет он, — вывозят на тракт к проходящим караванам выработанный свинец в слитках, который они достают поблизости гор сих в большом количестве».

Маршрут хорунжего Н.И. Потанина пролегал через Центральный Казахстан в направлении от Семипалатинска до Сузака через Каркаралинские степи и Восточную Бетпакадалу. Маршрут Потанина отличался от маршрута Телятникова, Поспелова и Бурнашева тем, что проходил по южной части Каркаралинских гор, горы Кокшетау, Темиршы и Кызыл-Арай, где Потанин осмотрел каменные изваяния и памятники эпохи бронзы.

В первой половине XIX века в связи с новой политической обстановкой вопросами геологического исследования ископаемых богатств Казахстана, а также памятниками Центрального Казахстана заинтересовались высшие офицеры и крупные чиновники — С.Б. Броневский, Г.Ф. Генс, Набоков, Дарто, Фролов, Старков, М.М. Красовский и другие. К исследованиям были подключены горные инженеры и геологи Б.Ф. Герман, И.П. Шангин, Г.Розе, В.Ледебур, А.Гумбольдт, Влангали, позднее Татаринов, А.И. Габриель, Д.М. Богословский, К.И. Григорович, Г.Д. Романовский и другие. В разработке этих вопросов живое участие принимали академики К.М. Бэр и Л.Гельмерсен.

Геологов интересовали древние рудники, отвалы медных и свинцовых выработок, древние каменоломни. Их внимание привлекли также петроглифы, древние оросительные системы, архитектурные памятники.

Одним из первых горных инженеров в Центральный Казахстан в 1815 году прибыл Б.Ф. Герман. Он обследовал старинный

свинцовый рудник Дэбей (теперь Коргасын), расположенный в северных предгорьях Улытау. Получив задание разведать месторождения меди и свинца в верховьях Тургая, экспедиция Германа прошла путь от Уйской крепости до гор Арганаты и верховьев р. Каратургай. Герман, как и другие путешественники, побывавшие в долине р. Каратургай, пишет о значительных следах былой оседлой культуры, которые во множестве встречаются в долинах северного предгорья Улытауского хребта.

Историческим памятникам долины р. Каратургай, гор Арганаты и северных предгорий Улытау была посвящена статья сотрудника экспедиции Германа Г.Ф. Генса, опубликованная Г.И. Спасским в журнале «Сибирский Вестник». Генс писал об «остатках зданий и целых поселений, о развалинах замков, крепостей, служивших убежищем для владельцев». О более древних памятниках Генс пишет, что «курганы представляют собой прославленные поэтами холмы, кои древние греки насыпали над прахом своих героев. Их огромность простирается почти до невероятности». Пораженный размерами улытауских и арганатинских курганов, Генс писал: «Можно ли вообразить, чтобы горы, возвышающиеся от горизонта до 25 или более сажен, были сделаны руками человеческими для прикрытия брэнного праха? Иногда на степи гладкой, как морская поверхность, показываются уединенные холмы, покрытые зеленым дерном, представляя путешественнику великолепный вид и внушая невольное почтение к покоящемуся праху». Записки Германа и Генса не были полностью опубликованы и хранятся в разных архивах.

Г.Ф. Генс, будучи председателем Оренбургской пограничной комиссии, интересовался татарским дневником Муртазы Файзуллина, неоднократно пересекавшего Центральный Казахстан в 1807-1833 гг. на пути из Петропавловска в Ташкент. Генс записал сведения, полученные от Муртазы Файзуллина, о маршрутах через пустыню Бетнакдала и о памятниках Центрального Казахстана. Дневник Файзуллина хранится в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в фонде проф. Н.И. Веселовского. В дневнике имеется ряд любопытных данных о неизвестных памятниках Центрального Казахстана.

Горный инженер И.П. Шангин проехал по Центральному Казахстану с севера на юг, от Петропавловска до берегов Северного Балхаша через Кокчетавские, Атбасарские, Акмолинские и Каркаралинские степи. Описания памятников разных периодов истории Центрального Казахстана от эпохи бронзы до позднего средневековья Шангина имеют большую ценность, поскольку некоторые из описанных памятников уже исчезли с лица земли.

Шангин первым сообщил о памятниках Центрального Казахстана, сложенных из больших гранитных плит, которые казахи называли «мык». «Кайсаки почитают сию могилу остатком после народа еще далеко до пришествия монголов здесь обитавшего, который известен им из преданий под именем «мык». Но о происхождении сих мыков, иже о переселении их или порабощении каким-либо народом, ни о последовавшей от сего перемены названия ничего они не знают». И он делает вывод, «что сей народ, кажется, есть тот же самый, который населял некогда обширное пространство земли между Иртышом, Обью и Енисеем, и, который называют чудью». Памятники эпохи бронзы Шангин обнаружил в нынешней Кокчетавской области, в горах Байкошкар, возле озера Джолдыбай. В горах Имантау Шангин обследовал «обширные чудские копи, произведенные в глинисто-сланцевой невысокой горе... Огромные отвалы, вмещающие множество различных видов медных и серебряных руд свидетельствуют, что рудник сей составлял богатый источник промышленности, трудившихся над разработкою его». Обширные «чудские» выработки медных руд Шангин обнаружил в Улытауском районе, в верховьях р. Терсаккан, в горах Аулиетау, в трех верстах от ключа Янтелису. «Размеры выработок в длину 120, в ширину от 6 до 15 сажен», — писал он. Ряд значительных древних выработок медных и свинцовых руд Шангин обнаружил в Каркаралинской степи, в частности, в горах Корпетай, на Бесчоки, где «рудные куски содержали серебро, медь и свинец». «На Бесчоки были открыты цеолит и древняя промывальня. На одной версте от Бесчоки прослежена еще одна медная копь». Огромные рудничные отвалы Шангин встретил в долине р. Алтыгусу, впадающей в Нуру. Здесь в пустотах и трещинах крутопадающих известняков им найден изумрудно-зеленый минерал аширит или диоптаз.

На реке Ишим в Атбасарской степи Шангин обнаружил следы оседлой культуры, в частности, «большой каменный вал шириной кладки около сажени. Хотя время сравняло его с землей, но высота его была значительная. Кладки правильные, из камней четырехугольных порфиновых».

Шангин дает описание и других крепостных сооружений и поселений, расположенных в бассейне р.Ишим. На р. Аккайрак, впадающей в Ишим, он видел «остатки шести древних укреплений, из которых четыре находились около 100 сажень одно от другого, пятое и шестое в 2,5 верстах от них». В дневнике Шангина впервые описаны улытауская пещера Айдахарлы и великолепные архитектурные памятники, расположенные в долинах рр. Нура, Джаксы и Джаман-Корг, которые были еще в хорошем состоянии. «Достигли давно желаемой реки Нура, которая орошает возвышенную равнину», – писал Шангин. Здесь они занимались описанием и первыми топографическими съемками устья реки, дали описание ряда древних архитектурных сооружений, в частности, Ботакая (Ботагай), как писал Шангин, «развалины древнего города, простирающегося к Нуре». На левом берегу Нуры были обнаружены развалины другого здания, «признанного храмом». Оно было построено из кирпича, «внутри него находятся столпы, покрытые алебастровой штукатуркой, равно как и стены... Близ сего храма приметны следы другого подобного, а далеко в восточную и западную стороны находится множество развалившихся зданий». И по мере продвижения экспедиции вверх по р.Нуре ученые всюду видели развалины храмов и городищ. У горы Джакты-Карт, на правом берегу р.Нура были обнаружены остатки еще двух древних укреплений. Таким образом, по описанию Шангина, долина р.Нура представляла собой культурный оазис с многочисленными остатками древней архитектуры и поселений.

Записки путешествия Шангина по Центральному Казахстану были неоднократно опубликованы в виде извлечений в «Вестнике Европы», «Сибирском Вестнике» и «Горном журнале». Однако значительная часть его рукописей хранится в архивах. Рукописными

материалами Шангина со сведениями о древних рудниках и исторических памятниках пользовались многие выдающиеся ученые. Так, П.П.Семеновым-Тян-Шанским эти материалы были использованы при составлении географического словаря.

После ликвидации ханской власти в 1822 году российские горные инженеры получили неограниченный доступ в Центральной Казахстан. В это время началось образование новых административных центров и создание горных округов. В течение 1822-1841 гг. в степях производились топографические съемки, результатами которых явилось издание в 1848 году генеральной карты Западной Сибири. В этот период в степь приезжают выдающиеся ученые А. Гумбольдт (1829 г.), Г. Розе, В. Ледебур, Г.С. Карелин, академик А.И.Шренк. Естествоиспытателей и горных инженеров интересовали древние выработки медных и свинцовых руд. Густав Розе во время своего путешествия по степям обнаружил их во многих местах. Ледебур в 5 верстах к югу от р. Нура обнаружил свинцовую гору и возле нее древние отвалы.

Во время путешествия по восточным окраинам казахской степи в 1840 году Г.С. Карелин заинтересовался древним архитектурным сооружением – мавзолеем Козы-Корпеша и Баян Сулу.

Гернгросс и Ковалевский сообщают о памятниках Устюрта, на рр. Сагыз и Эмба. Им было отмечено сходство казахских надгробных каменных сооружений с памятниками эпохи бронзы: «Кайсацкие могилы похожи на так называемые «чудские» могилы, находящиеся преимущественно в южной части Томской и Енисейской губерний». Говоря о разрушенных древних городах, особенно на Сырдарье, они приходят к выводу: «Следы разрушения свидетельствуют, что край этот кипел некогда народонаселением и деятельностью».

Начиная с двадцатых годов XIX в., древними памятниками Казахстана и Сибири начинают интересоваться востоковеды, впервые поставившие вопросы об их научном значении и охране памятников культуры и искусства прошлых времен. Эти вопросы нашли отражение в трудах Х.М. Френа, Г.И. Спасского, П.С.Савельева, а также французских востоковедов Абеля Ремюза

и Юлиана Клапрота. Спасский был в Центральном и Восточном Казахстане в сороковых годах XIX в., Клапрот – в 1814 году во время поездки в Монголию и Китай в составе русского посольства. Во время путешествия по степям они осмотрели памятники Центрального и Восточного Казахстана, впоследствии посвятив им статьи, в которых отражены вопросы их научного значения.

Академик Х.М. Френ – один из энтузиастов археологического изучения восточных окраин России, основатель Азиатского музея Академии наук. Его интересовали восточные древности, особенно нумизматика, которой он посвятил ряд блестящих работ, не утративших своего значения поныне. Из многочисленных трудов по археологии и эпиграфике известны интерес представляют работы Френа «О древних могилах с надписями известного времени, найденных в Южной Сибири», «Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды», «О происхождении, свойстве и употреблении почетных титулов и прозваний, даваемых ханам Золотой Орды». В основе этих работ были материалы, полученные Френом через своих корреспондентов.

Одним из горячих энтузиастов и неутомимых собирателей восточных древностей в середине XIX в. был Григорий Иванович Спасский. Интересны высказывания Спасского о древней культуре степных племен в работах «О древних сибирских начертаниях», «Путешествие по Сибири», «Записки о сибирских древностях», «О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими». «Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи» и др.

В статье «Древности Сибири», посвященной памятникам Центрального Казахстана, он разбирает историко-культурное значение больших курганных насыпей и каменных оград: «Нельзя без удивления смотреть на оные высокие насыпи, подобно холмам возвышающиеся над гробницами и на огромные камни из гранита, порфира, яшмы и других пород, около их поставленные». Спасский отмечает, что эти каменные плиты были часто доставлены из отдаленных мест, «ибо в окрестных горах вовсе нет одинакового с ними свойства камней». Подобно многим ученым Спасский

задается вопросом: «Удивительно, каким образом переведены были сии громады, когда при нынешних механических пособиях невозможно сего исполнить без величайших трудов?» Ссылаясь на Миллера, Спасский говорит о вреде для науки грабительских раскопок. По его словам люди отправлялись «прежде в Сибирь большими партиями, как будто на соболиный промысел и многие от того имели пропитание». Этот промысел был широко распространен и в XIX веке, людей занимавшихся им называли «бугровщиками».

Древним памятникам Центрального Казахстана посвящена работа Спасского «О древних развалинах в Сибири». Спасский в своих работах, как и его предшественники, пишет о многочисленных следах оседлой культуры в долинах рр.Ишим и Нура, о городищах в речных долинах Сарыарки. «Городища сии, – пишет он, – состоят иногда из двух земляных или каменных невысоких валов, параллельно между собой идущих и разделенных двумя рвами, иногда валы и рвы выведены полукругом... Сии последние встречаются наиболее за Иртышем в Киргиз-Кайсацкой степи». Спасский дает описание архитектурных памятников Центрального Казахстана. В работе «О древностях Киргиз-Кайсацкой степи» описаны древние архитектурные памятники долин рр. Нура и Конг, до нашего времени не сохранившихся.

Итогом многолетней работы Спасского по археологии Сибири и Северо-Восточного Казахстана является его труд «О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей», в котором он изложил свою точку зрения о происхождении культуры степных племен и дал свое определение типам памятников. В этой работе он особое внимание уделил каменным изваяниям и петроглифам.

Спасским была переведена на русский язык глава из работы Абеля Ремюза «Recherches sur les langues Tartares» (T.I Paris, 1822), посвященная разбору древних надписей, обнаруженных на территориях Казахстана и Сибири. Глава была опубликована с комментариями Г.И.Спасского.

Абель Ремюза писал о необходимости охраны археологических памятников, научной фиксации древних надписей, наскальных

рисушков, каменных изваяний и других памятников: «Посвятив в сочинении своем... главу рассмотрению письмен, употреблявшихся в древности титарами, я желал особенно обратить внимание ученых на подобные остатки. По многим причинам очень полезно сохранить их от потери и, может статься, в то самое время, когда образованность начнет возникать в пустынях сибирских, должно употребить ее для собирания письменных памятников, там уцелевших». Останавливаясь на значении охраны памятников культуры, Ремюза говорит: «Время пощадilo многие из них, народы кочующие не останавливались для их истребления. Но те, которые будут прокладывать дороги, рыть каналы, строить крепости или дома может быть не пощадят их. Итак, особенно должно желать, чтобы отвращены были потери, которые по сущности своей невозвратимы». И Абель Ремюза и Г.И. Спасский придавали большое значение открытию и изучению рунических письмен, утверждая, что открытие и знание этой письменности «может пролить величайший свет на исторические вопросы». Их предвидение и надежды оправдались через семьдесят лет, когда в 1890 году Н.М. Ядринцевым на берегу р. Орхон были открыты стеллы с руническими письменами.

Путешествуя по разным районам Северо-Восточного Казахстана, Г.И. Спасский обнаружил рунические надписи в пещере на Иртыше, в 12 км от Бухтарминской крепости и около Зыряновского рудника, всего около девяти надписей, копии которых он отправил Абель Ремюза. Однако прочтение орхонских надписей стало возможным лишь в девяностых годах XIX века и связано с именами Томсена и Радлова.

Об орхонском письме, найденном на Иртыше, Абель Ремюза говорил, что по начертанию оно имеет сходство с северными рунами. «Это письмо, без сомнения, — писал он, — было в употреблении у того поколения, которое у китайцев известно под именем усунь и, которое за сто лет до Р.Х. обитало на землях, лежащих к западу от Иртыша и озера Зайсан». Полемицируя с сомневавшимися о существовании уйгурского письма, Ремюза писал: «Нам известно, что по обыкновению всех азиатских народов, они в разных частях своих владений ставили ... каменные

обелиски с надписями на двух или трех языках... Открыть хотя бы один из них и надпись этого рода разрешила бы кардинальные вопросы истории, чем голые рассуждения или догадки, которыми старались заменить недостаток памятников». Абель Ремюза и Г.И. Спасский подчеркивали необходимость систематических полевых исследований. Они прекрасно понимали значение того, что «каждые открытия настолько важны и новы для истории, что их ничем не заменишь».

Сведения о древних памятниках Западного и Центрального Казахстана можно найти в статьях востоковеда-археолога П.С. Савельева «О жизни и трудах Доржи Банзарова», «Древности Мангышлакского полуострова» (по материалам М.И. Иванова). Как отмечает Савельев, «Мангышлак когда-то был значительным пунктом между Хорезмом и Итилем. Остатки цветущей эпохи Мангышлака сохранились в довольно частых развалинах каменных укреплений, зданий и могильных памятников». Савельев расшифровал надписи и родовые тамги, относящиеся к XII-XIII вв., особо выделяя тамги кереев и кипчаков, найденные на Мангышлаке. Он пишет: «Не следует ли из них (тамг) заключить, что эти два поколения (кипчаки и керей), кочующие ныне в Киргизской степи, имели некогда пребывание на Мангышлаке?».

Ценный материал по древним памятникам Центрального Казахстана был собран экспедицией академика А.И. Шренка, проводившего географические, ботанические и топографические исследования в степях в 1840-1843 гг. В течение этого времени Шренк трижды пересек Центральный Казахстан и Бетпакадалу с севера на юг и обратно, исследовал долины рр. Ишим и Сарысу с их притоками. В составе экспедиции А.И. Шренка работали топограф Нифантьев, толмач Фролов, урядник Лобанов. Исходным пунктом экспедиции Шренка был город Петропавловск, а конечным — низовья р. Чу. Шренк занимался учетом архитектурных памятников на р. Сарысу и ее притоках, дал научную фиксацию знаменитой писаницы Тамгалы-тас в низовьях Сарысу. Памятники Ульгау, Сарысу и Ишима были, вероятно, известны Шренку по трудам С.У. Ремезова, Ф. Страленберга, Г.Ф. Миллера, П.И. Рычкова и И.П. Шангина. Из его исследований огромное значение имеет

топографическое описание гор Улытау, долин рр. Ишим, Кенгир и Сарысу, описание, основанное на данных археологии и исторической топографии. Высокую оценку трудам А.И.Шренка дал Ч.Ч.Валиханов высоко.

К сожалению, из научного наследия академика А.И.Шренка издано немного и лишь на немецком языке. Его рукописи в виде огромных фолиантов хранятся в архиве. Из рукописных трудов А.И. Шренка для истории культуры Казахстана важное значение имеют работы на немецком языке «Reisen und Forschungen in der Soongarischen Kisgisen Steppe» («Путешествия и исследования по Зоонгарским киргизским степям в 1840-1843 гг.») и «Das Ulutau-Gebirge in seinen topographischen – geographischen Verhältnissen» («Улытауская горная группа в своем топографо-географическом положении»), «Заметки исторического содержания», «Заметки по топографии и этнографии». Рукописи Шренка снабжены иллюстрациями – зарисовками древних надписей, наскальных рисунков, древних предметов (бронзовый нож, бронзовые долота, итульчатый наконечник копья, бронзовые стрелы, бронзовый кинжал и др.). Коллекция академика А.И. Шренка хранится в Музее антропологии и этнографии АН СССР под №35, куда она поступила в 1856 г. и получила отражение в публикации Д.Н.Львова. В архиве А.И. Шренка хранятся рукописи участников его экспедиции – топографа Нифантьева, Фролова и Лобанова. В них содержатся материалы по древним памятникам Сарысу и пустыни Бетпақдала.

По описанию Нифантьева «горы Центрального Казахстана весьма богаты рудами всякого рода и, как уверяют кайсаки, в них весьма много древних копий, искусно обработанных». В результате первой топографической съемки в 1840 году Нифантьевым была составлена «карта юго-западной части Кайсацкой степи», которая хранится в архиве в рукописном виде.

Заметный след в изучении топографии исторических памятников Центрального и Северо-Восточного Казахстана оставили горные инженеры А. Влангали, М. Красовский и Л. Мейер. Как и предшествовавших им ученых, их внимание было сконцентрировано на древних рудниках, на вопросах добычи руд и

плавке металла древними насельниками Центрального Казахстана. Влангали писал: «Народ, обитавший прежде в этой части Средней Азии, вероятно, имел понятие о рудах потому, что во многих частях степи встречаются огромные разномы рудных месторождений». По наблюдениям Влангали, «нынешние кочевые обитатели степи копают только там, где находят свинцовый блеск и, выплавив из него металл, употребляют его на пули». И далее: «Коммерции советник Степан Попов узнал, что в этой стране находятся старые рудники, заключающие свинцовые месторождения и начал различными ласками и подарками приглашать кайсаков показать ему местонахождение этих рудников... Например, из Баян-Аульского округа доставлены ему были куски свинцовых руд, где в конце 1820 г. была проведена разведка».

Внимание Влангали привлек мавзолей Козы-Корпеша и Баян-Сулу и топонимические названия, связанные с именем Баян-сулу. «Почти на половине дороги, – пишет он, – между Капалом и Арасаном находится отдельная гора Баян-Джурюк или Баяново сердце. Она называется так, потому что составляла любимое место кочевков Баян-Сулу, столь знаменитой своими романтическими приключениями с Кузу Курпечем, могилы которых показывают в небольшом расстоянии от Аягуза».

В связи с широкой постановкой вопроса топографических съемок территории Казахстана (1822-1860) и изучением горного дела военные исследователи не могли обойти вопросы археологии. Сведения по древним памятникам Казахстана нашли отражение в трудах офицеров С.Б.Броневского, М.И.Иваннина, П.К.Услара, Сильвергельма, В. Старкова, А.Н.Герна, М.И. Венюкова, Л.Мейера, М. Красовского, А.И.Макшеева, А.К.Гейнса, Н.Г.Залесова и многих других.

П.К. Услар во время мятежа Кенесары хана попал в плен к восставшим и четыре месяца жил в ауле. В своих записках он дает яркое описание не только этнографии казахов, но пишет также о древних памятниках: «Недалеко от Улугтау по течению Кенгира есть много могильных памятников, которых великолепно славится в целой степи и которые воздвигнуты в честь некоторых». Он

записал легенды о реке Джеты-Кыз, получившей свое название от семи каменных изваяний в степи.

Много сведений о древних памятниках Центрального Казахстана можно найти в записках генерала С.Б.Броневского, управлявшего степью после принятия «Устава о сибирских киргизах». В 1825 году Броневский совершил поездку от Омска до Аягуза, проехав через Баянаульские и Каркаралинские степи. Обратный путь его проходил по степям Акмолинского, Атбасарского и Кокчетавского округов. Во время поездки Броневский знакомился с жизнью казахов, топографией исторических памятников и древней оросительной системы Центрального Казахстана. В своих записках он пишет о следах древней оседлой культуры в долинах рр.Сарысу и Нура, в Каркаралинских горах, о развалинах городов Ботагай, Жубан-ана, Белен-ана и др. «Татагай (Ботагай), — пишет Броневский, — остатки великого города при устье реки Нуры, 30 верстами выше впадения ее в озеро Кургальджин... Обширность города полагается более 10 верст. Еще около 1745 года, как удостоверяет топографическое описание Оренбургской губернии, видны там были большие четырехугольные палаты, наподобие замка, окружностью на 300 сажен, одно целое капище, или мечеть и весьма много развалившихся каменных строений». Высказывания Броневского о Ботагае не подтверждены. На р. Нуре действительно много остатков древних архитектурных построек и поселений, многие из которых не были разрушены до середины XVIII в., как это отмечено в записках Броневского и Шахматова (1849). При обследовании древних памятников в 1947 и 1949 гг. мы, кроме следов поселений и гробниц, растянувшихся на большое расстояние, свидетельств о существовании «великого города» не обнаружили. Авторы XVIII и первой половины XIX вв., вероятно, приняли большое число гробниц за остатки большого города.

О Жубан-ана и Белен-ана Броневский писал, что это «развалившиеся довольно обширные города в пределах р.Сарысу, где около того же времени (1745 г.), как и в Ташкенте, видны были замки и мечети... Кайсаки называют их Ногай-кала».

Броневский произвел археологические разведки в верховьях рр. Нура и Конг, где нашел ряд памятников, весьма интересных в историко-культурном отношении. На берегу р. Конг им обнаружено «капище-храм изрядной архитектуры из обожженного кирпича; тут же вблизи находится и древнее укрепление, а в вершинах реки Нура также капище из зеленого обожженного и муравленого кирпича. При горе Яман-Карт видны остатки древнего укрепления, а в 5 верстах от урочища Бес-Чокы сохранилась башня на высокой горе». Описанные Броневским памятники не сохранились.

Особое внимание Броневский уделил историческим памятникам Каркаралинского и Аягузского округов, где записал о них народные легенды (Кзылкентский дворец, мавзолей Козы-Корпеш и Баян-Сулу). Вокруг Каркаралинских гор он обнаружил каменные крепости, якобы принадлежавшие джунгарам. Он писал: «В окрестностях мест у реки Нуры... много каменных укреплений в виде элипса. Они развалились все до основания. Принадлежали джунгарам. Они суть большие и малые, но фигураю одни другим совершенно подобны. При въездах внутрь стен были по две круглые башни, на середине же двора врыты толстые плиты камней для стрельбы из-за оных». Броневский ошибался, ибо подобных укреплений джунгаров здесь нет. Описанные памятники, представляющие собой кольцевые или овальные ограды из вертикальных плит, вкопанных в землю, относятся к эпохе бронзы. Их много в районе Каркаралинских гор, некоторые из них своей формой действительно напоминают позднейшие крепостные сооружения. Каменный вал в горной долине возле города Каркаралинска Броневский, как и другие ученые, считал крепостными сооружениями. В некоторых случаях он был прав. Каменная ограда, преграждающая проход в обширную долину, сооруженная «из дикого... камня в 7-5 аршин высотой и в 3 аршина толщины. Это укрепление, простирающееся на несколько верст в окружности, построено, конечно, первобытными обитателями степи».

В горах Кент, расположенных в 40 км к юго-востоку от Каркаралинска, Броневский осмотрел знаменитый Кзылкентский

замок и дал его первое обстоятельное описание. В его время этот замок находился еще в хорошем состоянии. По описанию Броневского, это было двухэтажное здание в плане крестообразной формы, сложенное из дикого камня на известковом растворе. Стены были оштукатурены, на верхнем этаже находились обходная галерея и фронтоны, поддерживавшийся четырьмя деревянными колоннами. Броневский нашел следы красной краски, которой была окрашена деревянная часть здания, в том числе и деревянные колонны. Но верхняя часть здания к тому времени уже была обрушена. Броневский замечает, что для казахов – это святое место, здесь они совершают жертвоприношения. Он провел пробные раскопки в основании здания, приказав «очистить пол от завалившегося потолка», но ничего не нашел.

Броневский произвел широкие археологические раскопки в горах Кент и около Каркаралинска. «Поиски мои, – пишет Броневский, – в древних курганах около сего места вознаграждены отысканием золотых серег с бирюзой и род женской гребенки из чистого золота очень хорошей работы. Поднято также несколько медных обломков от конской сбруи и оружия, много разбитых узорчатых горшков из обыкновенной глины без рисунков и надписей». Все вещи, найденные при раскопках курганов в горах Кент, Броневский отправил графу Н.П.Румянцеву, тогдашнему канцлеру России. Где хранятся теперь эти вещи нам неизвестно. Судя по описаниям, Броневский, в основном, копал курганы эпохи поздней бронзы и раннего железа, которых много в ущельях Кентских гор.

В записках Броневского нашли отражение разные типы памятников этой обширной области – памятники эпохи бронзы, древние архитектурные сооружения, остатки оседлых поселений, каменные изваяния, курганы скотоводческих племен. В своих записках он говорит о древних горных выработках – «чуждских коях медной руды», осматриваемых им в Каркаралинском округе. Интересно сообщение Броневского об аширите: «Ученому миру с недавнего времени сделался известным камень, похожий на изумруд, находящийся в Каркаралинском внешнем округе при урочище Бес-Чоки. Его первым привез в Россию татарин по имени Ашир, по коему он и называется ныне» (аширит).

А.Л. Левин, посвятив исторической топографии Казахстана в своем труде специальную главу, использовал материалы Броневского, Назарова, Пospelова, Бурнашева, Миллера, Палласа, отца и сына Рычковых.

Довольно обширный материал по древностям Центрального Казахстана представлен в записках офицера генерального штаба М.М.Красовского. В его распоряжении были рукописи (семь тетрадей), известные под названием «Топографические описания степной местности», составленные офицерами Сибирского казачьего войска. На основе указанных источников Красовский выдвигает ряд вопросов о происхождении и типах памятников различных периодов, которые в силу бессистемного подхода не могут быть признанными наукой. Впрочем, этот недостаток был характерен не только для трудов Красовского, но и для многих авторов, писавших о древностях Казахстана в дореволюционное время.

К заслугам офицеров Генерального штаба следует отнести публикацию топографических материалов и издание карт отдельных областей Казахстана и Западной Сибири.

В топографических съемках территории Казахстана принимали участие геодезисты и топографы Нифантьев, Я.В.Ханьков, Ю.В.Толстой, Л. Струве и др. Были составлены карты Семиреченского и Заилийского края, территории между р.Чу и Сырдарьей, Приаралья и Тургайской степи, озера Иссык-куль и, наконец, сводная (генеральная) карта казахской степи и Средней Азии.

К середине XIX века был накоплен большой материал по древним памятникам Центрального и Северо-Восточного Казахстана, в целом, бессистемный, поскольку метод изучения, которым руководствовались исследователи, не выходил за рамки простой регистрации и учета памятников. В самой науке, изучающей древности, еще не были разработаны такие важные вопросы, как метод археологической датировки, вопросы стратиграфии или чередования культурных слоев, сравнительный анализ материалов на основе аналогий и сопоставления памятников отдельных районов. При проведении раскопок не было ясных представлений

о методике полевых работ, как в наше время не проводилось подробное описание инвентаря, не составлялись полевые чертежи и картографические материалы. Исследователи тех времен не знали современной научной археологической периодизации и датировки, не обращались к таким понятиям, как каменный век, эпоха бронзы, период железа, в результате чего смешивались памятники разных времен и все памятники Центрального и Северо-Восточного Казахстана, в конечном итоге, сводились к истории калмыков. Даже каменные ограды эпохи бронзы, относящиеся к XVIII-X вв. до н. э., рассматривали, как памятники калмыков. При этом были серьезные работы и высказывания, не утратившие своего значения до наших дней. К ним относятся работы П.С.Палласа, П.И.Рычкова, И.П. Шангина, Г.И.Спасского, А.И.Шренка и некоторых других по древней металлургии и древнему горному делу, по истории поселений и архитектуры Центрального Казахстана.

Громадное влияние на развитие научной мысли в России сыграли труды естествоиспытателей и передовых ученых. Вместе с общим развитием научной мысли развивалась и наука, изучающая историю развития человеческого общества и, в частности, культуру прошлых времен. Отличительной чертой данной эпохи явилось и то, что в это время параллельно с растущим интересом к природным богатствам Центрального и Северо-Восточного Казахстана, у ученых самых разных профессий появляется интерес к историческому прошлому региона и его культуре.

Совершенно особое значение имело появление плеяды молодых ученых П.П. Семенова-Тян-Шанского, Ч.Ч. Валиханова, Г.Н.Потанина, Н.М. Ядринцева, В.В.Радлова, П.И. Лерха. Труды этих ученых отличались не только свежестью мыслей и идей, но также глубоким знанием истории, географии и исторической топографии Казахстана. Их отличал совершенно новый подход к изучению истории и исторических памятников, заключавшийся в постановке проблемных вопросов, важных в теоретическом отношении. Это, прежде всего, было связано с вопросами классификации памятников по историческим периодам, а также обнаружение связи между возникновением памятников и историей конкретных племен, населявших территорию Казахстана.

В этом отношении интересны наблюдения молодого Валиханова, нашедшие отражение в его работах. Валиханов серьезно интересовался древними памятниками Центрального Казахстана и Семиречья. Его воззрения на исторические памятники Казахстана изложены в трудах «Киргиз-кайсацкие могилы», «Очерки Зислийского края», «Иссык-Кульский дневник» и «Очерки Джунгарии». В этих трудах он стремился определить главнейшие типы памятников. По его мнению, в Центральном Казахстане для истории особо важное значение имеют следующие комплексы памятников: 1) старые рудники, ныне заброшенные 2) покинутые пашни, 3) ограды, составленные из вертикально вкопанных плит, 4) каменные изваяния, 5) большие курганы, 6) архитектурные постройки раннего средневековья.

Из памятников Семиречья внимание Валиханова привлекли остатки древних городских поселений, их структура, гончарные водопроводные трубы, монеты, жернова на Малой Алматинке. Его внимание привлекли памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. Он писал: «На пути из Каркаралов в Актюбю встречается множество гробниц, составленных из плит вертикально и плотно сжатых между собой. С одной стороны находятся двери. Подобные галереи есть и в Большой Орде». Речь, вероятно, идет о кольцевых, прямоугольных и квадратных оградах, сложенных из больших гранитных плит. В своей основной массе указанные ограды сохранились до наших дней в том же виде, как они были описаны Валихановым.

Интересные высказывания о памятниках древнего горного дела и следах поселений Центрального Казахстана содержатся в трудах П.П.Семенова-Тян-Шанского, в частности, в его географическом словаре. Ученый на основе рукописных материалов Миллера, Гмелина, Палласа, Шангина, Валиханова и других в ряде статей пишет о древних памятниках Центрального Казахстана. П.П.Семенов-Тян-Шанский был инициатором крупных экспедиций для изучения древних памятников Центрального и Северо-Восточного Казахстана. К этому были привлечены все крупные общественные организации и научные учреждения, занимавшиеся

вопросами древней культуры. Значительную роль в этом сыграли Русское географическое общество, руководимое П.П.Семеновым-Тян-Шанским, Восточное Отделение русского археологического общества, Московское археологическое общество и, наконец, Археологическая комиссия. В составе этих организаций были крупные ученые А.С. Уваров, Н.Е. Забелин, Д.Н. Анучин, Н.И.Веселовский, А.А. Спицын, В.А. Городцов. Здесь уместно сказать об истинности суждения А.С.Уварова, что первобытная форма дольменов преобладает в азиатской части России. Он писал: «Наша страна была, вероятно, колыбелью народа дольменов».

Перечисленные научные учреждения на страницах своих журналов систематически публиковали статьи и сообщения об археологических раскопках, произведенных на территории Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Семиреченской областей.

Со дня своего основания в 1859 году Археологическая комиссия поставила перед собой задачу широкого археологического исследования территории Казахстана. С этой целью были организованы поездки В.В.Радлова в Северо-Восточный Казахстан, П.И. Лерха в низовья Сырдарьи и Семиречье. Результатом поездки Лерха был ряд статей и монографический труд, в которых автор первым писал о древней оседлой культуре в Южном Казахстане.

Огромный вклад в изучение древностей Центрального и Северо-Восточного Казахстана сделал академик В.В.Радлов. Он был первым ученым, применившим подлинно научный метод при изучении археологических памятников Сибири и Казахстана.

В.В. Радлов писал: «Мои путешествия по Южной Сибири по поручению Археологической комиссии проходили в 1862, 1863, 1865 и 1866 гг. Занимался раскопками довольно большого числа курганов в Абаканской степи, в Алтайских горах, равно как в степях Барабинской и Киргизской».

В 1862 году В.В. Радлов провел раскопки на территории Северо-Восточного Казахстана, в частности, в Кулундинской степи, около г.Семипалатинска, обследовал пространство от Иртыша на запад до Каракаралинска и Аягуза. Провел большую работу в Семиречье к северу от Капала, в долине р.Или и в горном ущелье Каркара. В этом же году впервые обследовал памятники эпохи бронзы в

Каркаралинском округе и недалеко от Аягуза, дал первое научное описание этих памятников.

В 1863 году Радлов занимался раскопками в Абаканской степи, в 1865 году начал изучение знаменитых Бухтармынских, Берельских и Котляцкивских курганов, расположенных в верховьях Иртыша и Юго-Западном Алтае. В 1866 году вновь вернулся к изучению курганов и памятников эпохи бронзы Павлодарского и Семипалатинского Прииртышья, в районе Чингизского хребта и около города Кокпекты. В окрестностях города Семипалатинска им было вскрыто несколько гробниц эпохи бронзы и в одной из них найден медный нож. Подобные ножи он находил в Барабинской и Кулундинской степях, а Уйфальви – в Акмолинской и Каркаралинской степях.

Радлов проявил огромный интерес к изучению культуры эпохи бронзы Южной Сибири и Казахстана. Особое значение он придавал изучению древней металлургии и древнего горного дела, отмечая историческое значение Алтая, Саян и казахских степей в развитии металлургии меди, олова и золота. Исследуя множество древних рудников указанных районов, он отмечает, что древние рудокопы шли по направлению рудных жил и разработку месторождений вели открытым способом, для безопасности работ в шахтах делали крепежные подпорки, которые обнаруживались при раскопках. В древних коях Радлов находил скелеты рудокопов и при них кожаные мешки, наполненные рудой. Помимо древних выработок, Радлов обследовал остатки меднoplавильных печей, обнаруженные в Западном Алтае, на р. Шульбе (южнее Лениногорска) и в Каркаралинских степях.

Изучение большого числа древних рудников позволило Радлову сделать вывод о том, что разработкой руд и выплавкой металла занимались коренные обитатели этих областей. Радлов писал: «Многочисленность чуждских копей, большое распространение разработки руд и обильное добывание меди дает нам право заключить, что народ этот добывал медь не только для своего употребления, но добытым металлом производил еще обширную торговлю. Ремесло рудокопа должно быть было здесь в большом почете».

Подвергая тщательному анализу свои находки, Радлов особо выделял предметы из золота и бронзы с целью определения их значения в жизни общества. Большое внимание он уделял орудиям труда и предметам искусства. По его мнению, бронзовое литье уже в те времена было на высоком уровне. Об этом свидетельствуют бронзовые предметы – кельты, наконечники копий, ножи и т.д. Радлов определил два типа наконечников копий бронзового века – сердцевидный и ланцетовидный. Последний он считал более характерным для казахских степей. Основываясь на данных сравнительного анализа, он также пришел к выводу, что кельты Алтая и степей Казахстана сходны по форме и отличаются от кельтов долины Енисея.

Заслуживает внимания периодизация Радлова археологических памятников Северо-Восточного Казахстана и Южной Сибири: медный век или век бронзы, древнейший железный век, новейший железный век и период раннего средневековья. Такая периодизация была построена на основе конкретных материалов, полученных в результате полевых работ. В.В.Радлов четко выделял памятники бронзового века от курганов периода железа, находя между ними большие различия, как по внешней форме, так и по внутреннему содержанию. Курганы ранних кочевников он делил на два этапа: древнейший железный период, в наше время соответствующий раннескифскому времени (VIII-IV вв. до н.э.) и поздний железный век.

На основе изучения большой серии памятников Южной Сибири и Казахстана, Радлов делает вывод о том, что «в древности в этих плодородных странах жило многочисленное население, достигшее уже известной степени культурного развития». В.В. Радлов сожалеет, что основная масса памятников потеряна для науки из-за грабительских раскопок. «Памятники эти, – пишет он, – к несчастью изобиловали благородными металлами, эти богатства уже в XVI-XVII веках обратили на себя внимание перебравшегося в Сибирь населения и побудили его к повсеместному расхищению».

О грабительских раскопках курганов долины Иртыша, Оби и Енисея сожалел в свое время Миллер. О памятниках степной полосы к западу от Иртыша (Центральный Казахстан) Миллер писал: «Очень может быть, что впоследствии здесь найдется еще много драгоценностей». Во время полевых работ Радлов

убедился в том, что и в Центральном Казахстане много памятников подвергнуто грабительским раскопкам. Он писал: «К сожалению, пожелание Миллера не осуществилось, произведенные мною раскопки могил в Киргизской степи ясно доказали мне, что могилы в этой местности точно также основательно изрыты, как и на Оби, Алтае и Енисее. Так как этот факт замечается и к югу от Капала, у Верного и на Иссык-Куле, то можно заключить, что не только русские, но и прежние обитатели Киргизской Степи занимались откапыванием сокровищ».

Исследования В.В. Радлова по археологии Центрального и Северо-Восточного Казахстана нашли отражение в его двухтомном монографическом труде на немецком языке «Aus Sibirien» и в капитальном труде на русском языке «Сибирские древности».

В трудах В.В.Радлова присутствуют неточности в вопросе классификации курганов ранних кочевников, а также им дана неверная датировка мавзолея Козы-Корпеша и Баян-Суду. По его мнению, этот памятник сооружен в XVII-XVIII вв. Нашими работами установлено, что мавзолеем Козы-Корпеша и Баян-Суду относятся к памятникам каменной архитектуры Казахстана доисламского периода, т.е. времен язычества. Об этом каменном сооружении писал Рубрук, проезжавший в 1253 году через Семиречье и Центральный Казахстан.

Значительный вклад в изучение археологии Казахстана внесли крупные русские ученые Н.М. Ядринцев, Н.И. Веселовский, академик В.В. Бартольд, художники П. Кошаров, М.С. Знаменский, М.С. Дудин. В Оренбургской и Тургайской степях в это время работали Ф.Д. Нефедов и местные ученые П.Г. Игнатьев, А.П. Аниховский и др. В результате их исследований были впервые получены сведения о памятниках эпохи бронзы в этих регионах.

Н.И. Веселовский и В.В. Бартольд, непосредственно не принимавшие участия в экспедиции, работавшей в степных районах Казахстана, сыграли решающую роль в ее организации, а также в публикации полученных археологических материалов. При разработке теоретических вопросов археологии восточных окраин ими были высказаны существенные положения, актуальные поныне. Так, Н.И. Веселовский писал: «Кочевая культура не

представляет переходной ступени от звероловства в оседлую жизнь, а составляет самостоятельное явление, как и культура оседлая». По убеждению Веселовского, кочевая и оседлая культуры развивались параллельно в одну и ту же эпоху, составляя лишь две формы хозяйства одной и той же общественной формации.

Другой крупный ученый Н.И. Ядринцев писал о том, что кочевое скотоводство является формой хозяйства только в условиях обширных пастбищных угодий, а при сокращении угодий радиус кочевания постепенно сужается и кочевник становится оседлым.

В начале 70-х годов XIX века изучением памятников Центрального Казахстана занимался профессор Харьковского университета А.И.Якоби, друг Л.Н.Толстого. В своей работе А.И.Якоби дает описание ряда топографических объектов, сопровождая их чертежами, планами кочевого стана, зимовок.

Роль головных учреждений в проведении археологических исследований восточных окраин не ограничивалась только участием в них известных ученых. В их задачу входила публикация материалов о памятниках Казахстана, поступающих от корреспондентов, в числе которых были С.И. Гулжев, П.Никитин (инженер), И.А. Армстронг, Н.А.Абрамов, Е.Малахов, В.П.Никитин и др. Статьи корреспондентов публиковались, в основном, в журналах Русского географического общества. Горный инженер П.Никитин в течение ряда лет писал об археологических памятниках Семиречья и Прибалхашья. Ряд интересных сообщений о древностях Семипалатинска и Каркаралинского округа были сделаны И.А.Армстронгом, Н.А.Абрамовым и Е.Малаховым. В опубликованных сообщениях В.П.Никитина есть описание каменных изваяний и средневековых архитектурных памятников Каркаралинского и Баянаульского районов. Известный интерес представляют работы горного инженера М.Копалова с описанием памятников Центрального Казахстана, которые он разделил на шесть групп: могильники обычного типа, ребровые камни (т.е. андроновские ограды), кривые линии (остатки древних плотин), холмы (курганы), рудники и укрепления. Являясь специалистом по горному делу, о древних выработках он писал: «Чудские ямы

в степи видеть можно везде. В наше время они представляют более или менее заметные углубления; по степени их обвалов должно полагать, что некоторые из них завалены». Копалов писал, что древних выработок особенно много «на юге Акчатавской и Монитинской волостей Каркаралинского уезда», их много и на левом берегу р. Нура (выработки Алтынсу), около гор Уста. По наблюдениям Копалова, древние жители добывали «только одни медные руды, пренебрегая находившимися у них под руками серебряноцинковыми». Также он писал о том, что топливом для выплавки руды были степные кустарники вереск, баялыш, саксаул и др. «На баялыше даже сейчас Попов плавит свои руды», — замечает Копалов.

Местные отделы Русского географического общества – Западно-Сибирский, Семипалатинский и Оренбургский, представлявшие собой научные центры на окраинах дореволюционной России, занимались также вопросами охраны памятников прошлого.

Кроме местных отделов РГО на периферии работали научные организации – Оренбургская ученая архивная комиссия, Общество истории, археологии и этнографии при Казанском Университете, Археологический музей Томского университета и Туркестанский кружок любителей археологии, которые на страницах своих журналов печатали статьи и сообщения о проведенных археологических работах.

Большую лепту в вопросы охраны и учета памятников Центрального и Северо-Восточного Казахстана внесли ученые-краеведы, члены Западно-Сибирского и Семипалатинского отделов РГО. Ими был создан научный фонд, занимавшийся составлением археологических карт и теоретическими разработками вопросов археологии и древней истории региона. По поручению ЗСО РГО в 1878 году памятники Кокчетавского уезда обследованы И.Я. Словцовым, а в начале 80-х годов некоторые памятники Центрального Казахстана обследованы Ф.Н. Усовым и И.Козловым. Результаты этих исследований были изложены в статьях, опубликованных в «Записках» ЗСО РГО. В 1893 году на р. Чаглинке, недалеко от города Кокчетавы был раскопан курган

эпохи бронзы А.В.Селивановым. В 1895 году в северо-западную часть Бетпакадалы прибыли Л. Кузнецов и переводчик Атбасарского уездного начальника Х.Бекхожин с целью осмотра знаменитой надписи «Тамгалы-тас». Их статья была опубликована лишь после революции. Краеведами была проделана огромная рутинная работа по описанию памятников.

Первая попытка обобщения материалов по памятникам древности Центрального Казахстана сделана А.Н.Седельниковым.

Обобщением материалов по памятникам Семипалатинской области занимался краевед Н.Я.Коншин – политический ссыльный, отбывавший срок наказания в городе Семипалатинске. Коншин увлекся историей, экономикой и культурой дореволюционного Казахстана. В 1901-1902 гг. Коншин обследовал памятники Каркаралинского и Баянаульского районов, сделал описание знаменитых Баянаульских и Каркаралинских пещер, наскальных рисунков в горах Абралы (Тулпартас) и Чунак, составил учет камней с надписями и рисунками в горах Дегелен, описал руины крепостной стены в горах Торе-Кашкан, где были найдены обожженные кирпичи с надписями. Вслед за Броневским и инженером Копаловым он дает подробное описание огромного вала возле Каркаралинска, значение которого долгое время оставалось не понятным. Мы неоднократно осматривали этот грандиозный вал и пришли к выводу, что это естественное нагромождение камней, возникшее в результате тектонических процессов.

Коншин прошел по следам грабительских раскопок купца А.Ф.Сорокина, осмотрел вскрытые им памятники и дал их описание. Сорокин раскапывал преимущественно курганы с каменными изваяниями и плиточные ограды недалеко от Баянаула, в урочищах Куркели и Ермектас. В Куркели Сорокин внутри плиточной ограды раскопал каменные ящики, где нашел «черные кувшины из обожженной глины очень тонкой работы с узором посредине», кроме того «золотую серьгу с раструбом, весом около 4 золотников». Судя по описанию Коншина, Сорокин на Ермектасе раскопал позднеандроновские ограды, «какие-то калмыцкие сооружения, похожие на остатки крепости с развалившимися

стенами из каменных глыб и такими же загонами... Загоны имеют то круглую, то четырехугольную форму и окружены стенами из поставленных ребром камней». В 1955 году мы осмотрели это место и проследили остатки плиточных оград, разрушенных Сорокиным. Коншин писал, что при раскопках подобных курганов-оград Сорокиным были найдены медные позолоченные бляхи, имевшие форму крестов с дырочкой, подобной найденной нами в комплексе Сангру I (верховья р. Агасу). Все находки, по словам Коншина, Сорокин отправлял в Омск в музей ЗСО РГО. По отзывам Коншина купец А.Ф.Сорокин был любителем старины. Перед его домом рядом с лавкой стояло каменное изваяние, «взятое на одной из так называемых калмыцких или чудеских могил».

В начале XX в. археологи-любители внесли свою лепту в исследование памятников эпохи бронзы. Так, Ф.Н. Педашенко описал андроновское погребение, обнаруженное им в окрестностях города Семипалатинска. Братьями А.Н. и В.Н. Белоспоровыми в Семипалатинских, Каркаралинских и Прибалхашских степях была собрана уникальная коллекция орудий труда и предметов домашнего обихода эпохи бронзы. Их сборы привлекли внимание А.А. Спицына, М.П.Грязнова, А.А. Формозова и С.С. Черникова, в журналах вышли публикации о них.

В конце 70-х годов XIX в. в поисках следов жизни древнего человека в пустынных и полупустынных районах Центрального Казахстана, в низовьях р. Сарысу до Бетпакадалы побывал академик А.И.Шренк. Вслед за А.И.Шренком в 1880 году о Бетпакадале писал Н.Н.Балкашин, его дорога в Туркестан проходила через пустыню. В 1883 году Западную Бетпакадалу пересек акмолинский уездный начальник В.К.Герн, описавший в статье свои наблюдения.

К изучению пустынных районов Центрального Казахстана были привлечены топограф Нифантьев, геодезист Ю.А.Шмидт, экономист Л.К.Чермак, гидротехник А.Н.Соловьев и горный инженер А.А.Козырев. В 1886-1889 гг. Ю.А.Шмидт, топографы П.В.Степанов, Н.К. Духовский, Р.М. Закржевский и Богданов провели геодезические съемки пустыни Бетпакадала и прилегающих к ней районов. Одновременно Шмидт исследовал древние памятники Улытауского района, в долинах рр.Кенгир и Сарысу,

Западной Бетпакадалы. Собранные материалы нашли отражение в его труде.

Петроглифам полупустынных районов Центрального Казахстана была посвящена статья И.С. Воронец «Изображения на скалах, найденных на границе Тургайской и Сырдарьинской областей на реке Лак-Пай». Воронец происходила из семьи инженера-геолога, работавшего на Карсакапайском руднике накануне Великой Октябрьской революции. Ею были осмотрены наскальные рисунки на рр. Буланты и Блеуты, а также рисунки на камнях, некоторые из них были перевезены в Москву и переданы З.А. Городцову. Воронец, говоря о местонахождении петроглифов, пишет о несуществующей реке Лак-Пай. На правом берегу р. Буланты, в 20 км южнее Байконура, где находятся петроглифы, была старая зимовка Лаклая. Позднее петроглифы были осмотрены К.И. Сатпаевым и названы им «байконурскими».

Небезынтересны высказывания о древних памятниках Сарысу и Бетпакадалы ботаников и почвоведов В.И. Смирнова, В.Ф. Семенова, М.Д. Спиридонова, А.Н. Стасевича и агронома Б.А. Скалова. Археологи, исследующие памятники указанного региона, непременно должны обращаться к трудам замечательных исследователей Бетпакадалы — З.А. Селевина, открывшего ряд стоянок эпохи каменного века, геолога Д.И. Яковлева, на протяжении ряда лет проводившего геологические исследования в пустыне (1927-1931 гг.), и проф. А.В. Мухля.

Значительное археологическое открытие в Центральном Казахстане было сделано в 1904 году горным инженером А.А. Козыревым, работавшему по заданию Отдела земельных улучшений Министерства земледелия. В эти годы Козырев провел широкие гидрогеологические исследования в южной части Акмолинской области. Располагая большими материальными ресурсами и подготовленными кадрами, он попутно занялся археологическими исследованиями. В урочище Караагаш, расположенном в 18 км севернее Эскенейских гор и в 50 км севернее районного центра Жанаарка, недалеко от старой зимовки Шонга им был раскопан курган, датируемый позднегуннским временем (III-IV вв. н.э.). В кургане было вскрыто женское погребение, где обнаружены

золотые украшения головного убора невесты (типа казахского саукеде) — золотой венчик с каркасом конической формы, а также золотые серьги, золотые подвески (бляхи), пояс с нанизанным на него янтарем, сосуд из тонкого стекла. Анализ золотых украшений из кургана показал, что в сплаве преобладало серебро, чистого золота было около 40%. В кургане рядом со скелетом человека лежал неполный костяк лошади, головой обращенный к ногам человека. Было обнаружено также каменное изваяние, которое Козырев, к сожалению, не описал и не сделал с него зарисовок. Некоторые ученые отрицают связь изваяния с караагашским курганом. Однако, каменные изваяния, неоднократно обнаруженные нами в курганах, составляли неотъемлемую часть погребального обряда, отражавшего религиозные представления степных племен. Нельзя считать случайностью и тот факт, что изваяние находилось в кургане на глубине 90 см под слоем угля, где оно было подвергнуто очищению огнем, т.е. над ним был совершен религиозный обряд по обычаям тех времен. В основе этого обряда лежали представления о потусторонней жизни. А.А. Козырев, несмотря на неточную датировку, первый отклонил исторически неверную версию о принадлежности подобных памятников калмыкам.

А.Кастанье был составлен свод археологических материалов, изданный Оренбургской Ученой архивной комиссией в 1910 году. В него вошли материалы П.С. Палласа, П.И. Рычкова, А.И. Левшина, Г.И. Спасского, С.И. Гуляева, В.В. Радлова, А.А. Козырева и других. По Каркаралинскому и Баянкульскому районам были включены материалы В.П. Никитина и Н.Я. Коншина. Свод был составлен по областям по тематическому принципу: курганы, городища, надгробные сооружения, древние рудники, сведения о каменных изваяниях, камнях с надписями и рисунками и т.д. Помимо археологических материалов в сборник были включены некоторые сведения из письменных источников, народные предания, содержание которых было связано с описанными историческими памятниками. Материалы были снабжены комментариями составителя и нередко указателями источников.

С именем В.И. Каменского связано изучение памятников эпохи бронзы на Иртыше. В 1910 году им обследована значительная

серия андроновских оград в районе к северо-западу от г. Усть-Каменогорска, в Арчалинской волости на р. Кзылсу, около зимовки Малый Койтас, в урочище Кара-Узек и на Каражале, составляющем отроги Калбинского хребта. Раскопки В.И. Каменского увенчались крупным успехом. В богатом погребении эпохи бронзы обнаружены фрагменты керамики, выполненной из красной глины с гребенчатым штампом, сосуды с орнаментом в виде геометрических фигур меандра, фестонов, каннелюр, косых заштрихованных треугольников, зигзагов и т.д., бронзовый кивчал, спиральные конусы от браслета, бронзовые серьги с раструбом, бронзовые спиральные колечки, медные орнаментированные подвески и бляхи, большинство которых было покрыто тонкими золотыми листками.

Некоторые материалы раскопок А.И. Каменского были опубликованы в работах С.А. Теплоухова, М.П. Грязнова, С.С. Черникова, но его полевой отчет, фотографии, зарисовки, чертежи и коллекции хранятся в МАЭ.

Следует упомянуть об обследовании серии кольцевых оград эпохи бронзы в Северном Казахстане, недалеко от Петропавловска, проведенных в 1911 году Ю.В. Аргентовским.

Как известно, в древних источниках сведений о Центральном Казахстане крайне мало. По существу единственным источником для понимания истории этого огромного региона являются археологические объекты.

Проводившиеся в Центральном Казахстане до революции археологические исследования соответствовали уровню науки этого времени и сводились к вопросам регистрации и учета памятников. Необходимость и чрезвычайная важность таких работ была связана с тем, что никем не охраняемые древние памятники на протяжении многих веков подвергались разрушению и уничтожению кладонскаателями. Многие архитектурные памятники подверглись естественному разрушению.

Можно с сожалением отмечать, что многие древние памятники Центрального Казахстана находятся под угрозой уничтожения и в наше время. Последнее происходит в ряде случаев, когда в районе строительства плотин или других сооружений памятники

древности уничтожаются без предварительно проведенной научной фиксации, а ценные предметы из золота, серебра и бронзы, обнаруженные при проведении земляных работ, не сдаются в государственные хранилища. Так, к сожалению, произошло с древними сокровищами, найденными при сооружении плотины Мырзашоки в Каркаралинском районе. Участник этих работ Мейрхан Беков рассказывал, что там было найдено много предметов из золота и бронзы.

Планомерное изучение археологических памятников и подлинно научная постановка полевых исследовательских работ начались после Октябрьской революции в 20-х годах. В 1922-1929 гг. С.А. Теплоуховым были проведены археологические исследования на Енисее, в результате которых ученый дает свою периодизацию бронзовой культуры. В научный оборот впервые вводится понятие «андроновская культура» по месту открытия памятников эпохи бронзы у деревни Андроновы, близ Ачинска (1914 г.). В те годы бронзовая культура считалась явлением специфическим только для памятников Минусинской котловины.

В 1926 году М.П. Грязнов, руководивший археологическим отрядом Казахстанской экспедиции АН СССР, вместе с М.Н. Комаровой проводил раскопки памятников, расположенных между Актюбинском и Орском. Ученые при исследовании Киргельды I, II, Кунакбай-сай, Урал-сай получили материалы, на основе которых была установлена западная граница распространения андроновской культуры, т.е. далеко за пределами Минусинской котловины. М.П. Грязнов в 1927 году писал: «Особенно много следует ожидать от Казахстана, оставшегося до самых последних дней совершенно неизученным в палеоантропологическом отношении. Наши познания о культурах бронзовой эпохи ничтожны. Между тем нам известны на территории казахских степей многочисленные месторождения меди и множество древних «чудских» разработок ее, которые указывают на существование здесь хорошо развитой бронзовой культуры, игравшей крупную роль в общем ходе развития доисторических культур Евразии и оставившей глубокие следы в культурах более поздних насельников Казахстана».

Развивая мысль о культуре бронзы на территории Казахстана, М.П. Грязнов делает вывод, что «раскопки погребений и стоянок

бронзовой эпохи, произведенные в различных пунктах казахских степей, дадут возможность не только восстановить далекое прошлое Казахстана, но и, быть может, заставят взглянуть совсем новыми глазами на древние культуры других областей».

При дальнейшем изучении памятников бронзовой культуры и ранних кочевников Казахстана научные положения М.П.Грязнова, С.В.Киселева, К.В.Сальникова стали руководящим принципом, ученые Казахстана в своих исследованиях памятников культуры эпохи бронзы и ранних кочевников основывались на их работах. Для теоретического осмысления археологических материалов Центрального Казахстана большое значение имели работы, проведенные на Южном Урале, в Западной Сибири, Средней Азии А.Я. Тугариновым, Б.Н.Граковым, П.А.Дмитриевым, Г.Н.Сосновским, С.П. Толстовым, А.Н. Бернштамом, О.А.Кривцовой-Граковой, И.В. Синициным, Г.В. Подгаецким, Д.Н. Эдингтом, М.Н.Комаровой, С.С.Черниковым, В.Н.Чернецовым, М.А.Итиной, А.А.Формозовым и другими. Ученые приняли участие в разработке теоретических вопросов происхождения и развития, как культуры эпохи бронзы, так и ранних кочевников, в основе которых были новейшие экспедиционные материалы. Для теоретического осмысления материалов, полученных при исследовании памятников эпохи бронзы, особое значение имеют основополагающие труды М.П.Грязнова, С.В.Киселева, К.В.Сальникова.

В исследования памятников Центрального Казахстана в послереволюционный период большой вклад внес К.И. Сатпаев, в те годы главный геолог треста «Атбасар цвет». К.И.Сатпаев с 1926 по 1940 гг. проводил широкомасштабные геолого-разведочные работы в западной части Центрального Казахстана, где были открыты богатейшие месторождения меди. Главным результатом его работы явилось создание мощной индустриальной базы Большого Джекказгана. Параллельно К.И.Сатпаев много внимания уделял древним памятникам, древнему горному делу и металлургии Улытауского, Джекказганского и Амангельдинского районов, открыл ряд памятников в окрестностях гор Улытау, в горах Арганаты, в верховьях Тургая, исследовал каменные изваяния на р. Джеты-кыз, архитектурные памятники на р. Джиланчик

(Сырлытам), петроглифы на правом берегу р.Буланты, в 18 км южнее Байконура.

В 1934 году К.И. Сатпаев обнаружил плиту с надписью Тимура (XIV в.) у юго-западного склона горы Алтыншоки. Гора эта находится в 30-40 км на северо-запад от Улытау. Здесь проходила древняя караванная дорога из Средней Азии на Южный Урал. По просьбе директора Государственного Эрмитажа академика И.А.Орбели плита была перевезена в Эрмитаж. Надпись была высечена во время первого похода Тимура в Дешт-и Кипчак в 1391 году.

Обследование археологических объектов в Баянаульском и Кокчетавском районах занимался геолог П.Л. Драверт. В 1926 году им у озера Борового были обнаружены следы стоянки с фрагментами глиняной посуды и каменными орудиями из роговика, кремнистого сланца и других пород. В 1928 году П.Л.Драверт вместе с писателем Г. Долматовым обследовал петроглиф на потолке грота у озера Жасыбай в Баянаульских горах, дал его описание. Здесь же на берегу озера Жасыбай Драверт обнаружил следы андроновского поселения, собрал значительное число фрагментов керамики и микролитических орудий, разбросанных по всей прибрежной полосе.

В 20-х годах Ю.А. Орлов и П.И. Преображенский произвели раскопки андроновских оград у деревни Ефимовки, недалеко от г. Кокчетав, на левом берегу Ишима. В 1929 г. недалеко от курорта Боровое и на Аккуле Б.П.Ждановым были произведены раскопки группы андроновских оград. Материалы этих раскопок хранятся в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде, а также в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. По материалам этих раскопок была опубликована статья Оразбаева М.М. в V томе трудов ИИАЭ АН КазССР.

Краткий обзор археологических памятников в окрестностях Кокчетав сделан М.Н. Лентовским, им были использованы материалы раскопок проф. П.И.Преображенского и Ю.А. Орлова.

В 1927 году регистрацией археологических памятников Центрального Казахстана начал заниматься ученый-краевед Л.Ф.Семенов, в то время научный работник Акмолинского

музея, впоследствии директор Карагандинского областного краеведческого музея.

Начиная с 30-х годов XX в. многие районы СССР были охвачены новостройками, земляные работы проводились в крупных масштабах. В связи с этим АН СССР перед научными организациями были поставлены неотложные задачи по организации масштабных археологических исследований на территории Северного Кавказа, бассейна Волги, Урала, Сибири и Казахстана с целью своевременной фиксации и исследования наиболее важных объектов. Особенно большое значение придавалось исследованиям памятников эпохи бронзы, ознаменованной открытием древним человеком металла.

В 1934 году Государственная Академия истории материальной культуры организовала в Карагандинскую область крупную археологическую экспедицию под руководством П.М. Рыкова и М.П.Грязнова. В составе экспедиции работали известные ученые-археологи М.И.Артамонов, И.В. Силин, М.Н.Комарова, А.Н.Рогачев и Е.К. Арзютов. Перед экспедицией стояли вопросы, связанные с выяснением «степени угрожаемости сохранности археологических памятников в связи с сельскохозяйственными работами на территории совхоза «Гигант», своевременной их фиксации и изучением. «Нуринская» экспедиция работала в 80 км к западу и юго-западу от города Караганды и провела четыре разведочных маршрута: два по р. Нура, один по р.Шерубай-Нура и один по верховьям рр. Джаксы и Джаман Сарысу. Предварительно обследовав местность в радиусе около 1500 км, экспедиция сосредоточила свою работу на объектах, расположенных в долинах рр. Нура и Шерубай-Нура, и прежде всего находившихся в непосредственной близости к совхозу «Гигант».

Экспедицией были обследованы памятники, находившиеся под угрозой частичного или полного разрушения в связи с оросительными сооружениями и другими сельскохозяйственными работами. Главное внимание было обращено на изучение андроновских памятников, памятников эпохи поздней бронзы и курганов с «усами». Последние встречаются преимущественно в Центральном Казахстане, а также в предгорьях Таласского Алатау в Джамбулской области. Курганы с «усами» до наших дней не были

предметом серьезных исследований. Было выяснено, что курганы с «усами» относятся к эпохе ранних юрковиков и генетически связаны с культурой эпохи поздней бронзы.

«Нуринская» экспедиция обследовала погребение в кургане № 11 комплекса Дандыбай. Здесь впервые были открыты памятники особой культуры, генетически связанной с андроновской, но отличающейся от последней формой погребальных сооружений, инвентарем и керамикой. Эта культура по типологическим признакам синхронна карасукской культуре Южной Сибири и представляет собой позднейший этап развития культуры бронзы в Центральном Казахстане. В кургане №11 Дандыбая были найдены самые ранние втульчатые бронзовые наконечники стрел, представлявшие прототип бронзовых стрел раннескифского времени.

Подробный отчет «Нуринской» экспедиции был опубликован в 1935 году. В своей работе, основанной на материалах экспедиции, М.П. Грязнов пишет о синхронности и тождестве памятников карасукской культуры Южной Сибири и культуры поздней бронзы в Центральном Казахстане. Автор говорит о том, что эти две культуры развивались в одно и то же время и считает бегазы-дандыбаевскую культуру Центрального Казахстана локальным вариантом карасукской культуры. Эта точка зрения совершенно ошибочна. Между памятниками двух культур простирается огромное пространство, которое перерезают в меридиональном направлении реки Обь и Иртыш, переправа через них при первобытном способе передвижения была сложной. Специфические особенности бегазы-дандыбаевских памятников говорят о том, что они явились результатом совершенно самостоятельного развития, имеют свои глубокие исторические традиции. Развитие бегазы-дандыбаевской культуры происходило в крупных оседлых поселениях Атасу, Бугулы, Суук-Булак, где в древности появилось и развивалось горное дело, из добываемых руд выплавлялись медь, олово, свинец, добывалось золото, что является бесспорным свидетельством происхождения и развития бегазы-дандыбаевской культуры в Центральном Казахстане независимо от карасукской культуры. Следовательно, говорить о происхождении этих культур

из одного источника и считать бегазы-дандыбаевскую культуру вариантом карасукской культуры — глубокое заблуждение. Еще надо доказать, какая из этих культур имела решающее влияние одна на другую.

Изучению археологических памятников Центрального и Северного Казахстана М.П.Грязнов посвятил не одну работу. Большой интерес представляют работы, в которых сделаны теоретические обобщения об условиях перехода от поздней бронзы к кочевому скотоводству и о возникновении и развитии самобытной культуры кочевых племен Центрального и Северного Казахстана в скифское время. Вступая в полемику с С.И.Руденко, утверждавшего о необитаемости степей Центрального и Восточного Казахстана в скифское время, М.П. Грязнов, на основании полученных материалов, говорит о густой населенности степей Центрального и Восточного Казахстана в скифское время и о существовании самобытной культуры племен, обитавших здесь: «Казахстан в эпоху ранних кочевников не был необитаемым «Средиземным морем» или лишь местом стыка разных окружающих его культур. Он был заселен племенами с культурой скифского типа в широком смысле этого слова». По убеждению М.П.Грязнова «племена эти по культуре были ближе к алтайско-енисейским», но «в их культуре заметны черты, отличающие ее от культур алтайско-енисейских».

Открытия Котандинских и Пазырыкских курганов на Алтае, Боровского клада в Кокчетавской области, Каргалинского клада близ Алматы, тагарских и таштыкских памятников на Енисее, Амударьинского клада явились ключевыми в вопросах изучения истории и культуры кочевых племен Казахстана, Средней Азии, Алтая и Южной Сибири, эти научные открытия перевернули представления о культуре кочевников.

Из работ других исследователей непосредственное отношение к изучению археологических памятников Центрального Казахстана имеют работы О.А.Кривцовой-Граковой, проводившей в тридцатых годах в Кустанайской области обследование поселений эпохи бронзы — Алексеевского и Садчиковского. С 1937 г. в Восточном Казахстане работал С.С.Черников, исследовавший памятники эпохи бронзы и ранних кочевников.

В 1940 году по инициативе Карагандинского областного краеведческого музея в Карагандинской области работал профессор Московского университета С.В.Киселев. Он провел археологическое обследование в ауле Бесоба, расположенном на левом берегу р. Нура, в 80 км западнее Каркаралинска. Работа С.В.Киселева носила разведочный характер. Он обратил внимание на большое многообразие памятников андроновской культуры и выделил особую группу памятников эпохи поздней бронзы, состоявших из курганных насыпей с кольцевым каменным ограждением в основании. С.В.Киселев сделал ряд вскрытий андроновских ящиков и материалы раскопок передал в Карагандинский областной музей.

В 1945-1949 гг. гидрогеолог Джезказганского медкомбината Н.В. Валукинский занимался сбором археологических материалов по древнему горному делу и древней металлургии. В результате неустанных исследований на протяжении четырех с лишним лет ему удалось установить, что город Джезказган стоит на развалинах крупного поселения древних рудокопов. Валукинский обнаружил значительные пласты древней металлургии, сохранившиеся в виде грандиозных отвалов и разрезов, штолен высотой до 1,5 м, остатков медеплавильных печей. Им установлено, что горнорудный промысел и металлургия в этом богатейшем медными рудами краю, начавшаяся в эпоху бронзы, существовала до позднего средневековья. По его наблюдениям в горном деле использовался метод подбоя, разработка руд происходила у протоков весенних вод или на запрудах. На основе анализа Валукинский пришел к заключению, что для выплавки металла использовались преимущественно окисленные руды. Наиболее мощные пласты выработок были обнаружены в черте города Джезказгана, на площади шахт Петро, Покро, Златоуст, Кресто-восток, Кресто-запад, Кресто-центр, Кресто-юг, Спасной, Никольский, Анненский, Раймунд и на шахтах Карпинский, Беловский и Таскудук. По результатам обследования Н.В. Валукинского выяснилось, что одним из крупных центров древней металлургии в районе Джезказгана было урочище Милькудук, где сохранились значительные остатки древнего производственного помещения («дворик»), следы медеплавильных

печей, шлаки и огромная масса руды, которая впоследствии была перевезена на Карсакапайский медеплавильный завод. Химический анализ этой руды показал, что она содержала от 8 до 14% меди. Валукинский собрал огромное число каменных орудий, а также тиглей, формочек для литья, фрагментов керамических сосудов, предметов домашнего обихода из меди, серебра и бронзы. В общей сложности до двадцати тысяч предметов. Эта уникальная коллекция свидетельствует о том, что Джекказган в древности был крупнейшим центром металлургического производства. Огромная заслуга Н.В.Валукинского и в том, что на основе собранных им геолого-археологических материалов в 1947 году он организовал в г. Джекказгане Геологический музей, большая часть которого была отведена для экспонирования орудий труда древних рудокопов Джекказгана. В организации музея большую помощь оказали К.И.Сатпаев, В.И.Штифанов, директор Джекказганского междомбината Т.Ф.Харламов и другие. Во вновь организованный Джекказганский музей К.И.Сатпаев передал горные орудия, собранные им в 1930-1940 гг. на древних выработках в Джекказганском и Улытауском районах.

После окончания второй мировой войны многие районы Центрального Казахстана были охвачены новостройками. Земляные работы проводились в крупных масштабах. Прокладывались железные дороги Караганда-Джекказган, Монкты-Чу, появлялись новые карьеры, проводились сельскохозяйственные работы. В наше время здесь проводится грандиозный канал Иртыш-Караганда, строится железная дорога Караганда-Каркаралинск. Большие стройки ведутся в городах Караганда, Темиртау, Саранск, Джекказган, Балхаш и др. Все эти работы угрожают сохранности многих уникальных памятников.

В целях своевременного изучения и фиксации памятников этого региона Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР в 1946 году была организована Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция (ЦКАЭ) под руководством проф. А.Х.Маргулана. Перед экспедицией была поставлена задача: проведение в широких масштабах разведочные и стационарные археологические работы. В результате ежегодных полевых работ

было открыто много новых памятников, неизвестных науке. Эти открытия помогли разрешению ключевых вопросов ранне-металлической культуры не только Центрального Казахстана, но и соседних регионов. К крупным достижениям ЦКАЭ следует отнести открытие и изучение памятников эпохи бронзы Бегазы, Сангру, Айширак (на р. Атасу), Бугулы I, II, III, Аксу-Аюлы, Ортау, Беласар и многих других, поселений древних рудокопов, до недавнего времени неизвестных науке. Было выявлено около 30 поселений, из которых наиболее крупные поселения Атасу I, II, Бугулы I, II, III, Акхаур (Шетский район), Тагйбай-булак (Баянаульский район), Шортанды-булак, Каркаралы I, II, III были обстоятельно изучены. Открытие этих памятников свидетельствует о существовании в Центральном Казахстане древней цивилизации, возникшей на основе древнего горного дела и древней металлургии.

Работа ЦКАЭ увенчалась успехом и в изучении культуры племен Центрального Казахстана в скифское время. Были обследованы два комплекса памятников, один из которых расположен вблизи канала Иртыш-Караганда (комплекс Тасмола) и курган с «усами» и урочище Каниттас в Коунрадском районе Карагандинской области. Раскопки комплексов дали превосходный материал, позволяющий судить о высоком уровне развития прикладного искусства у древних скотоводов Центрального Казахстана. Особенно хочется отметить золотые скульптурные фигуры хищных животных. При раскопках кургана с «усами» на Каниттасе была найдена золотая диадема, инкрустированная цветными камнями – превосходный памятник ювелирного искусства эпохи гуинов.

ЦКАЭ состояла из трех отрядов. Первый отряд под руководством кандидата исторических наук М.М.Оразбаева занимался раскопками андроновских оград, второй отряд под руководством начальника ЦКАЭ А.Х.Маргулана исследовал памятники эпохи поздней бронзы и переходного этапа от бронзы к ранним кочевникам, третий отряд под руководством М.К.Кадырбаева занимался изучением культуры ранних кочевников. Кроме постоянных участников в работе ЦКАЭ в разное время принимали участие Л.Р.Кызыласов (1948), К.А.Акишев, Г.И.Пацевич, А.Г.Максимова, Т.Н.Сенигова, Г.В.Кушаев, Х.А.Алпыспаев, художники В.В.Агапов, К.А.Власов.

В качестве лаборантов, коллекторов, художников и научно-технического персонала работали студенты КазГУ, КазПИ и Алма-Атинского художественного училища.

После предварительных разведок ЦКАЭ сосредоточилась в местах, расположенных к югу и юго-востоку от города Караганды в Жанааркинском, Шетском, Коунрадском и Каркаралинском районах и в некоторых районах Павлодарской, Целиноградской и Кустанайской областей. Маршруты экспедиции проходили также через Улытауский и Жезказганский районы и пустыню Бетпақдала. Исследования в этой части Центрального Казахстана позволили определить южные границы распространения культуры бронзы и раннего железа в пределах Северной Бетпақдалы.

Маршруты ЦКАЭ проходили в следующей хронологической последовательности.

В 1946 году были проведены широкие разведочные работы по реке Сарысу и ее притокам, в Жанааркинском, Жезказганском и Улытауском районах. Выявлены и зафиксированы не известные науке петроглифы в горах Кызылтау, Калмак-Кырган (Жанааркинский район), Теректы (р. Сарысу), Жаксы-Арганаты, в долине р. Жангабыл возле зимовки Усабай-Кон (Улытауский район), на р. Буланты, южнее Байконура и др. Обследована большая серия каменных изваяний, архитектурных памятников, надписей, родовых тамг, обнаруженных на древних надгробных плитах, а также древняя оросительная система на р. Сарысу и ее притоках.

В 1947 году продолжены разведочные работы в северной и в северо-западной части пустыни Бетпақдала, где проходил древний караванный путь. В оазисах Северной Бетпақдалы, в верховьях рр. Атасу, Моинты и Шерубай-Нура выявлены памятники эпохи бронзы и раннего железа: обширные комплексы Айшрак, Дарат, Сангру, Уйтас (Кара-Узек), поселения Атасу I, II, Бугулы I, II, III. В этом же году нами впервые обследован комплекс Бегазы (ограда № 4). Результаты полевых исследований были опубликованы в изданиях АН КазССР.

В 1948 году продолжены раскопки комплекса Бегазы. Исследованием были охвачены памятники двух периодов: андроновского и эпохи поздней бронзы (плиточные ограды № 2

своего трехлетнего пребывания в этом краю. Его путь лежал от Петропавловска к низовьям р. Чу.⁹ Материалы А.И. Шренка хранятся в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР (коллекция № 35). На обложке инвентарной книги написано: «По местонахождению предметы принадлежат Киргизской степи (т.е. Центральному Казахстану — А.М.), Алтайскому округу и Джунгарии».

В коллекции А.И. Шренка значительное число бронзовых орудий и предметов, что не могло быть собрано только с поверхности земли, очевидно, производились раскопки. И, несомненно, добрая половина из этих предметов происходит из Центрального Казахстана. А.И. Шренком написан ряд работ, из которых наибольший интерес для нас представляют «Путешествие и исследования по Зоонгарским Киргизским степям в 1840-1843 гг.», «Улытауская горная группа в своем топографо-географическом положении», «Заметки по топографии и этнографии». Рисунки и чертежи, сделанные Шренком, хранятся в его архиве¹⁰.

Более подробные сведения об археологических памятниках Центрального Казахстана появляются во второй половине XIX и в начале XX века благодаря деятельности таких ученых, как Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.Н. Гуляев, В.В. Радлов, Н.Я. Коншин. Их работы, в основном, ограничивались учетом и фиксацией археологических памятников. Были собраны данные о памятниках Каркаралинского, Баянаульского и других районов бывшей Семипалатинской области, которые получили некоторое обобщение в трудах В. Никитина¹¹ и И.А. Кастанье¹².

Первые археологические работы в Центральном Казахстане после Октябрьской революции провела Нурина экспедиция ГАИМК, организованная в 1933 г. В ее составе работали известные археологи П.С. Рыков (начальник экспедиции), М.И. Артамонов, М.П. Грязнов, Н. Арзютов, И.В. Сивичин и др. Важным достижением экспедиции было открытие памятника эпохи бронзы «Дандыбай» в долине р. Шерубай-Нура. В результате раскопок этого памятника были выявлены сооружения и керамика, не свойственные культуре бронзы более раннего периода.

Неоценимый вклад в археологическое изучение Центрального Казахстана внесли геологи и представители естественных наук П.Л. Драверт, К.И. Сатпаев, В.А. Селевин, А.В. Мухля, А.Н. Формозов, Ю.А. Орлов, Г.Н. Щерба и др.

Учетом и регистрацией археологических памятников региона неутомимо занимались краеведы Л.Ф. Семенов в Акмолинской и Карагандинской степях¹³, В.Е. Ясеневская в Каркаралинском районе. Собранные ими коллекции хранятся в Карагандинском областном краеведческом музее¹⁴.

Новый этап обстоятельного изучения исторического прошлого Центрального Казахстана наступил после Великой Отечественной войны, когда была создана Академия наук Казахской ССР и в структуре ИИАЭ АН КазССР была организована Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция (ЦКАЭ). Настоятельная необходимость планомерного и своевременного исследования памятников Центрального Казахстана диктовалась увеличением масштаба работ на новостройках и организацией крупных совхозов, поскольку многие древние памятники региона находились под угрозой исчезновения. Полевые работы ЦКАЭ проводились в контакте с местными научно-исследовательскими организациями и, в частности, с Джезказганским геолого-разведочным управлением.

ЦКАЭ под руководством А.Х. Маргулана работала более четверти века (1946-1975 гг.) с перерывом в 1953-1954 гг. Четкое планирование научно-исследовательских маршрутов и правильная постановка полевых исследований, а также предшествовавшие им рекогносцировочные работы позволили в короткие сроки открыть и исследовать памятники различных периодов истории Центрального Казахстана. Особенно значительный материал был собран по эпохе бронзы.

В 1946 г. были проведены широкие разведочные работы по рекам Монгты, Сарысу и их водоразделам с включением территорий от северных пределов пустыни Бетпақдала до гор Улытау, верховьев рр. Тургай, Джиданчик, долины рр. Кенгир, Джелды, Байконур и Буланты¹⁵.

На р. Сарысу были обнаружены неолитические стоянки Борибас I, II, пещерная стоянка Теректызулие с древнейшими наскальными рисунками¹⁶.

В Джезказгане было исследовано погребение древнего человека дометаллической эры. В предгорьях Улытау были выявлены памятники эпохи бронзы Жанайдар, Тогузбай-коль, Айбас-Дарасы, Едыге (Коргантас), поселения Улытау, Жангабыл (Смырконг), составляющие западную границу распространения культуры бронзы в Центральном Казахстане. В долине р. Буланты были обследованы группы наскальных рисунков. В верховьях р. Карахенгир была обследована группа гуинских курганов.

В следующем году экспедицией в долинах основных водных артерий Центрального Казахстана были выявлены памятники эпохи бронзы: комплексы Кыл-Арай I, II, Бегазы, Бугулы I, II, III, Сангру I, II, III, Айбас-Дарасы, Аксу-Аюлы I, II, Балакулболды I, II, Аккойтас I, II, III, Ортау I, II, III, IV, V, VI и многие другие. За пределами речных долин, в межгорных ущельях и на равнинах были открыты памятники Беласар I, II, Егизек I, II, Кармузек и др.

Были открыты многочисленные поселения скотоводов и металлургов эпохи бронзы Атасу I, II, Дарат, Бугулы I, II, Каркаралы I, II, III (Суук-Булак), Тагибай-булак, Каратомар, Ермектас, Шакпактас, Аккелен, Байбала, Шортанды-булак, Сенжебай, Кармыс, Аксу, Ахметаул, Кундызды и др.¹⁷

С эпохой неолита и бронзы связаны многочисленные наскальные рисунки в пустыне Бетпақдала, на рр. Сарысу, Шерубай-Нура, в Северном Прибалхашье, в горах Улытау.

Знаки пиктографического письма обнаружены на поверхности прибрежного метаморфического сланца у г. Айгыр-Ушкан.

В 1949 г. исследованы памятники нурынского этапа эпохи бронзы в горах Акшатау и в долине р. Сокур, притока р. Шерубай-Нура.

Широкие археологические раскопки проводились в 1950-1952 гг. при участии сотрудников отдела археологии А.Х. Маргулана (начальник экспедиции), Г.И. Пацевича, К.А. Акишева, А.Г. Максимовой, Т.Н. Сеиговой и художника П.В. Агапова. В 1951 г. изучены группы Былкылдак I, II, III, Карасай, Темирастау,

Карабие, комплекс «37 воинов», расположенные у северо-западного и восточного подножий горы Корпетай, примыкающих к долине р. Нуртай. В 1952 г. экспедиция сосредоточила свои работы в долине р. Атасу и верховьях р. Шерубай-Нура, впервые ставших объектом научного исследования.

В этот полевой сезон в долине р. Атасу была исследована группа Айшрак, состоящая из памятников атасуского и переходного этапов эпохи бронзы. В долине р. Шерубай-Нура были произведены раскопки комплексов Аксу-Аюлы, Бугулы I, II. В долине р. Бегазы были исследованы мавзолей Бегазы. Было изучено около 75 отдельных памятников.

В 1955 году началось изучение памятников Сангру I, III, Айдарлы, поселения Атасу I, менгиров, жертвенных мест эпохи бронзы и каменных изваяний в долинах рр. Аксай, Дарат, Сартабан, Боксай — правых притоков р. Атасу. Были сняты планы поселений и крупные комплексы некрополей.

В долине р. Талды-Нура исследованы памятники группы Байбала, относящиеся к трем этапам эпохи бронзы: нуринскому, атасускому и переходному от андрона к поздней бронзе. В верховьях р. Нура, на территории совхоза «Бесоба» открыты медеплавильные центры эпохи бронзы Жамантас и Комуттын-Карашоқысы, а также курган-ограды переходного этапа. Наиболее крупные из памятников Комуттын-Карашоқысы, Шлым, Мусуркеп-жартас, Камкор, Молалы-жал, Бесоба, Караоба, Жетымшоқы, Актас и Ботагара располагаются последовательно от истоков р. Нура до районного центра Ульяновского, в 60 км к юго-востоку от г. Караганды.

В 1956 году экспедиция занималась изучением группы памятников Жамбай-Карасу, предварительным исследованием поселений Бугулы I, II. Шурфовкой и пробными раскопками была определена структура жилищ и мощность культурного слоя. Основные работы полевого сезона ЦКАЭ состояли в раскопках большого кургана с оградой Бугулы III. Были вскрыты и исследованы каменные стены монументального сооружения, представляющего собой один из самых значительных памятников архитектуры эпохи бронзы.

В 1957 г. обследованы группы Ельшибек и Канаттас, огромный комплекс Беласар, а также находящиеся рядом с ним у северного

подножия горы Тайаткан в урочищах Маселе-сай, Дюсен-булак и Шодыр две обширные группы памятников атасуского и переходного этапов¹⁸.

В 1961 г. в Улытауской степи обследованы западные группы памятников эпохи бронзы, в том числе Улытауское поселение, а также группа поселений Каркаралы I, II, III (Суук-Булак). Одновременно проведены разведки на востоке и юго-востоке Каркаралинской степи, в долинах гор Кент, Бокты, Темирши, Кокшетау, Соранг, Абралы, долины рр. Талды, Тундук, Казангап и т.д. В долине р. Туркей (правый приток р. Казангап) была обследована группа памятников средней бронзы Центрального Казахстана из гранитных плит, подобных Беласар и Бегазы. В бассейне р. Кусак, в долине р. Мынбулак, возле древней выработки Коктас, в горах Кокшетау и Соранг, в долинах рек Аккойтас, Каракойтас были открыты комплексы памятников разных эпох. Группы памятников разных эпох выявлены также в северном предгорье Кызыл-Арай, в долине р. Сары-Улен. Среди них массивные ограды раннебегазинского времени, курганы ранних гуинов и тюркские ограды с каменными изваяниями.

В полевые сезоны 1963 и 1967 гг. обстоятельно исследовались памятники эпохи поздней бронзы Сангру I и Бегазы I.

В 1969 г. изучен один из самых крупных в Карагандинской степи комплексов Балакулболды. Здесь представлены памятники разных эпох: раннебегазинского времени, в которых наблюдается появление новых элементов, отличающих их от культуры средней бронзы (андрона), на основе которых впоследствии сформировалась бегазы-дандыбаевская культура. В этот же полевой сезон было исследовано поселение эпохи бронзы Шортанды-булак.

С целью выяснения закономерностей перехода от поздней бронзы к раннему железу в 1971 г. была обследована группа курганов раннескифского времени, расположенная в верховьях р. Токраун, в урочище Байштын-Карашоқысы (Актогайский район Карагандинской области). Эти курганы своим кольцевым обрамлением из вертикальных плит, вкопанных на ребро, очень похожи на курганы-ограды эпохи поздней бронзы. К сожалению, курганы разграблены. Лишь при тщательном исследовании в

одном из них обнаружены две золотые накладки от ножен кинжала, случайно уцелевшие на краю усыпальницы. На каждой накладке были изображения львов, сделанных весьма искусно. Эти находки дают датировать курганы раннескифским временем.

В полевой сезон 1972 г. была исследована самая западная группа памятников бегазы-дандыбаевского времени, открытая еще в 1946 г. Группа расположена у северо-западного подножия горы Улытау, на правой террасе горного ущелья Айбас-Дарасы. Кроме трех малых оградок здесь был исследован курган-ограда, по структуре близкий к Сангру I, III, Бугулы III. В том же году экспедиция провела большую работу по выявлению и фиксации многочисленных наскальных рисунков, относящихся к эпохам неолита, бронзы и раннего железа.

Работами ЦКАЭ было выявлено и определено распространение памятников бегазы-дандыбаевской культуры на огромной территории: от гор Абралы (Аккойтас) и Чингизского хребта на востоке до гор Улытау (Айбас-Дарасы) на западе. Памятники завершающего этапа эпохи бронзы в Центральном Казахстане отличаются самобытностью, мегалитическим характером погребальных и культовых сооружений. Эти монументальные сооружения появились на кульминационном этапе развития бронзы (XII-X и X-VIII вв. до н.э.) и свидетельствуют о высоком мастерстве строителей, гончаров и ювелиров Сарыарки, нередко достигавших совершенных форм искусства.

В Центральном Казахстане открыты и исследованы крутые центры древней металлургии. Древние рудники Джезказгана, Соранга, Шапкштаса, Мензек, Саяка и др., металлургические поселения Атасу, Бугулы, Шортанды-булак, Каркаралы и т.д. свидетельствуют о том, что Центральный Казахстан был крупнейшим центром зарождения и развития культуры бронзы. Раскопки древних выработок и металлургических поселений дают ясное представление о способе добычи руды и выплавке из нее металла, а также свидетельствуют о том, что первыми создателями металлической культуры были потомки степных неолитических охотников и первых скотоводов.

В сложении культуры бронзы в Центральном Казахстане меднорудные районы сыграли решающую роль. Широкая культурно-этническая база для мощного развития культуры бронзы в этом регионе была подготовлена еще в эпоху позднего неолита. Между культурами неолита и бронзы в условиях привязанности к степному ландшафту ясно прослеживается генетическая связь.

Создателями бронзовой культуры были исконные степные племена, известные в греческой литературе как азиатские скифы, или урало-алтайцы (аргиппей, аримаспы и др.).

В Центральном Казахстане сохранились следы четырех этапов культуры меди: энеолита, ранней, средней и поздней бронзы. Они глубоко связаны генетически, преемственностью традиций, в то же время отличаются формами погребальных сооружений и керамикой, свидетельствующими о постепенном вытеснении старых форм и создании новых при устойчивости антропологических и этногенетических черт создателей этой культуры. Особый интерес представляет культурный слой, относящийся к эпохе ранней бронзы, обнаруженный геологами на р.Ишим около Акмолинска¹⁹, на р. Нура южнее Темиртау²⁰ и в низовьях р.Шидерты, в Прииртышской равнине²¹ глубина залегания памятников ранней бронзы зависит от места их расположения и от мощности пойменных отложений²².

«В основании современного пойменного покрова встречаются многочисленные остатки керамики и домашних животных *Egvus caballus*, *Ovies aries*, *Bos taurus*, *Canis sp.*»²³, т.е. кости животных, которые часто обнаруживаются при раскопках поселений и могильников племен эпохи бронзы Центрального Казахстана. По данным К.В. Никифоровой, все указанные виды животных были одомашнены еще в эпоху неолита, а в период энеолита стали основными видами домашнего скота.

Огромное количество памятников средней бронзы в районе, граничащем с пустыней Бетпадала, свидетельствует о том, что на высшем этапе развития бронзовой культуры племена Центрального Казахстана стали осваивать южные районы региона, берега р.Атасу. Отсюда памятники средней бронзы (андрона), расположенные в южной части Центрального Казахстана на р. Атасу, получили название «атасуские».

Наши материалы свидетельствуют о том, что конец поздней бронзы тесно связан с началом культуры раннескифского времени (VIII-VII вв. до н.э.). С целью приведения хронологических периодов эпохи бронзы в соответствии с принципами исторической геологии мы использовали термины "ранняя", "средняя" и "поздняя" бронза, конкретно отражающие три основных этапа эпохи бронзы. Это связано с настоятельной необходимостью отражения последовательного развития бронзовой культуры.

Справедливы идеи М.П. Грязнова²⁴, С.С. Черникова²⁵, В.М.Массона, Б.Г. Гафурова²⁶ и А.А.Формозова²⁷ о происхождении казахстанской бронзы на основе энеолита и о существовании с древнейших времен межплеменных контактов (в отличие от теории миграции племен) между югом и севером, западом и востоком. Эти идеи подтверждаются неопровержимыми фактами, что рождение культуры бронзы произошло в центрально-казахстанских степях, где до наших дней сохранились остатки древних рудников и центров древней металлургии.

Спродолжением исследований древних памятников Центрального Казахстана появится еще немало новых и ценных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 1. Berlin, 1962; Teil 2. Berlin, 1964; Teil 3. Berlin, 1966; Teil 4. Berlin, 1968; Радлов В. В. Сибирские древности, т. 1, вып. 1. Спб., 1888: ЛО ААН, ф. 2т оп. 1, д. 5; Gmelin I. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen, 1751; Silwers J. Briefe aus Sibirien. Spb., 1796.
2. Ремезов С. Чертежная книга Сибири, составленная в 1701 г. (Чертеж Тобольской земли до Казачьей орды. Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи). Спб., 1882.
3. «Сибирский вестник». Спб., 1922, ч. XVIII.
4. Stralenberg, Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.
5. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кальдыбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 19-20.
6. Броневский С.Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды. Отечественные записки. 1830; Дело об открытии Каркаралинского и Кокчетавского окружных приказов, 1824. ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 336; Дело о празднике «байга» между Каркаралинским и Кокчетавскими округами. 1826. ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 412.
7. Красовский М. Область сибирских киргизов. Спб., 1868.
8. Воинов В. Народный киргизский праздник по случаю прибытия в Сибирь великого князя Владимира Александровича. Современная летопись. 1868, № 24.
9. Госархив Октябрьской революции и Советского строительства. Ф. 635, Г-16909. К-322, 348.
10. Шренк А.И. Путешествие и исследования по Зоангарским Киргизским степям в 1840-1843 гг. Третье путешествие. 1842 г. ААН СССР, ф. 317, оп. 1, д. 7. л. 54-59; 173-184, 204-236, 255, 256, 268-289.
11. Никитин В. Памятники древности Каркаралинского уезда. ЗАО. Новая серия, т. VII вып. 1/2. Спб., 1896; Он же. Краткое описание памятников древностей Семипалатинской области. ИАК, 902, вып. 2.
12. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1911.

13. Семенов Л.Ф. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. ВЦМК, 1930, № 1; Он же. Находка каменного топора у реки Нура. ТИИАЭ АН КазССР, 1956.

14. Коллекции В.Е. Ясенешкой под шифром «Жаркаралы» в фондах 62, 63, 65-68; Коллекции Л.Ф. Семенова в фондах 29, 61, 69-70, 71, 160.

15. Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане. 1946 г. Известия АН КазССР. Серия историческая, 1948, вып. 4.

16. Маргулан А.Х. К изучению памятников района р. Сарысу и Улугау. Вестник АН КазССР. 1948, № 2.

17. Основные итоги археологических работ на территории Казахстана в 1955 году. Известия АН КазССР. Серия истории, экономики, философии, права, 1956, вып. 3; Маргулан А.Х. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. Вестник АН КазССР. № 3.

18. Оразбаев А.М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 7.

19. Анцимиров. Петрографический очерк восточной части Кокчетавского уезда Акмолинской области. Известия ЗСОРГО. Омск, 1887.

20. Кассин Н.Г. Материалы по палеографии Казахстана. Алма-Ата, 1948

21. Никифорова К.В. Геоморфология и геологическое строение Прииртышской впадины. ТИГН. Геологическая серия. 1953, вып. 14

22. Кассин Н.Г. О древних долинах Центрального Казахстана. В кн.: Проблемы советской геологии. 1936 Т. XI, № 1; Штрекк Н. А., Колотухина С. Геологическое строение гор Ортау и Кус-Мурун. ТИГН. Геологическая серия. 1943, вып. 101, № 23.

23. Никифорова К.В. Указ. соч.

24. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане; Он же. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.?

25. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.-Л., 1960.

26. Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972.

27. Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСНИМК. 1951, вып. 39.

ЧАСТЬ I

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И АНДРОНОВСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

ГЛАВА I

ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

В вопросе о происхождении бронзовой культуры в Евразийской степи существует центральная проблема, на какой основе могла сложиться та замечательная культура, памятники которой представлены в этой работе? Для решения этого вопроса необходимо обратиться к памятникам эпох неолита и энеолита, предшествовавшим культуре бронзы в Центральном Казахстане. История формирования культуры бронзы без учета закономерностей развития неолита и энеолита не будет понята.

По выявлению памятников неолитической культуры в Казахстане большой вклад внесли выдающиеся ученые нашего времени К.И. Сатпаев¹, М.П. Русаков, Р.А. Борукаев, Г.Ц. Медоев, Г.Н. Щерба, А.Ж. Машанов, И.П. Новохатский, П.Л. Драверт, Б.М. Чудинов и многие другие. Неоценимы заслуги московских и ленинградских ученых А.Л. Яншина, Ю.А. Орлова, А.Н. Формозова, В.Ф. Петрунь и других, открывших ряд интересных стоянок эпохи неолита и энеолита в западном Казахстане, Тургайской степи, на рр. Сарысу и Блеуты. Результаты их открытий освещены в ряде работ А.А. Формозова. Большую работу по выявлению и изучению памятников неолитической культуры Казахстана за последние сорок лет провели М.П. Грязнов, К.М. Поликарпович, С.С. Черников, А.А. Формозов, И.В. Сеницын, Х.А. Алпысбаев, К.А. Акишев. Огромный вклад в изучение неолита Центрального Казахстана внесли Н.В. Валукинский, А.Г. Медоев, М.Н. Клапчук.

Неолитические памятники Северо-Восточного Казахстана

Ряд блестящих открытий за последнее десятилетие было сделано молодыми археологами: А.Г. Медоевым в Каркаралинской и Прибалхашской степи², М.Н. Клапчуком в районе Караганды, в бассейне р. Сарысу и в Бетпақдале³, Л.А. Чалой в Павлодарском Прииртышье⁴. Из материалов новейших исследований следует, что накануне появления бронзы на широком степном пространстве от Иртыша до Тургайской степи развивались микролитическая культура, связанная с охотой, рыболовством и скотоводством и макролитическая культура. Появление мощных орудий типа мотыги (район реки Сарысу, Борибас, Тузды-сай) свидетельствует о том, что в ту далекую эпоху было положено начало строительному делу и мотыжному земледелию. В IV тыс. до н. э. на основе неолитической хозяйственной традиции появляются зачатки металлической культуры, совершившей переворот в жизни древних племен Центрального Казахстана.

Как показывают исследования С.С. Черникова⁵ и Л.А. Чалой, значительная серия неолитических стоянок расположена в долине Иртыша, вдоль его берега от Усть-Нарыма до пос. Черноярского, а также между рр. Иртыш, Слеты, Ишим и Нура. Первые сборы неолитических орудий были сделаны Г.А. Поповым в 1925 г. на западном берегу озера Жалаулы, недалеко от места впадения в него р. Шидерты, берущей начало в горах Нияз, около Караганды. В наше время по руслу этой реки в обратном направлении течет канал Иртыш-Караганда. На озере Жалаулы был найден наконечник стрелы из нефрита с прямым основанием длиной 6,7 см, шириной 1,5-2,3 см⁶. В том же районе около поселка Павловка, в 90 км к северо-западу от г. Павлодара в 1937 г. была собрана коллекция черешковых наконечников стрел удлиненной формы из светло-коричневой яшмы длиной 7,1 см при ширине 2,5 см. Все сборы поступили в Семипалатинский краеведческий музей.

В 1954 г. группа неолитических стоянок была открыта гидрогеологами Н.Н. Владимировым и С.М. Мухамеджановым.

На стоянке, расположенной на крутом склоне лога Кобенсай⁷, были собраны микропластинки в количестве 30, часть которых составляют вкладыши, концевые скребки – 16, округлые – 2, наконечники стрел с двусторонней обработкой, изготовленные из яшмы и окварцованных песчаников – 6 (из них два черешковые, три с выемкой в основании), призматический нуклеус и мелкие обломки неолитической керамики. Вторая стоянка была открыта на северном берегу о. Слеты-тенгиз и третья – на берегу р. Жанасу в Кызылтуском районе Кокчетавской области. На всех стоянках собраны однотипные орудия из яшмы, кремня, окременного мергеля. Места происхождения этих пород расположены в 60-80 км южнее этих стоянок. Сходные типы орудий и материала, из которого они изготовлены, дают основание утверждать, что все три стоянки одновременны и авторы правильно датируют их концом неолита и ранним этапом эпохи бронзы.

Процесс развития первобытного общества протекал крайне медленно, даже сравнительно более развитое общество, как феодализм, имеет не менее полутора-двухтысячелетнюю историю. Эпоха бронзы развивалась очень медленно, неолит еще медленнее.

Материалы геологических исследований трассы канала Иртыш-Караганда (1963-1966) свидетельствуют о распространении культуры степного неолита на огромном степном пространстве. Вдоль трассы, идущей по степям Павлодарской, Акмолинской и Карагандинской областей, геологом Б.Ж. Аубекеровым открыты и обследованы погребенные под землей стоянки и мастерские, добрая половина которых относится к неолиту (V-IV тысячелетие). В культурных слоях стоянок Б. Ж. Аубекеровым собрано свыше 3000 орудий и отщепов, все они хранятся в Институте геологических наук АН КазССР им. К.И. Сатпаева.

Значительное число неолитических стоянок обнаружено геологом Р.А. Борукаевым на р. Слеты во время экспедиционных работ на месторождениях Бошаккуль, Бестобе и Торткудук. По устному сообщению Р.А. Борукаева наиболее интересные группы памятников эпохи неолита расположены в среднем и

нижнем течении р. Слеты. К числу таких памятников относятся неолитические стоянки Самай-Катын и Кучук. Р.А. Борукаев показал мне свои сборы с этих стоянок, состоявшие из кремневых наконечников стрел и дротиков весьма тонкой работы, скребков и пластинок.

В 1953 г. В.Д. Солочинским в обнажениях ветровой эрозии выявлена стоянка на древней трассе у р. Дамсы, правого притока р. Ишим. Им собран подъемный материал: нуклеусы, ножевидные пластинки, наконечники стрел, концевые скребки. Подобные сборы сделаны Д.И. Чекиным в Ишимской степи около оз. Шоиндыколь, М.Ф. Никитиным – в 50 км к западу от р. Терсаккан в пос. Бестобе⁸. Сборы поступили в Целиноградский областной краеведческий музей.

В 1961 г. М.Н. Клапчук в долине Батпаксу выявлены и обследованы стоянки эпох эпилепалеолита, неолита и бронзы. Неолит представлен стоянкой №6. Сделаны сборы, среди них массивные концевые скребки (3), ножевидные пластинки (2), различные сколы и отщепы.

С группой стоянок Батпаксу хронологически связана группа стоянок Шокай, расположенная в 3,5 км к юго-западу от ст. Шокай Карагандинской железной дороги. Группа открыта М.Н. Клапчук в 1961 г., в ней четыре стоянки, носящие ярко неолитический характер. Собраны кремневые изделия, состоящие из 35 предметов, из них 13 обломков ножевидных пластинок.

Неолитические памятники Баянаульской и Каркаралинской степей и Северного Прибалхашья

В Баянаульской степи неолитические стоянки открыты и исследованы профессором П.Л. Дравертом. В 1929 г., проводя геологические исследования в горах Баянаула, он обнаружил три неолитические стоянки: одну на восточном берегу оз. Жасыбай, другую на оз. Сабындыколь, третью в 8 км от Баянаула, по дороге в аул Кафар. Им собран значительный кремневый материал – нуклеусы, ножевидные пластинки, скребки, наконечники стрел, а также обломки глиняных сосудов ручной лепки⁹.

В 1964-1965 гг. геологом В.С. Танцора в баянаульской степи открыты 12 стоянок (Койтас 1-12), из которых по обилию находок наиболее интересны Койтас 1, Койтас 2, Койтас 4, Койтас 7 и Койтас 12. Все они расположены недалеко друг от друга в северных предгорьях Баянаульского хребта, вокруг известного урочища Койтас. Собрано нуклеусов 70, ножевидных пластинок 121, скребков концевых 35, скребков на отщепках 33, обломков наконечников стрел 7, отщепов 1180¹⁰.

Обширная серия неолитических стоянок открыта А.Г. Медоевым в Каркаралинской степи и в степях Северного Прибалхашья, В.Е. Ясеневой и Л.Ф. Семеновым в районе города Каркаралинска¹¹. Сборы хранятся в Карагандинском музее в коллекции «Каркараль». В этих коллекциях, в основном, смешанный материал эпох энеолита и бронзы.

Неолитические стоянки, открытые А.Г. Медоевым, значительными группами расположены вокруг главного Каркаралинского хребта, в долинах рр. Жарлы, Казангап, Тундук, Кусак, Каршыгалы, Эспе, Токраун. В долине р. Жарлы им выявлены три группы стоянок: Жарлы I (стоянки 63, 65, 66), Жарлы II (стоянки 69, 70), Жарлы III (стоянки 71, 72 на берегу р. Коктал, притока р. Жарлы). В долине р. Казангап выявлено 9 стоянок, из которых наиболее значительные Казангап I (стоянка 67), Казангап II (стоянки 37, 36, 35), Казангап III (стоянки 18, 19, 20, 33, 34). От южных и юго-восточных отрогов Каракаралинских гор неолитические стоянки тянутся на юг, юго-восток и примыкают к северным берегам оз. Балхаш. Более обширными группами располагаются стоянки, открытые в долине р. Кусак и в водоразделе Токраун-Аягуз. Из них особенно многочисленны группы Кусак I (стоянки 23, 24, 25), Кусак II (стоянки 28, 29, 26, 27, 17, 31, 30, 32), Кусак III (стоянка 42, стоянки Кошкарбай 38 и 39 на р. Кусак). Недалеко от них расположены стоянки на р. Каршыгалы: Каршыгалы I (стоянки 43, 44, 45), Каршыгалы II (стоянки 21, 22), Каршыгалы III (стоянки 48, 51, 60). В 40-50 км на восток от берега р. Кусак расположена группа Эспе (стоянки 40, 41).

Неолитические стоянки лучше сохранились в малонаселенных местах: Токраун (стоянка 49), Карамеде – левый приток р.

Токраун (стоянка 62), Бегизы – левый приток р. Токраун (стоянка 55), Женишке I (стоянки 58, 59, 53, 54), Женишке II (стоянка 56), Даблин (стоянка 68), Акжарык – правый приток р. Тундук (стоянка 10). Только из этого перечня можно представить, как густо была населена Каркаралинская степь в эпохи неолита и энеолита (см. карты распространения неолитических стоянок).

Неолитические и энеолитические стоянки открыты А.Г.Медоевым в степях Северного и Северо-Восточного Прибалхашья, в районе правобережья р. Аягуз и вокруг Чингизского хребта¹². Им обследована территория от Агадыра на восток до Аягуза и Чингизского хребта. На этом пространстве выявлено около 200 неолитических стоянок, собрана большая коллекция кремневых изделий, которые хранятся в Институте геологических наук АН КазССР.

Из неолитических стоянок Северного и Северо-Восточного Прибалхашья наиболее интересные группы Конград, Караунгур, Тесиктас, Сусызкара, Калмак-Эмиль, Аркалык. Все они расположены в районах богатейших месторождений медной руды. По характеру ландшафта и скоплению памятников культуры двух исторических этапов — эпох неолита и бронзы эти стоянки имеют большое сходство со стоянками Джезказгана, Караганды и Каркаралы.

В своих главных чертах неолитические стоянки Северного и Северо-Восточного Прибалхашья, включая и стоянки Каркаралинской степи, носят сугубо микролитический характер, здесь преимущественно встречаются позднейшие типы тонких ножевидных пластинок, мелких миниатюрных орудий типа трапеций, вкладышей, мелких резцов, проколов, миниатюрных наконечников стрел, мелких скребков и нуклеусов различных типов.

В 1960 г. А.Г. Медоевым открыто несколько десятков стоянок в водоразделе Токраун и Аягуз, где пролегали маршруты от рудника Саяк до Чингизского хребта и от правобережья реки Аягуз до Чубартауского района Семипалатинской области. В горах Музбель, Кылтас, Алтын-казык, у родника Каскабулак, Когульдур, Акирек обследовано около 25 стоянок, собрано 400 ножевидных пластинок,

и 3). Раскопки проводились с участием археолога Л.Р. Кызласова. В связи с интенсивным разрушением многих исторических памятников Центрального Казахстана наше внимание было уделено обмеру и фиксации важнейших архитектурных памятников этого района. В проведении этих работ принимал участие архитектор П.Н.Рагулин.

В 1949 году полевые исследования проводились в низовьях рр. Нура и Шерубай-Нура и на берегу оз. Кургальджин. В этом сезоне, в основном, были исследованы памятники поздних кочевников (кипчаков): группы Жартас, Ботагай, средневековых городищ, известны из работ Рычкова и Шангина.

Наши поиски памятников эпохи бронзы в низовьях р. Нура не увенчались особым успехом. Здесь у поселка Киевка, в районе впадения р.Кундызды в Нуру были обнаружены следы одного поселения эпохи бронзы. Результаты полевых исследований этого сезона нашли свое отражение в работах А.Х.Маргулана и М.Е.Массона.

В 1951 году были произведены раскопки андроновских могильников Былдыкдак I и II в верховьях р. Талды-Нура, в 7 км на юго-восток от Кылтауского совхоза, Шетского района. Основной целью работы было получение материалов о начальных этапах развития андроновской культуры в Центральном Казахстане. Талды-Нура – небольшая речка, правый приток р.Шерубай-Нура, берущая начало в горах Каражал и Маутан. Горы эти примечательны многочисленными разрезами и выработками эпохи бронзы.

Река Талды-Нура имеет общую протяженность около 120 км. Она замечательна тем, что в ее долине обнаруживаются скопления памятников эпохи бронзы – менгиры, гробница, жертвенные места и поселения. Комплексы памятников идут цепочками, располагаясь один от другого на расстоянии от 5 до 10 км. В обрыве р.Талды-Нура были обнаружены поселения эпохи бронзы Байбала и Сенжебай и недалеко от этого места – в ущельях горы Котур-Кылтау – поселения Акбаур и Шортанды-булак.

В 1952 году были обследованы памятники эпохи бронзы Айшрак I,II на р. Атасу, Аксу-Аюлы I,II и Бутулы I,II (Кенжебай, Кусмурун) в бассейне р. Шерубай-Нура. Были продолжены раскопки

мавзолеев Бегазы I и II. Итогом полевых исследований этих лет явилась кандидатская диссертация К.А.Акишева, защищенная им в Ленинграде.

После перерыва, связанного с периодом культа личности, работы ЦКАЭ были возобновлены в 1955 году. Археологические работы проводились в местах освоения целинных земель и сооружения оросительных каналов, строительства железных дорог, электростанций и других новостроек.

Были исследованы комплексы Сантру I и III. Изучение комплексов Сантру I и III, а также Ортауской группы, расположенной в 80 км севернее верховьев р.Атасу, позволило уточнить некоторые спорные вопросы и окончательно решить узловыe проблемы, связанные с переходным периодом от поздней бронзы к раннескифскому времени, т.е. к ранним кочевникам. В этот же полевой сезон было начато обстоятельное изучение поселения Атасу, где исследованы жилища эпохи бронзы, представлявшие собой полуземлянки, облицованные крупными гранитными плитами. Подобная конструкция жилищ была обнаружена также в поселениях Бугулы I и II. Результаты археологических исследований 1955 г. были опубликованы в научных журналах и представлены на XXV конгрессе востоковедов в Москве.

В 1956 году целью полевых работ было выявление доандроновских и раннеандроновских памятников, характеризующих первоначальный этап развития культуры бронзы в Центральном Казахстане. С этой целью раскопки проводились в горах Тологай, в долинах рр. Жамбай-Карасу и Баспалдак. Обнаружены и обследованы памятники «федоровского» этапа андроновской культуры. Второй отряд ЦКАЭ исследовал курганы с «усами» на территории колхоза им. Орджоникидзе Шетского района.

В 1957 году раскопки проводились в Северной Бетпакдале. Перед нами стояла задача выяснить южные границы культуры бронзы и раннего железа в Центральном Казахстане. Экспедиция состояла из двух отрядов, один из которых занимался раскопками памятников андроновского и бегазинского времени, другой исследовал курганы ранних кочевников.

Был исследован андроновский могильник Ельшибек, памятники поздней бронзы Беласар и курганы с «усами» в урочище Кинксу

и Ельшибек. Во второй половине сезона была исследована значительная серия курганов ранних кочевников и памятники эпохи бронзы, расположенные возле аула Канатгас на р. Нуртай Коунрадского района. Первым итогом исследований курганов ранних кочевников была кандидатская диссертация М.К.Кадырбаева, успешно защищенная им в 1958 г.

В 1959-1960 гг. раскопки проводились на трассе канала Иртыш-Караганда. Результатом исследования кургана ранних кочевников Тасмола был чрезвычайно интересный материал, свидетельствующий о высокой, самобытной культуре кочевых племен Центрального Казахстана в раннескифское время. Здесь же в урочищах Тасмола и Нурмамбет были обследованы памятники андроновского времени, дающие ясное представление о культуре племен, обитавших у границ плоскогорья Сарыарка.

В 1961-1963 гг. были исследованы поселения эпохи бронзы Ульгатау, Бугулы II, III, Каркаралы I-III, а также продолжены работы в поселении Атасу.

В поселении Атасу обнаружено до 30 жилищ, из них обследовано одно большое жилище №17, два зольника, одна мастерская по выплавке руды. Для определения очертаний площади поселения за пределами жилищ было сделано 4 шурфа.

Сняты планы поселений Атасу, Ортау (в долине р. Жаман-Узен), Бугулы I (Кусмурун), II (Шона), III (Карсақпай), Аксу-Аюлы (на территории колхоза Аксу), Акбаур, Байбала и Шортанды-булак (в долине р.Талды-Нура), поселений Карашоқы и Жамангас (в верховьях р.Нура), Каратомар в горах Далба (Баянаульский район) и Тагитбай-булак в горах Аулие-Кзылтау. Полученные материалы обогатили науку сведениями о культуре эпохи раннего металла в Центральном Казахстане. Нам стало ясно какими были быт, способы хозяйствования и строительное дело обитателей этих районов в эпоху бронзы.

Стационарные работы сопровождалась разведками и топографическими съемками планов памятников. Плодотворными были археологические разведки в Северной Бетпакдале. Здесь открыты нетронутые грабителями памятники эпохи поздней бронзы — комплексы в горах Тайаткан и Шунак. С Северной

Бетпакдалой связаны крупные очаги культуры, выявленные в долине р. Атасу, левого притока р. Сарысу, расположенные в 350 км на юго-восток от Джезказгана и в 180 км на юг от ст. Жанаарка.

В бассейне р. Атасу нас поразило многообразие памятников эпохи бронзы – аллеи менгиров (Аксай, Сартабан), жертвенный алтарь (Боксай), обширные погребальные поля, древние рудные выработки, поселения. Группы памятников расположены между истоками р. Атасу и лиманом Конурулен. В долине р. Атасу и окружающих ее горных равнинах встречается много каменных оград и курганов с кольцами из гранитных плит на насыпи.

Из атасуских комплексов наиболее крупные Тельжан, Кара-Узек (Уйтас), Дарат, Сангру, Акшоқы, Мыржық, Айшпак, Аксай (Айдарлы) Сартабан, Косагал. Вся площадь обширного дога Кара-Узек в горах Кызылтас, находящегося в 15 км на восток от Косагала (метеостанция на р. Атасу), занята многочисленными оградами из плоских гранитных плит, поставленных на ребро. Здесь насчитывается до 300 оград, сооруженных в разное время и поэтому различных по величине и многообразных по очертаниям.

По структуре каменных сооружений и по культуре атасуские памятники относятся к двум этапам бронзовой культуры в Центральном Казахстане: алакульскому этапу и бегазы – дандыбаевскому времени. Здесь не обнаружены доандроновские и раннеандроновские памятники, столь типичные для Ишимской, Баянкульской и Каркаралинской степей и для Южного Урала.

Следующие обширные комплексы памятников эпохи бронзы расположены к востоку и северо-востоку от верховьев р. Атасу, в долинах гор Актау (Каркап), Кызылтау, Алабас, Ортау и Аба, составляющих водораздел Мониты – Сарысу.

Наиболее крупный комплекс из этой группы Ортауский, находящийся в 40 км к западу от станции Агадырь. В него входят сооружения двух типов: кольцевые и четырехугольные ограды без насыпи и большие курганы, окруженные кольцом из вертикально вкопанных плит гранита. Оба типа памятников характерны для горно-степного ландшафта и представляют собой алакульский этап андроновской культуры.

Большие курганы с кольцевой оградой в основании насыпи относятся к переходному этапу от позднего андрона к бегазы-

дандыбаевскому этапу и отражают перемены, происшедшие в культуре андроновских племен Центрального Казахстана в этот период.

Ортауские группы представляют собой связующее звено между западными (Джезказган, Атасу) и восточными узлами бронзовой культуры Центрального Казахстана.

Южнее Ортауской группы в 20 км к юго-западу от станции Киник, Карагандинской ж.д. расположены руины комплекса Уш-Кзыл. На юго-востоке в районе водораздела Мониты-Сарысу – группа Аиртау. По типу сооружений и культуре южные группы синхронны памятникам Бегазы и Дандыбай.

Восточнее горы Ортау и станции Агадырь в верховьях р. Жаксы-Сарысу (Укрек), в горах Бутулы, Тагылы, Маутан, Каражал, в долинах рр. Шерубай-Нура, Талды-Нура, Большая Нура, Ахблек (приток р. Жарлы) расположены большие группы памятников эпохи бронзы. Они тянутся вдоль берегов на расстоянии 3-5-15 километров один от другого. Памятники эпохи бронзы расположена вдоль р. Шерубай-Нура, начиная от ее истоков у фермы Каргалы до самого устья, где находится памятник Дандыбай, в долине р. Талды-Нура от ее истоков (горы Каражал) до устья в урочищах Былкылдак, Акбаур, Байбала, Жанажурт, Сенкебай, Кошкарбай.

В 1955 году была произведена генеральная съемка планов андроновских комплексов в верховьях р. Б.Нура, в долинах ее притоков рр. Байгана, Акбастау, Карасу. В планшеты внесены крупные комплексы Карашоқы (р. Байгана), Шлым, Мусуркен-Жартасы, Койлыбай-Сенгир, Конартобе, Камжор, Молалы, Жамантас, ортауские комплексы Бесоба, Косшоқы, Караоба, Жетимшоқы и др. Комплекс Бесоба предварительно был обследован С.Б. Киселевым в 1940 г.

Нами установлено, что места андроновских погребений и места поселений расположены в том же ритмическом порядке, т.е. в 10-15 км друг от друга, что свидетельствует о значительной населенности речных долин Центрального Казахстана в эпоху бронзы. Так, в долине р. Талды-Нура возле каждого крупного могильника обнаружено по одному поселению (Акбаур, Байбала, Шортанды-булак, Сенкебай), как и в долине р. Атасу (Дарат, Мынбай-сай, Мыржық).

Большое число памятников эпохи бронзы обнаружено в горах Толагай, Бугулы, Койтас, в районе Спасского и Успенского рудников, где берут свое начало рр. Джаксы и Джаман-Сарысу и притоки р. Шерубай-Нура.

Густая сеть памятников эпохи бронзы сосредоточена в районе Каркаралинских и Баянаульских гор, здесь они сохранились лучше, чем в поймах рек. Каменные сооружения – ограды, дольмены, кромлехи, отличающиеся массивностью и разнообразием, а также обнаруженные при раскопках многочисленные керамические, бронзовые и костяные изделия, свидетельствуют о том, что здесь был крупный очаг бронзовой культуры Центрального Казахстана.

Комплексы памятников эпохи бронзы обнаружены к югу и юго-западу от Каркаралинских гор, в долинах рр. Жарлы (Акблек), Аппаз, Талды, Казангап, Токраун, Жамшы, Мониты. В долине р. Акблек андроновские ограды идут непрерывной цепью на протяжении 80 км.

Наиболее крупные памятники каркаралинской южной группы сосредоточены в районе рудников Кызыл-Эспе, Каскаайгыр, Акжал, Акшатау, гор Бектаута, Кызылтас, Кенели (Акоба, Соркудук), Тесиктас, Саяк. Последние расположены в 50-80 км к северу от озера Балхаш.

В верховьях р. Жамшы и в долине речки Нуртай расположены обширные комплексы Шокпартас, Кызышюкы, Карабие, Канаттас, Курулыс, Жиланшюкы, Ақтам, у западного и северо-западного подножия гор Корпетай, в верховьях р. Карасай группы Карасай, Темирастау, Бозжон, относящиеся к эпохам бронзы и раннего железа. Большое скопление памятников эпохи бронзы находится в верховьях р. Токраун, в долине речки Узун-булак, недалеко от древних рудников Самембет, Берккара, Кушоку.

Обширные комплексы памятников эпохи бронзы сосредоточены в южной и юго-восточной части Каркаралинских гор, в горах Кызыл-Арай, Бегазы, Кент, Темиршы, Кокшетау, Абралы. В горах Кокшетау, составляющих восточные отроги Каркаралинских гор, находятся крупные комплексы Акхойтас и Каракойтас. Самым значительным комплексом эпохи бронзы является Бегазы, расположенный в живописной долине речки Бегазы, составляющей левый приток р. Токраун.

В Баянаульском районе группы памятников эпохи бронзы и раннего железа находятся в горах Далба, Желтау (Жумырткалы), Аулие-Кзылтау (обширные группы Кобдик, Мергентас, Коргантас, Жантайма, Тагибий-булак, Жапалак), в долинах рр. Ащису (Сары-Жарык, Алка-Мерген) и Тундук (Борлы). Крупный комплекс Ерместас возле Баянаула был раскопан в XIX в. купцом Сорокиным.

Северо-восточную границу андроновских памятников Баянаульского района составляет комплекс Нурмамбет, открытый в долине р. Шидерты, недалеко от Экибастуза.

Как следует из нашего обзора, памятники эпохи бронзы распространены по всему Северному и Центральному Казахстану. Южная граница этой мощной древней культуры проходит по северным пределам Бетпакалы (Жеты-Конур, горы Тайаткан, Шунак, долины рр. Батпаксу и Шажагай). В самой Бетпакале обнаружены лишь следы рудных разработок. Кроме них следов культуры эпохи бронзы в Бетпакале не обнаружено. Элементы культуры северных степей появляются в долинах среднего и верхнего течения р. Чу, в предгорьях Каратау, Тянь-Шаня и в Семиречье. Этот факт до 1951 года не был известен науке. Так, проф. С.В. Киселев писал, что границы культуры северных и центральных районов Казахстана «на юге точно не выяснены», и, основываясь на сборах геолога Чудинова, южной границей распространения андроновских памятников он считал Улытау и Жезказган.

Материалы, полученные в результате систематических разведок и стационарных работ, проведенных с 1946 по 1952 гг. и с 1955 по 1962 гг. ЦКАЭ, большое число памятников эпохи бронзы и ранних скифов, обнаруженных на огромном пространстве от Жезказгана до Чингизтауских гор и далее, были для науки сенсационным открытием.

Исследованиями ЦКАЭ были определены границы культуры бронзы в Центральном Казахстане. Западная граница проходит по меридиану Жезказган, Улытау, Арганаты, верховья р. Терсаккан, включая Ишимскую степь. В районе Жезказгана эта культура представлена многочисленными выработками эпохи бронзы Кресто, Петро, Златоуст, Милыкудук и другие.

На западе и северо-западе крупные очаги андроновской культуры обнаружены у верхнего Тобола, южнее и юго-западнее г. Кустаная (Алексеевское и Садчиковское поселения), около города Орска. Западная граница культуры бронзы в Казахстане проходит по верховьям р. Урал и бассейну р. Илек.

Северные очаги бронзовой культуры сосредоточены, главным образом, в бассейне р. Ишим и долинах ее притоков (Моилды, Дамсы, Шортанды, Кайракты, Аршалы, Жабай, Бурулук), а также в горных долинах Имантау Аиртау, Кокшетау.

Памятники эпохи бронзы обнаружены в Акмолинской (древние выработки Сталинск, Тургай, Жолымбет, Бестобе) и Кокчетавской (оз.Боровое, р. Чаглинка, Степняк) областях.

Охватывая обширную территорию Северного и Северо-Восточного Казахстана, памятники эпохи бронзы тянутся широкой полосой на север и северо-запад до пределов Южного и Юго-Восточного Зауралья, граница их распространения заканчивается в лесостепной зоне, севернее которой памятники андроновской культуры не обнаружены.

Наиболее крупные комплексы памятников эпохи бронзы сосредоточены как в речных долинах, так и в горных равнинах. Статистические данные говорят о том, что в крупных комплексах погребений число отдельных оград определяется от 70 до 300 и более, что свидетельствует о густой населенности Центрального Казахстана в эпоху бурного развития пастушеского скотоводства и металлургии меди.

Центральный и Северо-Восточный Казахстан, как Алтай, Енисей и Южный Урал, были крупнейшими центрами бронзовой культуры. Культуру казахстанского палеометалла характеризует пять типов памятников:

1. Поселения и стоянки с остатками жилых и хозяйственных построек.
2. Древние рудники
3. Следы оросительных сооружений эпохи бронзы (районы Джезказгана, Прибалхашья, Каркаралинские и Баянаульские горы).
4. Памятники ритуального характера (менгиры, изваяния).
5. Обширные погребальные поля (каменные ограды и курганы)

Археологическими исследованиями установлено, что основная масса памятников эпохи бронзы встречается в верховьях рр. Сарысу, Ишим, Нура, Токраун и в долинах их притоков (рр. Атасу, Шерубай-Нура, Талды-Нура, Бегизы, Дамсы, Бурульак и др.), вблизи месторождений медной руды. Древние поселения обнаруживались в толще аллювия пойменных террас рр. Сарысу, Нура, Токраун и др.

Опыт полевых работ показал, что выявление памятников эпохи бронзы в низовьях крупных рек Центрального Казахстана Ишим, Сарысу, Нура, Токраун — задача нелегкая. Основная трудность заключается в том, что в долинах этих рек памятники погребены под толщей рыхлых отложений (суглинков и супесей). В результате бурных геологических процессов, происходящих в Центральном Казахстане, памятники, расположенные в районах воздействия эрозии и выветривания, с течением времени подверглись разрушению. Многие памятники, расположенные ближе к пойме и в обрывах рек были смыты потоками воды во время весеннего половодья. Разрушению памятников содействует и деятельность человека. Сравнительно хорошо сохранились памятники, расположенные в горных долинах, вдали от населенных пунктов. Надо полагать, что в толще земли еще много не обнаруженных памятников. На р. Сарысу в годы строительства Джезказганской железной дороги рабочие нередко наталкивались на ограды из плоских гранитных плит и каменные ящики, в которых были керамические сосуды, бронзовые предметы, скелеты людей. Подобные находки были в районе станций Жарых, Жанаарка, Тугускен. На железнодорожной станции Жанаарка (районный центр Жанааркинского района, Карагандинской области) при закладке фундамента здания были обнаружены массивные каменные ящики, погребенные в земле на глубине до 40 см. В 1946 году нам удалось обследовать один из таких ящиков, оказавшийся тишиным погребальным сооружением, характерным для эпохи бронзы. В ящике был целый, красиво орнаментированный глиняный сосуд, переданный рабочими учителю местной школы. При проведении земляных работ жители поселка Жанаарка находили обломки керамики и кости домашних животных. По-видимому, поселок, расположенный на левом берегу р. Сарысу,

был построен на стоянке эпохи бронзы, погребенной в толще аллювиальных отложений. Подобные открытия наблюдались на ст. Жарык при исследовании ее территории Н.В.Валукинским и нами на р.Шерубай-Нура, в населенных пунктах Дерпсалы, Тортаул и Карамурун.

Памятники эпохи бронзы под слоем аллювиальных отложений были обнаружены геологами на р. Ишим, около города Акмолинска, на р. Нура, южнее города Темиртау и в северо-восточной окраине Казахского нагорья. Глубина нахождения памятников эпохи бронзы зависела от мощности пойменных отложений. Толщина аллювия, под которой были обнаружены памятники на р. Сарысу, колебалась от 40 см до 1,5 м, в низовьях Нуры была больше. Для северо-восточных пределов Казахского нагорья (долины рр. Шидерты и Уленты) геолог Н.В.Никифорова определила толщину пойменных отложений от 1 до 6 м. «В основании современного пойменного покрова, — пишет она, — встречаются многочисленные остатки керамики и кости домашних животных».

Многие уцелевшие памятники обнаруживаются по едва заметным контурам, выступающим на поверхности земли. Такие памятники, как Дандыбай на р. Шерубай-Нура, плиточные ограды на р. Сарысу были обнаружены под слоем песка или рыхлых отложений.

Широкое распространение культуры бронзы в Центральном Казахстане было обусловлено его природными богатствами. Благодаря обширным пастбищам этот регион был крупнейшим центром древнего скотоводства. На основе богатейших месторождений медных руд Центральный Казахстан в первой половине второго тысячелетия стал одним из крупнейших центров древней металлургии на Евразийском континенте. На основе этих двух форм хозяйства здесь возникла и развилась самобытная культура, мощные следы которой сохранились до наших дней в виде остатков поселений, рудников и надгробных памятников.

В наше время ученые разных специальностей стали объединять свои усилия для совместного решения научных проблем. Так, археологи совместно с геологами занимаются поиском древних

рудников по признакам древних отвалов и разрезов. Археология находится в авангарде наук, занимающихся познанием древней истории, археологические открытия приобретают решающее значение при постановке теоретических положений в вопросах развития человеческого общества с древнейших времен.

БЕГАЗЫ – ДАНДЫБАЕВСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Центральный Казахстан – громадное степное пространство, лежащее на север от рр. Чу и Сырдарья, еще в древние времена поэтически названное Сарыарка. Сарыарка – обширное плоскогорье, окаймленное на юге Арало-Балхашской низиной, на западе – Каспийской равниной и Тургайской столовой страной, на севере – Западно-Сибирской низменностью и на востоке долиной Иртыша. По своим географическим условиям Центральный Казахстан представляет собой складчатую страну, изрезанную многочисленными реками и обширными водоемами. На фоне беспредельной степи возвышаются многочисленные горные цепи, создавая причудливую картину горностепного пейзажа.

Территория Казахского нагорья была известна античным писателям, называвшим ее Аспазией, или Скифскими горами, с которых стекали реки на юг, в Яксарт. По автору «Илиады», это была страна коневодов.

Древняя история Центрального Казахстана до нашего времени оставалась не изученной, и существовало представление, что в малообитаемых северных степях Казахстана не было очагов культуры. Даже прекрасный знаток древней истории Средней Азии В. В. Бартольд считал, что «последней культурной местностью было пространство между берегом Сырдарьи и горами Каратау», а далее на север, по его мнению, лежала необитаемая степь. Эта ошибочная концепция была впервые опровергнута одним из ведущих исследователей древней истории Казахстана М.П.Гризиным.

Результаты археологических исследований нашей экспедиции, раскопки большой серии памятников эпохи бронзы позволяют представить картину исторического прошлого племен, населявших Центральный Казахстан в ту эпоху.

Культура бронзы находит свое яркое выражение в группах поселений, в культовых сооружениях и некрополях, в рудниках и оросительных сооружениях, в керамическом и каменотесном искусстве, а также в зачатках каменной скульптуры, в обработке металлических и костяных изделий. Все это в совокупности

свидетельствует о том, что в Центральном Казахстане в эпоху бронзы и раннего железа, в период освоения меди, олова, свинца и других металлов, происходил бурный процесс развития и смены культур у многочисленных этнически родственных между собой степных племен. Благодаря необычайным богатствам недр и природным условиям этот регион стал одним из крупнейших центров древней металлургии и древнего скотоводства.

Представленный труд является итогом многолетних археологических исследований в Центральном Казахстане. Перед нами стояла задача изучения основных проблем развития культуры предскифского времени в Казахстане, непосредственно перешедшей в культуру ранних кочевников. Мы надеемся, что открытие, сделанное нами, разрушит сложившиеся ошибочные представления и восполнит знания по древней истории.

В полевых исследованиях Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция опиралась на поддержку организаций Улытауского, Жезказганского, Жыжаркинского, Шетского, Актогайского, Каркаралинского районов, музеев Жезказгана, Семипалатинска, Павлодара, Караганды, Целинограда. В работе экспедиции посезонно принимали участие археологи Л.Р. Кызласов, М.К. Кадырбаев, М.М. Оразбаев, Г.Н. Пацевич, Т.Н. Сенигова, А.Г. Максимова, Х.А. Алшасбаев, Г.В. Кушев, художники П.В. Агапов, К.А. Власов, студенты Казахского государственного университета, Казахского педагогического института, Карагандинского педагогического института и другие. Автор выражает всем глубокую признательность и благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

Археологические памятники Центрального Казахстана с давних пор привлекали к себе внимание путешественников¹. О них упоминают посланники Петра I к Тауке-хану Ф. Скибин и М. Трошин, проехавшие от Тобольска до Туркестана через степи Северного и Центрального Казахстана².

Впервые о курганных сокровищах этих степей сообщил польский общественный деятель Юрий Крижанич (XVII в.). По его свидетельству, в это время здесь очень деятельно работали кладовискатели, раскапывавшие гробницы древних народов, а добытые сокровища продавали в Тобольске³. Интересные данные по археологии и этнографии Центрального и Северо-Восточного Казахстана сумел собрать шведский ученый Ф. Страленберг (1676-1747 гг.), сосланный в 1711 г. на поселение в Тобольск, где он прожил 12 лет. Занимаясь географией, историей, археологией и этнографией местных народов, он зарисовал ряд археологических объектов: древние каменные сооружения, рудники, наскальные рисунки, надписи на камнях. «Это такая прекрасная древность, какую трудно найти в другом месте», — писал он о памятниках, расположенных между верховьями рек Ишим и Тобол (т.е. в Улытауской и Тургайской степях)⁴.

Огромный интерес к памятникам Центрального Казахстана проявлял Г.Ф. Миллер. Его особенно интересовали древние выработки, остатки плавильных печей, трейгердов, древние каменные сооружения, которые в те времена были еще в полной сохранности. Миллер имел возможность путешествовать только по пограничным районам, поскольку ханская власть препятствовала работам на этой территории.

Посещение территории Центрального Казахстана стало возможным только со второй половины XVIII века. Начиная с этого времени, здесь побывали сотрудники Второй академической экспедиции, в том числе И.П. Фальк, Х. Барданес, И.Г. Георги, П.С. Паллас, П.И. Рычков и др., проявившие живой интерес

к археологическим памятникам этого региона. О памятниках Центрального Казахстана в своих записках часто упоминают офицеры Волошанин, Н. Рычков, И. Андреев, Безносиков, работники Колыванского металлургического завода на Алтае Буриашев, Снегирев, Пospelов и др. Наиболее интересные сведения по археологии региона оставили Гавердовский, Г. Генс, Б.Ф.Герман, И.П. Шангин, Г.И. Спасский, Х. Морен, Г.Розе, В.Ледебург, Гельмерсон и др.

В первой половине XIX в. в Центральный Казахстан устремились десятки кладонскателей, занимавшиеся грабежом древних курганов и гробниц эпохи бронзы, при этом уничтожая сотни уникальных памятников. Добытые предметы искусства из золота и серебра не передавались в музей и по существу исчезали. О некоторых находках этого времени известно лишь из записок С.Б. Броневского, А.И. Бахирева, Дарто. Офицер С.Б. Броневский писал о том, что им было разрыто большое число каменных оградок и древних курганов, расположенных в горных долинах Каркаралинских и Кентских гор. Среди множества находок были образцы древнего искусства¹. Он выбирал только металлические предметы, пренебрегая керамикой. Найденные вещи отправлял в Румянцевский музей. Чиновник Дарто также занимался «фасковками Каркаралинских курганов для извлечения древнего сокровища»⁶.

Особенно заядлым кладонскателем был секретарь Каркаралинского окружного приказа А.И. Бахирев. Бронзовые орудия, в том числе кельты разных типов, янскобушные топоры, кайла, кинжалы и ножи, обнаруженные Дарто, Бахиревым, Фроловым, в 1868 г. были показаны на выставке, устроенной по случаю приезда в степь Великого князя Владимира Александровича⁷. Экспонаты были сфотографированы профессором Петербургского университета Ф.К.Кесслером и преподавателем Омского кадетского корпуса Н.П. Буланже. Фотографии хранятся в фонде Госархива Октябрьской революции и советского строительства в Ленинграде⁸.

Большой материал по культуре эпохи бронзы и ранних кочевников Центрального Казахстана собрал А.И.Шренк во время

200 скребков, большинство на отщепах, 26 нуклеусов, 10 проколов, 7 наконечников стрел, 4 резца, 2 трапеции, 2 миниатюрных диска с двухсторонней обработкой, всего около 2000 кремневых предметов.

Значительное количество неолитических стоянок открыто и исследовано А.Г. Медоевым и геологом С.В. Лопатыным в Северо-Западном Прибалхашье, в долинах рр. Мониты, Науалы, Жалаулы, озера Кокломбак и в районе водораздела рр. Мониты-Сарысу. Это густонаселенный район Карагандинской области с многочисленными рудниками, совхозами и новостройками. Неолитические стоянки этого района потревожены, не имеют первоначального вида, как в Бетпакдале и в пустынных и полупустынных районах Северо-Восточного Прибалхашья. Характерную особенность стоянок составляет господство кремневых орудий.

В Северо-Западном Прибалхашье исследованы наземные стоянки в обнажениях ветровой эрозии и на местах дефляции.

Документальные данные полевых работ по стоянкам Северного и Северо-Восточного Прибалхашья сводятся к следующему

1. Стоянка Караунгур открыта А.Г. Медоевым в 1960 г. у родника, в 115 км от г. Балхаша на восток и в 35 км на север от береговой линии оз. Балхаш. Стоянка наземного типа, ее площадь 2500 м². На поверхности стоянки собрано около 4500 кремневых изделий, в их числе мелкие скребки на отщепах различных форм (225), наконечники стрел (12), ножевидные пластинки с ретушью (202), миниатюрные орудия типа трапеций, мелких резцов, проколов, в том числе ретушеры (20), нуклеусы призматического типа (52), нуклеусовидные формы (16), поперечные сколы с нуклеусов (7), заготовки, большинство которых с ретушью (900), отходы производства (300).

Основное сырье для изготовления орудий: кремнь, яшмокварцит. Керамики нет. Стоянку Караунгур по ряду признаков А.Г. Медоев датирует ранним неолитом. В полукилometре от стоянки на северо-запад в горах Караунгур имеются наскальные рисунки, основная масса которых датируется эпохой неолита.

2. Стоянка Тесиктас I. Группа Тесиктас была открыта в 1959 г. геологом Г.М. Козловским и в 1960 г. обследована А.Г. Медоевым.

Стоянка наземного типа с микролитическим инвентарем, расположена у родника в 4 км на северо-восток от стоянки Караунгур. Площадь стоянки 60х 60 м. В сборах – скребки на отщепках (26), ножевидные пластинки (24), нуклеусы (6), нуклеидные орудия (5), режы сколы нуклеусов, скобель-провертка, всего около 150 предметов. Керамики нет. Сырье – кремьнь, кварцит, яшмокварцит. Недалеко от стоянки в горах Тесиктас находится наскальные изображения, значительная часть которых датируется эпохой неолита.

3. Стоянка Тесиктас II расположена у пересохшего родника в одном километре на северо-запад от стоянки Тесиктас I, площадь стоянки 25х30 м. Сборы включают скребки на отщепках (19), ножевидные пластинки с ретушью со спинки, режы с брюшка (25), ножевидные пластинки без ретуши (89), нуклеусы (5), отщепы небольших размеров (28).

4. Группа стоянок Сусызкара. Под этим названием выявлены и изучены неолитические стоянки в восьми пунктах, которые расположены на небольшом расстоянии друг от друга, южнее и севернее стоянки Караунгур, все одновременные. Из них самые дальние от Караунгур находятся в 18-23 км, самые близкие – в 4,5 км. Со всех стоянок Сусызкара собрано 4700 кремневых предметов. Самый обильный материал собран на стоянках Сусызкара 8, 11.

5. Сусызкара 8 расположена в юго-восточных отрогах горы Джиренсуат, в 9,5 км на юго-восток от стоянки Караунгур. Стоянка наземного типа с микролитическим инвентарем, площадь с культурными остатками 10000м². Среди находок многочисленные ножевидные пластинки (58), скребки на отщепках (49), 2 нуклеуса с вертикальным сколом, наконечник стрелы, отщепы, фрагменты орудий, нуклеидные формы (300), осколки, чешуйки (свыше 500). Керамики нет. Материал: кремьнь, кварцит, яшмокварцит.

6. Сусызкара 11 расположена у родника, в 23 км к юго-востоку от стоянки Караунгур. Стоянка наземного типа и площадью около 14400 м². На стоянке собран микролитический инвентарь: скребки

на отщепках – 129 (размеры малых 1х0,5см, более крупных 6х4 см), ножевидные пластинки с ретушью со спинки, режы с брюшка, в сечении в виде трапеции и треугольника (10), пластинки без ретуши – 64, наконечники дротиков и стрел различных форм, нередко с выемкой в основании, лавролистные и другие – 14, нуклеус плоский с негативами сколов в вертикальном направлении, нуклеидные формы, фрагменты орудий, отщепы (большинство с ретушью) – всего 406 экземпляров. Отходы производства свыше 3000 экземпляров. Керамики нет. Сырьем для изготовления орудий служили кремьнь, яшмокварцит.

7. Стоянка Калмак-Эмель расположена у родника, в 70,5 км на северо-восток от стоянки Караунгур и в 120 км к востоку от р. Токраун. Стоянка наземного типа, площадью около 4200 м². С поверхности стоянки собрано около 500 предметов микролитического инвентаря, среди них скребки на отщепках малых размеров 1х1 см и более крупных 3,5х4 см – 63; ножевидные пластинки – 35 (с ретушью с брюшка, режы со спинки), треугольной и трапециевидной форм в сечении с минимальной длиной 1 см и максимальной 4 см – 9; наконечники стрел (лавролистные, черешковые) – 3, нуклеусы призматические – 2, фрагменты нуклеусов – 8, отщепы, заготовки для скребков – свыше 100, отходы производства – более 300. Керамики нет. Сырье – кварцит, яшмокварцит.

8. Стоянка Аркарлы расположена в 110 км на север от рудника Саях и в 128 км на северо-восток от стоянки Караунгур. Здесь обнаруживается наслоение культур разных времен (палеолит, неолит, бронза). Судя по типу нуклеусов и скребков, это стоянка более древняя, чем описанные выше. Среди кремневого инвентаря преобладают скребки на отщепках (159), ножевидные пластинки с ретушью и без нее (125), нуклеусы с вертикальными негативами сколов (7), наконечники стрел (3), отщепы небольших размеров (свыше 100). Керамики нет. Материал – кремьнь, яшмокварцит. Несколько севернее стоянки, у родника Аюкар, на плоскостях коренных пород находится множество наскальных рисунков, большинство которых синхронно с микролитической культурой Северного Прибалхашья.

В Северном Прибалхашье А.Г. Медоевым открыты еще два десятка неолитических стоянок. Это – стоянки Туранга, Кызылжар, Ушозек, Ушкызыл, Ауганбай, Шайдан, Сарымсақты, Котан-Эмель, Калмакжаткан-Карашат, Ақшоқы, Аңиозек и др. На этих стоянках А.Г. Медоевым собрано около 11000 кремневых изделий, из них скребков 744, наконечников стрел и дротиков 50, ножевидных пластинок с ретушью 146, без ретуши 630, нуклеусов 135, нуклеидных предметов 55, мелких резцов, проколов 50, скобелей (2), скребел (2), одно дисковидное грузило, три отбойника, заготовок 900, мелких отщепов 1440, отходов производства – 6 800 единиц.

В 1960 г. А.Г. Медоевым открыто несколько десятков стоянок в водоразделе Токраун–Аягуз, где пролегали маршруты от рудника Саяк до Чингизского хребта и от правобережья реки Аягуз до Чубартауского района Семипалатинской области. В горах Музбель, Кызылгас, Алтын-казык, у рудника Каскабулак, Когульдур, Акирек обследовано около 25 стоянок, собрано 400 ножевидных пластинок, 200 скребков, большинство на отщепах, 26 нуклеусов, 10 проколов, 7 наконечников стрел, 4 резца, 2 трапеции, 2 миниатюрных диска с двухсторонней обработкой, всего около 2000 кремневых предметов.

Из неолитических стоянок Северо-Западного Прибалхашья и водораздела Мониты-Сарысу более внимательного исследования заслуживают следующие:

1. Стоянка Кокдомбак расположена у рудника, в 18 км к северу от озера Кокдомбак, в 60 км на северо-запад от г. Балхаш и в 35 км к юго-западу от гор Бектау-ата. Стоянка наземного типа с микролитическим инвентарем на площади около 5000 м². На стоянке собрано свыше 200 кремневых изделий, среди них относительное большинство наконечников дротиков и стрел (41) говорит о ведущем значении охоты для обитателей стоянки и о том, что стоянка эта более древняя. Собраны также скребки на отщепах (40), незначительное число ножевидных пластинок, много нуклеидных обломков и отщепов с ретушью и без нее, всего 125 предметов.

2. Стоянка Жолдае расположена у рудника того же названия в 15,5 км к юго-западу от рудника Акшатау. Стоянка наземного типа с преобладающим числом микролитов. На стоянке собрано 320 кремневых изделий, изготовленных из различных горных пород. Среди орудий преобладают скребки на отщепах (26), размеры которых варьируют от 1,5x1,5 см до 2,5x2,5 см, наконечники стрел в фрагментах (2), нуклеусы призматического типа (2), ножевидные пластинки (14) с ретушью на краях со спинки и брюшка, треугольной и трапециевидной форм в сечении, длиной от 0,5 см до 4,5 см, ножевидные пластинки того же типа, но без ретуши (95), много отщепов, заготовок для скребков с ретушью.

3. Стоянка Айна-булак расположена у одноименного озера в 40 км на юго-восток от пос. Акшатау Шетского района Карагандинской области. Стоянка сильно потревожена и размыта.

Собрано около полутора десятка кремневых орудий, среди них скребки на отщепах, нуклеусы конусовидного и призматического типов, заготовки для нуклеусов, отщепы. Керамики нет. Все орудия изготовлены из кремнистых пород, характерных для этого района.

4. Стоянка Егинды-булак расположена у рудника того же названия в 42,5 км к юго-западу от пос. Акшатау и в 18 км к востоку от левого берега р. Мониты. Стоянка наземного типа с микролитическим инвентарем. Собрано около двух десятков кремневых орудий, в том числе скребки на отщепах (8), ножевидные пластинки с ретушью (2), наконечник стрелы, отщепы. Керамики нет.

5. Стоянка Талды-булак расположена у рудника того же названия, недалеко от левого берега р. Мониты, в 43 км на юго-запад от пос. Акшатау и в 18 км на юго-запад от стоянки Егинды-булак. Стоянка сильно потревожена и размыта. Сборы незначительные.

6. Стоянка Султан расположена у рудника недалеко от древнего рудника Аксоранг, в 27,5 км на юго-запад от пос. Акшатау. Стоянка наземного типа с площадью культурного залегания 8000 м². Собрано около 200 кремневых предметов, в том числе скребки на отщепах различных форм (21) размерами от 1x1 см до 3x2,5 см, обломки ножевидных пластинок трапециевидного и треугольного сечения, длиной от 0,5 до 3,5 см, часть с ретушью

(54), единичные экземпляры наконечников стрел, нуклеусов конусовидных и призматических, много отщепов. Керамики нет. В районе Монгты-Сарысуского водораздела стоянки Кызылэспе, Бейт, Сасыкбай, Караоба, Жаманшилик были открыты и исследованы А.Г. Медоевым.

Неолитические стоянки обнаружены в 1948 г. в низовьях р. Монгты, в 28 км к юго-востоку от ст. Науалы (Новалы) Балхашской ж. д.¹³. Собранный кремневый материал хранится в Джамбулском краеведческом музее.

Интересная группа неолитических стоянок обследована С.В. Лопатиным в 1953 г. в долине р. Монгты и в Северном Прибалхашье. Открыто шесть стоянок, из которых одна – «поселение озерное» у северо-западного подножия горы Ушкызыл. Собрано около ста кремневых орудий – ножевидных пластинок, остроконечников, а также фрагмент сосуда грубой лепки.

Стоянка Акжал I открыта и обследована С.В. Лопатиным в 1953 г. в 20 км к югу от пос. Акшатау. Стоянка наземного типа с площадью культурного слоя 2500 м². С поверхности стоянки собрано несколько сот кремневых орудий и отщепов, среди них преобладают ножевидные пластины, остроконечники, скребки. Значительное скопление отщепов и сколов кремня дает основание заключить, что изготовление каменных орудий производилось на месте¹⁴.

Стоянка Акжал II наземного типа с микролитическим инвентарем, расположена у родника в районе пос. Акжал, разрушена строительными работами. Кремневые орудия типа ножей, скребков и треугольных остроконечников встречены на выбросах из ямы. В стоянке обнаружен слиток черной меди весом в 860 г¹⁵, что свидетельствует о существовании двух слоев, поскольку находка характерна для эпохи энеолита.

Стоянка Акжал III расположена в долу, примыкающем к долине р. Жамши, недалеко от пос. Акжал, в 40 км южнее Акшатауского рудника. Стоянка наземного типа с микролитическим инвентарем. В сборе преобладают ножевидные пластины и скребки, сходные с инвентарем стоянки I. Керамики нет.

Стоянка Акжал IV расположена у родника в 20 км южнее пос. Акжал по дороге на старый рудник Кызылэспе. Собрано 20 кремневых орудий.

Стоянка Акжал V расположена у родника к юго-востоку от пос. Акжал в долине р. Жамши. Собраны кремневые орудия – нуклеусы, скребки, ножевидные пластины, а также обломки сосудов лепной работы¹⁶.

В 170 м на северо-восток от стоянки обнаружены неглубокие ямы, занимающие площадь протяженностью 700 м. Это – остатки поселения эпохи бронзы, сохранившиеся в виде ям глубиной до 30-40 см. Ямы имеют овальную форму размерами 5x7 м и 7x14 м. Около ям обнаружены следы жертвоприношений, выступающие на поверхности в виде слоя угля и золы. В зольном слое масса пережеванных костей крупных животных. В ямах (землянках) прослежено значительное скопление кремневых орудий из красной яшмы и зеленоватого кремнистого сланца. Часть поселения уничтожена земляными работами¹⁷. Это один из примеров, когда жилища эпохи бронзы возникали на месте древних стоянок эпохи неолита и доказательство существования преемственности и этнической связи между племенами неолита и эпохи бронзы.

В Северном Прибалхашье в горах Тологай, расположенных в 60 км на северо-запад от рудника Акшатау, геологом М.Г. Котовым прослежены неолитические стоянки, где обнаружен черешковый наконечник стрелы из халцедона.

Значительное число неолитических стоянок в Баянаульской и Каркаралинской степях и Северном Прибалхашье, а также скопление кремневых орудий свидетельствуют о густой населенности этих мест в древние времена и долговременном пребывании здесь человека.

Неолитические стоянки пустыни Бетпакадала

Для возникновения неолитических стоянок в пустыне Бетпакадала было два фактора: богатая фауна и наличие большого запаса кремневых пород, составивших основу жизни неолитического человека, занимавшегося охотой. Наскальные рисунки того

времени свидетельствуют также о том, что человек эпохи неолита занимался приручением, одомашниванием диких животных.

По наблюдениям исследователя пустыни Бетпадала Д.И.Яковлева, район колодца Кылькоча, расположенный в северо-восточной части пустыни, состоит из выходов хшмокварцита, кремнистых сланцев, окремненных, ороговиконанных пород, молочно-белого халцедона¹⁸.

Характерную особенность кремневых пород Бетпадалы составляет разнообразие их красок – зеленого, зеленовато-серого, лилового, вишневого, красного, серого, нередко молочного и просто прозрачного. Многоцветная гамма характерна для яшмы, змеевика и халцедона. Восхищенный красотой халцедона, сердолика и яшм, проф. Д. И. Яковлев пишет: «Расцветки яшм очень разнообразны и представлены белыми, светлосерыми, зелеными, красными и лиловыми красками. При желании можно подобрать очень сложную гамму тонов»¹⁹. Д.И.Яковлев обследовал месторождения этих минералов в Северной Бетпадале, в районах колодцев Садык-Куйген, Кылькоча, в горах Болитгау и Эргенекты-Пстаи²⁰. Кремневые орудия, хранящиеся в Джекказганском и Карагандинском музеях, по минералогическому составу и цвету совпадают с яшмами, халцедонами, опалами и рогамиками Северной Бетпадалы и Присарысуйских гор. В свое время это было отмечено К.И.Сатпаевым. Горные породы южных шпирот Центрального Казахстана – кремнистые кварциты, сланцы, халцедоны, яшмы, змеевики очень тверды, они допалеозойского происхождения²¹. О твердых породах Сарыарки геолог Н.И.Наковник пишет: «Самый твердый после алмаза – сапфир. Весь склон горы Семиз-Бугу состоит только из этого минерала». Фактом нахождения корунда в кварцитовых породах был поражен М.П.Русаков. Академик А.Е. Ферсман был восхищен при виде семизбугтинского корунда: «Смотрите на этот прекрасный синий камень. Где вы видели что-нибудь подобное и при этом в родстве с кварцитом? Поистине – это жемчужина Казахстана»²². Исключительный интерес к этим твердым и разноцветным породам проявляли и неолитические племена степного Казахстана и, как свидетельство

этого, все орудия труда и охоты были изготовлены из этих пород – яшмы, халцедона, опала, рогамика, кварцита, а также благородного опала и горного хрусталя.

Кремневые орудия и нуклеусы из рогамика, яшмы, халцедона были найдены В.А. Селевиним во многих местах пустыни Бетпадала. В 1929 году он нашел их на выдувах долины р. Боктыкарын, левого притока р. Сарысу, в 1934 г. – в обнажениях глубокого обрыва (Чинг) Кеңдерлик и в Центральной Бетпадале, недалеко от колодца Уванас, по дороге Түйежел. На этих стоянках В.А. Селевиним собраны нуклеусы, каменные наконечники стрел, скребки, ножевидные пластинки и переданы для обработки руководителю отдела археологии САГУ проф. М.Е. Массону. О своих находках В.А. Селевин писал: «Изделия из камня, относящиеся, по-видимому, к неолиту, известны из разных мест в песках по р. Сарысу и к северу от г. Туркестана. Нашей экспедиции в 1934 г. удалось обнаружить в пределах Бетпадалы в районе колодца Уванас и ключей Кеңдерлик наконечники каменных стрел и мелкие осколки кремня»²³. Экспедиция САГУ 1929 г. привезла аналогичные предметы эпохи неолита с западной окраины Бетпадалы, из долины соленой речки Боктыкарын²⁴. С развитием полевых экспедиционных работ сведения о неолитической культуре долины р. Сарысу и пустыни Бетпадала стали приумножаться.

В 1936 г. главным геологом Джекказганского рудоуправления К.И. Сатпаевым на выдувах песков р. Сарысу и Жеты-Конур был открыт ряд стоянок позднего неолита и ранней бронзы и в большом количестве собраны кремневые орудия – отбойники, топоры, черенковые наконечники стрел из третичных опок. Были найдены также обломки глиняной посуды. По наблюдениям К.И. Сатпаева, много кремневых орудий обнаруживается в пределах Голодной Степи (Бетпадалы)²⁵.

Значительные сборы неолитических орудий сделаны проф. А.В.Мухля в Центральной Бетпадале, в 75 км северо-восточнее колодца Борытескен, в районе метеостанции Когашик²⁶, а также около родников в районе Тасбулака. По его наблюдению, неолитические охотники останавливались у источников воды –

ключей, родников и открытых водоемов, где в наше время такыры. В коллекции А.В. Мухля микролитические орудия – кремневые наконечники стрел, концевые скребки, ножевидные пластинки.

В Бетпадале встречаются стоянки со следами кратковременного пребывания человека. Это стоянки-мастерские по изготовлению кремневых орудий. Неолитические охотники нередко в поисках добычи заходили в пустыню Бетпадала и здесь же делали кремневые орудия.

Следы временных стоянок-мастерских обнаружены нами в 1947 г. на берегу р. Жидели, в урочище Кипшакпай и Кокек, в 5 км на юго-запад от большой караванной дороги, идущей с юга на север²⁷ и к юго-западу от урочища Кипшакпай. Одна из стоянок расположена у подножия холма, у родника с пресной водой, родник и в наше время служит местом отдыха для проезжающих через Бетпадалу. Стоянка-мастерская выступает над поверхностью почвы в виде бугорков высотой до 20-30 см, диаметром от 1,5 до 3 м. В ней обнаружено большое скопление кремневых отщепов, пластин и сколов, но мало готовых изделий. Найден наконечник стрелы листовидной формы из кремня бело-молочного цвета, обработанный тонкой двусторонней ретушью, длиной 3,5 см, шириной 1,2 см. В этой же технике изготовлен второй кремневый наконечник стрелы с обломанными концами. Среди находок особое место занимают ножевидные пластинки (10) с ретушью по краям, изготовленные из опала и кремня серого и кремневого цветов, размером 3-3,5 см, при ширине 1-1,2 см. Основную часть недоработанных изделий составляют округлые и сегментовидные скребки из полупрозрачного опала, ретушированные по краям, диаметром 2-2,5 см. Концевые скребки были изготовлены из тонкой пластины с ретушью по одному концу. Для концевых скребков часто использовались сломанные пластинки с затупленными краями. Основным сырьем для изготовления орудий служили кремень, халцедон, опал, яшма, опока, кварцит серого, кремневого, белого цвета, сравнительно реже зеленого и красного.

Река Жидели расположена в 180 км к югу от рудника Каражал на р. Атасу. В 1968 г. по нашим следам ее посетил М.Н. Клапчук,

обнаруживший здесь три стоянки. Он пишет: «Множество неолитических находок встречено по берегам пустынной реки Жидели»²⁸. Он обнаружил еще две стоянки у родника Каипмергенный-Карасу (у Клапчука неточно Каипберген), расположенного в 45 км к северу от р. Жидели.

Стоянка-мастерская открыта нами в 1947 г. в горах Урда-Шагил, в 20 км к северу от Сорбулака (Байкожа). Характер стоянки аналогичен стоянке у р. Жидели²⁹. В 25 км к юго-западу от гор Урда-Шагил и в 25 км на северо-запад от Сорбулака у родника Тохумтыккан в 1951 г. Вильяндиным открыта стоянка, где собраны нуклеусы (3), ножевые пластинки (10), скребки (9), пластины (4)³⁰.

Стоянки-мастерские обнаружены нами в Восточной Бетпадале, у родника, южнее мавзолея Исака. Сборы микролитических орудий в этом регионе сделаны еще В.А. Селевиным в 1936 г.³¹, в 1955 г. проф. А.В. Мухля собрал кремневые орудия (скребки) между горами Жамбыл и Тасбулак³². В Северо-Восточной Бетпадале в урочище Тарлакат, в горах Майжарышган, восточнее гор Жамбыл, ближе к Западному Прибалхашью, у колодца Азат сборы сделаны М.Н. Дублицкой. Эти сборы хранятся в Джамбулском областном краеведческом музее. Значительная группа неолитических стоянок открыта и исследована в 1967-1968 гг. в Северо-Западной Бетпадале, где много яшмокварцита и других твердых кремнистых пород, есть источники подземных вод, залегающих не очень глубоко, много такыров (дно высохших озер), заброшенных колодцев. Здесь на берегу высохшего озера располагалось несколько групп стоянок: Айдарлы (1-2), Жаман-Айбат(1-2), Алатакыр(1-6), Коскудук (1-8), Шыбынды (1-3), Аккудук (1-4)³³. Все они расположены недалеко друг от друга, в части пустыни, примыкающей на западе и северо-западе к барханам Жеты-Конура. Некоторые из этих пустынных стоянок замечательны тем, что расположены в комплексе с памятниками более древнего периода, носящими на себе следы деятельности палеолитического человека в виде крупных и грубых орудий. Группа Айдарлы расположена в 150 км к юго-западу от рудника Каражал, в 36 км к югу от низовьев р. Коктас (зимовка Ольке), у подножия горы Айдарлы, где много

яшмы и кварцита. Занимает площадь в виде узкой полосы по юго-западному берегу такыра протяженностью около 1 км, шириной 20-30 м. Здесь обнаружено большое число нуклеусов²⁴.

Группа стоянок Алатакыр расположена в 2-3 километрах от Айдарлы I. Здесь выявлено до шести стоянок и все они располагаются по краю такыров.

Группа Коскудук расположена в 12 км к востоку от такыров Айдарлы на древней караванной дороге, идущей с низовьев р. Чу в долину р. Коктас и на Сарысу. Это одно из местонахождений каратауского палеолита в Северной Бетпакале, который вместе с Айдарлы II составляет единый комплекс. Рядом расположены неолитические стоянки Коскудук 6 и 8. Они были осмотрены нами в 1947 г., а затем М. Н. Клапчуком в 1967 г. Поверхность стоянок покрыта сколами и желваками яшмы, целые орудия встречаются крайне редко²⁵.

Группа Шыбынды (у М.Н. Клапчука неточно Шабьнды) расположена в 6 км к северу от группы Коскудук и в 36 км к югу от низовьев р. Коктас (Ольке), на той же караванной дороге.

Подобно стоянкам на р. Жидели и Коскудук 6 и 8 группа Шыбынды представляет собой классический тип стоянок-мастерских. Общая площадь с культурными остатками составляет не менее трех квадратных километров²⁶. Поверхность стоянок покрыта отходами производства (сколами и чешуйками), отщепами, нуклеусами и их обломками. На месте мастерских целые орудия не встречаются, готовые орудия охотники уносили с собой – факт, составляющий специфику неолитической культуры Бетпакалы.

Группы неолитических стоянок были открыты в 1964-1965 гг. в Западной Бетпакале, в районе восточных дюн барханов Жеты-Конура. Здесь выявлены две стоянки Жаман-Айбат I и Жаман-Айбат II. Первая расположена в 11 км к юго-западу от одноименного хребта, на восточных дюнах бархана Талды-Конур (или Кент-Конур). Вторая – в 8,5 км от северо-западного подножия хребта. На обеих стоянках собраны нуклеусы (3), ножевидные пластинки (106), концевые скребки (15), скребки на отщепе (44), трапеции (2), обломки наконечников стрел (4), наконечники копий (4), фрагменты керамики (2), отщепы (720).

Дюнные поселения Жеты-Конура расположены в северо-западной части Бетпакалы, в Жездинском районе Карагандинской области. Это оазис в барханах, контрастно выделяющийся на фоне окружающей пустыни не только своими физико-географическими особенностями, но и заметными следами древней культуры. В этом районе грунтовые и артезианские воды пополняются в осенне-зимний период, к тому же в этих местах нередко встречаются глубокие водоемы – озерки с пресной водой. Благодаря обилию почвенных вод здесь многообразный растительный покров. Все это обусловило возникновение дюнных поселений.

Дюнные поселения Жеты-Конура были открыты в 1936 г. К.И. Сатпаевым. Впоследствии эти дюнные поселения осмотрены многими учеными. Судя по наличию многочисленных следов обитания древнего человека, барханы Жеты-Конура были одним из мест обитания неолитических племен Центрального Казахстана. Нашей экспедицией обследованы стоянки в глубине барханов Жеты-Конура, в местностях Жидели-Конур и Талды-Конур.

По обилию кремневых материалов и культурным остаткам дюны Жеты-Конура составляли единую систему со стоянками бассейна р. Сарысу, Джебказгана и Караганды. В дюнах найдены как микролиты, характерные для Бетпакалы, так и массивные орудия, характерные для северных степей, и, в частности, для долины р. Сарысу.

Первые сборы с дюнных стоянок Жеты-Конура сделаны в 1945 г. В.Г. Григорьевым, проводившем наблюдения в песках Жидели, Кзылкент, Карабулак. Среди его сборов есть нуклеусы, ножевидные пластинки длиной 3,5 см, шириной 1,2 см (9), скребки различной формы (12), наконечники стрел из кремня белого цвета с тонкой ретушью (2), ручное рубило, вкладыши (2), резцы (2), орудие с боковой выемкой, сверло, фрагменты лепной керамики (24) и др. Часть коллекции В. Г. Григорьева хранится в Карагандинском музее, часть в музее ИИАЭ АН КазССР.

Солидные сборы с дюнов Жеты-Конура были сделаны в 1947 г. сотрудниками ЦКАЭ. Собрано много отщепов и кремневых орудий различной степени обработки. Среди орудий – десять ножевидных пластинок из опоки с краевой ретушью длиной от 1,5 см до 3,5

см, шириной 1-1,2 см, одна пластинка из полупрозрачного опала, девять скребков, из которых шесть округлых с обивкой по круглому краю, диаметром 4-5 см, толщиной 5 мм, один скребок треугольной формы из кремня кремового цвета, длиной 1,5 см, один — крупный с краевой ретушью, длиной 4 см, а также скребок с резцовым сколом; наконечники стрел с двухсторонней обработкой длиной 4 см; два наконечника стрел с двухсторонней обработкой длиной 5 см, ручные рубила из кремнистого сланца длиной 10 см и длиной 2,5 см — по два, вкладышевые лезвия, резцы, сверло, керамика ручной лепки без орнамента²⁷.

В 1957 г. А.А. Слудским открыта стоянка на Мулюн-Кумах, расположенная к востоку от левого берега р. Сарысу. Здесь на восточных выдувах барханов против колодца Табан-Кудук, находящегося в 48 км к югу от барханов Самена, им собраны нуклеусы, скребки, ножевидные пластинки, наконечники стрел, а на стоянке Жидели-Конур, помимо указанных выше орудий, подняты точильные камни и обломки сосудов ручной лепки. Сборы А.А. Слудского хранятся в музее АН КазССР.

Стоянки в Бетпакдале были местом остановок охотников в период осенней миграции животных с севера на юг. Из-за суровых природных условий охотники могли пребывать здесь короткое время. Возможно, перед суровой холодной зимой охотники уходили на юг к низовьям рр. Чу и Талас, в Семиречье. Об этом свидетельствуют однотипные каменные орудия, в большом количестве находимые по всей степи от р. Тамды и Джезказгана до берегов р. Чу. На р. Чу в 1948 г. была открыта стоянка, сходная со стоянками Джезказгана и Сарысу, где собран однотипный материал²⁸. Бетпакдалинские микролиты сделаны из опала, халцедона, яшмы и роговика, а сарысуские орудия из кварцита и алеврита.

По мнению М.Н. Клапчука, бетпакдалинские микролиты составляют особую культуру, отличную от неолитической культуры северных степей. Различия связаны с горными породами Бетпакдалы, при их обработке получались более мелкие отщепы, чем из пород северных степей.

Неолитические стоянки бассейна р. Сарысу

Значительная серия стоянок дометаллической культуры открыта в бассейне р. Сарысу. Они расположены вдоль берегов р. Сарысу и в долинах ее притоков. Это группы Коктынколь, Тогтискен, Кызылжар, Борибас, Сары-Узен, Каражар (Саргот), Талмас-ята, Тузды-сай и, наконец, Боктыкарын, обнаруженная В.А. Селевиным в 1929 г.

Стоянки Коктынколь впервые были открыты Н. Харламовым в 1937 г. Расположены они у южного подножия сопки Карашоки северных отрогов горы Ортау, на берегу озера Коктынколь Жанааркинского района Карагандинской области. Нами были собраны сколы, отщепы, нуклеусы, ножевидные пластинки, скребки, резцы, топор из цветного камня. Некоторые орудия носят на себе архаические черты²⁹.

Долина верхнего течения р. Сарысу была в те времена густо населена и порой невозможно обнаружить стоянки эпохи неолита и бронзы по их внешним признакам, они либо давно разрушены, либо погребены под землей. Лишь в редких случаях при проведении земляных работ попадаются следы неолитических стоянок в виде скоплений кремневых орудий и костей животных. Так, при строительстве железной дороги Караганда-Джезказган, строительстве станций Жарык и Жанаарка, при проведении земляных работ на участках между этими станциями обнаруживались древние культурные слои, сборы с которых делали местные жители. Однако, из-за отсутствия соответствующего археологического надзора находки не были зафиксированы и бесследно исчезли. Лучше сохранились неолитические стоянки в редконаселенных местах р. Сарысу, в районах ее среднего и нижнего течений.

Наибольший интерес представляет группа неолитических стоянок Кудайменде, открытая М.Н. Клапчуком в 1967 г. Группа расположена на правом берегу р. Сарысу при впадении в нее р. Кудайменде. В 20 км на северо-восток от стоянок расположен знаменитый Карагайский курган, исследованный в 1905 г. инженером А.А. Козыревым.

Стоянка Кудайменде выявлена в обнажениях ветровой эрозии, там, где небольшой лог спускается к реке. Здесь в прибрежной полосе на надпойменной террасе открыто до 20 стоянок и собран большой подъемный материал, состоящий из готовых орудий, заготовок и отбросов производства. Весь сбор хранится в фондах Карагандинского музея.

Группа стоянок Кзылжар наземного типа открыта и обследована М.Н. Клапчуком в 1962 г. В группе пять стоянок, все они расположены на левом берегу р. Сарысу в районе ст. Кзылжар Джекказганской ж. д. На стоянках собрано значительное количество кремневых изделий, хранящихся в Карагандинском музее.

Стоянка Борибас наземного типа расположена в 18 км южнее ст. Кзылжар на р. Сарысу. Открыта и обследована нами в 1947 г.⁴³, вторично осмотрена М.Н. Клапчуком в 1962 г., который неверно называл ее «Кзылжар 20»⁴⁴, поскольку стоянку Борибас отделяют от группы Кзылжар песчаные барханы и значительное расстояние в 18-27 км.

В группе Борибас две стоянки – Борибас I и Борибас II. Первая расположена на правом берегу р. Сарысу, вторая – на возвышенной террасе, составляющей древний берег р. Сарысу. Контур стоянки с культурными остатками вытянут с севера-запада на юго-восток, площадь стоянки 1800 м². В 1947 г. на поверхности стоянки нами собрано несколько десятков каменных предметов, среди них нуклеус, ножевидные пластинки крупных размеров, наконечники копий из опала и кремня, массивные концевые скребки и отщепы.⁴⁵ По архаически грубому виду и крупной величине они отнесены к самому раннему этапу неолита или эпипалеолиту (определение П.П. Ефименко). Тогда же исследованы остатки неолитического жилища в виде темного пятна круглой формы, обведенного кольцом из крупных камней, диаметр кольца 5 м. Вне пятна прослежен каменный очаг, вокруг которого подобраны кремневые предметы.

В 1967 г. на стоянке Борибас был заложен шурф, в результате чего обнаружено место древней плавки меди, которое характеризуется скоплением золы, угольков и обгоревших зубов животных. На дне

ямы были четыре слитки меди и малахитовая руда. Вокруг ямы-очага собраны десятки каменных изделий, отходов производства и каменные мотыги⁴⁶. Эти данные позволяют датировать стоянку Борибас поздним неолитом и началом энеолита.

На стоянке Борибас I найдены дисковидные грузила для рыболовных сетей⁴⁷ и орудия типа мотыги. Дисковидные грузила сделаны из мелкозернистого зеленоватого диабазы, грубо обработанного по круглому краю. Найдено три диска диаметром от 7 до 9 см. Такой же диск был найден А.Н. Формозовым на стоянке Тузды-сай, на правом берегу р. Сарысу, южнее Каражара⁴⁸. На стоянке нами найдены мотыги из диабазы подтреугольной формы с выемкой для привязывания рукоятки⁴⁹.

Стоянка-мастерская Борибас 2 в виде небольших бугорков обнаружена на левом берегу р. Сарысу, в полукилometре на юг от стоянки № 1. Представляет собой небольшие бугорки каменной осыпи толщиной до 30-40 см, вокруг которых большое скопление отколов и отщепов. Возле каменных осыпей прослежены остатки древних очагов, сложенных из каменных блоков. Судя по большому скоплению производственных отходов, здесь была стоянка с мастерской по заготовке каменных орудий. В 1962 г. М.Н. Клапчуком собрано 134 предмета, из них нуклеусов 2, обломков ножевидных пластинок 4, скребков на отщепе 2, один вкладыш и 125 отщепов.

Группа стоянок Сары-Узен расположена в 10-12 км южнее ст. Кзылжар, при впадении р. Сары-Узен в Сарысу, обследована М.Н. Клапчуком в 1962 г. В обнажениях ветровой эрозии им открыто 8 стоянок, расположенных на левом берегу р. Сары-Узен вблизи ее устья. Помимо подъемного материала сборы сделаны с обнажения культурных слоев. Всего собрано около 600 предметов, наибольшее число находок – на стоянках 4 и 6.

На стоянке 4 собрано 266 предметов, среди них 5 нуклеусов, из которых три представляют окатанную гальку кварца со следами отщепов и два из алевrolита, скребки на отщепе (22), одна трапеция. Из общего числа находок готовые орудия составляют 9-10%. В числе заготовок есть фрагменты микропластинок (27).

Готовые орудия, в основном, изготовлены из яшмы Бетпакадалы, в отходах производства и отщепях преобладают кварцит и алевролит.

На стоянке 6 собрано 138 предметов, среди них нуклеус на гальке, микропластинки (8), скребки на отщепях (5), скребки на пластинке (1), вкладыш и обломок дротика. На остальных стоянках находок было относительно мало, с каждой стоянки примерно по 25-40 предметов⁴⁷. Все стоянки существовали в одно время, поскольку предметы, найденные на стоянках, однотипны.

Группа неолитических стоянок Каражар наземного типа расположена в районе слияния р. Кенгир с Сарысу. В XIX в. Каражар – самое известное место в долине р. Сарысу, о нем писали русские географы и офицеры генерального штаба⁴⁸. В середине XIX в. здесь располагался «каражарский военный отряд». С древних времен Каражар был местом привала и отдыха для караванов, дальнейший путь которых шел через Бетпакадалу. Стоянки Каражар М.Н. Клапчук называет Сюргут, присоединяя к нему и стоянки, отстоящие от Каражара на 20-40 км – Талмас-ата и Тузды-сай⁴⁹, открытые А.Н. Формозовым. Географическое название Каражар известно с 1842 года, когда эти места посетил А.И. Шренк.

Стоянка Каражар I (у Клапчука Сюргут 2) расположена в 80 км на юг от Джезказгана, на верхней террасе правого берега р. Сарысу, у устья р. Кенгир. Стоянка наземного типа обнаружена ЦКАЭ в 1946 г. и обследована М.Н. Клапчуком в 1963 г. в обнажениях ветровой эрозии. На стоянке готовых орудий мало, основная масса находок состояла из различных обломков и сколов, среди которых преобладают отщепы. Сбор М.Н. Клапчука – 2 фрагмента пластинок и 16 отщепов.

Стоянка Каражар 2 (у Клапчука Сюргут 4)⁵⁰ расположена на левом берегу р. Сарысу, в 300 м южнее устья р. Кенгира. Стоянка наземного типа. Собран небольшой каменный инвентарь – скребок из пластинки, скребок из отщепа, обломок дротика и чешуйки кремня.

Стоянка Каражар 3 (у Клапчука Сюргут 5)⁵¹ расположена на левом берегу р. Сарысу, в 1,5 км на восток от устья р. Кенгир у

выступа Каражар, состоящего из коренных пород серо-желтого кремня. Готовых орудий мало, собрано два десятка отщепов. Общее количество находок на всех стоянках Каражара – 90 предметов, из них пластинок 4, скребков 4, дротиков грубой формы и в обломках 5, остальное – отходы производства. Сравнительно малое количество находок объясняется тем, что в прошлом Каражар посещали путешественники, которые увозили с собой находки.

Стоянка Талмас-ата (у Клапчука Сюргут 1)⁵² расположена на левом берегу р. Сарысу, в 100 км к югу от Джезказгана и в 18 км южнее Каражара. Стоянка обнаружена ЦКАЭ в 1946 г. в обнажениях ветровой эрозии. В 1963 г. М. Н. Клапчуком собрано 94 предмета, из готовых орудий всего 2 кремневых наконечника стрел, скребков на отщепе, 8 нуклеусов, остальные – отщепы.

Стоянка Тузды-сай (у Клапчука Сюргут 3)⁵³ расположена на правом берегу р. Сарысу, при впадении в нее речки Тузды-сай, в 30 км южнее Каражара. Стоянка наземного типа. Открыта А.Н.Формозовым в 1949 г. «на солонцах правого берега р. Сарысу, в 120 км к югу от Джезказгана», что соответствует солонцам в устье Тузды-сай (солонцовый лог). На стоянке обнаружено большое число кремневых предметов. Сборы были сделаны А.Н.Формозовым⁵⁴ в 1949 г. зоологом А. А. Слудским⁵⁵ в 1957 г. и в 1963 г. М.Н.Клапчуком⁵⁶. Наибольшее число кремневых предметов в коллекции А.Н. Формозова, которая хранится в ГИМе⁵⁷. Им собрано более 500 предметов из кремня и яшмы, среди них скребки округлые на отщепях (20), скребки концевые, пластинки с прямой выемкой, красовой ретушью и с резцовыми сколами. М.Н. Клапчуком собрано 94 предмета, среди них 2 нуклеуса, 3 пластинки, скребок на отщепях, 4 пластинки с резцовым сколом, грубо обработанные дротики и др.⁵⁸ Общий сбор с этой стоянки составляет около 700 кремневых предметов, керамики нет.

Группа неолитических стоянок Кенжебай-сай наземного типа расположена в 70 км к юго-западу от родника Каражал, между долинами рр. Сарысу и Коктас. Обнаружена в 1960 г. геологом В.С.Танцюра, позднее Р.А. Зиновой и Р.А.Терещенко обследованы по 2 стоянки, А.С. Краюшкиным – 1 стоянка и в

1963 г. М.Н.Клапчуком 4 стоянки. Всего в группе 9 стоянок, все на выдувах ветровой эрозии. Наиболее интересные сборы сделаны на стоянках 2 и 8.

Стоянка 2 находится на левом берегу среднего течения р. Кенжебай-сай, в 3,5 км к востоку от большой дороги, идущей из долины р. Сарысу в Коктас. На стоянке собрано 115 кремневых изделий, из них 2 нуклеуса, 22 пластинки, 12 скребков (4 из пластинок, 8 из отщепов), 2 проколки, 2 вкладыша, 2 трапеции и 1 скобель.

Стоянка 8 расположена на правом берегу р. Кенжебай-сай в 11 км к востоку от вышеназванной дороги. На поверхности стоянки собрано 90 кремневых изделий, среди них 4 нуклеуса, 12 пластинок, 10 скребков (3 из пластинок, 7 из отщепов), по-одному – вкладыш и обломок наконечника стрелы из кремня.

На 9 стоянках группы Кенжебай-сай собрано около 500 кремневых изделий, из них 56 скребков (30 из отщепов, 26 из пластинок), ножевидные пластинки (34), нуклеусы (6), вкладыши (3), трапеции (2) и т. д. По сравнению с основными стоянками р. Сарысу, Джезказгана и Караганды, орудий бытового обихода мало, орудий охоты почти нет, что говорит о временном характере стоянок на р. Кенжебай-сай.

В долине р. Сарысу, площадь которой около 800 км², большинство памятников находится в погребенном состоянии, что связано с активностью процесса аллювиальных и делювиальных отложений⁷⁹. Из открытых в последнее время здесь неолитических стоянок необходимо отметить стоянку Басуйген⁸⁰, расположенную на юго-восточном берегу одноименного озера, в 25 км к юго-западу от станции Кызылжар и стоянки Бормойнак⁸¹ I, II, находящиеся в 120 км на юго-восток от г. Джезказгана и в 55 км на северо-восток от Каражара. Эти стоянки обследованы в 1968 г. С помощью шурфа обнаружен культурный слой, где собраны кремневые орудия.

В 1956 г. инженером М.И. Субботой на р. Сарысу открыта еще одна стоянка, собраны отщепы, наконечники стрел, ножевидные пластинки, концевой скребок, обломки неорнаментированной керамики и кости животных. Все эти результаты свидетельствуют о значении долины р. Сарысу в жизни древних племен, обитавших в Центральном Казахстане в эпоху неолита и бронзы.

Карагандинская группа стоянок эпохи неолита

Скопление древних памятников эпох неолита, бронзы и железа в окрестностях г. Караганды и самом городе свидетельствует о кипучей жизни и густой населенности этих мест в древние времена. Город расположен в обширной котловине, окруженной с юга горами Соранг, с востока обширным плоскогорьем Итжон, с севера – гранитными холмами Теректы. Между этими горами протекают многочисленные притоки реки Нура: Сокур, Букпа, Кокпекты, Байбори и Алтыансу.

Стоянка позднего неолита была открыта в 1933 г. Нуринской экспедицией ГАИМК на левом берегу реки Шерубай-Нура, на территории совхоза «Гигант»⁸², где собраны кремневые орудия, типичные для степного неолита. Среди находок было и бронзовое шило. Сборы хранятся в Эрмитаже. Другая энеолитическая стоянка находится на левом берегу р. Шерубай-Нура, в северо-западной части поселка Аксу-Аюлы.

Сборы с неолитических стоянок Караганды сделаны археологом К.М. Поликарповичем и инженером И.Ф. Кушелевым, открывшем три стоянки (43, 44, 45) в северной части поселка Новая Тихоновка, где собрано большое число кремневых орудий, которые хранятся в Карагандинском краеведческом музее и в одном из музеев г. Минска.

С конца 50-х годов изучением древней культуры в окрестностях города Караганды стал заниматься молодой краевед М.Н. Клапчук, тогда еще студент университета.

Вместе с М.Н. Клапчуком мы осмотрели неолитические стоянки в Новой Тихоновке, Майкудуке, у Кировского завода, в долинах рек Сокур и Букпа, раскопки Клапчука 1960-1961 гг. Неолитические стоянки были обнаружены на выдувах ветровой эрозии в виде контуров круглых площадок, которые отличались от окружающего ландшафта уплотненной почвой и редким растительным покровом. Осматривая эти площадки, я обратил внимание на внешнее сходство их со стоянками старых казахских аулов (ескі жұрт).

Главную особенность карагандинской группы неолитических стоянок составляет их расположение в местах болотистого

ландшафта, около родников, ручьев и источников артезианской воды. Таких источников и ручьев, просачивающихся из гранитных трещин, много в Карагандинской, Акмолинской, Павлодарской и Кокчетавской областях. Они обычно располагаются на верхних террасах межгорных впадин. Неолитические племена Центрального Казахстана обживали места с подобным ландшафтом.

За последние десятилетия в окрестностях Караганды было выявлено и обследовано до 35 неолитических и энеолитических стоянок и собрано около 36 000 каменных предметов, ныне хранящихся в Карагандинском краеведческом музее.

Основная масса неолитических стоянок сосредоточена между долинами рр. Сокур, Большая и Малая Букпа до северных и северо-западных склонов горы Соранг. В долине реки Б. Букпа установлено около десяти стоянок, в их числе стоянки 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10. Такое же количество стоянок выявлено в долине М. Букпа (стоянки 1, 14, 15, 16, 17, 18, 26/37), три стоянки выявлены в долине р. Сокур (стоянки № 21, 22, 48), три стоянки на участке Майкудук (стоянки 27, 28, 29), две стоянки у подножья горы Соранг (41, 46) и пять стоянок на участке Новая Тихоновка (стоянки 34, 43, 44, 45, 54).

В этом обширном комплексе обнаружены стоянки (поселения) с признаками эпохи бронзы. К ним относятся стоянки 1, 13, верхний слой стоянки 15, стоянки 19, 20, 30, 33, 39, 41, 46, 49, 51. В ряде этих стоянок найдены обломки глиняных сосудов ручной лепки с орнаментом, типичным для керамики эпохи бронзы, а также бронзовые предметы (верхний слой стоянки Караганда-15, Караганда-19, 20, 30, 46).

Судя по архаичному типу орудий, к раннему неолиту относятся стоянки Караганда-15 (нижний слой), Караганда-27 и 37. В них найдены ножевидные пластинки и вкладыши с ретушью, не заходящей на брюшко и спинку. Особый интерес представляют стоянки-мастерские (14, 21). Стоянка Караганда-14 занимает площадь 200 м², вся ее поверхность усеяна отходами производства — множеством сколов, чешуек, пластинок с трехгранным сечением, заготовок для миниатюрных сердцевидных стрел и т. д. Собрано около 1000 кремневых предметов, среди которых семь фрагментов

наконечников стрел. Все орудия изготовлены из молочно-розового кремнистого туфа. На стоянке-мастерской Караганда-27 обнаружен валун синевато-зеленого окремненного песчаника, из которого изготавливались вкладыши на ножевидных пластинках с мелкой ретушью со стороны брюшка.

Из серии неолитических стоянок по мощности культурных отложений и обилию находок выделяется стоянка Караганда-15, исследованная в 1958-1963 гг. Расположена она в 18 км к югу от Караганды, в долине между рр. М. Букпа и Сокур, на территории бывшего Спасского завода. В этой долине сосредоточена основная масса карагандинской группы стоянок. Здесь насчитывается до 35 неолитических стоянок и вместе с поселениями эпохи бронзы число их доходит до 50.

Трехслойное поселение Караганда-15 имеет особое значение и с точки зрения выяснения вопроса о генетической связи культуры бронзы со степным неолитом. В 1960 и 1961 гг. раскопки производились на площади около 140 м² (квадрат III-IV, а, б, в, г), в 1962 и 1963 гг. площадь раскопок была увеличена до 1,404 м². Были обнаружены три культурных слоя.

Верхний слой культуры эпохи бронзы занимает площадь около 1000 м², мощностью до 30 см, его подстилает линза желтой супеси мощностью около 20 см⁶³. На глубине 0,4 м начинается слой гумуса и темно-серого суглинка, содержащий скопления кремневых орудий позднего неолита, в самой нижней части залегает слой раннего неолита мощностью 30-40 см.

В верхнем дерновом слое (квадрат III-VI а, б, в) обнаружен контур полуземлянки в виде корытообразной ямы площадью около 135 м². В северо-восточной половине жилища (квадрат V-VI, а) прослежены следы очага, сложенного из песчаных плит. Вокруг очага обнаружено большое число костей животных, куски медных предметов и кремневые орудия, разбросанные по всей площади землянки и вокруг нее.

В квадрате I-IV (1-8) рядом с жилищем 1 обнаружены следы жилища 2 в виде корытообразного углубления с множеством ям от опорных столбов, расположенных в один ряд⁶⁴. Дно ям плотно закреплено галечником, который сохранился в своем

первоначальном положении. Здесь установлен факт наслоения на одной стоянке двух культур — неолита и бронзы, что свидетельствует об их генетической связи в степном Казахстане. Это подтверждается также и тем, что между каменными орудиями, найденными в верхнем и нижнем слоях, много общих черт. Ясно, что андроновские племена Центрального Казахстана еще долго использовали кремневые орудия своих неолитических предков.

Наиболее интересным по обилию находок оказался нижний культурный слой из темно-серого суглинка, очень плотный по структуре. Толщина его неравномерна, в разных участках площади она колеблется от 0,8 м до 1,45 м⁶⁵. Большое скопление кремневых орудий свидетельствует о том, что здесь было склад. Такие ямы-склады встречаются часто на стоянках Джезказгана. В квадрате VIII (6-8) прослежены следы очага в виде крутой ямы глубиной около 0,4 м. На дне ямы сохранились остатки обожженной красной глины. Здесь же было большое скопление обгорелых костей животных. По мнению М.Н. Клапчука здесь было древнее жилище⁶⁶.

Следует отметить, что ни на одной стоянке из этой группы, за исключением Зеленой балки-4, не было обнаружено такого многочисленного подъемного материала, как в Караганда-15. Только подъемный материал составлял около 1000 предметов, в культурном слое было собрано еще около 3300 предметов. Этот факт свидетельствует о том, что человек обитал здесь длительное время, в течение которого и образовался такой мощный слой с огромным скоплением кремневых орудий и отходов производства. М.Н. Клапчук на основе своих наблюдений говорит о 4 культурных слоях. Однако, по характеру культурных отложений определяются три слоя, из которых верхний — эпохи бронзы, средний — позднего неолита или энеолита, нижний — неолита. При этом нуклеусов, ножевидных пластинок, скребков, вкладышей в нижнем слое значительно больше, чем в слое эпохи позднего неолита или бронзы (табл. 1). Кроме того, в нижнем слое были обнаружены крупные каменные бусины, характерные для культуры неолита Центрального Казахстана.

Как показано в таблице 1, в культурном слое стоянки Караганда-15 собрано огромное количество орудий труда и охоты, множество костей животных, керамика отсутствует.

Сводная таблица 1 предметов из культурных слоев
Караганда-15

Предметы	Количество		Всего
	Верхний культ. слой	Нижний культ. слой	
Нуклеус	15	70	85
Ножевидные пластины	166	672	738
Скребки концевые	12	43	55
Скребки из отщепов	55	279	334
Кремневые наконечники стрел	17	14	31
Кремневые наконечники дротиков	8	13	21
Скребла	3	30	33
Резцы	3	6	9
Проколки	1	2	3
Вкладыши	1	8	9
Трапеции	2	6	8
Каменные металлические шарики	—	2	2
Каменные бусинки	—	2	2
Отщепы	638	1346	1984
	921	2495	3416

Среди орудий ножевидные пластины вместе с обломками составляют 738 экземпляров. Они изготовлены из опала, яшмы и халцедона (в сечении имеют правильную форму треугольника или трапеции). Среди них пластины длиной 6-8 см, шириной 1,5-2 см и длиной 2-3 см, шириной 5-6 см (рис. 4).

Значительным числом представлены скребки (389). По форме они многообразны, среди них преобладают округлые, плоские,

подтреугольные, есть круглые с сечением в виде сегмента, высотой до 0,8 см, диаметром 3-3,5 см (рис. 5), с ретушью с одной или двух сторон и по круглому рабочему краю, реже встречаются выемчатые, фигурные, с клювовидным острием, которыми можно было скоблить и резать (рис. 5). Из-за сурового климата Центрального Казахстана древним людям приходилось обрабатывать большое количество шкур животных, использовавшихся в качестве покрова для тела, поэтому скребки для этой цели изготавливались в большом количестве и имели удобные формы.

На карагандинских стоянках найдено три круглых скребка. Они известны и по другим районам. В.А. Городцев считает, что это не орудие бытового обихода, а предмет культа. Один экземпляр круглого скребка найден и в Приаральских Каракумах.

Из общего числа концевые скребки из пластинок составляют незначительную часть (55). Встречаются две формы концевых скребков, имеющих длину 4-6 см, при ширине 1-2,5 см; одни из пластинок имеют относительно симметричную форму, другие — неправильных очертаний (рис. 4, 5).

Большим количеством и многообразием форм отличаются нуклеусы, среди которых встречаются уникальные. Все нуклеусы (85) найдены в культурном слое стоянки Караганда-15, среди них конические, клиновидные, конусовидные, призматические, реже дисковидные с желвачной коркой и следами сколов крупных пластинок эллипсоидного или подпрямоугольного очертаний. Несомненно, что многие широкие ножевидные пластинки и концевидные скребки были сколоты с подобного типа нуклеусов (рис. 2, 6).

Из орудий бытового обихода 33 экземпляра массивных скребел, изготовленных из широких и крупных отщепов кварцита и кремня с крупной ретушью на одном или двух боковых краях (рис. 3). Для тонкой работы применялись различные миниатюрные орудия типа трапеций (8), вкладышей (9), мелких резцов (9), проколов (3), режущего острья (рис. 7). Сделаны они из яшмы, халцедона и опала, отличаются тщательной обработкой и тонкой ретушью. Вкладыши — тонкое режущее орудие из пластинок с острыми краями с двух сторон в костяной или деревянной оправе (рис. 7).

Резцов на пластинках — 5, из них один — тетраэдрической формы, один из обломков нуклеуса. С особой тщательностью обработаны проколки на ножевидных пластинках с заостренным концом длиной 5-6 см, шириной 4-8 мм. Описанные орудия присущи всем степным неолитическим стоянкам от Иртыша до Северного Прикаспия.

Из таблицы видно, что удельный вес трапеций выше, чем режущего острья и проколов. На всех стоянках карагандинской группы их собрано около 20 экземпляров. Если к ним добавить трапеции, найденные на стоянках Джезказгана, р. Сарысу, Бетпадалы и Северного Прибалхашья, то эти факты становятся основанием для отрицания преждевременных выводов А.А. Формозова об отсутствии трапеций на территории Казахстана. Более того, вопреки этому утверждению, самые интересные и уникальные образцы этого орудия найдены именно на этой территории (рис. 7).

Среди находок — каменное полированное орудие, назначение которого точно установить не удалось. Одни считают, что это выпрямитель⁶⁷, другие определяют его, как утюжок-гладилка⁶⁸. Возможно, правы и те, и другие. Неолит — эпоха приручения диких животных, людям нужны были орудия для их укрощения. Арканы, хорошо запечатленные на скальных рисунках того времени, изготовляли из волос и сыромятной кожи. Человек научился обрабатывать шкуры животных еще в эпоху палеолита. Готовые арканы и другие изделия из сыромятной кожи они смягчали и выпрямляли с помощью такого полированного орудия. Гладилка из стоянки Караганда-15 имеет форму бита длиной 12 см, максимальная ширина 8 см. Такого типа орудия встречались неоднократно; 2 экземпляра найдено в культурном слое Улытауского поселения, четыре — на стоянках 3, 16, 77 (Джезказган IV) и на Айнаколе (Джезказган XIII)⁶⁹, пять гладилок хранятся в Актюбинском музее, один, найденный на стоянке Жарколь — в Кустанайском музее, один из Калбинского хребта описан С.С. Черниковым⁷⁰, один из стоянки на Аккум-Сагизе описан А.А. Формозовым⁷¹. Такие гладилки найдены на стоянках Южного Урала, один экземпляр — в Минусинской степи⁷².

Найденные топоры и тесла из глинистого сланца, металевые шары из мергеля и песчаника, а также каменные бусинки⁷³ украшений тщательно отполированы.

На карагандинских поселениях собрана большая серия орудий охоты — наконечников стрел (31) и дротиков (21) из яшмы, опала и кварцита, очень привлекательных по форме и многообразию, среди них есть короткие и широкие листовидной формы с глубокой выемкой в основании, короткие узкие миниатюрной формы с выемкой с основания⁷⁴, ромбовидные с длинным черешком⁷⁵, листовидные с длинным черешком⁷⁶, листовидные с коротким черешком⁷⁷, треугольные с округлым основанием⁷⁸, длинные, узкие долотовидной формы с сечением овальной формы⁷⁹, узкие продолговатые с тупым концом и сечением овальной формы⁸⁰, некоторые наконечники в сечении имеют форму трапеции. Наконечники стрел обработаны ретушью (односторонней и преимущественно двусторонней). У некоторых наконечников, сделанных из пластинок, были обработаны только бока, спинки без ретуши, в сечении они имеют форму ромба или трапеции.

Зеленая балка — группа из четырех стоянок, выявленных на выдувах ветровой эрозии, в 6 км к юго-востоку от новой Караганды, на территории пригородного совхоза «Победа», возле родника. Местность характеризуется болотистым ландшафтом и изобилием подземных вод.

Стоянка Зеленая балка 4 исследована М.Н. Клапчуком в 1962-1963 гг.⁸¹, относится к подднему неолиту. Раскопки произведены на площади 25 м². На глубине 0,3-0,65 м⁸² был обнаружен культурный слой, насыщенный находками. В культурном слое и в обнажениях⁸³ собрано 1530 кремневых изделий: 98 нуклеусов, 755 ножевидных пластинок, 39 концевых скребков из пластинок, 228 скребков из отщепов, 25 обломков наконечников стрел, 17 дротиков, 15 скреблей, 8 вкладышей, 6 трапеций, 4 проколки, 21 мотыги, а также большое количество костей животных и фрагментов лепной керамики (22). Орудия средних размеров, микролитических форм мало.

В 1960 году были произведены раскопки на стоянках Караганда-18 и 27, в каждом случае на площади 4 м². В стоянке 18 на глубине

0,2-0,4 м обнаружен культурный слой толщиной около 0,2 м, где собрано 77 предметов, из них 2 нуклеуса, 31 ножевидные пластины, скребки, скребла и отщепы⁸⁴. На стоянке Караганда-27 на глубине 0,40 м найдено 50 предметов с преобладанием ножевидных пластинок и скребел⁸⁵ (рис. 8). Большой материал собран с обнажений стоянок Караганда-14 (свыше 1000 предметов), Караганда-16 (свыше 500 предметов), Караганда-29, Караганда-41. В составе находок те же орудия, что были найдены на других карагандинских стоянках. Установлено, что для всех стоянок Караганды характерно присутствие каменных очагов с большим скоплением в них золы, угольков, а вокруг них скопление костей животных, камней и кремневых орудий.

Огромное скопление памятников эпох неолита и бронзы в г. Караганде и его окрестностях, рудники Джезказгана, Коунрада, Саяка и др., сохранившиеся многочисленные древние выработки свидетельствуют о том, что карагандинский узел в древности был крупнейшим центром культуры бронзы в Евразийской степи.

Джезказганские погребения и стоянки эпохи неолита

Местность, где расположен Джезказган, представляет холмистую степь с каменной почвой, по которой протекают многочисленные реки и протоки. Самые значительные из них рр. Кенгир, Каракенгир, Сарыкенгир, Джезды (Улкен-Джезды и Бала-Джезды), Жиланды. В древности долины этих рек были густо населены.

Многолетними археологическими исследованиями установлено, что в Джезказгане прослеживаются пласты двух древнейших культур. Здесь выявлен обширный культурный комплекс эпохи неолита в виде многочисленных стоянок и скоплений в них кремневых орудий. По сравнению с соседними районами неолитические стоянки Джезказгана более крупные. Джезказган был одним из узлов степного неолита, на основе подднею неолита здесь развился крупнейший центр культуры бронзы в Центральном Казахстане.

Для появления и развития культур неолита и бронзы в этом районе были благоприятнейшие условия и, прежде всего, богатая фауна. Здесь большими табунами паслись крупные млекопитающие – буланы (лоси), куланы, олени, сайгаки, джейраны, архары, елики и другие, что отражено в названиях местностей: р. Буланты, горы Бугулы, Аркарлы, Кникты, р. Кулан-отпес и др. Улытауские и джезказганские наскальные гравюры с изображением диких лошадей, бизонов, туров, верблюдов, куланов, архаров, горных козлов, оленей и других животных также являются свидетельством того, что они обитали на этой территории.

К благоприятным условиям описываемых мест относится также обилие кремня, кварцита и других горных пород – сырья, из которого древние жители степи делали охотничьи и другие орудия.

Огромная роль в жизни древних племен отводилась богатым пастбищам. Скотоводство, развивавшееся на протяжении многих веков, начиная от стадии приручения диких животных до организации крупных общественных стад, возникло благодаря густой растительности в пойме рек. Необходимо к этому добавить изобилие рыбы в реках и пернатой фауны. Всем этим было обусловлено появление в древности многочисленных неолитических стоянок и поселений в эпоху бронзы в бассейне рр. Нура, Сарысу, Кенгир, Терсаккан, Блеуты, Буланты, у озер Тенгиз и Кургальджин.

Многочисленные археологические материалы свидетельствуют, что в V-IV тысячелетии до н. э. здесь развивалась однотипная микролитическая культура, отличавшаяся от кельтеминарской рядом своеобразных черт и имевшая широкое распространение по всему Центральному Казахстану до Тургайской степи. Своей кульминации эта культура достигла в позднем неолите и энеолите (IV-III тысячелетие до н. э.), т. е. накануне появления первого металла (меди).

С появлением медных орудий микролиты не исчезают и еще долго соревнуются с бронзовыми орудиями.

В черте рудника Джезказгана обследованы многочисленные группы стоянок, несущих яркую микролитическую культуру,

типичную для степного неолита. В комплексе этих стоянок часто встречаются погребения эпохи неолита. Об этом говорят неожиданные результаты, полученные при раскопках ряда курганов, исследованных в разных местах Джезказгана. Раскопками установлено, что это самые древние погребения на территории Центрального Казахстана⁸⁶. Группы курганов с неолитическими погребениями топографически связаны с определенной группой стоянок.

Небольшая группа погребений эпохи неолита, состоящая из четырех каменных насыпей, обнаружена в 1946 г. сотрудниками геологического отдела Джезказганского медкомбината. Они расположены на высокой террасе горы Шом, на площади неолитических стоянок Джезказган V: два кургана в северо-западной и восточной части рудного участка Покровский, вблизи стоянок 50, 44 и 45 (курганы 13, 20а) и два кургана – ближе к подножию террасы, вблизи стоянок 69 и 60, на участке Петрохолм⁸⁷. Одновременные им курганы обнаружены на участках Кресто-Север (Джезказган VII) и Кресто-Центр, вблизи группы стоянок 86, 118. Курганы с каменной насыпью выявлены на восточных холмах рудника Джезказган, в юго-западной части рудного отвода Аяневский (группа стоянок 96, 111, курганы 98а), в юго-западной части границы Мишыкудук возле стоянки 67 (группа курганов 95); группа погребений (136) синхронного типа, сложенная из цветного кварцита, обнаружена на кварцитовом горе, вблизи древней каменоломни 67; группа с каменным покровом расположена на сопках южнее железнодорожного моста возле стоянок 37 и 88. Характерную черту этих курганов составляет то, что все они сложены из крупных каменных плит с размерами сторон не менее 1,0 м и 0,6 м.

В окрестностях рудника Джезказган выявлено до 8 групп погребений эпохи неолита, главную особенность которых составляет их внешний вид. Каменные покровы всех курганов однотипны – они сложены из тонких сланцевых плит в виде курганных насыпей диаметром 5-7 м, высотой от 0,5 до 0,8 м. В погребальных ямах всех раскопанных курганов, костяк лежал в

корытообразной яме глубиной не более 15-20 см. В погребениях сопровождающего инвентаря типа афанасьевского не обнаружено. Свообразна форма погребального сооружения, которая сведена к ограждению пространства, где лежали останки погребенного. К характерным особенностям погребального обряда относятся и то, что в качестве ритуальных предметов сюда положены некоторые каменные орудия и куски окисленной медной руды (малахит, азурит, халькопирит). Эти минералы, позднее ставшие источником металла, для людей более ранних эпох имели только ритуальное значение.

Были исследованы две группы памятников: на горе Шом и на восточных холмах Джезказгана, т. е. одна на западе, другая на востоке Джезказгана. В обеих группах раскопаны четыре однотипных кургана, отражавших один и тот же погребальный обряд.

Исследования имеют свою историю. В 1946 г. на горе Шом началась открытая разработка медной руды, охватывавшая всю западную и северо-западную часть участка Петрохолм и Покровский, что угрожало уничтожением всего археологического комплекса Джезказган V, состоявшего из полутора десятка стоянок и четырех курганов. Из них курганы 1 и 2 были расположены на нижней террасе горы Шом, вблизи стоянок 69, 60, 75 и 73, курганы 13 и 20 севернее и северо-восточнее от них, вблизи стоянок 50, 44 и 45. Все курганы имели каменные наброски из крупных обломков медистого песчаника и сланца. Курган 1 был исследован Н.В. Валукинским, 2 – ЦКАЭ при участии автора этих строк, археологов Г.И. Падевича и Н.В. Валукинского и художника Ш.Кутхожина. Раскопки проводились летом 1946 г. силами рабочих Джезказганского медкомбината.

Были получены следующие результаты: курган 1 (на общем плане 103) сложен из тонких плит способом ступенчатой кладки, его диаметр около 6 м, высота 0,6 м, расположен на площади между стоянками 69 и 60. После снятия насыпи в центре кургана выявлена площадка с могильным пятном, огражденным узкими сланцевыми плитами, установленными на ребро. Плиты ограждения имели

высоту 1,22 м, ширину 0,5-0,7 м, толщину 4 см. По плану ограда представляла собой продолговатое сооружение с близкими к тупым углам, длина его 2,6 м, ширина 0,85 м.

Внутри ограды была обнаружена могильная яма продолговатой формы длиной 2,2 м, шириной 0,55 м, глубиной не более 15 см. Яма была перекрыта тонкими сланцевыми плитами в несколько рядов, наиболее широкие плиты лежали в головной части и в ногах. В яме, огороженной вертикальными плитами, лежал костяк человека. Плиты перекрытия лежали на костяке. Относительно лучше сохранились кости стопы, лежавшие в восточном конце ямы в своем первоначальном положении, а также кисти рук около пятна черепа. По положению конечностей и силуэту костяка установлено, что он был в положении на спине и ориентирован головой на запад. Следы скорченности не обнаружены. В западной половине ямы у изголовья в качестве ритуального предмета лежали куски окисленной медной руды (рис. 3), поэтому истлевшие кости были пропитаны медной окисью. В насыпи кургана и вокруг него были найдены кремневые орудия, как и на стоянках Джезказган V, что свидетельствует о синхронности появления курганов 1 – 3 и стоянок Джезказгана V.

Курган 2 расположен юго-западнее кургана 1. Он также, как курган 1 был сложен из тонких сланцевых плит, выходы которых находились рядом в 50-100 м. Диаметр кургана 8 м, высота 0,7 м. В центре кургана было плиточное ограждение, внутри которого находилась погребальная яма. Ограждение имело продолговатую форму. Большинство плит повалено, в первоначальном положении были только головные плиты. Длина могильной ограды 2,5 м, ширина 0,7 м, при глубине ямы около 20 см. В яме обнаружен раздавленный истлевший костяк. Лишь по уцелевшим фрагментам можно сделать заключение, что здесь погребен человек высокого роста, голова его была ориентирована на запад. В ногах находились куски окисленной медной руды, истлевшие кости были пропитаны медной окисью.

Курган 3 сравнительно крупных размеров, расположен на высокой террасе, крупные и средних размеров обломки песчаных

плит сложены в определенном порядке, близком к простейшей форме ступенчатой кладки. Раскопки кургана произведены в 1948 г. Диаметр кургана 10 м, высота 0,8 м. Для выяснения формы погребального сооружения и обряда погребения был снят общий вид кургана, его план и разрез (рис.9), проведена полная фиксация формы сооружения. Погребение огорожено тонкими сланцевыми плитами, вертикально вкопанными в землю. Большинство плит было в первоначальном положении. Ограда продольной осью ориентирована с северо-запада на юго-восток, ее длина 2,8 м, ширина в западной половине 1,64 м, в восточной – 0,9 м. Конфигурация западной половины близка к округлой форме, восточная часть с углами напоминает входной коридор в круглое помещение. Несомненно, что в погребальных сооружениях в некоторой степени воспроизводилась форма жилищ неолитических племен Центрального Казахстана, состоявших из круглого помещения и удлиненного коридора с угловыми завершениями.

В центре ограды корытообразная яма глубиной 0,25 м, длиной 1,8 м, при ширине 0,56 м. Яма перекрыта тонкими плитами, края которых опирались на боковые, вертикально стоящие, плиты. На дне ямы обнаружены истлевшие останки человеческого скелета. Сравнительно лучше сохранились кисти рук и ступни ног, лежавшие в нетронутом виде. Из общего контура видно, что погребенный лежал в вытянутом положении на спине с легким наклоном на левый бок, головой на северо-запад (в дневнике Н. В. Валукинского неточно «на север»), руки слегка согнуты в локтях, кисти обращены на запад. Обращает на себя внимание деталь обряда, по которому тело покойника засыпано тонким слоем черной земли, снятой при рытье погребальной камеры с верхнего дернового слоя почвы. Толщина насыпного слоя 2-3 м. Против головы, в юго-западном углу ограды, выше края ямы, обнаружены три каменные лопатки разных форм, четвертая, несколько меньшего размера, обнаружена в черноземной насыпи, пятая найдена в насыпи у основания кургана (рис.10). Погребальный обряд, сложившийся в доандроновское время несет черты анимизма – одухотворение природы. Следуя этому верованию, могильную яму засыпают

землей из почвенного слоя, где рядом с покойником складываются орудия, которыми была выкопана яма. Вполне вероятно, что три орудия, обнаруженные у изголовья, были личными предметами покойника, а найденные в насыпи – родственников, принесенные в жертву в память усопшего. С другой стороны, по-видимому, уже тогда существовало поверье, по которому нельзя было уносить с собой инструменты, которыми копали могилу.

Орудия – кайлы и кирки, найденные в кургане 3, часто встречаются на древних стоянках. Уже в эпоху неолита они были основными орудиями, применявшимися при землеройных работах.

Кремневые орудия труда, найденные в погребениях и на стоянках Джезказгана, однотипны и внешне похожи, что дает основание заключить об их одновременном происхождении. Курган 3 территориально и генетически связан со стоянками 96 и 111 и составляет часть комплекса позднего неолита.

В районе Джезказгана установлены неизвестные науке по форме и обряду две группы древнейших погребений. Они отличаются от афанасьевских погребений Южной Сибири и андроновских эпохи бронзы.

Исследования погребений эпохи позднего неолита обогатили науку фактами о древнейшей культуре Центрального Казахстана и прояснили вопросы происхождения культуры бронзы в Евразийской степи. Характерные черты древнейшего погребального обряда, существовавшего в Центральном Казахстане дометаллической культуры: погребение на спине в вытянутом положении с небольшим наклоном на левый бок, руки чуть согнуты в локтях и приподняты к голове, скорченность отсутствует, около головы лежат грубые каменные орудия, в изголовье и ногах – куски окисленной руды (малахит, лазурит), последние имели для древнего человека ритуальное значение.

Отсутствие керамики и украшений свидетельствует об очень раннем этапе появления этих курганов. Их внешний вид отдаленно напоминает афанасьевские погребения Алтая, но в отличие от них в описанных нами погребениях отсутствовал

инвентарь, характерный для афанасьевских погребений Южной Сибири, что дает основание утверждать о появлении их позднее джезказганских.

Особый интерес представляют приемы сложения стен из вертикальных каменных плит, вкопанных на ребро, и организации плана первых каменных сооружений в продолговатой композиции со своеобразной конструкцией углов. Некоторые элементы первых примитивных сооружений впоследствии переходят в эпоху бронзы и становятся традиционными при строительстве жилищ и каменных усыпальниц, т. е. прослеживается историческая преемственность между культурами эпох позднего неолита и бронзы. Преемственность обнаруживается и при сопоставлении каменных орудий.

Древние погребальные сооружения часто воспроизводят форму жилищ. Так, округлая конфигурация западной части и узкая, удлинённая восточная половина погребения из кургана 3, несомненно, воспроизводит округло-продолговатую форму землянок-жилищ человека эпох неолита и энеолита. Такая форма прослеживается в остатках жилищ ряда неолитических стоянок Джезказгана (стоянки 23, 40, А, Б). Характерную черту первобытных жилищ составляют каменные очаги, сложенные из крупных плит песчаника, и всегда в центре округлого помещения. От этих очагов сохранились следы в виде прокаленных ям, нередко огороженных плитами, где часто обнаруживаются значительные скопления кремневых орудий и костей животных. Керамика встречается крайне редко. Следует заметить, что в планировке и расположении первобытных жилищ учтено направление ветра, господствующего в Центральном Казахстане, т. е. с запада и северо-запада. И не случайно, что вход в жилище в виде узкого коридора обычно обращен на восток.

Следует отметить, что культурный слой стоянок и погребений Джезказгана однороден, они несут черты перехода от неолита к меднокаменному веку (энеолиту).

В выявлении неолитических и энеолитических стоянок Джезказгана огромная заслуга неумолимого ученого-энтузиаста

Н.В. Валукинского. Поисками древностей Джезказгана он занимался пять лет (1945-1949), ему удалось исходить все уголки этого района, обследовать большое число стоянок и поселений⁸⁸, собрать десятки тысяч древних предметов⁸⁹. Все стоянки Джезказгана были открыты в обнажениях древних террас, горных ущелий, в долинах и более всего на выдувах ветровой эрозии и в местах дефляции.

Основная масса выявленных стоянок сосредоточена вокруг рудных участков, на равнинах между рр. Дездемы⁹⁰, Жилинды⁹¹ и Кенгир⁹², на рудных участках Милькудук, Кресто, Петрохолм, Раймунд, Карпиенский, Никольский, Анненский, Акши, Айнаколь, Златоуст, Беловский. За пределами этой территории стоянки эпохи неолита и бронзы встречаются значительно реже.

Неолитические стоянки Джезказгана предстают в виде обнаженных площадок, часто лишенных дернового покрова, нередко в виде плотных глинистых участков с редкой растительностью. Верхняя часть некоторых стоянок (6, 21, 23, 56) смыта потоками весенних вод, отчего культурные слои обнажены и выглядят в виде узкой линзы. В таких случаях находки обнаруживаются на поверхности земли⁹³.

Стоянки Джезказгана относятся к разным периодам: самые древние — к раннему неолиту, а большая часть — со следами культуры эпох энеолита и бронзы, изучение которых позволяет раскрыть закономерности перехода от камня к металлу. Поселения Милькудук, Златоуст, Айнаколь, Соркудук имеют два, иногда три культурных слоя, верхний из них относится к разным периодам средневековья⁹⁴.

Исследованиями установлены три ландшафтных типа стоянок.

К первому относятся все неолитические стоянки Джезказгана. Их характерную черту составляет расположение на склонах холмов, террасах или у подножия мелкосопочников (стоянки А, 23, 44, 45, 50, 62, 69, 73, 82, 103, 118, 127). Культурные слои большинства стоянок содержат лишь кремневый инвентарь. Несомненно, что все террасовые стоянки самые древние.

Вторая группа стоянок наиболее многочисленная, в нее входит около 30. Они расположены у подножия холмов и большей частью

в небольших котловинах, у источников воды. Для этой группы характерны тонкие кремневые орудия, изготовленные с особой тщательностью: кремневые наконечники стрел и кремневые наконечники копий (рис. 11). В культурных слоях этой группы стоянок встречаются обломки керамики, мелкие куски малахита, цветные кремнистые сланцы и кости животных. В своих главных чертах стоянки второй группы характеризуют культуру позднего неолита и переходного этапа от неолита к бронзе (энеолит).

Третья группа стоянок самая многочисленная. Стоянки этой группы расположены в речных долинах вдоль протоков.

Возникновение этой группы стоянок обусловлено богатыми месторождениями медной руды в этих местах. Характерными особенностями этой группы стоянок являются следы древних горных работ в виде отвалов, выработок, разносов и сплесков обогащенной медной руды, остатков жилищ древних металлургов и скотоводов в виде полужемлянок, остатков плотин, водоемов, колодцев.

Неолитические стоянки Джезказгана располагались группами от 3 до 12 на небольшом расстоянии друг от друга. Групповое расположение стоянок связано с древним родовым бытом. В отдельных группах стоянок жили люди, имевшие родственные связи и входившие в одну фратрию. Основу группового расположения стоянок составлял общий труд, когда охотиться группой было гораздо легче, чем в одиночку. Стоянки Джезказгана отражают жизнь неолитических охотников и скотоводов, живших отдельными родовыми группами, но объединенных общим трудом и уже составлявших патриархально-родовые общины с господствующей ролью мужчины.

В районе Джезказгана выявлено 16 групп стоянок: Мылькудук (Джеказган IX), Кресто-Север (Джеказган VII), Кресто-Центр (Джеказган VIII), Петроходм-Покровский (Джеказган V), Раймунд Западный или Златоуст Южный (Джеказган VI), Анненский (Джеказган XIV, XIII), Никольский (Джеказган XV), Айнаколь (Джеказган XIII), Акши (Джеказган IV), Спасский (Джеказган III), Соркудук (Джеказган I), Златоуст-Белов (Джеказган X),

Коскудук (Джеказган XI), стоянка «Цветные горы» (Джеказган XII), Раймунд Восточный (Джеказган XVI). Недалеко от них расположены стоянки Кипшакпай, Кулман, Кенгир I, II, III.

В нашем распоряжении были материалы питейных исследований с 1945 г. по 1949 г., проведенных до разрушения памятников. Изучение этих материалов позволяет заключить, что многие стоянки Джезказгана носили ярко выраженный неолитический облик. Их культуру характеризуют огромные скопления кремневого инвентаря (нередко в виде складов), костей животных, следы наземных жилищ с очагами. Одну из особенностей неолитических стоянок Джезказгана составляет отсутствие керамики. Из этого можно заключить, что значительная группа стоянок Джезказгана относится еще к докерамическому неолиту. Мелкие фрагменты лепной керамики встречаются только в стоянках позднего неолита. В связи с этим Н.В. Валукинский пришел к выводу, что на этих стоянках посуда была из шкур животных, которая не могла сохраниться до наших дней²⁵.

Из неолитических стоянок Джезказгана наиболее крупные группы Кресто XII и Кресто VIII. Они впервые обследованы Пазухиным в 1917 г., а в 1945-1949 гг. Н.В. Валукинский. При проведении земляных работ было обнаружено огромное скопление кремневых предметов. Их число было так велико, что Н.В. Валукинский отобрал лишь самые значительные, остальные закопал на месте²⁶.

Обилие каменных орудий в ряде стоянок Джезказгана свидетельствует о длительном пребывании в одном месте неолитических охотников.

В группе стоянок Кресто две подгруппы: Кресто-Север (Джеказган VII), состоящий из стоянок 19, 21, 22, 23, 37, 50, 72 и Кресто-Центр (Джеказган VIII), включающий стоянки 1, 118, 127, 132. В двух подгруппах 15 стоянок. Все они выявлены в обнажениях верхней террасы межгорного ущелья на высоте 440 м над уровнем моря. Более древняя группа Кресто-Север (стоянки 19, 21, 22, 23), группа Кресто-Центр относится к эпохе энеолита и ранней бронзы.

Из ранних стоянок Кресто-Севера стоянка 23 была исследована в 1946-1948 гг. Расположена она в узком горном проходе,

на восточном берегу большого протока, идущего через весь Джезказган. Контур стоянки был определен вследствие ее обнажения ветровой эрозией, весной по ней протекал проток. В обрыве яра виден культурный слой в виде узкой линзы. Стоянка располагалась с юго-запада на северо-восток, ее площадь 300 м². В юго-восточной половине стоянки прослежен слабый контур древнего жилища с очагом в центре. Очаг, сложенный из плит песчаника в виде круга диаметром один метр, сохранился хорошо. Возле очага обнаружен значительный остеологический материал крупных и мелких животных⁹⁷.

В культурном слое стоянки собрано 516 предметов, среди них немало орудий охоты и труда, заготовок (нуклеусов, отщепов, пластинок) и большое количество сколов и обломков. Эти данные свидетельствуют о том, что стоянка существовала длительное время и каменные орудия производились на месте. Среди находок были скребки различных форм (9), ножевидные пластинки (26), наконечники стрел, наконечники копий и дротинов (9) (рис. 15), ножи, резцы, острия, проколки, нуклеусы двух типов – конусовидные и призматические, от них отщеплялись удлиненные пластинки и заготовки орудий (рис. 12). Основным сырьем для изготовления кремневых изделий служил разноцветный кварцит, выходы которого находятся рядом, в районе Цветных гор, в черте г. Джезказгана.

Стоянка 36 из группы Джезказган VII выделяется обилием находок. Она была обнаружена в 1949 г. рабочими, строившими дорогу. На глубине 1,3 м они обнаружили яму-гнездо с множеством кремневых предметов, в связи с чем строительные работы были приостановлены. В результате обследования была выявлена неолитическая стоянка, существовавшая длительное время, о чем свидетельствует большое скопление кремневых орудий, отщепов и отходов. Было собрано до 500 предметов, среди них ножевидные пластинки (30), скребки разных форм (16), массивные скребла с тонкой ретушью (4), нуклеусы (2), резцы (3), наконечники копья с хорошей ретушью, наконечники стрел из желтого кремня (4), один из которых обработан тонкой чешуйчатой ретушью, полированное тесло, терка, рубило, топоры, мотыги, множество заготовок⁹⁸. В

настоящее время по территории, где была стоянка 36, проходит дорога.

Стоянка 21 из группы Джезказган VII обследована в 1946-1948 гг. Расположена рядом со стоянкой 23, к западу от рудного участка Карпиенский, недалеко от шахты 42. Стоянка овальной формы, обнаружена на выдувах ветровой эрозии, ее поверхность смыта потоками весенних вод и в образовавшемся обрыве видны выходы культурного слоя. Это одна из крупных стоянок, ее площадь 2700 м². Здесь, в основном, обнаружены отходы производства в виде скопления отщепов и сколов, а также кости животных. Готовых орудий немного, среди них нуклеусы (3), скребки (6), скребла и др. Сходные по типу и количеству находки в стоянках 37, 50, 72, относящиеся к группе Джезказган VII.

Стоянка Б из группы Джезказган VII относится к самому раннему периоду неолита, расположена к востоку от рудного отвода Кресто-Север и западнее участка Карпиенский (группа VII). Здесь обнаружены кремневые орудия (рис. 13, 14), кости животных.

В подгруппе Карпиенский всего пять стоянок (Б, 37, 50, 71, 72), из них самая древняя и богатая по находкам стоянка Б. Она хорошо характеризует культуру неолита Джезказгана. Контур стоянки хорошо просматривается по культурному слою, вытянутому с северо-запада на юго-восток. Площадь стоянки 1000 м² (25x40 м). В северной половине площади сохранились следы жилища и очага в виде ям. Диаметр большой ямы 8 м соответствует диаметру древнего жилища, диаметр очага 1-1,5 м, хорошо видно зольное пятно с вкраплениями костей животных. На берегу протока, в 20 м от стоянки обнаружена большая груда отходов производства, свидетельствующая о том, что здесь была мастерская по изготовлению кремневого инвентаря. Такие мастерские прослежены и на других стоянках, их расположение за пределами стоянки, вблизи источников воды характерно для неолитических стоянок Джезказгана.

В культурном слое и на поверхности стоянки Б собрано 905 кремневых изделий, из них 120 – готовые орудия, остальные заготовки (нуклеусы, пластины, отщепы) и масса сколов и чешуек. Большая часть орудий обработана очень тщательно, нередко тонкой

ретушью. Наиболее многочисленную группу составляют скребки (64) с краевой ретушью. Их основная масса сделана на коротких и удлиненных отщепках, на массивных и длинных пластинах (рис. 13). Наибольший процент занимают скребки круглые, реже концевые (20), меньше удлиненные, подтреугольные, сегментовидные, нуклеидные. Ножевидных пластинок 20, их длина 8 см, ширина 1-2 см. На неолитических стоянках Джезказгана встречается много орудий бытового обихода: для обработки кости, дерева, кожи и для шитья, много рубящих и режущих орудий. Из орудий охоты лишь 2 наконечника стрел и 2 наконечника копий, из которых один из опала с коротким черенком, другой из кварцита.

Из орудий бытового обихода на стоянке найдены ручные топоры (3), массивные скребла для обработки дерева и кости (5), тесла, ножевидные (4) и рубящие орудия (5), орудия клювовидной формы (резцы), с боковой выемкой, дисковидной формы с грубой ретушью (3) и др. В массе сравнительно крупных орудий своей миниатюрной формой выделяются вкладышевые лезвия (5), вставлявшиеся в костяные оправы и применявшиеся в качестве режущих инструментов. Вкладыши сделаны из тонких кремневых пластинок с мелкой двухсторонней обработкой в виде лезвия.

Среди находок есть нуклеусы (28) конические, призматические и со следами сколов в разных направлениях (рис. 13) из тонкозернистого пластичного кварцита и желтого кремня (28), происходящих из Северной Бетпакадалы. Они найдены в северной половине стоянки в слое зольного пятна среди отщепов и костей животных.

К особенно ценным находкам можно отнести небольшой венчик лепного сосуда с гребенчатым орнаментом, характерным для керамики эпохи неолита. Венчик найден в зольном слое очага среди нуклеусов, отщепов и костей животных. По орнаменту он имеет сходство с венчиками лепных сосудов, найденными на стоянке Терсек-Карагай в Тургайской степи, расположенной в близком соседстве со стоянками древнего Джезказгана. На стоянке Б в качестве ритуальных предметов обнаружены куски амфиболы и малахита.

На стоянках группы Джезказган VII и VIII собрано нуклеусов – 42, ножевидных пластинок – 95 (рис. 23), скребков из отщепов – 196, из пластинок – 18, наконечников стрел – 12, наконечников копий – 18, скребел – 13, рубил – 6, проколок – 3, а также собраны сверла, обломки крупных орудий, ручных топоров, мотыг, ножей, рубящих орудий и т.д. В комплексе обнаружены кости животных, окисленная медная руда, цветные камни (опал, кварцит, халцедон), множество отщепов. Всего около 2000 предметов.

Яркий неолитический вид имеет стоянка «А» (Джезказган X), исследованная в 1948 г. Она расположена в долине большого горного протока, в 3 км к югу от Джезказгана. Заложённые шурфы показали слабую выраженность культурного слоя стоянки, следов жилищ типа землянок или полуземлянок не обнаружено. Поверхность стоянки слабо задернована, ее площадь 600 м² (20x30 м). В северной половине площадки, обращенной к правому берегу протока, обнаружены две смежные ямы. Для нас неожиданностью было большое скопление нуклеусов и отщепов в первой яме, а во второй – скопление кремневых орудий (рис. 17). Подобные ямы В. В. Федоров квалифицирует, как «кремневые склады»⁹⁹. Кремневые орудия также были разбросаны по всей поверхности стоянки, по сравнению с находками из ям их немного, всего около 50.

За пределами стоянки у протока были обнаружены остатки древней мастерской со скоплением отходов производства – чешуек, сколов, кварцевых валунов, нередко с корками загара. Здесь были также куски малахита и крупные валуны кремнистого сланца. Древние мастера сначала откалывали с валунов корки загара, а затем отбивали отщепы для изготовления орудий. Расположение мастерских около источников воды имело большое значение, поскольку для того, чтобы процесс обработки камня был легче, его следовало погружать в воду или держать в сыром грунте.

Со всех участков стоянки и мастерской собрано около 600 кремневых предметов, в их числе 88 готовых орудий, 75 заготовок для орудий и 433 единицы отходов производства. Найдено много орудий бытового обихода, в частности, для обработки кожи.

Наиболее многочисленными из кремневого инвентаря были нуклеусы (88), ножевидные пластинки (25), скребки из отщепов (18),

скребки концевые. Последние многообразны по форме. Среди них встречаются округлые, подтреугольные, удлиненные, клиновидные, плоские с пологой ретушью. За исключением концевых, скребки сделаны из отщепов с дугообразным рабочим краем. В сборах есть скребки, изготовленные на кремневых желваках (рис. 17). Скребки довольно массивные с высоким рабочим краем, фасеты нередко переходят на спинку. Из орудий для обработки кожи – скребла (4), скобели и орудия с боковой выемкой (3), орудия для обработки сухожилий – резцы боковые, проколки (4), остроконечники (3). Из орудий для обработки дерева – топоры (4), ручные топоры, оббитые с одной и с двух сторон (3), долота, рубила со следами корки (3), острия овальной формы (13). Из орудий охоты – два кремневых наконечника стрел с тонкой ретушью (рис. 2), один из них с черешком, другой – с диагональными фасетами, наконечники копий и дротиков в незаконченной форме.

Из массы заготовок выделяются 12 массивных нуклеусов конусовидного и призматического типа, 4 – из разноцветных кварцитов, 8 – из желтого кремня, происходящих из южных пределов Джезказгана, примыкающих к пустыне Бетпакадала. Из хозяйственных орудий были мотыги (4), топоры и клинки топоров (2), долото, нож и др. Горные орудия типа каменных отбойников, молотов, пестов и теречек, характерных для эпохи бронзы, здесь не обнаружены, нет также следов добычи руды. Обнаруженные куски малахита и азурита имели ритуальное значение. Материалы стоянки «А» отчетливо характеризуют быт неолитических охотников, живших в Центральном Казахстане в IX-V тыс. до н.э.

Группа неолитических стоянок Джезказган IV (Акши) была открыта в 1948 г. гидрогеологом С.П. Калутиним при проведении разведочных шурфов и траншей в низовьях р. Джезды. Топографические работы проведены им вместе с Н.В. Валукинским в обширной долине р. Акши, являющейся левым весенним притоком р. Джезды. Группа расположена в 9 км к юго-западу от рудника Джезказган, в 1948-1949 гг. обследована Н.В. Валукинским. В группе насчитываются около 15 стоянок (61, 31, 53, 54, 55, 3, 81, 83, 84, 56, 57, 58, 52, 105), все расположены вдоль речки с юга на север, на небольшом расстоянии друг от друга. Из этой серии лучше сохранилась стоянка 56 (рис. 16).

Стоянка 56 расположена в котловине, окруженной со всех сторон небольшими холмами. В западной и северо-западной стороне стоянки на протоке сохранились остатки двух мощных плотин, относящихся к более позднему времени. Одна плотина была превращена в мост на дороге, идущей к Бетпакадале.

Площадь стоянки обнажена ветровой эрозией и очень бедна растительным покровом, хотя вокруг в долине обильный травостой. С северо-востока на юго-запад площадь стоянки прорезана речкой с крутыми берегами и в яре хорошо видны обнажения культурного слоя в виде узкой линзы. Эти обнажения служили хорошим ориентиром для открытия других стоянок. Площадь стоянки по контуру культурных залегающих 2000 м² (40x50 м). На поверхности стоянки собраны кремневые орудия и отщепы, в их числе нуклеусы (9), ножевидные пластинки (8), наконечники стрел из серо-желтого кремня (2), наконечники копий (2), скребки округлые из кварцита вишневого цвета (10), скребки концевые сиреневого и светло-серого цветов (5), скребло малой формы, рубящее орудие и др. Большая масса орудий найдена в южной и юго-западной части стоянки, вместе с ними мелкие фрагменты керамики, кости животных (23), куски окисленной медной руды. На западе, за пределами стоянки было обнаружено большое скопление сырья и отходов производства – сколы, чешуйки, валуны желтого и серого кварцита.

Значительное число кварцевых орудий собрано на стоянках 31, 83, 84, среди которых нуклеусы, гладилка (стоянка 31), а также куски окисленной медной руды, борита и шлака. Со всех стоянок группы Джезказган IV (Акши) собрано отщепов — 1825, кремневых орудий – 230, из них нуклеусов – 12, ножевидных пластинок – 11, скребков концевых – 30, скребков округлых – 66, наконечников стрел – 8, наконечников копий – 7, скребел – 14, резцов – 5, проколок – 3, сверл – 6, остроконечных рубящих орудий – 17, одно рубило, 3 ножа, полированных орудий, тесел – 3, 3 топора типа пик, 2 долота, одна гладилка, 9 орудий грубой формы, одно орудие с боковой выемкой, 4 кристалла цветных камней, 5 кусков окисленной медной руды, 2 – третичной опоки, костей животных – 42 и т.д.¹⁰⁰

Из неолитических памятников своей архаичностью выделяется группа Джекказган V (Петрохолм). В группе около 15 стоянок (43, 44, 45, 50, 60, 64, 69, 73, 75, 103, 124, 125, 126), все вместе занимают общую площадь в 6100 м². Группа расположена в северо-западной части рудника Джекказган, была выявлена в обнажениях ветровой эрозии на террасах невысокой горы Шом и обследована в 1947-1948 гг. Все находки собраны в культурных слоях¹⁰¹.

Стоянка 44 расположена на северо-западной террасе горы Шом рядом со стоянкой 69, на правом берегу горной речки. Площадь стоянки 350 м². Среди находок сравнительно больше орудий, чем на других стоянках этой группы. Здесь также были найдены куски окисленной медной руды, кости животных и мелкие фрагменты боковины лепного сосуда без орнамента. Из орудий отметим наконечник стрелы с черешком из опала, скребки разных форм (8) (рис. 19), наконечники копий (2), резец, скребла (2), рубящие орудия овальной формы с грубой ретушью и множество обломков орудий и отщепов (504), всего 539 предметов¹⁰². На дне очага в стоянке 44 обнаружены мелкие медные шарики, свидетельствующие о первых попытках плавки медной руды. Следы плавки медной руды уже в виде медного порошка обнаружены и в культурном слое стоянки.

Стоянка 45 выявлена на выдувах дефляции на северо-западной террасе горы Шом на высоте 464 м над уровнем моря. Рядом расположены стоянки 44, 64, 69. Это одна из наиболее крупных стоянок на горе Шом, ее площадь 1000 м² (40x25 м).

Большое скопление каменного инвентаря было в восточной части площадки. В культурном слое обнажения собран каменный инвентарь, в том числе наконечники стрел из кварцита (2), наконечники копий из кварцита (3), скребки округлой формы из кварцита (3), скребла (3), тесло, остроконечник, нож, а также большое количество отщепов и кости животных. Керамики нет. Судя по формам орудий, стоянка 45 – самая древняя в этой группе.

Стоянка 69 – одна из крупных, занимает центральное положение, расположена у горной речки, берущей начало на горе Шом. Площадь стоянки с культурным слоем 600 м² (40x15 м). Здесь обнаружены только отщепы.

Стоянки 43, 73, 124, 125, 126 расположены на южной террасе горы Шом, в 300 м на юг от основной группы стоянок Джекказган V.

Обследована стоянка 73. Площадь стоянки 420 м² (15x28 м), ее продольная ось проходит с запада на восток. На стоянке большое скопление отходов производства – сколов, отщепов, чешуек и костей животных. Из небольшого числа кремневых орудий – два наконечника стрел из опала и кварцита с тонкой ретушью, из них один с черешком, восемь скребков, два остроконечника.

Стоянка 103 расположена на северо-восточной террасе горы Шом, в 100 м на северо-восток от основной группы. Кремневый инвентарь разбросан на площади 540 м², здесь также преобладают отщепы, обломки орудий, среди них две ножевидные пластинки, из готовых изделий – один резец, керамики нет.

Со всех стоянок группы Джекказган V (Петрохолм и Покровский) собрано 650 предметов, из них нуклеусов – 2, ножевидных пластинок – 5, скребков – 29 (рис. 19), наконечников стрел – 16, кремневых наконечников копий – 11, прокол – 3, резцов – 4, скребел – 3, остроконечников – 3, одно тесло, два отбойника, отщепов – 584, фрагментов керамики – 4, кусков окисленной медной руды – 6.

Характерную особенность группы стоянок Джекказган V (Петрохолм) составляет то, что в них кремневых орудий сравнительно мало. В местах скопления сколов, чешуек, обломков орудий, по-видимому, были мастерские по изготовлению кремневых орудий. Другую особенность этой группы стоянок характеризует то, что в них прослеживаются первые карьеры по добыче руды, представляющие собой небольшие ямы – подбои, диаметром до одного метра и глубиной 0,7-0,8 м, из них извлечены куски окисленной медной руды. Таких ям-подбоев было обнаружено пять и располагались они возле стоянок. Вполне вероятно, что первоначально эти ямы представляли собой просто каменоломни, откуда добывались камни для очагов. Эти камни при высокой температуре плавилась и давали отеки, что было великим открытием, ознаменовавшим начало металлической эры. Окисленную руду с высоким содержанием меди и самородную медь находили в районе Кресто, Златоуста, Никольского.

Группа стоянок Джезказган XV расположена в 3 км к северо-востоку от рудника Джезказган на участке между рудными отводами Раймунд IV и Никольский, по северной дороге, идущей от рудника Джезказган в Кенгир. В группе 12 стоянок (144, 9, 60, 80, 82, 12, 11, 16, 77, 77, 78, 75, 76). Все они обнаружены на выдувах ветровой эрозии, обследованы в 1946-1948 гг.

Топографическую особенность стоянок составляет расположение их по меридиану вдоль основного протока, идущего с севера на юг и через 15-18 км впадающего в р. Дезде.

Стоянки находятся в местах, защищенных от холодных ветров невысокими холмами. Историческая топография долины представляет большое скопление памятников разных эпох: неолита, бронзы и средневековья. Здесь расположены две группы курганов, одна из которых состоит из четырех насыпных курганов, вытянутых с юга на север, другая — из 8 курганов, тянувшихся с запада на восток. Памятники средневековья расположены вне площадок неолитических стоянок, около древних выработок и отвалов. Рядом со стоянками эпохи неолита находятся памятники энеолита и эпохи бронзы, выступающие на поверхности земли в виде остатков жилищ, водоемов, плотин и мест разработки медной руды. Подобная топография характерна почти для всех групп стоянок Джезказгана.

По характеру кремневых орудий все стоянки группы Джезказган XV одновременны, находки отражают быт неолитических охотников, в то же время среди них есть стоянки с зачатками культуры меди (энеолит). Группу на севере замыкает стоянка 76, на юге — 60. Центральное положение занимают стоянки 16, 11, 12 (рис. 20). Общая площадь территории, занимаемой всей группой, около 3600 м².

Стоянка 76 более древняя с архаическими чертами орудий, расположена обособленно в северном конце группы, выявлена на выдувах эрозии.

Длина контура стоянки с культурными остатками с севера на юг — 40 м, с запада на восток — 30 м, площадь стоянки 1200 м². С поверхности собрано около 200 предметов, среди них — скребки разных типов (2), орудия с боковой выемкой для обработки

сухожилий, рубящие орудия из кварцита (4), скребла (2), скобели (1), проколки, режущие орудия, орудия охоты — наконечники копий — 5, наконечники стрел с черешком и ретушью — 3 (рис. 11), нуклеусы (5), обломки трубчатых костей — заготовки для поделок, фрагменты лепного сосуда и множество различных сколов.

Стоянка 75 расположена юго-восточнее рудного отвода Раймунд IV, в 60 м южнее стоянки 76, на правом берегу протока (рис. 20). Обнаружена на выдувах эрозии. Контур обнаженной площадки с культурным залеганием 600 м² (30x20 м). Находок около 100 предметов, среди них пять скребков, два наконечника копий, три наконечника стрел (один из черного кремнистого сланца, другой из зеленоватого роговика), проколка, два остроконечника (один из черного кремнистого сланца, другой из кремня). Из других находок можно отметить нуклеусы — 2, мелкие фрагменты лепного сосуда — 2, один обломок трубчатой кости, заготовленный для поделок, куски окисленной медной руды.

Стоянка 78 расположена в 150 м юго-восточнее стоянки 75, между холмами, на левом берегу небольшого протока (рис. 20). Площадь стоянки с культурными остатками около 540 м². В культурном слое обнаружены скопления отщепов и незаконченных орудий типа скребел, рубящие орудия (3), скребки разных форм (9), орудия с боковой выемкой (3), скребла (2), обломки наконечников копий (2), тесло, нуклеусы (2). О длительном существовании стоянки свидетельствуют масса отходов производства, отщепы и множество костей животных.

Стоянка 77 расположена вблизи стоянки 78 (рис. 20). По площади культурного залегания одна из крупных, ее размер 1200 м². На поверхности стоянки собран кремневый материал, среди них много незаконченных орудий, обломков наконечников копий с грубой ретушью. Хорошо представлены орудия бытового обихода. Из вполне законченных орудий — наконечники стрел (3), скребки округлые (5), рубящие орудия (7), ручной топор, тесло, гладилка, а также нуклеусы (2), большое число отщепов, кости животных. Наряду с архаическим инвентарем на стоянке было найдено орудие для горных работ — отбойник.

Стоянка 144 расположена обособленно от основной группы, в ее юго-западной части, между холмами, на месте слияния малого и большого протоков. Рядом со стоянкой находятся две ямы, представляющие собой остатки водоемов эпохи бронзы.

По характеру каменного инвентаря стоянка 144 выглядит архаично и относится к ранней поре неолита. Как и все другие, она обнаружена в обнажениях ветровой эрозии. Ее площадь с культурными остатками 1250 м². С поверхности стоянки сделаны сборы — нож, проколка, орудие с крупной ретушью, множество отщепов, куски окисленной медной руды.

Стоянка 60 расположена у подножия холмов в южном конце группы Джезказган XIV, недалеко от дороги, идущей от рудника в Никольский. Размер площади стоянки по черте культурного залегания — 1080 м². Среди находок нуклеусы (3), скребки (4), наконечники стрел, наконечник копья, резец грубой формы, мелкие фрагменты лепного сосуда неолитической эпохи, кости животных. Компонентом культурных остатков являются куски окисленной медной руды.

Стоянка 9 расположена внутри изгиба большого протока, в юго-западном конце группы. Поверхность стоянки сильно обнажена дефляцией, поэтому хорошо виден ее контур, площадь стоянки 1232 м². По количеству кремневого материала это одна из крупных стоянок. На ее поверхности собрано около 200 предметов, среди которых скребки разных типов (14), наконечники стрел (3), наконечник копья, рубящие орудия, ножи (2), орудия с крупной ретушью, провертки (сверла), скребло, нуклеусы призматической формы (5), мелкие фрагменты керамики лепной работы, трубчатые кости крупных животных (7), заготовленные для поделок, масса сколов, куски кварца и мергеля. Помимо традиционно неолитических орудий обнаружены орудия нового типа — отбойники из кварцита (2), точильный камень. Весь комплекс предметов хорошо отражает процесс перехода от неолита к медно-каменному веку (энеолиту).

Стоянка 82 расположена в центре группы, против изгиба большого протока, с правой его стороны на невысокой террасе.

Вместе со стоянками 16, 12 и 11 составляет наиболее древнюю часть группы Джезказган XV. Стоянка обнаружена в обнажениях ветровой эрозии с залеганием культурных остатков на глубине 800 м². Сборы с поверхности состоят преимущественно из крупных орудий с плоской ретушью. Среди них есть также скребки из кремня, проколка, ножевидная пластинка с притупленными краями, много сколов и отщепов. На площади стоянки прослежены остатки очага в виде черного пятна, вокруг него найдены кости животных и кусок окисленной медной руды.

Стоянка 16 расположена на равнине, окруженной со всех сторон невысокими холмами, у слияния большого и малого протоков. Вместе со стоянками 11, 12 и 82 занимает центральное положение в группе Джезказган XV. Поверхность стоянки лишена растительного покрова и сильно обнажена ветровой эрозией. По поверхности стоянки протекает небольшой проток, обнажая ее культурные слои. Размер обнаженной поверхности с культурными залеганиями около 1000 м². В 1949 г. в культурном слое и с поверхности стоянки собран обильный кремневый материал, около 600 предметов. Среди них преобладают орудия бытового обихода для обработки кожи, дерева и кости, в том числе скребки округлые (46), скребки концевые (9), ложило-гладилка, скребла (10), массивные резцы (5), проколки (2), орудия типа пик (2), орудия грубой формы, долото (5), тесло, ножи (2), нуклеусы (40), ножевидные пластинки (8), множество сколов и отщепов (406), кости животных (25), фрагменты неолитической керамики (5), наконечники стрел (3), наконечники копий (4). В этой массе традиционно неолитических орудий обнаружены два орудия нового типа — точильный камень и отбойник из кварцевого валуна, появившиеся в конце неолита и начале энеолита. По-видимому, эти предметы не имеют отношения к стоянке, так как рядом с неолитическими стоянками расположены памятники эпохи бронзы, выступающие на поверхности в виде выработок и многочисленных ям, представляющих собой остатки жилищ, водоемов и мест дробления руды.

В центре стоянки 16 обнаружены остатки древнего очага в виде темного пятна, вокруг него большое скопление костей животных,

нуклеусов и отщепов. Расположение очага в центре площадки дает основание заключить, что здесь было жилище.

На стоянке 11 обнаружены кремневые орудия, среди них нуклеусы – 5, ножевидные пластинки – 2, скребки – 16, наконечники копий – 5, орудия с крупной ретушью – 2 и др.

Результаты обследования группы Джезказган XV (Раймунд-Нивольский), свидетельствуют о том, что в нее входят одни из самых значительных неолитических стоянок Джезказгана. Полученные материалы отражают историю последовательного перехода от неолита к бронзе. Со всех стоянок этой группы собрано свыше 2000 предметов, из них 230 орудий, 1825 отщепов, 42 кости животных, 10 мелких фрагментов лепной керамики, характерной для эпохи неолита, куски цветных минералов и два отбойника, свидетельствующих о начале добычи руды. Среди орудий преобладают скребки – 100, из них 24 концевых (рис. 22) и один выемчатый, много нуклеусов – 66, медных ножевидных пластинок – 16, наконечников стрел – 15, наконечников копий – 20, гладилок – 2, резцов – 5, скребел – 18, рубящих орудий – 17, проколов – 6, сверл – 6. Много инвентаря для обработки дерева, костей, кожи и сухожилий.

Джезказган VI расположен в северной части рудника Джезказган, в долине между участками Златоуст-Южный и Раймунд-Западный, у истоков основного протока, идущего с севера на юг. С севера долина защищена невысокими холмами. Стоянки обнаружены во время земляных работ и обследованы в 1948-1949 гг. В группе пять стоянок (49, 48, 47, 46 и 63). Все относятся к эпохе позднего неолита.

Стоянки расположены по меридиану вдоль долины на протяжении двух километров (рис. 21). Интервалы между отдельными стоянками не превышают 400 м и не менее 240 м. Северную границу площади замыкает стоянка 49, южную – 63. Судя по характеру кремневого инвентаря, все пять стоянок одновременные, лучше сохранились стоянки 49 и 48.

Стоянка 49 расположена в северном конце группы, у подножия холмов, расположенных с запада на восток, на правом берегу протока. Против стоянки сохранились следы древнего водоема в виде котлована диаметром 15 м, глубиной до 1,5 м. Контур стоянки

в виде черных пятен. Ее площадь 1000 м². Кремневый материал разбросан по всей поверхности стоянки со скоплениями в ее восточной половине. Вне пределов стоянки, на берегу протока обнаружена груда отходов производства в виде сколов и чешуек. В культурном слое и с поверхности стоянки собрано около 100 предметов, среди них скребки из кварцита (3), остроконечники разных форм (3), наконечник стрелы из кварцита с хорошей ретушью, ножевидная пластинка (2), резец из кварцита, фрагменты лепных сосудов, кости животных. Всего 30 орудий и нуклеусов, остальное – отщепы и куски окисленной медной руды.

Стоянка 48 расположена южнее стоянки 49, на левом берегу протока. На поверхности стоянки заросли кустарников, благодаря чему она хорошо сохранила свой древний контур с площадью в 450 м². Боковые части стоянки сильно обнажены. Кремневый материал обнаружен на всей поверхности стоянки, но больше в ее южной части. Собрано более 200 предметов, из них 42 орудия, 43 отщепы, 6 кусков окисленной медной руды, 4 фрагмента лепной керамики, кости животных. Собранные орудия типичны для всех стоянок Джезказгана эпохи позднего неолита: скребки (8), рубящие орудия (4), ножевидные пластинки (6) (рис. 23), скребла (2), наконечники копий (2), наконечники стрел листовидной формы с хорошей ретушью (2), оба из кварцита, один с выемкой в основании. Среди находок отбойники из кварцита (2) и куски окисленной медной руды (6).

Стоянка 47 расположена южнее стоянки 48, на правом берегу речки, напротив места впадения в нее небольшого протока. Обнаружена на выдувах ветровой эрозии с контуром площадки, размеры которой около 300 м². Сборы сделаны в культурных слоях и с поверхности стоянки. Всего собрано 103 предмета, из них 20 орудий, 4 фрагмента лепной керамики, остальное – отщепы и кости животных.

В стоянке 46 культурный слой размывает протоками весенних вод, поэтому значительная часть сборов поднята со дна протока. Стоянка 63 сохранилась плохо. В настоящее время она целиком занята под огород. С обеих стоянок собрано 10 орудий, 2 нуклеуса, до 50 отщепов.

Результаты исследования группы стоянок Джезказган VI следующие: собрано 440 предметов, из них орудий бытового обихода – 52, орудий охоты – 9, нуклеусов и заготовок – 27, отщепов – 324, фрагментов глиняных сосудов – 14, костей животных – 6, кусков окисленной медной руды – 10. Среди орудий скребки разных типов – 15, остроконечники и рубящие орудия – 14, ножевидные пластинки – 3 (рис. 23), орудия грубой формы с крупной ретушью – 8, топор, скребел – 2 (рис. 24), наконечники стрел – 4, один из них с выемкой в основании (рис. 24), наконечники копий – 3. Среди находок новые типы орудий – отбойники для откалывания рудных пород и куски окисленной медной руды, наличие которых свидетельствует о том, что в эпоху позднего неолита степняки уже знали о свойствах медной руды. В группе стоянок Джезказган VI собран уникальный материал, освещающий переходный этап от неолита к энеолиту, когда в Центральном Казахстане впервые стали плавить медную руду и получать медь.

Джеказган IX (неолитические стоянки Милыкудук) расположен в обширном логе в южных окрестностях Джезказгана, в 1,5-2 километрах от центра города, здесь три группы памятников разных эпох – неолита, бронзы и средневековья. Основная часть неолитических стоянок расположена обособленно, в 200 м к западу и юго-западу от массива памятников более поздних эпох. Между ними с севера на юг протекает речка. Одиннадцать неолитических стоянок обнаружено на солонцах правого берега (4,5,38,39,40,41,6,67,70,121,129.), из них три (5,70,129) – в нижнем слое поселения Милыкудук. Нижний культурный слой имел форму узкой линзы, содержащей следы деятельности неолитического человека в виде орудий из кварцита, кремня, отщепов, костей животных и фрагментов лепной керамики. Между нижним и верхним слоями наносный подстилающий грунт толщиной 10 см. По сравнению с верхним нижний беден находками, здесь встречаются только кремневые изделия, кости крупных и мелких животных. В одном месте (стоянка 5) обнаружены следы очага с зольным слоем длиной 2 метра с остатками кустарникового топлива и мелких кусочков шлака (энеолит).

Лучше других сохранилась стоянка 40. Она выявлена в обнажениях солонцов в западном конце поселения Милыкудук, на левом берегу протока. Стоянка обследована в 1949 г. Ее площадь по контуру культурного залегания 300 м² (25x12 м). В культурном слое и на поверхности собраны кремневые орудия позднего типа (энеолит, бронза), отмеченные более высокой техникой обработки. Среди них нуклеусы (2), наконечники стрел из кварцита (5), скребки округлые и концевые (48), скребло, куски окисленной медной руды, фрагменты костей животных, множество отщепов и сколов. Все стоянки относятся к эпохе энеолита. Основным датированным материалом являются очень тонко обработанные миниатюрные черешковые наконечники стрел из кремня, опала и горного хрусталя.

Значительная часть орудий собрана в культурном слое стоянки 5 при проведении раскопок. Здесь в западной половине стоянки обнаружено огромное скопление отщепов и нуклеусов. Большое скопление кремневых предметов обнаружено в стоянках 70 и 129. Находок было так много, что значительная часть их была погребена на месте раскопок¹⁰³.

На всех стоянках Милыкудука собрано около 1500 предметов, из них до 150 орудий. Наиболее многочисленную группу составляют скребки – 60 экземпляров, концевые – 8, один скребок-резец, остальные – округлые на отщепах, в основном, из кварцита. Остальные находки: наконечники копий из баронлита – 6, наконечники стрел – 5 (рис. 25), из них два с черешком, один из горного хрусталя, пластинки – 5, резцы – 2, одно скребло, ножи – 8, обломки орудий – 6, клинья – 3, пестики – 3, нуклеусы – 11, крупные орудия – 2, обломок горного хрусталя, куски окисленной медной руды, фрагменты лепной керамики (2), кости животных.

Джеказган XIII (группа стоянок Айнаколь). В группе три стоянки (35, 51, 81), по культуре все одновременны и относятся к эпохе позднего неолита и энеолиту. Группа расположена в 5 км на восток от рудника Джезказган I и в одном километре от рудного участка Никольский, в котловине, окруженной холмами. Открыта в 1945 г. главным геологом Джезказгана А.В. Кузнецовым, проводившем поиски древних мест плавки медной руды в окрестностях

Джезказгана. Главным поисковым ориентиром для Кузнецова были древние выработки, отвалы и сплески. А.В. Кузнецов был обоснованно уверен, что в районе Никольского должно быть и место плавки руды. Поиски дали положительные результаты, было открыто место древней плавки медной руды с большим скоплением производственных отходов – шлаков, обломков тиглей и орудий труда. В 1946-1948 гг. А.В. Кузнецовым и Н.В. Валукинским был обследован Айнаколь¹⁰⁵. Благодаря заложенным в нескольких местах шурфам выяснилось, что Айнаколь – поселение древних металлургов, где сохранились следы двух культур: нижний слой котловины соответствовал эпохе бронзы, а верхний относился к средневековью. Культурный слой средневековья занимал площадь, которая перекрывала древний пласт. Культура средневековья дигировалась керамикой на гончарном круге.

Рядом с поселением древних металлургов в обнажениях ветровой эрозии были открыты две стоянки (31, 51) эпохи неолита, насыщенные кремневым инвентарем. Третья (81) стоянка была обнаружена в западной части поселения. Контур стоянки 31 имел подковообразную форму, размеры стоянки 100x120 м, площадь 1200 м². О ее длительном существовании свидетельствуют несколько тысяч каменных предметов. Н.В. Валукинским были отобраны только целые орудия из кварцита и некоторые наиболее ценные предметы, остальные погребены на месте из-за отсутствия помещения для хранения¹⁰⁴.

В культурном слое обнажений собрано 1224 каменных изделий, в том числе 254 орудия, 22 нуклеуса, 180 обломков орудий, 540 отщепов, 800 отходов производства, 45 кристаллов, значительное число костей крупных и мелких животных, 14 фрагментов лепных сосудов. Все были инвентаризованы. Основная масса находок состояла из орудий бытового обихода, из них скребков – 38 (рис. 26), в их числе округлые на отщепах – 32, концевые на пластинках – 6, концевые двойные – 2, скребки-резчики с ретушью, образующей боковую выемку в основании орудия (2), нуклеусы трех типов – дисковидные, призматические с негативами пластинок, конусовидные, орудия для обработки кожи и костей животных: проколки – 10, резцы – 9, сверла – 2, скребла – 20,

рубящие орудия – 26, а также ручные топоры, клиновидные орудия и др. Среди находок много кристаллов цветных горных пород (41), в том числе цветного мергеля. Значительное число этих минералов и окисленной медной руды на позднеэолитических стоянках Джезказгана свидетельствует о появлении у древних людей интереса к горным породам, знакомство с которыми привело человека к тому, что он научился выплавлять из них металл.

Джезказган I¹⁰⁵ (группа неолитических стоянок Таскудук и Соркудук), расположен в 15 км к северу от рудника Джезказган I в долине протока. Впервые обследован сотрудниками геологического отдела Джезказганского медкомбината в 1945 г. и археологом Н.В. Валукинским в 1946-1948 гг. Снят топографический план стоянок Соркудук и Таскудук, проведены траншеи и раскопки. Выявлены следы культур разных времен: неолита, энеолита, бронзы, раннего и позднего средневековья. Характер наслоения культур сходен с поселениями Милькудук и Айнаколь. Поселение двуслойное. По словам Н.В. Валукинского: «В нижнем слое имеются достаточно ясные следы пребывания древнего человека, оставившего орудия из кварцита, кремня и других крепких пород»¹⁰⁶.

На выдувах ветровой дефляции выявлено пять неолитических стоянок. Из них две – Таскудук 18 и 74 обнаружены в узком ущелье, окруженном невысокими холмами, две – Соркудук 29 и 30 в 1,5 км ниже Таскудука, на левом берегу протока и одна – Соркудук 7 на правом берегу выше поселения эпохи бронзы. На стоянке 18 прослежены следы кострища в виде зольного пятна диаметром 1,5 м, толщиной 15-20 см. На стоянках собран кремневый инвентарь и другие предметы, среди них наконечники стрел из кремня, проколки, резцы, пики, отбойники¹⁰⁷, а также кости животных, обломки лепных сосудов, множество кристаллов опала, халцедона, яшмы, кварца и др.

Со всех неолитических стоянок Джезказгана собраны и инвентаризованы орудия труда – ножевидные пластинки (до 200), массивные скребки из отщепов (550), скребки концевые (100), наконечники стрел (72), среди них из черного хрусталя,

роговика, халцедона, опала; кремневые наконечники копий (90), дротики (около 30), проволки (34), скобели или орудия с боковой выемкой (до 25), сверла (18), резцы (36), скребла (80), «утюжки»-гладилки (4), орудия для обработки дерева, кости и камня, обломки минералов (горный хрусталь, цветной мергель, яшма, кварц, амфибола, халцедон, роговик) для изготовления мелких орудий и наконечников, много образцов окисленной медной руды, костей животных, фрагментов лепных сосудов без орнамента (около 40). Перечисленные предметы характеризуют быт, хозяйство и культуру неолитических племен Центрального Казахстана при переходе от первобытной охоты и собирательства к пастушескому скотоводству. Из материалов Джезказгана, Караганды и других районов Центрального Казахстана видно, что неолитические племена этого района имели уже вполне сложившуюся устойчивую форму каменных орудий. Для позднего неолита характерны миниатюрные орудия (микролиты), предназначавшиеся для охоты. Со стропильным делом, мотыжным земледелием и рыболовством связано изготовление крупных орудий типа грузил, мотыг, топоришков, тесел, долот, которыми человек обрабатывал камень и бревна для постройки жилищ.

Специфику неолитических мастерских Джезказгана составляют орудия с боковыми выемками и острыми концами, предназначавшиеся для обработки сыромятной кожи, из которой делали одежду, ремни и ременные ленты для арканов и треног – предметы для укрощения и приручения диких животных.

С неолитом Джезказгана, р. Сарысу и Бетпакадалы в прямой связи находятся неолитические стоянки Улытауской степи (Тамды I и II), бассейнов рр. Блеуты и Буланты, р. Жиланчик, с дюнными стоянками Акжум, Акколь. Их объединяет территориальная близость, состав кремневого материала и однотипность орудий.

Интересная серия неолитических памятников обнаружена в бассейне р. Блеуты, в долине ее правого притока Дюсембай. Памятники расположены в 80 км к юго-западу от Джезказгана и в 50 км к западу и северо-западу от изгиба р. Сарысу (Каражар). В этом районе у аула Тиекбас Ю. А. Орловым была собрана коллекция кремневого инвентаря.

В 1963 г. здесь на участках интенсивной дефляции М.Н. Кларчуком было выявлено пять неолитических стоянок – Дюсембай I, II, III, IV, V.

Стоянка Дюсембай I расположена на левом берегу одноименной реки, в 33 км к югу от пос. Карсақпай на территории Карсақпайского совхоза Джездинского района Карагандинской области. На стоянке собрано 11 нуклеусов, 209 ножевидных пластинок и их обломки, 47 скребков из отщепов, 12 скребков из пластинок, 6 наконечников стрел, 2 дротики, 4 вкладыша, 2 трапеции, один резец и свыше тысячи отщепов.

Стоянка Дюсембай II расположена на правом берегу одноименной реки. Здесь собрано около 100 изделий, в том числе нуклеусы, скребки из отщепов, скребки из пластинок, наконечники стрел, 11 фрагментов керамики и около 200 отходов производства.

Стоянка Дюсембай III расположена на правом берегу одноименной реки, в 32 км к югу от пос. Карсақпай. Собрано много кремневых предметов и фрагментов керамики. Среди орудий – ножевидные пластинки (158), округлые скребки (19), концевые скребки (6), наконечники стрел (27), дротики (6), а также нуклеусы (14), фрагменты керамики (80) и 1074 сколов.

Стоянка Дюсембай IV на левом берегу реки, напротив стоянки III. Характер ландшафта и условия залегания культурных слоев на всех стоянках одинаков. С поверхности собран подъемный материал: ножевидные пластинки – 173, скребки из отщепов – 11, скребки концевые – 4, наконечники стрел – 11, нуклеусы – 2, а также вкладыши, костяная прокладка, фрагменты лепной керамики – 46 и 540 единиц отходов производства. С пяти стоянок группы Дюсембай собрано около 4000 предметов, что говорит о продолжительном существовании стоянок долины р. Дюсембай (Блеуты).

Стоянка Нурман была открыта ленинградским геологом В.Ф. Петрунь в 1952 г., в 22 км к северу от пос. Байконур, в верхних р. Жидели, у истока р. Буланты (Байконур). Стоянка выявлена на участке дефляции суглинков, лишенных дернового покрова. Площадь с культурными остатками представляет собой полосу в 400 м длины и 150 м ширины. Культурный слой обнаруживается на всей площади в виде скопления огромного количества отходов

каменной индустрии, залегающих на поверхности суглинков и, частично, в мезозойской коре выветривания. С поверхности стоянки собрано около 200 предметов, из них 75 целых и сломанных орудий, остальные – отщепы из кварцита, халцедона и других горных пород¹⁰⁸.

В 1952 г. В. Ф. Петрунь в Улытауской степи открыл две неолитические стоянки на территории совхоза им. Амангельды. Стоянки Тамды I и II расположены в нижнем течении одноименной реки, в 8 км выше ее впадения в р. Сарытургай. Более древняя стоянка Тамды I находится на водоразделе, в 1,5 км от стоянки Тамды II. Здесь найдена ножевидная пластинка архаичного вида длиной 12 см, шириной 5 см (рис. 29).

Стоянка Тамды II расположена на верхней террасе, на небольшой скалистой площадке, защищенной от северного ветра. Кремневые изделия и обломки керамики обнаружены в почвенном слое, обнаженном ветровой эрозией, а также на каменистой поверхности площадки. Сборы В. Ф. Петрунь со стоянок Нурман и Тамды I, II хранятся в МАЭ¹⁰⁹.

Территориальной близостью с неолитом Джезказгана связаны неолитические стоянки Тургайской степи, открытые в 1945 г. зоологической экспедицией МГУ во главе с профессором А.А.Формозовым на территории Наурзумского заповедника, у оз. Аксуат¹¹⁰. С поверхности стоянки собран подъемный материал: нуклеусы, ножевидные пластинки, наконечники стрел, концевые скребки, а также фрагменты лепной керамики с ямочным и гребенчатым орнаментом. Той же экспедицией открыта группа стоянок, расположенная в лесу Терсек-Карагай, в 80 км к западу от центра Наурзумского заповедника. Со стоянки собрано свыше 130 предметов, в том числе скребки, наконечники стрел, ножевидные пластинки, а также нуклеусы, обломки керамики с точечным орнаментом. По характеру обе группы стоянок близки к стоянкам Джезказгана.

Учеными-геологами была открыта серия стоянок эпохи позднего неолита с ярко выраженным микролитическим инвентарем. Так, в 1938 г. академиком А. Л. Яншиным в районе между Северным Приаральем и Северным Прикаспием была открыта стоянка

«Саксаульская» эпохи энеолита, в 8 км к северу от ст. Саксаульская, вблизи подземного источника воды и выхода кварцитовых пород. В 1944 году она исследована А. А. Формозовым¹¹¹.

Стоянки эпохи позднего неолита открыты в 1946 г. А. Л. Яншиным в песках Сам и на севере плато Устюрт, у колодца Молкудук. Со всех стоянок собран подъемный материал: ножевидные пластинки, скребки, вкладыши и мелкие фрагменты керамики ручной лепки.

Стоянки в долине р. Эмбы (Кокжиде, Бесбай, Жагабулак) в 1926-1927 гг. обследованы геологами И. Лариным и И.П. Герасимовым и нами в 1950 году. Со стоянки Кокжиде В.И.Самодуровым сделаны сборы концевых скребков, ножевидных пластинок и грубой керамики без орнамента. Из других памятников долины р. Эмбы геологами были обследованы стоянки Коктубек, Теректысай. В бассейне р. Сагыз находятся донные стоянки Аккум, Борчакум, Кызкум, Аккудук. Сборы с этих стоянок хранятся в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР¹¹².

Ряд донных стоянок открыт в песках Малые и Большие Барсуки. В 1944 г. геологом Д. П. Словягиным в 10 км к юго-западу от ст. Чоксу (Малые Барсуки) выявлена стоянка позднего неолита с кремневым инвентарем¹¹³. В 1947 г. Б. А. Федоровым в 15 км к северу от пос. Агеспе открыты стоянки Кызыл-Жар¹¹⁴ и Кара-Сандык¹¹⁵. В 1944 г. геологом С. Е. Максимовым в Северо-Восточном Приаралье обнаружена стоянка Жаман-Клыш, ошибочно отнесенная к палеолиту¹¹⁶. Собран подъемный материал – орудия из кремня, кварцита и халцедона, в их числе ножевидные пластинки, концевые скребки и фрагменты сосудов грубой лепки.

По культуре и составу находок приаральские стоянки позднего неолита близки к неолитическим стоянкам Джезказгана, р. Сарысу и Бетпакадалы. Их общность составляют не только микролиты, но и более крупные орудия типа каменных дровилов, используемых в охоте на крупных млекопитающих – сайгаков, джейранов, архаров, куланов. Приаральские пустынные стоянки представляли южную часть степного неолита. Основная же часть стоянок находилась на севере, где богатые пастбища и обилие источников воды были условием успешного развития скотоводства, поэтому

неолитическая индустрия сконцентрировалась в долинах рр. Сарысу, Кенгир, Нура, Ишим, Тургай, Иргиз, Блеуты и Байконур. В позднем неолите основу существования племен вместе с охотой составляло уже скотоводство, что определяло характер каменных орудий.

В долине р. Иргиз обследовано шесть стоянок – Айркзыл вблизи г. Иргиза, Баскудук возле аула Сорбулак, Жанаул севернее оз. Узунсор, Енбекши северо-западнее оз. Атасор и стоянка на левом берегу р. Улу-Иргиз, выше слияния ее с р. Шет-Иргиз¹¹⁷.

По материалам новейших археологических исследований самыми значительными из всех неолитических стоянок Центрального Казахстана были стоянки Джезказгана, Караганды и бассейна р. Сарысу. Крупные очаги неолитической культуры установлены также в Северном Прибалхашье, в Каркаралинских и Баянаульских степях.

Со всех стоянок Джезказгана собрано около 20 тысяч однотипных каменных предметов. На каждой из стоянок обнаружено большое скопление отходов производства (сколов, отщепов, чешуек) и значительное число нуклеусов. Этот факт свидетельствует о долговременном существовании стоянок, причем производством кремневых орудий занимались на каждой из них. Древние обитатели этих мест не испытывали недостатка в каменном сырье, оно находилось рядом в изобилии. Так, в черте г. Джезказгана находится дренажная каменоломня с громадным скоплением кварцитовых валунов, желваков, сколов и чешуек.

Каменные орудия джезказганских и сарысуйских стоянок составляют макролиты – орудия для трудоемких работ кирки, кайла, мотыги, каменные топоры, грузила дисковидной формы и др.

На стоянках Джезказгана собрано множество наконечников стрел и дротиков, изготовленных из разных твердых пород – яшмы, опала, роговика, халцедона, кварцита, кварца и горного хрусталя. Не случайно, что в долине р. Сарысу и в пустыне Бетпакдала можно встретить точно такие же стрелы, как в Джезказгане и Караганде. Охотники в погоне за дикими животными могли пересекать степь от Джезказгана до р. Чу.

На ранних стоянках Джезказгана микролитические орудия типа вкладышей, тралечей, мелких резцов не встречаются. Орудия из тонких ножевидных пластинок, сопровождаемые керамикой, появляются позднее, они характерны для позднего неолита и ранней бронзы Центрального Казахстана.

Для изготовления миниатюрных орудий использовались твердые породы – кремнь, яшма, халцедон, роговик и др., добывавшиеся преимущественно в Бетпакдале, находящейся в 150 км к юго-востоку от Джезказгана. В поздних неолитических стоянках Джезказгана прослеживается переход от неолита к медно-каменному веку (энеолиту), который характеризуется появлением нового типа орудий, которые использовались в горном деле при разработке месторождений медной руды – кайла, молоты, отбойники.

Медные руды малахит, азурит, халькопирит – основное сырье Джезказгана. Домашние очаги неолитических стоянок Джезказгана часто состояли из кусков медной руды, которая при высокой температуре начинала плавиться, давая прозрачные отеки. Этот эмпирический опыт имел огромные последствия для человечества, открывая перед ним перспективу безграничного развития. Человек, наблюдая за отеками расплавленной меди в домашнем очаге, постепенно учился плавить медную руду сначала на костре, затем в специальных горнах и сыродутных печах, большое количество которых было обнаружено при раскопках стоянок Милькудук, Айнаколь и Соркудук.

Материалы археологических открытий позволили выяснить вопросы истоков и сложения культуры бронзы в Центральном Казахстане. Создателями культур эпох неолита и бронзы были степные племена. Сходство орудий труда и форм погребальных сооружений свидетельствует о существовании глубокой преемственности между культурами этих эпох. Об этом свидетельствуют также факты обнаружения поселений эпохи бронзы на месте древних стоянок эпохи неолита.

В неолитических стоянках Джезказгана единственным доказательством существования жилищ являются каменные очаги,

вокруг которых нередки скопления кремневых изделий, костей животных. У древних обитателей Джезказгана были жилища, от которых не сохранилось сколько-нибудь заметных следов, кроме очагов. Неолитические стоянки отличаются от поселений эпохи бронзы отсутствием горных орудий и керамики.

Связующим звеном между неолитом и эпохой бронзы в Центральном Казахстане был энеолит, представлявший собой переходный этап от каменного века к бронзе (IV тысячелетие до н.э.). Энеолит явился мощным продолжением степного неолита. И не случайно, что энеолитические стоянки встречаются от Семипалатинска до Аксуата и Терсек-Карагая.

Появление предметов из меди и новых мощных каменных орудий, использовавшихся при добыче медной руды, составляют главную черту энеолита в Центральном Казахстане. С появлением меди некоторые типы кремневых орудий сосуществуют с бронзовыми. Тождество бронзовых наконечников стрел с их кремневыми прототипами – свидетельство тому.

Материалы археологических исследований Центрального Казахстана свидетельствуют о том, что первоначальное ядро культуры бронзы появилось там, где находились богатые залежи окисленной медной руды, где в изобилии была легкоплавкая самородная медь. Создателями основ металлической культуры были потомки степных неолитических охотников и первых скотоводов, оставивших мощные следы своей деятельности на огромном степном пространстве.

Несомненно, что еще в эпоху неолита на просторах Центрального Казахстана сложились этносы, потомкам которых было суждено открыть новую металлическую эру и заложить основы бронзовой культуры. Это не пришельцы, как предполагают некоторые ученые, а исконные степные этносы, потомками которых были азиатские скифы, или урало-алтайцы (аргиппен, аримасты и др.). Весьма справедливы суждения ряда ученых, высказавших суждения о том, что ярко выраженная общность племен эпохи бронзы явилась результатом культурно-этнической общности, складывавшейся на этой территории еще в неолитическое время (IV тыс. до н.э.)¹¹⁸.

По данным антропологов, монголоидный тип урало-алтайцев,

обитавших в Зауральской степи, и распространившийся до Онежского озера, сформировался в эпоху неолита. Древнемонголоидный череп был найден и в Прибалтике. Антропологи считают их проникшими из-за Урала¹¹⁹. На основе изучения черепов, найденных на территории Казахстана и Оренбургской области, Г.Ф. Дебеч установил потомков древних андроновцев, живших в античное время¹²⁰. Все это необычайно интересно и требует дальнейшего исследования.

Приведенные факты отвергаются некоторыми учеными, увлеченными теорией иранского происхождения культуры бронзы северных степей. Это заблуждение, не имеющее под собой научной базы. По нашему глубокому убеждению в культуре бронзы северных степей отсутствуют южные корни, тем более иранские. Между северными степями и югом пролегает огромная пустыня Бетпақдала. Следы древних связей севера с югом встречаются в Семиречье и у подножия Тянь-Шаня, в низовьях рр. Талас и Чу. Так, андроновская керамика, найденная в низовьях р. Или, по форме и орнаменту очень близка андроновской керамике Северного Прибалхашья и Каркаралинских степей. Для установления существования древних связей между югом и севером огромное значение имеет исследование памятников эпохи бронзы, расположенных в районе юго-западного побережья Балхаша и оазисов Чу-Илийских гор. Памятники этого региона служат своего рода мостом, связывающим север с югом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сатпаев К.И. Некоторые археологические данные о памятниках Джезказганского района КазССР. Архив отдела археологии. ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, с. 56.
2. Медоев А.Г. Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингис. Вестник АН КазССР, 1962, № 3. С. 86-88; Его же: Каменный век. Сарыарка в свете новейших исследований. Изв. АН КазССР. Серия общ. наук. 1964, № 6. С. 95-98.
3. Кляпчук М.Н. Материалы к археологии Центрального Казахстана (1958-1961). Архив МИИАЭ, д. 182; Его же: Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане за 1962-1963 гг., д. 220, за 1964-1965 гг., д. 264, за 1967, д. 248, за 1968, д. 261.
4. Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области. В кн. «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972. С. 163-181.
5. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.-Л., 1960. С. 109.
6. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. С.56.
7. Акишев К. А., Владимиров Н. Н., Мухамеджанов С. М. Находки орудий труда древнего человека в Северо-Восточном Казахстане. Вестник АН КазССР. 1955, № 5, С. 61-65.
8. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 5.
9. Драверт П.Л. Грот с писаницей на оз. Жасыбай в окрестностях Байн-сула. Изв. ЗСО РГО. Т. УП. Омск, 1930. С. 231-234.
10. Кляпчук М. Н. Отчет о работе археологического кружка при Карагандинском областном краеведческом музее за 1964-1965 гг. Архив МИИАЭ, д. 264. С. 1-2.
11. Семенов Л.Ф. Наша область. Материалы к истории Карагандинской области. Архив МИИАЭ, ф. 2, д. 26.
12. Медоев А. Г. Новые материалы по каменному веку северного Прибалхашья и хребта Чингис. Вестник АН КазССР. 1962, № 3. С. 86-88; Его же: Каменный век. Сарыарка в свете новейших исследований. Изв. АН КазССР. Серия общ. наук. 1964, № 6. С. 90-98. Его же: Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье. Вестник АН КазССР. 1965, № 5; Его же: Наскальные

изображения гор Тесиктас и Караунгур. Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 12, 1961. С. 72-77.

13. Археологическая карта Казахстана. С. 357
14. Лопатин С.В. Археологические памятники в Центральном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. I. С. 265-266.
15. Там же. С. 265.
16. Там же, с. 265-266.
17. Там же. с. 268.
18. Яковлев Д. И. Голодная степь Казахстана. М., 1941. С. 276, 302, 305.
19. Там же. С. 290, 372.
20. Там же. С. 302-309.
21. Там же. С. 95-96
22. Никитин Н. И. Окопники за каменьями. Л., 1966. С. 129-130.
23. Селевин В. А. Введение в естественно-историческое изучение Бетпакдала. Труды САГУ, серия XII, география, вып. 12-13; Ташкент, 1935. С. 3; Дублицкий Б.Н. Стоянки и находки предметов каменного века на территории Казахстана. Архив, М., ИИАЭ, д. 163, с. 17.
24. Там же. С. 3.
25. Сатпаев К. И. Некоторые археологические данные о памятниках в пределах Джезказганского района КазССР. Архив отдела археологии АН КазССР, ф. 2, д. 56, л. 2.
26. Мухля А. В. В пустыне Бетпакдала. С. 22-24.?
27. Маргулан А. Х. Отчет о работе ЦКАЭ за 1947 г. Изв. АН КазССР. Серия археолог. Вып. 2. Алма-Ата, 1950. С. 4-5.
28. Кляпчук М.Н. Кляпчук М.Н. Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане в 1968 г. Архив МИИАЭ, д. 261, с. 5.
29. Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Изв. АН КазССР. Серия археолог. Вып. 3. Алма-Ата, 1951. С.17.
30. Археологическая карта Казахстана. С. 196.
31. Там же. С. 370.
32. Там же.
33. Кляпчук М.Н. Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане в 1967 г. Архив ОА, д.248.
34. Там же.
35. Кляпчук М.Н. Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане в 1968 г. Архив МИИАЭ, д. 261, с. 5, д. 248, с.3
36. Там же
37. Маргулан А.Х. Указ.соч.

38. Археологическая карта Казахстана. С. 196
39. Маргулан А.Х., Агеева Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР. Изв. АН КазССР. Серия археолог. Вып. 1. Алма-Ата, 1948. С. 132.
40. Маргулан А. Х. Отчет о работе ЦКАЭ за 1947 г. Изв. АН КазССР. Серия археолог. Вып. 2, с. 4; Вып. 3, с. 21.
41. Клапчук М. Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Центрального Казахстана. Архив МИИАЭ АН КазССР. Ф. 220, с. 2-3.
42. Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Известия АН КазССР. Серия археолог. Вып. 3. Алма-Ата, 1951, рис. 10, 2, 5.
43. Клапчук М. Н. Указ. соч. Ф. 248. С. 4.
44. Там же. С. 23, рис. 14, 1-3.
45. Формозов А.А. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК. Вып. 31. 1950. С. 145, рис. 51, 22.
46. Маргулан А.Х. Указ. соч. С. 23, рис. 14, 6.
47. Клапчук М.Н. Указ. Соч. С. 1—2.
48. Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. III, СПб, 1868. С. 262; Лобанов. Описание юго-западной части Голодной степи. Архив АН СССР. Ф. 317, оп. 1, д. 47, л. 3.
49. Формозов А.А. Указ. соч. С. 141-147.
50. Клапчук М.Н. Указ. соч. С. 5
51. Там же. С. 11
52. Там же. С. 15
53. Там же. С. 1.
54. Формозов А. А. Указ. соч.
55. Археологическая карта Казахстана, с. 195.
56. Клапчук М.Н. Указ. соч.
57. Коллекция. Шифр 80515
58. Клапчук М.Н. Указ. соч.
59. Кассин Н.Г. О древних долинах Центрального Казахстана. ПСТ, т. VI, №1, 1936.
60. Клапчук М.Н. Указ. соч. С. 5
61. Там же. С. 10

62. Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). В кн. Археологические работы Академии на новостройках. Т. II, М.-Л., 1935. С. 40-68.
63. Клапчук М.Н. Материалы раскопок на стоянке Караганда-15. Архив МИИАЭ, № 183 (планы раскопок); №185, табл. 9, 10 (план и разрез).
64. Клапчук М.Н. Материалы к археологии Центрального Казахстана. Архив МИИАЭ, № 182, с. 18; № 185, табл. 9, 10; №220 (фото следов от столбов).
65. Там же, № 182, с. 9-13
66. Там же, с. 11
67. Там же. № 185, табл. 21, 1
68. Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. 39, М., 1951, с. 16. рис. 6.
69. Валукинский Н. Дневник № 171, Л. 72 об; № 176, ЛЛ 102.
70. Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, табл. IX, рис. 1, 2.
71. Формозов А.А. Указ. соч. С. 17.
72. Там же.
73. Клапчук М.Н. Указ. соч. Рис. 2, 4.
74. Там же. Табл. 20, 15; табл. 26, 6, табл. 35, 1.
75. Там же. Табл. 26, 5.
76. Там же. Табл. 26, 4.
77. Там же. Табл. 26, 1.
78. Там же. Табл. 26, 2, 3.
79. Там же. Табл. 21, 7.
80. Там же. Табл. 37, 7.
81. Клапчук М.Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Центрального Казахстана в 1962 г. Архив ОА, № 220. С. 6.
82. Там же
83. Его же. Отчет за 1963 г. № 220. С. 2.
84. Его же. Материалы... № 182. С. 19
85. Там же. С. 16-17.
86. Формозов А.А. Доандроновское погребение в Казахстане. КСИИМК, 1956, вып. 63. С. 153-155.
87. Валукинский Н.В. Дневник № 177, Л. 67, 108.

- 88.Валукинский Н.В. Дневник № 171, лл. 26-47; дневник № 176, лл. 13, 40-44, 78-80, 87-108, 122-132, 138-150, 154-164; дневник № 177, с. 43-45.
- 89.Его же. Дневник № 177, л. 97 г.
- 90.Его же. Дневник № 176, л. 74 г.
- 91.Его же. Дневник № 176, с 156; Ситпаев К.И. Избр. труды, т. 1. С. 98-105; Сейфуллин С.Ш. Геологические заметки. 1944. С. 136-138.
- 92.Валукинский Н.В. Дневник № 176, л 14—19.
- 93.Валукинский Н.В. Дневник № 177, л. 65—98 об, № 171, л. 28, 29, 32.
- 94.Его же. Дневник № 177, л. 98, об.; Маргулан А.Х. Джекказган — древний металлургический центр. В кн: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 3-42.
95. Его же. Дневник № 177, с.82.
96. Там же. С. 65.
- 97.Его же. Дневник № 171, л. 45-46.
- 98.Его же. Дневник № 170, л., 132, 176, л., 157,160, 161
99. Валукинский Н.В. Дневник № 171, л.38, об.39-39 об. 149 Археологическая карта Казахстана, с. 150.
- 96.Валукинский Н.В. Дневник № 177, л., 67 об.
- 97.Его же. Дневник № 176, л., 91, 94-94 об.; № 177, л., 111.
- 98.Валукинский Н.В. Отчет о раскопках в Милыкудук. Дневник №176; Маргулан А.Х. Джекказган — древний металлургический центр. В кн. «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973. С. 3-42.
- 99.Валукинской Н.В. Дневник № 171. Л., 47; №177, л., 111.
- 100.Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. 39, 1951. С. 12., рис 4, 13-14.
101. Археологическая карта Казахстана, с. 150.
- 102.Валукинский Н.В. Указ. соч. Л.72, об. Л. 42-43.
- 103.Егоже. Дневник № 177
- 104.Егоже. Дневник № 171
105. Археологическая карта Казахстана. С. 149, 2135
- 106.Валукинский Н.В. Дневник № 173. Л. 13.
- 107.Там же.
108. Валукинский Н.В.. Дневник № 176. ЛЛ. 97-104
109. МАЭ. Коллекция № 6075.

- 110.Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. 39, 1951. С. 16. рис. 6, 2-3.
- 111.Археологическая карта Казахстана. С.149
- 112.ЛОИА АН СССР. Ф.42, л. 72
- 113.Формозов А.А. Кельтемнарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК. 1949, вып. 25. С. 60
- 114.Археологическая карта Казахстана. С. 190
- 115.Максимов С.К. Находки палеолита в районе Аральского моря. Ученые записки ЛГУ. Серия геолог. наук. Л., 1944. № 70, вып. 11
- 116.Археологическая карта Казахстана. С.191, 2785
- 117.Там же. С.142, 2030
- 118.Черников С.С. Указ. соч. С. 107.
- 119.Дебец Г.Ф., Трофимова Т.А., Чебоксаров Н.Н. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным. В сбор. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, с. 438.
- 120.Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948

ЧАСТЬ II

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Одной из узловых является проблема изучения поздних этапов культуры бронзы (XIII—XI и X – VIII вв. до н.э.) Центрального Казахстана.

Памятники ранней бронзы обстоятельно обследованы и описаны Акишевым К.А и Оразбаевым А.М¹.

К памятникам нуринаского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана относятся Акшатау, Ботагара, Бугулы I, Байбала I, Косагал, Канаттас и др. Все они объединены традиционными чертами андроновской культуры: обрядом погребения, формой погребальных сооружений, формами керамики и ее орнаментацией.

Особенностями обряда погребения нуринаского этапа является трупосожжение и скорченное положение погребенного на левом боку. В одном и том же комплексе имели место следы кремации и скорченное положение погребенного (Бугулы I, Байбала I). В комплексе Канаттас погребенный был в положении сидя.

Для памятников ранней бронзы характерны могильные сооружения в виде кольцевой ограды из вертикально вкопанных каменных плит без насыпи. В центре такой ограды — каменный ящик, перекрытый двумя-тремя плитами гранита, продольной осью ориентированный с юго-запада на северо-восток. Против лица погребенного, как правило, стоят ритуальные горшки, часто баночной формы. Из украшений для этой эпохи характерны медные бусы, клыки хищных животных, раковины.

Как показывают накопленные материалы, на высшем этапе развития культуры средней бронзы на территории Центрального Казахстана появляются памятники переходного типа, формой и величиной отличающиеся от традиционных памятников андроновской культуры, и в то же время еще сохраняющие

некоторые черты этой культуры. Это, прежде всего, погребальные сооружения в виде больших курганов-оград и усыпальницы из огромных гранитных плит, вкопанных на ребро (Кзыл-Арай, Беласар, Казангал и др.). Крупные плиточные ограды типа Беласар являются прототипом бегазинских сооружений. Они отличаются от андроновских оградок гигантскими размерами, удвоенными и утроенными стенами в виде концентрического квадрата, а также наличием подпорок.

Для переходного этапа характерен тип керамических сосудов невысокой шаровидной формы с плоским дном, в орнаменте сохраняющие черты андроновской традиции. Наряду с этим появляются новые, ранее не известные орнаментальные мотивы. Это, прежде всего, заштрихованные ленты, опоясывающие тулово сосуда. Позднее этот мотив становится ведущим в керамике бегазы-дандыбаевского времени. Сосуды с таким орнаментом впервые были обнаружены в группе Беласар (ограда 142).

Культура переходного этапа от андрона к поздней бронзе в Центральном Казахстане представлена большой серией памятников: Айшрак Б, Аксу-Аюлы II, Балакулболды II, III, IV, Беласар II, Байбала II, Ортау II, IV, Егизек I, II и т. д. Курганы-ограды переходного этапа встречаются на всей территории Центрального Казахстана: в долинах рр. Нура, Шерубай-Нура, Талды-Нура, Акхойтас, Тундук, Жарлы, Акши, в верховьях рек Сарысу (Жаман-Узен, Укрек), Токраун, Талды (в горах Кент), Аппас (урочища Актерек, Борыгас), Сары-Улен (северное предгорье Кзыл-Арая), Каршигалы, Казангал, Кусак, Даганда (в горах Кокшетау), Соранг, в горах Темирши, Бахты, Мыржык, Аркалык, Куу и т. д. Остановимся на их характеристике.

ГЛАВА I
ПАМЯТНИКИ ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА ОТ
АНДРОНА К ПОЗДНЕЙ БРОНЗЕ
(XII—XI вв. до н.э.)

Айшрак Б

Находится в северо-западной части большого комплекса с тем же названием, на возвышенном левом берегу р. Атасу, возле дороги, ведущей в пустыню Бетпақдала, в 95 км на северо-восток от рудника Каражал Жанаарқинского района Карагандинской области. В комплексе всего 102 оградки, сложенные из гранитных плит. Особую группу составляют курганы-ограды, отличающиеся от основной массы безнасыпных крупными размерами и формой в виде насыпного холма.

В могильнике Айшрак представлены памятники двух этапов бронзовой культуры: атасуского (средняя бронза) и переходного, явившегося предтечей бегазы-дандыбаевской культуры.

Из обширного комплекса памятников к переходному этапу относятся лишь девять курганов-оград. Все они разной величины и имеют каменные насыпи с кольцевой оградой из плит, вкопанных на ребро.

Курган-ограда 6 находится в северо-западном конце подгруппы и представляет собой курган полусферической формы с каменной насыпью и двойной кольцевой оградой. Диаметр кургана 14,6 м, высота 1 м. По основанию насыпи идет кольцевая ограда из плоских плит, вкопанных на ребро. Вокруг вершины кургана проходит вторая кольцевая ограда из крупных обломков кварцита, положенных плашмя.

Внутри кольцевой ограды на глубине 1,6 м находится спаренный каменный ящик, ориентированный по линии запад-восток; размеры сторон ящика 2,0 м и 2,2 м. При хорошей сохранности памятника южный ящик был пуст. В северном ящике, в северо-восточной его половине, на глубине 0,8 м находился хорошо сохранившийся скелет женщины. Она погребена в положении на спине с согнутыми коленями, кисти были положены на таз.

По краниологическому определению В.В. Гинзбурга, скелет принадлежал пожилой женщине. Об этом говорит и захороненный с ней инвентарь. В юго-восточном углу ящика, у ног погребенной стоял горшок, а рядом с ним костяное пряслице и каменная терка. Пряслице в форме усеченного конуса изготовлено из крутой головки берцовой кости крупного животного. При разборе скелета под кистью правой руки (в области тазовой кости) обнаружено второе пряслице круглой формы из речной гальки. Под ступней правой ноги лицевой стороной вниз лежала терка эллиптической формы. На ее лицевой стороне небольшое углубление, края закруглены и сверху имеют уплощенный вид. Около шейных позвонков собрано двадцать бусинок из цветного камня — эмевика. Две из них цилиндрической формы, остальные круглые, со сквозными отверстиями. Преобладают бусинки белого, напоминающего перламутр, а также изумрудного и бериллового цвета. Украшения из цветного камня не характерны для андроновской культуры Центрального Казахстана и Южной Сибири, а являются изобретением более позднего времени.

Кроме описанных предметов, в ограде 6 найдены обломки трех сосудов с традиционным андроновским орнаментом (рис. 30).

Сосуд 1 встречен у восточной стенки ящика, против ступни погребенной, на глубине 0,85 м. Сосуд плоскодонный с шаровидным туловом и хорошо выраженной шейкой, высоким венчиком, несколько закругленным и отогнутым наружу. В тесте примесь дресвы в виде вкрапленных кварцевых зернышек. В изломе сосуд черного цвета. Орнамент выполнен гребенчатым штампом в виде поясков: по венчику заштрихованные треугольники, по шейке и плечикам повторяющиеся елочка образуют зигзаги. Пояски отделены друг от друга каннелорами очень выразительного очертания.

Сосуд 2 неполный, в виде обломков тонкостенного красивого горшка, найден в северо-восточном углу ящика на глубине 0,9 м. Венчик высокий, прямой, слегка отогнутый наружу, формован из хорошего теста с небольшими вкраплениями кварцевого песка. В изломе пепельно-серого цвета. Орнамент выполнен гребенчатым штампом и палочкой клиновидной формы, дающей размашистые

оттиски. Сюжет — зигзаги по венчику и ромбические фигуры, образующие треугольники по тулову сосуда.

Сосуд 3 неполный, в виде крупного фрагмента тонкостенного сосуда найден в западной части ящика на глубине 0,8 м. Он лежал венчиком вниз. Тесто с примесью шамота и мелкозернистого песка. Внешняя поверхность темно-коричневая. Цвет в изломе пепельно-серый, по наружным краям желто-коричневый. Все три сосуда имеют шаровидную форму, характерную для переходного этапа.

Курган-ограда 7 расположен в северо-западном конце подгруппы. По структуре он сходен с предыдущим с той лишь разницей, что двойное кольцо вокруг насыпи было из крупных кварцевых блоков, положенных плашмя. Характерно, что все курган-ограды этой подгруппы окольцованы белым кварцем. Очевидно, кольцевое обрамление насыпи из белого кварца, создающее значительный зрительный эффект, имело магическое значение. Диаметр кургана 11 м, высота 0,65 м. Курган потревожен: на вершине имеется неглубокая воронка, очевидно, здесь брали камни для строительства. В глубине воронки видны верхние края ящика.

Необычно устройство погребального сооружения. На двухметровой глубине были обнаружены два ящика, расположенные один над другим. На глубине одного метра были массивные гранитные плиты, не тронутые грабителями. Оказалось, что эти плиты служили дном верхнего ящика и перекрытием нижнего. Ящики ориентированы длинной осью по линии запад-восток. Более крупный верхний ящик имел подквадратную форму. Нижний в форме трапеции узкой стороной обращен на запад. Верхний ящик был пуст, по-видимому, он имел значение жертвенника. По продольной оси проходила перегородка, разделявшая его на две неравные части. На дне большей части верхнего ящика на глубине 0,7–0,9 м обнаружено скопление золы толщиной в 15–18 см. Здесь же встречено значительное скопление костей домашних животных. В северной, малой части ящика обнаружен неполный скелет барана. Видимо, после погребения покойника в ящике был совершен обряд жертвоприношения и поклонения огню. Скелет человека обнаружен в нижнем ящике, на глубине 0,7 м. Покойник лежал на спине с вытянутыми ногами, головой на юго-запад. Возле

скелета находились кости коровы, лошадиные зубы и лопатки, а также бронзовые бусы круглой и биконической формы, обломки бронзовой проныжки цилиндрической формы, украшенной поперечным рифлением. На дне ящика собраны фрагменты сосуда с налетным венчиком. Такой венчик М.П. Грязнов называет «воротничком» и относит к послеандроновскому времени.

Курган-ограда 11 находится в южном конце подгруппы, возле дороги, ведущей из долины р. Атасу в Бетпақдалу, и представляет собой земляную насыпь высотой до одного метра.

В кургане три ограды из вкопанных на ребро гранитных плит, композиционно напоминающих трехлепестковую розетку. В каждой ограде обнаружено по одному ящику, и все они ориентированы длинной осью по линии запад-восток. Ящик западной ограды (1) обнаружен на глубине 0,8 м. Он имел форму трапеции. Ящик юго-восточной ограды (2) выявлен на глубине 0,9 м. На дне его в беспорядке лежали раздавленный череп и кости человека, обломки керамики, золотая булабочка на бронзовой основе с орнаментом. Ящик северо-восточной ограды (3) обнаружен на глубине 0,8 м. В нем найдены куски желтой охры, обломок второй золотой булабочки на бронзовой основе, обломки керамики и древесные угли, свидетельствовавшие об обряде кремации. Интересно, что обгорелые человеческие кости лежали вместе с массой темно-фиолетового цвета органического происхождения. После расчистки пятна на дне ящика оказались отпечатки тканей и следы жировых пятен. Надо полагать, что кремация покойника производилась здесь же, в ящике.

В курган-ограде 11 найдены три целых сосуда и фрагменты четвертого (рис. 30).

Сосуд 1 плоскодонный с шаровидным туловом, венчик сравнительно высокий, слегка отогнутый наружу, шейка выражена достаточно четко. Сосуд 2 приземистый, плоскодонный с кольцом, венчик прямой, с отчетливо выступающим изгибом шейки. Крупным гребенчатым штампом нанесен орнамент в виде прямоугольных треугольников, заштрихованных крупной гребенкой: по шейке — каннелюры тонкого профиля, по тулову — зигзаги в крупной манере. Сосуд 3 с кольцевым поддоном, сильно

выступающими плечиками, форма такая же, как у описанных выше. Орнамент в виде оттисков крупного гребенчатого штампа: по венчику – ряды заштрихованных треугольников, по горловине – каннелюры, которые чередуются с вертикальными оттисками гребенки в виде метопа, по плечикам — полукруглые вдавления, по тулову – оттиск гребенчатым штампом в виде сложного меандра.

Среди находок есть золотые украшения на бронзовой основе. В ограде 10 обнаружен обломок булавки длиной 14 см с одним заостренным концом, его бронзовый стержень обтянут тонким золотым листом. Такие украшения широко распространены по всему Центральному Казахстану и характерны преимущественно для культуры переходного этапа. В юго-восточной части кургана-ограды 11 обнаружен фрагмент золотого рифленого украшения. Особый интерес представляет золотая булава, сделанная ковкой на бронзовой основе. Булава найдена рядом с черепом человека. У нее круглая головка и стержень с заостренным концом. Вдоль стержня в трех местах нанесен рифленый орнамент, выполненный техникой тиснения. Золотое украшение не имеет аналогов в культуре бронзы других областей. Оно самобытно и характерно только для памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана. Многие из описанных предметов группы Айшрак Б не встречаются в андроновских памятниках, они появляются в переходное время и особенно характерны для памятников бегазы-дандыбаевского времени.

Егизек.

Егизек был открыт в 1967 г. и предварительно обследован в 1968 г. Огромный некрополь состоит из двух подгрупп, однотипных по структуре сооружений, обряду погребения и предметам культуры. Расположен он на равнине, окаймленной горами Кызылтау с юга, Алтабас с запада, Ортау с севера и Аба с востока, в 12 км к северу от центральной усадьбы совхоза «Кызылтау» Агадырского района Карагандинской области. В подгруппах насчитывается 145 отдельных сооружений, в их числе курган с «усами», три ограды с каменными изваяниями эпохи Тюркского каганата, все остальные относятся к эпохе бронзы. Более многочисленна северная подгруппа, в ней 105 оград.

В обеих подгруппах выборочно обследовано около 10 оград, в результате чего получен своеобразный керамический материал, где присутствуют сосуды со старыми чертами андроновской традиции и новыми, характерными для переходного этапа.

Ограда 23 находится в северо-западной части южной подгруппы (рис.31).

Она имеет прямоугольный план, выложена из тонких плит и ориентирована длинной осью по линии север-юг. Длина сторон ограды 5,5 м и 4,5 м. Внутри ограды два каменных ящика из отесанных, плотно сомкнутых плит.

В южной половине первого ящика, на глубине одного метра обнаружен скелет человека в положении на спине с приподнятыми вверх коленями (рис. 31). Рядом со скелетом стояли два горшка: один – в юго-восточном углу ящика, против ступни, другой – у западной стенки. Горшки – целые, однотипные по форме и орнаментации.

Сосуд 3 обнаружен у западной стенки ящика¹. Подобен миске с широкими устьем и боками, у него кольцевой поддон и изогнутая шейка. Верхний край венчика уплощен и отогнут наружу. Формован из теста с примесью крупнозернистого песка. Поверхность светло-серая. Цвет в обжиге серый. Орнамент выполнен гребенчатым штампом, полукруглыми вдавлениями и рядами горизонтальных линий, которыми отделены пояски геометрических фигур верхней части сосуда. Поясок по венчику составлен из заштрихованных треугольников, по шейке островерхие треугольники, обращенные вершинами друг к другу. По плечикам два ряда полукругов, ниже по тулову поясок из зигзагов, выполненных гребенкой, нижнюю часть опоясывают заштрихованные треугольники. Две каннелюры, проведенные по шейке между поясами геометрических фигур, дополняют композицию рисунка (рис.32, 1).

Сосуд 4 типа миски с широким дном найден в юго-восточном углу ящика. Он имеет низкую, объемную форму, изогнутую шейку и конический поддон. Верхний край венчика уплощен и отогнут наружу. В тесте примесь песка. Цвет в изломе желто-серый. Орнамент состоит из каннелюр по шейке, полукруглых вдавлений по плечикам и горизонтальных рядов ромбов по боковине. Рисунок нанесен крупными оттисками гребенчатого штампа (рис.32,3).

Сосуд 5 в форме миски обнаружен в северном ящике. По форме такой же, как и предыдущие. Шейка выразительна, венчик сверху уплощен и отогнут наружу. В тесте значительная примесь мелко толченного кварцевого песка. Внешняя поверхность розовато-коричневая, цвет в изломе желто-серый. Орнамент состоит из трех поясков: горизонтальных линий по шейке, двух рядов треугольных вдавлений и ряда зигзагов, сделанных оттисками гребенчатого штампа (рис.32,2).

Все сосуды из ограда 23 по форме и орнаменту однотипны. Их особенность составляют низкая, широкая форма, широкое устье и выразительность рисунка. По описанным признакам они аналогичны керамике Аксу-Аюлы II и Беласара, т. е. памятникам переходного этапа.

Ограда 2 северной подгруппы расположена в ее юго-западном конце, у дороги, идущей от Агадыря в совхоз «Кзылтау». Ограда прямоугольного плана с закругленными углами, ориентирована длинной осью по линии север-юг, выложена горизонтальной кладкой из прямоугольных плит размерами 4x3 м (рис.33).

В центре ограды циста. Северная и южная стенки склепа сложены кладкой из сланцевых плит, а западная и восточная сооружены из плит, вкопанных на ребро. На дне камеры, на глубине одного метра прослежено пятно размерами 0,7x0,4 м – следы кремации. В юго-западном и северо-западном углах стояли по одному горшку (рис. 34).

Сосуд 6 из северо-западного угла имеет форму миски с широким устьем, шаровидным туловом, коническим поддоном. Край венчика слегка уплощен и отогнут наружу. Формован из хорошего теста с примесью кварцевого песка. Поверхность розоватая с пятнами патины кремового цвета (от казenna). Цвет в изломе розовато-серый. На дне обнаружены органические остатки. Орнамент по шейке – горизонтальные треугольники, нанесенные крупным оттиском гребенчатого штампа, по венчику – заштрихованные желобки, по плечикам – вдавления параболической формы, по тулову – поясok меандра (рис. 34, 1). Очень сходен с керамикой Аксу-Аюлы II, Ортау II.

Сосуд 7 обнаружен в юго-западном углу камеры (рис.34,2). Сосуд шаровидной формы с широким устьем и налпным поддоном.

Венчик прямой, сверху слегка уплощенный и отогнутый наружу. В тесте примесь кварцевого песка. Поверхность светло-серая. Цвет в обжиге серый. Орнамент нанесен резной техникой. По венчику каннелюры, по шейке – вдавления параболической формы, по плечикам зигзаги, выполненные гребенчатым штампом. Сосуд с налпным дном, близким к уплощенной форме. Такие сосуды появились на переходном этапе. В бегазинское время это один из признаков, по которому датируется керамика поздней бронзы.

Ограда 15 (10) находится в юго-западной части северной подгруппы, у дороги, сооружена методом горизонтальной кладки из бутового камня. В плане круг диаметром 8 м. Площадь ограды засыпана небольшим слоем камней. Внутри нее циста, выложенная из сланцевых плит и ориентированная длинной осью по линии запад-восток. На дне цисты следы обряда кремации. В западном углу обнаружены два нетронутых горшка.

Сосуд 8 котлообразной формы с выпуклыми боками и кольцевым поддоном. Шейка выражена слабо. Верхний край венчика слегка уплощен и отогнут наружу. В тесте примесь мелкого песка. Цвет в изломе желто-серый. Рисунок выполнен гребенчатым штампом и размещен зонально. По венчику косые заштрихованные треугольники, по шейке – сложные меандры, по тулову – меандры с треугольными фестонами. Горшок типичен для керамики позднего андрона, однако вздутость боков приближает его к керамике переходного этапа.

В комплексе Егизек сохраняются андроновские черты в устройстве погребальных сооружений, в некоторых формах керамики. Однако сквозь эту устойчивую традицию просматриваются новые элементы, не свойственные андрону. На андроновской основе появляются новые сосуды с шаровидным туловом, широким устьем, налпным поддоном. Древний мастер, создавая новый тип глиняной посуды, еще не отказался от андроновской традиции, о чем говорит зональное размещение орнамента по шейке, плечикам и тулову.

Группа Егизек находится в 30 км южнее группы Ортау. Егизекская керамика близка керамике ортауской группы и вместе они составляют локальное звено культуры бронзы в Центральном

Казахстане. Главную черту керамики этого района составляют оттиски в виде параболы, полукрутов, треугольников — характерные компоненты композиции рисунка². Они встречаются на сосудах позднего андрона, но более характерны для керамики переходного и бегазы-дандыбаевского этапов.

Беласар Б

Беласар — крупнейший комплекс памятников эпохи бронзы в Центральном Казахстане (рис.35).

Этот огромный некрополь возник в предбегазинское время, когда в связи с интенсивным развитием ийлажного скотоводства и горно-металлургических промыслов появляется необходимость в освоении новых пастбищ. По своему расположению Беласар был местом, откуда начинался переход через пустыню на юг, в долины рр. Чу и Сырдарья. Он расположен на равнине, окруженной горами Тайаткан с юга, Шунак — с запада, Арат-Ушкызыл — с севера, в 45 км к северо-западу от ст. Моинты и в 20 км к северо-западу от ст. Кник Карагандинской ж. д. Комплекс Беласар и соседние с ним памятники, расположенные в северных предгорьях Тайаткан и Шунак, составляют южную границу распространения культуры бронзы Центрального Казахстана. Эта граница идет в широтном направлении от р. Моинты к западу до гор Мунтлы и Кулы, в виде выступающих на поверхности земли каменных оград, расположенных в долинах пустынных рек Батпаксу (Сары-булак), Шажагай, Атасу и Карасай (Коктас). Памятники эпохи бронзы встречаются южнее, в Северной Бетпакдале, в горах Койлыбай, Булат, Ергенекты-Пстан, Мыйкайнар, Урдашагыл, Айбат, в барханах Жеты-Конур. Указанные районы знаменательны тем, что здесь обнаружены древние выработки с кратковременными стоянками Коскудук, Мыйкайнар, Шалкыя, а также места заготовок кремневых орудий (р. Жидели) и добычи цветных камней (Болаттау).

Комплекс Беласар раскинулся на площади 42 га на равнине, вблизи древнего родника, который и в наше время является местом летних стоянок чабанов. В нем насчитывается 150 сооружений в виде больших оград и курганов с оградками из плит, вкопанных на ребро. Беласарский комплекс исследован нами в 1957 и 1968 гг. Тогда же снят генеральный план всего комплекса.

Комплекс состоит из памятников разных периодов эпохи бронзы. Основную его часть составляют ограды атасуского этапа (средней бронзы). Характерно, что они находятся в центре комплекса, тогда как по периферии расположены памятники более позднего времени. В устройстве сооружений, погребальном обряде, в керамике беласарских памятников сохраняются традиционные черты андроновской культуры. Здесь еще есть безнасыпные ограды прямоугольной и овальной форм из гранитных плит, вкопанных на ребро (рис.36). Среди них вытянутые прямоугольные ограды с поперечными делениями, создававшими сложную сеть оградок с дополнительными пристройками по бокам с детскими погребениями.

Памятники переходного этапа расположены в стороне и отличаются от андроновских крупными размерами. Основную массу памятников переходного этапа составляют большие четырехугольные ограды, часто двойные и тройные в виде концентрических квадратов.

Характерной формой погребальных сооружений переходного этапа являются курган-ограды, представляющие собой большие насыпные холмы с кольцевыми оградками из крупных плит, установленных на ребро. Раскопками двух курганов-оград установлено, что по инвентарю они также совершенно отличаются от андроновских. В комплексе Беласар таких курганов-оград около десяти. Погребальные сооружения Беласара совершенно отличаются от памятников эпохи средней бронзы и представляют собой монументальные сооружения, сложенные из бутового камня способом горизонтальной кладки. В этих сооружениях уже присутствуют черты грандиозных построек бегазы-дандыбаевского времени Бугулы III, Бегазы и Сангру III. Эти формы сооружений постепенно вытесняют традиционные андроновские круги и овалы, которые к концу второго тысячелетия исчезают из строительной традиции.

Результаты обследования памятников разных этапов комплекса Беласар свидетельствуют о том, что к концу средней бронзы всё настойчивее проявляется тенденция изменения структуры погребальных сооружений, ремесленных изделий и керамики.

Характерно, что в одних и тех же оградах (5, 6) обнаруживаются сосуды, как типично андроновские, так и совершенно новые, не встречающиеся в памятниках ранней и средней бронзы Центрального Казахстана (рис.37).

Ограда 3 (24) квадратной формы без насыпи, расположена в западной части некрополя, в 35 м к северу от ограды 4. Сложена из крупных плит гранита, вкопанных на ребро. Длина стороны 4 м. Внутри ограды два спаренных ящика, ориентированных осями по линиям север-восток и юг-запад (рис.38).

Ящики небольшие, длина сторон южного 1,25 м и 0,7 м, северного 1,15 м и 0,7 м, глубина 0,5 м. В южном ящике обнаружены кальцинированные кости ребенка. У северной стены северного ящика обнаружен целый глиняный сосуд, у западной — фрагменты сосуда.

Сосуд по форме близок к баночным, имеет кольцевой поддон, прямой уплощенный венчик, слегка отогнутый наружу. В тесте примесь толченого камня. Поверхность светло-серая, без лощения. Цвет в обжиге темно-серый (рис. 37,2). Рисунок в виде слабо выраженного оттиска гребенчатого штампа совершенно отличается от традиционного орнамента и представляет собой расходящиеся лучи, опоясывающие тулово ниже плечиков. Рисунок не имеет аналогов в известных памятниках эпохи бронзы.

Ограда 4 (17) расположена в северо-западном конце некрополя, в обособленной подгруппе, в 100 м от основного комплекса. В плане представляет квадрат из двух рядов крупных плит гранита, установленных на ребро (рис.39).

Это одна из крупных оград (8x1 м). Каждая плита подкреплена мощными подпорками из каменных блоков, вкопанных на ребро. Подпорок около 40. Внутренняя ограда разрушена грабителями, представление о ее очертаниях дает лишь сохранившаяся восточная часть. В центре ограды расположен большой каменный ящик, ориентированный длинной осью по линии запад-восток. Ящик перекрыт хорошо отесанными плитами со сравнительно глубокими пазами в двух концах, в которые вставлялись верхние края ящика. Инвентарь ограды расхищен.

Ограда 5 (65) расположена в 100 м к востоку от ограды 10. По устройству погребального сооружения, обряду и инвентарю ограда

еще носит глубоко архаичный характер, связанный с андроновской традицией. Об этом говорит и ее расположение в центре некрополя. В то же время архитектура сооружения и керамика имеют некоторые новые черты. По всем признакам ограда характеризует поздний этап средней бронзы.

В плане это вытянутый прямоугольник, разделенный посередине перегородкой, с боковыми пристройками (рис.40). Вместе они составляют сложную сеть оград общей площадью 9,6x9 м. Основная ограда находится в восточной половине прямоугольной сетки. Ее размеры без пристроек 9,6 м и 6,2 м. Ограда разделена перегородкой на две части: южную и северную. В центре южной части каменный ящик (1) в форме трапеции, ориентированный длинной осью по линии запад-восток. В северной, большей части, с юга на север расположены три каменных ящика: малый (2), средний (3) и северный (4). Внутри большой ограды у жертвенных мест обнаружены остатки трапезы. В западных пристройках находились погребения подростков и младенцев. Здесь всего семь каменных ящиков, из них 5, 6 и 11 ориентированы длинными осями по линии запад-восток; 7, 8, 9 и 10 — по линии север-юг. При полной зачистке установлено, что в ящиках 1, 2 и 3 и в ящике 7 западной пристройки произведен обряд трупосожжения. Кроме того, на дне ящика 6, на глубине 1,4 м обнаружена тонкая сланцевая плита размерами 3x5 см, под которой были следы костра в виде плотных слоев древесных углей толщиной 5—6 см. Дно западной части ящика сильно прокалено. Это говорит о том, что кремация происходила здесь. В ящиках 4, 5, 9, 10 и 11 кости не сохранились. О погребальном обряде ясное представление дает скелет подростка, обнаруженный в пристройке, в ящике 7 (рис. 41).

Хорошо сохранившийся скелет лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. У головы стояли два глиняных сосуда: плошка в юго-западном конце, против затылка и горшок — в северо-западном конце, против лба. Горшок был закрыт. Крышкой служил обломок боковины большого сосуда.

Сосуд из детского погребения 7 плоскодонный, без орнамента, с уступом на плечиках, с несколько изогнутой шейкой. Край венчика

округлен и слегка отогнут наружу. Сосуд выполнен из грубоватого теста с примесью песка, в обжиге черного цвета.

Особый интерес представляет глиняный сосудик в виде тарелки или круглой чашки, расширяющейся кверху, с прямой непетельчатой ручкой сбоку (рис.42). Сосудик без орнамента, стенки толстые, дно плоское. Длина ручки 2,7 см, ширина 3,7 см. Изготовлен из плотной глины с примесью мелкого песка. Обжиг средний, в изломе темно-серого цвета. Сосудик такой формы не имеет аналогов.

Чашеобразные сосудики с ручкой встречаются в культуре бронзы, например, срубной³, типа тарелок – в памятниках более позднего времени, особенно гунно-сарматского времени⁴. Отмечается некоторое сходство сосуда с мраморной тарелкой, найденной в Нижнем Поволжье, однако у последней – округлые стенки с отогнутым наружу венчиком и стилизованная ручка в виде животного⁵.

Определенную близость наша тарелка обнаруживает с плоским чашеобразным сосудиком с прямой ручкой, который хранится в Семипалатинском краеведческом музее⁶. Эти небольшие сосуды весьма сходны между собой по форме и размеру и различаются лишь материалом. Беласарская тарелка сделана из глины, семипалатинская же из рога лося. Небольшая разница наблюдается и в размерах ручек. Более поздним временем датируются плоские глиняные сосудики с прямыми ручками, описанные О. Мантелиусом⁷. По Б.А. Куфтину в детских погребениях вместо одного из сосудов находили маленькую кубышку с ручкой⁸, которая также датируется более поздним временем и с нашей тарелкой, возможно, имеет генетическую связь. Тип плоского сосудика круглой формы с прямой или круглой ручкой под названием «саптыая» (чаша с ручкой) бытовал у казахов и был принадлежностью чабанов. Из такого же сосуда кормили детей.

В ограде 5 (65) из ящиков извлечено 12 глиняных сосудов и много бронзовых украшений. Наибольшее количество находок приходится на детские погребения. В большинстве погребальных ящиков инвентарь находился в хаотическом состоянии. Судя

по украшениям, в ящике 3 погребена женщина, а в ящике 4 — мужчина. Вполне вероятно, что они составляли семейное ядро. Не случайно в одной ограде для взрослых есть детские погребения.

Вернемся к характеристике керамического материала.

Сосуд 3 выполнен из плотной глины с примесью мелкозернистого песка в форме изящного тонкостенного сосуда типа кувшина. Его фрагмент обнаружен на дне ящика 3 вместе с бронзовыми браслетами. Сосуд плоскодонный, с шаровидным туловом, прямой, слабо выраженной шейкой и венчиком, слегка отогнутым наружу. Цвет в обжиге розовато-серый. Орнамент состоит из двух поясков — горизонтальных линий, идущих по венчику и ниже и наклонных линий.

Сосуд 4 неполный, типа большого горшка. Найден в ящике 4 на глубине 0,7 м, в котором погребен глава семьи. Сосуд плоскодонный, толстостенный (толщина 1,1 см), с высокой шейкой и венчиком, отогнутым наружу. Сделан из теста с примесью песка. Цвет в обжиге светло-серый. Орнамент в виде двух широких каннелюр опоясывает шейку.

На дне этого же ящика обнаружен второй неполный сосуд (5), почти такой же, как предыдущий: плоскодонный, толстостенный, типа большого горшка с венчиком, отогнутым наружу. Формован из плотной глины с примесью кварцевого песка. Цвет в обжиге розовато-серый. Орнамент в виде трех широких каннелюр вокруг венчика.

Кроме керамики в четвертом ящике обнаружено каменное рудодробильное орудие, имеющее в сечении ромбическую форму. Нахождение этого орудия в мужском погребении указывает на то, что человек имел отношение к рудному промыслу и выплавке металла.

Фрагменты сосуда 6 (раздавленного) обнаружены в детском ящике 6. Сильно закопченный, толстостенный, без орнамента, типа котлообразного сосуда с кольцевым поддоном и шаровидным туловом. Венчик прямой, закругленный, слегка отогнутый наружу. Шейка выражена слабо. Формован из грубого теста с примесью мелкого песка. Поверхность черная с пятнами, цвет в изломе

пепельно-серый. Нахождение большого котлообразного сосуда в детском погребении не типично для андроновской традиции.

Фрагмент тонкостенного сосуда 7 в виде обломка венчика обнаружен в детском ящике 8 вместе с обутленными костями младенца. Сосуд был с прямым венчиком без выраженной шейки. Сделан из хорошего теста с примесью мелкого песка. Поверхность желто-коричневая. Цвет в изломе светло-коричневый. Орнамент по венчику сделан гладким штампом в виде косых линий.

Сосуд 8 целый, небольшой, баночной формы, без орнамента, найден в юго-восточной части детского ящика 9. Венчик прямой, уплощенный, слегка отогнутый наружу, шейка выражена слабо. Был сделан из теста с примесью кварцевого песка. Поверхность сплошь покрыта патиной, цвет в изломе черный. У андроновских сосудов стенки прямые, без изгиба шейки, завершаются выпуклым венчиком. В форме сосуда наряду с сохранением некоторых андроновских черт наблюдается появление новых — уплощение венчика, расширение тулова, зачатки шейки.

Фрагмент сосуда 9 найден в северо-западном углу детского ящика 10. Сосуд был плоскодонный, тонкостенный, с шаровидным туловом. Прямая шейка резко переходит в тулово. Был сделан из теста с примесью кварцевого песка. Цвет в обжиге коричневый. Орнамент нанесен крупным гребенчатым штампом, характерным для переходного периода, и состоит из горизонтальных линий и зигзагов по шейке и заштрихованных равнобедренных треугольников, т.е. здесь присутствуют новые черты, характерные для последующей бегазинской керамики.

Сосуд 10 обнаружен в северо-западном углу детского ящика 11. Сосуд баночной формы, толстостенный, с кольцевым поддоном, хорошо выраженной шейкой, уплощенным венчиком, отогнутым наружу. В тесте примесь мелкого песка. Цвет в обжиге темно-бурый. Орнамент грубый, сделанный наспех. По венчику — косые, треугольные вдавления, по плечикам — зигзаги, выполненные гладким штампом. Профиль сосуда отличается от обычных андроновских.

Сосуд 11 в виде крупного фрагмента (боковина с венчиком) обнаружен на дне детского ящика 11. Это был кувшиноподобный

сосуд с прямой, высокой шейкой, плавно переходящей в плечико. Край венчика несколько уплощен и отогнут наружу. Был выполнен ленточной техникой из теста с примесью мелкого песка. Поверхность лощеная, покрыта патиной. Цвет в обжиге серый. Орнамент сделан крупными оттисками гребенчатого штампа в виде косых заштрихованных треугольников, горизонтальных желобков и цепочки заштрихованных ромбиков.

Кроме керамики в ограде 5 (65) обнаружены предметы из металла (рис.43). Среди них особый интерес представляют четыре массивных бронзовых браслета с конической спиралью, найденных в женском погребении; три — в восточной половине ящика 3, один — в юго-западном углу. Здесь же обнаружены три бронзовых колечка, обернутые листовым золотом, и бронзовая бусина биконической формы. Браслеты с конической спиралью найдены и в ограде 7. Они массивны, изготовлены ковкой в виде выпукло-вогнутой пластины с несомкнутыми концами. В каждом таком конусе имеется по девять винтообразных завитков, образующих волнистый ряд вокруг оси. Браслеты подобного типа были широко распространены в памятниках атасуского этапа.

Подобные браслеты впервые были найдены В.И. Каменским на Малом Койтасе, затем М.П. Грязновым⁸ в Актюбинской области, Б.Н. Граковым в урочище Каратугай (на р.Орь), О.А. Кривцовой-Граковой в погребении близ Алексеевского поселения (верховье р. Тобол), а также ЦКАЭ при раскопках комплексов Айшрак¹⁰, Сангру II (верховье р. Атасу)¹¹, Беласар и др. Браслеты эпохи бронзы из могильников Центрального Казахстана однотипны. Только в группе Сангру II обнаружены браслеты со сдвоенной пластинкой и утроенной конической спиралью. Очень сходны с ними браслеты из Актюбинских степей, Урал-Сая¹², Каратугая¹³ и верховьев Тобола¹⁴.

Ближние варианты браслета с коническим завитком найдены в верховьях р. Чирчик, в погребениях у с. Искандер¹⁵, в Саратовской области¹⁶ и в Томском могильнике времени большереченской культуры (VII-VI вв. до н. э.)¹⁷.

Отдаленные аналоги найдены в алакульских памятниках Южного Урала¹⁸, в памятниках кобанской культуры Северного Кавказа¹⁹ и Крыма²⁰.

В Центральном Казахстане бронзовые браслеты с конической спиралью более характерны для атасуского этапа андроновской культуры. Наиболее ранние их прототипы найдены в группе Сангру II, относящейся к переходному этапу от ранней к средней бронзе.

Ограда 6 (42) находится в северо-западной подгруппе, в 60 м от основного комплекса. В плане круг диаметром 7 м. Ограда выложена горизонтальной кладкой из сланцевых плит высотой до 0,4 м (рис. 44). Общая площадь 49 м². Внутри у южной и северной стен находились каменные выкладки, имевшие значение алтаря. В центре круга расположена циста, выложенная также из сланцевых плит четкого прямоугольного очертания. Кладка выполнена ровными рядами с перевязкой швов, с напуском и постепенным сужением кверху. Благодаря этому циста в основании шире, чем в верхней части. Циста продольной осью ориентирована по линии запад-восток. Скелет человека не обнаружен. Возможно, здесь совершен символический обряд по умершему на чужбине воину. Следы ограбления не наблюдаются. Все обрядовые предметы находились на месте. В юго-западном углу цисты на глубине 1,15 м обнаружены четыре целых сосуда, рядом с ними кости барана.

Сосуд 1 найден у восточной стены ящика. Сосуд с кольцевым поддоном, хорошо выраженной шейкой, выпуклыми плечиками. Верхний край венчика уплощен и отогнут наружу. Тесто с примесью кварцевого песка. Поверхность розоватая с пятнами, в изломе красного цвета. Орнамент в виде поясков: по венчику — заштрихованные треугольники, по шейке — горизонтальные линии, по плечикам — рисунок елочки и зигзаги выполнены небрежно. В технике нанесения орнамента применены два типа штампов — гребенка (для треугольников) и гладкий штамп палочкой.

Сосуд 2 целый обнаружен в северо-западном конце цисты. Сосуд типа тонкостенного горшка с кольцевым поддоном, изогнутой шейкой и некоторой выпуклостью плечиков. Венчик уплощенный, отогнутый наружу, с косыми насечками по верхнему плоскому краю. В тесте примесь песка. Поверхность темно-коричневая. Цвет в обжиге темно-серый. Орнамент в виде заштрихованных

треугольников вершинами вниз, опоясывающий шейку и часть плечиков, выполнен крупным гребенчатым штампом. Композиция из треугольных фигур с миниатюрными треугольными вдавлениями между ними и горизонтальными линиями выглядит выразительно.

Сосуд 3, обнаруженный в юго-западном углу цисты, тонкостенный, с кольцевым поддоном, изогнутой шейкой и шаровидным туловом. Венчик уплощен и отогнут наружу. Формован из хорошего теста с примесью мелкого песка. Поверхность темная, цвет в обжиге черный. Орнамент из четырех узорных лент, заштрихованных наклонными оттисками гребенчатого штампа, опоясывает шейку и плечики; пятая лента опоясывает тулово. В описанном сосуде мы констатируем наиболее раннее появление в орнаменте заштрихованной ленты. В эпоху поздней бронзы этот элемент орнамента в керамике становится одним из самых распространенных.

Сосуд 4 находился в северо-западном углу цисты. Сосуд в форме миски, тонкостенный, с шаровидным туловом, короткой, изогнутой шейкой, резко переходящей в плечики. Венчик уплощен и отогнут наружу. Дно уплощенное. Формован из плотного теста с примесью мелкого гранитного песка. Поверхность светло-коричневая, цвет в изломе розоватый. Орнамент выполнен крупным гребенчатым штампом в виде ленты, заштрихованной наклонными оттисками (верхний поясок), и заштрихованных треугольников, расположенных вершинами вниз. Отличается большой выразительностью и четкостью рисунка.

Таким образом, керамика из ограды 6 (42) по форме и орнаменту значительно отличается от традиционной керамики андрона. По выявленному многообразному яркому материалу можно проследить постепенный отход от древнеандоновской традиции и появление на ее основе новых форм бронзовой культуры в Центральном Казахстане.

Ограда 60 находится в юго-восточной части некрополя и сложена горизонтальной кладкой на глиняном растворе. Ограда представляет собой два вписанных друг в друга квадрата, ориентированных по

сторонам света. Внутри ограды каменный ящик, ориентированный длинной осью с востока на запад. С южной стороны к основной ограде пристроен второй сдвоенный квадрат. Внутри второй ограды два ящика, стоящих параллельно, длинными осями по линии запад-восток.

Третья, малая ограда с одинарной стеной пристроена к восточной стене основного сооружения. Внутри малой ограды каменный ящик.

Вся сложная сеть оград выполнена техникой цистовой кладки. Однако форма углов у одной и той же ограды не одинакова: одни углы прямые, другие округлого очертания. При сооружении ограды андроновцы пользовались каменными мотыгами, с помощью которых получались преимущественно углы округлого очертания, как в землянках. В появлении прямых углов в беласарских наземных строениях (ограда 60) мы видим реализацию новой строительной идеи, получившей развитие в памятниках Бегазы, Бугулы III и Сангу.

Особый интерес представляет обряд погребения в памятниках Беласар. В ящике восточной ограды обнаружен нетронутый скелет в положении на спине с поджатыми ногами. В кургане 6 группы Айшрак Б был обнаружен скелет в таком же положении. Эти факты свидетельствуют о том, что на смену обряду погребения в скорченном положении, характерного для эпохи андрона, приходит обряд погребения усопшего на спине с поджатыми ногами.

В ограде 60 у головы стоял глиняный горшок без орнамента с крышкой, сделанной из крупного обломка боковины другого горшка (рис. 37.3). В северо-восточном углу ящика была обнаружена донная часть другого горшка. Обычно по традиции в могилу клали два целых сосуда, помещая один у головы усопшего, другой в углу ящика. Здесь мы наблюдаем факт, когда традиционный ритуал не был соблюден в полном объеме.

Ограда 10 расположена в юго-западном конце некрополя, в обособленной группе оград. По форме это большой насыпной курган с кольцевой оградой из плит, вкопанных на ребро. Диаметр кургана 20 м, высота 2 м, диаметр кольцевой ограды 16 м. В центре кольцевой ограды находилась каменная гробница квадратной

формы, выложенная горизонтальной кладкой на глиняном растворе (рис. 45). Сохранилась лишь местами нижняя часть стены, более отчетливо – в основании западной стены. По уцелевшим остаткам видно, что внутренняя сторона стен имела облицовку из плит, поставленных на ребро. Облицовочные плиты прослежены на западной и восточной сторонах гробницы, некоторые стояли вертикально, в первоначальном положении. Полностью разрушены южная и северная стены, сквозь которые прошли грабительские лазы. Часть подпорок уцелела только на углах. Ограда прямоугольной формы, продольной осью ориентирована по линии север-юг. Длина ее сторон 4,8 м и 6 м. Внутри находились два каменных ящика (семейный склеп), ориентированных длинными осями по линии запад-восток. Южный ящик сделан из хорошо отесанных плит с плотно пригнанными друг к другу гранями. Плиты перекрытия ящиков тщательно обработаны в округлой профилировке и имеют глубокие пазы для вставки на края ящиков. По грандиозности погребального сооружения можно сделать вывод, что это усыпальница племенного вождя и его жены.

Обращает на себя внимание то, что первоначальная насыпь из чистого грунта с гравием и галькой сохранилась лишь в боковой части кургана. В центре кургана обнаружен грабительский лаз, который был засыпан грунтом другого цвета и сверху по всему кургану набросан каменный слой. По-видимому, ограбление совершено в ту пору, когда ближайшие потомки погребенных еще были живы. Они восстановили насыпь на кургане.

По устройству погребальных сооружений и керамике беласарский курган-ограда 10 представляет собой ранний тип культуры Бегазы в Центральном Казахстане (XII—X вв. до н. э.). Обилие мелких черепков свидетельствует о том, что в ограде было погребено много глиняных сосудов, собраны крупные фрагменты лишь восьми сосудов.

Сосуд 1 (рис. 46, 2) обнаружен в северном ящике. Плоскодонный, тонкостенный, с высокой прямой шейкой, плавно переходящей в выпуклое плечико. Тесто с примесью песка. Внешняя поверхность темно-коричневая со следами лощения. В изломе цвет желто-серый. Орнамент в виде четырех горизонтальных желобков вокруг шейки и рядов мелких вдавлений по венчику и плечикам.

Сосуд 2 из северного ящика. Это тонкостенный кувшин хорошего профиля с кольцевым поддоном и шаровидным туловом (рис. 46, 1). Венчик прямой, уплощенный сверху. Высокая прямая шейка резко отделена от плечиков. Формован способом выдавливания из кома глины со значительной примесью мелкозернистого песка. Внешняя поверхность темно-серая с пятнами. Цвет в обжиге черный. Орнамент в виде четырех горизонтальных линий и ямок-горошин.

Сосуд 3 найден под насыпью на глубине 1,2 м. Тонкостенный, с кольцевым поддоном, изогнутой шейкой и выпуклым плечиком. Венчик высокий, прямой, слегка отогнутый наружу с насечками сверху. Формован из теста с примесью песка. Внешняя поверхность темно-серая с пятнами, внутренняя — желто-коричневая. Цвет в изломе черный. Орнамент выполнен крупным штампом, оставляющим отпечатки тупого конца палочки. Узоры по венчику из рядов треугольных фигур, обведенных круглыми ямками, по шейке — меандр, по плечикам — треугольные вдавления. Треугольные и меандровые фигуры выполнены выразительно.

Сосуд 4 обнаружен под насыпью на глубине 1,3 м. Тонкостенный, с шаровидным туловом и плоским дном. Шейка отличается большой выразительностью, венчик отогнут наружу. Формован из теста с примесью мелкого песка. Поверхность темно-серая с пятнами. Цвет в обжиге серовато-красный. Орнамент выполнен в одной манере с предыдущим кувшином: крупными отпечатками гребенчатого штампа в виде заштрихованных треугольных фигур, обведенных круглыми ямочками, а также каннелюр и зубчатых фигур, которые чередуются с вертикальными зазубренными линиями. Орнаменты сосудов 3 и 4 аналогов не имеют. По технике нанесения орнамента крупным гребенчатым штампом есть некоторое сходство с керамикой из Аксу-Аюлы II.

Сосуд 5 (рис. 47) напоминает древнегреческую амфору без ручек или две палы, соединенные вместе устьем. У сосуда узкое горло и конический поддон одинакового силуэта. По краю узкого горла сделан наливной бортик, придающий сосуду особую прелесть и подчеркивающий его стройность. Формован из теста с примесью мелкого песка. Поверхность желтовато-коричневая. Цвет в

обжиге желто-оранжевый. Орнамент в виде каннелюр опоясывает шейку, тулово и поддон. В керамике эпохи бронзы сосуд не имеет аналогов.

Сосуд 6 без орнамента обнаружен на дне северного ящика. По форме представляет собой чашку с круглым дном, выпуклыми боками со слегка вогнутым венчиком. Тесто с небольшой примесью мелкодробленого кварца. Поверхность розовато-красная. В изломе цвет красный. Это первая чаша, обнаруженная в комплексе памятников переходного этапа. Среди керамики ранней и средней бронзы подобных чаш нет. Сосуды такого типа были распространены в бегазинское время в Центральном Казахстане и в карасукское время в Южной Сибири²¹.

Появление глиняной чаши, удобной формы для питья, было связано с употреблением молочных напитков и кумыса. Вполне естественно, что этот тип сосуда получил особенно широкое распространение в эпоху ранних кочевников²².

Большое число разнообразных керамических сосудов, обнаруженных в усыпальнице племенного вождя, возможно, является свидетельством существования обряда преподнесения их в качестве жертвенных предметов.

Балакулболды II, III

Некрополь расположен в живописной равнине, у восточного подножия горы Балакулболды, в 60 км к северо-западу от главного Каркаралинского хребта, на территории совхоза «Восток» Каркаралинского района Карагандинской области. Впервые о нем упоминает В. П. Никитин²³.

В комплексе насчитывается около 200 памятников, относящихся к различным периодам эпохи бронзы (рис. 48), с преобладанием памятников ранней и средней бронзы в виде круглых, прямоугольных и квадратных ограждений. Южнее основного комплекса расположены памятники, выделенные нами в подгруппы Балакулболды II, III, IV.

Подгруппа Балакулболды III находится в 1–1,5 км южнее основного комплекса. В ней 12 оградок. По устройству погребальных сооружений и керамике она относится к раннебегазинскому времени. В 1969 г. подгруппа была исследована полностью.

Ограда 1 находится в южном конце подгруппы II, на краю террасы небольшой речки, пересыхающей в летнее время. Ограда прямоугольной формы выложена горизонтальной кладкой и ориентирована длинной осью с севера на юг. Длина ограды 5,6 м, ширина 4 м, высота 1,1 м. На углах ограды высокие менгиры («сторожевые камни»), вкопанные на ребро. Внутри ограды, в ее северной половине находился каменный очаг (2x1,5 м), составленный горизонтальной кладкой из прямоугольных камней. Очаг ориентирован длинной осью по линии север-юг. По западной стороне очага, на расстоянии 0,5 м от него стоят два менгира. Здесь, на открытой площадке проходил обряд поклонения огню, алтарем служили большой каменный очаг и менгиры. Свидетельством этого служит слой золы с остатками жертвенной пищи значительной толщины на дне очага и у основания менгиров.

Ограда 2 расположена в южном конце подгруппы, в 130 м к северо-западу от описанного жертвенника. В плане это концентрический квадрат. Ограда из вертикальных плит, ее стороны ориентированы по сторонам света (рис. 49). Сторона внешнего квадрата равна 4,2 м, внутреннего — 3 м. В западной половине внутреннего квадрата находится земляная камера без облицовки, ориентированная длинной осью по линии юг-запад-север-восток, на дне которой был истлевший скелет человека в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. Перед лицом погребенного стоял большой глиняный горшок. Под скелетом человека около его конечностей прослежен слой охры толщиной 9 см. Обряд погребения на правом боку в скорченном положении часто встречается в памятниках Центрального Казахстана и Верхней Оби. М.П. Грязнов относит его к карасукскому времени²⁴.

Тонкостенный сосуд типа кувшина, находившийся в южном углу камеры, имел уплощенное дно, шаровидное тулово и прямую шейку, резко переходившую в плечики. Формован из хорошего теста с примесью мелкого песка. Поверхность сосуда кремово-желтого цвета, в обжиге желто-оранжевого. Орнамент выполнен крупными оттисками гребенчатого штампа в виде повторяющегося меандра по венчику и плечикам и каннелюр по шейке. Поле меандра заполнено косой штриховкой (рис. 50).

Ограда 3 расположена севернее ограды 2. Объединяет не три ограды, из которых большая расположена в центре, а две примыкают к ней с западной и восточной сторон. (рис. 51). Все три ограды составлены из хорошо отесанных плит гранита, вкопанных на ребро. Камень для плит был взят из древней каменоломни, расположенной рядом у восточного подножия горы Балакулболды.

Центральная ограда длинной осью ориентирована по линии север-юг, длина стен 5 м и 2,2 м, их высота 1,4 м. Внутри ограды два каменных ящика, ориентированных по линии запад-восток. Размеры западной пристройки 2,6x2,2 м, высота 1,4 м. Внутри нее массивный каменный ящик, ориентированный длинной осью по линии запад-восток. Размеры восточной пристройки 1,6x1,6 м. Ориентировка каменного ящика внутри нее такая же, как у предыдущего. Ограды подкреплены значительным числом подпорок, которые сохранились в своем первоначальном положении. Все ящики оказались пустыми, лишь найдены фрагменты разных сосудов.

Сосуд 1 обнаружен в юго-западном углу ящика 1 восточной пристройки. Имеет форму круглой чаши с прямой, слегка вогнутой стенкой. Поверхность сосуда желтовато-коричневого цвета, в изломе желто-серого. Орнамент выполнен гладким штампом в виде сетки из ромбов, опоясывающей верхнюю часть сосуда (рис. 52, 7). Сосуд имеет сходство с чашами, найденными в Сангру (ограда 6) и Беласаре (ограда 10). Подобные чаши найдены в памятниках Верхней Оби²⁵.

Сосуд 2 без орнамента найден в северо-западном углу ящика 1. У сосуда венчик отогнут наружу, шейка выражена слабо (рис. 52, 2), на месте перехода к тулову плечо имеет острую грань. Поверхность сосуда желто-коричневого цвета, в изломе черного. Такие горшки были широко распространены на территории от Иртыша до Волги, они обнаружены в памятниках Бегазы, Айдарлы²⁶, на Иртыше²⁷ и в Оренбургской области²⁸.

Фрагмент сосуда 3 обнаружен у восточной стенки ящика 2 средней ограды. Сосуд имел почти такую же форму чаши, как

сосуд 1, отличие лишь в более коротком вогнутом венчике. Поверхность его желтовато-коричневого цвета, в изломе розовато-серая. Орнамент нанесен гладким штампом в технике косоугольной сетки, опоясывающей верхнюю часть сосуда (рис. 52, 3).

Сосуд 4 без орнамента, поднят со дна ящика 2. Венчик отогнут наружу, шейка выражена слабо (рис. 52, 4). Поверхность желто-коричневая, обжиг в изломе розовато-серый. По профилю имеет аналоги с горшками из памятников Айдарлы, Сантру, Бегазы и др.

Ограда 7 находится в северной подгруппе, на севере примыкая к основному комплексу. В плане квадрат из плит, установленных на ребро с подпорками. Внутри ограды каменный ящик. Размеры ограды 3,2x3,2 м, ящика 1,8x1,7 м. В юго-западном углу ящика на плите обнаружены крупные фрагменты глиняного сосуда котлообразной формы с плоским дном, отогнутым наружу венчиком и выпуклыми боками. Формован из хорошего теста с примесью мелкого песка. Цвет поверхности сосуда и его излома темно-серый. Налепной венчик с косыми насечками отделяет шейку от плечиков. Незамкнутые концы валика свисают вниз. Основная масса таких сосудов извлечена из памятников эпохи бронзы Западного, Центрального и Восточного Казахстана. Подобные типы сосудов обнаружены в землянке 1 Алексеевского поселения²⁹, в поселениях Усть-Нарым, Малая Красноярка и Трушниковское³⁰. Такого типа сосуды широко распространены на огромном пространстве от Иртыша до Северного Кавказа, единичные образцы происходят из памятников срубной культуры³¹.

Подгруппа Балакулболды II расположена на площади между подгруппами I и III. При глубоком сохранении древнеандоновских черт она содержит ряд новых, характерных для переходного этапа. В 1969 г. было обследовано восемь оград.

Ограда 8 расположена в центре подгруппы, в 40 м к северо-востоку от ограды 7. По плану это квадрат, составленный из плит, установленных на ребро, сторонами ориентированный по сторонам света. Размеры ограды 3x3 м, ящика 1,9x1,9 м, глубина 0,98 м. Подпорки сохранились в двух местах. Памятник ограблен. Ограбление этой серии памятников объясняется тем, что здесь было погребено значительное число бронзовых орудий, в котором у древнего населения была большая потребность.

Ограда 9 расположена в центре северной подгруппы. По форме представляет андроновский круг, но отличается гораздо более крупными размерами плит, составляющих ограду. Диаметр круга 4 м, высота плит 0,8 м. Внутри круга – каменный ящик прямоугольной формы из хорошо отесанных плит, ориентированный длинной осью по линии запад-восток. Плиты внешней ограды также хорошо отесаны и плотно пригнаны друг к другу. Размеры ящика 1,7x0,7 м, глубина 0,8 м. В восточной половине ящика обнаружен скелет человека, погребенного в положении сидя, спиной к восточной стене ящика. Хорошо сохранившийся череп лежал у нижних конечностей.

Обряд погребения в положении сидя впервые был обнаружен в группе Бугулы II в кургане 8³². Он возник в период формирования новых традиций в эпоху перехода от андрона к поздней бронзе.

В северо-восточном углу ящика, возле правой руки погребенного стоял целый горшок. Сосуд баночной формы андроновского типа с выразительной шейкой и отогнутым наружу венчиком. В тесте незначительная примесь кварцевого песка. Поверхность черная, со следами лощения. В изломе цвет темно-серый. Орнамент в виде заштрихованных треугольников, нанесенных гребенчатым штампом, а также горизонтальных линий и вдавлений треугольного очертания, в нижней части завершающихся фестонами. Несмотря на то, что сосуд найден в группе памятников, относящихся к переходному этапу, он сохраняет форму и орнамент андроновской керамики.

Ограда 10 (рис. 53) в виде концентрического круга без насыпи расположена в центре северной подгруппы. Внешний круг составлен из плит, вкопанных на ребро, внутренний выложен горизонтальной кладкой из прямоугольных плит. Диаметр большого круга 8 м, малого 3,8 м. Ограды с южной стороны разрушены грабительским лазом. В центре внутренней ограды (ближе к юго-восточной стороне) спаренные ящики одинаковой величины, ориентированные длинными осями по линии запад-восток. У восточных стен обоих ящиков находились груды человеческих костей, по которым трудно судить об обряде погребения. Возможно,

нахождение их у восточных стен ящиков говорит о том, что человек был погребен в сидячем положении, как и в ограде 2.

При разборе костей обнаружился интересный факт: из подвздошной кости (*os ilium*) человека торчал острый бронзовый наконечник стрелы втульчатой формы (рис. 54). От сильного удара стрелы образовалась зияющая трещина на месте соединения подвздошной и локтевой костей (*eminetia iliopectinea*). В Павлодарском музее экспонируется подобная кость с вонзившимся бронзовым наконечником стрелы.

По материалам группы Балакулболды II можно проследить процесс перехода бронзовой культуры на новую ступень развития. Отчетливо прослеживаются изменения в погребальном обряде, устройстве могильных сооружений, формах и орнаментации керамики. В памятниках этой группы обряд погребения предстает в трех положениях: в скорченном, на спине с приподнятыми коленями (ограда II) и в положении сидя (ограда 9). Погребальные сооружения еще несут черты андроновской традиции, но отличаются более крупной величиной и массивностью каменных стен, приближающих их к памятникам бегазинского времени.

Одним из главных признаков переходного этапа являются спаренные и двухэтажные ящики, не свойственные андроновским погребениям, когда в одной ограде было от четырех до десяти и даже более ящиков. Парные погребения говорят о выделении из большой патриархальной семьи отдельных ячеек.

Керамика южной подгруппы отличается по форме и орнаменту. Это уже прототипы будущей бегазы-даидыбаевской керамики.

Байбала II

Расположена в долине правого берега р. Талды-Нура, в 12 км к северо-западу от аула Акбаур Шетского района Карагандинской области. На юге долина ограничена горами Котур-Кзылтау, на севере – невысокими холмами.

В этом районе много памятников эпохи бронзы. В горах находятся три рудника, в том числе знаменитый рудник Алабуга, в отвалах которого найдено характерное для эпохи средней и поздней бронзы орудие из оленьего рога. Недалеко от этого рудника, в

горных ущельях Кзылтау расположены поселения эпохи бронзы Аккезен, Шортанды-булак, Байбала и Сенкебай.

В 300 м на восток от поселения Байбала расположен огромный некрополь, где погребальные сооружения относятся к двум этапам эпохи бронзы. Более древняя Байбала I – безнасыпная кольцевая ограда расположена на правом берегу р. Талды-Нура. Севернее и северо-восточнее от Байбала I расположена группа Байбала II, состоящая из больших насыпных курганов, окруженных кольцевыми оградками из плит, вкопанных на ребро (рис. 55) и оград квадратной формы. В группе Байбала II число однотипных курганов-оград с кольцевой оградой – 10, квадратных оград – 20. Это, в основном, памятники предбегазинского времени.

Раскопан один большой курган, представляющий собой насыпь из земли с камнями с кольцевой оградой. Его диаметр – 28 м, высота насыпи – 1,8 м, диаметр кольцевой ограды – 20 м. Кольцевая ограда сохранилась хорошо. В ней насчитывается 54 плиты из гранита, вкопанные на ребро. Максимальные размеры плит 1,4x1,2 м, минимальные 0,75x0,75 м. Под насыпью на глубине 0,7 м обнаружены стены внутренней ограды, сложенной из бутового камня кладкой в два ряда. Толщина кладки 1,3 м, высота 1,2 м. Расстояние от кольца до внутренней стены 7 м, от шлейфа насыпи до кольца 4 м. Сооружение имело перекрытие из бревенчатой рамы, об этом свидетельствуют ее истлевшие остатки. Внутри ограды находился большой каменный ящик, ориентированный длинной осью по линии запад-восток. Его размеры 2,3x1,55 м, глубина 1,6 м. Он был перекрыт двумя плотно пригнанными друг к другу массивными плитами гранита. Плиты ящика и перекрытия были хорошо обработаны и имели четкие грани. На дне ящика в беспорядке лежали человеческие кости, череп не обнаружен. По ящику были разбросаны обломки двух горшков: тонкостенного и грубоватого толстостенного с орнаментом из ромбовидных углублений и гребенчатого штампа. Здесь же найден кусочек шлака.

Курганы с кольцевой оградой – это широко распространенные погребальные сооружения, возникшие в Центральном Казахстане в период между поздним андроновом и началом формирования бегазы-даидыбаевской культуры. Курган-ограды, появившись в

конце средней бронзы, в раннескифское время принимают более грандиозные размеры. Усыпальница «37 воинов», курганы с кольцевой оградой Байштын-Карашоқысы, Кзылтас (Актогайский район), Бесоба (Баянаульский район) относятся к раннескифскому времени. Однотипность некрополей Аксу-Аюлы II, Ортау II, Байбала II и их более поздних вариантов говорит о преемственной связи между памятниками эпохи бронзы и ранних кочевников Казахстана.

ГЛАВА 2 ПАМЯТНИКИ РАННЕБЕГАЗИНСКОГО ВРЕМЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

В Центральном Казахстане выделяется обширная группа памятников, знаменующая собой новый этап развития культуры бронзы, наступивший в конце второго тысячелетия до нашей эры в результате глубоких изменений, происшедших в жизни древнеандроновских племен Центрального Казахстана. Эти памятники, отличаясь от андроновских крупными размерами, формой и погребальным обрядом, сохраняют некоторые черты прошлых эпох, что, несомненно, является свидетельством существования преемственной связи между сооружениями прошедшей и наступившей эпох.

В связи с неизученностью памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана появилось суждение, что в Казахстане не было завершающего этапа культуры бронзы, подобной карасукской культуре в Южной Сибири, андроновская культура непосредственно предшествовала культуре раннескифского времени. Этому мнению придерживались О.А. Кривцова-Гракова³³, С.В. Киселев³⁴, С.С. Черников. «Андроновская культура, когда-то яркая, самобытная и сильная, изживает себя, переходя в культуру ранних кочевников», – писал С.С. Черников³⁵, настойчиво датируя комплексы Ортау II, Аксу-Аюлы II, Бесоба, Карашоқы, Беласар II и другие алакульским периодом. Единственным аргументом в пользу этого суждения был сосуд из сарыкольского кургана³⁶,

который Черников относит к федоровскому времени. Ясно, что этот единичный факт не может быть решающим аргументом в вопросах хронологической классификации комплексов.

Памятники позднего андрона отличаются более крупными размерами по сравнению с предыдущими эпохами и представляют собой округлые, овальные, прямоугольные или квадратные ограды. Их комбинации образуют сооружения в виде сети оград с пристройками. Ограды сооружены из массивных гранитных плит, вкопанных на ребро, в большинстве случаев они без насыпи, изредка с насыпью толщиной не более 20-30 см. Такие ограды – усыпальницы патриархально-семейных общин андроновских племен Центрального Казахстана. В каждой из них от 5 до 12 и более ящиков, в которых погребены члены одной семьи в скорченном положении и на левом боку. Ящики чаще имеют форму трапеции. Для позднего андрона характерны также каменные ограды с двумя камерами, в которых погребены муж и жена в скорченном положении, лицом друг к другу, один на левом боку, другой на правом. Этот устойчивый погребальный обряд существовал в андроновский период.

Большие курганы с кольцевой оградой из огромных гранитных плит, вкопанных на ребро, это уже не погребения патриархально-семейных общин, а усыпальницы племенных вождей, выдающихся воинов. Появление курганов с кольцевыми оградками, которые возводились над усыпальницами (Аксу-Аюлы II, Бугулы II, Байбала II, Бесоба, Ортау II), было обусловлено изменениями в жизни племен Центрального Казахстана в результате возникновения в период позднего андрона (XIII–XII вв. до н.э.) имущественной дифференциации, ознаменовавшей переход к следующему этапу. Эту трансформацию первым отметил один из исследователей эпохи бронзы С.В. Киселев: «В Западной Сибири в позднеандроновское время замечается та же тенденция, что и в конце срубной культуры. Появляются крупные курганы, насыпавшиеся, очевидно, над выдающимися членами рода. Нам удалось исследовать такие курганы в местности Бесоба, под Каркаралинском»³⁷.

В курганах с кольцевыми оградками отсутствуют черты, присущие андроновской культуре. Эти памятники встречаются только в

Центральном Казахстане и знаменуют собой переход от позднего андрона к бегазы-дандыбаевскому времени.

Открытие большого числа памятников разных периодов эпохи бронзы подводит к необходимости пересмотра периодизации эпохи бронзы, осуществленной полвека назад финским ученым Тальгреном.

В Центральном Казахстане каждая историческая эпоха оставила свой глубокий след. Многочисленность и разновременность памятников Центрального Казахстана, аналоги которым не известны в других областях распространения культуры бронзы, позволяют выделить ее следующие основные этапы:

1) энеолит (медно-каменный период), вторая половина III тысячелетия;

2) ранний андрон (XVII–XV вв. до н.э.), или нурынский этап;

3) поздний андрон (XIV–XIII вв. до н.э.), или атасуский этап;

4) переходный этап от андрона к поздней бронзе (XII–XI вв. до н.э.);

5) бегазы-дандыбаевский этап (X–VIII вв. до н.э.).

На основе многолетних исследований мы пришли к заключению, что культура бронзы в Центральном Казахстане развивалась на протяжении нескольких тысячелетий, постоянно претерпевая изменения. Зародившись в энеолите, она прошла несколько исторических этапов и достигла своего апогея в конце второго — начале первого тысячелетия до нашей эры. Последовательность этапов культуры бронзы хорошо прослеживается на памятниках, отличающихся друг от друга по типу сооружений, погребальному обряду и инвентарю, но в начале каждого нового этапа с сохранением некоторых черт предыдущей эпохи.

Памятники культуры эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана отмечены ярко выраженными чертами, отличающими их от памятников карасукской культуры на Енисее. Культура эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана развивалась во взаимосвязи с родственными ей культурами Южного Зауралья (замараевская культура), Алтая и Енисея (карасукская культура). Некоторое сходство бытовых предметов, керамики и орудий труда, найденных в областях, разделенных огромными степными пространствами, свидетельствует о культурных и экономических

связях, существовавших между древними племенами. При этом в обмене существенная роль принадлежала центрально-казахстанскому палеометаллу (медь, олово, бронза, золото).

С открытием памятников эпохи поздней бронзы Бегазы, Сангу I, III, Бугулы III, Дандыбай, Ортау II и других закономерность в последовательном развитии культуры бронзы и ее завершенность стали очевидными. Некоторые кардинальные вопросы эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана освещены в работах М.П. Грязнова.

Памятники Ортау II, Ахсу-Аюлы II, Бесоба, Карашоки, Байбала II, Беласар II генетически связаны с андроновской культурой, но при этом отмечены рядом новых черт. Они — продукт культуры переходного этапа от позднего андрона к бегазы-дандыбаевскому времени.

Последовательный и преемственный переход культуры бронзы от одной ступени к другой, от простых, примитивных форм к более сложным в строительном деле, в производстве керамических и бронзовых изделий составляет главную особенность бронзовой культуры Центрального Казахстана.

Культура поздней бронзы Центрального Казахстана отличается от карасукской грандиозностью сооружений и четкостью архитектурно-планировочной основы (циклопические сооружения Ахсу-Аюлы II, Ортау II, Бегазы 1,2, Бугулы III и др.). Ошибочны высказывания некоторых исследователей, что в надгробных памятниках бегазы-дандыбаевского времени нет четкости и аккуратности в реализации строительных приемов, характерных для алакульских сооружений. Напротив, строительные приемы бегазинского времени вызывают восхищение. Древним строителям удалось реализовать идею сложной конструкции на большом пространстве с помощью применения подпорок, утрамбовки, пирамидального перекрытия. Эти приемы в андроновскую эпоху еще не были известны. Большое многообразие и грандиозность каменных сооружений, яркость и узорное богатство орнамента на предметах кермического искусства, массивность бронзовых и золотых изделий являются характерными чертами культуры эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Многие из

перечисленных черт материальной культуры не выявлены в других областях распространения бронзовой культуры, что позволяет сделать следующий вывод. Центральный Казахстан – этот древний металлургический центр был главным очагом развития бронзовой культуры. Обратимся к материалам раскопок.

Аксу-Аюлы II

Комплекс Аксу-Аюлы II расположен в долине левого берега р. Шерубай-Нура, в 3 км к северу от пос. Аксу-Аюлы, центра Шетского района. Состоит из 36 сооружений, 24 из которых относятся к андроновскому периоду и 12 – к переходному этапу (рис. 56). Группа Аксу-Аюлы состояла из 12 курганов разной величины с кольцевыми оградами из крупных гранитных плит, вкопанных на ребро. В полевой сезон 1952 года было раскопано три кургана.

Курган 2 представлял собой земляную насыпь полусферической формы (рис. 57) диаметром 18 м и высотой 1,8 м. В центре кургана несколько выше основания насыпи был обнаружен контур двойной ограды. Длина внешней ограды с запада на восток 10 м, с севера на юг 9 м. Западная и восточная стороны ее выложены из крупных гранитных плит, вкопанных на ребро, северная и южная сложены методом горизонтальной кладки из каменных плит прямоугольной формы. Размеры плит: высота 2,0 м, ширина от 0,68 до 1,2 м.

Внутренняя ограда прямоугольной формы, длинной осью ориентирована с юга на север, ее размеры 4,8x3,6 м. Сложена из плит методом горизонтальной кладки. Внутри ограды два каменных ящика в форме трапеции, ориентированы продольной осью с запада на восток.

Северный ящик значительно меньше южного, его размеры 1,6x0,78 м. На дне ящика обнаружен раздавленный горшок с шаровидным туловом, хорошо выраженной шейкой и коническим поддоном. Венчик слегка уплощен и отогнут наружу. Тесто черное с примесью мелких зернышек кварца. Поверхность сосуда черного цвета со следами лощения, в изломе цвет серый. Орнамент по венчику сосуда из заштрихованных треугольников был нанесен мелким гребенчатым штампом. На шейке сосуда орнамент из

каннелюр и валиков, а на нижней части тулова – в виде меандра. Конический поддон был отделан каннелюрами и налетными валиками. Сосуд по форме представляет собой прототип керамики Бегазы-Дандыбая.

Размеры южного ящика: длина 2,15 м, ширина западной половины – 1,05 м, восточной – 0,96 м, глубина – 0,7 м.

На дне ящиков следы кремации: фрагменты обугленных костей и кусочки древесного угля. Здесь же найдены обломки глиняного сосуда без орнамента и две каменные терки из порфира. Одна из них отесана по бокам и стлажена с внутренней стороны. Обе толщиной 6 см. Подобные терки встречаются в памятниках эпохи поздней бронзы и особенно часто в памятниках ранних кочевников.

Курган 3 – самый крупный курган эпохи бронзы (рис. 58, 59, 60). Это огромная насыпь сферической формы, диаметром 30 м, высотой 1,8 м. Под насыпью обнаружено одно из крупнейших сооружений эпохи бронзы – хорошо сохранившаяся каменная конструкция.

Гробница Аксу-Аюлы II – металитическое сооружение (рис. 60), возведенное в переходный этап эпохи бронзы (XII-XI вв. до н.э.). Сооружение находилось под насыпью диаметром 30 м, высотой 1,8 м. (рис. 62). По основанию насыпи проходила кольцевая ограда из крупных плит, вкопанных на ребро с наклоном внутрь. Диаметр кольцевой ограды – 24,5 м, высота плит – от 1,2 до 1,6 м.

В сооружении три concentрических кольцевых ограды. Наружная проходила по основанию насыпи и была сложена из крупных плит гранита, вкопанных на ребро. Ее диаметр – 24,5 м, высота вертикально стоящих плит – от 1,2 до 1,6 м. В 11 м к центру от первой кольцевой ограды проходила вторая ограда, имевшая подковообразную форму, близкую к кругу. Она была сложена техникой горизонтальной кладки из крупных прямоугольных плит. Размер ограды (по внутреннему обмеру) с запада на восток – 7,9 м, с севера на юг – 7,6 м, сохранившаяся высота – 1,5 м. Ширина кладки у основания – 2 м.

Третья ограда вписана во вторую, имеет прямоугольную форму с закруглениями на углах. Длина сторон 4,45 м и 3,40 м. Как и вторая ограда, она вытянута с запада на восток и сооружена техникой горизонтальной кладки из прямоугольных плит. При ее

сооружении к западной и восточной стенам с внутренней стороны было пристроено по одной плите, вкопанных на ребро. Размеры плит ~ 0,5х 1,8 м. Эти плиты несли нагрузку от перекрытия сооружения. Для постройки Аксу-Аюлы плиты доставлялись с гор Аюлы.

Всю площадь внутренней ограды покрывал слой золы, в центре он был толще, а по краям коридора, отделявшего внутреннюю ограду от наружной, сходил на нет. В гряде угля можно было различить куски обуглившегося дерева. Вероятнее всего, слой золы в 30 см образовался от сгоревшей во время пожара кровли. По его толщине можно судить о количестве использованного для перекрытия материала. Под зольным слоем, ближе к центру был обнаружен большой завал из камней. Плиты ящика были покрыты копотью, а ямки между плитами заполнены золой и углем. Очевидно, пожар произошел, когда деревянные части перекрытия еще не пришли в ветхость. Об этом говорит широкий пролом, сохранившийся в верхней части юго-западной стены и весь покрытый копотью. Вследствие этого разрушения юго-западная стена сооружения несколько ниже других уцелевших стен.

В центре внутренней ограды в грунтовой яме площадью 2,5х1,45 м, глубиной 1,6 м находился большой каменный ящик прямоугольной формы. В андроновских памятниках ящики такой величины не встречаются. Ящик отстоял от внутренней ограды на 1-1,2 м, от наружной – на 3,5-4 м. Обходной коридор между оградой был шириной 1,8 м.

Ящик продольной осью ориентирован с запада на восток. Он плотно перекрыт двумя гранитными плитами. Размеры плиты, закрывавшей восточную половину ящика, 1,85х1,2х0,14 м, размеры западной плиты - 1,46х1,36х0,2 м. По бокам ящика лежали большие гранитные плиты, некогда стоявшие вертикально и служившие центральной опорой перекрытия. Вся площадь основания сооружения покрыта слоем утрамбованной смеси глины, гравия, песка и щебня толщиной ~ 50 см. Эта бутовка упиралась в стенные опоры и выполняла роль контрфорса. Забутовка пола обходного коридора обеспечивала устойчивость внешней и внутренней оград. Такими строительными приемами обеспечивалась устойчивость

стен и опор, которые в свою очередь поддерживали ступенчатое перекрытие.

Ящик на глубину 0,6 м был заполнен слоем мягкой лёссовой земли, под ним был слой золы с угольками. Стенки ящика были сильно закопчены.

С точки зрения строительной техники большой интерес представляет возведение каменных стен способом горизонтальной кладки. Стены гробницы были одновременно несущей (внутренняя ограда), и ограждающей конструкцией. Они отличаются от стен андроновских оград формой, величиной и техникой выполнения кладки. Для прочности сооружения при кладке использовали крупные каменные плиты прямоугольной и квадратной форм размерами от 40х35х5 см до 120х80х7 см.

Вертикальный разрез показал, что нижние ряды внутренней стены состоят из больших плоских каменных плит, положенных в два ряда прямо на грунт, а в верхней части – небольшие плиты, отчего стены внизу были шириной до 1,2 м, а в верхней части – 0,4 м (рис. 59). Плиты между собой соединены глиняным раствором. Пустоты, возникшие из-за неровностей камней, были заполнены мелким щебнем. Перевязка закругленных углов осуществлена с помощью длинных каменных блоков, скреплявших вертикальные швы.

Вторая стена сооружена из сквозных “тычков” шириной во всю толщину стены. “Тычки” уложены через один-два ряда, а иногда чередуются с “ложковыми” камнями в одном и том же ряду, создавая полную перевязку. Следует отметить, что в верхнем ряду плиты лежали сквозными “тычками”. Облицована прямоугольными плитами.

Внизу стены вертикальны, а плиты в верхней части наклонены внутрь. В основе этого строительного приема была идея сооружения “ложного” свода посредством кладки с напуском, широко применявшегося в последующие эпохи. Перекрытие сооружения не сохранилось. Остались лишь обгоревшие обломки, по которым было установлено, что перекрытие сооружения было деревянное, сверху которого был слой из камыша и других местных растений. Отпечатки этих материалов имеются на плоских плитах, которые закрывали каменный ящик.

Эти данные и вся конструкция стен, выполненная кладкой с "напуском", не оставляют сомнения в том, что перекрытие гробницы Аксу-Аюлы было возведено из бревен в виде пирамидально-ступенчатой конструкции. Подобная кровля была исследована М.П. Грязновым в Дандыбае. По реконструкции М.П. Грязнова, основа крыши в Дандыбае 11 «представляла собой пирамидальный бревенчатый сруб с четырьмя звеньями, накрытый сверху бревенчатым же накатом из 12-14 бревен»³⁸.

Перекрытие пирамидальной формы строил путем укладки бревен каждого нового звена на 15-20 см ближе к центру сооружения, т.е. методом "напуска". Таким приемом позднее сооружался «ложный свод» при постройке юртообразных каменных сооружений уйгас и дынг. Мавзолей Аксу-Аюлы II, Ортау II, Белисар, Бесоба и Бегазы — сооружения одного типа. Особенно много общего у гробницы Аксу-Аюлы с памятником Дандыбай 11. Различие состоит лишь в том, что на Дандыбае нет кольцевой ограды у основания насыпи. К тому же мавзолей Дандыбай был меньших размеров. Однако в керамике Аксу-Аюлы еще сильны традиции гончарного искусства андроновского времени, особенно в орнаменте. В Аксу-Аюлы найдено лишь несколько фрагментов двух горшков.

Еще до вскрытия ящика в разных местах погребальной площадки были собраны фрагменты неорнаментированной керамики. В обходном коридоре были найдены кости барана и лошади — остатки жертвенной трапезы. У южной стены ящика на глубине 1,45 метра обнаружены фрагменты кувшина изящной формы — венчика, боковины и днища сосуда. Большой фрагмент этого сосуда был обнаружен снаружи ящика. У кувшина были строгие пропорции (диаметр венчика — 18 см, тулова — 20 см, дна — 8 см, высота — 16 см), он имел конический поддон, его высокий венчик слегка отогнут наружу, корпус несколько вытянут, но тулово близко к шаровидной форме. Орнамент покрывал венчик, шейку и верхнюю часть тулова. Венчик украшен заштрихованными косыми линиями, под углом к ним проходят прямые линии, ниже располагаются каннелюры. Шейку сосуда опоясывает изящный меандр, ниже повторяется линия каннелюр, по плечуку проходит линия круглых ямок величиной с горошину (рис. 63). Орнамент

еще близок к традициям андроновской керамики, но техника выполнения его крупным гребенчатым штампом с поперечными зарубками уже новая, она характерна для посуды эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Нововведением является и линия из круглых ямок, встречающейся позднее в керамике Бегазы, Сантру, Дандыбая³⁹. Сосуд близок дандыбаевскому⁴⁰ сосуду 12 и второму бегазинскому из пятой ограды. Это говорит о том, что аксуаюлинская керамика знаменует собой начало нового этапа культуры бронзы Центрального Казахстана, в завершенной форме мы видим ее в бегазинской культуре.

На дне ящика обнаружен прекрасно сохранившийся костяк рослого человека, он был повернут на запад, а лицо обращено вверх. Длина скелета — 1,88 м. Судя по костяку, это был мужчина среднего возраста атлетического телосложения. Руки вытянуты вдоль туловища, пальцы ног обращены на восток. Кости правой руки потревожены грызунами. На левой плечевой кости заметен нарост, образовавшийся, вероятно, в месте ранения.

Скелет лежал вдоль северной стенки ящика, южная половина ящика была пустая. Кроме отдельных фрагментов керамики других предметов не обнаружено. Подобный обряд погребения в вытянутом положении на спине был встречен еще в Дандыбае 11, 12, в Сантру I, 12, Айшраке и Бегазы 5. В последнем пальцы ступней были также обращены на восток. В Сантру I скелет был вытянут с северо-запада на юго-восток, вместе с тем в ограде 3 этого же комплекса найден целый костяк в скорченном положении, что характерно для андроновского времени. Обнаружение, отличающихся между собой погребальных обрядов в одном комплексе, с предельной ясностью свидетельствует о происшедшем переходе от одной культурной традиции к другой, о переходе от позднего андрона к бегазинскому этапу, связанных с изменениями в обществе, отходом от древних патриархально-родовых обычаев.

В группе Аксу-Аюлы II особый интерес представляет ящик с погребениями животных. Внешняя ограда не сохранилась, остались лишь следы ям. Ящик прямоугольной формы, его размеры 2x0,7 м, ориентирован длинной осью с запада на восток. Был погружен глубоко в грунт и найден лишь благодаря чуть выступавшим краям. Ящик сложен из массивных, отшлифованных гранитных

плит. Западная и восточная плиты выступали за края ящика соответственно на 18 см и 15 см. Между ними было перекрытие из крупных гранитных плит. При расчистке ящика на глубине 0,58 метра, у основания головной плиты обнаружены кости барана и целый костяк ягненка, а в центре ящика — целый, чуть согнутый костяк верблюжонка. Он лежал на левом боку, мордой на запад, лбом на юго-запад, спиной верблюжонок был прижат к южной стене ящика, а ногами упирался в северную. За исключением черепа и шейных позвонков, кости истлели (рис.64). У головы верблюжонка обнаружена баранья лопатка. Вследствие солонцеватости грунта костяки ягненка и барана плохо сохранились. Скорченный костяк ягненка найден в юго-западном углу ящика. Он лежал также на левом боку, головой на юг, ногами на запад.

Под костяками животных обнаружены кости рук и ног ребенка и бронзовые бусы. Погребение молодых животных вместе с ребенком в памятниках эпохи бронзы встречено впервые. В андроновских захоронениях этот обряд также не зафиксирован. Он был более характерен для периода ранних кочевников.

Погребение верблюжонка в комплексе Аксу-Аюлы свидетельствует о том, что в эпоху позднего андрона произошло одомашнивание верблюда. Об этом говорят находки костей верблюда при раскопках кургана 2 и ограды 5 этого же комплекса. Кости верблюда обнаружены не только в памятниках Центрального Казахстана, но и при раскопках Алексеевского поселения⁴¹ и карасукского памятника в Южной Сибири⁴².

Ограда 5 в плане представляет собой прямоугольное сооружение. Она сложена из вертикальных плит, вкопанных на ребро. На ее углах стоят более высокие плиты, как бы сторожевые камни. К ограде с южной стороны примыкает небольшая прямоугольная пристройка с размерами 3,5x4,3 м, напоминающая тамбур бегазинских оград, ее стороны ориентированы по сторонам света. Погребальных камер внутри ограды не обнаружено, найдены лишь кости лошади, верблюда и барана. Вероятно, ограда 5 была предназначена для погребения жертвенных животных. Эти факты свидетельствуют о том, что в эпоху поздней бронзы верблюд у насельников Центрального Казахстана становится одним из основных средств передвижения.

Ортау II

По форме устройства погребальных сооружений, отчасти и по керамике комплекс Ортау II близок к Аксу-Аюлы II. Он также состоит из курганов с кольцевой оградой в основании, но внутри не две ограды, вписанные одна в другую стены, как в Аксу-Аюлы, а одна, в центре которой большой каменный ящик. В комплексе Ортау таких оград насчитывается 20. Ограды Ортау можно отнести к раннему периоду бегазинской культуры.

Из этой группы нами исследовано три больших кургана, все они разграблены в древности.

Курган I самый большой в комплексе, его диаметр 36 м, диаметр кольцевой ограды — 28 м, высота кургана 3,2 м. Плиты ограды сохранились гораздо лучше, чем в кургане 3 Аксу-Аюлы II (рис. 65).

Внутри ограды находилось каменное сооружение овальной формы, вытянутое с запада на восток (рис.66). Размеры внутренней площадки — 3,5x3 м, сохранившаяся высота — 1,5 м. Стены шириной 0,5 метра выполнены техникой сухой кладки из двух рядов камней, которые чередуются сквозными плитами, уложенными торцами наружу (тычком), как в Аксу-Аюлы II. Пустоты между рядами заполнены мелкими обломками камней и глиной, а в качестве подушки использован сухой раствор. Кладка в Ортау II одинаковой толщины у основания стены и в ее верхней части. Срез стены показал, что в нижнем ряду находятся более крупные плиты в один камень, а поверх них по системе в «полтора кирпича» прямоугольные плиты сложены в два ряда. В центре на глубине 1,8 м находится большой каменный ящик почти квадратной формы с размерами сторон 1,5 м и 1,8 м. Стены ящика из хорошо отшлифованных и плотно пригнанных одна к другой плит. На дне ящика следов погребения и предметов материальной культуры не обнаружено.

Курган 2 меньших размеров, чем первый, они расположены рядом.

Внутренняя ограда овальной формы вытянута с запада на восток, площадь—17,0 м²; кладка стен мощная, шириной и высотой более одного метра. Большой каменный ящик расположен в центре ограды, продольной осью ориентирован с запада на восток, размеры

сторон 1,5 м и 2 метра, высота — 1,2 м. Края ящика выступали над землей на 40 см. Стороны ящика закреплены бутовкой из щебня и гравия.

На дне ящика были истлевшие остатки скелета человека, потревоженного грабителями, поэтому определить первоначальное положение костяка не представилось возможным. В юго-западном конце ящика обнаружен довольно массивный литой однолезвийный бронзовый нож с черенком. По форме он отличается от андроновских ножей казахстанского и южносибирского типа. Его близкие аналоги найдены в серии ножей замараевского времени в Кокчетавской области⁴³ и карасукского времени в Бийской области и в Кулундинской степи⁴⁴. Других находок не было.

Курган 3 подобен описанным выше. Его диаметр — 31 м, диаметр кольцевой ограды — 20 м. Курган разрушен, от стен внутренней ограды сохранились лишь нижние ряды кладки. Длина внутренней ограды с запада на восток — 3,75 м, с юга на север — 3,5 м, толщина кладки — 0,5 м. В центре находился большой каменный ящик. При расчистке были найдены большая каменная терка и крупный фрагмент горшка в виде его половины (рис.67). Терка весом — 1,5 кг квадратной формы с длиной стороны 18 см. Она, по всей видимости, была предназначена для дробления камней. В грунте был найден красивый горшок с орнаментом. В орнаменте преобладает елочный рисунок, нанесенный крупным гребенчатым штампом с поперечными зарубками. Это новые элементы в орнаменте керамики, характерные для переходного этапа.

На основе изложенных материалов можно сделать заключение, что Ортауская группа курганов относится к переходному этапу от позднего андрона к бегазинской культуре.

Бегазы А (ранняя группа)

В комплексе Бегазы представлены памятники всех периодов эпохи бронзы — атасукского, переходного и бегазы-дандыбаевского. Незучеными остаются памятники иуринского этапа, погребенные в пойме р. Бегазы (Каратал), они были случайно вскрыты бульдозером на двухметровой глубине.

В комплексе Бегазы А к переходному этапу относятся концентрические квадратные ограды без тамбура — прототип плиточных мавзолеев Бегазы.

Плиточная ограда 7 расположена в центре комплекса, ближе к юго-западу. По плану это концентрический квадрат с двойными стенами из огромных гранитных плит, вкопанных в землю отвесно. Длина внешней ограды с юга на север 5,7 м, с запада на восток 6,0 м, внутренней — соответственно 3 м и 2,5 м. Между оградями обходной коридор шириной до 2 м. В центре внутренней ограды находится каменный ящик, ориентированный продольной осью по линии запад-восток. Внутренняя ограда сооружена из бутового камня методом горизонтальной кладки высотой более одного метра уже после захоронения покойника, о чем можно судить по восточной половине ящика, перекрытого кладкой восточной стены ограды.

Плиты наружной ограды выступают над поверхностью земли на 0,60—0,85 м. Западная и северная стены сооружены из двух рядов плит, забутованных между собой. Здесь прослеживаются зачатки идеи укрепления стены подпорками. Развитие этой строительной идеи, ее широкое применение наблюдается в сооружениях бегазы-дандыбаевского времени. Кроме того, в Бегазы А основание стен забутовано щебнем и гравием. Забутовка основания стен обнаружена также в гробницах Аксу-Аюлы II, Ортау II и Байбала II. Такой строительный прием не встречается в андроновских сооружениях.

Восточная половина ящика, перекрытая стеной внутренней ограды, не тронута грабителями. В ящике найдены обломки сосудов ручной лепки, формованных из глины с примесью песка. Поверхность большинства сосудов темно-бурая с красноватым оттенком, в изломе цвет красно-бурый. Один из сосудов имел шаровидное тулово, высокий прямой венчик и хорошо выраженную шейку. Орнамент на нем выполнен гладким штампом в виде сложного меандра и прорезных линий. О связи с андроновской традицией в ограде 7 свидетельствуют только каменный ящик и меандровый орнамент керамики. План сооружений в виде концентрического квадрата с четкими углами и подпорками

стен — это новые черты, знаменующие переход к следующему историческому этапу.

Для переходного этапа характерно появление нового типа погребений. Это не родовые погребения патриархально-семейных общин, как прежде, а усыпальницы вождей. Появление их было связано с изменениями в социальной жизни племен Центрального Казахстана. «Они, несомненно, по своему значению аналогичны погребениям представителей племенной знати конца срубной культуры, вроде раскопанного П.С. Рыковым десятиметрового кургана в урочище «Три брата» близ г. Степного. Они предвосхищают пышные погребения племенной знати скифской архаики», — писал С.В.Киселев⁴⁵.

Сравнительный анализ свидетельствует о том, что в описанных курганах-оградах элементов, присущих андроновской культуре, уже немного. Обнаружение отличающихся между собой погребальных обрядов в одном комплексе с предельной ясностью свидетельствует о происшедшем переходе от одной культурной традиции к другой, о переходе от позднего андрона к бегазинскому этапу, связанных с отходом от древних патриархально-родовых обычаев. По своей структуре, погребальному обряду и керамике эти памятники не могут быть отнесены к алакульскому этапу. Курганы с кольцевыми оградами, керамика и бронзовые изделия с новыми чертами, появившимися в переходный этап, в бегазинской культуре становятся устойчивой традицией.

На основе многолетних исследований мы пришли к заключению, что культура бронзы в Центральном Казахстане развивалась на протяжении нескольких тысячелетий, постоянно претерпевая изменения. Зародившись в энеолите, она прошла несколько исторических этапов и достигла своего апогея в конце второго — начале первого тысячелетия до нашей эры. Хронологическая последовательность развития этой культуры хорошо прослеживается в памятниках ранней бронзы, или нуринаского этапа — Акшатау, Ботагара, Байбала I, Бугулы I, Акмола и др., средней бронзы, или атасуского этапа — Балакулболды I, Бесоба, Айшрак A, Былхылдак I, II, III, Карасай, Беласар, Егизек, Сангру

II, Аксу-Аюлы I, Жамбай-Карасу, Жиланды и т. д., переходного этапа — Аксу-Аюлы II, Байбала II, Беласар II, Ортау II, Бегазы A и т. д., поздней бронзы, или бегазы-дандыбаевской культуры — Айбас-Дарасы, Аккойтас, Бегазы, Бугулы II, III, Кент, Дандыбай, Кзыл-Арай, Сангру I, III, Айдарлы, Курылыс и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. Гл. I, II, V.
2. Там же. С. 179, табл. XVII
3. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. //МИА. М., 1955, № 46. С. 115, рис. 26, 11.
4. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 431, табл. XXXVII, 6.
5. Анфимов Н.В. Мосто-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, №23. С.161, рис.1,2.
6. Семипалатинский краеведческий музей. № 1319/ 102.
7. Mantelius O. Lagrese preclassique. Stockholm. 1924.
8. Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. Тбилиси, 1950. С. 63.
9. Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. В кн. Казаки. Л. 1927. С. 209, рис. 25, 5.
10. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Указ. соч. С. 272, табл. IV, 21-27.
11. Кадырбаев М.К. Могильник Сангру II. //В кн.: Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. //Труды ИИЭА. Т. 12. Алма-Ата, 1961. С. 52, табл. II, 1.
12. Грязнов М.П. Указ. соч. С. 205, рис. 24, 1.
13. Граков Б.Н. Работы в районе проектируемых южноуральских гидростанций. //Известия ГАИМК. Л., 1935, вып. 110. С. 105.
14. Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. //Тр. ГИМ. Вып. XVI. 1948. С. 111, рис. 37, 1, 2, 4.
15. Воронец М. Э. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР. //Тр. ИИА АН УзССР. 1948. Т. 1. С. 66, рис. 1.
16. Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч. С. 109.
17. Комарова М. И. Томский могильник. //МИА. М., 1952. № 24. С. 31, рис. 17, 5.
18. Сальников К.В. Курганы на озере Алаколь. //МИА. № 24. С. 56, рис. 5, 3.
19. Уваров А. С. Могильники Северного Кавказа. Спб., 1900, вып. VIII, рис. 54.
20. Репников Н.И. Каменные ящики Байдарской долины. Известия археологической комиссии. 1909. Вып. 30.
21. Киселев С. В. Указ. соч. С. 111, табл. X, 6—12; Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. // МИА. 1956, № 48. С. 31, рис. 8, 1, 2; табл. VI. 10.
22. Киселев С.В. Указ. соч. Табл. X, 7; табл. XIII 1, 2; табл. XIV. 1, 2, 5, 10, 11; табл. XIX, 16-26, 28-30, 32.
23. Никитин В.П. Памятники древности Каркаралинского уезда. Записки РАО. Новая серия. Т. 8. вып. 1/2. Спб. 1896. С. 211-218.
24. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. // МИА. 1953, № 48. С. 27-28.
25. Там же. С. 31. рис. 8, 1, 2; с. 32, рис. 9, 2, 11, 1.
26. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А.М. Указ. соч. С. 237, табл. XIII, 2.
27. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. //МИА. М.-Л., 1960. № 88. С. 237, табл. XIII, 2.
28. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. С. 35, рис. 7, 6, 7.
29. Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение. С. 138, рис. 61.
30. Черников С. С. Указ. соч. С. 223, табл. XXVIII, 18; с. 224, табл. XXIX, II; с. 236, табл. XLI, 1, 12; с. 238, табл. XLIII, 3; с. 248, табл. LV, 1, 2, 4.
31. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. С. 41, рис. 9, 1. XXIX, 11; с. 236, табл. XLI. 1. 12; с. 238, табл. XLIII, 3; с. 248, табл. LV, 1, 2, 4.
32. Маргулан А.Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А.М. Указ.соч. С. 192.
33. Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. //Тр. ГИМ. XVII, 1948. С. 153.
34. Киселев С.В. Указ. соч. С. 57, 93.
35. Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949. С. 69.
36. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. С. 117.
37. Киселев С.В. Указ. соч. С. 63.

38. Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. С. 132.
39. Там же. С. 142, рис. 10.
40. Там же. С. 143, рис. 11.
41. Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч. С. 102.
42. Киселев С. В. Указ. соч. С. 83.
43. Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 5, 1958, табл. X, 4-7.
44. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. Рис. 15, 1, 2, 6; табл. V, 25.
45. Киселев С. В. Указ. соч. С. 102.

ЧАСТЬ II

БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

ГЛАВА I

ПАМЯТНИКИ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Из огромной массы разновременных памятников Центрального Казахстана особо выделяется обширная серия грандиозных комплексов – усыпальниц, характеризующих собой кульминационный этап развития бронзовой культуры в этой стране. До недавнего времени эти замечательные памятники науке были не известны. Они открыты и исследованы ЦКАЭ в течение последних 30 лет и вошли в науку как «памятники бегазы-дандыбаевской культуры». Это памятники завершающего этапа культуры бронзы Центрального Казахстана, синхронные памятникам карасукской культуры Южной Сибири и непосредственно предшествующие местной культуре раннесакского времени. Бегазы-дандыбаевская культура представляет собой завершающий этап последовательного развития культуры бронзы в Центральном Казахстане.

Однако по вопросу происхождения культуры предсакского времени среди ученых нет единого мнения. Такое положение объяснялось слабой источниковедческой базой и отсутствием фактических материалов о послепалеолитическом этапе культуры бронзы в Казахстане. Состояние вопросов порождало множество догадок и гипотез. Существовала точка зрения, что завершающего этапа культуры бронзы, подобного карасукской в Южной Сибири, в Казахстане не было, андроновская культура, господствовавшая в степи на протяжении многих веков, непосредственно перешла в культуру раннесакского времени¹.

Единственно известный к тому времени памятник Дандыбай, не похожий на памятники андроновского времени, был объявлен случайным, не характерным для Центрального Казахстана². Его

рассматривали как западную границу карасукской культуры или, как случайный вариант, возникший под ее влиянием.

Точку зрения об отсутствии между андроновской и раннесакской культурами на территории Казахстана переходного этапа отстаивал С.С.Черников. Классический памятник эпохи поздней бронзы Дандыбай он относил к последнему этапу андроновской культуры. Такой не дифференцированный подход к памятникам древности исключал понимание закономерностей развития и специфики культур древнего населения Казахстана во II — начале I тысячелетия до н. э.

При исследовании памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана становится очевидным, что каждое новое поколение, сохраняя некоторые традиции своих предков, отказывалось от изживших себя в культуре форм и создавало ее новые формы, соответствовавшие требованиям времени. Особенно заметно их появление в архитектуре, керамических и бронзовых предметах, составлявших в каждую эпоху особые типологические группы, не похожие на прежние. Новые признаки становятся точкой отсчета новых этапов культуры.

Нельзя признать справедливыми выводы С.С. Черникова, касающиеся хронологии и районирования некоторых памятников эпохи поздней бронзы. С.С. Черников относит происхождение керамики с налепным валиком к раннему андрону³. Наши выводы согласуются с точкой зрения М.П. Грязнова, что керамика с налепным валиком характерна только для эпохи поздней бронзы⁴. Справедливость этой точки зрения подтверждается большим материалом из поселений эпохи бронзы Центрального Казахстана (Суук-булак, Шортанды-булак, Тагибай-булак), где керамика с налепным валиком доминирует. В то же время этот тип керамики отсутствует в ранних комплексах нуринского этапа, соответствующих федоровским памятникам Южного Урала. Ошибочен вывод С.С. Черникова и о локальном характере «жемчужного» орнамента, по его мнению присущего лишь керамике Восточного Казахстана и Енисея⁵. Керамика с таким орнаментом обнаружена в Центральном Казахстане в поселениях

Шортанды-булак, Тагибай-булак, Каркаралы II и некрополях Айбас-Дарасы, Бегазы, Дандыбай.

Не соответствует действительности также тезис о том, что выгнуто-обушковые ножи западнее Иртыша не известны⁶. Ножи и кинжалы с обособленной рукояткой известны науке, как «казахстанский» тип бронзовых орудий со времен Дарто, Бахирева и других исследователей Каркаралинской степи⁷. Особенно много их обнаружено в советское время на древних рудных выработках Степняк, Аксу, Бестобе⁸, в поселениях Каркаралы I, II, Саргары, Алексеевском и т. д. О широком ареале распространения этих ножей — от Западного Алтая до Урала писали М.П. Грязнов и С.В. Киселев.

В связи с открытием большой серии памятников бегазы-дандыбаевского времени встает вопрос об их отношении к родственным культурам и, прежде всего, к карасукской культуре Южной Сибири.

О происхождении карасукской культуры в настоящее время существует четыре диаметрально противоположные точки зрения. Одни ученые утверждают, что она возникла под влиянием иньской культуры. Эта гипотеза сформулирована в трудах шведского ученого Б. Карлгрена⁹. Против гипотезы Б. Карлгрена выступил другой шведский ученый — Андерсон, много лет проводивший археологические раскопки в верхней долине р. Хуанхэ, в провинциях Ганьсу, Цинхай и Хэнань. На основе многолетних наблюдений Андерсон пришел к твердому убеждению, что ордосские бронзы происходят из Южной Сибири¹⁰. Он имел в виду историческую географию, по которой провинция Ганьсу с Ордосом не входила в состав древнего Китая, а составляла особый регион, населенный северо-западными скотоводческими племенами, больше связанными с Южной Сибирью. По сведениям из древнекитайских источников этот район был населен скотоводами «жунями».

С аргументированной критикой гипотезы Б. Карлгрена выступил американский ученый М. Лоер, отметивший независимое происхождение ордосских бронз, их отличие от иньской культуры, а также их сходство с южно-сибирскими и монгольскими. Причем

М.Лоер считает, что ордосские и южно-сибирские бронзы, вероятно, древнее шаньинских¹¹.

Английский ученый В. Ватсон склонен видеть в карасукской культуре автохтонное развитие, считая, что в ее основе лежит реалистическое искусство Южной Сибири, отличающееся от условного стиля эпохи Шань-Инь¹². Несомненно, он имел в виду андроновскую культуру.

Точку зрения о миграции карасукской культуры с Ближнего Востока и о ее влиянии на культуру древнего Китая развивает Л.С. Васильев.

Очень далека от истины точка зрения другой группы ученых, связывающей происхождение карасукской культуры с Западным Ираном, с культурой луристанской бронзы. Так, по мнению Н.Л. Членовой, карасукская культура продвигалась из Западного Ирана на восток. Сначала она появилась в Афганистане, затем в Синьцзяне, откуда проникла в Монголию, Ордос, Забайкалье и Минусинскую котловину. Развивая идею Пауэлла и некоторых других европейских ученых, Н.Л. Членова доводит луристанскую культуру до Центральной Европы и пытается проследить ее влияние на гальштатскую культуру. Таким образом, искусственно создается огромная от Центральной Европы до Тихого океана древняя империя с карасукским этническим субстратом¹³. Эта ошибочная точка зрения подверглась критике¹⁴.

По исследованиям Р. Гиришмана, Э. Порады, Э. Террас, Дейсона, П. Кальмейера и других, луристанская бронза возникла гораздо позднее, чем карасукская культура Южной Сибири¹⁵.

Р. Гиришман выделяет три этапа: ранний (Сналк «А») — XII-XI вв. до н. э., средний (Сналк «Б») — X-IX вв. до н. э. и поздний — VIII-VII вв. до н. э. Э. Порада относит луристанские бронзы к X-IX вв. до н. э. Дейсон и Э. Террас датируют весь комплекс IX-VIII вв. до н. э., а П. Кальмейер — VIII-VII вв. до н. э. Гиришман, проводивший многолетние археологические исследования в Иране, происхождение луристанской бронзы связывает с Азией. По его мнению, в III тысячелетии древняя крашеная керамика в поселениях Гиссара замещается сероглинной в результате

появления новой культуры, возникшей на основе миграции племен из Трансоксании. Во второй половине того же тысячелетия на Гиссарское плато пришли мобильные народы с севера и северо-востока; они наводнили и Сналк, о чем свидетельствует наличие в некрополе «А» исключительно черно-серой керамики¹⁶. Близкую мысль высказывает и Террас. Отметив значение коневодства в эпоху поздней бронзы, он устанавливает, что «в луристанской культуре встречаются следы древнейших коневодов — кочевников каспийского района, которые принесли с собой практику верховой езды из степей Азии»¹⁷.

Большая группа ученых исходит из принципа автохтонного развития карасукской культуры на основе местной андроновской традиции¹⁸. Для понимания карасукской проблемы принцип автохтонного развития, основанный на конкретных исторических фактах, наиболее правильный. Точку зрения о том, что карасукская культура в Минусинской котловине и Забайкалье развивалась на местной основе ранее высказывал Г.П. Сосновский¹⁹.

Происхождение карасукской культуры от андрона М. П. Грязнов аргументирует сходством форм хозяйств на всей территории распространения обеих культур, включая и Монголию²⁰.

Появление в карасукской культуре Южной Сибири некоторых новых элементов он считает результатом заимствования в процессе культурного взаимодействия с племенами степей Забайкалья и Монголии, т.е. в происхождении карасукской культуры помимо Минусинской котловины сыграли роль Монголия и Забайкалье. Г.П. Сосновский разделяет эту точку зрения и считает появление новых элементов результатом культурного обмена между племенами указанных областей.

С.В. Киселев, преувеличивая роль внешнего влияния на карасукскую культуру, в то же время указывает на местные истоки в развитии этой культуры. По его мнению, «мотивы геометрической орнаментации карасукской керамики явились результатом дальнейшего развития принципов украшения раннеандоновской керамики» и «карасукские орудия и оружие (бронзовые) не обнаруживают западных связей и имеют на запад от Саяно-

Алтая более чем ограниченное распространение. Зато на восток от Енисея мы видим по крайней мере три области — Забайкалье, МНР и Северный Китай (Ордос), где карасукские ножи, кинжалы и кельты встречаются весьма часто»²¹.

О положительной роли сибирской бронзы в развитии карасукской культуры говорят и зарубежные ученые²².

«Один экземпляр бронзового ножа с обособленной рукояткой был найден в Суйюане и имеет выдержанно «казахстанский» вид. Вполне возможно, — пишет С.В.Киселев, — что он попал туда каким-то южным центральноазиатским путем»²³.

Это скорее всего говорит о движении бронзовых орудий не с востока на запад, а наоборот, потому что крупные металлургические центры в то время находились в Центральном и Северо-Восточном Казахстане.

Исследователи неоднократно отмечали различие предметов карасукской культуры и западных областей того же времени, особенно керамики и бронзовых орудий. Подводя итог в полемике о влиянии карасукской культуры на культуру бронзы в Центральном Казахстане, М.П. Грязнов подчеркивает, что казахстанские «ножи и кинжалы с обособленными рукоятками существенно отличаются от ножей и кинжалов карасукского этапа минусинской бронзы»²⁴. С.В. Киселев пишет: «К юго-западу от Бийских «западнокарасукских» степей начинается область иной культуры, для которой характерны прочно удерживавшиеся традиции андроновской керамики и орудия, лишь отдельными особенностями напоминающие карасукские, в целом же вполне оригинальные (особенно это можно сказать о ножах, которые ничего общего с карасукскими не имеют)»²⁵.

Бегазы-дандыбаевская культура, сохраняя генетическую связь с предыдущими этапами, формируется на переходном этапе от андрона к поздней бронзе (XIII-XI вв. до н. э.). Памятники этого периода несут в себе некоторые черты уходящей андроновской эпохи, и вместе с тем в них отчетливо отмечается появление новых форм материальной культуры, неизвестных предшествующим эпохам.

Исключительную особенность памятников бегазы-дандыбаевского круга составляет каменная архитектура. По сравнению с карасукскими циклопические постройки бегазы-дандыбаевского времени демонстрируют достижения строительного дела и архитектуры, поражающие воображение и в наше время. При строительстве погребальных сооружений с двойными каменными стенами использовался метод кладки на глине и облицовки ее с наружной стороны огромными гранитными плитами, установленными на ребро. О достижениях строительной культуры бегазы-дандыбаевцев свидетельствуют остатки жилищ в поселениях Атасу, Бугулы I, II, Шортанды-булак, Аккезен, Суук-булак (Каркаралы III), Тагибай-булак и т. д., где стены были возведены из каменных глыб (Атасу, Бугулы I, II, Тагибай-булак) или толстых бревен (Шортанды-булак, Каркаралы I, II), скальные гробницы Бегазы, Бугулы III, Аксу-Аюлы II, Сангру I, III, Беласар, Айбас-Дарасы, аналоги которым в памятниках Южной Сибири не известны.

Бегазы-дандыбаевская керамика в значительной степени отличается от карасукской разнообразием форм и высоким качеством. В карасукской керамике нет таких изящных кубков на высоком коническом поддоне, чаш, кувшинов. Сосуды поздней бронзы тонкостенные, богато орнаментированные, нередко имеют черное или красное лакирование. Помимо традиционных андроновских геометрических узоров при художественной обработке керамических изделий бегазинцы применяли технику рельефной резьбы, тиснения, росписи в виде черных кружков или горошин (Бегазы, Кент), а также выразительные наклепные элементы в виде сосочков — «жемчужный» орнамент, которыми опоясывались плечики и боковины сосудов (Бегазы, Дандыбай, Айбас-Дарасы). Впоследствии эти элементы древнего искусства распространились в тагарской керамике Южной Сибири²⁶.

В карасукских памятниках не встречаются такие предметы искусства и бытового обихода, как резные костяные изделия, рельефные бронзовые бляхи, золотые накладки и бронзовые украшения, обнаруженные в памятниках бегазы-дандыбаевского времени.

В могильниках и поселениях Центрального Казахстана в значительном количестве найдены предметы вооружения. Установлено несколько типов бронзовых наконечников стрел, относящихся к трем хронологическим этапам. Их появление обусловлено высоким уровнем развития металлургии в этом регионе. Наиболее ранние из них относятся к середине II тысячелетия до н.э. или атасускому времени. Наконечники, обнаруженные в могильниках Айшрак, Ортау II, Бесоба, Балакулболды II, однотипны: двухперые, массивные, втульчатые и черешковые. Значительное число таких стрел было найдено в поселениях Шортанды-булак и Кневка на р. Нура, по культуре относящихся к переходному от средней к позднему этапу бронзы. К позднему типу относятся два бронзовых наконечника стрел, найденные в скальном мавзолее Бегазы 2. Один из них втульчатый, двухперый, с шипом, другой — трехлопастный, с длинным черешком. Такой же трехлопастный наконечник стрелы был найден в Алепауде на р. Нура²⁷.

К памятникам бегазинской культуры относятся древние рудники Жезказгана (Кресто, Петрохоям, Златоуст, Раймунд), Саяк, Алабуга, Урпек, Имантау, Кызылспе, Коунрад, Шакпак и т.д.; древние медеплавильные центры Жезказгана (Милькудук, Соркудук, Айнаколь), Саяк III, IV, Суук-булак, Тагибай-булак, Атасу, Шортанды-булак, Каркаралы I, II и т.д.; крупные поселения древних горняков и металлургов (Бугулы I, II, Атасу I, Шортанды-булак, Аккезен, Каркаралы I и II), остатки крупных гидротехнических сооружений в виде плотин, запруд и огражденных водных бассейнов площадью местами до 60—80 га, обширные некрополи и каменные усыпальницы племенных вождей (Бегазы, Бугулы II, III, Аксу-Аюлы, II, Сарыулен, Байбала, Кызылтас, Актас, Коргантас и др.), поминальные и культовые места в виде аллей менгиров, "бараньих" камней, изваяний медведя, лошади, верблюда и хищников (Бугулы, Карсай, Койшоқы, Сартабан, Канаттас, Аккойтас и т.д.). Они сказочно колоссальны, своими гигантскими силуэтами дополняют значительность долины Центрального Казахстана.

Материалы ЦКАЭ опровергают точку зрения некоторых ученых, что предскифская культура Центрального и Северо-Восточного Казахстана могла зародиться лишь в результате влияния карасукской культуры Енисея.

Следует отметить, что бегазинская культура не является явлением особой этнической культуры, появившейся самостоятельно. Она отпочковалась от культуры средней бронзы путем закономерного и последовательного перехода от простых форм к более совершенным. Переходный этап от средней к поздней бронзе отмечен появлением самобытных памятников на степном пространстве от р. Атасу до р. Иртыш. Исследование этих памятников свидетельствует о том, что если в этническом составе племен Центрального Казахстана не произошло каких-либо изменений, то в быту и культуре этих племен наблюдался существенный прогресс, связанный с развитием скотоводства и новых типов производства — горного дела и металлургии, что нашло отражение в архитектурно-строительном искусстве и ремесленном производстве.

На начальном этапе исследований комплекса Бегазы была допущена ошибка в его датировке VII—VI вв. до н.э.²⁸, обусловленная сравнением скальных мавзолеев Бегазы с плиточными оградами Забайкалья. Детальное исследование предметов материнской культуры и, в частности, бронзовых наконечников стрел из мавзолея Бегазы 2 позволило уточнить время появления мавзолеев Бегазы. По мнению М.П.Грязнова, бронзовые наконечники Бегазы относятся к формам, появившимся в предскифское время²⁹. Научно аргументированную датировку памятников Бегазы XIII—X вв. до н.э. дает С.В. Киселев³⁰.

В научной литературе встречаются попытки омолодить памятники Бегазы на 200—300 лет³¹. По этому поводу М.П.Грязнов писал: «Сопоставление бегазинских плиточных оград с плиточными могилами Забайкалья и Монголии является совершенным недоразумением. Те и другие представляют собой два принципиально различных типа могильных сооружений». Бегазинские скальные мавзолеи отличаются не только своей масштабностью и мощной конструкцией стен, но прежде всего

культурой, в которой немало архаических элементов, восходящих к андроновской традиции.

С бегазинскими скальными мавзолеями большое сходство имеют памятники Тогискена на Сырдарье.

Более ранние мавзолеи Тогискена 4, 5 и 7 построены из прямоугольного сырцового кирпича. Как в бегазинских мавзолеях 1 и 2, между внешней стеной и внутренней камерой находится обходной коридор шириной в два метра. Подобно бегазинским скальным мавзолеям нижняя часть стен мавзолея 6 в Тогискене образована вертикальным срезом материкового грунта в виде обширного котлована глубиной 1,3 м. У бегазинских мавзолеев — 1,2 м. Выше котлована, по его борту идет кирпичная кладка на сухом глиняном растворе. У бегазинских мавзолеев 1 и 2 такая же кладка только из длинных каменных блоков, соединенных между собой цементирующим раствором. У тогискенских мавзолеев такой же квадратный план, а также вход и коридор с восточной стороны. Между коридором и усыпальницей расположен проход с перегородкой из двух кирпичных стен. В тогискенских памятниках перекрытие также покоится на опорных столбах, если в Бегазы — это высокие каменные столбы, то в Тогискене — кирпичные колонны, чередующиеся с деревянными столбами. В обоих комплексах стены квадратных сооружений массивные: толщина их в Бегазы 2,5 м, а в Тогискене 3 м. Помимо предметов материальной культуры сходство с бегазинским имеет устройство жертвенного стола и алтаря. В скальном мавзолее Бегазы 1 алтарь в виде трех высоких менгиров расположен у западной стены усыпальницы. Между менгирами небольшие корытообразные углубления — земляные столы, на которых были расставлены жертвенные сосуды. Вокруг менгиров толстый слой золы и сильно прокаленный грунт — следы ритуальных кострищ. Подобное алтарное устройство с земляным столом, но без менгиров прослежено в мавзолее 7 Тогискена²². В мавзолее 6 у западной стены две ямы, а на полу — пятно со следами огня.

Строители тогискенских мавзолеев при сооружении южной бегазинских скальных гробниц делали плиты из глины, подобные гранитным плитам Бегазы, и формовали очень крупные кирпичные плиты, не характерные для Средней Азии (54x28x10 см и 60x50x25 см).

В Бегазы подземная часть стен выложена горизонтальной кладкой из продолговатых камней и облицована крупными гранитными плитами высотой 1,2 м. В мавзолеях Тогискена вместо гранитных плит слой камыша, стены же покрыты кошмами и коврами, прибитыми гвоздями. Впрочем, в бегазинских мавзолеях 1 и 2 на стенах местами сохранился толстый слой минеральной краски с органическими веществами.

Находки из ранних мавзолеев Тогискена аналогичны бегазинским. Та же чернолощенная керамика — миски, горшки, кувшины с шаровидным туловом, прямым венчиком и уплощенным дном. Среди них узкогорлые кувшины с волнистым горизонтальным рифлением, по характеру совпадающие с узкогорлыми кувшинами из Сангу 1 и поселения Шортанды-булак, костяные пластинки бегазинского типа с кружковым орнаментом и точкой в центре. Из металлических вещей в Тогискене найдена лишь бронзовая игла длиной 9 см. По форме и размерам она подобна бронзовым иглам из мавзолея Бегазы 5 и некрополя Бугулы III. Вполне вероятно, что эта игла была изготовлена в одном из поселений Центрального Казахстана и попала в Тогискен в результате торгового обмена или при перекочевке части племен из Центрального Казахстана на берега Сырдарьи.

Возникновение тогискенских мавзолеев в долине древнего Яксарта является свидетельством существования меридиональных кочевков племен между Сырдарьей и Центральным Казахстаном. Циркуляция получает особенно широкий размах в эпоху саков, гуннов, усуней, ханглы и поздних кочевников. Это подтверждается появлением однотипных памятников — курганов с «усами» и курганов с подобными погребениями (с деформированными черепами) в Центральном и Южном Казахстане (Джамбулская область).

Некрополь Бегазы

Среди памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана особенно значительны скальные мавзолеи Бегазы,

расположенные в живописных горах Бегазы и Кызыл-Арай на территории Актогайского района Карагандинской области. Эти мегалитические сооружения из огромных глыб гранита появились на высшем этапе бронзовой культуры. Они воздвигались для увековечения памяти племенных вождей, выдающихся воинов.

Науке этот памятник стал известен с 1947 года, со второго года работы ЦКАЭ, организованной по инициативе академика К.И. Сатпаева и автора этой работы. С тех пор комплекс Бегазы стал важнейшим объектом планомерного исследования.

Бегазинские монументы первоначально были названы нами «плиточными оградами» по аналогии с плиточными оградами Забайкалья¹⁹. Во избежание путаницы и с учетом материала, из которого они сделаны, мы называем их «скальными мавзолеями».

По своему характеру бегазинские скальные мавзолеи имеют некоторое сходство с памятниками переходного этапа Аксу-Аюлы II, Байбала II, Ортау II в композиции двойных, тройных квадратов, вписанных один в другой, в конструкции стен, выполненных горизонтальной кладкой и облицованных вертикальными плитами, вкопанными на ребро. Внешний облик скальных мавзолеев Бегазы I, II поражает своей грандиозностью. Эти циклопические сооружения символизируют собой начало эпохи монументальной каменной архитектуры в Центральном Казахстане (начало I тысячелетия до н. э.).

Некрополь находится на пойменной террасе правого берега р. Бегазы, в 18 км выше впадения р. Бегазы в р. Токраун, в 40 км ниже по течению р. Токраун от районного центра Актогай. Горы Кызыл-Арай и Бегазы составляют самую высокую точку Арало-Иртышского водораздела. Живописный горный массив, хвойные и лиственные леса, обилие воды – все это, безусловно, привлекало внимание древних жителей, выбравших долину рек Бегазы и Токраун местом своего постоянного пребывания. Богатые горные пастбища были благоприятным условием для хозяйственной и культурной деятельности скотоводов. Недалеко от некрополя Бегазы находятся многочисленные древние выработки (рудники), свидетельствующие о добыче руды и выплавке из нее меди, олова, позднее железа (Бесшоки, Карашоки, Кызыл-Арай). Несомненно,

что в этом районе в эпоху бронзы шла исключительно активная и напряженная жизнь. Вызывает сожаление то, что вся равнина вокруг комплекса перепахана и теперь не представляется возможным найти следы поселений.

Из окружающего равнину ландшафта примечательны гранитные скалы и утесы, где в древности для строительства гробниц брали камень. У подножия скал в результате выветривания горных пород ежегодно скапливается значительное количество песка из кварца, полевого шпата, пироксенов и других пород. Анализ керамических изделий показывает, что этот материал использовался бегазинцами для изготовления гончарных сосудов. Общая площадь, занимаемая бегазинским некрополем, составляет около 10 га (рис. 2).

В бегазинском комплексе шесть однотипных сооружений, из которых циклопическими размерами выделяются скальные мавзолеи 1 и 2 (рис. 3,4).

Скальные мавзолеи Бегазы, имея общее конструктивное сходство – входной коридор, верхнюю обходную галерею, опорные столбы, в то же время отличаются друг от друга величиной, особым устройством стен. Все мавзолеи имеют квадратный план и сторонами ориентированы по сторонам света. Вход в мавзолеи всегда обращен на восток. Их внутренние стены погружены в грунт на глубину 1,2–1,3 м и обложены крупными плитами гранита, вкопанными на ребро (мавзолей 2). Выше по борту котлована начинается наземная стена высотой кладки более одного метра, шириной до 2 м. Над этой стеной нависают концы наружных облицовочных плит высотой до 1,5 м, образуя стену обходной галереи или верхнего яруса квадратного здания.

Использованные для облицовки наружных стен глыбы гранита имеют форму прямоугольных плит, каждая весом до 3 тонн. Плиты установлены вертикально и вплотную пригнаны. Размеры плит от 2,5х0,8х0,18 м до 3,8х1,2х0,18 м. Для устойчивости стен облицовочные плиты вкопаны в землю на глубину не менее 0,8 м, что составляет одну треть их общей высоты. Они возвышаются над бортовой частью сооружения почти на 2,5–3 м. Высота сооружения от дна котлована до верхних краев плит не менее 4,0–4,5 м.

Перейдем к описанию памятников.

Мавзолей 1 находится в северной части некрополя, почти у самого подножия гранитного массива Бегазы, рядом со скальным мавзолеем 2. К сожалению, мавзолей неоднократно подвергался ограблению как в древности, так и в прошедшем столетии. При первом осмотре мавзолея в центре была обнаружена громадная грабительская яма глубиной 4 м. Появилась тревога, что мавзолей уничтожен. Но, к счастью, действительность превзошла наши ожидания. Раскопками были вскрыты величественный мавзолей из огромных глыб серого гранита с двойными мощными стенами и широкой обходной галереей. Общая площадь сооружения 128 м², площадь центральной части 92 м², входного коридора 36 м². По своим размерам и монументальности это самый крупный памятник, равного которому нет в культуре эпохи бронзы.

К характерным особенностям мавзолеев Бегазы 1 и 2 следует отнести сложность и циклопичность конструкций, величина использованных камней, присутствие таких строительных элементов, как опоры, контрфорсы, галерей и др.

В плане мавзолей представляет собой квадрат (рис. 5), своими сторонами ориентированный по сторонам света. Длина внешней стороны квадрата 9,6 м, внутренней – 6,0 м.

Сооружение состоит из подземной и наземной частей. Высота подземной части – 1,2 м. Стены внутреннего помещения образованы горизонтальной кладкой из гранитных плит прямоугольной формы. Плиты такой формы подходили для перевязки швов и для кладки на глиняном растворе. Выше по борту котлована проходит наземная кладка высотой 1,1 м. В результате общая высота кладки – 2,3 м, а ее толщина 2,0 м. Пустоты между облицовочными кладками заполнены щебнем и залиты глиной.

Поверх метровой кладки наружные стены обведены огромными глыбами серого гранита, вкопанными на ребро вплотную друг к другу (рис. 6). Вокруг внешних стен было 42 плиты одного типа и почти одного размера в форме прямоугольных панелей. На месте сохранились 20, свалены 10, у некоторых отбита верхняя часть, остальные плиты разрушены. Размеры наземной части плит варьируют в следующих пределах: 1,6x1,1x0,14 м – 2,5x1,15x0,14 м. Они вкопаны в землю на глубину до 1 м. Плиты внешних стен

поднимаются над стенами внутреннего помещения на 1,1 м, за счет чего общая высота стен увеличена до 3,5 м.

Сооружение имело перекрытие высотой не менее 1,5–2 м и высота сооружения при этом достигала почти 5 м, а, возможно, и больше. Для перекрытия были использованы длинные плиты, по размеру соответствовавшие пролету внутреннего помещения, разделенного рядами каменных столбов на две половины, по 3 м каждая. Деление внутреннего помещения на два пролета было продиктовано необходимостью сделать шестиметровый пролет доступным для перекрытия плитами трехметровой длины. Таким образом, перекрытие одним концом покоилось на пристенных опорах, другим – на внутренних столбах, расположенных рядами по продольной оси сооружения. Всего было найдено пять столбов, из них три стояли вдоль западной стены (рис. 8), два – по центру. В полной сохранности были три столба. От двух столбов, находившихся по центру здания, остались лишь основания, возвышавшиеся над полом на 0,5–1,2 м.

Своеобразие скального мавзолея 1 заключается в том, что наружные облицовочные плиты нависают над внутренней стеной, образуя обширное пространство в виде обходной галереи высотой 1,1 м, шириной 2,0 м, ее площадь 50 м². Это своего рода прообраз второго этажа. Галерея выполняла роль своеобразной полки для погребального инвентаря. Здесь стояло не менее 40–50 глиняных сосудов тонкой работы, обломки которых обнаружены в разных концах мавзолея и на разной глубине.

Одну из особенностей мавзолея 1 составляет также то, что его стены, как внешние, так и внутренние, поддерживает ряд подпорок из мощных блоков гранита, слегка обработанных в форме четырехгранных столбов. Подпорки поставлены на ребро вплотную к стене. На месте сохранились три подпорки по северной стене, две – по южной и две – по западной.

Вход, расположенный с восточной стороны, ведет прямо в помещение (рис. 9). Он сооружен из крупных, высоких плит, символизирующих значимость языческого храма-усыпальницы. Ко входу ведет обширный коридор длиной 9 м, шириной 4 м.

Коридор выложен не плитами, поставленными на ребро, как у малых сооружений Бегазы, а способом горизонтальной кладки из бутового камня. Высота кладки 50–80 см, местами до метра. Толщина кладки в восточном конце 40 см, у стен входа – 80 см. Таким образом, в направлении с востока на запад, т.е. по мере приближения к сооружению кладка стен коридора увеличивается как по высоте, так и по толщине. У небольших усыпальниц этого комплекса коридор (тамбур) из плит сделан в таком же порядке: толстые и высокие концы их обращены к стене сооружения, а тонкие и острые – на восток. По-видимому, это – древняя традиция, восходящая к формам входа первобытных жилищ.

Пол тамбура вымощен щебнем и хорошо утрамбован, имеет вид пандуса с покатыми краями и некоторым возвышением по продольной оси (рис. 10).

Алтарь в мавзолее 1 расположен у западной стены внутреннего помещения (рис. 11). Собственно, это земляной стол или полка, на которой стояли ритуальные предметы и жертвоприношения. Длина ее 3,5 м, ширина 1,5 м и высота 0,4 м. Здесь же три высоких менгира, поставленных в ряд между южной и северной стенами помещения, и вкопанными на ребро. Каменные менгиры были предметом культа. У древних людей камень был символом вечности, стойкости.

Алтарное устройство почти не тронуто грабителями. Грабительский лаз проходил с востока на запад, охватывая всю внутреннюю площадь сооружения. При этом сильно пострадал вход, значительная часть восточной стены, часть южной наружной стены, частично внутренние стены юго-восточного и северо-восточного углов. Остальные три стены сохранились хорошо со всеми деталями кладки и строительными приемами того времени. Кладовскатели, дойдя до края алтарного возвышения, приостановили грабительские раскопки, решив, что дальше стена. Благодаря этому на алтаре почти в полной сохранности найдены наконечник бронзового копья, обломки четырех раздавленных керамических сосудов и другие предметы (рис. 13).

Между менгирами на глубине 1,2 м лежали кости марала (череп, челюсть), архара и горного барана (зуб, альчики). Судя по инвентарю, покойный был охотником.

Между менгирами обнаружены следы обряда кремации и кальцинированные человеческие кости. При зачистке юго-западного угла, за пределами земляного стола обнаружены целые, не обожженные трубчатые кости человека. Это, несомненно, свидетельствует о совершении двух обрядов погребения: труположения и трупосожжения. Еще одна существенная деталь: на земляном столе, преимущественно вдоль его западной половины, между столбами, на глубине 1,2 м обнаружено черное пятно толщиной 2–3 см; длина его 2,8 м, ширина 1,2 м. Ясно, что это следы большого кострища, занимавшего всю площадь земляного стола. По-видимому, здесь происходил ритуал очищения покойника и его вещей священным огнем. Здесь же в камере была совершена и кремация тела покойного.

Из находок прежде всего обращает на себя внимание хорошо сохранившийся массивный наконечник копья. Копье имеет вытянутое перо листовидной формы с округлым в сечении стержнем и плоским валиком вдоль оси (рис. 13). Черешок в сечении четырехгранной формы изготовлен ковкой самостоятельно, в готовом виде вставлен в специальную расщелину в конце стержня, и они вместе скованы. Наконечник довольно крупный: длина 30 см (в том числе черешок 8,0 см), максимальная ширина пера 7,5 см. По форме и размерам бегазинский наконечник копья не имеет прямых аналогов. Некоторое сходство с ним имеет небольшой бронзовый ножичек листовидной формы, найденный в Алексеевском поселении²⁴. Более близок нашему копью бронзовый ножик листовидной формы с кованым черешком, найденный в Каховском районе Херсонской области²⁵. Некоторую аналогию с бегазинским имеют черешковые наконечники копий из Семипалатинских дюн²⁶.

Черешковые наконечники копий листовидной формы более характерны для Казахстана. Несколько в ином варианте они встречаются на Северном Кавказе, указывая на традиционную связь Северного Кавказа с Казахстаном²⁷.

Рядом с наконечником копья лежала каменная мотыга подпрямоугольной формы с вытянутым корпусом и заостренным

рабочим концом. Обух орудия сделан в четкой прямоугольной манере, посередине выемка для прикрепления к рукоятке. Такие каменные мотыги обнаружены в культуре бронзы Центрального и Восточного Казахстана, а также в Алексеевском и Садчиковском поселениях²⁸.

В эпоху бронзы каменные мотыги служили главным орудием при разработке рудных месторождений, рытье фундамента жилищ, колодцев и т. д.

Рядом с мотыгой находилось другое каменное орудие – рудодробильный молот округлой формы с уплощенным верхом и закругленной нижней частью. Длина молота 8,2 см, размер в сечении 6,9 см.

Вследствие разрушений, происшедших во время ограбления, выяснить обряд погребения и антропологический тип второго человека, погребенного в мавзолее, не удалось. Из инвентаря случайно уцелело всего 4 сосуда.

Сосуд 1 (рис. 14) изготовлен в форме кувшина, имеет шаровидное тулово, высокую шейку и уплощенное дно. Формован выдавливанием из кома глины с примесью песка из гранита, естественные насыпи которого находятся здесь же у подножия горы Бегазы. Обжиг сравнительно высокого качества.

Поверхность сосуда желтовато-оранжевого цвета, в изломе оранжевого цвета. Орнамент выполнен крупным гребенчатым штампом с ясно выраженными оттисками короткой линии с поперечными зубринами. Сюжет орнамента – три параллельных желобка, опоясывающих шейку сосуда, по плечку – ряды треугольных фигур, обращенных вершинами вниз и заштрихованных ромбической сеткой, по тулову – две параллельные цепочки ромбических сеток. Рисунком покрыта большая часть поверхности сосуда, исключая лишь венчик и его донную часть. Аналогов этому сосуду нет. Типы шаровидных сосудов с высокой шейкой иногда встречаются в карасукской керамике Южной Сибири. Форма кувшина весьма характерна для керамики бегазы-дандыбаевского времени.

Сосуд 2 (рис. 15) в форме изящной вазы с высоким горлом, шаровидным туловом и уплощенным дном. Изгиб шейки

гофрирован в виде чередующихся рельефных валиков и каннелюр. Сосуд вылеплен из хорошо отмученного теста с примесью мелкозернистого песка гранита и мельчайших включений кварца. Обжиг высокого качества. Внешняя поверхность оранжево-розовая, внутренняя – желто-серая местами с темными пятнами. В изломе цвет желто-оранжевый. Орнамент скупой, но выразительный в виде каннелюр и ломаных линий, соответствует эlegantной форме сосуда. Выразителен “жемчужный” орнамент в виде налпных буторков, опоясывающих боковину сосуда. Их четыре и размещены они строго симметрично по взаимопересекающимся линиям. Буторки по основанию обведены двумя концентрическими рядами точек, создающих впечатление нанизанных зерен. Плотность текстуры черепка говорит о том, что кувшин использовался, очевидно, под молоко или кумыс. Его емкость 3 литра.

“Жемчужный” орнамент широко распространен в керамике Центрального Казахстана. Он присутствует в керамике поселений Тагибай-булак, Каркаралы II, в могильниках Айбас-Дарасы, Дандыбай.

Орнамент в виде налпного сосочка переходит к раннескифскому времени и становится одним из мотивов орнаментации керамики этого времени. Самый близкий аналог описанному кувшину мы находим в тагарской керамике Южной Сибири. По словам Н.Л. Членовой, тагарцы многое заимствовали из культуры Бегазы Центрального Казахстана²⁹, что свидетельствует о преемственности культур бегазынского этапа и раннескифского времени.

Сосуд 3 (рис. 16) найден в раздавленном виде у основания южного менигира, в южном конце жертвенного стола. Он остался незамеченным грабителями благодаря тому, что находился в яме между крупными камнями. Сосуд в форме большой миски или кувшина со сравнительно короткой шейкой, прямым, слегка отогнутым наружу венчиком, шаровидным туловом, уплощенным дном. Это один из самых крупных сосудов, найденных в комплексе Бегазы, он формован способом выдавливания из кома хорошей глины с примесью мелкозернистого гранитного песка. Внешняя поверхность сосуда розовато-оранжевого цвета, внутренняя – желто-серого, цвет в изломе тоже желто-серый.

Сосуд отличается роскошным ковровым орнаментом, выполненным гребенчатым штампом крупными оттисками другого штампа с треугольными вдавлениями. За исключением венчика и донной части, вся поверхность сосуда покрыта узорами, в которых особую роль играет сочетание рисунка и гладкого фона. Основным сюжетом орнамента являются ленточные узоры в виде рядов косых оттисков короткого штампа, а также их взаимопересечений, создающих Х-образные фигуры. Комбинированные ленточные узоры в виде зигзагов и треугольников опоясывают шейку, плечико и тулово сосуда. В треугольные фигуры concentрически вписаны малые треугольники с кружками на вершинах. Поле больших треугольников заполнено гладким штампом, оставляющим волнистые линии, напоминающие силуэт парящего орла. Мотивы парящего орла встречены на обломках и другого сосуда, найденного в этой гробнице. Словом, это самобытное произведение искусства, не имеющее аналогов в керамике поздней бронзы. Некоторые мотивы орнамента (кружковые фигуры) можно найти в керамике Верхней Оби, памятники которой по культуре гораздо ближе к Бегазы-Даядыбаю, чем к Карасуку⁴⁰.

Описанный кувшин был предназначен, несомненно, для хранения молока или кумыса. Такие сосуды позднее встречаются в культуре ранних скифов.

Сосуд 4 (рис. 17) найден в основании южного алтарного менипра на жертвенном столе вместе с другими кувшинами. Сосуд емкий, толстостенный, вытянутый в форме хума, с плоским дном, венчик высокий и прямой. Изгиб шейки выражен четко. Выпуклое плечико с некоторым изгибом переходит ко дну. В тесте небольшая примесь гранитного песка. Снаружи сосуд желтовато-оранжевый, изнутри желто-серый. Цвет в изломе желто-серый. В верхней части скромное украшение из двух поясков: по шейке — легкий валик, обрамленный рядами мелких точек, вдоль плеча расположено восемь кружков. Они выполнены штампом, дающим круглые оттиски. Это один из крупных кухонных сосудов для хранения молока. Близкая ему по форме керамика обнаружена в поселении поздней бронзы Трушниково в Восточном Казахстане⁴¹, и в

Алексеевском поселении в Кустанайской области⁴². В карасукской керамике Южной Сибири таких сосудов нет. Сходная форма встречается в керамике ранних кочевников⁴³. Это один из фактов, свидетельствующих о том, что многие элементы культуры Бегазы перешли в культуру ранних скифов Южной Сибири.

Мавзолей 2. Впервые осмотрен в 1946 г., раскопан в 1948 г. с участием археолога Л.Р. Кызласова. В комплексе Бегазы — это второй по величине памятник. Расположен он в пяти метрах южнее мавзолея 1. По композиции подобен ему, наблюдаются некоторые отличия в конструкции стен внутреннего помещения и входного коридора (рис. 18).

Сооружение в плане квадратное, со двоянными (внешней и внутренней) мощными стенами, ориентированными по сторонам света. Размеры внешних стен 9,5x9,5 м, внутренних 5,5x5,5 м, площадь внешнего квадрата 90 м², внутреннего 30 м². Стены внутреннего помещения погружены в землю на глубину 1,2 м, вдоль стен ряды крупных плит, размеры которых варьируют в пределах 2,0x1,0x12 м—1,2x0,4x0,12 м. По конструкции внутреннего помещения мавзолей 2 более близок к малым скальным мавзолеям Бегазы. Выше котлована, по его бортовой части идет наземная кладка из бутового камня высотой 1,0 м, толщиной 1,8 м. Верхний ярус кладки, расположенный между верхними частями внешних плит и перекрытием внутреннего помещения, составляет как бы второй этаж, имеющий значение обходной галереи. Высота галереи 2 м, ширина около 2 м, площадь — 36 м². Общая высота стен помещения около четырех метров. С наружной стороны внешних стен стоят вертикально крупные плиты серого гранита, образуя вдоль стен каменные ряды. Плиты вкопаны в землю вплотную друг к другу (рис. 19).

Огромные каменные плиты, стоящие в ряд, создают атмосферу необычайной величественности сооружения.

Первоначально вокруг наружных стен стояли 40 плит одних размеров. Уцелели 20, в поваленном состоянии 8, остальные, по всей видимости, были сравнительно недавно увезены местными жителями для хозяйственных целей. Об этом можно судить по едва

выступающим из земли концам. Верхняя часть плит возвышается над уровнем стен на 1,6—2,0 м. Плиты имеют прямоугольную форму. Размеры плит, выступающих от уровня кладки, 2,2x1,2x0,13 м, 2,4x1,3x0,13 м. Около 1/3 их длины вкопано в землю (рис. 20).

Стены снаружи и изнутри подкреплены значительным числом мощных подпорок, имеющих форму хорошо отесанных четырехгранных блоков, установленных вертикально. Их размеры в поперечном сечении от 15x21 см до 24x24 см. Таких блоков внутри 10, снаружи 6. Блоками подпирались, главным образом, угловые и стеновые стыки облицовочных плит. На полу лежало много плоских плит гранита, которыми, по-видимому, был выстлан пол. Об этом можно судить по двум плоским плитам квадратной формы, лежавшим в первоначальном положении в северо-западном углу.

Внутреннее помещение имело перекрытие ступенчатой конструкции с постепенным сужением кладки кверху. В центре располагался один опорный столб с отбитой верхней частью. Ступенчатая конструкция по центру образует невысокий купол и общая высота мавзолея достигает 5 м.

Вход, обращенный на восток, как ворота в «вечное жилище», подчеркнут более высокими и хорошо обработанными плитами. К нему по центральной оси квадрата идет коридор длиной 7,0 м и шириной 3,5 м. По краям коридора были крупные плиты гранита, вкопанные на ребро. Здесь применен строительный прием, отмеченный нами в других памятниках, когда более широкие и высокие концы плит обращены в сторону мавзолея.

Одну из особенностей мавзолея 2 составляет «стайню» — небольшое помещение квадратной формы, расположенное снаружи большого, между юго-восточным углом и коридором. Оно сложено из крупных плит серого гранита, вкопанных на ребро. Его размеры 2,8x3,0 м, площадь 8 м². Следы погребения и предметы материальной культуры в нем не обнаружены. Это пристройка к основному склепу. Такие пристройки, предназначавшиеся для членов одной семьи, отмечены в Бутулы III, в Сангу I, а также в некрополе Тогискен на Сырдарье⁴⁴.

Раскопки произведены по квадратной сетке и охватывают всю площадь сооружения, которая до глубины 0,6 м от верха насыпи

была завалена грабительским мусором. С глубины 0,6 м по всей площади стали появляться крупные тонкие плиты, которыми был выложен пол. Здесь же лежали длинные плиты перекрытия. На глубине 0,5 м обнаружен вертикальный каменный столб, служивший одновременно опорой для перекрытия и местом жертвоприношения. Верхняя половина столба (менгира) отбита. Сохранившаяся высота 1,5 м, размеры в сечении 0,25x0,35 м. Столб стоял в самом центре сооружения, на расстоянии 1,6 м от восточной стены. Таких опорных столбов, расположенных в ряд по оси, должно было быть не менее трех, как в мавзолее I. Однако, возможно, они были разрушены грабителями.

При зачистке между плитами обнаружены, лежавшие в беспорядке, кости барана (всего 30), архара, в основном, астрагалы (9), кости конечностей лошади (8), зубы коровы.

На глубине одного метра обнаружены мелкие фрагменты разных сосудов — изящных тонкостенных и грубой толстостенной посуды кухонного типа. Наше внимание привлекла ручка сосуда подтреугольной формы с круглым отверстием, очевидно, для подвешивания над огнем. В северо-восточном углу на глубине 1,4 м найдены два фрагмента большого толстостенного котла с круглым дном, выпуклыми боками и горлом, вогнутым внутрь. Венчик и шейка сосуда не выражены. Другие фрагменты этого сосуда обнаружены на глубине 1,1 м. Описанная выше ручка от этого сосуда, т.к. текстура черепков в обоих случаях совершенно одинаковая. Сосуд грубой лепки, в тесте небольшая примесь гранитного песка. Техника обжига обычная для этой группы. Поверхность сосуда оранжевого цвета с темными пятнами, внутри желто-серого. Цвет в изломе красно-оранжевый. Орнамент в виде фестонов выполнен небрежно, располагается сверху вниз. Котлы и другие кухонные сосуды не отличаются тщательностью выполнения. Древние гончары свое мастерство максимально проявляли при изготовлении изящных сосудов, роскошных кувшинов, ваз, чаш, кубков.

Из предметов украшения найдены две поделки. Костяная гофрированная пуговица обнаружена на глубине 0,95 м (рис. 22, 8). Ее длина 3,5 см, в сечении 8 мм. Другая поделка — костяная

трубочка с хорошей полировкой обнаружена на глубине 1,05 м. Длина ее 2 см, диаметр в сечении 0,5 см (рис. 22, 5). Найдены два бронзовых наконечника стрел (рис. 22, 9, 10), один из них на глубине 1,05 метра у основания центрального опорного столба (ментира) трехперый, с длинным черешком (5,5 см). Второй, обнаруженный на глубине 1,9 м, листовидный, втульчатый с шипом. Его длина 6 см. Найденные в мавзолее Бегазы 2 наконечники представляют собой исходную форму наконечников стрел, которые получили широкое распространение в евразийской степи в раннескифское время.

В мавзолее 2 прослеживаются две формы обряда захоронения: трупоположение и трупоожжение. Человеческие кости (челюсть, лучевая кость, бедренная и тазовая) лежали в полном беспорядке в северо-восточной части камеры, поэтому определить погребальный обряд не удалось.

В центре на глубине одного метра обнаружено пятно гумусовой черной земли. Пятно овальное, длиной 1,5 м, шириной около 1,0 м. В нем обнаружено много дробленых костей животных и четыре фрагмента кухонной керамики. Судя по всему, здесь был земляной стол, подобный столу в мавзолее 1. Разница в том, что земляной стол в мавзолее 1 представлял собой алтарь у западной стены, а в мавзолее 2 — в центре помещения, по оси опорных столбов, на нем находились погребальный инвентарь и жертвенная пища.

Бронзовые наконечники стрел, незамеченные грабителями, находились здесь же. У основания северной стены прослежены остатки органического вещества в виде спекшейся густой массы. По-видимому, густая масса образовалась от войлочных ковров, висевших на стенах.

Мавзолей 3 исследован летом 1948 г. при участии Л. Р. Кызласова. Памятник расположен западнее скального мавзолея 2 (рис. 23). Это квадратное сооружение, сторонами ориентированное по сторонам света (рис. 24). У мавзолея двойные стены из крупных плит серого гранита, вкопанных на ребро. Высота плит 1,4–1,7 м, ширина — 0,4–1,08 м. Внешние плиты стоят с некоторым наклоном внутрь, их подпирают изнутри четырехгранные столбы. Стены внутреннего

помещения (камеры) опущены в грунт на глубину до одного метра и обложены крупными плитами гранита, поставленными на ребро. Стыки облицовочных плит подкреплены каменными подпорками четырехугольной формы. Полное пространство между внешней и внутренней стенами заполнено щебнем и залито глиной. Размеры внешней стены 6,0х6,0 м, внутренней 3,8х3,8 м. Толщина стен 2,2 м. С восточной стороны обозначен вход в мавзолей в виде тамбура длиной 2,5 м и шириной 1,5 м. Тамбур расположен в направлении с запада на восток, сделан из крупных плит, установленных на ребро. Для стен тамбура использованы плиты неодинаковой высоты и толщины. От входа к восточному концу высота и толщина плит постепенно уменьшаются. Раскопками установлено, что мавзолеем разграблен. После слоя гумуса на глубине 0,25 м стали появляться отдельные фрагменты черной толстостенной керамики — боковые части глиняных сосудов без орнамента. Керамика сделана из теста с примесью дресвы и шамота, поверхность серого цвета, в изломе черного. В центре, на глубине 0,6–0,8 м, а также у западной и северо-восточной стены обнаружены фрагменты костей и черепа взрослого человека. В юго-западном углу камеры, на глубине 0,8 м обнаружено скопление костей животных, в основном, астрагалы (асыки) барана и крупные алычки (сака) архара, а также кости лошади и коровы.

В центре площади на глубине 0,58–0,6 м обнаружены фрагменты тонкостенной керамики с красивым геометрическим орнаментом. Фрагменты керамики найдены также на глубине 0,8 м у северной, северо-восточной и юго-восточной стен камеры. В северо-восточной части камеры на глубине 0,58 м рядом с керамикой обнаружен кусочек древесного угля. Кусочки угля часто встречаются в памятниках Казахстана, особенно скифского времени.

У южной стены мавзолея, ближе к юго-восточному углу на глубине 0,55 м обнаружен хорошо отполированный круглый камень «яда таш» — осколок метеорита, по представлениям древних кочевников обладавший магическими свойствами.

В центре площади на глубине 0,60 м найден небольшой мусат — кайрак с отверстием для подвешивания к поясу. Здесь же лежали черная бусина яйцевидной формы, костяная пронизка

без орнамента с глянцевой поверхностью. Мусаты, подобные бегазинскому, найдены в Алексеевском поселении, а также в курганах Верхнего Иртыша, Алтая и Верхней Оби.

Все описанные вещи имели широкое распространение на территории Казахстана и Южной Сибири, особенно в период становления и формирования кочевого скотоводства⁴⁵.

В мавзолее 3 обнаруживались кусочки минералов — прозрачного горного хрусталя, малахита и угольки. В такой комбинации они нередко встречаются в памятниках Казахстана эпохи поздней бронзы и ранних кочевников⁴⁶. В находках из мавзолея 3 прослеживаются общие черты, характерные для культуры Бегазы и ранних кочевников.

Остановимся на характеристике керамических сосудов из мавзолея 3. Были обнаружены целые сосуды и черепки не менее чем от десяти сосудов, в том числе венчики, фрагменты боковин и донной части. Все они выполнены из глины с примесью дресвы, шамота и молотого гранита. Обжиг хороший, у большинства сосудов поверхность красновато-оранжевого цвета, в изломе желто-серая.

Сосуд 1 (рис. 25, 1) — небольшой тонкостенный кувшин с крупным дном и шаровидным туловом. Венчик прямой, сравнительно высокий. Изгиб шейки выражен слабо. По шейке легкий валик, отделяющий ее от тулова. Формован вручную методом выдавливания изнутри, в тесте примесь гранитного песка. Поверхность розово-оранжевого цвета, в изломе желто-оранжевого цвета, заметны следы лощения. Орнамент из острых углов вершинами вниз покрывает поверхность сосуда от шейки до дна.

Сосуд 2 (рис. 25, 3) по форме подобен первому, круглодонный, с прямым высоким венчиком и легким изгибом шейки. Формован из теста с примесью гранитного песка. Поверхность оранжевого цвета с темными пятнами и следами лощения. Цвет в изломе желто-серый. Орнамент выполнен гладким штампом в виде треугольников вершинами вниз. Шейка отмечена волнистой линией.

Сосуд 3 (рис. 25, 2) имеет те же черты, что и предыдущие сосуды: крупное дно, прямой венчик, слегка отогнутый наружу. Тесто рыхлое со значительной примесью мелкозернистого кварцевого

песка. Поверхность сосуда оранжевого цвета с темными пятнами и следами лощения. Цвет в изломе темно-оранжевый. Орнамент в виде рядов косых насечек и каннелюр заполняет верхнюю часть сосуда от венчика до уровня плечика. Аналогов сосуду нет ни в одном известном нам памятнике эпохи бронзы. Наблюдается некоторое сходство с керамикой из Кюргенне II на Енисее (Эрмитаж КЛГ 2-М14/2.)

По нашему мнению, описанные сосуды предназначались для питья кумыса или молока.

Мавзолей 4 исследован летом 1947 г. Расположен в центре комплекса, рядом с мавзолеем 3 и в нескольких метрах к юго-западу от мавзолея 2. По принципу организации наземного сооружения из скальных глыб подобен описанным выше мавзолеям Бегазы, отличается лишь небольшой величиной.

Гробница занимает небольшую площадку, в плане имеет форму квадрата. Ее двойные стены (рис. 27.) из плоских плит серого гранита, вкопанных на ребро. Внешняя стена состоит из 22 плит, плотно пригнанных друг к другу. Значительная часть их повреждена сверху. Размеры плит варьируют в пределах 0,8x0,4x0,14 м — 1,2x0,9x0,14 м.

Размеры внешней стены 6,0x6,0 м, внутренней — 3,8x3,8 м, площадь 14 м². Погребальная камера устроена в яме на глубине 1,2 м. Яма облицована плоскими плитами гранита, установленными вертикально. Для предотвращения оплывания борт ямы закреплен бутовыми камнями, ими заполнено также полое пространство между внешней и внутренней стенами (1,12 м). Стены, как внешние, так и внутренние укреплены каменными подпорками грубой обработки. Они имеют форму четырехгранных блоков с прямоугольным или кубическим очертанием в сечении. С восточной стороны усыпальницы находится вход в виде небольшого коридора или тамбура. Его длина 3,8 м, ширина 1,7 м.

При раскопках выяснилось, что мавзолей 4 разграблен. Раздробленные человеческие кости лежали в беспорядке по всей площади камеры и на разной глубине. Были найдены крупные фрагменты трех сосудов.

У юго-восточной стены камеры, на глубине 0,75 м обнаружен большой горшок, в котором находились бараньи кости: крестец,

шейные позвонки и предплечье, имевшие большое значение в жизни древних скотоводов Центральной Азии.

Сосуд 1 (рис. 26,2) с костями барана имеет форму большого кувшина с выпуклыми боками, плоским дном, венчиком, отогнутым наружу и короткой шейкой с выразительным изгибом. Техника лепки грубовата, сосуд формован из теста с примесью выветренного песка. На внутренних стенках видны отпечатки ткани, свидетельствующие о том, что сосуд был вылеплен с помощью формового мешка с песком. На наружной поверхности заметны следы сглаживания. Обжиг неравномерный. В верхней части сосуд украшен ногтевым рисунком в виде полумесяца, идущим тремя поясками: по краю венчика, шейке и боковине. По шейке этот рисунок идет наискосок в два ряда. Близкий аналог этому сосуду по трактовке орнамента — сосуд 10 из Дандыбая.

Сосуд 2 (рис. 25,4) сравнительно хорошей сохранности имеет форму чаши с прямым венчиком и выпуклым дном. Он формован из теста с примесью гранитного песка и мельчайшими вкраплениями кварца. Обжиг хороший. Эти данные говорят о том, что сосуд был предназначен для питья. Вся поверхность сосуда от венчика до дна покрыта рисунком, выполненным гребенчатым штампом, оригинальной композиции: сочетанием волнообразных линий и больших треугольников.

Сосуд 3 изготовлен из теста с примесью песка и толченого кварца (рис. 30, 1). Обжиг неполный, черный в изломе. Сосуд имеет форму миски с плоским дном, налипшим валиком и отогнутым наружу венчиком. Верхняя часть сосуда покрыта орнаментом из заштрихованных треугольников. Орнамент нанесен гладким штампом. По валику идут ряды другого орнамента, выполненного насечкой в виде знака X. Третье украшение — налипшой валик по верхнему краю венчика. Варианты сосуда обнаружены в памятниках Восточного Казахстана, при раскопках поселений Трушниково, Усть-Нарым и Малая Красноярка⁴⁷.

Фрагменты сосуда 4 обнаружены в северо-восточном углу камеры, на глубине 0,7 м. Это небольшой тонкостенный кувшин с прямым венчиком, круглым дном и шаровидным туловом. Изгиб шейки выражен хорошо, он плавно переходит к тулову. Сосуд

изготовлен из хорошего теста с примесью мелкозернистого песка, толченого гранита и кварца. На поверхности сохранились следы лощения. Верхнюю часть сосуда покрывает орнамент, нанесенный гребенчатым штампом в виде поясков заштрихованной ленты и насечек.

Мавзолей 5. Расположен в центре комплекса, в 16 м южнее мавзолея 4. Представляет собой гробницу средней величины, сложенную из плит гранита (рис.28).

Стены этого квадратного в плане сооружения погружены в котлован на глубину одного метра (рис.29). Выше котлована идет горизонтальная кладка из бутового камня на глине. Высота ее 0,5 м, толщина 1,15 м. Пустоты между камнями заполнены щебнем. Особой четкостью отличается кладка внешней стены из плит прямоугольного очертания.

Площадь гробницы по внутреннему обмеру 16 м² (4x4 м), по наружному 36 м² (6x6 м).

С восточной стороны мавзолея находится вход в виде тамбура длиной 2,8 м, шириной 1,5 м. Вход сделан из плит гранита, вкопанных в землю.

Облицовочные плиты снаружи кладки на месте не сохранились. Хорошо сохранились плиты внутренней облицовки, благодаря которым мавзолей не подвергся разрушению. Вдоль западной и восточной стен стоят по три крупных плиты, вдоль северной — четыре, южной — пять.

Прочность стен увеличивали многочисленные каменные подпорки в виде четырехгранных блоков, установленных вертикально вдоль всей внутренней стены и на стыках облицовочных плит. Размеры наиболее крупного блока 1,07x0,22x0,24 м. Такие же подпорки установлены по обеим сторонам перегородки из каменных плит, разделяющей помещение на две части. Проход из одной части в другую находится в западном конце перегородки. Площадь южной части 7,2 м² (4x1,8 м), северной 5,6 м² (4x1,4 м). Вдоль северной стороны перегородки расположена полка из плит гранита для керамических сосудов и других предметов. Она имела значение алтаря.

В южной части камеры на разной глубине были обнаружены фрагменты скелета человека, а в северной — предметы, принадлежавшие погребенному, и съестные припасы, по верованию древних людей необходимые в загробной жизни.

Кости нижних конечностей человека — голень и малая берцовая были обнаружены в юго-восточном углу на глубине 0,7 м. В северо-западном углу на глубине 0,45 м обнаружено скопление костей барана, в частности, обломки черепа, зубы, шейные позвонки, кости предплечья, астрагалы — набор костей, имевших в жизни древних скотоводов Казахстана, Южной Сибири и Монголии ритуальное значение. Весьма любопытна находка значительного количества верблюжьих костей (голень, ребро, бабки) в северо-восточном углу северного помещения на глубине 0,75 м. Рядом с костями верблюда были кости лошади (лопатка, предплечье, ребро). Это свидетельствует о том, что уже в бегазинское время в жертву приносили барана, верблюда и лошадь.

Центр мавзолея был завален крупными плитами гранита, из которых было сделано перекрытие сооружения. Размеры плит перекрытия южной половины мавзолея — 2,25x0,45x0,14 м, 1,9x0,24x0,10 м, северной половины — 1,9x0,38x0,18 м.

В мавзолее обнаружено немало интересных предметов, характеризующих культуру племен Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы.

В юго-западном углу камеры найдена костяная трубочка (игольник) с отбитым концом (рис. 22,3), украшенная резным орнаментом из восьми кружков с точкой посредине. Резьба сделана на всей поверхности. Диаметр резного кружка 8 мм, длина трубочки 4,3 см. Этот миниатюрный предмет является прототипом резных изделий из кости, получивших широкое распространение в последующие века в искусстве кочевых скотоводов Евразии. Здесь же обнаружена большая бронзовая игла превосходной сохранности с очень острым рабочим концом (рис. 22,2). Ее длина 16 см, длина ушка 12 мм, толщина в сечении 3 мм. Изобретение этого малого металлургического инструмента имело огромное значение в хозяйственном обиходе племен Центрального Казахстана эпохи бронзы. До этого люди пользовались каменными

и костяными иглами. Бегазинская игла — одна из первых среди игл, обнаруженных на территории Казахстана. Подобные иглы были найдены в Айшраке⁴⁶, Акмоле, Бугулы III, Боровом⁴⁹, на древнем руднике Самембет (сборы Г. Н. Щербы), в Садчиковском поселении⁵⁰, в Семипалатинских дюнах⁵¹, на Алтае⁵², в Верхней Оби⁵³, а также в районе Степного Поволжья Саратовской области.⁵⁴

Самая древняя медная игла была встречена в могильнике Акмола⁵⁵. В бегазинское время бытовали и железные иглы стандартных форм. Большая железная игла найдена на руднике Самембет Каркаралинского района Карагандинской области.

С точки зрения художественной обработки металла значительный интерес представляет редкий экземпляр булавки с навершием дисковидной формы и с отверстием на краю диска около стержня (рис. 22.1). Она обнаружена в яме у западной стены на глубине 0,78 м. Длина булавки 12 см, диаметр круглого навершия 3,3 см. Поверхность изделия покрыта красной краской из окиси железа (гематит), широко применявшейся в эпоху бронзы при изготовлении керамических и бронзовых изделий.

Аналоги бегазинской булавке мы находим в памятниках Северо-Восточного Кавказа⁵⁶. Форма бегазинской и северо-кавказской булавок тождественны, однако на Кавказе чаще встречаются булавки более мелких размеров⁵⁷. Большие булавки с дисковидным навершием, подобные бегазинской, не имеют глубоких корней на Кавказе. Они встречаются, в основном, в предгорьях Северо-Восточного Кавказа⁵⁸, куда могли попасть во время передвижения племен с востока на запад в скифское время.

У основания северо-восточной стены северной камеры на глубине 0,8 м обнаружена большая бронзовая бляха треугольной формы и керамические сосуды. Основная масса их находилась на каменной полке. Сосуды разбиты при падении плит перекрытия. На полке найдены фрагменты девяти сосудов, шесть из которых с орнаментом и три без орнамента. Обломки этих же сосудов обнаружены на полу, на глубине 0,75 м.

Сосуд 1 имеет форму тонкостенного кувшина с шаровидным туловом и плоским дном (рис. 30,2). Венчик высокий, прямой, слегка

отогнутый наружу, сливается с шейкой, отделенной от плечика валиком. Лепка из хорошо отмученного теста с вкраплениями мелкой дресвы. Обжиг хороший, цвет в изломе красный. Внешняя поверхность желто-оранжевая со следами лощения. На внутренней поверхности сохранились следы сглаживания. Профиль сосуда четкий. Его верхняя половина покрыта ковровым орнаментом, выполненным техникой тиснения и вдавливания. Основу сюжета составляет контурный орнамент из треугольных фестонов, опущенных вершинами вниз. В общей композиции обращает на себя внимание контраст рисунка и гладкого фона. Вершины треугольников и гладкий фон расцвечены "глазковым" орнаментом в виде кружков. Поле треугольных фестонов заполнено 15 рядами полукруглых вдавлений, из них самый длинный – в основании треугольников. Стороны фестонов обведены линией. По форме и орнаменту сосуд почти идентичен сосуду 2 из этого же мавзолея. Оба изделия, несомненно, изготовлены одним и тем же мастером.

Ближние аналоги сосуду встречаются в керамике Айбас-Дарасы и Верхней Оби⁵⁹, в карасукских памятниках Енисея (Кюргенне I, II)⁶⁰.

При сравнительном анализе керамики и других предметов материальной культуры из Центрального Казахстана с находками на Алтае и Верхней Оби отмечается их относительная близость по сравнению с предметами культуры из Минусинских степей⁶¹.

Сосуд 2 (рис. 30,1) найден на каменной полке для жертвенных сосудов. Это – кувшин шаровидной формы с уплощенным дном. Венчик высокий, прямой, слегка отогнутый наружу. Изгиб шейки достаточно выразительный, вокруг нее идет тонкий валик с треугольным очертанием в сечении. Сосуд формован из добротной глины с примесью природного песка гранита и кварца. Поверхность темно-серая, цвет в изломе серый. На свободной от орнамента поверхности хорошо видны следы лощения и полировки минеральным порошком. Орнамент на тулове сосуда выполнен в резной технике. В качестве штампа использовано тонкое птичье перо или тонкая трубчатая кость мелкого зверька, дающие круглые и полукруглые оттиски, напоминающие ногтевой орнамент. Сложная композиция рисунка состоит из треугольных

фестонов вершинами вниз и зигзагов из заштрихованных лент. Поле треугольных фигур заполнено полукруглыми вдавлениями. Этой же техникой заштрихованы ленты зигзагов. По углам треугольных фигур и зигзагов сделан глазковый орнамент диаметром 3-5 мм, выполненный штампом из тонкой трубчатой кости. В группе Айшрак был обнаружен штамп из тонкой трубчатой кости птицы или грызуна, один конец которой заострен, а другой закруглен, при вдавливании такой штамп оставляет круглые оттиски. Треугольные фестоны занимают шейку и плечики. По тулову идут три заштрихованных ленты. Нижнюю часть сосуда занимают прямые углы вершинами вверх, рассеченные посередине линией, в результате чего образуется два острых угла, концы которых также завершаются глазковым орнаментом.

Сосуд 3 с шаровидным туловом и уплощенным дном обнаружен раздавленным на жертвенной полке (рис. 30,4). Часть фрагментов находилась в основании стены жертвенной полки на глубине 0,75 м. У сосуда прямой, высокий венчик, шейка с валиком, выраженная не очень сильно. Формован способом выдавливания из глины с примесью кварцевого песка. Качество обжига выше среднего. Поверхность розовая, местами с сероватыми пятнами. Цвет в изломе серый, с желтовато-красными прослойками. Тулово покрыто рисунками из треугольных фигур вершинами вниз. Поле треугольников заполнено сплошными полукруглыми вдавлениями. Стороны треугольных фестонов обведены тонкой резной линией. На концах треугольных фигур кружки в виде горошин, покрашенных темно-бурой минеральной краской (пирит).

В этом же мавзолее найден фрагмент другого тонкостенного сосуда, его орнамент также состоит из кружков и лент. Однотипность сосудов и тщательность, с которой они выполнены, говорит о том, что все три сосуда сделаны одним мастером. Аналоги им встречаются только в памятниках эпохи поздней бронзы Айбас-Дарасы, Дандыбай и Сантру I. Использование минеральной краски для украшения сосудов в других памятниках эпохи бронзы не отмечено. Это составляет особенность описанного памятника.

Сосуд 4 в форме котла с выпуклым дном и вогнутым горлом (рис. 31,4). Его фрагмент был обнаружен в основании стены жертвенной

полки на глубине 0,75 м. О назначения сосуда для кухонных работ свидетельствуют форма сосуда, его сравнительно большой размер и некоторая небрежность в выполнении. Формован из глины с примесью дресвы. Поверхность желтовато-красная, местами с темными пятнами, цвет в изломе серый. На внутренней поверхности следы заглаживания травой. Венчик не имеет ясно выраженной формы, вогнутая горловина переходит в тулово. Орнамент ногтевыми отпечатками покрывает верхнюю часть сосуда от края устья до плечика.

Сосуд 5 стоял на жертвенной полке. Это небольшой горшок без орнамента с вогнутой горловиной, заостренным плечиком и плоским дном (рис. 31,3). Сосуд формован из глины с примесью шамота, обжиг неравномерный. Поверхность желтовато-красная. Следы заглаживания не замечены.

Сосуды с острыми плечиками более характерны для конца эпохи бронзы (IX—VIII вв. до н. э.) при переходе к раннесакской культуре. Сосуды этого типа обнаружены в комплексе Айдарлы, в плиточной ограде Бегазы 6, а также на поселении Тагибай-булак. Характерную особенность этих сосудов составляет отсутствие орнамента.

Мавзолей 6 расположен в юго-западном конце комплекса, в пойменной террасе р. Каратал (Бегазы-булак), в 150 м к северу от ее правого берега (рис. 32). По структуре сооружение идентично описанным памятникам Бегазы и относится к типу малых скальных мавзолеев (рис. 33).

Судя по керамике и расположению в стороне от основной группы, оно, вероятно, самое позднее. В плане это квадратное сооружение, ориентированное поперечными осями по сторонам света (рис. 34).

Каменные стены выступают над землей на 0,4–0,5 м, поэтому контур гробницы виден хорошо. Основание ее погружено в котлован на глубину 0,6–0,7 м. Стены котлована обложены рядами гранитных плит, вкопанных на ребро. Наружную стену образуют три вертикально стоящие гранитные плиты, их размеры 2,0x0,97x0,12 м, 1,8x0,5x0,2 м, 1,2x0,95x0,12 м. Плиты слегка подтесаны. Размеры сооружения по наружному обмеру 4x4 м, по внутреннему 2,2x2,2 м. Вход в виде прямоугольного тамбура

длиной 1,8 м и шириной 0,75 м. Пространство между стенами заполнено обломками камней толщиной в один метр. Раскопками выявлена обходная галерея, идущая вдоль стен. Скорее это не галерея, а здесь была древняя мощная стена толщиной в один метр. Следов наземной кладки, как в мавзолеях 1, 2, 5 не обнаружено. Изнутри и снаружи стен мавзолея 6, особенно в местах угловых стыков плит стоят каменные опоры, вкопанные в землю, причем более крупные с наружной стороны.

Гробница разграблена еще в древности. Центр камеры перекапывался не однажды, он завален каменным мусором. При расчистке центра следов материальной культуры не обнаружено. У западной стены погребальной камеры на разной глубине были найдены обломки черепа и размельченные тазовые и грубчатые кости человека. Фаланги пальцев ног обнаружены в северо-восточном углу площадки на глубине 0,35 м. Судя по ним, человек был погребен в скорченном положении, головой на запад. Большие гранитные плиты, служившие перекрытием гробницы, сдвинуты с места. В мавзолее найдены три целых и фрагменты двух сосудов.

Сосуд 1 (рис. 31,2) хорошей сохранности обнаружен у западной стены гробницы на глубине 0,3 м. У сосуда прямая короткая шейка, острое плечико, стенка плавно переходит в плоское дно. Формован из глины с примесью мелкозернистой дресвы. Обжиг высокого качества, цвет в изломе красный. Некоторая неравномерность обжига наблюдается только в нижней части сосуда, особенно на дне. На внутренней поверхности видны следы сглаживания. Сосуд без орнамента, гладкостенный. По форме сходен с гладкостенными сосудами скальных мавзолеев Бегазы 3, 4 и 5, а также комплекса Айдарлы на р. Атасу. При отсутствии орнамента красный цвет создает впечатление добротности сосуда. Сосуды подобного цвета без орнамента встречены в комплексах Бегазы, Айдарлы, Сангру, Бутулы II.

Сосуд 2 обнаружен в юго-западном углу камеры на глубине 0,35 м (рис. 31,1). Сделан способом выдавливания изнутри кома красной глины с примесью дресвы и незначительным включением кварцевого песка. Обжиг средний, в изломе два цвета: серый и красный. Внутренняя поверхность темно-серая, внешняя –

кирпично-красная, местами с темными пятнами. На внутренней поверхности сохранились следы сплаживания. Сосуд имеет форму гладкостенного горшка с плоским дном, ясно выраженной шейкой, слегка отогнутым наружу венчиком и выпуклыми боками. Наиболее характерные типы этой серии сосудов встречены в группах Айдарлы на р. Атасу и Бугулы II, относящихся к концу эпохи поздней бронзы.

Сосуд 3 обнаружен в том же юго-западном углу камеры на глубине 0,35 м, между двумя каменными опорами угловых стыков каменного ящика. Место служило своеобразным тайником, поэтому керамические сосуды сохранились хорошо. Сосуд изготовлен ручной лепкой из хорошо отмученного теста с небольшой примесью мелкой дресвы. Обжиг средний, цвет в изломе темный. Внутренняя поверхность темно-серая, внешняя — желтовато-коричневая.

Сосуд 4 имеет форму большого горшка с выпуклыми боками, плоским дном, прямым венчиком, слегка уплощенным сверху (рис. 30,3). Слабо выраженный изгиб шейки плавно переходит в тулово. Орнамент из ромбической цепочки, нанесенный оттиском крупного гребенчатого штампа, покрывает шейку и плечевую часть сосуда. Аналоги горшка встречены в группах Дандыбай, Бугулы II, Сангру I и Беласар.

Бегазинские скальные мавзолеи представляют собой совершенно особую группу памятников Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы. По целому ряду признаков они имеют много общего с памятниками переходного этапа Аксу-Аюлы II, Беласар, Ортау II, Бугулы III, Сангру I, Аккойтас, Кызыл-Арай. Это сходство наблюдается в организации планов и конструкции стен усыпальниц, выполненных горизонтальной кладкой из камня. Сохраняя генетическую связь с сооружениями предыдущего этапа эпохи бронзы, бегазинские памятники отличаются своеобразными архитектурно-конструктивными деталями, присущими только сооружениям эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана.

Общую черту всех бегазинских сооружений составляет то, что в них четко реализованы основные идеи строительной конструкции, прежде всего конструкции стен, возведенных

методом горизонтальной кладки из каменных плит с последующей облицовкой их громадными гранитными плитами и укреплением нижней части забутовкой, решение идеи шатрового перекрытия и др. Внутренние стены сооружений всегда опущены на значительную глубину и обложены крупными плитами гранита. Наземные стены облицованы огромными глыбами гранита (мавзолеи 1,2). Из других особенностей следует отметить вертикальные опорные столбы и вспомогательные подпорки в виде длинных, часто хорошо отесанных, четырехгранных каменных колонн, которыми были укреплены швы вертикально стоящих облицовочных плит. По своему устройству и назначению эти каменные опоры очень напоминают опорные деревянные столбы в каркасных жилищах бронзовой эпохи. Каменные подпорки к внешним и внутренним стенам повышали устойчивость облицовочных плит. Для сохранения устойчивости и прочности стен применялась еще простейшая форма контрфорса, выполненного способом горизонтальной кладки из камней.

Уровень тамбура в больших мавзолеях расположен выше уровня пола внутренней камеры. Высота плит или кладки стен тамбура по мере приближения ко входу в мавзолей повышается. Это одна из характерных черт всех скальных гробниц Бегазы. У входа в мавзолеи, как правило, установлены две наиболее крупные плиты.

Грандиозные размеры циклопических сооружений, подобных Бегазы, всегда привлекали внимание исследователей, интересующихся историей строительной техники. Огромный интерес представляют проблемы транспортировки и технические приемы при работе с огромными каменными глыбами. Так, геолог М.П. Русаков, изучавший ископаемые богатства Каракаралинского и Коунрадского районов, непременно посещал некрополь Бегазы, чтобы «полюбоваться исполинским видом этих древних сооружений и прикинуть мысленно, каким образом были транспортированы эти каменные громады при отсутствии сколько-нибудь технических средств». По нашему единодушному мнению камни были доставлены с гор Бегазы, их выходы находятся на расстоянии 300-500 м от некрополя.

Бегазинские постройки — продукт человеческой деятельности доклассового общества. Они возведены усилиями родового коллектива в условиях первобытно-общинной формы труда. Технические приемы, применявшиеся при передвижении и установке огромных каменных глыб, говорят о небывалом уровне строительного искусства. Можно с уверенностью говорить о том, что работы производились с помощью рычагов, катков и бревен, транспортировка огромных каменных глыб осуществлялась зимой.

Невозможно переоценить значение этих уникальных памятников для всеобщей истории, истории материальной культуры древнего периода и истории архитектуры.

Мавзолей Бугулы III

Бугулинские горы расположены на левом берегу р. Шерубай-Нура, в 80 км к югу от г. Караганды и в 60 км на северо-восток от Успенского рудника. Огромное скопление памятников свидетельствует о густой населенности в древности этих мест. Обилие горных пастбищ и источников воды, прекрасный ландшафт, наличие многочисленных рудников привлекали сюда людей с ранних эпох.

Рельефно выступает историко-топографический фон долины р. Шопа, окаймленной со всех сторон горами Бугулы, где сосредоточен крупный комплекс разновременных памятников. Среди них доминируют памятники эпохи поздней бронзы или бегазы-дандыбаевского времени⁶².

Памятник Бугулы III, исследованный в 1955-1956 гг. при участии М.К. Кадырбаева, представляет собой каменную усыпальницу, расположенную на плоском холме, восточнее поселения эпохи бронзы Бугулы I. Памятник находится в южном конце особой группы ям, значение которых не выяснено. Ямы вытянуты цепочкой с юго-востока на северо-запад (рис. 35).

Диаметр ям от 2 м до 25 м. Всего в группе 22 ямы, из них три имеют редкие каменные наброски. Раскопки одной из ям показали, что это культовое место, где совершался обряд поклонения огню. Следы обряда поклонения огню обнаружены при раскопках одной

из ям и в самой гробнице. Вполне вероятно, что эти ямы — остатки древнего алтаря, места жертвоприношений, где разводили костры, устраивали ритуальные танцы и разные представления.

До раскопок Бугулы III представлял собой огромный земляной курган, над которым в его западной стороне возвышались два огромных менира (рис. 36). Высота кургана была около 4 м, его диаметр 28 м. Раскопками под курганной насыпью выявлено сооружение, представляющее собой один из самых крупных мегалитов эпохи поздней бронзы.

Композиционная четкость сооружения и его огромные размеры дают основание заключить, что это усыпальница племенного вождя.

Гробница была разграблена еще в древности. Грабители проникли в нее со стороны перекрытия. Кости скелета человека, обломки керамики, кости барана и лошади обнаруживались на разной глубине. Однако при этом сохранность самого монумента удовлетворительная.

По своим размерам, планировке и характеру строительных конструкций у бугулинской каменной гробницы много общего с бегазинскими мавзолеями. По композиции это — квадрат (рис. 38) с размерами сторон 15х15 м, общая площадь сооружения — 225 м². В Бугулы III, как и в мавзолеях Бегазы I и 2, двойные стены, но с той лишь разницей, что площадь внешнего квадрата значительно больше площади внутреннего. Обширное пространство между стенами имело значение обходного коридора и служило местом жертвоприношений (рис. 39).

Внешняя стена Бугулы III возведена из каменных плит методом горизонтальной кладки на глиняном растворе. Толщина стены 1,5 м (рис. 40). Для кладки использовались плиты прямоугольной формы длиной 40-70 см, толщиной 18-22 см. Техника кладки аналогична той, которая применена при сооружении гробниц Аксу-Аюлы II, Ортау и Бегазы 2. При кладке стен древние строители для перевязки швов пустоты заполняли щебнем и глиняным раствором. В бугулинском сооружении девять рядов кладки, толщина камня в каждом ряду в среднем 20 см. Наружный и внутренний обмеры не

совпадают (1,8 и 2,1 м соответственно). Это, видимо, связано с тем, что кладка внутренней стены начиналась прямо со дна котлована, на глубине 0,3 м, тогда как наружная кладка поднималась с его борта.

Облицовки стен, как в бегазинских сооружениях, не было, хотя вдоль стены гробницы были прослежены ямы. В юго-западном углу стоят только две огромные плиты, вкопанные на ребро. Как показывают наблюдения, сплошная облицовка стен делалась в исключительных случаях. Чаще облицовывались отдельные участки стен, но обязательно угловые части сооружения. Облицовка угловых сопряжений диктовалась, прежде всего, заботой о сохранении наиболее подверженных разрушению участков.

Внутреннее сооружение (рис. 39) по своей композиции четкий квадрат со сторонами 4,1x4,1 м, общая площадь 17 м². Ориентировка внешней и внутренней стен оград строго по сторонам света. Внутреннее сооружение – усыпальница, представляющая собой большой каменный ящик или склеп, составлена из гранитных плит, поставленных на ребро. Плиты, образующие ее стены, хорошо обработаны, имеют одинаковую высоту, но различную ширину. Западная, восточная и южная стороны усыпальницы облицованы тремя крупными плитами, размеры которых варьируют в пределах 2,18x0,7x0,18 м – 2,20x1,5x0,18 м. В северной стене наблюдается сочетание кладки из каменных плит с вертикально поставленными плитами, у входа в усыпальницу стоят опорные столбы. От ее северо-восточного угла к северо-восточной стороне внешней стены идет коридор длиной 3,3 м, его средняя ширина 0,8 м, высота каменной кладки 1,72 м. В основании стен коридора плиты высотой 0,7 м, вкопанные на ребро. Выше идет горизонтальная кладка из “ложковых” с “тычками” рядов. Щели между плитами заполнены щебнем и глиной (рис. 40). Пол коридора выложен плоскими плитами, на нем разжигался костер и проходил обряд поклонения огню.

Вход в гробницу отмечен двумя установленными на ребро гранитными плитами прямоугольного очертания, длина которых составляла высоту входа (2,5x0,68x1,15 м). Над входом в гробницу мощная перемычка (рис. 42) из двухметровой гранитной плиты,

опирающаяся на столбы и боковые стены. Вход в гробницу закрыт крупной прямоугольной плитой размерами 1,7x1,15x0,16 м. Груз пирамидального перекрытия возложен на мощные боковые стены и опорные столбы из гранита, стоящие по центру сооружения. Размеры одного опорного столба 1,65x0,28x0,17 м.

Обходные коридоры составляют характерную часть сооружений бегазинского времени. В отличие от бегазинских, где они пристроены к внешней стене, коридор в мавзолее Бугулы III проходит между внешней и внутренней стенами.

Замечательно то, что в мавзолее Бугулы III сохранилось пирамидально-ступенчатое перекрытие. После полной зачистки площади сооружения стало ясно, что перекрытие внутренних стен мавзолея осуществлялось от углов к центру (рис. 43). Древние строители умело распределили огромный груз каменного перекрытия. Исходной позицией служили четыре огромные гранитные плиты, которые были положены над углами. Нагрузка этих плит, с одной стороны, ложилась на угловые опоры, с другой – на центральные опорные столбы из гранита, расположенные по диагонали между углами. Верхние плиты перекрытия по отношению к нижним образовывали уступ, становившийся все меньше по мере приближения к вершине. Самая верхняя плита была полукруглого очертания. Такая конструкция в конечном итоге имела форму усеченного конуса. Всего ступеней в перекрытии девять, по три нижних, средних и верхних. Эти ступени были составлены из 39 обработанных плит размерами 2,12x0,81x0,16 м; 1,96x0,92x0,17 м; 1,32x1,13x0,27 м; 1,19x0,87x0,16 м; 0,8x0,4x0,21 м. Все плиты перекрытия и боковые стены хорошо скреплены раствором из глины.

Если высота внутренних стен –1,8 м, то общая высота мавзолея вместе с коническим верхом –3,7 м. Здесь мы имеем дело с особой конструкцией, в основу которой была заложена идея «ложного» свода, разработанного в эпоху поздней бронзы в Центральном Казахстане.

Загадочной в бугулинском сооружении предстает каменная выкладка у юго-восточной стены коридора: длина ее 5 м, ширина

2,5 м. Подобная выкладка, огороженная плитами, есть и в бегазинском мавзолее 2. Такие выкладки, по-видимому, служили алтарем или почетным местом при совершении тризны и обряда поклонения огню.

Следы обряда поклонения огню и жертвоприношений видны всюду. В основании западной и северной стен коридора множество зольных пятен, местами толщиной 15–20 см. Главным же местом поклонения огню был вход в гробницу. Пол коридора был сплошь покрыт слоем золы толщиной 15–20 см и следами кострища в виде огромного скопления древесного угля. Самое большое кострище находилось непосредственно у входа в гробницу: толщина слоя пепла вместе с обломками керамики, костями барана, лошади и других животных достигала 25–30 см. На этом основании можно сделать вывод, что коридор со входом в усыпальницу служил основным местом обряда поклонения огню и жертвоприношений, которое в этом месте совершали близкие родственники покойника. Члены общины совершали этот ритуал на открытом дворе у стен мавзолея.

В гробнице обнаружены останки человека. Вдоль наружных стен расположены три каменных ящика с перекрытиями – это детские погребения. Один из них находится у северной стены на глубине 1,3 м. Ящик квадратной формы, размеры его сторон 0,8x0,8 м, высота 0,4 м (рис. 44). Два других ящика примерно такой же величины обнаружены у южной наружной стены. Ящики почти смыкались друг с другом. Обследование их показало, что они повреждены, никаких находок в них не было.

Квадратная форма всего сооружения, в том числе и детских ящиков, свидетельствует об изменении форм погребальных сооружений. Для памятников классического андрона характерны меньшие размеры погребальных сооружений, причем ящики всегда прямоугольной или трапециевидной форм.

Находок предметов материальной культуры очень мало: несколько фрагментов глиняных сосудов и обломки бронзовых игл (рис. 45). Удалось восстановить два глиняных сосуда (рис. 46).

Сосуд 1 с остатками жертвенной пищи был обнаружен у основания вертикальных плит, служивших боковыми опорами

входа в гробницу. Сосуд круглодонный с шаровидным туловом, по форме весьма сходен с казахской деревянной чашей, бытовавшей в средневековье. Венчик прямой, слегка отогнутый наружу. Шейку от тулова отделяет не очень выразительный валик, имеющий в сечении треугольную форму. Высота сосуда 11 см, диаметр венчика 12 см. Внешняя поверхность желтовато-коричневая с глянцевым блеском. В изломе цвет розовато-серый. Сосуд изготовлен способом выдавливания из кома хорошо отмученной глины с незначительной примесью толченого камня. Сосуд без орнамента, с желто-кремовым лошением. Его внутренняя поверхность сильно обожжена – следы ритуального огня. Такой тип посуды был широко распространен в бегазинское время в Центральном Казахстане и в памятниках Алтая этого же времени⁶¹.

Сосуд 2 обнаружен на нависающих концах больших плит, составляющих ступенчатое перекрытие. Под ним лежал астрагал (асык) барана. Сосуд в форме вазы с шаровидным туловом и уплощенным дном. Шейка высокая, прямая и очень выразительная с некоторой вогнутостью в профиле отделена от тулова тонкой каннелурой. Венчик чуть отогнут наружу. Внешняя поверхность равномерно черная со следами лошения, внутренняя — серая. Сосуд формован путем выдавливания из кома глины со значительной примесью кварцевого песка, поэтому выглядит довольно грубо.

Орнамент в виде широкой ленты зигзагов, опоясывающей плечики сосуда, выполнен гребенчатым штампом.

Венчик третьего сосуда обнаружен в зольном пятне вместе с остатками жертвенной пищи. Это обломок своеобразного сосуда грубой формы, редко встречаемой в культуре Бегазы. Венчик короткий, не прямой, шейка рельефная, ее от тулова отделяют три каннелюры.

Из металлических предметов в гробнице Бугулы III обнаружены одна большая бронзовая игла и обломок другой такой же иглы. Длина большой иглы 15,5 см, максимальная толщина 3,4, минимальная – 0,5 мм. Длина ушка – 1 см, диаметр сечения по середине – 3 мм. Игла имеет абсолютное сходство с иглой из мавзолея Бегазы 1. Длина обломка иглы – 8,5 см, толщина – 3,5 мм. Ушко овальной формы, его длина 8 мм, диаметр сечения 2,5 мм.

Обращает на себя внимание любопытный факт, со всей очевидностью свидетельствующий о бытовании межплеменных войн. В одном из позвонков человека торчало острое бронзовое оружие, которым он был поражен во время межплеменной схватки. Другой такой случай был встречен при исследовании памятников переходного этапа в комплексе Балакулболды.

Исследованием замечательного памятника эпохи поздней бронзы Бугуды III расширен и обогащен круг вопросов, связанных с изучением бегазинской культуры Центрального Казахстана.

Сангру I

Группа памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана Сангру I открыта в 1955 г. в верховьях р. Атасу, левого притока р. Сарысу, у подножия живописной горы Сангру, где проходил большой караванный путь из Акмолинска в Ташкент. Административная привязка комплекса – совхоз «Актау» Жанааркинського района Карагандинской области.

В долине р. Атасу расположены памятники трех этапов культуры бронзы: позднеандроновского — Еркебулак, Айшрак I, Косагал, Кара-Узек, Тельжанкузеу, Сангру II, Боксай и др., переходного этапа от андрона к Бегазы – Айшрак II, Миржык, Акшоки и бегазинского – Дарат, Сангру, Айдарлы, Сартабан, Койшоки II. Памятников начального этапа эпохи бронзы (раннего андрона), как на р. Нура, в Каркаралинской, Баянаульской степях и на р. Иртыше здесь почти нет. Единственный памятник, сохраняющий черты раннеандроновской культуры – Сангру II. Это говорит о более позднем распространении бронзовой культуры в долине р. Атасу, когда в связи с ростом населения и поголовья скота возникла необходимость освоения новых мест и расселения племен из долин рр. Нура, Ишим и Иртыш. В бегазы-дандыбаевское время расширение территорий доходит до северных пределов пустыни Бетпакадала. В самой Бетпакадале каких-либо крупных массивов культуры бронзы, подобных атасускому, нет. Незначительные следы ее в виде керамики и каменных орудий встречаются только на выработках возле колодцев. Южная граница бронзовой культуры

Центрального Казахстана проходит по линии Тайаткан, Шунак, Болаттау, Мыйкайнар, Мунглы и Кулы. Бегазинцы в поисках новых рудников и пастбищ дошли до урочища Жеты-Конур, где оставили следы своего недолговременного пребывания. Не исключено, что через Жеты-Конур часть бегазинцев ушла на Сырдарью, где находится обширный некрополь Тогискен, по конструкции являющийся копией мавзолея Бегазы.

В Сангру I насчитывается свыше 40 плиточных оград бегазинского времени. Они тянутся двумя цепочками с юга на север вдоль восточного подножия горы Сангру (рис. 47): более крупная из них имеет более раннее происхождение. Из уцелевших оград в 1955 г. исследовано семь, а в 1963 г. – восемь, остальные разрушены грабителями. Из усыпальниц Сангру I только вторая ограда оказалась нетронутой грабителями. В ряде оград обнаружен ценный материал.

Мавзолей I расположен в западной части малой цепочки у подножия холма и вместе с тремя другими оградками составляет обособленную часть комплекса. Несомненно, все четыре ограды являются погребениями членов одной семьи.

По размерам и устройству скальный мавзолей I подобен плиточным мавзолеям Бегазы, но отличается от них отсутствием входного коридора. В плане это почти квадратное сооружение с двойными мощными стенами, ориентированное сторонами по сторонам света (рис. 48). Размеры внешних стен 10x9 м, внутренних 4,36x4,4 м, площадь – 20 м². Толщина кладки стен – 2 м, высота 1 м. Внутренние стены вкопаны в грунт на глубину 0,3 м и обложены крупными плитами, вкопанными на ребро. Размеры облицовочных плит 2,75x1,2x0,16 м, 2,36x1,2x0,16 м, 2,2x1,2x0,18 м. Высота внутренних стен 1,2 м. За исключением восточной, у каждой стены по две крупных плиты (рис. 49).

Стыки облицовочных плит подкреплены подпорками из четырехгранных каменных блоков. С отметки 0,3 м идет кладка наземной части сооружения высотой около 0,9 м и толщиной 1,5 м. С внешней стороны кладки была облицовка каменными плитами. Почти все плиты наружной стены использованы местными

жителями в хозяйственных целях. Остались четыре плиты с отбитыми верхами на южной стороне, две — в северо-западном углу. Пространство между внешней и внутренней стенами составляет обходной коридор шириной 0,8 м, высотой около 1 м. Коридор служил местом жертвоприношения. Сооружение имело перекрытие из плоских прямоугольных плит гранита, выходы которого находятся недалеко, в горах Сангру. Остатки перекрытия сохранились лишь на углах. Их размеры 2,3x1,0x0,18 м, 2,2x1,8x0,18 м. Плиты ступенчатого перекрытия укладывались на квадрат основания от углов к центру с уменьшением периметра кверху. Результатом такого строительного приема была невысокая шатровая кровля, подобная Бугуды III.

При расчистке юго-западного конца сооружения на глубине 0,47 м от верха насыпи найдены обломки нижней челюсти собаки и трубчатой кости лошади. На глубине 0,58 м обнаружено большое скопление костей лошади, в том числе обломки конского черепа с зубами. Значительное скопление костей домашних и диких животных обнаружено у западной стены на глубине 0,50 м.

На разной глубине площади ограды обнаружены фрагменты человеческих костей и керамических сосудов. Основная масса керамики, в том числе целые сосуды черного и красного лощения, обнаружены в пределах обходного коридора на глубине 0,8 м. В северо-восточном углу ограды на глубине 1,2 метра обнаружен целый горшок красного лощения. Значительное количество керамических сосудов обнаружено в восточной половине обходного коридора. Сосуд без орнамента стоял в юго-восточном углу ограды, другой, раздавленный — в северо-восточном углу. Глубина ограды — 1,2 м.

В одной ограде обнаружены сосуды и с плоским и круглым дном. Из трех сосудов, покрытых ковровым узором на двух сосудах (1 и 2) орнамент выполнен не традиционным шаблоном, а резным штампом, дающим контур фигуры, что совершенно не характерно для андроновской и карасукской керамики. Здесь ясно виден отход от традиционного геометрического орнамента и появление нового фигурно-штрихового.

Сосуд 1 (рис.50) имеет форму миски с шаровидным туловом и уплощенным дном. Венчик не прямой, заметно выступает наружу, по шейке рельефный валик с треугольным профилем в сечении (рис. 50). Сосуд формован выдавливанием из превосходной эластичной глины с примесью мельчайших пылинок гранитного песка, взятого в окрестностях горы Сангру. Обжиг высокого качества. Поверхность сосуда желто-оранжевого цвета, в изломе оранжево-серого. После обжига еще не остывший сосуд был погружен в молоко, отчего его поверхность приобрела матово-глянцевый блеск. На дне сосуда прослеживаются остатки казенна.

Орнамент выполнен в сложной композиции с применением резной техники. Ковровый узор покрывает всю поверхность сосуда от шейки до нижней части тулова. Свообразен штриховой фон в виде густой ромбической сетки, выполненной мелкими оттисками гладкого штампа. На этом фоне цепочками по диагонали расположены четырехлопастные розетки и каждая лопасть заканчивается "глазчатым" кружком. Аналоги не известны.

Сосуд 2 (рис.51) в форме кувшина с высоким цилиндрическим горлом и выпуклым туловом найден у северо-восточного угла на глубине одного метра. Дно в виде небольшого диска диаметром 6 см. Сосуд чернолощенный, формован из превосходного теста с примесью мельчайшего песка. Обжиг хорошего качества. Поверхность сосуда желто-оранжевого цвета, в изломе темно-серого. На поверхности хорошо видны лоснящиеся следы молочного казенна.

Орнамент, выполненный резной техникой, занимает шейку и тулово. Шейку опоясывают три узорные ленты, заштрихованные крупным гребенчатым штампом и обрамленные горизонтальными линиями с поперечными зарубками. Тулово украшено цепочкой ромбических фестонов. Стороны ромбов состоят из четырех рядов штриховых линий, нанесенных оттисками гребенчатого штампа с поперечными зарубками; в углах ромбов кружки. Рисунки сосудов 1 и 2 выразительны, сделаны с большим мастерством, что отличает их от керамики с ромбическими фестонами Карасука, Замараево⁶⁴.

В памятниках Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы сосуды с высоким цилиндрическим горлом и шаровидным туловом встречаются часто, особенно много их обнаружено в поселениях Шортанды-булак и Тагибай-булак, что говорит в пользу местных истоков этой формы. Такие сосуды встречаются также в памятниках раннескифского времени⁶⁵.

Сосуд 3 краснолощенный обнаружен в северо-восточном углу ограды на глубине 1,2 м (рис. 52). Имеет форму кубка с шаровидным туловом и прямым, слегка отогнутым наружу венчиком. Дно круглое, уплощенное, в виде небольшого диска диаметром 5 см. Формован из эластичной глины с небольшой примесью мелких частиц гранитного песка. Внешняя поверхность темно-красного цвета, внутренняя оранжевого, цвет в изломе желто-оранжевый. После обжига сосуд держали в молоке, отчего его текстура приобрела плотность. На внутренних стенах сохранились следы казеина. Исключая горловину, весь сосуд по спирали покрыт ямками, нанесенными концом круглой палочки. Сосуды с ямочным орнаментом встречаются в памятниках поздней бронзы Дандыбае, Былкылдаке, Бугулы II, Бегазы 5⁶⁶, а также в памятниках Алтая и Южной Сибири более позднего времени⁶⁷. В Карасуке сосуды с ямочным орнаментом не встречаются.

Сосуд 4 без орнамента (рис. 53,2) найден в юго-восточном углу на глубине 1,2 м. Имеет форму плоскодонной миски с оригинальным прямым налетным горлом и сферическим туловом. Шейка не выражена. В тесте примесь гранитного песка. Поверхность розоватая, цвет в изломе желто-оранжевый. Вокруг шейки идет поясок каннелюры.

Сосуд 5 в форме чаши найден у западной стены ограды на глубине 98 см (рис. 54, 1). Крутлодонный с шаровидным туловом, прямым венчиком, слегка отогнутым наружу. Формован способом выдавливания из куска глины. Обжиг сравнительно хороший, цвет в изломе желто-оранжевый. На поверхности следы лощения. Орнамент в виде трех заштрихованных лент, нанесенных гребенчатым штампом, опоясывает шейку.

Ограда 2 расположена в центре комплекса Сангру I, в плане представляет собой небольшой квадрат с двойными

концентрическими стенами (рис. 55). Стены сложены из крупных плит розового гранита, установленных на ребро. Стороны ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением на юго-восток-северо-восток. Размеры внешней стены 3,5x3,2 м, внутренней – 2,3x1,5 м. Пространство между внешней и внутренней стенами представляет обходной коридор шириной 0,7, высотой 0,4 м. Большой каменный ящик, образованный внутренними стенами, находится на глубине 0,3 м. Он перекрыт плитами гранита, уложенными на квадрат основания от угла к центру. Под плитами перекрытия на глубине 0,4 м обнаружены трубчатые кости барана от жертвенной пищи. Они лежали у северной стены, ближе к ее северо-западному углу. На глубине 0,75 м по центру ящика обнаружен скелет человека, погребенного в скорченном положении ничком, головой на запад. Подобный обряд был обнаружен И.В.Синицыным в памятниках Нижней Волги⁶⁸.

В юго-западном углу ящика, против затылка человека обнаружен большой сосуд в форме горшка (рис. 56,2). В сосуде были остатки жертвенной пищи в виде мелких костей барана. Груда крупных костей барана лежала возле горшка.

Сосуд сферической формы с плоским дном и прямым венчиком, отогнутым наружу. Формован способом выдавливания из кома глины. По текстуре глина довольно тощая, с большой примесью песка гранита и кварца. Внешняя поверхность оранжевого цвета, местами с темными пятнами, внутренняя – желто-оранжевая. Цвет в изломе пепельно-черный. Орнамент из трех поясков занимает верхнюю часть сосуда. Вокруг шейки – рельефный валик с косыми насечками, характерный для керамики поздней бронзы Казахстана. Ниже валика – цепочки X-образной тамги, нанесенные лопаточкой или гладким штампом.

Сосуд более типичен для керамики переходного периода от андрона к бегазинскому времени. Наряду с новыми элементами он сохраняет некоторые традиционные черты позднеандроновской керамики, характерные для атасуского этапа в Центральном Казахстане. Яркие образцы подобной керамики обнаружены в Атасуском поселении, в Сангру III и Жанайдаре (Улытауского

района)⁶⁶, Бегазы⁶⁹, в поселениях поздней бронзы Центрального Казахстана⁷¹ (Улытау, Бугулы, Шортанды-булак, Каркаралы), а также Северного и Восточного Казахстана (М.Красноярка, Усть-Нарым, Трушниково). Такой орнамент встречается в керамике ранних кочевников Алтая и Верхней Оби⁷² и на тагарских бронзовых зеркалах⁷³. Эти находки свидетельствуют о существовании преемственной связи между культурами раннескифского времени Казахстана и Южной Сибири и культурой бегазы-дандыбаевского времени.

Одна из интересных находок из ограда 2 – массивное бронзовое зеркало (рис. 57, 2). Оно лежало против темени человека. Зеркало четырехугольной формы, размерами 12x12 см, толщиной в среднем 3 мм. Одна из сторон зеркала гладкая, со следами полировки, другая неровная с припаянной полукруглой петелькой. Размер петельки 6x16 мм. Рядом с зеркалом лежало бронзовое шило с ручкой из трубчатой кости барана (рис. 57,1). Рабочий конец шила имеет круглое сечение, другой конец – четырехугольную форму. Его длина 12 см, толщина четырехгранного сечения 4 мм.

Тип бронзового зеркала квадратной формы с петелькой широко распространен на всей территории Казахстана, Южной и Западной Сибири. Прототип этого зеркала восходит к эпохе ранней бронзы Центрального Казахстана и Южной Сибири. Наиболее древнее бронзовое зеркало, относящееся к раннему андрону, найдено в могильнике Бугулы I. Сангрусское зеркало вместе с другими предметами материальной культуры этой группы датируется концом второго тысячелетия до н. э. Зеркала с петелькой найдены в карасукских памятниках Минусинской степи — Удусе, Федоровке, Асказе, Тесе, Быстром, Тукае⁷⁴. Самые древние зеркала с петелькой найдены М.П. Грязновым в памятниках Северного Алтая⁷⁵.

Близкий аналог сангрусскому зеркалу обнаружен у села Садовое в Киргизии⁷⁶. Авторы статьи, по нашему мнению, дают неверную датировку. Оно должно датироваться концом второго или началом первого тысячелетия до н. э. Четырехугольное бронзовое зеркало с петелькой, тождественное сангрусскому, обнаружено в памятниках поздней бронзы в районе курорта Боровое Кокчетавской области⁷⁷.

Бронзовые зеркала были широко распространены в раннескифское время. Их образцы обнаружены на Алтае, в верховьях Иртыша⁷⁸, в Семипалатинском и Павлодарском Прииртышье⁷⁹, в Баянаульской, Кокчетавской и Ишимской степях⁸⁰. Преемственная связь между бегазинской культурой и культурой ранних кочевников прослеживается как в керамике, так и в металлических предметах.

Ограда 3, расположенная также в центре большой цепочки, представляет собой двоянный квадрат. Двойные стены ограды сложены из плит гранита, вкопанных на ребро. Стороны ограды ориентированы по сторонам света. Размеры внешней стены ограды 3,9x3,9 м, внутренней 2,0x1,5 м. На глубине 0,5 м находится каменный ящик прямоугольной формы, образованный внутренними стенами. Между внешней и внутренней стенами находится обходной коридор шириной в 1,0 м (ширина западной части коридора 0,75 м), высотой 0,60 м. Край внешней стены возвышался над уровнем земли на 0,4 м. Вертикальные плиты вкопаны в землю на глубину 0,6-0,7 м. Общая высота внутренней стены склепа – 1,2 м.

Ограда разграблена. В восточной половине коридора прослежены остатки жертвенной пищи в виде костей барана. В юго-восточном углу обнаружены хорошо сохранившиеся кости конечностей человека, согнутые в коленях. В разных местах ящика и на разной глубине найдены фрагменты четырех глиняных сосудов.

Сосуд 1 без орнамента (рис. 59) найден в юго-западном углу большого ящика рядом с костями барана. Сосуд сделан из хорошего теста с небольшой примесью песка. Присутствие на поверхности следов казенина свидетельствует о том, что тесто было либо замешано на молоке, либо сосуд после обжига еще горячим опускали в молоко. Обжиг хороший. Цвет обеих поверхностей желто-оранжевый, в изломе желто-серый. Внешняя поверхность сосуда напоминают фактуру тонкой терракотовой плитки.

Сосуд 2 найден в юго-восточном углу на глубине 78 см от верхнего края ящика (рис. 56, 1). Он имеет форму небольшой миски с уплощенным дном, сферическим туловом и высокой

шейкой. Формован выдавливанием из кома эластичной глины с незначительной примесью мельчайших частиц просеянного песка. Обжиг хороший. Поверхность сосуда снаружи и изнутри желто-оранжевого цвета, цвет в изломе такой же. Текстура черепка плотная. Внешняя поверхность имеет матовый блеск. Внутри сосуда сохранились следы казенна. Орнамент в верхней части сосуда – равнобедренные треугольники, расположенные основаниями вниз, по тулову – цепочка меандров. Треугольники и меандры заштрихованы мелким зубчатым чеканом. Между заштрихованными треугольниками изображены знаки, напоминающие древнюю клинопись или крестообразные тамги. Расшифровать их пока не представляется возможным. Похожие знаки были на глиняном сосуде, найденном при раскопках поселения в Западном Казахстане³¹. Тамгообразные знаки были обнаружены также на конических поддонах глиняных кубков Дандыбая.

Ограды 4 и 5 – самые небольшие в комплексе Сангру I. Это смежные детские погребения, построенные рядом с большой оградой 8 и заключенные в общую внешнюю ограду (рис. 58).

Размеры четвертой ограды 2,12x1,16 м, каменного ящика 0,90x0,58 м; размеры пятой ограды 2,0x1,0 м, ящика 0,75x0,55 м. Ограды ориентированы продольными осями в широтном направлении. Общая внешняя ограда сильно разрушена, на месте уцелела только часть плит с западной и восточной сторон. Ограды сооружены по принципу плиточных оград Бегазы: из плоских плит гранита, вкопанных на ребро. Вместе с тем здесь еще сохраняется традиция андроновских прямоугольных оград с каменным ящиком в центре. Обе ограды давно разграблены. Детский костяк был разбросан.

В восточной части ящика у самой стены на глубине 0,4 м обнаружена массивная бронзовая накладка четырехлепестковой формы (рис. 60,2). Пластика хорошей сохранности, отбит лишь край одного лепестка. Лепестки располагаются по сторонам плоского центра строго симметрично, осями перпендикулярно друг к другу. Контур лепестков выразителен, их хорды разработаны по форме шарового сегмента с зачатками завитков. Бортник пластики

обрамлен двумя линиями, напоминающими бордюр. Поверхность пластики имеет глянцевый вид, размеры ее по пересекающимся осям 9x9 см, радиус основания сегментовидного конца – 2,8 см.

В соседнем ящике обнаружен короткий бронзовый гвоздик (8 мм) с выпуклым круглым колпачком, попал он сюда случайно вместе с грабительским мусором. Бронзовая литая накладка имеет пять отверстий: четыре – на лепестках и одно – по центру. Следовательно, должно быть пять гвоздей, но уцелел только один. Он имеет острый конец без всяких следов расклепки. Это дает основание заключить, что четырехлепестковая накладка была прикреплена к деревянной основе колчана или седла. Химическому анализу пластики не подвергалась. Видимо, она сделана из сплава меди и благородных металлов, отсюда ее прекрасная сохранность. На пластинке нет следов медной окиси. Гвоздик отлит из того же сплава, что и накладка.

Ограда 6 по плану – двойной квадрат. Стены ее из плит гранита, вертикально вкопанных в землю. От внешней стены сохранились плиты лишь западной и восточной сторон, другие разобраны местными жителями для хозяйственных целей. Внутри ограды большой каменный ящик (1,2x1,2 м), у него отсутствует северная стена. Погребение разграблено. Сохранились лишь мелкие обломки керамики без орнамента.

Скальный мавзолей 7 исследован в 1963 г. Памятник расположен северо-восточнее большой цепочки могильника Сангру I. Крупные размеры сооружения и его обособленное расположение говорят о том, что это усыпальница племенного вождя.

До раскопок это был курган с каменной насыпью, у основания которого была прямоугольная ограда из вертикальных плит гранита. Под насыпью вскрыты каменные стены древнего сооружения, сложенного из крупных плит гранита. Выяснилось, что это самое крупное сооружение в комплексе Сангру I, по структуре близкое к плиточным мавзолеям Бегазы, с той лишь разницей, что здесь нет входного тамбура. Мавзолей имеет три мощные стены, вписанные одна в другую, в центре которых находится большой каменный склеп-усыпальница (рис. 61).

В плане представляет собой концентрический квадрат, углами ориентированный по сторонам света. Размеры внешней стены

10x10 м, второй стены 8,4x8,4 м, третьей, внутренней — 5x5 м. Каменный склеп сложен в виде большого квадратного ящика из четырех огромных плит гранита, поставленных на ребро. Его размеры — 2,4x2,4 м, высота — 1,0 м.

Среди памятников Центрального Казахстана — это единственная усыпальница с тройными стенами. Внешняя стена возведена методом горизонтальной кладки, в которой чередуется положение камней прямоугольной формы — продольное и поперечное (рис. 62). Кладкой выложена средняя часть стен, на углах же стоят большие плиты с подпорками. Снаружи кладки стены облицованы рядами крупных плит гранита, вкопанных на ребро. Лучше сохранились плиты северо-западной и северо-восточной стен. Плиты других сторон разрушены, большинство их разобрано местным населением для хозяйственных нужд. Вторая, более мощная стена сооружена методом горизонтальной кладки из прямоугольных камней в 4-5 рядов. Для этой цели подобраны однотипные камни. Полное пространство между рядами кладки забутовано камнями с глиной. Толщина кладки стен 1,5-2 м, сохранившаяся высота 0,6-0,7 м. Третья, внутренняя стена состоит из огромных плит гранита, вкопанных на ребро. Она подкреплена вертикальными контрфорсами. Между стенами расположены три обходных коридора, имеющих ширину: первый — 0,8 м, второй — 0,85 м, третий, внутренний, — 1,1 м, высоту 1,0 м.

Стены сооружения подкреплены подпорками, контрфорсами в виде прямоугольных и квадратных в сечении колонок, их высота варьирует от 0,9 до 1,05 м. Особенно мощные контрфорсы установлены с тыловой стороны второй ограды: они стоят через 1,5-2 м. По северо-восточной стене их 5, по северо-западной — 5, по юго-западной — 3, такое же число опор поддерживает плиты третьей, внутренней стены. С юго-восточной стороны, где проходил грабительский лаз, облицовочных плит и подпорок, поддерживающих стены, не было. В центре и на углах сооружения наблюдается скопление крупных плит гранита размерами от 1,5x0,6x0,10 м до 2,4x0,4x0,18 м. Это плиты разрушенного перекрытия. Судя по всему, здесь применены две системы перекрытия. Коридоры между стенами были перекрыты по типу

плоской крыши. Для этого использовались гранитные плиты длиной 1,5-2 м. Над внутренним квадратом возвышалась шатровая кровля, подобная Бугулы III. Это осуществлялось укладкой плит от углов квадрата к его центру с постепенным уменьшением размера верхних плит. Такая конструкция кровли была в циклопических сооружениях Центрального Казахстана бегазы-дандыбаевского времени: Бугулы III, Бегазы I, II, Сангру I (ограда 1), Ортау (ограда 1) и Аксу-Аюлы II, Дандыбай¹².

Могильный склеп сильно потревожен. Раздробленные человеческие кости и мелкие глиняные черепки лежали здесь в беспорядке, встречались и в боковых коридорах. Лишь кости нижних конечностей лежали в нетронутом виде в юго-восточном конце склепа. По ним видно, что человек был погребен головой на северо-запад, ногами на юго-восток.

В усыпальнице обнаружено много остеологического материала, свидетельствующего о том, что сангрусцы приносили в жертву большое число животных — лошадей и баранов. В первом северо-восточном коридоре обнаружено значительное скопление костей лошади, в частности, лопатки, ребра, трубчатые кости, обломки черепа, зубы, а также трубчатые кости и челюсти барана. Рядом с грудой обожженных костей найдены куски медной (азурит) и железной руд, угольки, фрагмент грубого, толстостенного сосуда. Здесь, видимо, происходил обряд, связанный с культом металла. Куски медной и железной руд, а также медистого песчаника встречены и в погребальной камере, в основании опорных столбов. Здесь же обнаружены остатки жертвенной пищи в виде челюстей барана. Большое скопление трубчатых костей барана обнаружено во втором коридоре, в основании опорных камней. Керамика встречалась во многих местах мавзолея, но более всего в северо-западной, северо-восточной и юго-западной частях первого коридора. Характерно, что в первом обходном коридоре обнаружены фрагменты грубой, неорнаментированной керамики, а во внутренних — тонкостенной керамики с орнаментом.

Значительная серия чернолощенной богато орнаментированной керамики обнаружена в погребальной камере. Обрядовое значение

имел глиняный горшок, положенный в северо-восточный угол камеры. Под ним было пятно красной минеральной краски и угольки. Красная краска и уголь, несомненно, символизируют огонь и солнечные лучи, как объекты почитания. Из металлических изделий сохранились только мелкие куски медной бляхи неопределенной формы.

Из 14 сосудов, найденных в мавзолее, 8 – с орнаментом, 6 – без орнамента. Судя по обломкам, их было не менее пятидесяти. Вся тонкостенная лощенная керамика из Сангру I выполнена тем же способом, что и керамика из мавзолея I и ограда 3. Для изготовления изящных сосудов сангрусцы брали упругую третичную глину, которая отличается большой эластичностью, с механической примесью разных минералов, придававших керамике благородный вид. При большой жирности глины сангрусские гончары добавляли к ней в качестве отощителя мельчайший песок гранита и кварца, имевшийся в окрестных горах.

Сосуд 1 (рис. 63, 1) находился у северо-восточной стены камеры. Сосуд в форме горшка с уплощенным дном, шаровидным туловом. Венчик высокий, прямой, шейка выражена слабо. Ее опоясывает слегка заостренный налепной валик. Сосуд формован техникой выдавливания из кома глины с примесью мельчайшего песка гранита и кварца. Обжиг высокого качества. Обе поверхности сосуда желто-оранжевого цвета, в изломе — терракотового. Текстура черепка плотная, что свидетельствует о присутствии органических веществ и казеина. Сосуд от шейки до дна покрыт сложным орнаментом, выполненным гладким штампом и представляющим собой комбинацию заштрихованной ленты и волют. В общей композиции орнамента прослеживаются пережиточные формы андроновской традиции. Имеет близкое сходство с сосудом 6 из Дандыбая⁴⁹ и керамикой из Верхней Оби.

Сосуд 2 (рис. 63, 2) – один из роскошных в группе Сангру I. Сделан в форме миски с шаровидным туловом и плоским дном. Венчик высокий, прямой, слегка отогнутый наружу. Шейка слабо выражена, по ней идет налепной валик и пояски каннелюр. Сосуд формован из упругой третичной глины. Поверхность светло-

терракотового цвета, в изломе такого же. В тесте незначительная примесь мельчайших пылинок развешенного гранитного и кварцевого песка. Верхняя часть сосуда занята рисунком из двух поясков, выполненных разными штампами. Верхний поясок сделан оттисками крупного гребенчатого штампа в виде елочки, контрастно выделяющейся на фоне соседних рисунков. Второй поясок состоит из узорной ленты с косою штриховкой зубчатым штампом. Аналогов этому сосуду нет. Прямой высокий венчик, налепной валик и орнамент в виде елочки и узорной ленты характерны для керамики бегазы-дандыбаевского круга памятников.

Сосуд 3 (рис. 64, 2) обнаружен в виде крупных фрагментов венчика, боковины и дна. Сосуд имеет форму горшка с шаровидным туловом, прямым и высоким венчиком, слегка отогнутым наружу, слабо выраженной шейкой, которую опоясывает налепной валик. Формован из третичной глины с небольшой примесью мельчайшего развешенного песка гранита и кварца. Обе поверхности сосуда кремво-желтого цвета, в изломе такого же. Орнамент выполнен гребенчатым штампом в сочетании с оттисками тупого конца палочки. Вокруг шейки валик и ряд крупных ямок. Ниже идет поясок, состоящий из сплетения ленты меандра с волютами, косо заштрихованными зубчатым чеканом. По форме подобен сосуду без орнамента из этой же ограды. Очевидно, что они сделаны одним и тем же мастером. Близкий аналог этому сосуду имеется только в керамике Дандыбая⁴⁹.

Сосуд 4 (рис. 66, 1) имеет форму изящной чаши или кубка с шаровидным туловом, круглым дном, коротким, прямым венчиком, широким устьем. Формован способом выдавливания изнутри кома глины с незначительной примесью мельчайшего песка гранита. Обе поверхности сосуда кремво-оранжевого цвета, в изломе желто-терракотового. Поверхность сосуда сплошь покрыта контрастным рисунком из четырех рядов лент. Вокруг шейки идут две ленты с косою штриховкой, нанесенной гладким штампом в форме елочки. Ниже идут две ленты в виде ломаных линий со штриховкой. Одна из лент опоясывает тулово сосуда, другая — его нижнюю часть. Контур лент очерчен очень выразительно, что создает впечатление художественной гравировки. Керамические чаши с ленточным

узором характерны для культуры поздней бронзы Центрального Казахстана и Южной Сибири, для карасукской культуры Минусинской степи⁴⁵, Верхней Оби и Алтая⁴⁶.

В керамике бегазинского времени особое место занимают чаши. Они обнаружены в мавзолеях Мырзашоки, Бегазы⁴⁷, Дандыбай. Появление и распространение этой посуды тесно связано с развитием пастбищного скотоводства. Характерно, что чаши чаще встречаются там, где отмечается значительное скопление лошадиных костей.

Следует отметить, что при общей схожести сангруская чаша, как и другие сосуды бегазинского круга, во многом отличается от карасукских сосудов, происходящих из Минусинской котловины, как по форме, так и по орнаменту. В сангрусских чашах венчик и шейка выражены слабо, они часто сливаются с корпусом сосуда.

В отличие от карасукских⁴⁸ сосуды бегазинского круга не стандартны, имеют индивидуальные черты (чаши и кубки из Дандыбая, Бегазы, Сангру). Особенно отчетливы различия в орнаментации. Сюжет рисунков бегазинской посуды богаче и разнообразнее. Кроме геометрических здесь впервые введены растительные мотивы в виде горошин, фигурных волнот, глазковых и четырехлепестковых розеток, чего нет в карасукской керамике Южной Сибири. Средства, использовавшиеся для наложения орнамента, также своеобразны: фигурные штампы, острые инструменты, кисти и др. Некоторые элементы сангрусской чаши, встречающиеся в керамике Алтая и Верхней Оби⁴⁹, свидетельствуют о существовании связи между племенами Центрального Казахстана, Алтая и Верхней Оби.

Сосуд 5 обнаружен в северо-западном углу камеры. По форме и объему похож на предыдущий. Сосуд с шаровидным туловом, уплощенным дном, прямым венчиком. Сделан из добротной глины с небольшой примесью мельчайших крупинок гранитного песка. Обе поверхности желто-оранжевого цвета, в изломе желто-серого. Орнамент в виде широких вертикальных полос, идущих зигзагами и заштрихованных горизонтальными прерывистыми оттисками гладкого штампа, занимает всю поверхность сосуда. Чаша по

форме и орнаментации имеет аналоги в керамике бегазинского круга памятников⁵⁰.

Геометрические мотивы своими корнями восходят к андроновской культуре. Однако трактовка зигзагов у андроновцев и бегазинцев Центрального Казахстана различна. У андроновцев – это простые ломаные линии, у бегазинцев же в виде узорных лент, заштрихованных оттисками крупных гребенчатых или гладких штампов. В орнаменте Карасука преобладают заштрихованные гладким штампом треугольнички, ромбы, простые, не заштрихованные зигзаги, елочки и фестоны⁵¹, фигурных лент, заштрихованных зубчатым штампом, почти нет. Это говорит о сильной зависимости карасукской керамики в отношении орнаментации от андроновской, а в отношении формы – от бегазинской керамики. Заштрихованные зигзаги, идущие не широкой, а узкой лентой, встречаются в керамике поздней бронзы Верхней Оби. Керамика этого района занимает промежуточное положение между карасукской культурой Минусинской котловины и бегазинской культурой Центрального Казахстана. В орнаменте ее встречаются "глазчатые" кружки на вершинах треугольников и ромбов, а также на открытых полях между рисунками⁵².

Сосуд 6 обнаружен в коридоре внешней ограды. Первоначально стоял на каменной подставке. Имеет форму горшка с шаровидным туловом, невысоким кольцевым поддоном, прямым венчиком. Шейка выражена довольно хорошо, плечики заметно выступают. Орнамента нет. Сосуды облегченного типа предназначались для хранения молочных продуктов. Об этом говорят остатки казеина на дне сосуда. Вылеплен ленточной техникой из хорошей глины с небольшой примесью песка гранита. Обе поверхности желто-оранжевого цвета, излом желто-серого.

Сосуды с невысоким поддоном и шаровидным туловом встречаются только в керамике поздней бронзы Центрального и Восточного Казахстана (поселения Аксай⁵³ и Трушниково⁵⁴). В карасукской керамике сосудов с поддоном нет.

В форме сосуда 6 еще присутствуют элементы андроновской керамики, но силуэт его (шаровидное тулово и крутая шейка) не

андроновский. Много подобных сосудов было найдено в группах Айдарлы, Айбас-Дарасы, Кент и др.

Сосуд 7 (рис. 65) стоял на каменной подставке у стены первого северо-восточного коридора. Он сделан в форме горшка легкого типа, плоскодонный с шаровидным туловом, прямым, слегка отогнутым наружу венчиком, без орнамента. Таких тонкостенных и чернолощенных сосудов обнаружено много в группах Бегазы и Сангру. Предназначался для хранения молока. Формован из глины с примесью мельчайшего песка гранита. Цвет обеих поверхностей желто-оранжевый, в изломе желто-серый. Единственное украшение сосуда – рельефный налепной валик вокруг шейки. Близкие аналоги описываемому сосуду имеются в керамике поздней бронзы Центрального Казахстана. Подобные сосуды, но без валика обнаружены в группах Бугулы и Айдарлы, с валиком – в поселениях Улытау, Суук-булак, Каркаралы⁹⁵, Шортанды-булак и др. Очень похожий сосуд с валиком обнаружен в Садчиковском поселении эпохи поздней бронзы около Кустаная⁹⁶. В памятниках карасукской культуры такой посуды нет.

Подняты фрагменты еще 5 сосудов с орнаментом и 4 сосудов без орнамента, с валиком и без него.

Ограда 8 обследована в 1963 г. Расположена в центре большой цепочки. Это вторая по величине ограда после мавзолея 7. По плану – двойной квадрат, ориентированный по сторонам света с некоторым отклонением по линии юго-запад – северо-восток (рис. 67).

Размеры внешней стены ограды 8х8 м, внутренней 5х5 м. В центре двойной ограды находилась большая квадратная камера в виде цисты, сложенная кладкой из бутового камня (рис. 68). Стены цисты погружены в грунт на глубину до 2,5 м. У цисты широкое дно, кладка постепенно сужается кверху, а затем расширяется, образуя как бы два этажа. Размеры нижнего этажа, представляющего собственно склеп, 2х2 м, высота 1,3 м, размеры верхнего этажа 3х2,5 м, высота 1,25 м, общая высота сооружения без шатрового перекрытия – 3 м. В устройстве цисты обнаруживаются элементы более ранней строительной традиции, восходящей к нуринскому этапу.

Две стены ограды составлены из вертикальных плит гранита, вкопанных на ребро. Основная масса плит увезена местными жителями для использования в хозяйственных целях. Сохранились

облицовочные плиты на углах, опорные столбы и подпорки, поддерживавшие стены и перекрытие: по 5 подпорок на западной и восточной сторонах, по 2 – на северной и южной сторонах. Судя по положению плит на северо-западном и северо-восточном углах, перекрытие имело форму ступенчатого купола, характерную для сооружений переходного этапа и бегазы-дандыбаевского времени.

Грабительским лазом разрушены южная и юго-восточная стороны ограды. В северо-западном углу верхнего этажа цисты найдены два глиняных сосуда.

Сосуд 1 (рис. 69) с черным лощением в форме кубка с высоким горлом, шаровидным туловом и уплощенным дном. Вылеплен из хорошей глины с незначительной примесью песка гранита. Поверхность желто-оранжевого цвета, в изломе желто-серого. Вся поверхность сосуда от венчика до дна покрыта орнаментом в виде наклонных оттисков гладкого штампа, по венчику идут два ряда насечек. По форме сосуд близок кубку из Дандыбая, но не имеет конического поддона. Аналоги есть в керамике других памятников Бегазы, Верхней Оби⁹⁷. В Карасуке, Минусинской котловине сосуды с высоким, цилиндрической формы горлом не обнаружены.

Сосуд 2 целый, в форме кубка, венчик заостренный, слегка выгнут наружу, шейка высокая, плечики заметно выступают. Формован из грубой глины с примесью гранитного песка. Поверхность оранжевая с черными пятнами, цвет в изломе темно-красный. Орнамент в виде заштрихованной ленты, выполненный гладким штампом, занимает всю поверхность сосуда и характерен для эпохи поздней бронзы.

Ограда 9 расположена рядом с оградой 8, ближе к южному концу цепочки. К ней пристроены две ограды: побольше – с западной стороны, поменьше – с южной. Сооружение в плане представляет собой небольшой квадрат, ориентированный по сторонам света. Внешняя ограда составлена из крупных плит гранита, поставленных на ребро, ее размеры 3х3 м. В ограду вписан квадратный ящик из гранита размерами 2х2 м.

В ограде видны следы многократных грабительских раскопок. На глубине 10 см в разных местах ящика разбросаны раздробленные

человеческие кости. В северо-восточном углу ящика на глубине 15 см обнаружены фрагменты раздавленного сосуда без орнамента. Ближе к южной стене ящика на глубине 0,7 м обнаружены нетронутые фаланговые кости и часть ступни человека. По ним видно, что человек был ориентирован головой на северо-запад. В разных местах ящика лежали кости лошади, барана. В его юго-восточном углу на глубине 0,7 м обнаружены фрагменты сосуда в форме горшка с наклепным венчиком, отогнутым наружу, без орнамента. Еще один сосуд также в форме горшка с плоским дном и высоким горлом. Венчик в виде наклепного "воротничка" отогнут наружу. Сделан из хорошей глины, в тесте примесь мелкого песка гранита. Поверхность оранжево-красная, цвет в изломе темно-красный. Такой тип сосудов обнаружен в памятниках поздней бронзы Центрального Казахстана Айдарлы, Бугуды II, Бегазы.

Ограда 10 находится в юго-западном конце цепочки, рядом с оградой 9. Ограда квадратной формы, ее размеры 4,5x4,5 м, ориентирована сторонами по сторонам света. В центре ограды расположен большой каменный ящик, длина его сторон 2,2 м и 2,0 м. Плиты внешней ограды разобраны. Ящик сильно потревожен. Кости жертвенного барана и черепки разбросаны по всей площади ограды. У южной стены ящика на глубине 0,48 м встречены не потревоженные фаланговые кости человека. Судя по ним, скелет человека был ориентирован головой на северо-запад, ногами – на юго-восток.

В разных местах ящика подобраны фрагменты тонкостенного сосуда красивого очертания. Сосуд с прямым и утончающимся к краям венчиком, шаровидным туловом и уплощенным дном (рис. 64, 1). Шейку опоясывает рельефный наклепной валик, имеющий в сечении форму сегмента. Сделан из хорошей глины с незначительной примесью мельчайших крупинок песка способом выдавливания изнутри. Поверхность сосуда кремово-желтого цвета, в изломе желто-серого. Верхняя половина его украшена двумя поясками; выше валика – каннелюра с цепочкой оттисков дугообразного штампа, ниже – две параллельные ленты, от которых наклонными рядами спускаются треугольные фестоны. Как ленты, так и треугольные фестоны заштрихованы наклонными

рядами оттисков волнистого штампа. Такие штампы, оставляющие выразительные оттиски, составляют особенность бегазинского керамического искусства.

Ограда 11 расположена несколько в стороне от основной цепочки, в ее юго-западном конце. Ограда квадратной формы (5x5 м), сложена из вертикальных плит гранита, поставленных на ребро. Своими сторонами ориентирована по сторонам света. Плиты сохранились лучше, чем в других памятниках. В центре расположен каменный ящик, у которого сохранились только две стены – южная и северная. Размеры ящика 2x2 м, высота 0,8 м.

Ограда перекапывалась грабителями неоднократно. При расчистке ящика в его юго-восточном конце на глубине 0,7 м обнаружены кости правой ноги человека в своем первоначальном положении и кости левой ступни. По ним можно установить лишь ориентировку покойного головой на северо-запад. На дне ящика в разных местах подобраны обломки двух сосудов, орнаментированных мелким зубчатым штампом.

Ограда 12 (рис. 70) расположена в северо-западном конце малой цепочки, несколько обособленно. Форма погребального сооружения здесь иная. Это – квадратные вымостки, ориентированные линиями по сторонам света. Размеры квадрата 3x3 м. Вымостки состоят из трех рядов крупных камней с вертикальными плитами на углах, вкопанных на ребро (рис. 103).

В центре вымосток когда-то был большой каменный ящик, давно разрушенный. На его месте яма размерами 2,7x1,5 м. Каменный ящик был перекрыт плитами, из которых уцелела лишь одна, в южном конце ямы. В центре ямы на глубине одного метра обнаружены пятна, происхождение которых выяснить не удалось. На глубине 1,05 м обнаружена груда угольков. На этой же глубине обнаружен неполный скелет человека – позвонки и нижние конечности. Судя по положению костей, человек был ориентирован головой на север, лежал с раздвинутыми ногами, согнутыми вверх коленями, что напоминает афанасьевский обряд на Енисее. Подобный обряд погребения с приподнятыми вверх коленями отмечен и в группе Айшрак на р. Атасу, в 28 км к юго-западу от Сангру.

Датирующим материалом служили черепки, подобранные на дне камеры. Черепки такие же, как вся керамика группы Сангру. Судя по характеру погребального обряда, это наиболее позднее погребение в группе Сангру I. Хронологически оно совпадает с началом раннескифской культуры. Двойственный характер памятника очевиден. С одной стороны, он еще связан с культурными традициями эпохи Бегазы, с другой — с него начинается уже новый этап развития племен Центрального Казахстана, связанный с переходом к кочевому скотоводству (VIII—VII вв. до н. э.).

Айбас-Дарасы

Из улытауских памятников, относящихся к эпохе поздней бронзы, наиболее интересен комплекс Айбас-Дарасы. Он был открыт ЦКАЭ в 1946 году. Комплекс расположен на правой надпойменной террасе горной речки Айбас, притока р. Сары-Тургай, в одном километре от северо-западного подножия горы Едыте и в 18 км к югу от центральной усадьбы совхоза им. Амангельды Улытауского района Карагандинской области. Здесь на площади ~ 3000 м² расположены каменные ограды, курган-ограды, относящиеся к эпохе поздней бронзы, тюркские и кипчакские каменные ограды VI—IX вв., казахские погребения XIV—XVII вв. В этой же местности в ущелье расположено средневековое городище Айбас-Дарасы.

Из памятников эпохи бронзы в Айбас-Дарасы исследованы три безнасыпные ограды и один курган с оградой. Все они давно разграблены и в значительной степени разрушены.

Ограда 1 сложена из массивных плит гранита, вкопанных на ребро. Размеры плит 90x40x15 м, 75x50x20 м. В плане ограда имеет подквадратную форму и своими сторонами ориентирована в широтном направлении. Длина сторон ограды 4,7 м и 6 м, высота стен от 0,4 до 0,55 м. При зачистке в ее юго-западном углу обнаружены фрагменты керамики с крупным гребенчатым штампом — единственная находка, по которой можно датировать ограду. Это обломки тонкостенного сосуда шаровидной формы, светло-серого цвета. Обжиг хороший, равномерный. Тесто с примесью толченого кварца и крупного песка.

Ограда 2 в плане представляет собой неправильный квадрат с размерами сторон 5,5 м и 6,2 м, ориентирована длинной осью с юга на север. Ограда выложена горизонтальной кладкой из плоских сланцевых плит прямоугольной и квадратной форм. Внутри описанной ограды находилась вторая, тоже из массивных плит гранита, вкопанных на ребро. В центре двойной ограды на глубине 0,8 м обнаружена погребальная камера, ориентированная длинной осью по линии север-юг.

Камера сильно потревожена, на дне обнаружены кальцинированные кости, угольки и обломки керамики, относящиеся к поздней бронзе.

В оградах обнаружены обломки черных сосудов с орнаментом и без орнамента. В основном, это венчики и боковины тонкостенных сосудов, вылепленных вручную из хорошо отмученного теста с примесью толченого кварца и ракушечника. Обжиг равномерный, цвет в изломе темно-коричневый, внешняя поверхность светло-коричневая, внутренняя — темно-серая, местами со следами нагара.

Искусно сделан тонкостенный сосуд светло-коричневого цвета, найденный в первой оградке. Сосуд шаровидной формы с прямым, высоким венчиком. Орнамент из четырех заштрихованных лент, опоясывающих верхнюю часть сосуда, выполнен крупным гребенчатым штампом. Фрагмент сосуда с подобным орнаментом найден во второй оградке, разница лишь в том, что на первом сосуде ленты заштрихованы косыми пунктирными линиями, на втором — горизонтальными.

Ограда 3 расположена в 50 м на северо-запад от ограды 2. Состоит из крупных плит гранита, вкопанных на ребро. В плане имеет прямоугольную форму, ограда продольной осью ориентирована в направлении с юга на север. Длина сторон ограды 3,08 м и 4 м, высота 0,5 м. Часть плит северо-восточного угла отсутствует. Зачистка дна показала, что это был жертвенник. На дне ограды обнаружен зольный слой с угольками, кости животных, среди которых обращают на себя внимание два астрагала барана, зубы и таранная кость лошади. Подобный жертвенник со следами ритуального

костра был обнаружен при раскопках комплекса Балакулболды Каркаралинского района. Он также имел прямоугольный план и был ориентирован с юга на север.

Жертвенники в виде круглых оградок, в основном, относятся к эпохе средней бронзы (андроновскому времени), в Центральном Казахстане они встречаются очень часто¹⁹¹. Жертвенники в виде оград прямоугольного плана из крупных, вертикально поставленных плит гранита появляются позже и характерны для бегазы-дандыбаевского времени.

Курган-ограда занимает центральное положение в группе и возвышается над окружающей территорией. Курган – насыпь из земли и песка в форме, приближающейся к квадрату. Диаметр кургана 20 м, высота 1,4 м. Из насыпи выступала верхняя часть ограды квадратной формы. Огромная плита, служившая когда-то перекрытием ящика, лежала в стороне – свидетельство того, что здесь были грабители.

Ограда в плане – строгий квадрат со сторонами 12x12 м и сохранившейся высотой от 0,6 до 1,2 м (рис. 71). Стороны ограды ориентированы по сторонам света. Стены ограды выложены способом горизонтальной кладки из крупных плит известняка прямоугольной формы. Размеры плит 0,7x0,4x0,15 м, 0,8x0,35x0,25 м, 0,65x0,5x0,2 м. Кладка на глиняном растворе с перевязкой швов начинается прямо от земли, с нижнего ряда идут крупные плиты. Многие плиты разрушены, особенно в восточной стене, некоторые из них под давлением перекрытия сильно покосились.

На стены ограды Айбас-Дарасы ложился груз внутренней конструкции и перекрытия. Для придания стене большей прочности основание ограды плотно утрамбовано щебнем и залито илстой глиной. Такой строительный прием был установлен нами и в Аксу-Аюлы II.

Стены ограды построены по общему принципу сооружений эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана: внизу они строго отвесны, а в верхней части несколько наклонены внутрь. Это особенно хорошо видно в местах стыка камеры-отсека со стеной.

Характерную особенность Айбас-Дарасы составляют камеры-отсеки, радиально идущие от стен и упирающиеся в большой каменный ящик, находящийся в центре ограды (рис. 71).

Отсеки неправильной трапециевидной формы сужаются по мере приближения к ящику. В западной и восточной половинах ограды выявлено по 5 камер-отсеков. Стены отсеков выложены плоскими плитами техникой кладки с напуском, пол вымощен щебнем. Отсеки имели двойное назначение. Во-первых, они служили алтарем, местом жертвоприношения, здесь совершались обрядовые церемонии. Об этом свидетельствуют следы ритуального костра на полу – зольный слой с угольками и остатками трапезы в виде костей животных. Во-вторых, их стены выполняли функцию центральных опорных столбов – на которых покоилось перекрытие в виде поперечно положенных плит песчаника продолговатой формы, плотно пригнанных друг к другу. От перекрытия сохранились лишь отдельные детали, по которым видно, что у Айбас-Дарасы было ступенчатое перекрытие, как в мавзолее Бугулы III. Для этих сооружений характерно перекрытие из каменных квадратных плит с уменьшающимся сверху периметром. В Айбас-Дарасы размеры верхней плиты 1,45 x 1,67 м.

Большой каменный ящик – усыпальница племенного вождя расположен в центре ограды. Он находится на глубине 1,5 м. Ящик в плане почти квадратный, размеры его сторон 2,8 м и 2,6 м. Плиты стен хорошо отшлифованы и плотно пригнаны друг к другу. С восточной стороны возвышаются две угловые плиты, имитирующие вход в ящик.

В каменном ящике на разной глубине обнаружены кости взрослого человека (фрагменты челюсти, лучевая и тазовая кости, позвонки, ребра), а также лошади (челюсть, конечности) и крупного рогатого скота. Из предметов материальной культуры найдены фрагменты керамических изделий – венчик и боковины большого глиняного сосуда без орнамента, боковины тонкостенных сосудов, богато орнаментированных гребенчатым штампом (рис. 72), пряслице крупной обработки из стенки керамического сосуда, фрагмент бронзового предмета неопределенного назначения, каменные крышки для сосудов (7).

В северо-западном углу стоял изящный горшок со следами черного лощения и роскошным геометрическим орнаментом. У северной стены обнаружен золотой браслет в виде двух изогнутых

полых трубочек – удлиненной и короткой (рис.73). В конце короткой трубочки был орнаментированный заштрихованными треугольниками ободок с отверстием для второй трубочки (рис. 73) На концах трубочек сохранилось по два золотых гвоздика, которыми, возможно, предмет прибивался к деревянной основе. Спектральный анализ, проведенный в лаборатории Института геологических наук АН КазССР им. К. И. Сатпаева, показал, что браслет содержит золота 86%, серебра –13%, меди –1%.

К западной стене ограды примыкает небольшая пристройка подковообразной формы (1,2x0,7 м), представляющая собой детское погребение. Костяк ребенка потревожен. Из сопровождающего инвентаря обнаружено три сосуда: два с орнаментом и один без орнамента. Детские пристройки к родительским гробницам – характерное явление в памятниках переходного этапа и поздней бронзы (Айшрак, Аксу-Аюлы II, Бугулы III, Сантру I, III).

Пол ящика был подвергнут очищению огнем, он сильно закончен и прокален. В центре ящика прослеживается зольное пятно от костра толщиной до 8 см. Следы обряда поклонения огню и жертвоприношений обнаруживаются и у наружных стен сооружения. У юго-западного угла ограды стояли 4 целых сосуда, а рядом у южной стены на глубине 0,4 м был зольник 1 со скоплением костей животных, здесь же обнаружены два красивых сосуда. У южной стены был вскрыт еще зольник 2, где также был обнаружен целый сосуд. Дальше в восточном направлении вскрыт зольник 3 с керамикой, затем зольник 4 с костями животных, здесь также обнаружены два целых сосуда. В средней части южной стены стоял целый сосуд, ближе к восточному углу у стены обнаружены кости животных и целый сосуд; у юго-восточного угла обнаружены два астрагала барана и два целых сосуда. Таким образом, вдоль юго-западной и южной стен найдено 14 целых сосуда. По обилию керамики Айбас-Дарасы – один из самых интересных памятников эпохи бронзы в Центральном Казахстане. Всего в памятнике обнаружено свыше 40 керамических сосудов, из них больше половины целые.

Сосуд 1 обнаружен в центральном ящике. Сосуд тонкостенный, изящной формы, без орнамента, с плоским дном и высоким

прямым венчиком, слегка отогнутым наружу. Формован ленточной техникой из глины с примесью толченого кварца и шамота. Обжиг равномерный, цвет в изломе серый.

Сосуд 2 с плоским кольцевым поддоном, без орнамента. Найден в первом отсеке. Венчик прямой, слегка отогнутый наружу. Формован ручной лепкой из теста с примесью дресвы. Вместе с ним найден крупный фрагмент другого сосуда, орнаментированного гладким штампом.

Сосуд 3 обнаружен в центральном ящике, тонкостенный, изящной формы, без орнамента. Венчик прямой, слегка отогнутый наружу. По плечу идет линия, отделяющая шейку от тулова. На плечике заметен небольшой уступ. Вылеплен из хорошего теста с примесью дресвы и кварцевого песка. Обжиг неравномерный, в изломе цвет серовато-коричневый.

Сосуд 4 в форме миски. Фрагмент тулова с венчиком найден в центральном ящике, другие фрагменты этого сосуда обнаружены в головной части третьего отсека. Судя по фрагментам, это был тонкостенный сосуд, вылепленный из хорошо отмученного теста с примесью мелкозернистого кварцевого песка. Венчик высокий, прямой и отогнутый наружу. Обжиг равномерный, цвет в изломе черный. Орнамент в виде равнобедренных треугольников, заштрихованных крупной гребенкой, занимает шейку от венчика до плечиков.

Фрагменты сосуда 5 найдены в зольнике южной стены. Сосуд шаровидной формы. Венчик с налипшим «воротничком» и уступом в основании. Шейка выразительна. Формован из теста с примесью кварцевого песка. Обжиг неравномерный, цвет в изломе темно-коричневый. Вокруг венчика идут две параллельные линии, нанесенные крупным гребенчатым штампом, по шейке – пояс из комбинации равнобедренных треугольников, заштрихованных тем же штампом.

Сосуд 6 найден в центральном ящике, плоскодонный, с шаровидным туловом. Венчик налипной, отогнутый наружу. Шейка с изгибом плавно переходит в тулово. Формован ленточной техникой из хорошо отмученного теста с примесью кварцевого

песка. Обжиг равномерный, цвет в изломе черный. Вся поверхность сосуда покрыта орнаментом, нанесенным крупным гребенчатым штампом. Горизонтальные узорные ленты, опоясывающие корпус сосуда, заштрихованы рядами косых коротких оттисков штампа и обрамлены линиями. Фрагмент точно такого же сосуда обнаружен в первом отсеке. Несомненно, оба горшка сделаны одним и тем же мастером.

Сосуд 7 (рис. 74,2) обнаружен в центральном ящике. Круглодонный, с прямым высоким венчиком. В основании шейки при переходе к тулову виден уступ, характерный для данной группы памятников. Формован ленточным способом из хорошо отмученного теста с примесью мелкозернистого кварцевого песка и шамота. Обжиг хороший, равномерный, цвет в изломе черный. Орнамент в виде подковообразных вдавлений покрывает всю поверхность сосуда, кроме венчика.

Сосуд 8 найден в четвертом отсеке, плоскодонный, без орнамента, с черным лощением. Венчик прямой, слегка отогнутый наружу. По форме сходен с сосудами 1, 3 и 10 этой серии. В основании венчика при переходе к тулову заметен выступ. Вылеплен из теста со значительной примесью кварцевого песка и дресвы. Обжиг равномерный, цвет в изломе темный.

Сосуд 9 обнаружен в центральном ящике, чернолощенный в форме кувшина с прямым венчиком, шаровидным туловом, плавно переходящим в плоское дно. Формован ленточной техникой, о чем свидетельствуют линии на изломе. Тесто рыхлое с примесью кварцевого песка. Обжиг неравномерный, в изломе черного цвета. Орнамент, выполненный гладким угловым штампом с точкой в поле треугольного вдавления, покрывает всю поверхность тулова.

Сосуд 10 (рис. 75.1) найден у юго-западного угла наружной стены среди трезиных горшков. Изящное шаровидное тулово плавно переходит в уплощенное дно. Венчик прямой с уступом в нижней части шейки. Сосуд без орнамента. Сделан из теста с примесью шамота и кварцевого песка. Обжиг равномерный, цвет в изломе черный, на поверхности сохранились следы лощения. По технике выполнения и форме имеет абсолютное сходство с сосудами 1 и 3.

Сосуд 11 (рис. 75. 4) в форме кувшина, обнаружен у юго-восточного угла вместе с другими сосудами. Высокая шейка плавно переходит в шаровидное тулово, поддон плоский. Сделан из хорошо отмученного теста с примесью толченых ракушек и мелкой дресвы. Обжиг в изломе красный. Орнамент выполнен остроугольным гладким штампом и покрывает плечики сосуда. Основная композиция орнамента – крупные треугольные фестоны, расположенные вершинами вниз.

Сосуд 12 (рис. 75,2) найден у юго-западного угла, повторяет форму предыдущего. Четко выраженная шейка плавно переходит в тулово. Формован из хорошо отмученного теста со значительной примесью толченых ракушек и мелкой дресвы. Обжиг хороший, цвет в изломе красный. Орнамент нанесен гладким штампом в виде треугольных вдавлений.

Сосуд 13 (рис. 75, 3) обнаружен у юго-западного угла в группе жертвенных сосудов. Имеет форму кувшина. Тулово шаровидное, дно уплощенное, венчик прямой, в нижней части переходящий в чуть заметный уступ. Сосуд со следами лощения. Формован из рыхлого теста с примесью кварцевого песка и толченых раковин. Обжиг неравномерный, цвет в изломе светло-коричневый. Орнамент из треугольных фестонов, опущенных вершинами вниз. Выполнен подковообразным штампом с точкой. На свободном пространстве между треугольными фигурами единичные подковообразные знаки с точкой в центре и без нее. Один из них крестообразной формы, неоднократно отмеченный в керамике Сангру I.

Сосуд 14 (рис. 76, 3) обнаружен в центральном ящике. Светло-коричневый, шаровидной формы, дно уплощенное, венчик прямой, слегка отогнутый наружу, переходящий в высокую шейку с уступом. На поверхности сосуда видны следы лощения. Сделан из теста хорошего качества с примесью кварцевого песка и толченых ракушек. Обжиг неравномерный, цвет в изломе светло-каштановый. Орнамент из трех налипных бугорков, образующих треугольные фестоны.

Сосуд 15 по форме совершенно сходен с предыдущим (рис. 76,2). Найден в зольнике 1. Сосуд светло-коричневого цвета

с шаровидным туловом и уплощенным дном. На наружной поверхности сохранились следы черного лощения. Венчик высокий, прямой, слегка отогнутый наружу, переходит в плечики с уступом, вокруг шейки идет прямая линия. Тесто хорошего качества с примесью дресвы, кварцевого песка и толченых раковин. Обжиг равномерный, в изломе светло-коричневого цвета. Орнамент состоит из налешных буторков, расположенных попарно вокруг верхней части тулова.

Сосуд 16 подобен сосудам 14 и 15, обнаружен в зольнике 1 (рис. 76,1). Сосуд шаровидной формы с уплощенным дном. Прямой венчик переходит в высокую шейку с уступом. Вокруг шейки горизонтальная линия в виде желобка. На наружной поверхности сосуда хорошо сохранились следы черного лощения. Формован из теста хорошего качества с примесью дресвы и кварцевого песка. Обжиг неравномерный, в изломе светло-серого цвета. Орнамент состоит из трех налешных буторков, образующих треугольные фестоны, которые обрамлены двумя рядами круглых точек.

Сосуд 17 (рис. 77, 2) по форме и орнаменту подобен сосуду 9. Обнаружен в зольнике 3. Тонкостенный, со следами черного лощения по всей поверхности. Имеет шаровидное тулово, уплощенное дно и прямой высокий венчик. Формован из теста высокого качества с примесью кварцевого песка и дресвы. Обжиг хороший, равномерный, в изломе – черного цвета. Орнамент выполнен гладким угловым штампом с точечным оттиском в поле.

Сосуд 18 (рис. 77, 1) обнаружен в зольнике 3 у южной стены. Сосуд плоскодонный, с шаровидным туловом и венчиком, отогнутым наружу. На поверхности сосуда сохранились следы черного лощения. Техника лепки обычная, характерная для керамики Айбас-Дарасы. Орнамент в виде семи горизонтальных заштрихованных поясков занимает всю поверхность сосуда.

Сосуд 19 (рис. 77, 4) в форме миски обнаружен в зольнике у южной стены среди скопления костей животных. Это сравнительно большой сосуд с шаровидным туловом и плоским дном. Венчик налешной с легким изгибом наружу, очень выразительная шейка плавно переходит в тулово. Сделан из рыхлого теста с примесью

кварцевого песка. Обжиг неравномерный, цвет в изломе черный. Орнамент выполнен гребенчатым штампом и располагается в верхней части сосуда ярусами: вокруг венчика и шейки сетка из ромбов, с двух сторон обрамленная пунктирными линиями, ниже идет ряд косых насечек – один из основных элементов орнамента керамики бегазы-даидыбаевского времени.

Сосуд 20 (рис. 76, 4) стоял у южной стены среди скопления костей животных. По форме совершенно сходен с сосудами 14, 15, 16. Тонкостенный, с шаровидным туловом, уплощенным дном. Венчик слегка отогнут наружу, в нижней части шейки уступ. Горизонтальная линия в виде желобка отделяет шейку от плечиков. Сосуд сделан из хорошо отмученного теста с примесью шамота и кварцевого песка. Обжиг равномерный, в изломе розового цвета. На наружной поверхности хорошо заметны следы черного лощения. Орнамент из налешных буторков.

Сосуд 21 (рис. 74, 1) стоял у южной стены. Отличается от других сосудов более строгой формой, высокой техникой изготовления и, главное, густым красным лощением, отсутствующим в других сосудах этой группы. Сосуд изящный, тонкостенный, в форме чаши с широким прямым венчиком и круглым дном. Формован ручной лепкой из теста высокого качества с примесью кварцевого песка и толченых раковин. Обжиг равномерный, цвет в изломе розовато-коричневый. Очень выразительный орнамент выполнен гребенчатым штампом с поперечными зарубками и расположен ярусами: шейку покрывает ромбическая сетка, обрамленная пунктирными линиями, плечики и верхнюю часть тулова опоясывают три узорные ленты, с прерывисто расположенными наклонными оттисками мелкой гребенки, в нижней части тулова – зигзагообразные фестоны из заштрихованных лент.

Чаши с красным лощением и богатым ковровым орнаментом были обнаружены при раскопках памятников Даидыбай, Бегазы, Сантру I.

Сосуд 22 (рис. 78,1) стоял у южной стены. Тонкостенный, красного лощения, с налешным венчиком, отогнутым наружу, сильно изогнутой шейкой, слегка выпуклым туловом и плоским поддоном. Сделан из хорошего теста с примесью кварцевого песка

и шамота. Обжиг равномерный, цвет в изломе розоватый. Вся поверхность сосуда покрыта ковровым орнаментом, нанесенным крупнозубчатым штампом. Орнамент из восьми горизонтальных лент, заштрихованных прерывистыми наклонными оттисками гребенчатого штампа, создающими ромбовидный рисунок или вертикальные полосы зигзагов. Черный рисунок на белом фоне создает игру тонов.

Сосуд 23 (рис. 79, 1) – один из крупных в этой серии, обнаружен в зольнике у юго-восточного угла вместе с астрагалами барана. Сосуд толстостенный, плоскодонный, относится к типу кухонной посуды. Короткая шейка выражена достаточно ясно, венчик отогнут наружу. Формован ручной лепкой из хорошо отмученного теста с примесью кварцевого песка и толченых раковин. Обжиг равномерный, в изломе розовато-красного цвета. На наружной поверхности видны следы заглаживания травой. Орнамент из двух поясков: по основанию венчика – оттиски гребенчатого штампа в виде ленты, заштрихованной ромбической сеткой, ниже – оттиски гладкого штампа из двух рядов насечки, образующих форму елочек.

Сосуд 24 (рис. 78, 2) стоял рядом с горшком 23. По форме и орнаменту подобен кувшину 22. Сосуд тонкостенный, красного лощения, с шаровидным туловом и плоским поддоном. Венчик высокий, прямой. Шейка выражена достаточно хорошо. На внутренней стенке сохранились следы нагара. Формован ручной лепкой из хорошего теста с примесью кварцевого песка. Обжиг хороший, в изломе коричневого цвета. Орнамент, выполненный крупным гребенчатым штампом, покрывает всю поверхность сосуда и состоит из шести горизонтальных лент, заштрихованных наклонными оттисками гребенчатого штампа, создающими асимметрично расположенные ромбы.

Сосуд 25 из серой глины, тонкостенный, с валежным венчиком, слегка отогнутым наружу. Тесто хорошее с примесью кварцевого песка и мелкой дресвы. Орнамент, выполненный резным линейным штампом, покрывает всю верхнюю часть сосуда. Венчик опоясан пятью горизонтальными лентами, ниже идут треугольные фестоны, заштрихованные гладким штампом.

Сосуд 26 (рис. 78, 3) – один из крупных в этой серии, обнаружен в центральном ящике. Сосуд шаровидной формы с плоским дном и прямым венчиком. Сделан из теста с примесью дресвы и кварцевого песка. Обжиг в изломе черный. Орнамент в виде ромбической сетки, сделанной крупнозубчатым штампом, идет по плечу.

Сосуд 27 (рис. 79, 2) сероглиняный, гладкостенный, без орнамента типа корчаги. Самый крупный в группе Айбас-Дарасы. Фрагменты сосуда обнаружены в центральном ящике. Сосуд с крупным вытянутым вверх корпусом и плоским кольцевым поддоном. Венчик широкий, короткий, с легким изгибом наружу. Короткая шейка отделена от плечиков широким валиком с уступом в нижней части. Сделан из теста с примесью мелкой дресвы, обжиг равномерный, в изломе черного цвета.

Сосуд 28 (рис. 77, 3) типа миски обнаружен во втором отсеке. Сосуд имеет немного выпуклое тулово и плоское дно. Венчик прямой, отогнутый наружу. Шейка при переходе в тулово образует едва заметный уступ. Формован ручной лепкой из хорошего теста с примесью кварцевого песка. Обжиг равномерный, в изломе черного цвета. Донная часть сильно прокалена. На внутренних стенках сохранились следы заглаживания травой. Наружная поверхность красноватая и имеет следы лощения. Это единственный сосуд в форме андроновской керамики.

Комплексом памятников Айбас-Дарасы, где обнаружена крупная серия первоклассной керамики и золотых предметов, пока обозначена западная граница распространения бегазинских памятников, но следы этой культуры прослеживаются дальше, в долинах рек Жиланчик и Тургай.

Дандыбай

Дандыбай — это обширное погребальное поле, раскинувшееся в широкой пойме правого берега р. Шерубай-Нура, в 60 км к юго-западу от г. Караганды. Могильник расположен на территории аула Дандыбай, от которого сохранились лишь руины глинобитных строений.

В древности долина р. Нура была одним из населенных мест Центрального Казахстана. Здесь сохранились памятники разных эпох. Вместе с другими крупными комплексами, расположенными в окрестностях Караганды, могильник Дандыбай составляет важное звено в цепи памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана.

В комплексе преобладают памятники андроновской культуры, однако в южной части могильника, у самого края пойменной террасы расположена обособленная группа каменных оградок, отличающихся от андроновских квадратной формой и большей величиной. Группа исследована М.П. Грязновым и др. в 1933 г.⁹⁸

При раскопках ограды 11 комплекса Дандыбай получены интересные результаты. Ее устройство совпадает с конструкцией других погребальных сооружений эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана, в частности, Бегазы, Бутулы III, Сангру I, III, Аксу-Аюлы II.

В плане Дандыбай 11 — это две каменные ограды, вписанные одна в другую, имеющие форму квадрата (рис.80). В центре квадрата находится погребальная камера. Внутренние стены ограды опущены в яму на глубину 1,2 м и облицованы кладкой из бутового камня в два ряда. Длина сторон внутренней стены 5,2 м и 5,2 м, высота кладки до 2 м, толщина 0,8 м. Внешняя стена сложена из продолговатых камней, уложенных "тычком" в один ряд. Длина ее сторон 9 м и 8 м, толщина кладки ~ 0,5 м, высота 0,7 м. Между внешней и внутренней стенами образован обходной коридор шириной ~ 3 м, причем он расположен выше внутренних стен. Как и в других памятниках, коридор имел значение алтаря. Здесь совершались обряды поклонения огню и жертвоприношений в честь покойного.

На внутренние стены опиралась бревенчатая кровля в форме усеченной пирамиды. Сохранились лишь ее отдельные фрагменты. После их тщательного исследования М.П. Грязнову удалось установить ее первоначальный вид. Бревенчатая кровля покрывалась слоем из веток кустарников, а сверху засыпалась землей, в результате чего образовывался погребальный холм.

Высота внутреннего пространства от пола до кровли была ~ 2 м. Такая конструкция с двойными мощными стенами и бревенчатой пирамидальной кровлей не известна в культурах эпохи бронзы Сибири и Урала.

Могильник был разграблен. Грабители проникли в камеру, проломив кровлю в южной части сооружения. Кости скелета человека были разбросаны, череп отсутствовал. Гончарные сосуды и металлические предметы, не представлявшие для грабителей особого интереса, лежали в разных концах погребальной камеры. На дне камеры были прослежены остатки жертвенной пищи в виде костей барана и лошади. По заключению В.И. Громовой, кости барана были от крупной взрослой особи, также, как кости барана, обнаруженные в плиточных оградах Бегазы.

На дне камеры и в каменных развалах подобраны черепки 12 сосудов, два бронзовых наконечника стрел, каменное орудие миндалевидной формы, изготовленное техникой отжимной ретуши. По мнению М.П. Грязнова, такое орудие использовалось для обработки (разминания) кожи⁹⁹.

Оба наконечника втульчатые, с нешироким пером, сильно окислены и деформированы. Прослежены и остатки древков, сделанных из камыша или тростника. Стрела соединялась с древком с помощью обрезка ветки кустарника, который одним концом вставлялся в стебель камыша, другим, заостренным — во втулку наконечника. Это была одна из первых находок бронзовых стрел в памятниках эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана.

Исследованиями последнего времени установлено, что бронзовые втульчатые наконечники стрел в Центральном Казахстане стали распространяться с эпохи средней бронзы и особенно широко в позднюю бронзу. По форме они однотипны, почти стандартны. В большом количестве найдены при раскопках групп Айшрак, Аксу-Аюлы, Кеншоки (в обрыве р. Нура)¹⁰⁰, Балакулболды, Кокдомбак (Баянаульский район), в Каркаралинских поселениях эпохи поздней бронзы и в группе Ортау I¹⁰¹.

Уникальный образец бронзового втульчатого наконечника стрелы с геометрическим орнаментом был найден в плиточной ограде Сангру III. Характерные черты бронзовых втульчатых

наконечников Центрального Казахстана составляют их широкое перо и коническая втулка. Они различаются только размерами. Бронзовые втульчатые наконечники с шипом известны из Алепаула¹⁰² и плиточной ограды Бегазы 2, но они являются лишь разновидностью втульчатых наконечников Центрального Казахстана. К этой же группе относятся широкоперый с конической втулкой бронзовый наконечник стрелы из жертвенника вблизи Алексеевского поселения¹⁰³ и такой же наконечник из поселения Малая Красноярка Восточно-Казахстанской области¹⁰⁴. Все они характерны для культуры бронзы Центрального Казахстана предбегазинского и бегазинского периодов.

Совершенно справедливо высказывание М.П. Грязнова о тождестве форм бронзовых втульчатых наконечников стрел и бронзовых наконечников копий. Это сходство особенно отчетливо выступает в памятниках высшего этапа развития культуры бронзы Центрального Казахстана, в предскифское время. Так, бронзовый наконечник копья из плиточной ограды Бегазы I и Каркаралинских поселений совершенно сходен по форме с втульчатыми бронзовыми наконечниками стрел из Айшрака, Балакулболды и Ортау II (Жаман-Узен). Сравнительный анализ типологических материалов показывает, что форма бронзовых втульчатых наконечников стрел и копий, встречаемых в памятниках Центрального Казахстана, генетически восходит к типу кремневых наконечников стрел эпохи неолита и энеолита. Известно, что кремневые орудия существовали наряду с бронзовыми до конца бронзового века. Большое число кремневых наконечников стрел и копий, по форме сходных с бронзовыми наконечниками стрел, было собрано в прибрежных районах р. Сарысу и в Бетпақдале. Эти сборы хранятся в музейных коллекциях А.Н. Формозова, К.М. Поликарповича, в Карагандинском краеведческом и Джекказганском геологическом музеях. Превосходные образцы кремневых наконечников стрел и копий обнаружены при раскопках Джекказганского и Каркаралинского поселений.

В Дандыбае был обнаружен своеобразный литой медный предмет в виде якоря с четырьмя лопастями. Его назначение определить пока не удалось. Он не имеет аналогов.

Найден также обломок медной проволоки, круглой в сечении. Длина сохранившейся части 26 мм. Судя по круглому сечению, это 1/4 стержня большой медной булавки с головкой, круглым в сечении стержнем и длинным заостренным концом. Образец такой булавки был обнаружен в плиточной ограде Бегазы 5.

В Дандыбае обнаружена роговая застежка в виде миниатюрного валика с закругленными концами и вырезом посредине для вставки ремня. Круглые концы валика украшены резным зигзагообразным орнаментом, покрытым черной минеральной краской. Застежка представляет собой разновидность костяных застежек, широко распространенных в Центральном Казахстане в предскифское время и в эпоху ранних кочевников. В это время роговые и костяные застежки уже стали неотъемлемой частью верхней одежды. Обнаружены в Алексеевском поселении и в плиточной ограде Бегазы 2. Костяная пуговица в форме эллипса встречена в землянке 3 поселения Шортанды-булак. Костяные застежки и пуговицы не имеют аналогов в культуре бронзы других районов. О широком применении их в кочевом быту свидетельствуют находки из погребений Кудырге в Курайской степи на Алтае (VI-VII вв. н.э.), курганов Сростки I и на Ближних Елбабах. Костяные застежки с петелькой бытовали у казахов и киргизов, заменяя им пуговицы, вплоть до конца XIX века.

В Дандыбае обнаружены две группы сосудов. Одна группа сохраняет андроновскую производственную традицию, основными признаками которой являются ленточный способ лепки горшков и плоскодонность сосудов. Вторая группа отличается многообразием форм и орнаментации, новой техникой формовки сосудов – выдавливанием из кома глины с целью придания сосудам шаровидной формы. К первой группе из керамики ограды II относятся три сосуда средней емкости, почти однотипные.

Сосуд 10 в форме горшка со скопленными плечиками, венчик и шейка не выражены. Орнамент, занимающий верхнюю половину сосуда, выполнен ногтевыми отпечатками, напоминающими крупные зерна пшеницы. На наружной поверхности сохранились следы заглаживания. Ареал распространения этого типа сосудов обширен: от Иртыша на востоке до Нарынских песков на западе,

от Балхаша на юге до Петропавловска на севере. Впервые такой сосуд был найден В. В. Радловым при раскопках в горах Калба Восточно-Казахстанской области¹⁰³.

Дандыбаевскому горшку по форме подобен тонкостенный сосуд, найденный в Западном Казахстане у оз. Сары-Айдин¹⁰⁴. Его поверхность была покрыта сложным орнаментом, выполненным оттисками штампов в виде сплошных зигзагов и косых линий.

По нашим наблюдениям, сосуды со скошенными плечиками появляются в Центральном Казахстане к концу эпохи средней бронзы (в период позднего андрона) и получают свое развитие в бегазы-дандыбаевское время. Об этом свидетельствует керамика, найденная в могильниках Былкылдак I (ограда 9), Карасай и Темирастау¹⁰⁷.

В бегазы-дандыбаевское время скошенное плечико принимает форму острой грани в толстостенных грубых керамических сосудах без орнамента. Наиболее яркие образцы этой керамики были обнаружены в Айдарлы¹⁰⁸, Бегазы 6, в поселении Малая Красноярка в Восточном Казахстане¹⁰⁹ и на стоянках Западного Казахстана¹¹⁰.

Сосуд 11 плоскодонный, венчик его слегка отогнут наружу. Плечико плавно переходит в тулово. По форме он не отличается от горшков 10 и 12. Ногтевой орнамент в виде больших треугольных фигур, опущенных вершинами вниз, занимает верхнюю половину сосуда.

Сосуд 12 в виде горшка с прямым венчиком, плоским дном и остро выступающими плечиками. Орнамент выполнен ногтевыми оттисками и представляет собой треугольные фигуры, покрывающие поверхность сосуда от венчика до дна. Все три сосуда отличаются простотой формы и орнамента и значительной толщиной стенок. На поверхности местами сохранились следы заглаживания. По характеру они сходны с керамикой из Айдарлы.

Большую художественную ценность представляет вторая группа сосудов. Это тонкостенные красивые сосуды, сделанные с большим мастерством. Совершенно идентичны по технике изготовления. Все сосуды этой группы изготовлены из глины с примесью толченого гранита и пирита. В этой серии керамики наблюдается лощение поверхности, как с наружной, так и с внутренней стороны.

Среди дандыбаевских встречаются сосуды с темно-серой и черной поверхностью с глянцевым блеском. По этому поводу М.П. Грязнов писал, что темно-серые и черные цвета получались в результате «преднамеренного пропитывания их стенок органическими веществами, которые при обжиге на равномерном и умеренном огне обугливались, но не сгорали»¹¹¹.

По нашим наблюдениям, здесь важную роль играл замес глины на жирном молоке. При умеренном обжиге стенки таких сосудов приобретали глянцевый черный цвет. Сосуды, изготовленные этой техникой, обнаружены нами в комплексах Бегазы, Бутулы III, Сангру I, III.

Керамика этой группы разнообразна по форме: кубки, чаши и кувшины (рис.81).

Кубков обнаружено два. Оба изящны, однотипны по форме, размерам и орнаменту, расхождения незначительные. Венчик прямой, слабо отогнутый наружу. Своеобразие кубков составляет высокий конический поддон, сделанный налепом из отдельного куска глины. Орнамент выполнен мелкими оттисками гребенчатого штампа и состоит из спиральных линий, опоясывающих тулово сосуда в горизонтальном и наклонном (кубок 1) положении. На поддоне кубка 2 оттиск тамги, похожий на тамгу «багана». Кубки оригинальны, самобытны, не имеют аналогов. Их появление связано с успешным развитием скотоводства в Центральном Казахстане. Предназначались они для питья, о чем говорят их объем и изящная форма.

Ко второму типу относятся три великолепные чаши. Все они однотипны по форме и величине, отличие лишь в орнаментации.

Сосуд 3 – небольшой горшок шаровидной формы с высокой шейкой и уплощенным, неустойчивым дном. На свободной от орнамента поверхности следы лощения. В тесте примесь кварцевого песка и незначительного количества пирита. На внутренней поверхности сохранились остатки нагара. Орнамент двухъярусный в виде елочки (по шейке) и зигзагов.

Сосуд 4 шаровидной формы, уплощенным дном и слабо выраженным венчиком. Внешняя поверхность темно-серого цвета,

местами с черными блестками пирита. В тесте примесь толченого камня. Дно слегка выпуклое, неустойчивое. Орнамент выполнен сложным гребенчатым штампом, сначала проведен контур ленты, который был заполнен косой штриховкой. Поверхность сосуда со следами лощения, как снаружи, так и изнутри.

Сосуд 5 с шаровидным туловом, выпуклым дном, прямой, слегка отогнутым наружу венчиком. Формован из теста с примесью кварцевого песка и измельченного пирита. Орнамент нанесен гребенчатым штампом: контуры ромбических фигур заполнены косой штриховкой. На дне сосуда после обжига нацарапана тамга, такая же, как на кубке 2. Интересно, что изображение этой тамги в памятниках Центрального Казахстана встречалось неоднократно. Ее мы видим на венчике сосуда из огады Сангру I, на горшке из поселения Узеней в Западном Казахстане¹¹², на горшке 2 из огады 3 Былкылдак I. Все они относятся к культуре предскифского времени Казахстана.

Чаши Дандыбая отличаются строгостью форм, изяществом, красотой рисунков, что свидетельствует о высоком уровне развития гончарного искусства в Центральном Казахстане в предскифское время. Самые близкие аналоги сосуда найдены в памятниках поздней бронзы Бегазы и Сангру I. Подобные сосуды обнаружены также в памятниках Елбек, Суйгуш¹¹⁷ (некрополь в Кентских горах Каркаралинского района), Егизек II, а также в карасукских погребениях Алтая¹¹⁸ и Минусинской котловины¹¹⁹.

Сосуд 6 имеет форму невысокого кувшина с шаровидным туловом, высоким горлом и уплощенным дном. Сделан из хорошего теста с примесью кварцевого песка и измельченного пирита. Сосуд тщательно отполирован снаружи, меньше изнутри. Орнамент нанесен гребенчатым штампом в характерной для этой серии сосудов технике: сначала вытеснен контур геометрических фигур, затем он заполнялся косой штриховкой. Рисунок трехъярусный: по венчику идут вытянутые треугольники, заштрихованные рядами коротких гребенчатых линий, по шейке – ряды заштрихованных прямоугольных фигур, по тулову – сложный меандр, также тщательно заштрихованный.

Сосуд 7 имеет форму невысокого кувшина с шаровидным туловом, прямым горлом и плоским дном. Поверхность черная,

сохранились следы полировки как снаружи, так и изнутри. В тесте примесь измельченного кварцевого песка и блесок пирита. Дно в виде налепа тонкого кружка глины. Орнамент: мелкая сетка, образованная оттиском тонкой пластинки, на фоне которой по шейке и тулову идет двухъярусный ромбический рисунок.

Сосуд 8 сделан в форме небольшой миски с прямым венчиком, шаровидным туловом и уплощенным дном. На поверхности имеются следы полировки. В тесте незначительная примесь толченого камня. Орнамент в виде налешных бугорков, обрамленных тремя рядами точек, опоясывает тулово.

Сосуд 9 имеет форму небольшой миски, плоскодонный, с шаровидным туловом и красивым изгибом шейки. Венчик слегка отогнут наружу. На поверхности сохранились следы лощения. В тесте примесь измельченного кварцевого песка и блесок пирита. На дне пластинкой сделаны два глубоких вдавления в виде тамги. Орнамент представляет собой ряды ногтевых зашипов, опоясывающих тулово сосуда (16 рядов).

Такова характеристика двух больших групп керамики Дандыбая. Несмотря на некоторые индивидуальные черты, керамика Дандыбая по своей форме, технике лепки и орнаментации составляет единое целое с керамикой других памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана и без сомнения представляет искусство одной школы мастеров бегазы-дандыбаевского времени.

ПАМЯТНИКИ ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА ОТ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗУ (VIII-VII ВВ. ДО Н.Э.)

В Центральном Казахстане исследована группа памятников, в которых вместе с культурными традициями эпохи поздней бронзы отмечается появление черт, свидетельствующих о начале формирования культуры раннего железа. Речь идет о группах Айдарлы (на р. Атасу), Бугулы II (Кусмурун), Кент (Каркаралинские горы), Былкылдак I (подгруппа Б), поселениях Тагибай-булак (Баянцүлский район), Суук-булак (Каркаралы III) и др. В этих памятниках наблюдается упрощенный тип погребальных

конструкций, керамических изделий, появление орудий труда и украшений, не свойственных развитому этапу поздней бронзы. Они отражают серьезные изменения, происшедшие в производственных отношениях и культуре степного общества бегазы-дандыбаевского времени на стадии его перехода к культуре раннего железа.

Айдарлы

Из памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана известный интерес представляет комплекс Айдарлы, обширный по количеству сооружений и разнообразный по их форме (рис. 82). Он расположен в широкой долине Аксай, на правом берегу р. Атасу, в 7 км на северо-запад от аула Айшрак. На другом берегу реки находится большая группа андроновских памятников Айшрак.

В группе Айдарлы насчитывается около сотни памятников, относящихся к разным историческим периодам. Они разбросаны по всей долине р. Аксай, начиная от ее истока до впадения в р. Атасу. Самая значительная группа состоит из концентрических квадратных оград. Все ограды безнасыпные, от безнасыпных андроновских оград отличаются большими размерами и геометрической четкостью планов. Ограды сооружены из плит гранита, вкопанных на ребро. В некоторых оградах плиты отсутствуют, они, по-видимому, увезены местными жителями для строительных дел. Внутри оград большие каменные ящики, погруженные в грунт.

Ограда 1. Внутри нее большой каменный ящик без восточной стены. Ящик прямоугольной формы с размерами сторон 1,6 м и 2 м, продольной осью ориентирован с запада на восток. После расчистки установлено, что ограда разорена грабителями, почвенный состав также не благоприятствовал сохранности памятника. В разных местах обнаружена порошкообразная масса – кости в дисперсном состоянии. На дне ящика обнаружены крупные фрагменты трех сосудов (рис. 86). Один находился у основания головной плиты, другой – в западном конце северной стены, третий – ближе к южной стене. Все горшки без орнамента, сделаны из грубого теста, плоскодонные, с прямыми венчиками и с изгибом ближе к шейке, выпуклыми боками и острыми плечиками, зауженным

поддоном (рис. 87). Сосуды просты, однако их силуэты производят неплохое впечатление. По форме они имеют аналоги в керамике поселений эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана и Южного Урала.

Ограда 2. Сохранился лишь большой каменный ящик, вокруг которого видны ямы от плит ограды. Ящик из гранитных плит с размерами сторон 2,6 м и 1,5 м вытянут с запада на восток. Обнаружены отдельные обломки плит перекрытия. На стыке северного и западного углов обнаружен раздавленный горшок без орнамента, по форме подобный горшкам из ограды 1. Других предметов выявить не удалось. Погребение разграблено.

Ограда 3 (рис. 83) сохранилась лучше других, имеет форму прямоугольника с размерами сторон 6,5 м и 10 м, сложена из вертикальных плит, вкопанных на ребро (рис. 72). Внутри ограды находился большой каменный ящик прямоугольной формы с размерами сторон 1,9 м и 1,4 м и высотой 1,08 м. Размеры сторон плиты, перекрывавшей его, 2,09 м и 1,5 м. После расчистки выяснилось, что погребение ограблено, большинство человеческих костей были вне ящика. Череп не обнаружен, предметов обихода также не было.

Ограда 4 расположена в юго-восточной части комплекса Айдарлы. Она сравнительно большая, прямоугольной формы с размерами сторон 5,3 м и 4,6 м. Ограда сооружена не из крупных, вертикально поставленных плит, как в других оградах этой группы, а из сравнительно небольших каменных плит, уложенных горизонтально. Ориентирована продольной осью с севера на юг. Сохранились ее западная стена, частично – южная и северная. В центре ограды в грунте обнаружена камера, стены ее с трех сторон облицованы каменными плитами, причем более крупные плиты с западной и северной сторон, с южной стороны плиты отсутствовали. На дне камеры, ближе к восточной стене обнаружен вытянутый костяк человека, лежавший на спине, головой на юг, ногами на север. От черепа сохранились лишь зубы, по которым можно судить, что это погребение пожилого человека. Камера была рассчитана на двоих, но ее западная половина оказалась пустой. На дне ее обнаружены обломки грубой керамики.

Ограда 5 – сооружение из вертикальных плит, вкопанных на ребро (рис.84,85). Имеет форму квадрата с размерами сторон 3,3-3,4 м. Стороны ориентированы по сторонам света. Внутри ограды большой каменный ящик с размерами сторон 2 м и 2,3 м. В результате ограбления фрагменты керамики и человеческие кости лежали в разных местах и на разной глубине. На некоторых из фрагментов керамики был орнаментальный узор, выполненный крупным гребенчатым штампом (рис. 87). Керамика из ограды 5 Айдарлы формой и орнаментом подобна керамике Бегазы-Дандыбая и Сантру I.

Неорнаментированная керамика Айдарлы с ее простыми формами характерна для конца эпохи бронзы. Такие простые сосуды, необходимые в обиходе, были обнаружены и в бегазинских памятниках. Погребальные сооружения и обряд погребения в группе Айдарлы сходны с дандыбаевскими, бегазинскими, сантрускими и бутулинскими памятниками.

Бугулы II (Кусмурун)

В 1952 г. обследован обширный комплекс эпохи поздней бронзы Бугулы II (Кусмурун). Он расположен у северо-восточного подножия горы Бугулы, против одной из ее вершин Кусмурун, на берегу небольшой горной речки Шопа. Комплекс находится в 80 км к югу от г. Караганды.

В комплексе до 60 памятников, различных по типу и времени сооружений (рис. 88). Раньше их было больше, многие из них смыты весенними потоками. Основная масса сооружений относится к эпохе поздней бронзы (XII-X вв. до н.э.), остальные – к эпохе ранних кочевников. Памятники можно разделить на следующие типы сооружений:

1. Небольшие четырехугольные каменные ограды из плит, вкопанных вертикально. Размеры оград – 4,5x3,5 м, 4x2,8 м, 3,2x2,8 м. Внутри них большие ящики из массивных гранитных плит, вертикально вкопанных в землю. Края ящиков выступают над поверхностью земли на 40-50 см. Размеры ящиков – 2x1,5м; 2x1,2м; 2,2x2м.

2. Массивные четырехугольные ящики из вертикально вкопанных в землю плит гранита. Размеры такие же, как у предыдущего типа ящиков. Внешней ограды нет (рис.89, 90).

3. Большие четырехугольные ящики из гранитных плит, установленных на ребро, преимущественно с южной или юго-западной сторон. Размеры ящиков 3,6x1,6 м, пристройки – 1x0,8 м.

4. Большие четырехугольные ограды из массивных гранитных плит, установленных на ребро. По углам – вертикально вкопанные камни высотой 1,45 м, в юго-восточном углу большая плита в виде изваяния животного – “бараний” камень. Его размеры: высота – 1,7 м, ширина – от 30 до 50 см. Размеры сторон ограды 8 и 7 м.

5. Невысокие курганы с кольцевыми выкладками из плит на насыпи высотой от 0,4 до 1 м, диаметром от 5 до 12 м.

6. Округлые курганы, на вершине которых кольцевые выкладки из камней, положенных на насыпь плашмя.

7. Курганы с концентрическими квадратными оградями и большими каменными ящиками внутри. Ограды из плит среднего размера, лежащими плашмя. Диаметр кургана – 12-15 м, высота – 0,8-1 м (рис.91).

8. Округлые курганы высотой 80-90 см с кольцевыми оградями из лежащих плашмя камней у основания.

9. Невысокие курганы с квадратными или прямоугольными оградями в центре и пристройками прямоугольной формы, напоминающими входы в бегазинские ограды. Ограды с размерами сторон 7 и 6 м.

10. Плоская каменная насыпь округлой формы, по краю обрамленная камнями, положенными плашмя.

11. Плоские каменные выкладки с кольцевым обрамлением по краям и с массивным ящиком в центре из крупных удлиненных блоков, поставленных на ребро. Размеры ящика – 1,4 м и 1,6 м, ограды – 3,7 м и 4,8 м.

12. Каменная насыпь округлой формы, высотой 0,8 м, диаметром 10 м. У восточной части расположен другой курган, также с каменной насыпью, но меньшего размера. От него на восток дугообразно тянутся две каменные дорожки – “кусь”.

В комплексе исследовано 12 объектов. В результате установлено, что большинство из них являются памятниками эпохи поздней

бронзы, а плоские каменные выкладки и курганы «с усам» относятся к эпохе ранних кочевников.

Ограда I имеет квадратную форму и сложена из плит, вкопанных вертикально. Размер стороны ограды 2,9 м. В центре ее находится большой гранитный ящик подквадратной формы с размерами сторон 1,75 м и 1,85 м. Глубина ящика 95 см, высота боковых плит 0,9 м-1 м. За оградой против юго-восточного угла ящика стоит каменный столб с наклоном к северо-востоку, высотой около одного метра, шириной 40 см. Ограда ориентирована углами по сторонам света. При раскопках на глубине 0,5 м в центре ящика обнаружен почти целый горшок, украшенный геометрическим узором. Горшок ручной лепки с красиво изогнутым венчиком, шаровидным туловом и плоским поддоном. Между шейкой и венчиком проходит рельефный валик. Обжиг средний, излом темного цвета. Орнамент нанесен особым штампом в виде бараньего рога, покрывает поверхность тулова сосуда (рис.92, 1). На той же глубине в северо-западном углу обнаружен крупный фрагмент черепа, остальные его фрагменты найдены на глубине 85 см в другой части ящика. При дальнейшей расчистке в северо-западном углу на глубине 0,7 м обнаружен глиняный сосуд, стоявший дном вверх. Сосуд шаровидной формы, плоскодонный, с прямым венчиком. По шейке проходит орнамент, выполненный своеобразным штампом в виде пересекающихся линий. Хаотичное расположение материала свидетельствует о том, что погребение было подвергнуто нашествию грабителей. Других предметов материальной культуры не выявлено.

Ограда 3 расположена в северной части комплекса. Она сложена из крупных гранитных плит, вкопанных на ребро, длинной осью ориентирована с запада на восток. Внутри нее ящик квадратной формы, длина сторон которого 4 метра. Глубина ящика – 0,6 м, его дно было заполнено землей, перемешанной с галькой и щебнем. Стены ящика из довольно крупных гранитных плит, установленных вертикально. Высота северной стены – 0,75 м, восточной – 1,5 м. По свежим изломам видно, что верхняя часть плит отбита сравнительно недавно, они выступают над поверхностью земли на

20-60 см. В результате расчистки ограды в северо-западном углу ящика, на глубине 0,50 метра обнаружены фрагменты трубчатой кости барана и красивого сосуда с дугообразной шейкой. Сосуд светло-коричневого цвета, почти равномерного обжига. Сосуд имел слегка отогнутый высокий венчик и закрученные бока тулова. Орнамент состоял из удлиненных косых треугольников и меандра, выполненных мелким зубчатым штампом, и ямок в форме параболы (рис.93. 4,5). Узоры были отделены двумя параллельными линиями, сделанными зубчатым чеканом. Венчик украшали треугольники, обращенные вершинами вверх, шейку – узор, приближающийся к меандру. Других находок не было.

Ограда 5 представляет собой кольцевую выкладку из крупных каменных блоков и валунов, не имеющих определенной формы. Ограда концентрическая, ее длина с запада на восток – 5 м, с севера на юг – 3,7 м. В западном конце ее стояла большая плита (сторожевой камень), вкопанная на ребро. Раскопки проведены поквадратно на всей площади ограды. Внутри нее обнаружена погребальная камера с прямоугольным ящиком, ориентированным продольной осью с запада на восток. При расчистке на глубине 0,65 м у южной стены камеры обнаружены кости человека. На этой же глубине у северной стены собраны фрагменты плохо сохранившегося глиняного сосуда грубой лепки. Верхняя половина сосуда от шейки до тулова покрыта елочным орнаментом, нанесенным крупным гребенчатым штампом с поперечными зарубками. По форме и технике выполнения орнамента у сосуда много аналогов в керамике Дандыбая, Бегазы, а также в карасукской керамике Южной Сибири.

Ограда 6 находится в северо-западном конце комплекса, в обособленной группе, имеет прямоугольную форму. Размеры сторон 3,5 м и 4 м. Края вертикально вкопанных гранитных плит, из которых состоит ограда, выступают над поверхностью на 0,45-0,7 м. Внутри нее на глубине 0,8 м каменный ящик с размерами сторон 2 м и 2,2 м. В ящике на разной глубине обнаружены фрагменты сосуда. Сосуд имел слегка отогнутый венчик, плоский поддон, округлые бока и не был орнаментирован. Диаметр дна – 7,5 см. На дне сосуда был отпечаток знака (тамги).

Здесь же собраны крупные фрагменты другого сосуда, изготовленного из глины светло-каштанового цвета с примесью дресвы и вкрапленный кварцевого песка. Обжиг слабый, излом черного цвета. Высота сосуда 12 см, диаметр венчика – 14 см, дна – 8 см. Сосуд с легким изгибом шейки, почти прямым венчиком вытянутой формы, плоскодонный. С наружной стороны дна – концентрический кружок в виде солярного знака. Орнамент сосуда в виде трех пересекающихся линий выполнен гребенчатым штампом (рис. 92,3). Подобный орнамент встречается в керамике Бегазы и Дандыбая, а также обнаруживает некоторое сходство с орнаментом карасукской керамики Енисея.

Со дна ящика подняты фрагменты третьего сосуда. Сосуд светло-каштанового цвета, имеющего в изломе коричневатый оттенок, шаровидной формы с прямым венчиком и легким изгибом шейки. Выпуклые бока его резко переходят в плоский поддон. Орнамент в виде нескольких рядов острых углов вокруг плечика и верхней части тулова выполнен гладким штампом. Оригинальный по своему композиционному построению, он напоминает ковровый узор. Эта находка является ярким самобытным образцом гончарного искусства эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана (рис. 92, 2). Подобный сосуд с несколько иным рисунком был найден в Дандыбае. По типу и технике нанесения орнамента керамика ограда аналогична дандыбаевской и бегазинской. На дне ящика обнаружены фрагменты трубчатых костей человека, но по ним трудно судить об обряде погребения. Ящик ограблен, поэтому других находок не было.

Ограда 7 расположена в центре комплекса. Она имеет прямоугольную форму, вытянутую с запада на восток, длина сторон 2,9 м и 3,5 м. В середине площадки находится большой каменный ящик прямоугольной формы с размерами сторон 1,8 м и 1,25 м. Сложен из четырех плит гранита, вкопанных на ребро. Верхние края плит выступают над поверхностью земли на 10-35 см. При расчистке ограды в северо-западном углу ящика на дне обнаружен глиняный сосуд вытянутой формы. Сверху над ним была небольшая сланцевая плита. Высота сосуда – 12,5 см,

диаметр венчика – 14,5 см, дна – 8,5 см. Сосуд сделан из хорошей глины с незначительной примесью дресвы, в изломе черного цвета. На шейку сосуда нанесен орнамент в виде сплошных зигзагов, выполненных крупным гребенчатым штампом. Мотивы геометрических зигзагов часто встречаются в керамике культуры бронзы, особенно карасукского времени в Южной Сибири. Сосуд из группы Кусмурун с рельефным орнаментом в виде зигзагов (рис. 82,5) близок керамике Дандыбая и керамике поздней бронзы из поселений Кокчетавской области.

На дне ящика обнаружены истлевшие кости человека (конечности и нижняя челюсть). Других находок не было.

Курган-ограда 8 сферической формы с каменной выкладкой в центре (рис. 79). Диаметр кургана – 15,8 м, высота – 0,85 м. Выше шлейфа насыпи видны очертания каменной выкладки в форме трапеции из плит, положенных плашмя. Ограда ориентирована длинными осями по сторонам света с небольшим отклонением к северо-западу. Размеры сторон: западной – 8 м, северной – 9,8 м, южной и восточной – по 9,5 м. На глубине 0,5 м обнаружена внутренняя ограда, вписанная во внешнюю. Пространство между ними – обходной коридор шириной 1,5-2,2 м. Внутренняя ограда имеет форму неправильного квадрата с несколько закругленными углами. Длина ее сторон: северной – 3,9 м, южной – 3,6 м, западной – 4,45 м, восточной – 4,10 м. Ограда своей меньшей стороной обращена на юго-запад. По всей поверхности насыпи были разбросаны каменные плиты, самые крупные лежали в центре. Размер плит: 1,10x1,55 м, 0,95x0,85 м, 1,5x1,0 м, 1,8x1,35 м. Возможно, ими была перекрыта внутренняя ограда. При расчистке послойно-квадратным методом в центре внутренней ограды выявлена погребальная камера подквадратной формы, выложенная из больших прямоугольной формы плит с небольшими щелями между ними. В центре ее лежали огромные гранитные плиты, служившие перекрытием.

Камера прямоугольной формы, сторонами ориентирована по сторонам света. Длина сторон с запада на восток – 2,2 м, с севера на юг – 1,5 м. Между оградями в разных местах на глубине 0,55 м

обнаружены кости животных — следы трапезы. На глубине 1,6 м выявлен неполный костяк человека: позвоночник, тазовые и берцовые кости, а также кости нижних конечностей. В северо-восточном углу камеры обнаружен человеческий череп плохой сохранности. Человек был захоронен в юго-восточном углу в положении сидя, с поджатыми к груди ногами. Судя по скелету, это был человек высокого роста. Других находок не было.

Ограда 9 прямоугольной формы с размерами сторон 4,2 м и 3,5 м, длинной осью ориентирована с северо-запада на юго-восток. В центре на глубине 0,8 м обнаружен большой каменный ящик (рис. 80). Длина его сторон 1,57 м и 1,1 м. Плиты ящика выступают над поверхностью земли на 0,3-0,5 м. Снаружи западного угла ограды находится сторожевой камень высотой 1,78 м, шириной 0,2 м. В этой группе по углам всех оград вертикально вкопаны большие камни. Это характерно для оград эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана и памятников карасукского времени Южной Сибири.

Кости скелета человека обнаружены в разных местах ограды. Со двоя ящика, (глубина 0,75 м) подняты фрагменты глиняного сосуда из теста с примесью толченого гранита и полевого шпата. Поверхность его красновато-серого цвета, что свидетельствует о сравнительно хорошем обжиге. Сосуд шаровидной формы с прямым невысоким венчиком, легким изгибом шейки и уплощенным дном. На шейку гладким штампом нанесен орнамент в форме заштрихованных треугольников. Такие сосуды были обнаружены в памятниках Бегазы и Дандыбай.

Ограда 10. Сохранился лишь большой ящик, сложенный из гранитных плит. Ограда, в которую он был заключен, уже нет, рядом с ним расположен ящик другой ограды, что составляет особенность комплекса Кусмурун. Ящик ограды 10 прямоугольной формы с размерами сторон 2,4 м и 1,45 м, ориентирован углами по сторонам света. На его наружных углах стоят каменные столбы. Под дерновым слоем найден фрагмент изящного сосуда, остальные фрагменты его обнаружены в разных слоях раскопа. Сосуд изготовлен из теста с примесью мелкой дровя, обжиг средний, излом темный. Особенности сосуда составляют

вытянутость корпуса и высокий венчик. Как у остальных сосудов этого комплекса у него легкий изгиб шейки. Орнамент в виде больших ромбов, внутри которых проведены параллельные линии и маленькие треугольники, нанесен мелким чеканом (рис. 93. 1). В памятниках эпохи бронзы Центрального Казахстана подобные сосуды встречаются часто. Орнамент из ромбов — один из ведущих в керамике Дандыбая, а также в керамике карасукского времени Южной Сибири.

Ограда 11 — это большой каменный ящик с входом на юго-западной стороне, расположен в центре северо-западной группы комплекса, к северу от кургана 8. Размеры ящика — 2,6x1,8x1,1 м, входа — 1x0,9 м. На глубине 0,78 м обнаружены фрагменты четырех сосудов, три из них с геометрическим орнаментом, один не орнаментирован. Все сосуды сделаны из теста со значительной примесью толченого кварца и блесков пирита. В изломе густо-оранжевого цвета. Наиболее интересен крупный сосуд с высоким горлом и шаровидным туловом. Орнамент, нанесенный гребенчатым штампом, занимает всю его верхнюю часть. По венчику идут вытянутые треугольники, затем каннелюры, ниже — ногтевой орнамент в виде запятых, по шейке расположены фигуры меандра, затем проходят линии запятых и каннелюр (рис. 93. 6). Сосуд своей формой и орнаментацией подобен горшку 6 из Дандыбая.

Былкылдак I (подгруппа Б)

В комплексе Былкылдак прослежены как древние, архаические, так и новые формы погребений (ограды 3 и 7). Это говорит о том, что сооружения группы Былкылдак отражают историю многих поколений.

Ограда 3 расположена в двух метрах от ограды 7 и вместе они составляют обособленную группу, расположенную на восточном краю большого андроновского комплекса. Ограда представляет собой круг неправильной формы, диаметр которого с запада на восток — 4 м, с юга на север — 3,7 м. В центре ограды находится каменный ящик прямоугольной формы, ориентированный продольной осью с запада на восток (рис. 94).

Ящик составлен из отесанных плит гранита, плотно пригнанных друг к другу. Край ящика выступает над поверхностью земли на 8–10 см. Ящик перекрыт большими гранитными плитами так, что концы их нависают. При расчистке ящика на глубине 0,4 м в северо-западном углу обнаружен целый горшок, здесь же грудой лежали кости барана. В центре ящика, около грудной части человеческого скелета найден раздавленный сосуд. В юго-западном углу ящика обнаружен третий, совершенно целый горшок округлой формы и фрагмент четвертого сосуда. Горшки ограда 3 отличаются от андроновских сосудов формой и орнаментом.

Сосуд 1 целый, плоскодонный, венчик его сильно отогнут наружу, шейка круто переходит в выступающее плечико, шаровидное тулово резко сужается книзу. Горшок сделан из глины с примесью песка, обжиг слабый, в изломе красновато-серого цвета. Лепка ручная, грубая, дно шероховатое и приплюснутое. Верхняя половина горшка покрыта орнаментом из рядов насечек и елочек (рис. 95.1).

Сосуд 2 плоскодонный, вылеплен из красной глины с примесью песка, обжиг сравнительно хороший, в изломе красного цвета. Формовка грубая, поверхность неровная. Венчик отогнут наружу, шейка имеет значительный изгиб. Шаровидное тулово резко сужается ко дну. Сосуд без орнамента. От долгого пребывания в грунте внутренняя и внешняя поверхности были покрыты слоем белого порошка, возможно ангобом.

Сосуд 3 плоскодонный, край венчика слегка отогнут наружу, шейка выгнута, плечико острое (рис. 95.2). Сделан из красной глины с небольшой примесью песка. После обжига стал черного цвета. Внутренняя поверхность сосуда покрыта ангобом сероватого цвета. По плечикам идет елочный орнамент, выполненный гребенчатым штампом в виде квадратных точек. В нижней части тулова видны крестообразные тамги.

Сосуд 4 круглодонный, изготовлен ручной лепкой из красной глины со значительной примесью песка. Обжиг посредственный, в изломе пепельно-серого, местами розовато-красного цвета. Венчик отогнут наружу, шейка сильно изогнута и переходит в остро выступающее плечико (рис. 95.3). Тулово сосуда ближе ко

дну принимает округлую форму, характерную для керамики более позднего времени. Как и на предыдущих сосудах, внутренняя поверхность покрыта сероватым слоем, наподобие ангоба. Орнамент нанесен на верхнюю половину сосуда гребенчатым штампом в виде отвесных и горизонтальных насечек.

Ограда 7 отличается от андроновских памятников большими размерами, двойным concentрическим обрамлением каменного ящика и обрядом погребения. Внешняя стена ограды составлена из крупных плит гранита, положенных плашмя в виде неправильного круга или овала. Ее длина с запада на восток – 5,8 м, с севера на юг – 4,7 м. Внутренняя стена ограды также состоит из крупных плит серого гранита, установленных на ребро. Края ее выступают из земли на 15–20 см, длина с запада на восток – 3,8 м, с севера на юг – 3,2 м.

В центре двойной ограды расположен большой каменный ящик (2,4x1,0 м), ориентированный по линии запад-восток. Ящик перекрыт крупными плитами гранита квадратной формы размерами 1,2x1,2x0,14 м. В его южной половине обнаружен скелет человека, повернутый лицом к северной стене, к жертвенной пище. Правая рука согнута в локте и протянута к жертвенной пище, левая вытянута вдоль ящика, левая нога слегка согнута в колене. В северо-западной части ящика, ближе к центру против скелета человека находился полный костяк барана, задние конечности которого повернуты на восток, череп барана лежал у задних конечностей и лбом был обращен в сторону покойника. На левом бедре покойного лежала баранья лопатка, широкими концами повернутая к бараньей голове. Как известно, баранья лопатка была атрибутом древних шаманов. Возможно, в ограде погребен шаман. На истлевшей лопатке видны места, сглаженные до блеска. Лопатка пропитана розовато-бурой краской, имитировавшей огонь.

Из других находок внимание привлекли фрагменты толстостенного сосуда с плоским дном, прямым венчиком, слегка отогнутым наружу. Сосуд без орнамента, сделан из грубого теста с примесью крупной дресвы, обжиг слабый, цвет в изломе черный. В центре ящика у изголовья человека, между костяками человека и барана находились две каменные терки. Одна маленькая из кальцита

имеет округлую форму диаметром 4,5 см. От многократной работы пестиком ее донная часть сглажена. Вторая терка из мелкозернистого песчаника с закругленными краями и диаметром 9 см. От длительного применения ее дно стало заметно тоньше, чем бока. На дне терки сохранились мелкие ямки — следы от заостренного инструмента.

Кент

В долинах и ущельях Кентских гор сосредоточено много памятников эпохи поздней бронзы, подобных бегазинским, и вместе с другими памятниками этой эпохи составляющих единый пласт культуры предскифского времени. Кентские горы находятся в 80–100 км к северу от Бегазы. Наиболее значительные памятники расположены в урочищах Жанак, Бестамак, в верховьях р. Талды и в долине р. Кзылкент (Кзылсу).

В глубине ущелья, по которому течет р. Кзылкент, около руин дворца Кзылкент расположен крупный комплекс Нарбас, состоящий из 26 квадратных каменных ящиков без внешних оград. Ящики по форме и размерам сходны с каменными склепами без оград из групп Бугулы II и Курылыс. Предметов материальной культуры в них не найдено.

Другая группа разновременных памятников Енбек-Суйгуш расположена на правом берегу р. Кзылкент, у самого выхода ее из Кентского ущелья. Здесь три типа памятников. Первый тип — каменные круги без насыпи, расположенные в центре аула Енбек-Суйгуш. Они относятся к андроновской культуре Центрального Казахстана. Второй тип памятников имеет вид курганов с двойной кольцевой оградой по насыпи (рис. 96), подобных памятникам Айшрак, Мыржык-Жаргас на р. Атасу, Ортау, Аксу-Аюлы, Байбала, Бесоба, Карашоки, Аккойгас и др. Они относятся к высшему этапу развития культуры эпохи средней бронзы и являются непосредственными предшественниками Бегазы-Дандыбая. Третий тип памятников — каменные ящики подквадратной формы больших размеров без оград, относящиеся к бегазы-дандыбаевскому времени. Наиболее крупные из них находятся в урочищах Нарбас (горы Кент), Айдарлы, Дарат (р. Атасу), Бугулы

II, Курылыс (р. Нуртай), Эскене (р. Казангал). В комплексе Енбек-Суйгуш насчитывается около десяти ящиков третьего типа, из них три обследованы Л.Ф. Семеновым¹¹³.

Ящик 2 подквадратной формы, ориентированный длинной осью по линии запад-восток. Длина 1,69 м, ширина 1,33 м, высота 1,3 м. Сам ящик и человеческий скелет в нем сильно потревожены, керамика разбита. На дне ящика встречены обломки глиняных сосудов, один из них со следами лощения. Для описываемой эпохи характерен сосуд (обнаружены его два фрагмента) цилиндрической формы без шейки с налезным венчиком. Наше внимание привлек керамический предмет в форме тарелки, асимметричный, с широкими краями и глубоким дном небольшого диаметра (рис. 97. 1). Найденный фрагмент представлял 3/4 целого предмета. Назначение его не совсем ясно. Судя по малой величине, это плоская блюдцеобразной формы, на которой помещался фитиль для освещения. Вероятно, она имела ручку (эта часть отсутствует). По форме она напоминает плоску из огады 5 группы Беласар, а также ковш из лосниного рога с короткой ручкой, обнаруженный у ключа Муялды (в Калбинских горах) и каменный светильник такой же круглой формы, найденный в районе Калбинских рудников. Плоски из разных материалов (камень, глина, кость) использовались в качестве светильников в шахтах, забоях, штольнях. Их немало найдено в Джекказгане, Степняке и на других древних выработках Центрального и Северо-Восточного Казахстана. Судя по форме, кентская плоска более поздняя. Вообще керамические сосуды этой группы более позднего происхождения, чем позднебегазинские. Материалы этой группы совпадают с началом культуры сакского времени.

Ящик 4 сравнительно крупных размеров: его длина 1,92 м, ширина 1,13 м, глубина 1,08 м; ориентирован длинной осью по линии запад-восток. На глубине 0,36 м у южной стены ящика встречены череп и отдельные кости человека, у западной стены обнаружены три неполных и один целый сосуд.

Сосуд 1 в форме кувшина с чуть отогнутым наружу венчиком, выраженной шейкой, выступающими плечиками и слегка выпуклым туловом (рис. 97. 2). Поверхность розоватая, со следами

лошения. В тесте примесь мелкозернистого песка. Формован из кома глины способом выдавливания круглым шаблоном на мягкой подставке. Орнамент из рядов косых черточек и горизонтальных линий в форме лент опоясывает шейку и плечо сосуда. Аналоги этой чаше есть в керамике Бегазы, Сантру 1 и Дандыбая. Кентская чаша отличается от них некоторыми особенностями и прежде всего приземистой формой. Судя по технике нанесения орнамента, она более поздняя и близка к керамике большереченской культуры на Алтае, датируемой VII в. до н. э.¹¹⁴

Сосуд 2 сделан в форме кувшина с яйцевидным туловом, узким горлом, наlepным венчиком и плоским дном (рис 97. 3). Край венчика слегка отогнут наружу. Плечики выражены слабо. Диаметр дна больше диаметра горловины. Поверхность серого цвета со следами лощения. Формован ленточным способом. Хорошо прослеживается переход кольцевых лент от дна к стенкам. Орнамент в виде с косых насечек нанесен на наlepной венчик и вокруг тулова. Такой формы сосуда в культуре бронзы не встречаются. Лишь узкое горло напоминает о его преемственной связи с керамикой Бегазы-Дандыбая. Сосуд близок к керамике скифского времени (VII в. до н. э.) из курганов с «усами» и особенно к керамике большереченской культуры Алтая¹¹⁵.

Сосуд 2 по форме подобен сосуду 3. У него наlepной венчик, слегка отогнутый наружу, сравнительно узкое горло и плоское дно. На плечиках едва заметен уступ, уже не свойственный этому времени. Поверхность темно-серого цвета со следами лощения. Формован тем же способом, что и сосуд 3: наlepом кольцевых лент на гладкую основу. Орнамент грубый, нанесен косыми насечками по наlepному валику, шейке и тулову. Аналог этому сосуду есть только в керамике из курганов с «усами»¹¹⁶ и в керамике большереченской культуры Алтая¹¹⁷.

Сосуд 4 – вытянутой формы кувшин с наlepным венчиком, слабо скошенным плечиком и плоским дном (рис. 97.4). Поверхность темно-серого цвета со следами лощения. Формован тем же способом. Сосуд без орнамента. Аналоги этому сосуду есть в керамике Бугулы II, Айдарлы, раннескифского времени, в частности из курганов с «усами» и большереченской культуры, датируемой VII в. до н. э.

Ящик 5 почти таких же размеров, как предыдущие: длина 2,0 м, ширина 1,05 м, глубина от верхнего края 1,07 м, глубина у западной стены 1,26 м. При расчистке в юго-западном углу ящика обнаружен череп человека хорошей сохранности, без нижней челюсти. У восточной стены найден крупный фрагмент сосуда темного цвета. Ближе к северной стене обнаружен целый сосуд, имеющий решающее значение для датировки всей подгруппы. Сосуд имеет шаровидное тулово, слабо выраженную шейку и кольцевой поддон. Поверхность кирпичного цвета с хорошей полировкой. В тесте примесь толченого камня. Формован разной техникой: кольцевой поддон вылеплен отдельно, на плоской подставке, а стенки шаровидного тулова – способом выдавливания из кома глины при помощи круглого бульжника. Сосуд украшен крупными ямочками черного цвета. Подобный орнамент из крупных ямочек на сосуде из мавзолея Бегазы 5, на чаше из Сантру I. Присутствие этого сосуда в керамике более позднего времени (VII в. до н. э.) свидетельствует о длительном бытовании керамики бегазинского типа.

Кентская керамика не имеет аналогов ни в керамике андрона, ни в керамике карасука. По своему характеру, форме, орнаменту и технике изготовления она близка керамике раннесакского времени (VII в. до н.э.), в частности, посуде из курганов большереченской культуры Алтая. Кроме керамики в описываемой группе памятников не были обнаружены предметы бытового обихода или украшения, которые могли бы дать более полное представление о кентском этапе древней культуры Центрального Казахстана. Лишь коллекция металлических изделий кентского этапа, вывезенная С. Б. Броневским и хранящаяся в ГИМе, может дополнить наши представления о культуре этого этапа. Среди найденных Броневским предметов были «золотые серьги, род женской гребенки из чистого золота очень хорошей работы. Поднято несколько медных обломков от конской сбруи и оружия, много разбитых узорчатых горшков из обыкновенной глины»¹¹⁸. Некоторые из этих предметов – золотые серьги, фрагменты горшков с узорчатым орнаментом, несомненно, относятся к бегазы-дандыбаевскому времени. На основе сравнительного анализа можно сделать заключение, что поздние памятники кентского некрополя совпадают с концом эпохи поздней бронзы и началом культуры ранних кочевников.

Материалы из памятников конца эпохи бронзы – начала железа свидетельствуют об уходе древней производственной традиции и начале становления новой культуры, характерной для раннего железа. Для переходного этапа от бронзы к железу, к которому относятся комплексы Айдарлы, Былкылдак (подгруппа Б), Кент, Сангру I (подгруппа раннего железа), поселения Тагибай-булак, Кульман и другие, характерны грубые упрощенные формы керамики, отсутствие тщательности в ее изготовлении, часто отсутствие орнамента, т.е. керамика конца бронзы – начала железа приобретает деградированные формы, свойственные керамике раннесакского времени, найденной в курганах Центрального Казахстана (тасмолинская культура) и Нижней Сырдарьи¹¹⁹. В памятниках поздней бронзы, бегазы-дандыбаевского времени сосудов без орнамента множество, такие сосуды были удобны в обиходе, но вместе с тем найдено много великолепных, изящных сосудов с роскошным орнаментом. Это – подлинные шедевры гончарного искусства.

Начало сложения культуры раннего железа, в то время еще сохраняющей пережиточные формы старой бегазы-дандыбаевской культуры, отражают и курганы-ограды в группе Сангру I, в горах Жаксы-Жылтау. Они близки к памятникам бегазы-дандыбаевского времени, однако керамика этих оград уже груба, бесцветна, напоминает керамику Айдарлы.

О начале выплавки железа в это время говорят скопления железных шлаков, груды железной руды, слитки железа, обнаруженные в культурных слоях поселений Суук-булак (Каркаралы III), Тагибай-булак, Шортанды-булак, в штольне древнего рудника Саяк. В это время появились первые железные предметы и орудия, обнаруженные в культурном слое жилища 21 поселения Шортанды-булак, в поселении Кульман и др. Материалы из памятников Центрального Казахстана конца эпохи бронзы дают совершенно конкретные сведения о появлении здесь железа в III-II вв. до н.э., что подтверждено спектральным анализом значительного числа находок.

Дальнейшее развитие и становление культуры раннего железа в Центральном Казахстане прослеживается в классических

памятниках Жамбай-Карасу (Тологай), Тасмола I, V, VI, Карамурун I, Нурмамбет I, II, IV и т.д. Среди них особенно примечательна группа Жамбай-Карасу, памятники которой представляют собой большие ящики из гранитных плит, поставленных на ребро, без внешних оградок. Эти ящики многогранной формы, появившиеся в новую эпоху, еще сохраняют строительные традиции прошедшей эпохи. Большая группа памятников Центрального Казахстана конца эпохи бронзы дает совершенно конкретные сведения о появлении здесь железа в VIII-VII вв. до н.э., что подтверждено спектральным анализом значительного количества находок (см. таблицу).

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение. С.153; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С.99, 103-104, 143.
- 2.Киселев С.В. Указ. соч. С.143.
3. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 1960, №88. С. 99-101.
4. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. С. 162
5. Черников С.С. Указ. соч. С.70.
6. Там же. С.85
7. ЦГА КазССР. Ф. 374, оп.1, д. 663, 2897. Воннов Л.В. Народный киргизский праздник по случаю прибытия в Сибирь Великого князя Владимира Александровича. СЛ. 1868, №24
- 8.Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. ТИИАЭ АН КазССР. Т.5, 1958, табл. X, 1-7.
9. Karlgren B. Some weapons and Tools from the Yin Dynasty.-BMFEA, 17. Stockholm, 1945, p. 112-113; Киселев С.В. Указ. соч. С.124-127, 143-146, 162, 166-168, 170-172.
- 10.Anderson J. Hunting Magic in the Animal Styl. -BMFEA, 4, Stockholm, 1932.
11. Loehr M. Chinese Brone Age Weapons. University Michigan. London, 1956, p. 83.
- 12.Watson W. China before the Han Dynasty. London, 1961, p. 88.
13. Членова Н.Л. Карасукская культура. В кн: История Сибири. Т.1. Улан-Удэ, 1964. С. 7
14. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. С.33; Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. С.23-26.
- 15.Ghirschman R. Notes iraniennes IV. Le tresor de Sakkes, les origines de l'art Mede et les bronzes du Luristan.- «Artibus Asiae», vol. XIII, Askona, 1950; Он же. Notes iraniennes VIII Le dieu Zurvan sur ee bronzes du Luristan.- «Artibus Asiae» vol. XXI, Askona, 1958; Он же. Persia from the origins to Alexander the Great. London, 1964; Po-

tada J. Iran ancien. L'art a l'epoque preislamique. Paris, 1963 p. 129-130; Dyson Ninth Century Men in Westen Iran. - «Archalogy», vol. 17; New Jork, 1964, p. 8; Terrace E.L. Some Recent Tinds frau Norwest Persia.- «Syria», Paris, 1962, t. 39, p. 214, 215. Calmeyer P. Altiranische Bronzen Sammlung Brockelschen. Berlin, 1964.

16. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С.40.

17.Terrace E.L. Some Recent Tinds frau Norwest Persia. P.214, 215

18.Грязнов М.П. Указ. соч. С.129-131; 157-162; Он же. История древних племен Верхней Оби. С.26, 36-43; Грязнов М.П., Комарова М.Н. Карасукский могильник Кюргеннер. В кн. Археологические открытия 1966 г. М., 1967. С. 137-138; Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры. Археологический сборник. ГЭ, 1962, №5. С. 62-75; История Сибири. Т.1. 1968, гл. IV; Духе X. Вопросы периодизации эпохи поздней бронзы в степях Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1970; Рахимов С. Памятники андроновской культуры в степях Среднего Енисея. Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. Л., 1966; Пяткин П.Н. Датировка карасукских изогнутых ножей. Кемерово, 1967.

19.Архив ЛОИА. Ф. 172.

20.Грязнов М.П. Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. КСИЭ, 1965, №24. С.22-23; Он же. Степные скотоводческие племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. Л., 1968. С. 180-181.

21. Киселев С.В. Указ. соч. С. 127, 138.

22.Loehr M. Ordos Daggers and Knives. «Artibus Asiae», vol. 14, 1-2, 1951, p. 142; Anderson G. Hunting Magic in the Animal Styl. P. 224.

23 Киселев С.В. Указ. соч. С.158.

24.Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры. В кн. Казахи. Л., 1930. С.162

25. Киселев С.В. Указ. соч. С.158.

26 Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры М., 1967. С.204-205.

27. Археологические работы Академии наук на новостройках. Известия ГАИМК. Вып. 110, 1935. С.57, рис. 43

28. Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х. Плиточные ограды могильника Бегазы.

29. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. С. 158.

30. Киселев С.В. Указ. соч. С. 158, прим. 4.

31. Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. С. 24; Кузьмин Е.Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы. КСИА. 1970, №122. С. 46.

32. Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. МХЭ, вып. 3. М., 1963. С. 12

33. Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х. Плиточные ограды могильника Бегазы.

34. Кривцова-Гракова О.А. Указ. соч. С. 82, рис. 13,1, с. 109

35. Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972, ил. 2.

36. Черников С.С. Указ. соч. С. 255, табл. XII, 1-2.

37. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. МИА. М., 1952, №30. С. 166, табл. XXX, 1,2.

38. Кривцова-Гракова О.А. Указ. соч. С. 86, рис. 19; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 214, табл. XXIII; с. 245, табл. XLIII, 1,2; с. 232, табл. XXXIII, 15; с. 251, табл. XLVII, 1-8; с. 231, табл. XXXII, 1; Черников С.С. Указ. соч., с. 221; табл. XXIV, 3-5; с. 242; табл. XXIX, 2; с. 267, табл. XXXVII, 6, 8.

39. Членова Н.Л. Указ. соч. С. 291, табл. 41, 1,2; с. 292, табл. 42, 1, с. 204-205.

40. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. С. 30, рис. 6, 1, 7, 8, 9; табл. V, 26-32.

41. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. Табл. X, 8.

42. Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение. С. 138-139, рис. 61, 62.

43. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. Табл. VI, 4.

44. Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. С. 36-47; Грязнов М. П. Восточное Приаралье. В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л., 1966. С. 234, рис. 51.

45. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 315, рис. 6, 1-4; рис. 66, 59-61; рис. 31, 1-4; Акишев К.А. Памятники старинны Северного Казахстана. Труды ИИАЭ. Т. 7, табл. VI.

46. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. Табл. XVI, 3-4; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 299, табл. XXIX, 4; Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. Табл. XVII, 12-13; Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение. С. 120, рис. 44, 1.

47. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. С. 225, табл. XXX, 1-4, 7; табл. IV, 1; Он же. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции 1947 г. Известия АН КазССР. Серия археологическая.

48. Маргулан А.Х., Акишев К. А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 272, табл. LV.

49. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. С. 251, табл. 5, 2-4.

50. Кривцова-Гракова О.А. Сидчиковское поселение. С. 166, рис. 16, 1.

51. Педашенко Ф. Н. Об археологических находках в окрестностях Семипалатинска. ЗСПО РГО, 1912, кн. 6. С. 52-53.

52. Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка. КСИИМК. Вып. XI, 1951, рис. 29, 70, 71.

53. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. С. 31, рис. 7, 28, 29, табл. XV.

54. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955. С. 55, рис. 2, 28.

55. Кадырбаев М. К. Акмола – памятник андроновской культуры. С. 103, табл. III, 1.

56. Материалы археологической комиссии, т. VIII. Спб., 1909, табл. XXVI, рис. 3; Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, М., 1960, № 93, рис. 43, 13, 14; Смирнов К.Ф. Археологическое исследование в Дагестане в 1948-1950 гг. КСИ ИМК, XIV, 19526, с. 92, рис. 38, 5.

57. Джапаридзе О.М. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии. КСИИМК. Вып. 60. М., 1955. С. 26, рис. 3, 1-4.

58. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. С. 96, рис. 27, 9; с. 94, рис. 43, 14.

59.Грязнов М.П. История племен Верхней Оби. С. 30, рис. 6, 1, 7, 9; табл. V, 26-28, 32.

60.Госэрмитаж, кол. 2409/26, 2408/82, 2411/3.

61.Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Табл. XVI, 8, 9, 14, 15.

62.Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 73-78, 190-196, 219-228.

63.Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. С. 31, 82; Он же. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. С. 137, рис. 5, 4, 5; с. 139, рис. 17, 3, 4.

64.Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Табл. XIII, рис. 3.

65.Грязнов М.П. История племен Верхней Оби. Табл. XXIX, рис. 8-10.

66.Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. С. 140, рис. 8—9.

67.Грязнов М.П. История племен Верхней Оби. Табл. XI, 3.

68.Синицын И.В. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК. Вып. 50, 1953, С. 80, рис. 33, 2; МИА, М., 1960, № 78, 140, рис. 50, 8, 9.

69.Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Табл. XXVII, 2; с. 153; табл. XV; с. 14.

70.Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. Рис. 18, 2.

71.Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Табл. XXXI, 2; табл. XXXV, 1-2, 14; табл. XIV, 1-2, 5-6, 9; табл. I, 10, 11, 13, 14, 15; табл. XXXVII, 4; табл. XLII, 1, 3, 7, 10, 11, 14; табл. XLIV.

72.Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. Табл. XIV, 3, 9; табл. XIX, 19, 27.

73. Членова Н.Л. Карасукская культура. Табл. 21, 1.

74.Кузнецов-Красноярский М.П. Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 г. Томск, 1907, табл. IV, 5.

75.Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. Табл. III, 3.

76.Кибиров А., Кожемяко П.Н. Новые памятники эпохи бронзы. Труды ИИ АН КиргССР. Вып. II. Фрунзе, 1956. С. 41, рис. 5.

77.Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. С. 271, табл. VIII, 17.

78. Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции. 1948. С. 64-80.

79.Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Табл. VIII, XXIX, 9; Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7. Алма-Ата. Табл. I, 56, 57.

80.Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С.314, рис. 5, 10; с. 332, рис. 26, 3; Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61. 1966, рис. 4, 2; рис. 3, 8; Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7. С. 30, табл. VI.

81.Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1, 1956. С. 91, рис. 2.

82.Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. С. 131.

83.Там же. С. 140, рис. 8, 6.

84. Там же.

85. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Табл. X, 6-12; табл. XIII, 2-3, 12-13; табл. XVI, 2.

86. Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. С. 35, рис. 10, 2-3; Он же. История древних племен Верхней Оби. С. 31, рис. 8. 1-2. табл. VI, 10.

87.Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Табл. IX, 1, 4, 6, 7.

88.Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Табл. X; Грязнов М.П., Пшеницына Н.М. Курганы IV-III вв. до н. э. на оз. Сарыгаш. КСИИМК. Вып. 107. М., 1966. Рис. 19. 9.

89.Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. Рис. 10, 2-3; Он же. История древних племен Верхней Оби. Табл. XIII, 1-2.

90. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 281, табл. IX, 1, 4, 6, 7.

91. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Табл. X. 5-12; табл. XIII, 1-3, 11-13. 16. 22-23; табл. XVI, 2-15.

92. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. Табл. V, 26-28, 31-32; табл. VI, 3, 4, 8, 9.

93. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя Культура Центрального Казахстана. Табл. XIX, 4; табл. XX, 3.

94. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. С. 253, табл. X, 9; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Табл. XVIII; XIX, 6-9; табл. XX, 3; табл. XVI, 21; табл. XIX, 1, 6, 11.

95. Там же. Табл. XVIII; XIX, 6-9; табл. XX, 3; табл. XVI, 21; табл. XIX, 1, 6, 11.

96. Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение. С. 189-193.

97. Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. Рис. 10, 2, 3.

98. Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). Известия ГАИМК. Вып. 110. М.-Л., 1935. С. 49; Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. С. 129-162.

99. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. С. 146.

100. Хранится в Карагандинском краеведческом музее. Ф. 29. № 34-35.

101. Хранятся в Карагандинском краеведческом музее. Ф. 65. Каркаралы, 5, № 16; Агеева Е.Н., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7. С. 57, табл. 1, 43.

102. Археологические работы Академии на новостройках. Известия ГАИМК. Вып. 110, 1935. С. 53, рис. 43.

103. Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение. С. 108, рис. 33, 1.

104. Археологическая карта Казахстана. Табл. IX, 143.

105. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА. М.-Л., 1960, № 88, табл. III, 2.

106. Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. I. С. 91, рис. 1.

107. Маргулан А.Х. Комплекс Былкылдак. С. 182—183, рис. 14, 1, 3; 15, 2, с. 195, рис. 21, 2, 22, 2.

108. Маргулан А.Х., Акишев В.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 186, табл. III, с. 188.

109. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. С. 237, табл. X.

110. Сенигова Т.Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1, 141, табл. II, 7.

111. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. С. 148.

112. Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане. С. 91, рис. 2.

113. Семенов Л.Ф. Отчет об археологических работах 1954 г. Архив ИИАЭ АН КазССР. Инв. № 346, л. 8.

114. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. Табл. XI, 2.

115. Там же. Табл. XIX, 17, 21, 24, 29; табл. XXIX, 1, 3, 11.

116. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 303, рис. 61.

117. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. Табл. XXIX, 1, 3, 4.

118. Броневский С.Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды. Спб., 1830. С. 250.

119. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи. М., 1973. Табл. I, 1-4.

ГЛАВА 2 ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Племена, населявшие Центральный Казахстан в эпоху бронзы, жили оседло в речных долинах и на равнинах предгорий, имели прочные жилища – полуземлянки. Богатые пастбища в поймах рек, долинах и предгорьях давали возможность развивать пастушеское скотоводство, плодородные поймы – мотыжное земледелие. Часть племен специализировалась на добыче руды и выплавке из нее металла. Характерную особенность исторической топографии составляло и то, что поселения поздней поры бронзовой эпохи нередко были за пределами речных долин, в самых отдаленных от речных бассейнов местностях. Это поселения Северной Бетпакалы (Жеты-Конур, Талды-Конур, Мыйкайнар), Джекказгана (Милыкудук, Соркудук, Айнаколь), Северного Прибалхашья (Акжал, Саяк, Кара-Унгур, Тесиктас). Водоснабжение здесь осуществлялось путем устройства многочисленных колодцев и водосборных бассейнов, остатки которых сохранились в поселениях Джекказгана (Милыкудук, Айнаколь, Соркудук) и Улытау¹.

При основании поселений древние скотоводы учитывали климатические условия и рельеф местности. Подобно казахским кыстау (зимовкам), поселения бронзовой эпохи были защищены грядой скалистых холмов, у подножия которых имелись обильные источники воды и богатые запасы топлива (поселения Атасу, Бугулы I, II, Шортанды-булак, Суук-булак, Каркаралы I, II и т. д.). Суровые климатические условия Центрального Казахстана учитывались при сооружении жилищ и хозяйственных строений: в большинстве случаев они продольной осью ориентированы с запада и северо-запада на восток и юго-восток, т. е. в направлении господствующих ветров.

Поселения эпохи бронзы в Центральном Казахстане располагались густой сетью в Каркаралинской и Баянаульской

степях, между озером Балхаш и долинами рек Токраун, Нура, Сарысу, Атасу, Ишим, Селеты, Шидерты, Тундук, Жарлы и их притоков Жабай, Терсаккан, Батпаксу, Шерубай-Нура, Талды-Нура, Акбастау, Казангап, Кусак, Бегазы, Женишке и т. д. Все они располагались в широких плодородных долинах, богатых водой и лугами.

Особого внимания заслуживают поселения древних рудокопов и металлургов: Милыкудук, Бестобе, Соркудук, Златоуст, Айнаколь, Бестобе, Жолымбет, Степняк, Ески-Журт, Жосалы, Тагйбай-булак, Суук-булак, Каркаралы I, II, Мырзашоки, Бугулы, Шортанды-булак, Саргар в бассейне р. Ишим и т. д.

Открытие и изучение этих поселений, составлявших одну этно-культурную общность, дало возможность впервые получить представление о древней исторической топографии Центрального Казахстана, о существовании здесь мощных центров древней металлургии.

В поселениях жили древние пастухи-скотоводы, рудокопы и металлурги, заложившие основу новой эры палеометалла, возникшей и развивавшейся на базе первого крупного общественного разделения труда.

Поселения эпохи бронзы похожи между собой, незначительные различия связаны с характером местного ландшафта, иногда своеобразием быта отдельных племен.

По материалам раскопок видно, что в эпоху бронзы структура жилищ определялась коллективной формой хозяйства и принципом родовой организации. Разросшиеся патриархальные семьи жили в то время под общей кровлей с общим очагом. Общими были хозяйственные постройки – кладовые, загон для скота (Атасу, Бугулы I). Жилища и хозяйственные постройки обычно располагались по кругу близко друг к другу. На открытой площадке внутри круга размещалось стадо (открытый загон). В поселениях насчитывалось от 15 (Жамбай-Карасу) до 80 строений (Бугулы I, II, Шортанды-булак, Аккезен, Атасу, Суук-булак). Шурфовка площадки для скота в Атасуском поселении обнаружила толстый слой (до 0,7 м) кизяка, свидетельствующий о

длительном пребывании здесь крупного и мелкого рогатого скота. Открытым загонем пользовались только в летнее время. Зимой скот содержали в специальных помещениях, расположенных возле жилищ. Подобные крытые загоны прослежены в древних поселениях Атасу, Бугулы I, II, Шортанды-булак, Алексеевском. Возле жилищ, в специально построенных тамбурах, а нередко и внутри жилых строений находились мастерские для плавки и обработки металла. Там же, вероятно, были и гончарные мастерские. За чертой поселений, на холмах находились усыпальницы родовой общины и культовые сооружения.

Структура жилищ эпохи ранней бронзы была обусловлена общинным строем патриархально-родовой семьи, имевшей коллективное хозяйство.

В конце эпохи бронзы в жизни скотоводческих племен Центрального Казахстана происходят глубокие изменения и вместе с ними прогресс в гончарном и строительном искусстве и, прежде всего, в постройке жилищ. В эту эпоху человек выносит свое жилище из подземелья и начинает строить прочные наземные каменные жилища (поселения Атасу, Бугулы I, II, Тагибай-булак). Появляются многокамерные жилые постройки, т.е. разделенные на ряд помещений с отдельными очагами (Аккезен, Бугулы I, II, Ортау, Бесоба, Каратомар, Тагибай-булак, Атасу, Суук-булак и т.д.). Строительство многокамерных жилищ осуществлялось с помощью внутренних каркасных столбов и возведения капитальных каменных стен (Атасу, Аккезен, Бугулы I, Каратомар, Тагибай-булак и др.). Характерную особенность жилищ и мемориальных сооружений составляет облицовка стен крупными плитами гранита и наличие подземных ходов, соединявших жилища между собой (Атасу, Шортанды-булак). При строительстве жилищ и усыпальниц в эпоху поздней бронзы земляные работы осуществлялись уже с помощью металлических орудий, с помощью которых получались прямые линии и углы (Садчиковское поселение, Бегазы).

К сожалению, многие уникальные поселения эпохи бронзы Центрального Казахстана, открытые за последние 30 лет, в полном объеме не исследованы. Продолжение раскопок в поселениях Атасу, Бугулы I, II, Аккезен (Бада), Шортанды-булак, Тагибай-

булак, Меизек, Саик обещает дать много новых интересных данных о культуре бронзы Центрального Казахстана.

Атасу I

Открыто в 1955 г. на р. Атасу (левый приток р. Сарысу), при впадении в нее реки Мынбай-сай. На площади около 5 га сохранились остатки почти 40 жилых, хозяйственных сооружений и мастерских (рис. 98).

Из 22 жилищ исследовано пока всего шесть: в 1955 г. раскопано жилище 4, в 1975 г. – 20, 21, в 1976 – 5, 6, 7.

Жилище 4 – одно из крупных, имеет прямоугольный план, длинной осью ориентировано с северо-запада на юго-восток. Расположенное в самом центре поселения, оно отличается оригинальной конструкцией. Стены жилища сложены из двух рядов огромных гранитных плит, поставленных на ребро, с забутовкой внутреннего пространства щебнем и галькой, смешанными с землей (рис. 99).

Толщина стен до 1,5–2 м, площадь жилища 156 м² (13x12 м). Остатки подобных мощных стен из камня впоследствии были обнаружены в жилищах поселений Бугулы I, II и Тагибай-булак Баянаульского района.

В северо-восточном углу помещения обнаружены остатки большого каменного очага. Пол жилища состоял из двух слоев: внизу слой крупного песка с глиной, сверху слой глины. В культурном слое найдено много каменных орудий, предназначенных для добычи и переработки руды: кайла, мотыги, рудодробильные орудия типа пестов, молотков, ступок, терочников и др.

У очага и вдоль стены обнаружены значительное скопление медного шлака, медных слитков, обломки тиглей, льячек и форм для литья. Все это свидетельствует о том, что большой каменный очаг служил не только для обогрева жилища, но и для плавки медной руды.

Из других находок обращают на себя внимание костяные изделия, в том числе проколки, обломки шильев (рис. 101).

Впервые обнаружены разнообразные костяные псалы (рис. 100. 3,4,5). Среди многочисленной керамики встречаются ее ранние типы,

представляющие собой пережиточную форму керамики атасуского этапа, но немало керамики бегазинского времени (рис. 102).

Скопление костей домашних животных и прежде всего лошадей и овец говорит о том, что жители поселения были коневодами и овцеводами. Не случайно, именно в поселении Атасу впервые получен материал, свидетельствующий о верховой езде и всадничестве.

Жилище 21 расположено в юго-западной части поселения. В плане имеет прямоугольную форму с закругленными углами (рис. 103), ориентировано длинной осью север-восток-юг-запад. Его длина 15 м, ширина 11 м. Это полуземлянка, основание которой находится на глубине 40 см. Пол состоит из плотно утрамбованного грунта с сохранившимися в некоторых местах следами глиняной обмазки, как в жилище 4. Раскопки показали следующую почвенную структуру жилища: гумусовый слой – 18 см, светлая комковатая супесь – 29 см, темная комковатая почва с примесью песка – 16 см, темный болотистый слой – 17 см. Светлая комковатая супесь и темная комковатая почва с примесью песка составляли культурный слой толщиной 45 см. Начиная с почвенного слоя, площадь раскопа усеяна костями животных (лошадей, крупного рогатого скота, овец, диких животных), фрагментами глиняных сосудов, медным шлаком, ошлакованной медной рудой. Здесь же зафиксированы скопления древесной золы. Находки группировались, главным образом, за пределами темного контура полуземлянки, на глубине 40 см от поверхности⁴.

От северной стены землянки шел коридор к мощному зольнику, находившемуся уже за пределами раскопа. Весь остальной инвентарь (керамика, каменные орудия, керамические пряслица и кружки) и кости животных найдены в заполнении полуземлянки, начиная с глубины 40 см.

Судя по характеру культурных отложений, здесь была мастерская по выплавке медной руды и обжигу гончарных изделий. В центральной части жилища прослежена западина круглой формы глубиной 20 см и диаметром 7 м. В центре западины находилась разрушенная постройка куполообразной формы высотой около 40 см. В плане она представляла собой круг (диаметром 1,45 м). Дно

постройки выстлано двумя плоскими плитами гранита. На плитах глиняное возвышение – столик овальной формы длиной 60 см. На столике находился раздавленный плоскодонный глиняный горшок. Внутри и вокруг ямы отмечены следы мощного прокала. По всем данным перед нами гончарная печь. Ее стенки сделаны кладкой из бутовых камней средней величины на глиняном растворе.

В одном метре южнее печи расположена вторая грунтовая яма в форме восьмерки глубиной 0,7 м. В заполнении ямы – кости животных, фрагменты керамики, два каменных лошила, два каменных песта, рудодробилка круглой формы, медные шлаки, сверху – мощный слой золы и древесного угля. На восточной стене сохранилась облицовка из каменных плит. Вокруг ямы – следы сильного прокала. Шлаки, мощный слой древесного угля и горные орудия свидетельствуют о том, что это остатки медеплавильной печи. Много медеплавильных печей круглой и овальной форм в виде восьмерки обнаружено в Джезказгане, в долине р. Терсакаан, около г. Каркаралинска и в Калбинских горах.

В раскопе найдены венчики более 800 сосудов. Это фрагменты кухонной и столовой посуды. Кухонная посуда, в основном, двух типов: толстостенные неорнаментированные котлы с прямым венчиком и, так называемая, валиковая керамика с выступающим на короткой шейке глиняным жгутом, нередко украшенным косыми или тамгообразными насечками.

Столовая посуда состоит из горшков баночной формы, с плавным профилем шейки и плечика и с уступом в верхней части тулова. Найдено несколько миниатюрных плоскодонных сосудов. Некоторые из горшков украшены косыми насечками в разных сочетаниях прорезанного и штампованного орнамента, причем гребенчатый штамп двух типов: крупнозубчатый и мелкая гребенка. Гребенчатый штамп в виде заштрихованных треугольников, ломаной ленты, елочка чаще встречается в комбинациях с подтреугольными и ногтевидными вдавлениями, каннелорами из крупных полос. Если сопоставить керамику полуземлянки 21 с посудой нуринского (федоровского) и атасуского (алакульского) типов, то можно найти множество аналогов. Между тем никакого хронологического разрыва стратиграфия жилища не дает.

В керамике жилищ 20 и 21 преобладают сосуды, характерные для атасуского и переходного (раннебегазинского) этапов, с присущей им шаровидной формой, уступом в верхней части тулова и орнаментом, выполненным крупным гребенчатым штампом (рис.104).

О том, что в Атасуском поселении I керамика бегазинского типа свидетельствуют сосуды с налепным венчиком воротничкового типа, сосуды с характерным налепным валиком и косыми насечками на нем, X-образные знаки, елочки, треугольные и полукруглые вдавления, короткие штампы крупной гребенки и т.д. К бегазинскому типу относятся сосуды с высокой цилиндрической горловиной и орнаментом в виде параллельных рядов широких и выразительных каннелюр, заштрихованных лент, фрагменты тонкостенных сосудов с черным и красным лощением, с выразительным профилем, прямым высоким венчиком, слегка отогнутым наружу, по основанию венчика рядами крупных полукруглых или треугольных вдавлений. Эти элементы совершенно не свойственны андроновской керамике.

Находки из культурного слоя мастерских ясно разделяются на два производственных типа: остатки металлургического производства и гончарного дела. К металлургическому процессу имеют отношение орудия для измельчения руды: прекрасно выточенные каменные песты и молотки с выемками для прикрепления к деревянной рукоятке (рис.105). Размеры этих орудий варьируют в пределах 7,5x8,5x5,5 см – 12x9x5 см. Кроме того, обнаружена серия каменных ступок и терок круглой, квадратной и прямоугольной форм (размеры 11x13x4 см, 11x8,5x4 см, 12x9x4 см), несколько обломков каменных мотыг и серия обработанных камней, в том числе окатанные гальки, использовавшиеся для измельчения руды (рис.106). Большая часть галек яйцевидной формы была найдена на дне жилища 4. Все эти орудия обнаружены на большой глубине – 80-90 см от нулевого репера. На этой же глубине обнаружены значительные скопления шлака (94 куски), куски руды, в том числе большой штуф, содержавший железо. Груды железной руды обнаружены также в ряде поселений эпохи бронзы Центрального Казахстана, в том числе в Суук-булаке (Жаркаралы

III), Шортанды-булаке и Тагибай-булаке. Здесь же находились куски бронзы, бронзовые дробинки, бронзовый браслет, куски минерала зеленого цвета (азурит), горного хрусталя и древесного угля. Это свидетельствует о существовании ремесла по обработке цветных камней, изделия из которых в виде бисера были найдены неоднократно.

Вокруг гончарной печи были керамические изделия, в том числе форма для литья бронзовых стержней, пряслица из обожженной глины, круглые фрагменты боковин отслужившей посуды, использовавшиеся в качестве крышек для глиняных сосудов. На некоторых из них был орнамент. Вместе с керамикой обнаружены каменные лопатки для полировки гончарных изделий, отщепы с ретушью – предмет из каменного века и массивные ножевидные пластинки. К редким находкам относится костяной псалий прямоугольной формы с квадратным отверстием посередине. Аналогичный псалий найден в жилище 4.

Жилище 20 имеет в плане округлую форму, размеры его 12x11 м. Стратиграфия его аналогична стратиграфии жилища 21 (рис. 107).

Керамика, кости животных, шлак и зольники группировались вокруг жилища и лишь с глубины 40 см концентрировались в заполнении полуземлянки. Дно жилища было утрамбовано. На полу, в северо-западной части, недалеко от центра обнаружен хорошо сохранившийся колодец круглой формы, глубиной 1,2 м. Сверху, примерно на две трети, колодец был обложен плашмя положенными каменными плитами. Площадь вокруг устья колодца также выложена каменными плитами.

Находки из культурного слоя аналогичны находкам из мастерской 21: скопление шлаков (несколько меньше, чем в предыдущем жилище), орудия для измельчения руды (каменные песты, терки), куски руды, древесного угля, медного купороса, обломки бронзы, керамическая льячка в виде ложки с высоким бортиком, керамическая литейная форма и др. (рис.106.16,20, 21, 26).

Большой интерес представляют бронзовая проколка, бронзовый наконечник стрелы ятульчатой формы с круглым сечением и, особенно, массивный бронзовый серп с отбитыми концами типа

косарей, свидетельствующие о том, что жители Атасу занимались земледелием (рис. 106, 7, 8, 10).

Обнаружено большое количество крупных фрагментов керамики (рис. 108) и целый крупный сосуд с массивным, украшенным короткими насечками, венчиком, четко профилированной короткой шейкой, переходящей в шаровидное тулово, орнаментированное вертикально прочерченным зигзагом. В культурном слое собраны обломки венчиков – 650 сосудов. Из других керамических изделий надо отметить кружки из боковины сосудов, керамические и каменные праслица с отверстием посредине, служившие одним из орудий обработки шерсти.

На дне мастерской обнаружено несколько кремневых, тщательно отретушированных наконечников стрел двух типов – с выступающим коротким черенком и без него (рис. 106, 1, 2, 3, 5). Несомненно, они сохранились как реликт, имевший больше ритуальное значение, чем хозяйственное. Единичные экземпляры таких же наконечников найдены при раскопках поселений Шортанды-булак, Суук-булак, Каркаралы II, Тагибай-булак, датированных этапом поздней бронзы.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в полуземлянках 20 и 21 не обнаружено следов столбовых конструкций для поддержания кровли. Судя по облегченному типу конструкций, помещения предназначались не для жилья, а для хозяйственных целей. Стены помещений, видимо, были возведены из плетенки или глиняной пахсы, от которых не сохранилось следов. Остатки металлургического и гончарного производств свидетельствуют о том, что помещение было производственным. Наличие в культурном слое керамики атасуского и раннебегазинского этапов говорит об исторической преемственности культур этих двух этапов и о длительности существования поселения.

Жилища 5, 6, 7 расположены в центре поселения Атасу I и с северо-восточной стороны примыкают к жилищу 4. Шурф, заложенный в северо-западном углу раскопа, дал следующую стратиграфическую картину: современный почвенный слой 18-20 см, культурный слой 40 см (в верхней части на 10-15 см пронизан остатками корней растений), материк. Уже после удаления

кустарника и высокой травы на глубине 10 см на всей площади раскопа стали обнаруживаться фрагменты керамики. Основная масса обломков керамики группировалась за пределами трех землянок на глубине 20-40 см (рис. 108). Значительно меньше их было на площади раскопа на глубине 60 см, но здесь обнаружены более крупные фрагменты сосудов.

Темные пятна трех полуземлянок особенно отчетливо проявились на глубине 40 см. Два из них почти круглые и одно овальной формы. Пятна вытянуты в направлении с запада на восток.

Жилище 5 имело размеры 9,7х8 м, жилище 6 – 9,5х9 м, жилище 7 – 7х6 м. Нижняя часть жилищ погружена в землю на 40-50 см. По краям каждой полуземлянки в 60-70 см от их бортов обнаружено пять круглых ям от опорных столбов, поддерживавших кровлю жилищ. Диаметры ям колебались в пределах 16-20 см, а глубина – от 6 до 20 см.

От северо-восточного угла «большого дома» (жилище 4) к северо-западному концу полуземлянки 5 шел коридор длиной 2 м и шириной 1 м. У северного края полуземлянки 5 находилась круглая яма диаметром 1,5 м и глубиной 1,3 м. Стены ямы были обмазаны слоем глины, а ее северная часть облицована плоскими каменными плитами. И глина и камни со следами огня.

Две подобные ямы обнаружены в пристроенных к северной и восточной стенам полуземлянки тамбурах (рис. 111). В них также обнаружены следы глиняной обмазки и каменной облицовки южной стены. В северо-западной части одной из ям отчетливо видна выкладка-дымоход круглой формы диаметром 50 см, облицованная осколками каменных плит. Она сделана наподобие невысокой трубы, один конец которой находился в верхней части ямы, а другой выходил наклонно к северо-западному углу раскопа. Вся почва вокруг ямы и особенно возле дымохода были сильно прокалены.

Раскопки третьей ямы, расположенной в восточной пристройке-тамбуре, не оставили сомнений в том, что здесь была медеплавильная печь. Размеры по верхнему краю 1,6х1,2 м, глубина 0,8 м. Вокруг ямы разбросаны каменные плиты, составлявшие, очевидно, верхнюю часть или, возможно, покрытие плавильной печи. В яме

сохранилась мощная глиняная обмазка. На дне ее – углубление, также обмазанное огнеупорной глиной. У северного края ямы сохранилась воронка, являвшаяся не чем иным, как верхним концом воздухоудовного канала (фурмы), спирально опоясывавшего слева направо западную часть печи. Воздухоудовный канал имел в сечении форму полуовала и углублялся в стенку на 8-10 см, его широкая часть, обращенная к печи, достигала 18-20 см. Как и все внутренние стены печи, он был обмазан глиной.

В заполнении всех трех печей помимо обломков керамики, попавших сюда в результате разрушения культурного слоя, обнаружены куски медного шлака, руды и каплевидные слитки меди. Сюда, скорее всего, складывали шихту. Высокая температура горения поддерживалась за счет подачи через упомянутый выше канал воздуха, который равномерно охватывал всю емкость печи. Дымоход, по-видимому, находился в верхней, не сохранившейся части печи. Углубление же в печи (ямка) служило для стока меди.

В двух других печах, более мощных и, видимо, более совершенных, также осуществлялся процесс плавки меди (рис.110). Однако в них технология плавки могла быть иной. На дне северной печи был найден керамический тигель, по форме сходный с каменными краскотерками-жертвенниками ладьевидной формы. Не исключено, что здесь осуществлялся тигельный способ плавки. С интересной ситуацией мы столкнулись при исследовании четвертой печи. Она располагалась в промежутке между шестой и седьмой полуземлянками, у южного борта раскопа, в изолированной квадратной формы постройке. Ее размеры по верхнему краю 1,6х 1,6 м, глубина – 1,4 м. Печь, как и три предыдущие, конусом уходила ко дну и имела глиняную обмазку толщиной 2,5-3 см. Устье воздухоудовного канала диаметром 20 см выходило на поверхность в северной части печи. Сам канал проходил по средней части стенки печи, затем охватывал ее западную сторону и резко уходил вниз, в под печи. В печи сохранилось много медной руды. Куски ее размерами 4х7 см, 6-8 см спрессовались в полутораметровый слой шихты, расположенный от западной до восточной стенки печи с прогибом в центре. Такая толщина шихтового слоя, скорее всего, результат совмещения двух ярусов шихты вследствие истления

прослойки древесного угля. Судя по следам воздействия огня на руду, печь была загружена, подожжена, но по каким-то причинам плавка не осуществилась, и около 20 кг руды осталось не использованной. На дне печи, в сточной воронке размерами 20х25 см и глубиной 30 см, находилось лишь несколько каплевидных слитков меди.

Керамика жилищ 5,6,7 также состояла преимущественно из кухонной и столовой посуды. Однако кухонной посуды типа керамических котлов с прямым венчиком здесь значительно меньше, чем в жилищах 20 и 21. Форма посуды стандартная. Это баночные горшки, сосуды с плавным профилем шейки и плечика, горшки с уступом в верхней части тулова (рис.112). Интересна единственная пока находка массивной ручки в виде крупной петли, скорее всего, от горшка сферической формы.

Основной элемент орнамента на керамике – широкие горизонтальные желобки (каннелюры) и прочерченные линии в комбинации с косыми насечками, ногтевидными, круглыми и овальными вдавлениями, слочный рисунок из прочерченных линий вертикального и горизонтального планов, крупными треугольными фестонами вершинами вниз с заполнением поля косой штриховкой.

Среди керамической посуды значителен процент тщательно сделанных горшков, украшенных гребенчатым орнаментом, сочетающим в себе косые заштрихованные треугольники с линиями мелкозубчатого штампа и ногтевидными вдавлениями, и, расположенным ниже, меандровым узором. Нижняя часть тулова некоторых сосудов украшена треугольниками. Изредка по верхней части тулова идет флажковый мотив узоров.

Наряду с керамикой здесь обнаружены каменные рудодробилки и терки для измельчения руды (рис.113), мотыга, кремневые наконечники стрел и дротик, каменные лопатки, костяной наконечник стрелы (рис.114), керамические лядьки, трепала из нижней челюсти крупных животных, массивный бронзовый нож (рис.115). Обнаружены также с не совсем ясной функцией орудия из нижней челюсти животных. Продольная часть этих орудий имеет широкий паз, образованный удалением одной из стенок челюсти, а

в коротком конце отверстие, очевидно, для прикрепления рукоятки. Не исключено, что это подобие костяных серпов, рабочей частью которых могли служить кремневые вкладыши.

Бугулы I

Поселение Бугулы I расположено на правом берегу горной речки Шопа, протекающей у восточного подножия горы Бугулы, в 120 км к югу от г. Караганды и в 35 км к северу от с. Аксу-Аюлы Шетского района Карагандинской области. Бугулы составляют замкнутые горные группы с широкими межгорными долинами и густыми лесами. Пастбища с густой травой и сравнительно частые выходы грунтовых вод составляют одну из приятных особенностей этих гор¹.

Бугулы I – самое крупное поселение эпохи бронзы в Центральном Казахстане, оно занимает площадь около 7 га. Сохранились остатки около 100 строений, из них больше половины жилых (рис. 116).

Поселение открыто в 1955 году по выступающим на поверхности земли краям гранитных плит, которыми были облицованы стены жилищ. Плиты вкопаны на глубину 60–80 см, верхние края их выступали над поверхностью земли на 30–40 см.

Для выяснения структуры жилищ и характера культурных отложений в ряде жилищ были заложены шурфы. В результате чего выяснилось, что все жилища имеют прямоугольный план и ориентированы длинной осью с северо-запада на юго-восток. Топографическую особенность поселения Бугулы I составляет ее заметное деление на две части: южную, более древнюю, и северную. Между ними расположен небольшой могильник, перемежающийся с жилыми постройками и по характеру сооружений относящийся к южной группе. Такие же погребения есть в южной и юго-восточной части северной группы. Здесь отмечены остатки «длинных домов», сложенных из бутового камня и относящихся к более позднему времени. Жилища в южной части Бугулы I отличаются от северных планировкой в виде почти правильного круга с открытой внутренней площадкой. Кроме того, все жилища в этой части поселения однокамерные, в плане округлые или

подпрямоугольные с закругленными углами. Площадь землянок от 120 до 300 м². Шурфы, заложенные в отдельных землянках, обнаружили много кремневых орудий и отщепов (рис. 117), а также обломки керамики, восходящей к традициям неолита и ранней бронзы (рис. 118).

Среди кремневых орудий были нуклеусы, скребки, наконечники стрел, копий, дротиков и один ретушер. Из крупных каменных орудий обращает на себя особенное внимание скребло – орудие, характерное для стоянок Джекказгана и Караганды. Кремневых наконечников стрел – три, все миндалевидной формы с тонкой ретушью всей поверхности. Такие типы наконечников известны с неолитической стоянки Ирба в Верхнем Приобье. В поселении встречена их пережиточная форма, свидетельствующая о преемственности культур эпохи бронзы и неолита.

В древней части поселения Бугулы I обнаружено много массивных наконечников копий и дротиков часто треугольной формы с прямым основанием (рис. 117). Судя по ним, жители поселения занимались охотой. Здесь обнаружены также скребки округлой формы, некоторые с выемкой и ножи из кремня треугольной формы с отжимной ретушью.

Керамика формована вручную. Среди фрагментов сохранились венчики четырех сосудов. Наиболее крупный из фрагментов (больше половины сосуда) от горшка с круглым дном и венчиком, слегка загнутым внутрь. Край венчика утолщен и слегка скошен. Орнамент нанесен небрежно, грубым штампом из 4–5 зубцов, дающих оттиски пунктирных линий и их комбинаций в виде зигзагов и треугольников. Венчики второго и третьего сосудов орнаментированы штампом крупной гребенки с оттисками пунктирных линий, расположенных горизонтально и вертикально.

Особым изяществом отличается венчик четвертого сосуда. Он прямой и слегка отогнут наружу. Вся поверхность сосуда сплошь покрыта орнаментом из оттисков мелкозубчатой гребенки в виде параллельных зигзагов и рядов вдавленных фигур конической формы. Последние нанесены особым штампом, дающим оттиски продолговатой ямки с пятью крупными поперечными зубцами. Такой штамп более характерен для керамики эпохи неолита.

Сплошное покрытие поверхности сосуда мелкозубчатым штампом — одна из черт ранней узорной техники. Находки из южной группы жилищ поселения Бугулы I весьма сходны с находками со стоянки на Черных землях (Нижнее Поволжье) 6, с неолитической стоянки в районе г.Чебаркуль (Южный Урал) 7 и с неолитических стоянок Верхнего Приобья⁸.

Если южная часть поселения Бугулы I имеет черты неолитической стоянки, то его северная часть отличается наличием многокамерных помещений, а также значительной густотой топографического плана, что свидетельствует об изменении общинной структуры и возрастании уровня архитектуры.

Характерную особенность конструкции жилищ бугулинских поселений составляет облицовка стен крупными плитами гранита, вкопанными на ребро. Для облицовки широко использовался метод кладки из бутового камня, остатки которой сохранились в поселениях Бугулы I, II и III. По строительным приемам и конструкции каменных стен жилищ бугулинских поселений сходны с гробницей Бугулы III. Это говорит о том, что возникли они в одно время. Человек, погребенный в Бугулы III, был, несомненно, вождем племени, плывой Бугулинского поселения.

В северной части поселения много места было отведено хозяйственным постройкам: загону для скота, мастерским с горнами для плавки руды и обработки металла, складским помещениям. Все они расположены рядом с жилыми строениями, нередко смежно с ними. Особый интерес с точки зрения структуры представляют комплексы построек 17, 22, 23, 24, 26, 28, 32, 35, 37, 38, 40, 43.

Жилище 17 состоит из двух жилых строений, имеющих смежную стену (рис. 119.3,4), и двух хозяйственных помещений (рис. 119.1,2). Площадь первого жилища 220 м², второго — 130 м², мастерской — 100 м², подсобного помещения — 80 м². Общая площадь комплекса — 530 м².

Жилище 22 включает два, объединенных общей стеной, жилых помещения, мастерскую, крутую в плане, и загон для скота. Общая площадь комплекса 660 м².

Жилище 24 наземного типа с каменной стеной, площадь 360 м². Это хозяйственная постройка, связанная с жилищем 25. В

юго-восточном углу расположена мастерская, на полу которой сохранился производственный мусор в виде медной руды, шлака, обломков орудий и керамики.

Жилище 26 — одно из крупных. В нем прослеживаются контуры двух жилых строений, соединенных общей стеной, и двух хозяйственных помещений. Площадь большой землянки 208 м², малой 128 м². Подземный коридор связывает его с жилищем 25. Вертикальные облицовочные плиты сохранились только в угловой части жилища. Несомненно, вся эта группа построек (24, 25, 26, 27) принадлежала одной патриархальной семье.

Жилище 28 отличается четким прямоугольным планом и хорошо сохранившимся каменным основанием. В постройке пять жилых помещений, разделенных внутренними стенами (рис. 120) и расположенных цепочкой с юго-запада на северо-восток. Общая площадь сооружения ~ 1500 м². Из них наиболее крупное (~ 400 м²) и, по-видимому, более раннее расположено в юго-западном конце цепочки. Размеры остальных помещений от 240 до 340 м². Очевидно, цепочка увеличивалась по мере роста семьи (отау). Величина и строгая форма сооружения дают основание предположить, что оно принадлежало главе Бугулинского поселения.

Жилище 32 представляет собой крупный комплекс из трех жилых помещений, имеющих общие стены и расположенных цепочкой с юга на север. В плане сооружение прямоугольное, ориентированное с северо-запада на юго-восток. Размеры жилищ 180-200 м². Во втором помещении сохранились следы каменного очага и внутреннего ограждения. Основание жилищ сохранилось хорошо, вертикальные плиты местами разрушены, часть их увезена местными жителями для хозяйственных целей.

Жилище 37 — сложный комплекс с остатками двух жилых строений прямоугольной формы, двух малых пристроек треугольного очертания и одной пристройки квадратной формы. Все они объединены общей стеной. Последние три помещения имели хозяйственное назначение — служили в качестве мастерской и кладовых. Жилища расположены в одну линию, продольной осью с запада на восток. Их размеры 240 м² и 260 м². Камни в основании жилищ сохранились в своем первоначальном положении.

Жилище 38 составляют две полуземлянки прямоугольного очертания, соединенные торцами и ориентированные продольной осью с северо-запада на юго-восток. Плиты, из которых сложены стены жилищ, сохранились в своем первоначальном виде. Размеры жилищ: западного — 320 м², восточного — 288 м².

Жилище 40 расположено в северном конце поселения. Отличается строгой прямоугольной формой и мощностью каменных стен. Это одно из самых интересных и монументальных сооружений эпохи бронзы. Во всех трех жилых строениях хорошо сохранилось каменное основание. В северном углу третьего помещения обнаружены следы большого каменного очага, возможно, служившего местом поклонения огню. Все три жилища связаны между собой общими стенами и располагались цепочкой, тянувшейся с юго-запада на юго-восток. Размеры первого жилища 253 м², второго 396 м², третьего 484 м². Хозяйственные постройки примыкают к южной стене среднего жилища. Их размеры 72 м² и 64 м².

Жилище 43 расположено особняком в восточном конце поселения. Помещение построено в строго прямоугольном плане, длинной осью ориентировано в направлении с юго-запада на северо-восток (рис. 121).

К восточной стене его примыкали две малые пристройки, также прямоугольного очертания. Стены из плит гранита хорошо сохранились внизу. Площадь большого помещения 168 м², малых построек — по 36 м². Внутри помещения, ближе к северо-западному углу, сохранился контур большого каменного очага, имевшего не только утилитарное, но и культовое значение. Об этом свидетельствует толстый слой золы и остатков трапезной пищи в виде костей животных. Диаметр очага 1,8x1,2 м.

В поселении Бугулы I много других жилых строений, представляющих большой научный интерес с точки зрения строительного дела и культуры. Основная масса их еще не вскрыта.

Особый интерес представляют постройки 2 и 3 — самые крупные в поселении Бугулы I. Они отличаются сильно вытянутой формой. По этому признаку их можно было бы отнести к типу «длинных домов», широко известных в истории архитектуры. Однако в

культурных слоях не отмечено признаков, подтверждающих, что это были жилища. Постройки расположены совершенно обособленно, в юго-западной части поселения, на пригорке, занятом древними погребениями. Длина постройки 2 — 42 м, ширина — 17 м, общая площадь — 714 м², размеры постройки 3 соответственно 88 м, 32 м и 2 816 м². В юго-западном углу помещения 3 сохранились каменные вымостки, служившие алтарем, в юго-восточном — двойные каменные выкладки (дорожки) — место поклонения и жертвоприношений, располагавшееся у входа в помещение. Расположение на древнем погребальном холме, присутствие мест поклонения и жертвоприношений в виде каменных мостиков и дорожек дают основание заключить, что обе постройки имели значение языческих святилищ, где происходили ритуальные действия.

Хорошо сохранившийся «длинный дом» был обследован в комплексе Ортау, также расположенный на площади древних погребальных полей, относившихся к эпохам средней и поздней бронзы. При зачистке дна сооружения обнаружен толстый слой из золы и костей животных.

Еще один «длинный дом» обнаружен в пойме правого берега р. Нура (Байгана), в 28 км севернее центральной усадьбы совхоза «Бесоба» Каркаралинского района Карагандинской области. Рядом с домом на верхней террасе расположен обширный могильник бегазинского времени, представляющий собой большие курганы с оградами из вертикально поставленных плит. В нуринской постройке отсутствуют признаки, характерные для жилых помещений. Сооружение расположено на восточном краю поселения, вблизи больших домов, по нашему мнению, принадлежавших представителям родовой знати. Сооружение в плане прямоугольное, ориентированное продольной осью с юга на север. Его длина 20 м, ширина 10 м, общая площадь 200 м². Вход в помещение находился с западной стороны. От восточной стены на восток идет каменная дорожка общей протяженностью 130 м. Образовав угол, она поворачивает к холму. Судя по всему, дорожка вела к языческому святилищу, расположенному на холме.

Более мощная каменная дорожка обнаружена в группе Ортау IV, относящейся к бегазинскому времени. Она вымощена крупной

галькой и сделана столь прочно, что и сегодня сохранила свой первоначальный вид. Сооружение типа языческого капища не составляет исключительную особенность поселения Бугулы I. Такое же сооружение есть и в поселении Бугулы II, существовавшем одновременно с Бугулы I и расположенном в 1,5 км к северу от него.

При шурфовке жилищ 25 и 40 обнаружен ряд орудий, использовавшихся в горном деле и при обработке металла. В их числе изготовленный из порфирита пестик цилиндрической формы с округлыми концами, утолщенным рабочим краем и с тщательно отполированной поверхностью. На дне жилища 40 найден обломок каменного штампа-матрицы, служившего основой для изготовления из тонкой медной пластинки поделки в виде цилиндрической шляпки с полями. Длина штампа-матрицы 8 см, ширина 3,5 см, высота ~ 2,5 см. Такой же предмет обнаружен в поселении Шортанды-булак, его назначение остается неясным.

Каменные бруски округлой, ромбической и прямоугольной форм встречаются в Центральном Казахстане очень часто, особенно в каркаралинских и карагандинских поселениях. В Зеленой балке найдена более сложная матрица с углублениями для изготовления украшений из тонких медных пластинок способом вдавливания. Форма сделана из камня в виде прямоугольного бруска длиной 14 см, шириной 5,5 см, высотой ~ 3 см. Она имеет сходство с матрицей, найденной в землянке 4 Алексеевского поселения⁹.

Жилище 40 легко датируется по фрагменту изящной керамики, покрытой сплошным ногтевым орнаментом, характерным для керамики бегазы-дандыбаевского времени.

Бугулы II

Поселение расположено в горной долине между северо-восточными отрогами гор Бугулы (Костумсук и Каратумсук), где р. Шопа устремляясь из ущелья на равнину, делает изгиб у подножия горы Каратумсук. На противоположном, левом берегу разместился огромный могильник Бугулы II. Другой обширный и еще не исследованный могильник находится на холме, в полукиллометре к юго-востоку от поселения. Наличие двух крупных могильников

вблизи поселений Бугулы I и II свидетельствует о длительности существования этих поселений¹⁰.

Поселение обнаружено по контурам жилых и хозяйственных строений, стены которых выступали из почвы на 10-20 см. По этому признаку в поселении выявлено свыше тридцати построек, из них около двадцати – жилища. Характерно, что при каждом жилище было одно или два строения хозяйственного назначения (загоны для скота, мастерские, небольшие склады и др.). Стены жилых и хозяйственных строений обложены крупными плитами гранита, поставленными на ребро. Все сооружения в плане имеют четкую форму прямоугольника или квадрата. Крупные жилища расположены в восточной и юго-восточной части. Площадь наиболее крупных из них – 100 м², малых – 30 м². Судя по их размерам и обособленному расположению, каждая землянка была рассчитана на отдельную семью. В поселении Бугулы II обитало не менее 100 человек (исходя из расчета 5 человек в семье), а в соседнем поселении Бугулы I число жителей было значительно больше, не менее 300 человек.

Заложенный вдоль западной стены жилища 1 стратиграфический шурф дал следующие результаты: заполнение жилища состоит из дернового слоя толщиной 20–25 см и слоя богатого гумусом черного цвета, в котором обнаружены кости баранов, лошадей и коров. Особенно большое скопление костей прослежено в юго-западном углу жилища на глубине 0,6 м. Здесь же обнаружена груда камней. По-видимому, здесь был жертвенный костер. Нагромождение камней наблюдается и в других углах жилища.

В поселении Бугулы II обнаружено три языческих святилища: два – в западном конце поселения, одно – в восточном. Одно из святилищ в западной части поселения тождественно капищу 2 в поселении Бугулы I. Это прямоугольное сооружение размером 5х6 м, от угла его северной стены тянется мощенная речным галечником дорожка, которая через 10 м поворачивает на запад. Общая длина дорожки 25 м.

Рядом с этим языческим храмом расположен второй, сложенный из крупных каменных блоков. Вход в языческое капище находится с северной стороны. По обе стороны входа расположены

два небольших кургана с каменной насыпью. Вероятно, это погребения древних шаманов. В восточном конце поселения расположено третье капище. Это сооружение прямоугольной формы размером 7,5x10 м. Вход в него находится с юго-западной стороны. В юго-восточном углу сохранились следы небольшого помещения, очевидно, служившего алтарем. От этого угла на восток идет каменная дорожка длиной 18 м. Если снять южную стену, то план святилища будут составлять только треугольники. Отсюда следует, что геометрические фигуры в эпоху бронзы имели магическое значение. Они встречаются в орнаментации гончарных, металлических и костяных изделий, а также в композиции сооружений.

В сооружениях эпохи поздней бронзы алтарная часть обнаруживается преимущественно вдоль западной и южной стен в виде каменной выкладки или мостика длиной 3 м, шириной 1,1–5 м, высотой от 30 до 80 см. Наиболее значительные алтарные возвышения отмечены в гробницах Бегазы I, Бугулы III, в жилище 1 поселения Бугулы II, в языческом капище 2 поселения Бугулы I. Ранние формы святилищ – большие открытые каменные очаги обнаружены во многих гробницах и поселениях. Такие святилища в бугулинских поселениях появились раньше, чем в других. Позднее священный костер был перенесен в помещение. Следы большого костра прослежены в гробницах Бегазы, Бугулы III, Сангру III, Айбас-Дарасы, в жертвенных местах языческих поселений Бугулы I, II. Обособленные каменные очаги прослежены в жилищах поселения Бугулы II.

При раскопках жилищ 1, 2 было собрано значительное количество керамического материала (рис. 123), обломков бронзовых изделий, каменных мотыг, лоцил, терок, костей животных, комплекс которых характеризует культуру бугулинских поселений. Культура поселений охватывает конец средней бронзы и позднюю бронзу вплоть до раннесакского времени.

В своей основе керамический материал соответствует глиняным сосудам бегазы-дандыбаевского времени с налепными венчиками с рядами косых продолговатых вдавлений, насечек, косоугольных сеток, наклонных оттисков мелкозубчатой гребенки или зигзагами

гладкого штампа. Много фрагментов сосудов с орнаментом из горизонтальных полос в виде каннелюр с поперечными зарубками или рядом круглых ям, а также сосудов, украшенных вертикально расположенными полосами с точками или горизонтальными линиями с поперечными вдавлениями. Примечательны фрагменты тонкостенных сосудов бегазинского типа с изящным профилем, глянцевой поверхностью и орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом. Особую группу составляют фрагменты сосудов, орнаментированных крупным штампом, дающим оттиски крупной гребенки в виде треугольников, трапеций, а также горошин, отмеченных в керамике Бегазы и Кента. Нередко штамп замазывался черной краской, оставлявшей на керамических изделиях четкий рисунок. На некоторых фрагментах керамики знаки более сложного типа – изображения тамги, встречающиеся только в памятниках Центрального Казахстана.

По типу каменных сооружений и керамики бугулинские поселения датируются бегазы-дандыбаевским временем или эпохой поздней бронзы. Вместе с тем культура этих поселений сохраняет ряд черт, восходящих к ранним эпохам, что свидетельствует о существовании их на протяжении ряда столетий.

Неподалеку от бугулинских поселений, в обширном бассейне р. Шерубай-Нура сохранились остатки ~ 20 поселений. Поселение Аку расположено в 6 км от центральной усадьбы совхоза «Нураталды» (Кошкарбай) Шетского района, другое обнаружено в долине р. Кармыс, левого притока р. Шерубай-Нура. Более половины обнаруженных поселений приходится на долину р. Талды-Нура. Проведение широких раскопок во всех этих поселениях, несомненно, даст много нового.

Аккезен

Поселение Аккезен (заимка Бада) расположено у восточного подножия горы Котур-Кзылтау, в 7 км к юго-востоку от поселения Байбала и 7 км к западу от аула Акбаур Шетского района Карагандинской области. Площадь поселения около 5 га.

Общее число остатков разных строений в поселении Аккезен – 60, из них половина – жилища (рис. 124).

В плане поселение имеет много общего с другими поселениями эпохи бронзы Центрального Казахстана: строения располагаются полукольцом, оставляя в центре свободную площадку, открытую с востока и северо-востока. Поселение делится на две части: более древнюю северную и южную. Жилища северной части состоят исключительно из землянок (их 20), преимущественно овальной формы, но встречаются и прямоугольной, подквадратной формы. Площадь самых крупных землянок 325 м², средних 130–150 м², малых 50–60 м², глубина от 40 до 80 см. Характерно, что погребальные сооружения чередуются с жилищами, что наблюдалось и в древней части поселения Бугулы I.

Южная часть поселения Аккезен имеет совершенно иную топографию. Жилища здесь наземные, отличаются более мощной конструкцией каменных стен и крупными размерами. Они построены горизонтальной кладкой из длинных каменных блоков и укреплены крупными опорными плитами. Число жилых строений из камня 9, из них 3 относятся к типу «длинных домов». Площадь наиболее крупных 330 м² (30x11 м), средних 264 м² (22x12 м).

Наибольший интерес представляют остатки «длинных домов» — многокамерных помещений, вытянутых с востока на запад (рис. 125).

Размеры одного из «длинных домов» 32x7 м, его площадь 225 м². Дом сложен кладкой из бутового камня. Для защиты от холодных северо-западных ветров существовала внешняя ограда из каменных блоков, остатки которой сохранились только в западной части. В композицию дома входит десять помещений, разделенных между собой поперечными стенами. Главное помещение, принадлежавшее, вероятно, главе большой патриархальной семьи, находится в центре и состоит из трех комнат — сравнительно большой центральной (30 м²) и двух средней величины (по 18 м²). С южной стороны к большой комнате пристроено подсобное помещение для хранения запасов пищи. Вдоль восточной стены сохранились остатки двух каменных очагов, имевших один утилитарное, а другой культовое значение.

К центральному помещению примыкают два крыла, отделенные от него узкими коридорами шириной 1,8 и 2 м. В западном крыле хорошо сохранились остатки трех комнат. Одна из них

сравнительно большая, ее размеры 4x6 м. В юго-западном углу сохранился контур каменного очага, в котором обнаружен слой золы толщиной 20 см. Остальные две комнаты небольшие, каждая площадью 12 м². В восточном крыле расположены две комнаты площадью 30 и 15 м².

Обитателями «длинного дома», безусловно, были члены одной патриархальной семьи. В то же время деление большого дома на ряд помещений свидетельствует о новой ступени развития семьи, обособлении малых семей в отдельные помещения с отдельными очагами.

Вне пределов поселения на поминальных холмах расположены языческий храм и усыпальница главы рода. В плане языческий храм почти квадрат, с размерами сторон 13 м и 12 м, сложен из грубо обработанных камней прямоугольной формы. Судя по характеру сооружения, языческий храм хронологически совпадает с постройками южной половины поселения и отражает общественную форму, характерную для бегазы-ландыбаевского времени.

Присутствие памятников двух этапов эпохи бронзы в поселении Аккезен свидетельствует о его существовании на протяжении ряда столетий.

Байбала

Поселение Байбала находится 7 км к северо-западу от поселения Аккезен, на правом берегу р. Талды-Нура. Было открыто в 1947 г. Контуры жилищ и хозяйственных построек были видны по выступающим над поверхностью земли краям плит. Удалось снять план и провести частичные раскопки одной землянки, сохранившейся благодаря своим каменным стенам. К сожалению, ее северная стена была разрушена трактором.

Жилище в плане почти квадрат (рис. 126) с размерами сторон 11 и 10 м, ее площадь 110 м². Стены жилища находились в грунте на глубине до 0,6 м, они сложены из двух рядов гранитных плит, установленных на ребро. Полое пространство между рядами заполнено щебнем и прочно забутовано. Вся нагрузка от перекрытия ложилась на стены и внутренние опорные столбы.

По конструкции у жилища много общего с жилищами поселений Бугулы I, II, Атасу (жилище 4), Тагибай-булак, Ортау.

Близкое по форме жилище обнаружено в поселении Каратомар в горах Калба Баянаульского района (рис. 127). Однако по плану это более сложное сооружение, композиционно обогащенное полукруглыми углами. Таким образом, при полном сохранении общих принципов строительства в отдельных жилищах поселений Центрального Казахстана проявляются локальные особенности.

Поселение Жамбай-Карасу открыто в 1947 г. у юго-западного подножия горы Кунаубай, в 30 км к югу от центральной усадьбы совхоза «Кеншоқы» Шетского района Карагандинской области. Топографический контур поселения площадью около 3 га обозначен в виде глубоких ям, заросших травой. Сохранились остатки 15 полуземлянок площадью от 100 до 250 м². Остатки аналогичных поселений установлены на р. Ишим, выше Акмолинска, на р. Нура, около старой зимовки Ахметаул, на р. Талды-Нура, в урочище Сенкебай и долине р. Баспаздак, правого притока р. Шерубай-Нура, на территории совхоза им. Орджоникидзе Шетского района. Раскопки этих поселений еще не производились, собран лишь подъемный материал: фрагменты керамики, бронзы, кости животных, орудия труда и т.д.

Ишимское поселение находится на правом берегу р. Ишим, в 6 км к юго-востоку от Целинограда. В 1953 г. В. Д. Солочинский собрал здесь подъемный материал, состоявший из обломков глиняных сосудов, каменных орудий (7), наконечников стрел (2) и костяного наконечника дротика¹¹.

Нуринское поселение расположено на правом берегу р. Нура, выше впадения в нее р. Кокпекты, в 14 км к юго-западу от с. Ахметаул. Его культурный слой был толщиной 0,85–0,9 м. В 1955 г. К.А. Акишевым собран подъемный материал в виде керамики, каменных орудий и костей животных, которые хранятся в музее Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР¹².

Шортанды-Булак

Шортанды-булак – одно из крупных поселений эпохи бронзы в Центральном Казахстане. Расположено в живописной долине

левого берега р. Талды-Нура, возле старой зимовки Айнаколь, в 10 км к югу от аула Жанажурт и в 14 км к юго-западу от поселения Байбала. Поселение находится на второй надпойменной террасе, достигающей высоты одного метра, с мощным почвенным покровом. Район местонахождения поселения отличается большим скоплением памятников эпохи бронзы, расположенных вокруг гор Котур-Кзылтау и в долинах р. Талды-Нура и ее притоков в радиусе 45–50 км. Наиболее значительные из памятников: древний рудник Алабута¹³, поселения Аккезен, Байбала, Сенкебай, находящиеся друг от друга на расстоянии от 10 до 15 км. К западу от них расположены грандиозные памятники Аксу-Аюлы, Бугулы, на востоке – Былкылдак, Каражал, Акбастау, Бесоба и др. Огромное скопление памятников эпохи бронзы в виде поселений и погребальных полей свидетельствует об обжитости и напряженном ритме жизни древних жителей этого района Центрального Казахстана.

Топографический контур поселения выступает в виде углублений, расположенных цепочкой в два-три ряда с юга на север (рис. 128). Основная масса землянок прямоугольной конфигурации ориентирована длинной осью по линии запад-восток. Немало жилищ и квадратной формы. По размерам жилища имеют сходство с жилищами других поселений Центрального и Северного Казахстана: площадь очень крупных 275–360 м², средних 120–200 м², малых 35–75 м².

Поселение организовано в виде неправильного круга с открытой центральной площадкой. В восточном конце поселения сохранились остатки мастерской, сложенной кладкой из бутового камня. Шурфовкой на дне мастерской обнаружены куски медного шлака, обломки керамики и кости животных.

Жители поселения Шортанды-булак при сооружении жилищ отдавали предпочтение дереву, хотя камень в виде гранитных осыпей находился рядом в 100–200 м. На площадке поселения сохранились остатки только двух каменных строений: языческого святилища и мастерской по обработке металла, возведенных строго в прямоугольном плане.

Поселение состояло из 38 построек, из которых 30 – жилища. При топографических съемках 1955 г. поселение было еще целым. С тех пор изменилось многое. Теперь вся левобережная долина полностью вспахана. Вследствие этого многие жилища засыпаны пахотным слоем и контуры их исчезли. Через площадь поселения проведена дорога, по которой перевозятся сено, зерно, лесной материал, камень и др. Из 38 древних строений остались лишь контуры 18.

На юго-востоке, вне черты поселения, обособленно расположены остатки языческого святилища таких же очертаний, как и в поселении Бугуды I.

В поселении Шортанды-булак в полном объеме исследованы два жилища – 14 и 21.

Жилище 14 расположено в юго-западном углу поселения, во втором ряду жилых строений. Это – прямоугольная впадина общей площадью 160 м². Заполнение жилища состояло из двух наслоений. Верхний дерновый слой, насыщенный гумусом, толщиной 20–25 см, содержал небольшое количество костей животных, разбросанных в разных концах площадки. Далее шел гумусовый слой толщиной 40–50 см, содержащий основные культурные остатки (рис. 129). Слой завершался тонкой (5 см) прослойкой пепельно-серого цвета, местами прерывающейся.

Здесь, непосредственно на глинистой супеси, было дно землянки. Пол ровный, с некоторым понижением к центру. На дне жилища прослежены темные полосы с пятнами угля и золистой земли, свидетельствующей о пожаре, а также следы деревянной конструкции. Стены жилища были построены из толстых бревен и подкреплены деревянными столбами. Над котлованом когда-то возвышалась наземная постройка высотой не менее одного метра. Жилище строго прямоугольной формы вытянуто в направлении с северо-запада на юго-восток. Длина его 16 м, ширина 10 м. Вход, обращенный на ВЮВ, оформлен в виде ступенчатого порога, выложенного тонкими сланцевыми плитами (рис. 130).

К восточной стене помещения примыкает входная пристройка (тамбур) прямоугольного очертания, размерами 3х4 м. По

размерам, плановой основе и наличию тамбурной пристройки жилище сходно с плиточными мавзолеями Бегазы 1 и 2. Вдоль стен жилища хорошо сохранились остатки бревенчатых стен и следы от опорных столбов в виде круглых ям (рис. 131) диаметром от 25 до 40 см, глубиной 12–15 см. Количество ям по длинным сторонам – 9, коротким – 8. Дно ям закреплено камнями, которые лежали тут же. Судя по диаметру ям, в качестве опорных столбов использовались довольно толстые бревна, способные выдержать большую нагрузку. Столбы расставлены в определенном порядке, через 1, 1,5, 2 м. Они несли двойную нагрузку: поддерживали стены и перекрытие.

В западной половине жилища хорошо сохранились остатки деревянной перегородки, разделявшей жилище на большую и малую комнаты. Малое помещение (15 м²), в свою очередь, также разделено на две части, отделенные друг от друга небольшим коридором. Большие треугольные ящики, устроенные на углах, говорят о том, что помещения служили кладовыми.

Для поддержания съемной рамы в центре жилища стояли мощные столбы. Конструкция съемной рамы была рассчитана, как для освещения помещения, так и для вытяжки дыма. В центре также был основной очаг в виде вытянутой по оси жилища ямы длиной около 6 м, шириной 1 м, глубиной 30–35 см. Очаг разделен на ряд округлых ячеек, примыкавших одна к другой. По своим размерам и устройству очаг сходен с очагом жилища 4 Атасуского поселения. Его дно также имело комковатую структуру и сильно прокалено. Очаг был выложен камнями. Об этом говорят разбросанные по всей площади камни, прокаленные настолько, что при малейшем прикосновении к ним они расслаивались.

Второй очаг, сложенный из камней в виде круга, находился в северо-восточном углу, у входа (рис. 132). Диаметр его один метр, глубина 0,3 м, толщина зольного слоя 18 см. Возле очага лежали камни, кости животных, обломки керамики и медных предметов.

В северо-западной половине жилища прослежены остатки третьего очага, связанного с домашним производством. В плане это неправильный круг, обложенный камнями, диаметром всего

0,5 м, глубиной 25 см. По значительному скоплению угольков, шлаков и медных шариков он напоминает производственную печь жилища 4 Атасуского поселения.

Жилище 21 расположено в северо-западной части площадки. Представляет собой прямоугольную яму размерами 9x8,5 м, глубиной 1,2 м (рис. 133). От восточной стены шел коридор типа бегазинских тамбуров, длиной 3 м, шириной 2,5 м. Жилище было каркасным, о чем свидетельствуют остатки ям от столбов глубиной до 25 см, шириной 30–40 см. Вдоль стен и коридора сохранилось 17 таких ям. Кроме того, в центре, вокруг очага обнаружены ямы еще от 4 столбов, на которых покоилась съемная бревенчатая рама, служившая одновременно для освещения помещения и в качестве дымохода. Стены жилища и подпирающие их внутренние столбы были из бревен. Об этом свидетельствуют черные пятна от сгнивших бревен на полу жилища. В центре жилища на глубине 0,4 м было черное пятно размером 8x7 м, толщиной 8x10 см – результат рухнувшей кровли. Пол плотно утрамбован и сглажен, как в жилище 4 Атасуского поселения. По характеру помещение, скорее всего, имело производственное назначение.

В центре помещения сохранились остатки глиняного очага с сильно прокаленным дном и скоплением комьев ошлакованной глины, из которой были возведены его стенки. Размеры печи 1,5x1,4 м, глубина 0,8 м. На дне её обнаружено большое скопление обломков керамики и ошлакованных обломков керамического материала, что свидетельствует о предназначении печи для обжига гончарных изделий. Другая печь, сложенная из плоских камней, располагалась в передней части жилища — мастерской. За пределами жилища находилась большая плавильная печь, сложенная из глины в прямоугольном плане, длиной 2 м, шириной 1,5 м, высотой 0,8 м. Вокруг печи лежали груды измельченной руды, куски шлаков, угольки, скопление костей животных, камней и др. Спектральный анализ показал, что здесь были свинцовые, медные и охристо-железные руды, шлаки содержали только охристое железо, залежи которого находятся рядом в Алабуге. Материалы свидетельствуют, что в этой печи выплавляли медь, свинец и

железо. О выплавке железа говорит и железный наконечник стрелы, найденный в культурном слое на глубине 0,7 м. Из орудий горного дела, найденных около печи, большой научный интерес представляют каменные литейные формы, сделанные для отливки украшений в виде бус, пронизок и т.д.

В культурных слоях обоих жилищ (14 и 21) обнаружены керамика, бронзовые изделия, образцы резной кости, орудия труда, украшения и предметы обихода. Культурные остатки были сосредоточены в центральной части жилищ, около очагов, в основном, в гумусовом слое и частично у самого дна жилищ, в прослойке толщиной не более 5–6 см.

Керамический материал представлен фрагментами не менее 300 сосудов, различных по форме и бытовому назначению (рис. 134–136). Сосуды преимущественно плоскостенные, с шаровидным туловом, нередко с высокой шейкой, сделаны из теста с примесью песка и толченого камня. Плоскостенные сосуды формовались ленточным способом. Широко была распространена и техника формовки шаровидных сосудов способом выдавливания из кома глины. У некоторых фрагментов керамики на внутренней поверхности сохранились отпечатки ткани, свидетельствующие о том, что сосуды, особенно тонкостенные, лепились с помощью болванки – холщового мешка, наполненного песком. Этот способ изготовления керамики наиболее характерен для бегазинского времени, но появился он в предбегазинский период. Об этом свидетельствуют приземистые, шаровидные горшки, найденные в памятниках переходного этапа (Балакулболды, Айшрак Б, Беласар, Егизек II и др.).

К редкому типу гончарных изделий эпохи бронзы относится плоская с широким устьем и ручкой в виде круглой петельки (рис. 137.2). По форме и размеру подобна сосуду из ограды 5 комплекса Беласар. В землянке 3 Алексеевского поселения найдена ручка округлой формы, возможно, от подобного сосуда (чашки)¹⁴. В потребностях срубной культуры Нижнего Поволжья и Нижнего Днепра были обнаружены похожие сосуды¹⁵.

Большой редкостью предстает и глиняная чаша, найденная среди обломков керамики около производственного очага. Чаша

имеет форму шарового сегмента с расширяющимся сверху устьем (рис. 137.1). Верхняя половина чаши покрыта косыми насечками, выполненными оттисками мелкозубчатой гребенки, в нижней части — крестообразные насечки. Точно такая же чаша, но с другим орнаментом найдена в карасукском могильнике Верхней Оби¹⁶.

Вместе с другими предметами эпохи поздней бронзы чаша датирует поселение Шортанды - булак XI-X вв. до н. э.

Обе описанные чаши не свойственны эпохам ранней и средней бронзы Центрального Казахстана. Они появляются на завершающем этапе бронзы, в предскифское время и в несколько измененной форме переходят в культуру ранних кочевников. Крутые чаши встречаются от верховьев Оби на востоке до низовьев Волги на западе¹⁷, на севере — до границы лесостепей.

Среди находок есть крупные фрагменты грубых толстостенных сосудов, некоторые из них с отпечатками плетенки. Судя по всему, это фрагменты тиглей для костровой плавки медной руды. Тигли с отпечатками плетенки обнаружены в плавильных центрах древнего Джезказгана, в Милыкудуке и Айнаколе. Н.В. Валукинский, описавший их, установил, что тигли формовались на плетеной основе¹⁸.

Большое разнообразие форм и орнамента керамических изделий объясняется тем, что в условиях замкнутого домашнего производства каждый мастер делал посуду по-своему. Керамику обеих жилищ можно разделить на две группы: тонкостенную столовую и толстостенную кухонную без орнамента или с грубым и небрежно сделанным орнаментом. Среди сосудов первой группы — горшков, кубков, мисок, чашек, кувшинов со сливным носиком и с высокой цилиндрической горловиной немало изящных, с выразительным профилем, красивой шейкой и роскошным орнаментом. Многие сосуды с налепным валиком, опоясывающим шейку, и с орнаментом из наклонных линий. Разнообразны типы венчиков: часто прямые, слегка отогнутые наружу, прямые, высокие, с рельефным налепом, орнаментированные по основанию особым оттиском штампа в виде лапчатых и каплевидных вдавлений, с налепом в виде «воротничка», заштрихованного рядами наклонных прерывистых линий, желобками или косой сеткой, встречаются

сдвоенные и строенные налепы с характерными каплевидными вдавлениями. Техника нанесения узора, в основном, традиционна, но неравномерна: в одних случаях он сделан грубо, в других — доведен до уровня высокого мастерства. Кроме общеизвестных, применялись новые типы штампов, оставляющих оттиски лапчатых, каплевидных и овальных вдавлений. Выразительны узоры, сделанные оттисками штампов в виде полукруглых или треугольных вдавлений, глазчатых кружков, горошин, X-образных фигур, покрытых черной краской. В эту эпоху были распространены следующие штампы: крупный гребенчатый, гладкий линейный, дающий оттиски в виде косоугольных и ромбических сеток, наклонных линий, зигзагов, слочек, палочек с оттисками круглых точек и ямочек. Часто встречается жемчужный орнамент в виде бугорков или сосков, выдавленных изнутри. Описанная техника орнаментации характерна для керамики бегазы-дандыбаевского этапа.

Ни один из сосудов Шортанды-булака по форме не напоминает андроновскую керамику. Здесь все новое. В культурных слоях землянок не встречено предметов из кремня: наконечников стрел, дротиков, скребков и ножевидных пластинок, столь характерных для более ранних поселений Центрального Казахстана. Это свидетельствует о полном отходе от традиционных кремневых орудий, унаследованных от эпохи неолита, и замене их новыми, бронзовыми. В виде реликта встречен лишь один массивный кремневый наконечник стрелы с двусторонней обработкой. По форме он аналогичен кремневым наконечникам стрел, найденным в поселениях Каркаралы II, III (Суук-булак) и Тагыйбай-булак.

Из орудий труда, обнаруженных здесь, привлекает внимание керамическое пряслице биконической формы (рис. 138.3). Удобная, рациональная форма орудия говорит о том, что получение пряжи и изготовление из нее ткани было одним из основных занятий поселенцев. Встречены обломки и других пряслиц, изготовленных из глины в виде крута с отверстием в центре.

Интересными находками отмечен уголок древнего мастера, расположенный в северо-западной части жилища. Среди значительного скопления отходов древнего домашнего

производства в виде обломков кристаллов, кусков меди, шлака, обнаружены обрезки оленьего рога, заготовки из трубчатых костей (метаподий) крупных животных и др.

Искусство обработки кости корнями уходит в верхний палеолит и неолит¹⁹. Судя по находкам, среди домашних ремесел шортландищев существовало важное место занимало косторезное дело. Ряд костяных изделий дает представление о технике обработки кости. Так, костяная пуговица (рис. 138. 10) была сделана в форме миниатюрного полушария с широкой петелькой на обратной стороне, вся наружная поверхность ее отполирована. Диаметр пуговицы 1,8 см, высота 1 см. Тщательностью выделки и функциональным назначением она напоминает роговую застежку из Дандыбая. Аналогий ей нет, часто встречаются бронзовые пуговицы, очень близкие по форме. Костяное шило с вполне завершенной четырехгранной формой и острым концом (рис. 138. 5). Длина его 9 см. Среди изделий выделяется трубчатая кость (метаподия) лошади, вернее, обренок дистального конца метаподии с орнаментом (рис. 139. 1). Орнамент в виде ромбических и треугольных фигур нанесен острым инструментом. До нанесения орнамента поверхность костяного обреза была отполирована. Длина обреза 15,5 см, ширина 3,5–5 см. Назначение этого изделия остается не ясным. Возможно, это футляр для острых бронзовых орудий типа шильев, острых булавок, проколов.

У скотоводов эпохи поздней бронзы обработка трубчатых костей крупных и мелких животных, особенно метаподий лошади приобретает широкий размах.

Метаподии с хорошо отполированной поверхностью или в виде заготовок находили неоднократно²⁰. В поселении Атасу их найдено – 10, в Каркаралы II – 6, в Шортанды-булаке – 6, в Бугулы II – 3. Выделение метаподий среди других костей говорит об их особом значении в жизни степных племен.

Большой редкостью является костяной стакан цилиндрической формы, найденный возле производственного очага. Стакан имеет плоское дно, прямые стенки и хорошо отполированную поверхность (рис. 138. 4). Среди находок лопатка крупной лошади со следами применения и молоток из оленьего рога. Подобные

лопатки на древних рудниках Джезказгана, Степняка, Бестобе и др. служили совком, а молотки из оленьего рога использовались в горном деле (рис. 139. 2). Молоток имеет округлый рабочий конец и цилиндрическую рукоятку. Орудия из оленьего рога были широко распространены в культуре бронзы Центрального и Северо-Восточного Казахстана. Они часто встречаются в "разносах" древних рудников Джезказгана, Саяка, Тесиктаса, Степняка, Алабуги.

Из костяных изделий (рис. 140) особенно интересны редкий экземпляр костяного псалля в форме параболы с тремя отверстиями, из которых среднее прямоугольно-овальной формы, а также пронизка цилиндрической формы с четким обрезом и тщательно отполированной поверхностью, обломок пластинки прямоугольного профиля с орнаментом, сделанным тонкой резьбой, в виде рядов треугольных фигур. Необходимо отметить накладку прямоугольной формы, у нее одна сторона выпуклая, другая вогнутая. Накладка по бордюру украшена двумя рядами миниатюрных треугольников, а расположенный в центре накладки солярный круг покрыт резьбой. Привлекают внимание и обломки костяных рукояток орудий и оружия (шильев, княжалов, ножей, штампов), искусно обработанных тонкой резьбой. Встречаются рукоятки двух форм – округлой и цилиндрической. Уникален костяной циркуль с двумя заостренными концами, из которых один длинный, другой короткий. У циркуля круглое основание и выемка для ношения на петельке. Бортовая линия инструмента окаймлена тонкой резьбой из двух рядов миниатюрных равнобедренных треугольников, вершины которых идут то вверх, то вниз. Вполне возможно, что циркуль служил в качестве штампа для нанесения резного орнамента и для измерения объектов.

Вокруг очагов собраны различные бронзовые предметы и их заготовки, в частности, трубочка в виде цилиндрической шляпы с узкими полями (рис. 138. 12), предмет полукруглой (рис. 138, 9) формы, литые пластинки лентообразной формы – заготовки для различных поделок и медных украшений, шило и др. Особо выделяется бронзовая пластинка с одной стороны плоская, с

другой выпуклая. Выпуклая сторона покрыта черной краской и рисунком в виде мелкой сетки и ромбов. Длина пластинки 3 см, ширина 1 см (рис. 138, 6).

На дне жилища 21 найдены три массивных наконечника стрел, из которых один черешковый, два — втульчатых. Все они листовидной формы, с рельефным валиком по продольной оси и с заостренными концами (рис. 140, 8-10). Обращает на себя внимание ширина оперения, достигающая 5 см. Спектральным анализом установлено, что два наконечника вылиты из бронзы, один — из железа с примесью других элементов, причем последний сохранился лучше. Характерно, что перья наконечника отработаны не в виде лезвия, а с затуплением, в виде бортовой кромки.

Из других находок надо отметить большое бронзовое шило четырехгранной формы (рис. 140, 15), бронзовое кольцо — орудие для смягчения и обработки сыромятного ремня и выпрямления тетивы лука (рис. 140, 13), обломок большого гвоздя со шляпкой (рис. 140, 14) и др.

Обнаруженные орудия горного дела: массивные каменные песты, ступки, молотки, терки свидетельствуют о том, что жители поселения Шортанды-булак наряду со скотоводством занимались горным делом и металлургией.

Пест 1 (рис. 141, 1) цилиндрической формы с круглой рукояткой и утолщенной рабочей частью. Изготовлен из камня, вся поверхность тщательно отполирована. От неоднократного употребления рабочий конец деформирован.

Пест 2 (рис. 141, 2) четырехгранной формы в виде мотыги, с плоской рабочей частью и прямоугольной рукояткой. Изготовлен из алевролита. Стороны тщательно отполированы.

Пест 3 изготовлен из алевролита, имеет цилиндрическую форму, круглое сечение, поверхность тщательно отполирована.

Пест 4 цилиндрической формы с обломанным концом, его размеры 11х11 см, толщина 7 см. Изготовлен из серового песчаника, все стороны обтесаны и отполированы.

Ступка 2 (рис. 141, 3) изготовлена из красного песчаника, имеет треугольную форму с закругленными бортами, поверхность гладко

отполирована. Аналогов у этих орудий много. Большое количество ступок и пестов, различных по форме, было найдено в древнем металлургическом центре Джезказгане, в поселениях Мильякудук, Соркудук и Айнаколь, а также в поселениях Северного и Восточного Казахстана.

Из каменных орудий особо выделяется метательный шарик яйцевидной формы с выемкой в узком конце для тонкого ремня (рис. 138, 1). Шарик выточен из мягкого песчаника, один конец его более широкий, другой сравнительно узкий. На поверхности шарика достаточно четко прослеживается рельеф в виде полумесяца. Точно такой же знак обнаружен на венчике керамического сосуда из жилища 1 Каркаралинского поселения П²¹ и на бронзовом кинжале из села Кетабок в Азербайджане²². Несомненно, этот знак имеет отношение к героическим традициям древних племен. Не полностью обработанный шарик найден в уголке древнего мастера, возле его производственного очага. Шарик выточен из плотного камня. Метательные шарики были эффективным оружием древних воинов и охотников. Не удивительно, что они приобрели сакральное значение, подобно тому, как некоторые предметы вооружения казахских богатырей средневековья стали объектом почитания. Шарики энеолитического времени со стоянки Шыбынды были крупнее, их размеры 6х10 см. В памятниках Центрального Казахстана метательных шариков найдено много в окрестностях Караганды и Каркаралы, на стоянках Джезказгана. Интересный образец метательного шарика обнаружен при раскопках могильника Досан эпохи бронзы, на территории совхоза «Бесоба» Каркаралинского района. Шарик выточен из мягкого камня в четкой октаэдрической форме (рис. 138, 7). Аналогичного характера шарик найден на Северном Кавказе в районе Кабарды²³.

Ведущая роль в хозяйстве жителей Шортанды-булака принадлежала скотоводству. Они разводили мелкий и крупный рогатый скот и лошадей. Судя по костным остаткам, жители поселения употребляли баранину, затем конину и говядину. По данным Л. А. Макаровой, кости мелкого рогатого скота (баранов и коз) составляют 45%, лошадей — 30%, крупного рогатого скота

–25%. Только в одном жилище здесь обнаружено костей в два раза больше, чем в поселениях рудокопов и металлургов (Джезказган, Суук-булак, Каркаралы II, Тагибай-булак). Это дает основание заключить, что шортандинцы имели значительное количество скота, как и жители Атауского и Алексеевского поселений. Бросается в глаза отсутствие костей диких животных. Встречены лишь обработанные рога оленя и фрагменты нижней челюсти бобра. Однако, это еще не дает основания утверждать об отходе шортандинцев от промысловой охоты.

Судя по находкам, поселение было оседло-скотоводческим, но яйлажного типа. На это указывает обилие скота и, кроме того, видовой состав стада, приспособленный для подвижного хозяйства с относительно частой сменой пастбищ.

На полу жилищ встречено несколько зернотерок, свидетельствующих о существовании каирного земледелия, имевшего подчиненное значение.

Поселение Шортанды-булак составляет один из самых крупных памятников бегазы-дандыбаевского времени. Богатый материал, полученный в результате раскопок поселения, дает ясное представление о комплексном характере хозяйства обитателей поселения с преобладанием скотоводства. Жители поселения занимались также горным промыслом и металлургией, земледелием и различными видов домашнего производства.

Каркаралинская группа поселений

Каркаралинская степь в эпоху бронзы была крупнейшим горно-металлургическим центром в Центральном Казахстане. Вместе с Баянаульской степью на севере, Прибалхашской на юге, Ишим-Сарысуйской на западе она составляла важнейший историко-культурный узел региона, оказавший влияние на распространение культуры бронзы по всей степной полосе Евразийского континента. Свидетельством этого являются крупные древние рудники Атабай, Адиль, Шурук, Кентобе, Кылыспе, Коргангас, Саяк и др., многочисленные поселения, обширные погребальные поля, монументальные каменные сооружения.

Каркаралы I. Судя по культурным остаткам, это было довольно крупное поселение в живописной долине речки Каркаралинка, у ее выхода из горного ущелья. В наше время от древнего культурного массива почти ничего не осталось: площадь поселения полностью занята городскими постройками и огородами. При землеройных работах время от времени вскрываются остатки древней культуры в виде керамики, орудий труда, костей животных и нередко каменных очагов со скоплением золы.

В 1940 г. на площади поселения, в обрыве р. Каркаралинки геологом И.А. Могилевским были открыты остатки медеплавильных печей с круглым подом и шлаками²⁴.

По сообщению В. Е. Ясенецкой, «в оврагах вблизи города есть очень много шлаков и остатки плавильных печей небольшого размера в виде ям с обнаженным подом»²⁵.

По своему характеру каркаралинские плавильные печи очень сходны с печами в Калбинских горах и на р. Бала-Терсаккан.

Богатый подъемный материал на площади поселения и в его культурном слое собран краеведом В. Е. Ясенецкой. В ее коллекции, хранящейся в Карагандинском краеведческом музее, немало интересных и редких орудий труда и предметов обихода, свидетельствующих о хозяйственной и культурной жизни поселения в эпоху поздней бронзы (рис. 142). Среди них обломки глиняных сосудов, орудия горного дела (рис. 143) типа кайл, мотыг, клиньев, топоров, рудодробильных орудий, различные типы пестов, молотков, ступок, каменные крути с отверстием в центре (рис. 144), каменные и бронзовые наконечники стрел (рис. 145). Основная их масса извлечена из культурного обнажения в обрыве р. Каркаралинка.

Ясенецкой В.Е. найден один из наиболее оригинальных ножей Казахстана, относящийся к эпохе поздней бронзы (рис. 145, 1). Нож отлит из бронзы, по типу подобен бронзовым ножам, найденным в поселении Каркаралы II: оба имеют дугообразную форму, крутой выступ, отделяющий лезвие от рукоятки. Однако он отличается узким, слегка изогнутым клинком, заостренным концом лезвия и тонкой прямоугольной рукояткой без закругления на вершине.

Отверстие на конце рукоятки не пробито, а сделано при литье в виде прямоугольной петельки.

Привлекает внимание бронзовый слиток весом до 8 килограммов. находки и топография поселения ясно показывают, что здесь, в основном, жили металлурги, занимавшиеся и скотоводством.

Каркаралы II. Поселение появилось раньше, чем Суук-булак и Шортанды-булак. Однако по структуре жилых строений и по культуре Каркаралы II очень сходен с ними (рис. 146).

Жилища обложены плитами, нижняя часть их находится в земле, на глубине 45–60 см. Жилища имеют прямоугольные очертания, ориентированы длинной осью с запада на восток.

При съемках в 1955 г. на площади поселения хорошо был виден контур восьми жилищ в виде широких углублений. К 1962 г. сохранилась лишь половина из них, благодаря тому, что они располагались в обрыве речки и их культурный слой толщиной 30–40 см был обнажен. Площадь горного поселения Каркаралы II, в котором жили рудокопы и плавильщики металла, занимала 7500 м².

Кроме следов жилищ здесь сохранились хозяйственные ямы круглой и овальной форм, в том числе водосборные ямы для мокрой флотации руды, склады для хранения обогащенной руды и т. д. Характер этих ям такой же, как на Милькудуке в Джеккагане.

В поселении Каркаралы II раскопаны три жилища. Лучше сохранилось жилище I, остальные сильно повреждены и не отличаются особо интересными находками.

В жилище I западная часть, примыкающая к обрыву реки, смыта весенним половодьем. Сохранившаяся площадь землянки около 240 м² (12x20 м). Заполнение жилища состоит из трех слоев: гумусового толщиной 60 см, глинистого толщиной 35 см, подзолистого толщиной 35 см. Жилище относится к типу полуземлянки, нижняя часть которой находилась в грунте на глубине 50–60 см. Жилище прямоугольного плана, ориентировано с запада на восток, построено из толстых бревен. Следы бревенчатых стен прослеживаются по контурам пятен сгнивших бревен в виде бурожелтых полос шириной 20–25 см. В пятнах обнаружены куски

березовой коры, свидетельствующие об использовании стволов березы. Полосы идут вдоль стен, образуя четкие углы. На углах и вдоль стен обнаружены ямки от столбов, поддерживавших кровлю. Судя по диаметрам ям (30–35 см), столбы были толстые.

Жители поселения Каркаралы II строили свои жилища не из камня, а из плах и бревен. Деревянные стены жилищ были обнаружены и в поселении Суук-булак, расположенного по соседству. Об отсутствии камня в районе Каркаралинских гор говорить не приходится: вблизи поселений нагромождения каменных скал и гранитных осей, нередко лежащих пластинами. По-видимому, при постройке жилищ жители поселения отдавали предпочтение более доступному для обработки материалу.

Пол в жилище находился на глубине 0,7–0,8 м. Пол неровный, с некоторым углублением в центре. Лучше сохранился контур южной стены с четкими углами срубной постройки. В северо-восточном углу жилища находился большой очаг округлой формы. Диаметр его ~ 3 м, глубина до 35 см.

Контуры жилища 2 проступали в обрыве р. Каркаралинки в виде корытообразного углубления, толщина культурного слоя 30–40 см. Заполнение жилища состояло из дернового и гумусового слоев с остатками бытовых предметов, ниже следовала чистая супесь, смешанная с крупным песком. Жилище также было построено из бревен в прямоугольном плане на площади около 300 м² (сохранившиеся размеры 14x18). Как и в Атасуских жилищах, пол обмазан толстым слоем глины. Очаг в виде четырехугольной ямы находился в северо-западном углу. Другой очаг в виде округлой ямы располагался в центре жилища, ближе к его южной стене. Культурные остатки, в основном, были сосредоточены в центре жилища, около очагов. Среди множества мелких обломков были найдены крупные фрагменты сосудов, совершенно сходных с керамикой жилища I. Здесь же были каменные рудодробильные орудия, каменные мотыги, кости животных, костяные орудия – туники из нижней челюсти коровы для выделки кожи.

В жилище 3 северо-западная половина его, примыкающая к обрыву реки, полностью смыта. По своей структуре оно подобно жилищам I и 2, сложено из бревен. Жилище прямоугольной формы,

ориентировано длинной осью с запада на восток. Сохранившаяся площадь жилища 112 м². В культурном слое встречено много обломков керамики, кости животных, шлаки, куски обгорелого дерева, древесные угольки, каменные орудия и др. Характер культурного слоя совершенно такой же, как в жилищах 1 и 2.

Более подробно остановимся на находках из жилища 1. Культурные остатки сосредоточены преимущественно в северной и северо-восточной частях, около очага. В основном, это фрагменты керамики, затем изделия из бронзы, украшения и орудия труда (рис. 147). Обращает на себя внимание то, что в поселении Каркаралы II, как и в поселениях Шортанды-булак, Суук-булак и Тагибай-булак среди культурных остатков почти нет изделий из кремня. В виде реликвии встречен лишь кремневый наконечник стрелы очень изящной листовидной формы, с тонкой регушкой обеих сторон (рис. 147, 14). Подобный экземпляр наконечника копья был найден на площади поселения Каркаралы I.

В северо-западном углу жилища стояли два раздавленных глиняных горшка. Горшки плоскодонные. Один сосуд с венчиком, отогнутым наружу, и орнаментом в виде рядов крестиков, опоясывающих нижнюю часть шейки. Другой горшок толстостенный, с налипшим валиком по основанию шейки, на валик нанесен орнамент — ряды ромбических фигур, выполненных линейным штампом.

Среди многочисленных обломков керамики были крупные фрагменты больших сосудов с узким цилиндрическим горлом с налипшим венчиком по его краю и сильно выступающими боками тулова. Подобные кувшины найдены в плиточном мавзолее Бегазы I, на Долгой Гриве (Верхняя Обь)²⁶ и при раскопах поселения Трушниково на Верхнем Иртыше²⁷.

Все фрагменты керамики относятся к эпохе поздней бронзы. На внутренней стенке одного из обломков хорошо видны отпечатки ткани, указывающие на технику лепки сосуда при помощи болванки-мешка, наполненного песком. В эпоху поздней бронзы эта техника была распространена в каркаралинских и бутулинских поселениях, а также в поселении Шортанды - булак.

О существовании ремесла по изготовлению пряжи говорят находки значительного числа пряслиц в культурном слое жилища

1. Встречены два типа пряслиц: один тип представляет пряслица из гальки круглой формы, другой — из головок трубчатых костей крупных животных (рис. 147, 15, 16). Диаметр пряслиц из гальки 6 см, толщина 4-5 мм, диаметр костяных пряслиц 2,5 см, толщина 7 мм. Костяные пряслица, в свою очередь, представлены двумя видами: полусферической формы с отверстием в центре и в форме усеченного конуса, напоминающего дамскую шпильку с круглым навершием. По своим размерам и форме они сходны с пряслицами, которыми пользовались казахские женщины до позднего средневековья.

Своеобразны две трубочки (рис. 147, 19, 20) из трубчатых костей крупных птиц или пушных зверьков. Поскольку они без следов использования, можно предположить, что обработка их не была завершена. Обе трубочки цилиндрической формы имеют четко обрезанные концы — свидетельство применения какого-то очень острого инструмента. Поверхность одной из них гладкая, без орнамента. Другая трубочка с ямками глубиной до 1,5 мм. По характеру каркаралинские трубочки сходны с бегазинскими, с той лишь разницей, что бегазинские трубочки имели следы многократного использования. Бытовое назначение этих трубочек остается не совсем ясным. В детстве я видел, что такие костяные трубочки использовались для смягчения и обработки тонких ремней из сыромятной кожи (таспа), идущих на изготовление конской сбруи, убора седла, для плетения камен и конской узды.

Среди костяных обрезков был предмет круглой формы, длиной не более 0,5 см, диаметром 1,5 см, что соответствует диаметру тех же трубочек (рис. 147, 17). По-видимому, это заготовка для бус.

В культурных остатках особое место занимают медные и бронзовые изделия, орудия горного дела, шлаки, свидетельствующие о существовании древнего металлургического производства в Каркаралинской степи. Остатки бронзовых изделий находились в центральной части жилища 1, около большого очага. Здесь же встречены шлаки, сплав бронзы, куски железной руды, каменные рудодробильные орудия, в том числе каменные песты цилиндрической и конусовидной форм для растирания руды

(терочники), каменные молоты, кайла. Шлаки и орудия горного дела обнаружены и в культурных слоях жилищ 2 и 3 поселения Каркаралы II.

Наше внимание привлек миниатюрный каменный молоток кубической формы с одним желобком, опоясывающим инструмент по середине, каменные молотки в форме параболы с тремя кольцевыми желобками для прикрепления деревянной рукоятки. Много аналогичных пестов найдено в поселениях Улытау, Джезказгана, Караганды и Каркаралинска.

Из орудий обработки металла особенно интересен инструмент вытянутой формы с узкой конической головкой в виде фаллоса. Точно такие же орудия найдены в Зеленой балке под Карагандой, в поселении Суук-булак (Каркаралы III), в отвалах древнего рудника Текели и в поселении Малая Красноярка на Верхнем Иртыше²⁸. Неотъемлемая часть этого инструмента – уплощенный шар со сквозным отверстием ступенчато-цилиндрического сверления. Характерно, что верхняя ступень сверления на 3–5 мм шире нижнего, у отверстия. Диаметр верхнего гнезда сверления полностью совпадает с диаметром конической головки ударного молотка. Оба предмета – ударный молоток и уплощенный шар всегда встречаются вместе. Ясно, что они составляли одно целое. Один служил ударным инструментом, другой – матрицей или формой для холодной штамповки медных блях и украшений круглой или цилиндрической формы.

Особый интерес представляют бронзовые предметы: большой нож с обушком дугообразной формы (рис. 147, 7), шило четырехгранной формы (рис. 145, 2), стержни в виде крупной проволоки (рис. 147, 1–4), инструмент с заостренными концами (рис. 147, 5), пластинки без орнамента с гладкой поверхностью (рис. 147, 6), обойма цилиндрической формы и др. Бросается в глаза разнообразие остроконечных орудий (острия), применявшихся для нанесения орнамента на металл, камень, кость, дерево и керамику.

Инструмент 1 сделан из медной проволоки (рис. 147, 1). Имеет форму изогнутого шила с двумя концами, причем один конец сравнительно толстый и тупой, круглый в сечении, другой конец очень тонкий и заостренный, прямоугольный в сечении. Толстая

половина слегка изогнута. На стыке круглой и прямоугольной половин имеется небольшое утолщение, на которое опирались пальцы мастера при нанесении узоров. Инструмент 2 (рис. 147, 2) по форме такой же, но более крупный. Сделан из толстой медной проволоки с одним плоским и другим слегка изогнутым заостренным концом. Инструмент 3 (рис. 147, 3) прямой, с одним острым концом и другим отломанным. Сделан из медной проволоки, круглой в сечении. Инструмент 4 (рис. 147, 4) по форме такой же, как 1 и 2. Оба конца обломаны. Очевидно, что острым концом обозначали контур рисунка, а тупым утлубляли его.

Известны бронзовые острия из Алексеевского поселения и Северного Урала, а также из Пермской области. О.Н. Бадер определяет их как шилья. Шилья, происходящие из Центрального Казахстана, более тонкие, прямые и всегда четырехгранные, с одним рабочим концом.

Возможно, что согнутая в петельку бронзовая проволока являлась лишь заготовкой дляковки из нее большой иглы или ножа. В таком случае проволоку отливали специально в виде четырехгранного стержня с двумя заостренными концами длиной 16–18 см, затем их сгибали в замкнутую дугу и подвергали горячей ковке с таким расчетом, чтобы изгиб превратить в ушко²⁹.

Известны две формы бронзовых игл из Центрального Казахстана: с пробитым ушком (более поздняя) и петельчатая. Причем петли сделаны в разной технике: в виде замкнутой дуги из проволоки, подвергнутой ковке, а также в виде петельки из тонкой проволоки и тоже подкованной. Иглы с ушком петельчатой формы найдены в плиточном мавзолее Бегазы 1, в поселении Шортанды-булак, комплексах Айштрак, Боровое³⁰, Сангру I и др.

Заготовка иглы в виде согнутой проволоки с двумя заостренными концами впервые обнаружена Н.И. Веселовским на Кубани, около станицы Андроновской, затем О.А. Кривцовой-Граковой в Алексеевском поселении³¹. Алексеевская проволока отличается от каркаралинской круглой в сечении формой. Однако каркаралинская проволока крупнее и лучше выработана.

Исключительный интерес для выявления динамики развития форм некоторых орудий представляют бронзовые ножи, открытые

в поселениях Каркаралы. Один из них найден в северо-западной части жилища I на глубине 40 см среди обломков глиняных сосудов. Нож массивный с дугообразным обушком, широким откованным лезвием, притупленным к концу. Плавный уступ отделяет рукоятку от клинка. Рукоятка имеет тонкий, слегка округлый вид, с кольцеобразным завершением на конце. Небрежно сделанное отверстие говорит о том, что оно пробито холодной ковкой после отливки орудия (рис. 147. 7). Такие ножи М.П. Грязнов относит к типу ножей «с обособленными рукоятками». По-видимому, ножи с обособленными рукоятками имели насадку, оплетенную лубком или берестой. Отверстие предназначалось для закрепления концов плетения. Общая длина ножа - 21,5 см, длина рукоятки - 11 см, ширина лезвия 2,5 - 3 см.

Ножи с отверстиями не характерны для ранней и средней бронзы, они появляются лишь на позднем этапе эпохи бронзы, т. е. в бегазы-дандыбаевское время. Для ранней бронзы характерны пластинчатые ножи ромбической или листовидной формы, восходящие к каменным прототипам, например, к наконечникам копья. В эпоху средней бронзы появляются новые типы бронзовых ножей: с перекрестиями или поперечными утолщениями у черенка (кожумбердинского типа)³², длинные массивные ножи с сильно выделяющимися уступами между клинком и короткой, уже обособляющейся рукояткой (Боровое)³³.

Ножу из Борового подобен нож из ограды 14 Былкылдака I. Оба двулезвийные с валиком на спинке³⁴. Разница между ними в том, что боровской нож имеет заостренный конец, а былкылдакский - скошенный. Нож из Былкылдака еще сохраняет традиционную листовидную форму, но при этом у него уже намечены двойные уступы и обособление черенка. Двойные уступы являются трансформацией пережиточной формы поперечного перекрестия, характерного для более раннего типа ножей.

Последовательный переход от старых форм орудий к новым наблюдается в ортауском однолезвийном ноже, найденном при раскопках кургана-ограды. Нож прямой, массивный, в виде пережитка сохраняет слабые ромбовидные очертания. Вместе с

тем в нем уже заметны уступы, отделяющие рукоять от клинка. Рукоятка уже почти обособлена от лезвия, имеет округлое завершение на конце. От более поздних ножей он отличается прямой формой, отсутствием дугообразного обушка и отверстия на конце рукоятки. Все это свидетельствует о том, что ортауский нож относится к переходному этапу от средней к поздней бронзе (XIII-XI вв. до н. э.) (рис. 145. 6).

По сведению Н.Я. Коншина, большой бронзовый нож каркаралинского типа был найден в прошлом веке в урочище Сункаркия Баянаульского района³⁵. Подобных ножей в Каркаралинской степи найдено много. С ними сходны бронзовые ножи, показанные на выставке в ауле в 1868 г. по случаю приезда князя Владимира в Казахстан³⁶. На выставке продемонстрировано несколько типов ножей, из них один более массивный, с широким лезвием, слегка скошенным к концу, плавным уступом, отделяющим лезвие от рукоятки. По форме он сходен с каркаралинским ножом 2. Эти ножи в прошлом веке нашел чиновник Дарто, проводивший грабительские раскопки в Каркаралинской степи³⁷. Некоторые находки Дарто хранятся в Семипалатинском областном краеведческом музее. Из источников следует, что часть материалов попала в Сибирское войсковое училище³⁸ (позднее Сибирский кадетский корпус) и, по-видимому, теперь хранится в Омском музее или в музее Томского государственного университета. Более точное определение их нахождения - это задачи будущего. Близкие аналоги каркаралинским ножам есть в фондах Эрмитажа, в частности, в собрании А.А. Фролова. Большое сходство с каркаралинским имеют нож из Марка-Куля (Западный Алтай) (кол. 1136-63), ножи из Кулундинской степи³⁹ и Алексеевского поселения⁴⁰, а также ряд ножей из Калбинского рудного бассейна Восточного Казахстана⁴¹, Томского могильника⁴² и Ближних Елбанов VII⁴³.

Для Центрального Казахстана характерен тип бронзовых ножей пластинчатой формы, с прямым и длинным клинком и округлым концом рукоятки. Наиболее интересный из них найден в поселении Караганда 15, другой, несколько деформированный, происходит из Степняка, третий, происходящий из Баянаульской или

Каркаралинской степи, хранится в МАЭ в собрании А.И.Шренка (кол. 35-88). Сходные экземпляры длинных пластинчатых ножей встречаются в памятниках раннесакского времени⁴⁴. По сведению Н.Л. Членовой, лучший экземпляр ножа, подобный карагандинскому, хранится в Красноярском музее.

Поселение Каркаралы II, при раскопках которого получен яркий материал, относится к эпохе поздней бронзы (XII—X вв. до н. э.). Оно, как и поселение Каркаралы I, принадлежало древним металлургам.

Каркаралы III (Суук-булак).

Поселение расположено в глубине большого ущелья Мухтарсай, на левом берегу речки Суук-булак, в 2,5 км к юго-западу от г. Каркаралинска⁴⁵. Местность со всех сторон окружена высокими лесистыми горами и открыта лишь с северо-востока. На плане 1947 г. это было крупное металлургическое поселение с остатками 12 обширных жилых строений каркасного типа. В 1955 году на площади поселения нами был собран обильный подъемный материал, состоявший из множества обломков керамики, кусков шлака, рудодробильных орудий, обломков толстостенных горшков и тиглей, костей животных и каменных орудий⁴⁶.

При шурфовке в центре одного из жилищ был обнаружен большой каменный очаг округлой формы с зольным слоем толщиной до 0,4 м. На дне очага были угольки и большое скопление шлака. В 1960 году площадь поселения была почти полностью распахана. К 1962 г., когда начались раскопки, уцелели лишь одно большое жилище, мастерская и большой зольник у самого берега речки. В культурном слое жилища и в мастерской обнаружено большое количество орудий труда, связанных с металлургией и горным делом. Толщина культурного слоя 1,2 м, слоя дробленой руды до 0,5 м. По характеру культурных отложений поселение подобно Мылыкудуку.

Обнаруженные в поселении зернотерка и верхняя часть жернова ручной мельницы для размола зерен свидетельствуют о том, что поселенцы занимались земледелием. Из других находок отмечено обилие обломков керамики, характерной для бегазы-

дадыбаевского времени, глиняные шарики, каменное кольцо с отверстием и др. О значении металлургии в жизни обитателей поселения свидетельствуют орудия труда, остатки плавильных печей, найденные в обрыве р. Каркаралинка, и многочисленные древние рудники, расположенные недалеко от поселения.

Тагибай-булак

Поселение⁴⁷ Тагибай-булак находится на территории Баянаульского района Павлодарской области, на левой возвышенной террасе речки Тагибай-булак, у северо-восточных склонов горного массива Аулие-Кзылтау, в 23 км южнее центральной усадьбы совхоза Жосалы и в одном километре восточнее старой зимовки Тайшика. В двух-трех километрах севернее поселения, в широкой долине против увала Жантайма расположен комплекс памятников разных этапов эпохи бронзы. Другой комплекс памятников эпохи бронзы находится в долине речки Кобдик, вытекающей из ущелья самой высокой вершины гор Кзылтау, носящей название Аулие. Обширные древние комплексы встречаются и вокруг высохшего озера Жосалы, где сохранились следы древних разработок медной руды. Судя по остаткам материального производства, в поселении Тагибай-булак жили древние рудокопы и металлурги.

Поселение состояло из шести, расположенных цепочкой с северо-востока на юго-запад, жилых строений с пристройками (рис. 148).

Все жилища были наземного типа с мощными каменными стенами толщиной до 2 м. Наиболее крупное из них находится в юго-западном конце. Подобно жилищу 4 Атасуского поселения, основания всех жилищ и пристроек сложены из массивных глыб гранита и песчаника. Все сооружения имеют прямоугольную композицию. Наиболее крупное из них имеет площадь 375 м², наименьшее — 88 м². Жилища расположены на расстоянии от 4 до 10 м друг от друга. Стены помещений образованы из двух рядов вертикально вкопанных в землю массивных плит гранита общей высотой 0,8–1,2 м, над поверхностью земли — 0,40–0,60 м. Полное пространство между внешним и внутренним рядами заполнено мелкими обломками камней и хорошо

забутовано. Судя по всему, перекрытие покоилось на мощных боковых стенах и внутренних опорных столбах, установленных по длинной оси помещения. По композиции сооружения и толщине его стен жилищ поселение Тагибай-булак имеет сходство с сооружениями Бегазы и Бугулы III.

Из шести жилищ поселения Тагибай-булак исследовано пока жилище 1, самое крупное. Оно ориентировано длинной осью по линии юг-запад—север-восток, имеет прямоугольную форму с некоторым закруглением на углах (рис. 149).

Внешние и внутренние стены жилища возведены из плит крупнозернистого песчаника, установленных на ребро. Пространство между стенами забутовано мелкими обломками камней. Характерно, что внутренние стены сооружены из более крупных плит (1,5x0,78x0,28 м и 1,5x0,96x0,27 м).

Жилище внутренней перегородкой разделено на две части: юго-западную (180 м²) и северо-восточную (150 м²). С южной стороны жилища сделана пристройка — вход в основное помещение, а у восточной половины находится пристройка с глухой северной стеной. Из стен жилища частично сохранились лишь западная и восточная (рис. 150).

Заполнение жилища состояло из дернового (мощность 12 см), гумусового (~ 8 см) и культурного (20 см) слоев. Пол жилища, выявленный на глубине 40 см, представлял собой естественные выходы скальной породы, местами выровненной. Скальная поверхность покрыта настилом из мелких камешков, а затем слоем глины и утрамбованной земли. В помещении обнаружены остатки трех каменных очагов.

Очаг 1 находится в северо-западном углу, выложен обломками бутового камня, его размеры 1,5x2 м. От устья очага к выходу идут два ряда камней длиной около метра. В очаге сохранился зольный слой толщиной 15 см. Камни очага и прилегающие к нему участки сильно прокалены, здесь же слой золы.

Очаг 2 обнаружен в юго-западном углу и представляет собой каменные выкладки с зольным пятном 1,0x0,8 м.

Очаг 3 расположен в восточной части жилища у выхода. Очаг небольшой, размерами 1,0x0,7 м, сложен в прямоугольной форме

из отесанных плит песчаника. Сохранившееся устье длиной около 0,5 м направлено к выходу. В очаге уцелел зольный слой толщиной 8 см.

Очаг 4 обнаружен в центральной части северной пристройки, ближе к входу. Выложен из длинных отесанных плит, положенных горизонтально. Имеет прямоугольную форму, размеры — очага 1,2x0,5 м. На дне очага зольный слой толщиной около 10 см, в котором обнаружены 6 астрагалов и кальцинированные кости животных. Судя по находкам, северная пристройка была производственным помещением — мастерской по обработке металла и керамических изделий. Западная половина пристройки почти полностью занята зольным пятном толщиной до 5 см. В зольном пятне и вокруг очага значительное скопление угольков, шлака, обломков керамики.

Очаги в жилище 1 поселения Тагибай-булак по своей конструкции сходны с очагом из жилища 4 Атасуского поселения.

В культурном слое жилища 1 обнаружены разные бытовые предметы, орудия горного дела, обломки тиглей, шлаки, кости животных, в том числе отдельные трубчатые кости и челюсти лошади (рис. 151). Обнаружены 23 каменные мотыги, 5 рудодробильных орудий, обломки большого и малого тиглей, клинья и др. Каменные мотыги были аккуратно сложены у основания наружных стен (южной и западной) жилища, у каждой стены по 8 мотыг. По форме и технике изготовления каменные мотыги из жилища Тагибай-булак тождественны мотыгам, найденным в других поселениях Центрального и Восточного Казахстана (рис. 152). Они почти стандартны, имеют округлой формы обух, ударную часть, подправленную рядом сколов, и симметричные выемки по обоим бокам. Размеры наиболее крупных 14x12 см, малых 9x6,5 см. Из других находок надо отметить ножевидное каменное орудие с двусторонней обработкой длинного конца в прямом лезвием. Повидимому, оно предназначено для обработки кожи. Рядом с ним найдено круглое каменное пряслице диаметром 4 см, толщиной 9 мм (рис. 151. 3). Из хорошо обработанных каменных орудий некоторый интерес представляют обломок небольшой терки с углублением в центре и хорошей бортовой частью (рис. 151. 2)

и точильный камень (мусат) длиной 6 см, толщиной 1,3 см. Эти орудия получили широкое распространение позднее, в скифское время.

На полу жилища найдены два обломка нуклеуса и массивный каменный наконечник стрелы, хорошо обработанный со всех сторон. По типу он сходен с наконечниками из поселений Каркаралы II и Шортанды-булак (рис. 151. 4). Характерно, что во всех этих поселениях найдено лишь по одному экземпляру каменного наконечника. Из этого следует, что микролитические кремневые орудия, господствовавшие в эпоху ранней бронзы и еще встречающиеся в эпоху средней бронзы (атакусский этап), в бегазы-дандыбаевское время почти исчезают. Встречающиеся единичные экземпляры нуклеусов и кремневых наконечников стрел имели ритуальное значение.

В жилище собрано множество обломков (~ 145) глиняных сосудов (рис. 153), главным образом у оснований южной и восточной стен, а также в северной пристройке, около очага. Преобладают фрагменты грубых котлообразных толстостенных сосудов с плоским дном, шаровидным туловом и невыраженной шейкой. Обращает внимание разнообразие венчиков. Чаще они прямые, слегка отогнутые наружу и нередко со скошенной закраиной, но есть сильно изогнутые наружу, с рельефным валиком, по которому идут ряды наклонных насечек, сделанных крупной палочкой. Встречаются венчики округлой формы со скошенной закраиной с наружной и внутренней сторон. Налепные венчики воротничкового типа чаще всего у котлообразных сосудов черного цвета. Много вариантов налепных валиков по шейке, в том числе и сдвоенных, по основанию которых идут ряды сосцевидных бугорков, выдавленных изнутри сосуда. Оттиски штампов также довольно разнообразны: крупногребенчатый, ямочный, гладко-линейный, ногтевой и др.

Все сосуды вылеплены ручным способом из глины с примесью песка естественной высыпки, шамота и толченого камня. Керамика хорошего обжига, в изломе розоватого, светло-серого, изредка черного цвета. Цвет поверхности сосудов от розоватого до кирпично-красного, а также темно-серого и черного. Сосуды

кирпично-красного и черного цвета сохраняют следы сильной закопченности. На поверхности некоторых сосудов имеются следы сглаживания в виде отпечатков пальцев.

Оригинален сосуд шаровидной формы с венчиком, слегка отогнутым наружу (рис. 153. 1). Его характерную особенность составляет сливной носик, выступающий на 2 см. Шейку окружают ряды "жемчужного" орнамента в виде цепочки бугорков. По форме он очень похож на сакскую керамику. Несомненно, он является прототипом сосудов со сливным носиком, широко распространенных в раннесакское время.

Обращает на себя внимание крупный фрагмент сосуда с резко отогнутым наружу венчиком и рельефно выступающим по шейке массивным валиком полукруглой формы в сечении (рис. 153. 6). Валик украшен косой насечкой. Вариант этого валика прослеживается и на другом сосуде, с той лишь разницей, что в сечении он имеет треугольную форму. Рядом с валиком по основанию венчика идут ряды крутых ямок, составляющих единственный орнамент сосуда.

Характерной особенностью керамики данного жилища является и то, что шейки всех котлообразных сосудов снабжены "жемчужным" орнаментом или бугорками, выполненными техникой вдавливания (рис. 153. 5, 9, 11). В углублениях нередко видны следы ногтей.

Очень мало тонкостенных изящных сосудов очень мало. Все сосуды в основной массе плоскодонные, с крупным дном не обнаружено. Не обнаружено ни одного сосуда с богатым орнаментом, характерным для эпохи Бегазы-Дандыба. Кроме жемчужных узоров, в качестве орнамента на глиняных сосудах присутствуют простые ногтевые оттиски, прочерченные линии и вдавливания концом палочки, оставляющие треугольные и полукруглые оттиски. Отсутствие прежней тщательности в изготовлении керамических изделий и богатого орнамента говорит о том, что жители поселения Тагибай-булак не придавали особого значения художественной обработке изделий, а исходили из утилитарного назначения предмета.

В поселении Тагибай-булак так же, как в поселениях Каркаралы II и III (Суук-булак) жили металлурги и рудокопы.

Джезказганская группа поселений

Следы древнего материального производства дают представление об экономическом и культурном значении Джезказгана, как крупнейшего металлургического центра Центрального Казахстана в эпоху бронзы (рис. 154). По данным геолога С.Х. Болла, количество добытой в Джезказгане руды определяется в миллион тонн⁴⁸.

Памятники Джезказгана, обнаруживая ряд локальных особенностей, в то же время имеют много общего с памятниками других районов Центрального Казахстана. В джезказганских поселениях жилища с мощными каменными стенами, обширные погребальные поля, рудники, карьеры, выработки, разносы, отвалы, медеплавильные печи, скопления шлаков, горных рудий, остатки многочисленных хозяйственных и ирригационных сооружений (плотин, искусственных водоемов, ям-кладовых, колодцев) и т. д.

Из джезказганских поселений наиболее крупные Кресто-Воздвиженское (Кресто), Милькудук, Айнаколь, Соркудук, Златоуст. Все поселения расположены цепочкой вдоль небольших рек, протоков, рр. Кенгир и Дезде с интервалом от 3 до 8 км. Остатки древних жилищ в виде ям со скоплениями обломков керамики, орудий горного дела, а также места добычи и обработки руды прослежены в урочищах Таскудук, Акши и Кулман, расположенные в окрестностях Джезказгана⁴⁹. Жилища представляют собой полуземлянки, которые на поверхности земли проступают в виде группы ям (от 8 до 20). Все поселения расположены цепочкой вдоль небольших рек, протоков, рек Кенгир и Дезде с интервалом от 3 до 8 км.

К сожалению, из огромной массы уникальных памятников Джезказгана сохранилось немного. Огромный пласт с остатками древней металлургической культуры, бывший в черте города Джезказган (Кресто, Златоуст), теперь перекрыт новостройками.

По мощности культурных отложений выделялись Милькудук и Кресто, открытые в 1929 г. В районе Кресто-Центра были обнаружены огромные древние карьеры глубиной 12–15 м с отвалами, растянутыми на несколько километров. Позднее при траншейных работах в карьерах Кресто и в западной части

поселения Милькудук было выявлено несколько сот тонн богатой по содержанию меди, хорошо измельченной окисленной руды, заготовленной в древности для плавки. На древних выработках Кресто-Центра найдено много орудий горного дела, каменных отбойников, кайл, молотов, глиняных светильников, обугленного саксаула и др.⁵⁰

В 1941 г. инженер-геолог Д.Я. Анисимов нашел здесь много предметов, в том числе каменную льячку, глиняный кувшин, точильный камень, сильно коррозированный рабочий конец медного лома или, вернее, кайла четырехгранной формы с заостренным рабочим концом. В северной части Кресто обнаружен склад кремневых орудий, среди них были наконечники стрел и копий с хорошей ретушью, обломки керамики. В южной части было выявлено большое скопление окисленной медной руды, шлака, образовавшегося в процессе плавки меди, и фрагменты глиняных лепных сосудов.

Обломки керамики с гребенчатым штампом найдены вместе с отбойниками на Анненском карьере. Значительное число фрагментов глиняных сосудов ручной лепки с прямыми и налепными венчиками обнаружено на участке Златоуст. На керамике – орнамент из рядов слочек, меандра и Z-образных фигур, нанесенных крупным гребенчатым штампом.

Полученные данные свидетельствуют о том, что Кресто и Милькудук в эпоху бронзы составляли основное ядро металлургических поселений Джезказгана по добыче и переработке медной руды. В Кресто руду добывали, в Милькудуке ее перерабатывали. Этот факт был установлен впервые в 1945 г. при проведении масштабных работ на всей площади древнего рудника Кресто и металлургического поселения Милькудук.

Следует отметить, что топография древних поселений Джезказгана сложна и крайне запутана в результате многовековых работ рудокопов и металлургов, а также вследствие напластования культур разных эпох. При всем этом контур памятников каждой эпохи при тщательном обследовании очерчивается достаточно ясно.

Милюкудук

История поселения Милюкудук насчитывает много веков — с эпохи бронзы до средневековья¹¹. Казахи называют его Елукудук — 50 колодца. Расположено оно в долине реки, в одном километре к югу от центра рудника Жезказган. Площадь поселения очень обширна, ее обследованная часть имеет длину с запада на восток 800 м, с севера на юг — около 600 м, общая же площадь, по обмеру К.И. Сатпаева, составляла не менее 10 га²² (рис. 155). Значительная часть культурных питей (около 40% всей площади) в 1945 году была перекрыта железнодорожной насыпью и уничтожена навсегда. Особенно пострадала южная половина поселения с остатками наземных сооружений и медеплавильных печей раннего средневековья. С этого же года участок поселения стал застраиваться, как с северной, так и с южной стороны, временно сохранялся только центр. Это дало возможность Н.В. Валукинского подробно исследовать (с 1946 г. по 1949 г.) наиболее интересный в археологическом отношении участок Милюкудук и сохранить его для науки.

Милюкудук давно привлекал внимание геологов. Первая глубокая траншея была заложена еще до революции, в результате чего открыт большой отвал дробленой медной руды и вместе с ним горные орудия — каменные отбойники, песты, ступки и др. В 1939 году по инициативе главного геолога Жезказгана К.И. Сатпаева с целью определения объемов древней обогатенной руды и выявления характера культурных отложений в поселении было заложено широкие и глубокие траншеи.

Культурные слои поселения обнажались во время землеройных работ, особенно при сооружении железнодорожного полотна. В нескольких местах в разрезе траншей были установлены культурные слои толщиной ~ 2,5 м, ниже их подстилала бурая глина. Н.В. Валукинский, проводивший археологический надзор на новостройках Жезказгана, на основе этих обнажений определил общий контур площади 800 x 600 м. Пятидесяти раскопками Н.В. Валукинского вскрыта площадь 700 x 100 м. Исследованиями была охвачена западная половина, составлявшая наиболее

древнюю часть поселения, и восточная часть, на площади которой сохранились остатки значительного числа наземных строений из глины и камня, и найдена керамика на гончарном круге, наземные строения восточной части и керамика относились к средневековью (XII-XV вв.). Раскопки велись широким фронтом с северной и северо-западной сторон поселения.

Благодаря раскопкам выяснилось, что культурные слои поселения Милюкудук неравномерны, разрезы в разных местах показали их различную толщину. Наиболее мощные отложения культурных остатков сосредоточены в центре площади поселения, где их толщина достигает 3 м. Они состоят из почвенного слоя — 0,25 м, слоя дробленой руды и культурных отложений позднего средневековья — 1,2 м, прослойки серой глины — 0,15 м, культурного слоя раннего средневековья — 0,8 м, прослойки супеси — 0,18 м, нижнего слоя — 0,3 м.

Таким образом установлено, что Милюкудук — трехслойное поселение с нижним, средним и верхним горизонтами, соответственно — нижний эпохе бронзы, средний — раннему средневековью, верхний — позднему средневековью. Рассматривая материалы нижнего слоя А.А. Иессен писал в 1945 году: «Ранняя группа вряд ли относится ко времени значительно более позднему, чем бронзовый век. Целый ряд каменных орудий (скребки, наконечники стрел) характерны именно для бронзового века».

Нижний слой резко отличается от верхних слоев по цвету глины и остаткам материального производства. Для этого слоя характерны фрагменты лепной керамики с орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом, присутствие орудий из кварцита, кремня и других твердых пород²³.

На дне нижнего слоя обнаружены следы четырех полуземлянок в виде неглубоких ям с остатками очагов в центре. Стены жилищ были выложены крупными плитами песчаника, о чем свидетельствует большое скопление каменных плит внутри ям и уцелевшая часть стены у входа одной из полуземлянок с северной стороны. Следы полуземлянок круглой или подквадратной форм расположены рядами, расстояние между ними не более 1,5–2 м. Вход располагался с северо-востока²⁴.

Наиболее крупные землянки 1 и 2 (8x9; 8x7 м), самая маленькая землянка 3 (5x6 м). Глубина ям от 0,8 до 1,2 м. Жилища ориентированы продольной осью в направлении господствующего ветра, т. е. с северо-запада на юго-восток.

Такие же жилища-полуземлянки обнаружены в поселениях Айнаколь и Соркудук. По структуре и другим признакам они подобны жилищам поселений Атасу, Бугулы и Тагибай-булак. Основание всех жилищ находится в широком котловане с отвесными стенами, имеющими высоту свыше одного метра. Стены котлована выложены крупными плитами гранита или песчаника. Котлованы рылись каменными кайлами, образцы которых найдены в большом количестве в нижнем культурном слое Милькудука. Особенность жилищ заключалась в том, что груз кровли ложился только на каменные стены, поскольку следы от опорных столбов не обнаружены. Обнаруженные в некоторых случаях парные ямы диаметром 8 м при глубине 1,5 м – это признаки жилищ каркасного типа, где вдоль стен котлована стояли бревенчатые столбы, а не каменные плиты.

Нижний слой Милькудука со следами жилищ древних рудокопов и металлургов датируется бегазы-дандыбаевским этапом эпохи бронзы Центрального Казахстана. Эта датировка подтверждается и керамикой.

Спутниками жилищ древних металлургов Джезказгана были каменные очаги, остатки которых обнаруживались в каждой землянке. Обычно они располагались в центре жилища, были сложены из плит медистого песчаника, поставленных на ребро, имели продолговатую форму длиной – 2 м, шириной – 0,7 м, толщиной зольного слоя – 0,3 м. На стоянках и в поселениях Джезказгана встречаются очаги округлой формы диаметром до одного метра. Донная часть очагов сильно прокалена (на 8–9 см). В зольном слое – угольки, мелкие куски шлака медной руды. Вокруг очагов обнаружены кремневые орудия и кости баранов, лошадей, рогатого скота, а также диких животных – сайгаков и архаров. В одном случае вне очага найден череп верблюда, имевший ритуальный характер.

Нижний культурный слой сохранил следы ряда хозяйственных построек, ям-кладовых для хранения обогащенной руды, а также остатки древних запруд, плотин и большое число колодцев, обложенных камнями. Три колодца были обнаружены в 1945 году во время землеройных работ. На глубине 2,4 м экскаватором были разрушены два колодца, третий уцелел. Остатки древних плотин прослежены в 12 пунктах, в том числе на Милькудуке, в Кресто-Центре, Златоусте, Айнаколе и Соркудуке. Наибольшее число водосборных ям обнаружено на поселении Милькудук. Плотины устроены в верхней части сухого русла с целью регулирования уровня воды у водосборов.

Большие водосборные ямы диаметром часто более 100 метров служили для промывки и мокрой флотации медной руды. Вокруг водосборных ям (остатков водных бассейнов) обнаружено множество ям-кладовых, мест дробления и обогащения медной руды, сохранившихся в виде бугров, отвалов, "сплесков". Среди ям есть ямы-кладовые конической формы диаметром до 10 м, глубиной 1,5 м, выложенные плитами песчаника, диаметром до 3 м, глубиной до 1 м. На дне таких ям сохранились груды тонко измельченной руды, готовой для плавки. Это дает основание заключить, что ямы, выложенные плитами песчаника, служили для хранения дробленой и обогащенной руды.

Особый интерес представляет техника измельчения руды. В поселении Милькудук обнаружены трехслойные отложения дробленой руды, относящиеся к трем периодам, между которыми слои наносной глины серого цвета, толщиной в 16–18 см³³. Мощность слоев руды 1,5–2 м. Характерно, что нижний слой, относящийся к эпохе бронзы и занимающий небольшую площадь, содержит более тонко измельченную руду, чем верхние слои³⁴.

На разных участках поселения Милькудук обнаружено 15 медеплавильных печей, значительное число которых относится к эпохе бронзы (рис. 156).

В культурном слое юго-западной части поселения, возле древних землянок обнаружены следы двух сырорудных печей, типичных для эпохи бронзы Центрального и Северо-Восточного Казахстана.

Печи сделаны в земле, на плоской поверхности террасы с наклоном пода к устью. В плане они имеют форму круга диаметром 4 м, глубиной 2 м. Стенки выложены кладкой из сланцевых плит, свод в виде усеченного конуса служил дымоходом. Стенки некоторых печей обмазаны глиной, о чем говорят глиняные комья со следами отпечатков пальцев человека, сохранившиеся в зольном слое печей. В этой же части поселения обнаружен другой тип печи длиной до 4 м, шириной 0,8 м. Печь вырыта в грунте без наклона пода. Печи эпохи бронзы небольшие, круглые, диаметром 3–4 м, глубиной от 1 до 2 м. Они часто устраивались на наклонных террасах около воды или в речных долинах²⁷.

По наблюдениям Н.В. Валукинского, джезказганские печи имели разное назначение: для обжига угля, для дробления руды до восстановительного периода, для выплавки обожженной и измельченной медной руды в тиглях для кучевого обжига²⁸. В подовой части всех плавильных печей сохранились угольки, кусочки плака, медные шарики и др. Зарисовки основных типов плавильных печей, сделанные Н.В. Валукиным, ныне хранятся в Историко-краеведческом музее Джезказгана.

Фрагменты керамики встречались не только в обнажениях культурного слоя, но и в обрезах отвалов и «сплесков». Среди них венчики, боковины, донья и крышки сосудов (рис. 157. 1–14). Они вылеплены из теста с примесью песка, их цвет серо-желтый, обжиг неравномерный. На поверхности некоторых сосудов сохранились следы сглаживания пальцами. Обнаружены фрагменты керамики двух типов сосудов: тонкостенных и толстостенных. Обломки тонкостенных сосудов найдены не только в культурном слое поселения Милькудук, но и в отвалах Кресто, Златоуста, Белова, Анненского, а также на местах разработки руды. Фрагменты тонкостенной лощеной керамики найдены на р. Дезде, на площадке поселения Кулман, недалеко от Джезказгана²⁹.

Все фрагменты тонкостенных сосудов имеют красивый орнамент, выполненный разной техникой: оттисками штампов гребенчатого, ямочного, гладко-линейного, а также резные горизонтальные желобки, насечки, елочки, ленточные узоры с косой штриховкой, орнамент из рядов Е-образных фигур меандра, заштрихованного

поперечными зарубками, и др. Все перечисленные элементы орнамента характерны для керамики эпохи поздней бронзы.

Бронзовых изделий найдено сравнительно немного, около десяти. Среди них преобладают полуфабрикаты и медные пластинки, целые изделия не обнаружены (рис. 157. 15–19).

В отвалах Кресто был найден обломок рабочего конца большой четырехгранной кирки. Находка этого крупного орудия в древних отвалах Джезказгана свидетельствует об использовании рудокопами не только мощных каменных кайл, но и медных кирок. Медные кирки четырехгранной формы с двумя рабочими концами были распространены на территории Центрального и Северо-Восточного Казахстана. Их образцы ныне хранятся в Семипалатинском музее, в Эрмитаже и ГИМе.

В нижнем слое Милькудука обнаружен большой остеологический материал – кости крупного рогатого скота, лошадей, верблюдов. Среди них встречаются обработанные, например, костяной нож, хорошо заточенный, по-видимому, использовавшийся для среза глины, лопатка лошади, служившая в качестве совка для сгребания измельченной руды, золы и мусора. Кроме того, встречаются кости диких животных – сайгаков, куланов, череп архара со срезанными рогами, свидетельствующие о подсобной роли охоты.

В культурном слое и на дне выработок обнаружено изрядное количество орудий горного дела: отбойников, мотыг, кайл, молотов, пестов, тиглей и др. Ниже дается их описание, составленное Н.В. Валукиным.

Большой отбойник 1 – орудие ударного типа округлой формы. Обнаружен в древних отвалах Кресто-Центра. Самый крупный и самый мощный из всех видов орудий из кварцита, его вес до 40 килограммов. Большой диаметр отбойника – 44 см, малый – 32 см. Орудие рассчитано на удар сверху по нависающим породам и сцеплениям рудных жил. Для его применения были необходимы усилия двух человек. Основной рабочей частью служила нижняя сторона со следами длительного употребления.

Большой отбойник 2 полздрической формы найден в отвалах Петро III. Сделан из сравнительно крупного валуна кварцита весом до 22 килограммов. Имеет такое же назначение, что и отбойник 1.

Большой отбойник 3 из кварцита многогранно выемчатой формы, сделанной специально для удобного захвата рукой. Найден на отвалах Кресто-Центра. Рабочей частью служила нижняя сторона.

Большой отбойник 4 сделан из кварцита. Выемка для рукоятки несколько глубже, чем на предыдущем отбойнике. Найден на отвалах Златоуста.

Большой отбойник 5 выемчатой формы, сделанной для удобного захвата рукой. Выемка сделана в бутровой части кварцитного валуна. Рабочей частью служила нижняя сторона. Найден на древних выработках Кресто-Центра.

Большой отбойник 6 сферической формы изготовлен из кварцита. Рабочей частью служили все выступающие поверхности. Найден на отвалах Златоуста.

Большой отбойник 7 из валуна кварцита шаровидной формы. Рабочей частью была нижняя сторона. Найден на древних отвалах Петрохолма.

Отбойник 8 выемчато-шаровидной формы с рабочей частью на одном боку.

Серия орудий по добыче и сортировке руды представляют крупные, грубо обработанные, каменные молоты типа мощной кувалды, грубо обработанные с выемкой посередине для прикрепления к деревянной рукоятке (рис., 158, 159, 4,5).

Большой каменный молот 1 из крупного валуна кварцита в виде двух равных сфероидов с выемками посередине. Одна половина отбита. Вес до 8 кг. Вся поверхность хорошо отесана и сглажена. Служил для забивки клиньев в трещины скал и для раскалывания больших глыб пород. Найден на древних выработках севернее Златоуста.

Большой каменный молот 2(4) сделан из красного песчаника в цилиндрической форме с двумя почти равными шарами. Желоб для рукоятки тщательно обработан. Поверхность ровно отесана. Вес до 8 кг. Найден на древних выработках Кресто-Центра. Служил для раскалывания больших глыб пород и руд и для вбивания клиньев в трещины.

Большой молот 3 (2) цилиндрической формы с двумя равными шарами. По форме подобен предыдущему, но меньшего размера.

Одна сторона отбита. Поверхность слегка обработана, более тщательно обтесан желобок для рукоятки. Найден в культурном слое поселения Милькудук. Вес 5 кг. Служил для дробления руды. Молоты из двух сфероидов с выемкой посередине встречены в поселениях Улытау, Каркаралы и Трушниково⁶⁰.

Большой молот (кувалда) 4 сделан из кварцита серого цвета. У орудия отсутствуют выемка, что, по-видимому, объясняется твердостью породы. Вес около 8 кг. Найден в группе кремневых орудий эпохи позднего неолита, в культурном слое стоянки «А». Очевидно, он был прототипом отбойников (молотов) эпохи бронзы.

Каменный молот 4 сделан из тонкозернистого серого песчаника, имеет выемку для привязывания рукоятки. Служил для дробления крупных кусков горных пород и руд. Найден в культурном слое Милькудука. Аналогичный тип молота встречен на Верхнем Иртыше в поселении Трушниково⁶¹.

Большую серию орудий по добыче руды составляют массивные каменные кайла весом нередко до 10 кг. В древних выработках и отвалах Джекказгана Н.В. Валукинским собрано около 30 каменных кайл, целых и в обломках. Среди них есть клиновидные, двусторонние и односторонние, с одним или двумя заостренными рабочими концами.

Кайло 1(4) клиновидной формы, имеет выточенную выемку для привязывания к рукоятке, одну коническую сторону и мощную обуховую часть, сохранившую следы многочисленных ударов. Орудие служило не только для раскопок, но и для откалывания пород. Найдено на древних выработках Айранбай, в 45 км к северу от Джекказгана.

Кайло 2 (3) в форме мотыги с двумя рабочими концами, одно из них в виде обуха служило для удара по породам. Следы от ударов есть на обоих концах. Ближе к обуху видны неглубокие выемки для привязывания к рукоятке. Орудие сделано из окварцованного известняка, обнаружено в отвалах Айранбай.

Кайло 3 одностороннее, продолговатой формы с широкой рабочей частью и узким обухом. Сделано из серого песчаника, слегка стесанного со всех сторон. Универсальное орудие, служившее не

только для откалывания пород, но также для снятия каменистого грунта и для удаления из руды пустых пород. Найдено в древних отвалах Кресто-Центра.

Кайло 4 (7) удлиненно-клиновидной формы с двумя рабочими концами: конусом и прямоугольным обухом. Сделано из крупного валуна кварцита, покрытого коркой загара. Найдено на древних выработках Златоуста.

Кайло 5 (10) из крупного валуна кварцита в форме мотыги с двумя рабочими концами и выемкой для привязывания к рукоятке. На поверхности его следы грубой обтески. Найдено в древних отвалах Златоуста. Обух и заостренный рабочий конец носят следы ударов по камню и многолетней сработанности.

Кайло 6 (11) в форме мотыги с двумя рабочими концами. На поверхности хорошо заметны следы грубой обтески, однако выемки для привязывания рукоятки едва заметны. На обухе и рабочем конце сохранились глубокие следы от долговременного использования. Найдено в древних отвалах Кресто-Центра.

Кайло 7 сделано из очень твердой опоки (тонкозернистого красного песчаника) в форме восьмерки с широкими шаровидными концами и выемками для привязывания к рукоятке. Вся поверхность орудия тщательно отесана и сглажена. Найдено в культурном слое поселения Милькудук. Основное назначение орудия – землеройные работы.

Для ознакомления с типами крупных орудий, использовавшихся при добыче и разработке руды, приведенных данных вполне достаточно.

«Клиновая работа» – один из широко распространенных способов добычи руды у рудокопов древнего Джезказгана. Н.В. Валукинским в культурных слоях поселений Милькудук, Айнаколь, Соркудук, на древних выработках и в отвалах Кресто-Центра, Петро и Златоуста найдена большая серия каменных клиньев, служивших для откалывания глыб пород. Для этого их забивали большим каменным молотом в трещины скал. Ниже дается краткая характеристика каменных клиньев.

Клин 1 (8) из кварцита овальной формы, поверхность грубо обработана. Найдено в древних отвалах Златоуста.

Клин 2 (9) подобен предыдущему. Найдено в древних отвалах Златоуста.

Клин 3 (13) из кварцита, представляет собой прямоугольный брусок с коническим концом, обработан грубо. Найдено в отвалах Кресто-Центра.

Клин 4 (12) из кварцита в виде треугольного камня с прямым основанием и коническим завершением. Найдено в отвалах Златоуста.

Клин 5(2005) из кварцита удлиненно-овальной формы, с заостренным рабочим концом и слегка отбитым обухом. Напоминает одностороннюю кирку, в сечении имеет овальную форму. Найдено на древней стоянке Кресто-Центра.

Клин 6 сделан из кварцита в удлиненно-долотовидной форме с четырехгранной формой в сечении. Найдено на отвалах Кресто-Центра, слегка отесан.

Клин 7 из кварцита удлиненно-прямоугольной формы, поверхность грубо обработана. Найдено на отвалах Кресто-Центра.

Наиболее обширную серию орудий горного дела представляют каменные орудия для дробления и измельчения медной руды, для очищения окисленной медной руды от посторонних примесей. Для этих целей применялись более легкие типы орудий: различные типы ручных топоров, молотов и пестов. Основная масса их обнаружена в древних отвалах Кресто-Центра и в поселении Милькудук. Груды обломков этих орудий находят в местах рудосортировки. Необходимо отметить факт почтительного отношения к орудиям, вышедшим из строя, зафиксированный на стоянках Джезказгана не один раз. Все орудия легкого типа сделаны из тонкозернистого мягкого материала – песчаника или третичных опок, легко поддающихся обработке и шлифовке, причем сделаны они в четко выработанных формах, удобных для работы.

Для массового изготовления рудодробильных орудий заготавливались тонкозернистые плиты серого и красного песчаника. Из них делали различные типы пестов, терочек, ручных молотков, шаровидных, дисковидных, полиздрических, брусковидных орудий, колотушек, легких кайл, кирок, ступок и т.

д. Более тщательно обрабатывались каменные песты, колотушки, ручные молоты и клиновидные топоры (рис. 179, 180, 1). Ниже дается их краткое описание.

Молоток 1 (18175) своеобразной формы – в виде шестигранника с закругленными углами. Сделан из серого песчаника. Обнаружен на древних выработках Кресто-Центра. Хорошо отесан со всех сторон, в работе использовались все его грани.

Молоток 2 (18176) округлой формы с одной скошенной стороной. Сделан из окварцованного песчаника, все грани ровно отесаны. Обнаружен в древних отвалах Кресто-Центра. Точно такой же молоток встречен в Кызыл-Чилике⁶².

Молоток 3 (1817) овальной формы с одной гладкой стороной. Сделан из окварцованного песчаника сиреневого цвета с легкой обтеской сторон. Обнаружен в древних отвалах Кресто-Центра.

Молоток 4 (18183) цилиндрической формы с одной скошенной и другой круглой рабочей сторонами. Вся поверхность хорошо отесана и зашлифована. Сделан из валуна окварцованного песчаника сиреневого цвета. Обнаружен в древних отвалах Кресто-Центра. На округлой части видны следы многолетнего использования.

Молоток 5 (18181) цилиндрической формы с одной скошенной и другой круглой рабочей сторонами. Поверхность хорошо отесана и зашлифована. Сделан из валуна окварцованного красного песчаника. Найден в отвалах Кресто-Центра. Подобные орудия цилиндрической формы найдены в поселении Шортанды-булак и в отвалах Саясу⁶³.

Молоток 6 в форме мотыги с широкой рабочей частью и узким обухом, сделан из окварцованного песчаника сиреневого цвета. За исключением гладкой верхней грани, вся остальная поверхность служила рабочей частью. Обнаружен в отвалах Кресто-Центра.

Молоток 7 овальной формы со следами работы на всей поверхности. Сделан из окварцованного тонкозернистого песчаника сиреневого цвета. Для удобного охвата рукой хорошо отесан. Найден в отвалах Кресто-Центра. Возможно, он является прототипом появившихся позднее каменных молотков-колотушек, состоящих из шаровидной рабочей части и цилиндрической

рукоятки. Аналогичные типы орудий были найдены в Ультауском поселении, в 110 км к северу от Джекказгана, а также в поселениях Трушниково и Усть-Нарым на Верхнем Иртыше⁶⁴.

Молоток 8 округлой формы с одной рабочей стороной, поверхность его хорошо отесана. Сделан из окварцованного песчаника сиреневого цвета плотной текстуры. Найден в отвалах Кресто-Центра.

Молоток 9 (18182) округлой формы, изготовлен из плотного окварцованного песчаника красного цвета. Вся поверхность хорошо обработана. Обнаружен в отвалах Кресто-Центра.

Молоток 10 (18184) шаровидной формы с тщательно обработанной поверхностью. Сделан из окварцованного песчаника сиреневого цвета. Обнаружен в отвалах Кресто-Центра. Все стороны несут следы ударов.

Молоток 11 шаровидной формы. Тщательно отесанная поверхность несет следы работы. Сделан из окварцованного песчаника сиреневого цвета. Найден в отвалах Кресто-Центра.

Молоток 12 сделан в виде полиздрического шара с наметками крестообразного желобка для привязывания к рукоятке. Несмотря на то, что предмет не имеет завершенной формы, на его поверхности сохранились следы от многократных ударов. Он сделан из окварцованных опок вишневого цвета, найден в отвалах Кресто-Центра.

Молоток 13 сделан из окварцованного песчаника сиреневого цвета. Вся поверхность тщательно отесана и отшлифована. По форме напоминает полиздрический шар с крестообразными желобками для привязывания к рукоятке. Все выступающие грани служили рабочей частью. Найден в отвалах Кресто-Центра. Подобные рудодробильные орудия шаровидной формы встречены в Ультауском поселении, в Караганде 15 и Урунхуе⁶⁵.

Молоток 14 (3) шаровидной формы из окварцованного песчаника красного цвета. Поверхность хорошо отесана и отшлифована. Найден в отвалах Кресто-Центра. Все стороны несут следы ударов.

Молоток 15 шаровидной формы изготовлен из окварцованного песчаника. Поверхность тщательно отесана и зашлифована.

Найден в культурном слое Милыкудука. Следы ударов на всей поверхности.

Молоток 16 (4) шаровидной формы из тонкозернистого песчаника с хорошей отеской всей поверхности. В сечении имеет форму двустороннего конуса. Найден в 50 м от карьера Кресто-Центр. На всей поверхности следы ударов.

Молоток 17 шаровидной формы из валуна песчаника со следами сработанности. Вся поверхность хорошо отесана и зашлифована. Найден в стороне от карьера Кресто-Центр.

Молоток 18 округлой формы из валуна кварцита с хорошей отеской всей поверхности. На всех выступающих гранях имеются следы сработанности. Найден около карьера Кресто-Центр.

Молоток 19 из валуна кварцита овальной формы с некоторой вытянутостью. Вся поверхность хорошо обработана, следы сработанности отмечаются больше в нижней части. Найден около карьера Кресто-Центр.

Молоток 20 из валуна кварцита. Вся поверхность сравнительно хорошо обработана. Следы многократных ударов заметнее в нижней части. Найден около карьера Кресто-Центр.

Рудодробильные орудия округлой, шаровидной и дисковидной форм обнаруживались неоднократно в поселениях Милыкудук и Соркудук. Шаровидная форма терочки распространена по всему Центральному и Северо-Восточному Казахстану, т. е. там, где шли разработки медной руды. Интересные типы шаровидных терочек найдены в поселениях эпохи бронзы Караганда 18, Атасу, Улытау, Каркаралы⁶⁶, Трушниково и Малая Красноярка⁶⁷.

Значительную серию составляют клиновидные орудия типа молотков, изготовленных для очистки медной руды от вкрапленных пустых пород и бедных руд. Они сделаны чаще из песчаника в виде четырехгранного бруска с закруглением острых ребер, дающих в сечении форму овала. Большинство орудий этого типа встречается в обломках, целых сравнительно мало. Основная масса их найдена в отвалах Кресто-Центра и в культурных слоях поселений Милыкудук и Соркудук в местах древней рудосортировки. В местах дробления и измельчения руды они почти не встречаются.

Клиновидное орудие 1 из серого тонкозернистого песчаника овальной формы с одним отбитым концом. Поверхность обработана и зашлифована, острые грани закруглены. Обнаружено в культурном слое Милыкудука.

Клиновидное орудие 2 из серого песчаника в виде прямоугольного бруска с закругленными гранями. Найдено в древних отвалах Кресто-Центра. На поверхности следы сработанности.

Клиновидное орудие 3 из серого песчаника в виде бруска овальной формы. Вся поверхность обработана и отшлифована, острые грани закруглены. Один конец отбит. На одном боку следы многократных ударов.

Клиновидное орудие 4 из темно-серого песчаника в виде бруска прямоугольно-овальной формы с отбитыми концами. Стороны грубо обработаны, ребра закруглены. Обнаружено в древних отвалах Кресто-Центра. Судя по следам, удары производились ребром, торцами и нередко плашмя.

Клиновидное орудие 5 из тонкозернистого серого песчаника в виде бруска с одним отбитым концом и округлением острых граней. Поверхность грубо обработана. Обнаружено в отвалах Кресто-Центра. На всей поверхности сохранились следы сработанности.

Клиновидное орудие 6 сделано из серого песчаника в виде одностороннего кайла со скошенными и заостренными рабочими краями и закругленной рукояткой. На рабочей части хорошо сохранились следы многократных ударов. Подобное орудие (пест) встречено в поселении Трушниково⁶⁸.

Клиновидное орудие 7 из скола красного песчаника в виде удлиненного бруска с одним отбитым концом и овальной формой в сечении. Вся поверхность обработана, острые грани закруглены.

Клиновидное орудие 8 из тонкозернистого серого песчаника в виде прямоугольного бруска с одной отбитой стороной. Грани хорошо обработаны. Найдено в культурном слое Милыкудука. На поверхности следы многократных ударов.

Клиновидное орудие 9 из четырехгранного бруска серого песчаника с округлением острых ребер. На всей поверхности сохранились следы ударов, которые производились ребром и плашмя. Обнаружено в древних отвалах Кресто-Центра. Один конец отбит.

Клиновидное орудие 10 из серого песчаника в виде бруска прямоугольно-овальной формы с легкой обработкой поверхности. От многократного использования концы отбиты. Найдено в древних отвалах Кресто-Центра.

Клиновидные орудия в виде бруска встречаются по всей степи от Джезказгана до Верхнего Иртыша⁶⁹. С. С. Черников квалифицирует их, как песты. Но песты бывают исключительно цилиндрической, круглой и шаровидной форм, удобных для измельчения и растирания руды. Для работы пестом необходимы ступки, поэтому клиновидные орудия в форме бруска с плоской поверхностью вряд ли использовались в качестве пестов. Следы сработанности на боках и плоских гранях говорят о том, что этими орудиями очищали руду от посторонних примесей, проводили первую стадию сортировки и дробления, и лишь после этого чистая руда подвергалась измельчению и растиранию при помощи круглых и цилиндрических пестов и молотков.

Наиболее совершенную форму среди орудий горного дела древнего Джезказгана имеют каменные песты типа колотушек, казахскими рудокопами называемых «шолп». По сравнению с грубыми орудиями из валунов кварца шолп, как правило, аккуратно выточен из куска тонкозернистого песчаника или другой мягкой горной породы (порфирит), имеет вполне законченную форму и удобен для измельчения и дробления руды. Вполне возможно, что шолпы использовались и для других целей. Состоят шолпы из округлой рабочей части и цилиндрической рукоятки. Вся поверхность и рукоятки тщательно отесаны и зашлифованы (рис. 160).

В Джезказгане обнаружено более 10 шолпов (колотушек), из них 5 – в разрезах древних отвалов Кресто-Центра, 3 – в разрезах отвалов Златоуста, 3 – на древних выработках Петро III. Среди находок есть целые, сломанные в процессе работы и два экземпляра заготовок. Поломки происходили чаще в местах перехода от рукоятки к рабочей половине. Приведем описание некоторых из них.

У шолпа 1 (67) рабочая часть отсутствует. Сделан из серого песчаника. Вся поверхность хорошо обработана. На круглом конце рукоятки сохранились следы сработанности.

У шолпа 2 (1447) отбита рабочая часть. Сделан из серого тонкозернистого песчаника. Поверхность гладко зашлифована.

У шолпа 3 (1448) отбита рабочая часть. Сделан из тонкозернистого красного песчаника. Вся поверхность полирована.

У шолпа 4 (15072) отбита рабочая часть. Сделан из серого песчаника. Вся поверхность гладко обработана. На конце рукоятки сохранились следы работы.

У шолпа 5 (11349) отломана рукоятка. Рабочая часть выглядит очень массивной. Сделан из тонкозернистого серого песчаника. Поверхность тщательно отполирована.

У шолпа 6 (14436) отломана рукоятка. Рабочая часть шаровидной формы отмечена массивностью. Сделан из тонкозернистого серого песчаника. Поверхность хорошо отесана и зашлифована.

Шолп 7 (13429) целый, рабочая часть в два раза больше рукоятки. Сделан из плотного тонкозернистого песчаника. Вся поверхность тщательно полирована. Вес 3 кг.

Шолп 8 (13406) в виде заготовки-болванки из бруска серого песчаника с некоторым закруглением в рабочей части. Вес около 3 кг.

Шолп 9 (14236) – тоже заготовка из бруска серого песчаника в виде четырехгранной болванки. Слегка округлен контур рукоятки и рабочей части. Вес около 3 кг. Эти две заготовки дают представление о процессе создания каменных шолпов.

Шолп 10 – один из лучших образцов орудия этого типа. Найдено в долине р. Каракегир, в 70 км к северо-востоку от г. Джезказгана на древних выработках эпохи бронзы. Сделан из тонкозернистого песчаника. Вся поверхность тщательно полирована. Вес 2,5 кг.

Шолп II хорошей сохранности найден на древних выработках рудника Саяк Агадырского района Карагандинской области. Сделан из плотного алеволита. Вся поверхность тщательно отполирована. На рабочей части хорошо видны следы сработанности. Вес 2,4 кг.

Интересные экземпляры шолпов встречены в поселении под Карагандой, в Зеленой Балке. Своей формой они напоминают, появившиеся позднее деревянные колотушки. Не лишено основания мнение, что прототипом шолпов служили именно деревянные колотушки периода бронзы и эпохи ранних кочевников.

Большую часть рудодробильных орудий древнего Джезказгана составляют каменные ступки в виде квадратных, прямоугольных или овальных плиток с широкой гладкой рабочей поверхностью и небольшим углублением посередине (рис. 151. 2,3, 6).

Все ступки сделаны из красного песчаника и хорошо отесаны. Основная их масса обнаружена в культурных слоях поселений Милькудук, Кресто-Центр, Айнаколь и Соркудук, а также в разрезах отвалов Злагоуста, Раймунда и Карпиенского. Они найдены целыми и в обломках, всего около 50 единиц.

Ступка 1 сделана в виде удлиненного четырехгранника с закругленными углами и прекрасной обработкой граней. По центру имеются следы сработанности.

Ступка 2 массивная, выполнена в виде четырехгранника с закругленными углами и грубо обработанными сторонами.

Ступка 3 сделана в виде четырехгранника с тонко обработанными гранями.

Ступка 4 имеет четкую форму четырехгранника с тщательно обработанными сторонами. В центре сохранились следы сработанности.

Ступка 5 сделана в виде плоского овала изящной моделировки с гладко обработанными сторонами.

Ступка 6 изготовлена в форме плоского овала с круглой моделировкой сторон.

Ступка 7 плоская, округлой формы с хорошо отесанными сторонами. В центре сохранились ямки – следы сработанности.

Ступка 8 в виде вытянутого овала с одним прямоугольным концом и грубо обработанными сторонами. Посредине сохранились следы сработанности.

Ступка 9 по форме подобна предыдущей.

Ступка 10 — массивное орудие в виде шестигранника с тщательной полировкой граней. Сделана из тонкозернистого светло-серого песчаника. На всех гранях имеются гнездовидные углубления — следы многократного растирания руды.

Ступка 11 имеет четкую моделировку овальной формы, один конец отбит. На рабочей поверхности гнездобразное углубление — следы многократного использования.

Ступка 12 с легко обработанными гранями, одним широким и другим узким концом. В центре рабочей поверхности гнездобразная яма — следы работы. Судя по строгим очертаниям, последние три ступки (10, 11, 12) более позднего происхождения. Аналогов им в памятниках эпохи бронзы не обнаружено. Аналоги другим ступкам круглой, овальной, прямоугольной и квадратной форм найдены в поселениях Атасу, Суук-булак, Каркаралы I, II, Улытау, Шортанды-булак и др. В поселениях Атасу, Улытау, Шортанды-булак встречены ступки в виде неполного месяца или половины круга, нередко в виде круглого сегмента⁷⁰. Большая серия ступок найдена в рудниках Акмолинской области, в частности, в древних выработках Акколь, в 50 км севернее г. Акмола. Образцы этих орудий хранятся в Карагандинском, Джезказганском и Алматинском музеях.

Из орудий обработки металла особый интерес представляют формы для литья, обнаруженные в культурных слоях поселений Милькудук, Соркудук и Айнаколь. Они изготовлены из мягкого песчаника в виде квадратных, прямоугольных и круглых плиток с хорошей обработкой и шлифовкой сторон. Среди моделей имеются экземпляры для отливки ножей, зеркал, бронзовых стержней и разных типов орудий (рис. 162, 163). Основные типы моделей следующие.

Литейная форма 1 сделана из мягкого песчаника в виде квадратной плитки с некоторым закруглением углов (рис. 162. 1), один угол отбит. Все грани тщательно отполированы, особенно бортовая часть. Нижняя сторона плоская и ровная. На верхней грани вырезаны три углубления, из которых два в виде контуров топоров, среднее — фигуры серпа с одним закругленным концом и другим заостренным. Контур топоров близки к их каменному прототипу, найденному в обрыве р. Нура на территории Ульяновского района Карагандинской области⁷¹. Они сходны с каменным прототипом и по своим размерам: длина каменного топора — 11 см, ширина лезвия — 5 см, обуха — 3 см.

Литейная форма 2 с одним отломанным краем. Имеет форму четырехгранного бруска, близкого к квадрату. Изготовлена из

мягкого красного песчаника с тщательной полировкой граней и бортов и легким закруглением углов. На гладкой грани воспроизведено негативное изображение плоского кельта в виде четырехугольного углубления глубиной до 1 см. Хотя один конец модели отсутствует, легко понять, что это контурное изображение лезвия плоского кельта без обушковой части (рис. 163. 2)..

Литейная форма 3 в виде массивного четырехгранного бруска с хорошей шлифовкой всех граней и бортовой части. Сделана из мягкого песчаника с некоторым закруглением углов, один угол отбит (рис. 163. 3). Модель хорошо воспроизводит форму плоского кельта с широким лезвием и несколько суженным обухом, характерными для Казахстана.

Литейная форма 4 изготовлена из мягкого песчаника в виде четырехгранного бруска с закруглением углов. Поверхность хорошо зашлифована. На гладкой грани намечен контур прямоугольного орудия типа кельта, но работа не доведена до конца. Не исключено так же, что это форма для литья бронзовых зеркал типа зеркала квадратной формы из Сантру I.

У литейной формы 5 половина отсутствует. Имеет вид удлиненного овала (см. рис. 163. 6). Сделана из песчаного бруска, стороны хорошо отполированы. На гладкой грани часть негативного изображения орудия типа кайла. Отсутствие части формы не позволяет более точно определить тип орудия.

У литейной формы 6 большая часть отсутствует. Сделана из мягкого песчаника в виде круглой плитки, имеет прекрасную полировку граней и бортового обрамления. Несомненно, это форма для литья круглых бронзовых зеркал или нагрудных украшений.

Литейная форма 7 из песчаника в виде прямоугольного бруска с отбитым конусом (рис. 163. 4). Все грани тщательно обработаны. На модели отчетливо виден контур наконечника копья листовидной формы без втулки. Точно такой же наконечник копья был найден в плиточной оградке Бегазы I.

Литейная форма 8 неполная, в виде прямоугольного бруска с отбитыми концами и хорошо отполированными гранями (рис. 163. 5). На обеих сторонах модели вырезаны глубокие желобки

для отливки стержня полукруглой формы в сечении. Аналог этой формы найден в землянке 4 Алексеевского поселения²².

В литейной форме 9 большая часть отсутствует. Изготовлена из тонкозернистого песчаника в виде угловатого овала с хорошей полировкой. На обломке литейной формы воспроизведен контур крупного орудия, не поддающегося определению, возможно, кельта или тесла.

Литейная форма 10 в виде четырехгранного бруска с одним широким концом и другим узким. Изготовлена из тонкозернистого серого песчаника. Грани хорошо отполированы (рис. 162. 2). На верхней грани вырезаны три параллельных желобка, представляющих контуры шильев с острыми концами. Бронзовые шилья, воспроизведенные на литейной форме 10, встречаются во всех поселениях и погребениях эпохи бронзы Центрального Казахстана.

Литейная форма 11 (рис. 162. 4) из серого песчаника, имеет подпрямоугольную форму. На ней контур мощного орудия типа чекана.

В поселениях Джезказгана найдены каменные матрицы для выдавливания или тиснения выпукло-вогнутых узоров. Штампы представляют собой круглые, квадратные и прямоугольные плиты с вырезанными на них матрицами рифленых узоров.

Окаменстесном деле в древнем Джезказгане ясное представление дает серия точильных и шлифовальных камней (рис. 161. 1, 4, 5, 7). Шлифовальные и точильные камни применялись еще в эпоху неолита, но более широкое распространение получили в период сложения культуры бронзы, в связи с изготовлением металлических орудий и оружия. После отливки многие изделия подвергались дополнительной обработке и шлифовке.

В период освоения металла человек долгое время обходился без металлических напильников, терпугов и пил, изобретенных позднее. Для шлифовки он использовал каменное лоцило, шлифовальные и точильные камни. В культурных слоях поселений эпохи бронзы Джезказгана обнаружено около полутора десятков точильных и шлифовальных камней, из них 4 – в Мыпыкудуке,

5 – в Кресто-Центре, 2 – в Айнаколе, 1 – в Соркудуке, 1 – в разрезе отвала Златоуста, 2 – на западной стоянке Никольского. Основной материал, из которого они сделаны, мягкий сланец и тонкозернистый песчаник.

Точильные камни имеют разные геометрические формы. Обращает на себя внимание мусат или точильный камень 10 в форме параболы с одной скошенной стороной и узким желобком для привязывания петельки с целью ношения на поясе. Точильные камни с таким желобком более характерны для позднего этапа средней бронзы в Центральном Казахстане. Подобные точильные камни с желобком найдены в поселении Каркаралы II, в урочище Баштыян-Карашоқысы, в верховьях р. Токрауи⁷³. В бегазинское время вместо желобков на мусатах появляются сквозные отверстия, сам мусат с этого времени обретает более легкую и удобную форму⁷⁴.

Мусат был особенно распространен в Центральном Казахстане и Южной Сибири в эпоху саков, гуннов, усуней⁷⁵.

Айнаколь

Поселение Айнаколь являлось одним из плавильных центров медной руды в Джекказгане. Оно расположено в окрестностях современного г. Джекказгана, в 5 км от главного рудника Кресто-Центр, недалеко от участка Никольского. Место это представляет собой широкую котловину, окруженную со всех сторон плоскими холмами и прорезанную многочисленными протоками, которые при впадении в р. Кенгир образуют систему рукавов (рис. 164).

Площадь поселения ~ 2 га. О длительности существования его говорят мощный культурный слой и тысячи находок. Поселение двухслойное. Верхний слой отражает культуру эпохи бронзы, нижний — культуру позднего неолита или энеолита. В нижнем слое были нуклеусы, кремневые наконечники копий и стрел, скребки круглые, концевые, ножевидные пластинки крупных размеров, гладилки, проколки, клювовидные провертки, тесла, ручные топоры, скребла, рубила, орудия с двусторонней ретушью, куски кристаллов и окисленной медной руды⁷⁶. В

верхнем слое обнаружены следы восьми жилищ-полуземлянок в виде подпрямоугольных ям. По данным А. В. Кузнецова и Н. В. Валукинского, по характеру культурных отложений Айнаколь совершенно сходен с Милькудуком. Здесь выявлены остатки водосборных ям, ям-кладовых, колодцев, обложенных камнями, места разработки и обогащения руд в виде отдельных буторков, отвалов, "сплесков", остатки медеплавильных печей, обломки тиглей и др.⁷⁷.

В верхнем слое обнаружено множество орудий горного дела, в том числе каменных отбойников, кайл, клиньев, мотыг; рудодробильных орудий – пестов, молотков, колотушек, ступок и т. д.; вокруг и в подо плавильных печей – огромные скопления шлака, обломки тиглей, куски меди, медные шарики от отеков, согнутая медная пластинка, пластинка из желтой меди с четырьмя отверстиями, очевидно, служившая накладкой. Здесь обнаружен сильно коррозированный бронзовый вток. Osteологический материал состоит из костей баранов, лошадей и крупного рогатого скота. В керамике преобладают обломки сероглиняных сосудов без орнамента. Венчики сосудов прямые и с налепом, украшенные гребенчатым штампом, насечками и узорной лентой, заштрихованной наклонными линиями. Описанные черты составляют специфику керамики Центрального Казахстана бегазы-дандыбаевского времени.

Соркудук

Поселение Соркудук — второй по величине после Милькудука металлургический центр в районе Джекказгана в эпоху бронзы. Оно расположено в северной части рудника Джекказган, в 15 км от центра, в широкой пойме протока (рис. 165).

Соркудук открыт и обследован А.В. Кузнецовым и Н.В. Валукинским в 1945 г. Установлено, что на обширной площади, где соединяются два больших протока, расположены памятники двух эпох: – бронзы и раннего средневековья (кипчакские).

Поселение металлургов эпохи бронзы расположено в северной половине площадки и, подобно Милькудуку, состоит из

многочисленных ям, остатков жилых и хозяйственных построек, а также предметов материального производства.

Следы жилищ-полуземлянок в виде обособленной группы ям расположены на близком расстоянии друг от друга. В плане они имеют подпрямоугольную форму. Их размеры их от 6х8 м до 8х12 м, глубина 1,3 м. Установлены следы 18 жилищ с остатками очагов в виде скопления зольного слоя толщиной до 30 см. Две более поздние полуземлянки, расположенные в стороне, имели коридор типа бегазинских тамбуров. Коридор обращен в сторону протока, где находились "сплески" дробленой руды. По плану они сходны с жилищем 14 поселения Шортанды-булак. Характерно, что внутри ям, в основном, по периметру, находились песчаные плиты, некоторые из них вкопаны ребром в землю⁹. Это говорит о том, что жилища имели каменные стены, сложенные из плит песчаника, поставленных на ребро. Пол ровный, местами выложен плитами песчаника, стыки между которыми обмазаны глиной. На полу следы от столбов не обнаружены. Это говорит о том, что кровля жилищ опиралась на каменные стены. Большой каменный очаг находился в центре помещения. Около жилища расположены малые ямы-кладовые круглой и продолговатой форм диаметром от 2 до 3 м, глубиной 0,8–1,0 м. У одной из ям сохранился настил из плит песчаника, здесь обнаружены остатки дробленой руды. По химическому составу измельченная руда совпадает с суукбулакской.

На небольшом расстоянии от жилища, на берегу протока расположены места дробления, обогащения и плавки медной руды, которые сохранились в виде множества бугров, отвалов, сплесков измельченной руды и подовой части плавильных печей. Само место дробления и обогащения имеет вид ровной площадки, местами вымощенной плитами песчаника, окруженной буграми и сплесками. От основного протока к площадке проведен многометровый канал, в устье которого расположена мощная каменная плотина шириной 6–8 м, длиной 60–80 м. В конце канала 6 водоемов, контуры которых сохранились в виде ям диаметром 6–8 м, глубиной до 1,5 м. Рядом с водоемом находились отвалы и "сплески" измельченной руды.

Кроме основной плотины, на площади обнаружены остатки плотин и запруд из камня для хранения большого количества воды. На двух протоках прослежены остатки трех плотин, сделанных из крупных плит песчаника, вкопанных вертикально в землю. Плиты установлены двумя рядами шириной до 3 м с забутовкой внутреннего пространства обломками камней, смешанных с глиной и гравием. Таким же способом забутованы и щели между камнями кладки.

На площади поселения обнаружены остатки восьми плавильных печей, по типу сходных с милькудукскими и айнакольскими. В основной массе они круглые, устьем обращенные вниз. Около печей – неглубокие колодцы, обложенные камнями. В Соркудуке обнаружено около десяти колодцев.

Из культурных остатков обращают на себя внимание большие скопления шлаков и груды окисленной медной руды около плавильных печей, а также значительное количество обломков тиглей. К одному из кусков шлака был приная обломок тигля — свидетельство плавки меди в нем. Тигли использовались для выплавки вторичной продукции окисленной медной руды. Из других находок преобладают орудия горного дела в виде отбойников и кайл из кварцита, орудия для измельчения медной руды: каменные молотки четырехгранной и кубической форм, ступки круглые, дисковидные, прямоугольные и др. Наибольший интерес представляет орудие типа колотушки, изготовленное из очень твердого камня с плоско-округлым рабочим концом и цилиндрической рукояткой.

На площади поселения и в культурном слое жилищ, а также возле очага собраны фрагменты керамики без орнамента. Обломки сходных сероглиняных сосудов встречены в отвалах руды в урочище Таскудук-сай, в 1,5 км от Соркудука. В зольном слое кострища и возле него обнаружены кости лошади, барана и крупного рогатого скота — остатки трапезы. На месте измельчения руды найдена лопатка лошади, служившая совком для сгребания дробленой руды и отходов производства.

У самого подножия холма, у выхода протока из ущелья обнаружена стоянка эпохи энеолита. Культуру энеолита характеризует большая

серия кремневых и кварцитовых орудий. Среди них есть нуклеусы, отщепы, сколы, хорошо отретушированные наконечники стрел, проколки, скребки, резцы, пилки и др. Некоторые из этих орудий встречаются в культурных слоях поселений Милькудук, Соркудук и Айнаколь. Вполне возможно, что потомки древних энеолитических племен Центрального Казахстана спустя несколько сот лет стали рудокопами и металлургами.

Кулман

Поселение Кулман расположено на правом берегу р. Джезды, в 16 км на северо-запад от рудника Джезды. Его план напоминает план поселения Тагибай-булак. Жилища здесь представляют собой полуземлянки с каменными стенами. Поселение выглядит, как обширный холм подпрямоугольного очертания протяженностью свыше 200 м, шириной около 120 м. На этой приподнятой площадке сохранились остатки ряда жилых и хозяйственных построек в виде прямоугольных полос камней размерами 12x8 м. К поселению примыкала древняя плотина, построенная на протоке р. Джезды. Длина плотины около 50 м, ширина в основании 4 м, высота 1,3 м. Плотина сооружена из камня, глины и щебня. За стенами жилищ, у устья протока находились ямы-кладовые для хранения зерна. Около этих ям собраны мелкие обломки (14) сероглиняных сосудов, вылепленных вручную ленточным способом. Толщина стенок сосудов 6—8 мм. На их поверхности сохранились следы сглаживания. Кроме лепной керамики на площади поселения были найдены орудие из тонкозернистого черного кварцита, мусат (брусок) из песчаника четырехгранной формы, железные псалли (2) дугообразной формы с тремя отверстиями и тщательно обработанной поверхностью. Присутствие железных псаллиев свидетельствует о том, что поселение Кулман существовало в конце эпохи бронзы и в начале эпохи ранних кочевников.

Здесь описана лишь небольшая часть орудий, найденных в выработках древнего Джезказгана. Основная масса их хранится в Джезказганском геологическом музее и еще не подвергнута научному анализу. Находки орудий различных типов в огромном

количестве свидетельствуют об интенсивной деятельности древних рудокопов Джезказгана по добыче и обработке руды, о многообразии технических навыков, приемов и способов, составлявших сложный арсенал производственных достижений древних мастеров этого региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлев Д.Н. Голодная степь Казахстана. С. 309.
2. Исследования проведены М. К. Калдырбаевым в 1975-1976 гг.
3. В плане 1955 г. оно ошибочно обозначено топографом номером 22.
4. Промеры глубин даются от нулевого репера, расположенного в центре северо-восточного борта раскопа.
5. Яговкин И.С. Успенское медное месторождение Акмолинской губернии в КазАССР. Л., 1928, с. 10.
6. Минаева Т.М. Стоянки с микролитическим инвентарем на черных землях. КСИМК, вып. 59. М., 1955. С. 51, рис. 15, 8-14.
7. Кипарисова Н. П. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИМК, вып. 59. С. 59, рис. 17.
8. Комарова М.Н. Указ. соч. С. 99, рис. 41, 1-4, 7-18, 24.
9. Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение. С. 126, рис. 42.
10. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Калдырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 219-228.
11. Кольцов С. В. Ишимская стоянка. //Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1, 1956. С. 266-267.
12. Архив музея ИИАЭ, ф. 225, д. 33. Материалы Акмолинской археологической экспедиции. 1955 г.
13. Антипов И.А. Рудники, каменноугольные месторождения Киргизской степи. Горный журнал. 1892, т. 1, ч. 2. С. 333-334.
14. Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч. С. 140, рис. 63, 4.
15. Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана. // МИА, № 23. С. 161, рис. 1, 2.
16. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. Табл. VI, 10.
17. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. //МИА, М., 1953, № 46. С. 115, рис. 26, 11.
18. Валухинский Н.В. Древняя добыча медной руды в Джекказгане. Дневник № 177. С. 60—61, 74.
19. Каригандинский музей. Коллекция В. Е. Яценецкой. Каркаралинская стоянка № 28; Гвоздовер М. Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки. //МИА. М.-Л., 1953, № 39. С. 205, рис. 10.
20. Грязнов М.П. Неолитическое погребение у с. Батени на Енисее. //МИА. С. 333, рис. 1-3; Валухинский Н.В. Древняя добыча медной руды в Джекказгане. С. 36, 76; Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение. С. 164, рис. 14, 6; с. 165, рис. 15, 1-6; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. С. 233, табл. XXXVIII, 3; Гурина Н.Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. //МИА, М., 1953, № 39. С. 269, рис. 17, 4.
21. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Калдырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 234.
22. МИА, 1951, № 23, с. 67, рис. 25, 6.
23. Гриневич К.Э. Новые данные по археологии Кабарды. //МИА, М., 1951, № 23. С. 127, рис. 2, 3.
24. Археологическая карта Казахстана. С. 170.
25. Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 124 (перевалка 1949 г.).
26. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. С. 30, рис. 6, 11.
27. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. С. 253, табл. X, 8.
28. Там же. С. 234, табл. XXXIX, 7.
29. Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение. С. 109.
30. Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. //ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Археология. Алма-Ата, 1958, табл. V, 3.
31. Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч. С. 109, 81, рис. 1-4.
32. Там же. С. 165, рис. 74.
33. Оразбаев А.М. Указ. соч. С. 289, табл. VII, 1.
34. Маргулан А.Х. Комплекс Былкылдык. С. 193, рис. 6.
35. Коншин Н.Я. Памятники старины Семипалатинской области. ЗСПО РГО, вып. I. Семипалатинск. 1903.
36. Воинов В. Народный киргизский праздник по случаю прибытия в Сибирь Великого князя Владимира Александровича. //Современная летопись, 1868, № 24. 37. Красовский М.М. Область сибирских киргизов. Ч. III. СПб., 1868. С. 259-260; ЦГА КазССР, ф. 328, оп. 1, д. 638.
38. Переписка с каркаралинским окружным приказом о медном котле, найденном в горах Кент, переданном в Омское войсковое училище. ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 584.

39. ГИМ. Собрание Гуляева. Колл. 38160, хр. 85/За, 69/606.
40. Кривцова-Гракова О.А. Указ. соч.
41. Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. // ТИИАЭ АН Каз ССР, т. 7. Археология. Алма-Ата. С. 161, табл. XXIII, 5.
42. Комарова М.Н. Томский могильник. // МИА. С. 24.
43. Грязнов М.П. Указ. соч. С. 41, рис. 15, 2.
44. Максимова А.Г. Курганы сакского времени могильника Друаитобе. // КСИИМК. 1960, вып. 80; Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 250, 288, табл. 38, рис. 38.
45. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 245–255.
46. Карагандинский музей. Ф. 61, № 10–38.
47. Исследовано М. К. Кадырбаевым в 1974 г.
48. Болл С.Х. Геологический доклад о владениях Атбасарских медных промыслов. Рукопись. 1910. ИГН АН КазССР, архив акад. К. И. Сатпаева; Сатпаев К. И. Избранные труды. Т. I, с. 142; т. V, с. 30, 44; Пазухин В.А. Металлургия в Киргизской степи. М.-Л., 1926. С. 142.
49. Валукинский Н.В. Дневник № 177, с. 83.
50. Валукинский Н.В. Дневник № 176, с. 74.
51. Маргулан А.Х. Джебказган — древний металлургический центр. В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
52. Сатпаев К.И. Избранные труды. Т. 5. С. 44.
53. Валукинский И.В. Дневник № 143, с. 1–4.
54. Там же, л. 12.
55. Валукинский Н.В. Дневник № 173, с. 4.
56. Там же. Дневник № 170, л. 12 об.; Сатпаев К. И. Избранные труды. Т. 5. С. 44–45.
57. Валукинский Н.В. Дневник № 171, л. 49.
58. Там же, л. 3–4.
59. Валукинский Н. В. Дневник № 176, л. 30.
60. Черников С.С. Восточный Казахстан. ... С. 245, табл. III, 1.
61. Там же. С. 243, табл. I, 4.
62. Там же. С. 268, табл. LXXV, 3.

63. Там же. С. 268, табл. XXV, 5.
64. Там же. Табл. XXVII, 12; L, 1.
65. Там же. С. 267, табл. LXXIV, 4, 5.
66. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Указ. соч. С. 214, табл. XXIII, 5; с. 245, XLIII, 3; с. 251, табл. XLVIII, 6–8.
67. Черников С.С. Указ. соч. С. 245, табл. LP, 1а; с. 234, табл. XXXIX, 1.
68. Там же. С. 244, табл. LI, 10.
69. Маргулан А.Х., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Указ. соч. С. 242, табл. XL, 6; с. 251, табл. XLVII, 4, 6; табл. XLVIII, 2, 3, 4; с. 232, табл. XXXII, 2; табл. XXXII, 8, 16; Черников С. С. Указ. соч. С. 222, табл. XXVII, 1, 6, 11, 13; с. 244, табл. LI, 3, 4, 6, 7, 10; Кривцова-Гракова О.А. Указ. соч. С. 86, рис. 19.
70. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Указ. соч. С. 214, табл. XXIII, 3, 7.
71. Семенов Л.Ф. Находка каменного топора у реки Нуры. // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1. Археология. Алма-Ата, 1956. С. 263–264, табл. I, 4.
72. Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч. С. 116, рис. 42.
73. Хранится в Археологическом музее АН КазССР.
74. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. С. 56, рис. 17, 7.
75. Кривцова-Гракова О.А. Указ. соч. С. 120, рис. 44, 1; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А.М. Указ. соч. С. 315, рис. 6; с. 337, рис. 31; Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, табл. II, 16.
76. Валукинский Н.В. Дневник № 173, л. 1–2, № 176, л. 99.
77. Валукинский Н.В. Дневник № 177, л. 81; л. 103, рис. 53, 54; л. 88.
78. Валукинский Н.В. Дневник № 177, л. 88, 90, 91.

ГЛАВА 3 ХОЗЯЙСТВО И ИРРИГАЦИЯ

В эпоху поздней бронзы шел интенсивный процесс развития скотоводства, горного дела и металлургии, домашних ремесел. Рудники, крупные рудоплавильные центры и поселения свидетельствуют о размахе древнего горно-металлургического производства, как одной из ведущих отраслей первобытной экономики, о существовании в Центральном Казахстане на этой основе древней цивилизации. Эта эпоха характеризуется интенсивным развитием скотоводства, освоением коня и верблюда, как транспортных средств, и постепенным переходом сначала к пастбищно-яйлажному скотоводству, а затем к сезонным перекочевкам.

Многоотраслевое хозяйство, составившее экономику эпохи поздней бронзы, было обусловлено глубокими изменениями в социальной жизни племен Центрального Казахстана.

Скотоводство

Археологическими исследованиями установлено, что скотоводство на территории Казахстана стало развиваться еще в эпоху неолита. При изучении ряда неолитических стоянок были обнаружены кости домашних животных, в том числе коров, овец и лошадей¹. Много костей домашних животных было найдено в бассейнах рек Сарысу, Ишим и Нура (под Карагандой)². В памятниках неолитического времени кости верблюда еще не обнаружены.

В эпоху бронзы скотоводство становится одной из основных форм производства. Интенсивное развитие этой отрасли явилось основой первого крупного общественного разделения труда, выделения пастушеских племен из остальной массы древнего населения. Эти события привели к становлению патриархально-родовой организации общества и укреплению ведущей роли мужчины в хозяйстве и общественной жизни³.

Об интенсивном развитии скотоводства в Центральном Казахстане в эпоху бронзы свидетельствует богатый остеологический материал поселений и могильников племен эпохи ранней (нуринский этап), средней (атасуский этап) и поздней (бегазы-дандыбаевский этап) бронзы Центрального Казахстана. Особенно большое количество костей домашних животных обнаружено при раскопках могильников средней бронзы (Айшрак, Аксу-Аюлы, Былкылдак, Карабие, Темирастау) и памятников поздней бронзы (Бегазы, Бугулы II, III, Сангру I, III, Кент, Аксай и т. д.). Большое число костей домашних животных найдено внутри погребальных камер.

В эпоху бронзы появился и закрепился обычай оставлять в могиле пищу для усопшего – туши барана, лошади, верблюда, а также отдельные кости – ребра, позвонки, передние конечности, головы крупных животных (лошади, коровы, верблюда и др.). В культурном слое Милькудука возле каменного очага впервые был найден череп верблюда. Крупный череп взрослого верблюда встречен и в каменном ящике могильника эпохи средней бронзы Тельжан-кузеу на р. Атасу. Полный верблюжий скелет обнаружен в большом каменном ящике в группе Аксу-Аюлы – памятнике переходного этапа от андрона к бегазы-дандыбаевскому времени. Значительное количество костей верблюда – трубчатые кости, тельня, бабки от передней конечности, ребро и другие найдены рядом с костями передней конечности лошади в плиточном мавзолее Бегазы 5. В Атасуском и Алексеевском⁴ поселениях также обнаружены кости верблюда (лопатки, трубчатые кости, челюсти, ребра). Огромное число костей лошади отмечено во всех исследованных нами поселениях – Атасу, Бугулы II, Каркаралы II, III (Суукбулак), Милькудук, Шортанды-булак, Тагибай-булак, Улытау, Алексеевское (табл. 1), а также в могильниках Айбас-Дарасы, Айшрак, Бегазы, Бугулы III, Былкылдак I, II, III, Жанайдар, Сангру I (табл. 2). Следует отметить, что видовой состав домашних животных в памятниках разных этапов эпохи бронзы был не одинаков. Так, в более древней части (ранняя бронза) могильника Бугулы I были преимущественно кости мелкого скота, удельный вес лошади был совсем незначительным, хотя культ коня в то время уже был. В

ограде 4 Бугулы I в каменном ящике найден хорошо сохранившийся конский череп. В Бугулы I обнаружены кости собаки, которая была принесена в жертву, по-видимому, для охраны усопшего. Значительное число костей диких животных в поселении Бугулы I говорит о не утраченном значении промысловой охоты.

Начиная с атасуского этапа, удельный вес крупного рогатого скота уменьшается и ведущее место занимают овцы и лошадь, появляется верблюд. Это, несомненно, говорит о подвижном характере скота и о начале перекочевок на короткое расстояние. Большое скопление костей овец и лошадей было обнаружено при раскопках плиточных мавзолеев Бегазы 1,2,3,4,5, в памятниках Аксу-Аюлы, Бугулы II и др. Ведущая роль овцеводства и коневодства прослеживается в ряде поселений эпохи поздней бронзы (Милюкудуке, Шортанды-булаке, Алексеевском и Улытауском). При раскопках жилища 4 Атасуского поселения было обнаружено огромное скопление костей овец, лошадей и значительное количество костей куланов. Сходные результаты дали раскопки поселений Шортанды-булак, Каркаралы II, III (Суук-булак). Большая концентрация костей домашних животных в поселениях и могильниках свидетельствует о ведущей роли скотоводства.

Значительное количество верблюжьих костей в могильниках Аксу-Аюлы, в плиточных мавзолеях Бегазы, в комплексе Тельжанкузеу на р. Атасу, в поселениях Милюкудук, Алексеевское указывает на то, что в эпоху средней и поздней бронзы у племен, обитавших вблизи пустыни Бетпадала (Атасу, Милюкудук, Тельжанкузеу), верблюд становится одним из основных средств передвижения. Неоценимые качества верблюда, как выносливого животного и транспортного средства в условиях пустынь и полупустынь, в полной мере учитывались древними скотоводами.

Овцеводство, коневодство, крупный рогатый скот и верблюды играли определяющую роль в жизни племен, давая все основные продукты питания и сырье для хозяйственных нужд.

Особое место в жизни степняков занимал верховой конь, который, начиная с атасуского этапа, становится основным средством передвижения. Верховой конь имел особое значение

при обороне племенной территории и при нападении на врага. Самый быстроногий из всех животных с появлением скотоводства был окружен особым вниманием и почетом. О культуре коня свидетельствуют многочисленные скульптурные изображения его в камне, на петроглифах и древнейший обычай класть в могилу вместе с покойником конский череп. Обычай погребения коня вместе с усопшим широко распространился в эпоху ранних кочевников и в более поздние времена.

Материалы археологических раскопок показывают, что в эпоху поздней бронзы в жертву приносили овцу, лошадь, верблюда, а в детских погребениях – ягненка и верблюжонка (ограда 4 Аксу-Аюлы II). В бегазы-даидыбаевское время размах жертвоприношений был велик, что прослеживается в памятниках Бегазы, Бугулы, Сангру I, Айбас-Дарасы, Аксу-Аюлы и др. Впоследствии эта традиция, базировавшаяся на интенсивном развитии скотоводства⁵, переходит к сакам.

В эпоху поздней бронзы у скотоводов появляется традиция играть в бабки. В поселениях и могильниках найдено большое количество астрагалов барана и архара – игральных бабок, служивших предметом спортивных состязаний. У казахов каждая игральная бабка имела свое название. Особенно ценилась сака - главная бабка, которой бьют. Саку украшали золотой инкрустацией (алтын сака), серебром, ее вес увеличивали свинцом. Очень высоко ценился астрагал архара (аркар сака). Кроме спортивного значения астрагалы имели значение реликвии. Если умирал юноша, его астрагал хранили, как святую реликвию, или клали рядом с усопшим. Интересные данные получены М.К. Кадырбаевым при раскопках могильника Кызылкой в Шетском районе Карагандинской области. В одном из курганов сакского времени было обнаружено погребение юноши с 11 бараньими астрагалами, лежавшими у его левого локтевого сустава. Четыре астрагала сохранили следы красной краски. Находки крупных астрагалов архара в усыпальнице Бегазы говорит об истоках традиции игры в бабки в эпоху поздней бронзы.

Соотношение костей животных из поселений
эпохи бронзы

Таблица 1

Поселение	Количество костей домашних животных					Количество костей диких животных
	бараны	коровы	лошади	верблюды	собаки	
Алексеевское	468	302	409	1	14	13
Агасуское	1200	300	800	12	8	—
Бугулинское	330	119	40	—	2	29
Каркаралы II	398	401	280	—	5	7
Каркаралы III (Суук-Булак)	483	382	275	—	2	10
Улытау	142	156	173	—	—	10
Шорнады-Булак	252	114	125	—	2	9
Мылькудук	900	262	680	8 (череп)	3	16

Соотношение костей животных, извлеченных из
могильников

Таблица 2

Памятник	Количество костей домашних животных					Количество костей диких животных
	бараны	коровы	лошади	верблюды	собаки	
Бугулы I						
ограда 1	2	—	2	—	—	—
ограда 4	9	—	череп, плечевая кость)	—	13	—
ограда 8	2	—	—	—	5	—
Карасай						
ограда 1	5	—	—	—	—	—
ограда 2	3	—	—	—	—	—
Кариби, ограды 2	1	20	1	—	—	—
Ушкызыл	2	—	—	—	—	—
Аксу-Аюлы I, ограда 2	2	—	—	—	—	—
Быркылдак I, ограда 10	3	—	2	—	—	—
Быркылдак II, ограда 2	—	—	5 череп и кости передних ног)	—	—	—
ограда 4	—	8	7 2	—	—	—
ограда 7	—	—	—	—	—	—

Жамбай-Карасу						
ограда 1	8	-	-	-	-	-
Айшрак						
ограда 7	9	22	5	-	-	-
ограда 12	6	-	-	-	-	-
Тельжанкузеу	8	-		череп	-	-
Бегазы I ограда	9	8	8	-	-	-
Беласар (ограда 6, 7, 8, 9)	42	3	2	-	-	-
Жанайдар,						
ограда 13	7	-	-	-	-	-
Аюлы-Аксу II,			5			
курган-			-			
ограда 3	22	-	22	-	-	-
ограда 4	15	-	-	44	-	-
ограда 5	25	-	6	18	-	-
Бугулы II			5			
ограда 1	12	-	-	-	-	-
ограда 3	9	-	-	-	-	-
Бегазы			8			
мавзолей 1	-	-	7	-	-	-
мавзолей 2	39	1	-	2	-	9
мавзолей 3	15	5	9	-	-	-
мавзолей 4						
мавзолей 5	18	3	-	3	-	-

Традиция игры в бабки сохранилась вплоть до нашего времени у казахов, киргизов, монголов, тувинцев и других в прошлом кочевых народов.

Кости животных широко использовались в быту в качестве орудий труда и украшений. При раскопках поселений эпохи бронзы найдено большое количество тупиков — орудий для обработки дубленой кожи, изготовленных из нижней челюсти крупных животных. Лопатки крупных животных использовались в качестве совков для сгребания дробленой руды. Часто встречаются костяные пряслица, служившие основным орудием для прядения. Кости домашних животных широко применялись и для украшения военных доспехов, конского убранства. Из костей делались изящные пластинки, украшенные тонкой резьбой.

Интенсивное развитие скотоводства, прирост поголовья скота привели к значительным изменениям форм хозяйства и быта древних племен Центрального Казахстана, подготовили почву для перехода сначала к яйлажному, а затем кочевому скотоводству. Э.А. Новгородова считает, что яйлажное скотоводство к большим экономическим преимуществам не привело⁶. Это глубокое заблуждение. Преимущество яйлажного скотоводства заключалось в том, что это была новая форма организации отгонного скотоводства, основанная на расширении пастбищных угодий, обеспечивавшая повышение продуктивности скота и увеличение его поголовья.

Вандроновское время при малой численности стад необходимости в расширении пастбищ не было. Совершенно иная ситуация сложилась в бегазы-дандыбаевское время. Развитие скотоводства и рост населения в это время принимают такие размеры, что речные долины становятся тесными и возникает необходимость в освоении новых мест, широких просторов сухих и безводных степей вплоть до Бетпакадалы.

Выход племен из речных долин и их расселение по степным просторам начинаются с атасуского этапа, о чем свидетельствуют памятники этого периода, расположенные в пределах Северной Бетпакадалы. Следующая волна уже не сопоставимого с прежним расселения происходит в бегазы-дандыбаевское время.

Если памятники атасуского этапа связаны с долинами степных рек, то памятники бегазы-дандыбаевского времени встречаются за пределами речных долин, в самых отдаленных уголках Центрального Казахстана, в оазисах пустыни Жеты-Кенур, в безводных степях и полупустынях Северной Бетпакалы, Северного Прибалхашья, где источниками воды были колодцы, запруды, плотины для сбора весенних вод.

Наиболее крупные памятники атасуского этапа – Беласар, Батпаксу, Айшрак и бегазы-дандыбаевского времени – Сангру I, III, Мыржык-Жартас, Айдарлы, Тайаткан и др. расположены в пределах Северной Бетпакалы и Северного Прибалхашья. Вероятно, климатические условия указанных районов три-четыре тысячи лет назад были более благоприятными для жизни, чем теперь. Кроме того, древних насельников Центрального Казахстана привлекали сюда богатые залежи медной и оловянной руд.

Крупные родовые кладбища, где число отдельных сооружений доходит до 500, свидетельствуют о том, что на развитом этапе культуры бронзы племена объединялись в крупные союзы, образуя племенные территории с центрами в поселениях Атасу, Шортанды-булак, Каркаралы, Тагибай-булак, Джезказгана и Карагаиды. Грандиозные памятники Бегазы I и 2, Бугулы III, Аксу-Аюлы II, Сангру I и другие говорят о росте и консолидации племенных союзов, выделении родоплеменной знати и вождей, в память которых сооружались эти памятники. В Центральном Казахстане это происходит в предсакское время.

По исследованиям М.П. Грязнова и С.В. Киселева, с полукочевым, яблагным скотоводством связано происхождение некоторых видов домашней посуды, приспособленной к подвижному образу жизни⁷. Это круглодонные сосуды, посуда с уплощенным дном, круглые чашки типа пиалы, предназначенные для питья молока, кумыса, катыка, айрана. Казахи, занимающиеся отгонным животноводством, и сегодня используют такую посуду. Наполненные молоком круглодонные сосуды держат в земляных ямках, сделанных внутри кочевой юрты. В таких ямках с сырым речным песком хорошо поддерживается прохладная температура, что позволяет сохранить и кумыс в саба (бурдюк из конской

кожи) свежим. Этот метод хранения молока и кумыса восходит к эпохе бронзы. Происхождение валиковой керамики М.П. Грязнов также связывает с появлением отгонного животноводства⁸. По его мнению, валик имел не столько художественное значение, сколько утилитарное: он был необходим для подвешивания сосуда на ремне.

Огромный остеологический материал свидетельствует о том, что в бегазы-дандыбаевское время и в последующие периоды Центральный Казахстан был самым крупным коневодческим регионом Евразийского континента. Из древнегреческих источников известно, что кобылье молоко имело первостепенное значение в жизни древних кочевников. В конце эпохи бронзы и в раннесакское время уже имела место молочная водка (шеген). В связи с этим вполне закономерно появление небольших сосудов типа чашек, кубков, чарок, найденных в памятниках бегазы-дандыбаевского времени и в местах обитания ранних кочевников – на Алтае, в Верхней Оби, в Северо-Восточном Казахстане.

По сравнению со скотоводством и металлургией удельный вес земледелия и охоты был незначительным. В хозяйстве племен они играли подчиненную роль. О занятии земледелием в эпоху поздней бронзы свидетельствуют находки земледельческих орудий – зернотерок, каменных мотыг в поселениях Центрального Казахстана. В одном Тагибай-булаке найдено 25 каменных мотыг. Крупные зернотерки найдены в поселениях Атасу, Бугулы II, Шортанды-булак, Суук-булак, Боксай. Одним из доказательств существования земледелия являются мощные бронзовые серпы, найденные в разных местах Центрального и Северо-Восточного Казахстана, в частности, в поселении Атасу. Одним из орудий для вспахивания почвы служили рога крупных животных.

В эпоху ранней бронзы под земледелие осваивались плодородные поймы степных рек. В период средней бронзы землю обрабатывали на заливных участках естественных лиманов, где можно было выращивать просо и пшеницу. В эпоху поздней бронзы было налажено лиманное орошение полей. Прежде, чем вспахать землю, ее орошали из арыков, давали почве немного подсохнуть и после этого обрабатывали. Таким был и казахский способ орошения и вспахивания полей, уходящий корнями в эпоху бронзы.

Ирригационные сооружения

В хозяйственной жизни древних скотоводов и металлургов жизненно важную роль играла система ирригационных сооружений, оросительных каналов, колодцев, плотин, запруд, обширных бассейнов для сбора весенних паводковых и дождевых вод. Идея орошения полей была продиктована хозяйственным использованием полупустынь Центрального Казахстана, где сосредоточены залежи медной и оловянной руд, где находились огромные массивы пастбищ, в эпоху поздней бронзы ставшие базой для развития скотоводства.

Для древних скотоводов и рудокопов Центрального Казахстана освоение полупустынь был жизненно важным вопросом. Наряду с расширением пастбищных угодий и освоением пустыющих земель проводились разведочные работы по выявлению новых рудных месторождений меди и олова. Следы этих работ встречаются в Северной Бетпадале, на реках Шажагай и Атасу в виде шурфов, задернованных ям и крупных выработок с отвалами (Коскудук, Кенказган, Шалгия, Таскара и др.).

Освоение полупустынь ставило перед скотоводами задачу широкого использования водных ресурсов, как поверхностных, так и подземных, путем устройства гидротехнических сооружений (плотин, запруд и каналов), обширных бассейнов для сбора талых и дождевых вод и рытья колодцев. Основная масса древних плотин, запруд и колодцев встречается в южной части Центрального Казахстана, прилегающих к пустыне Бетпадала и охватывающих Северное Прибалхашье (рис. 166, 167). В одном Жезказгане сохранились остатки сотен плотин и колодцев, обложенных камнями, относящихся к эпохе поздней бронзы. Плотины и запруды на руслах пересыхающих в летнее время речках в древних плавильных центрах были необходимы для мокрой флотации медной руды.

Плотинами из крупных гранитных плит, установленных на ребро, ограждены глубокие сая, лога, ушелья, русла небольших рек, питающихся трещинными водами. При ограждении таких рек плотинами в ее основании делали водоспуск в виде прямоугольного отверстия. Высота водоспуска была от 40 до 80 см, ширина

20 - 30 см. В случаях необходимости он закрывался плоской гранитной плитой (плотины Алтын-Казган, Керегетас, Жипчакпай и др.).

Обследование плотин и запруд эпохи бронзы дает массу интересных и ценных сведений об ирригационных сооружениях для орошения полей и искусственных водоемах для горно-металлургического производства в эпоху поздней бронзы. Состояние древних плотин в разных районах Центрального Казахстана не одинаково. В одних случаях они сохранились довольно хорошо (плотины Баянаульского, Каркаралинского, Шетского и

Актогайского районов), в других местах, где часто бывают сильные потоки, они разрушены почти до основания. От них остались лишь камни, а вся земляная насыпь давно смыта (плотины Жанааркинское и Жезказганского районов).

В древности сеть плотин простиралась от Баянаульской и Каркаралинской степей до Жезказгана и гор Улытау. Остатки плотин находят там, где расположены отвалы древних выработок (Жезказган, Северное Прибалхашье, Шетский, Каркаралинский и Баянаульский районы). Судя по типу сооружений и находкам орудий труда, плотины относятся к эпохе поздней бронзы. Они представляют собой однотипный вид сооружений из глыб гранита, вертикально вкопанных на ребро, высотой от 1,5 до 2 метров с мощной земляной насыпью по краям. Ниже дается описание ряда плотин.

Плотина Коргантас (рис. 168, 169) – самое крупное ирригационное сооружение эпохи поздней бронзы. Находится у западного подножия горы Аулие-Кызылтау в Баянаульском районе. Представляет собой сооружение из двух рядов глыб гранита, вкопанных на ребро. Толщина каменной кладки 2,5 м, а общая сохранившаяся ширина каменно-земляной насыпи 12 м. Плотина перегораживает широкую горную долину, имеющую скат к западу. Длина ее около 600 м, сохранившаяся высота 1,5 м, площадь искусственного водоема (древнее водное зеркало) около 200 тыс. м². Поперечный срез показал, что вертикальные камни вкопаны в землю на глубину 60 см. Бассейн мог собирать воду не только главного сая, но и боковых ложиц, которыми изрезан весь

западный склон горы Аудие-Кзылтау. По тальвегу главного сая посредине плотины сделан водоспуск в виде прямоугольного окна, выполнявшего функцию шлюза. Недалеко от плотины находятся древние рудники и погребения эпохи бронзы. С восточной стороны горы Кзылтау расположено поселение эпохи поздней бронзы Тагибай-булак.

Плотина Тундук (рис. 170) находится у истока р. Тундук, протекающей у северного подножия горы Ушан, в 16 км на юго-восток от центральной усадьбы совхоза Бахты Каркаралинского района Карагандинской области. Плотина сооружена в традиционной строительной манере из двух рядов плоских плит, вертикально вкопанных в землю. Полое пространство между рядами плит заполнено крупными осколками камней, гравием, речной галькой, глиной и плотно утрамбовано. Длина плотины 70 м, толщина каменной кладки 2 м. По обеим сторонам каменной кладки сделана мощная насыпь из земли, гравия и осколков камней, за счет чего толщина плотины достигает 10 м. Задернованные остатки насыпи сохранились только по краям плотины. Средняя ее часть смыта весенними паводками. Зато каменная двухметровая ширины кладка сохранилась хорошо, а верхняя часть гранитных плит выступает на 5-10 см.

Плотина Керегетас (рис. 171) находится на месте древнего рудника Керегетас, возле старой зимовки Баймурзы, на территории совхоза им. Нуркена Абдирова Каркаралинского района. Плотина также состоит из двух рядов каменных глыб, установленных вертикально на ребро. Толщина каменной стены до 3 м, общая ширина плотины с земляной насыпью – 12 м, длина – около 305 м, сохранившаяся высота – 60 см, площадь древнего искусственного водоема около 108 580 м². Плотина собирала не только дождевые и весенние воды, но и трещинные, просачивающиеся из гранитных нагромождений Керегетаса.

Плотина Алтын-Казган (рис. 172) находится у восточного подножия горы Бугулы, вблизи поселения Бугулы I и мавзолея Бугулы III, на территории Шетского района Карагандинской области. Плотина состоит из двух рядов вертикально вкопанных каменных плит с заполнением пустого пространства щебнем

и гравием, смешанными с землей и глиной. Длина плотины ~ 300 м. Местами сохранились следы размыва и ремонта, из-за чего ширина ее не одинакова – от 5 до 12 м, сохранившаяся высота над поверхностью почвы от 0,6 до 1,2 м. Поперечный срез по центру показал, что первоначальная высота была не менее 2,5-3 м. Площадь древнего водоема характеризуется более густым травостоем, чем окружающий ландшафт, и составляет около 40 000 м². Судя по всему, плотина имела двойное назначение: для орошения посевов и для промывки золота, отсюда и позднейшее название ее Алтын-Казган.

Плотина Жетымшоки (рис. 173) по структуре подобна предыдущим. Находится у северного подножия горы Бугулы, недалеко от поселения Бугулы II. Плотиной перегорожен обширный сай, имевший значение для посевов, сенокосения и для мокрого обогащения свинцовой руды, выработки которой находится на северном склоне горы Бугулы. Длина плотины 170 м, ширина насыпи 5-8 м, высота 0,80 м, площадь 10 000 м². В береговой части древнего водоема сохранились «сплески» и «хвосты» в виде темных буторков, свидетельствующие о ручной флотации руды.

Плотина Канаттас по типу сооружения подобна предыдущим. Находится на левом берегу р. Нуртай, у северо-западного подножия горы с таким же названием, на территории Коунирадского совхоза Актогайского района. Плотиной перегорожена небольшая речка, протекающая по ложбине и образующаяся из трещинных вод. Длина запруды 60 м, ширина каменной кладки с насыпью около 4 м, высота над землей 0,5-0,7 м. Водоспуск внизу плотины давно закупорен. Земляная насыпь совершенно смыта.

Плотина Кушоки (рис. 167.4) по структуре подобна предыдущим, только меньше размером. Это был древний искусственный водоем для промывки и мокрого обогащения медной и свинцовой руд. Находится в южном предгорье Кушоки, вблизи древнего рудника с тем же названием, на территории Коунирадского совхоза Актогайского района. Длина плотины 120 м, ширина каменной кладки 2 м, с земляной насыпью 8-10 м, высота плит, выступающих из земли, 0,6 м, площадь водоема 18 000 м².

Плотина Алтынсу небольшая, находится на территории Ульяновского района Карагандинской области. Перегораживает дно узкого лога шириной 50 м, по которому протекает речка Алтынсу, левый приток р. Нура. Рядом с плотиной расположены большие отвалы древнего рудника Алтынсу и выходы минерала аширита (диоптаза). Длина запруды 30 м, ширина двухрядной каменной кладки 2 м, толщина плотины с насыпью 4,5 м, высота вертикальных камней – 0,6 м, площадь водоема 1 800 м². Земляная насыпь почти полностью смыта, сохранилась лишь каменная основа. Плотина наполнялась, в основном, трещинными водами. Ее хозяйственное назначение связано исключительно с разработкой и мокрой флотацией руды.

Большое число плотин и запруд (~ 25) обнаружено Н.В.Валукинским в Джекказгане. По сравнению с плотинами Баянаульского и Каркаралинского районов они меньше, но сходны по устройству и также предназначались для промывки и мокрого обогащения руды.

Плотина Соркудук расположена у древней выработки с таким же названием, в 15 км к северу от рудника Джекказган, вблизи поселения древних металлургов. Плотиной запружено русло большого протока, текущего в северном направлении. Первоначально плотина была довольно мощной, сложена из камня и гравия с землей. Сохранились лишь крупные песчаные плиты, составляющие основу древней плотины⁹. Возле плотины – многочисленные водосборные ямы, окруженные «сплесками» дробленой руды. Диаметры малых ям 2-3 м при глубине 0,8 м, больших – 6 м при глубине 1,2 м. Возле плотины проходил процесс мокрого обогащения медной руды и ее плавки.

Плотина у древней выработки Таскудук, находившейся в верхнем течении того же протока, также служила для мокрого обогащения руды. В этом месте сухое русло перегорожено в двух местах и образован обширный водоем длиной 50 м. Ширина русла около 25 м, такова же длина плотины. По обоим берегам древнего водоема сохранились следы дробления и обогащения руды в виде круговых ям, окруженных «сплесками».

Плотина Милькудук – крупнейшая в древнем Джекказгане (рис. 174)¹⁰. Она построена выше уровня поселения, в верхнем течении сухого русла для удобного регулирования стока воды по многочисленным водосборным бассейнам, вокруг которых жители этих мест дробили и обогащали руды. Длина плотины соответствует ширине большого лога (80 м), по тальвегу которого проходит сухое русло. Ширина вала от 3 до 6 м, высота от 0,8 м до 3 и более метров. Кроме плотины на площадке поселения Милькудук прослежены остатки многочисленных колодцев, обложенных песчаными плитами. Остатки каменных колодцев обнаружены в медеплавильных центрах Айнаколь и Соркудук, а также в урочищах Таскудук и Коскудук.

В Джекказгане (Милькудук, Соркудук, Айнаколь, Карпенский, Таскудук, Жанайские горы) обнаружено множество небольших запруд – водоемов, которые снабжались водой из колодцев. Они были связаны исключительно с производственным процессом и находились возле медеплавильных печей.

Значительная группа плотин Джекказгана связана с орошением полей. Они отличаются от водоемов металлургического производства более крупной величиной и отсутствием производственного мусора. На окружающих их площадках нет следов измельчения и обогащения руды в виде отвалов, «сплесков» и ям. Из этой серии памятников древнейшей мелиорации крупными размерами выделяются плотины Акши, Кресто-Запад, примыкающие к долине р. Джекды, нижняя запруда у Жанайских гор и плотина Кипчакпай.

Плотина Акши расположена в 5 км к юго-западу от рудника Джекказган, в широкой долине, составляющей часть бассейна р. Джекды. В 300 м севернее плотины, в той же долине сохранились следы древнего поселения эпохи поздней бронзы. Несомненно, плотина была построена жителями этого поселения с целью орошения небольшого участка полей, расположенного в долине. Изгиб речки перегорожен в двух местах плотинами, образующими дугообразный бассейн радиусом ~150 м, шириной русла 10-15 м. Плотина имеет водоспуск, через который орошалась долина по обе стороны речки.

Плотина Кресто-Запад расположена в небольшом логе у юго-западных холмов рудника Джеккаган, недалеко от левого берега р. Джезды (рис. 175). Плотина сооружена из двух рядов крупных плит песчаника с заполнением междурядья землей, смешанной с гравием. По форме плотина представляет незамкнутый круг диаметром 10 м, сохранившаяся высота 1 м. Каменно-земляная насыпь смыта весенними потоками, остались лишь крупные плиты и по краям плотины следы земляной насыпи.

Плотины у Жанайских гор (рис. 176) расположены в 8 км к западу от рудника Джеккаган, на р. Джезды. Сохранились остатки двух плотин в узком ущелье горы Жанай¹¹. Одна плотина сооружена наверху ущелья и была связана с процессом разработки руды. Другая построена ниже, на расстоянии – 250 м от первой и имела сельскохозяйственное назначение.

Плотина Кипчакпай находится в 30 км к северу от г. Джеккагана, возле старой зимовки Айрамбай. Вблизи плотины расположены древние рудники Айрамбай (по правой стороне р. Кара-Жиланды), Кипчакпай (возле самой плотины) и Карапашак (в 3 км восточнее плотины). Плотина Кипчакпай – одна из крупных в этом районе. Она перегораживает большой лог Таскудуксай возле древнего рудника. По величине и типу сооружения подобна плотинам Каркаралинского и Баянаульского районов. Длина бассейна – 100 м, ширина 12 м, высота 3,5 м, площадь водного бассейна – 9 000 м². Водоспуск давно размыт, зияет провалом между боковыми стенами. На северном берегу бассейна сохранились многочисленные буторки – отвалы и «сплески», свидетельствующие о том, что вокруг осуществлялся процесс разработки и обогащения медной руды. Характер окружающего ландшафта говорит о том, что вода из плотины через водоспуск орошала небольшой участок земли, расположенный в нижней части сая, непосредственно примыкающего к долине р. Кара-Жиланды.

По своей культурной и экономической значимости плотины Центрального Казахстана относятся к числу значительных памятников древней истории Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Формозов А.А. Доандроновское погребение в Казахстане. КСИИМК, вып. 63. М., 1956. С. 153-155.
- 2.Валукинский Н.В. Дневник № 171, л. 27-28, 36-38, 72, 72об.; № 176, л. 92, 130, 160-170.
- 3.Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 21. С. 162.
- 4.Кривоно-Гравова О.А. Алексеевское поселение. ... С. 102.
- 5.Маргулан А.Х., Акишев К.А., Калдырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 175, 176.
- 6.Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. С. 20.
- 7.Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 161.
- 8.Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. С. 74.
- 9.Валукинский Н.В. Дневник № 177, с. 16.
- 10.Валукинский Н.В. Дневник № 176, л. 50, 53.
- 11.Там же, л. 52, 53.

ГЛАВА 4 КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ И РАННЯЯ СКУЛЬПТУРА

Серьезные изменения в общественной жизни степных племен Центрального Казахстана, происшедшие в эпоху бронзы, стали причиной интенсивного роста производящего хозяйства, главными направлениями которого были скотоводство и металлургия. Новые виды хозяйственной деятельности: уход за скотом и охрана общественных стад, добыча и плавка металла выдвинули на первое место в общественном производстве мужчину. С усилением главенствующей роли мужчины в производстве материальных благ и в общинно-родовых взаимоотношениях родилась идея почитания и обожествления отца — патриарха, старейшины. На этой основе создается культ предков.

Религиозные представления языческо-шаманского пантеона у племен Центрального Казахстана проявлялись в различных формах. Наиболее отчетливо выступают культовые формы: одухотворение сил природы, которое выражалось в изображении восходящего солнца, поклонении огню, в установке менгиров, обожествление предков в сооружении грандиозных надгробных памятников, устройстве поминальных трапез и жертвоприношений у могил предков. Эти формы культа господствовали в патриархально-родовом обществе до прихода классических религий — буддизма, христианства и ислама. Некоторые традиции древних верований сохранились у казахов до наших дней.

Самой ранней формой верований было поклонение небесным светилам. Страх и удивление при виде чарующих сил природы: смены дня и ночи, зимы и лета, а также смерть и сон явились причиной появления идей божества, добрых и злых начал. Особенно сильное воздействие на психику первобытного человека оказывали гром и молния, ставшие источником возникновения культа огня, культа небесных светил. Место удара молнии считалось сакральным, его окружали каменной оградой, превращая

в своеобразный алтарь, где совершались ритуальные обряды, сопровождавшиеся жертвоприношениями в честь грозных сил природы. Некрополи Центрального Казахстана, языческие храмы-святилища хранят следы поклонения огню и небесным светилам в виде изображений солнца, луны и звезд (Желтау, Батпаксу), остатков жертвенных кострищ, следов очищения огнем погребальной камеры перед помещением в нее усопшего. В каменных склепах часто встречаются красная охра и сверху кусочки древесного угля, символизировавшие стихии огня и солнца (Балакулболды, Беласар). Наиболее яркие следы поклонения огню обнаружены в языческих святилищах поселений Бугулы I и II, Шлым на р. Нура, Ортау, Балакулболды, в гробницах Бегазы I, Бугулы III, Сантру I, Айбас-Дарасы. В мавзолее Бегазы I вдоль западной стены между высокими менгирами, составляющими алтарную часть надгробного сооружения, сохранились следы кострища. Слой золы и угля здесь доходит до 30 см. Мощные остатки жертвенного огня сохранились в каменной гробнице Бугулы III. Они тянутся вдоль всей северо-западной стены и отдельными пятнами большей толщины по южной стене, около менгиров. Особенно их много в длинном коридоре, размеры которого 2,3 x 0, 8 м, толщина слоя древесного угля и золы — 25-30 см. Следы крупного кострища обнаружены непосредственно у входа, между высокими каменными столбами, которыми был обозначен вход в усыпальницу. Во всех слоях кострища встречены остатки жертвенной пищи в виде костей лошади и барана. Особенно их много вдоль коридора, у входа и у северо-западной стены. С обрядом поклонения огню связаны прямоугольные вымостки (выкладки) в виде алтаря внутри стены в юго-восточном углу, устроенные для совершения обряда поклонения и жертвоприношений. Невысокие вымостки встречены в языческих святилищах поселений Бугулы I и II, в ограде 6 Беласара.

К наиболее древнему типу мегалитических памятников относятся менгиры. Как места древнего культа, они сохранились во многих районах Центрального Казахстана. Менгиры выполняли функцию языческих святилищ, где собирался народ, устраивались поминки

по умершим, религиозные представления и жертвоприношения. У менгиров проходили обряды древних скотоводов, связанные с весенним охотом и размножением скота, а также сельскохозяйственные обряды, относящиеся к посеву и сбору урожая. В то же время менгиры имели значение мемориалов, символизировавших победу над врагом.

Менгиры, как памятники древнего культа, своими силуэтами оживляют степные просторы, склоны холмов и межгорные равнины. Они встречаются одиноко стоящими (рис. 177) или в виде каменных аллей (рис. 178). Казахи группы менгиров называют «кортантас», «канаттас», «самалатас», а одиночные – «сымтас», «серектас», «баганатас». Эти топонимы широко распространены по всей территории Центрального и Юго-Восточного Казахстана, ими обозначены все места, где стоят менгиры, представляющие собой каменные глыбы прямоугольного или круглого сечений, вертикально вкопанные в землю, высотой от двух до шести метров.

Характерную особенность менгиров составляет то, что они всегда стоят вблизи древних поселений и некрополей эпохи бронзы. В основании менгиров неизменно обнаруживаются следы поклонения огню в виде кострищ и остатков жертвоприношений.

Группы менгиров расположены в Каркаралинской и Баянаульской степях, в Северном Прибалхашье, в бассейне рр. Сарысу и Атасу. Наиболее крупные одиночные менгиры находятся в долинах рр. Аккойтас, Тундук, Акбастау, Байгана, Кусак, Каршигалы, Женишке, Сары-Улен, Нуртай, Токраун, в горах Кызылтау, Калмак-Кырган, Бутулы, Аиртау, Актау, Атасу, Манака.

По форме менгиры Центрального Казахстана различны, это различие носит хронологический характер. Наиболее часто встречаются четыре типа менгиров: округлые, не имеющие четких геометрических очертаний; высокие четырехгранные стелы, в сечении близкие к квадратной форме; высокие уплощенные стелы с зачатками стилизации морды животных, обращенной к небесам; уплощенные стелы средних и малых размеров с полукруглым завершением.

Менгиры эпохи ранней бронзы представляют собой каменные глыбы без какой-либо обработки и, как правило, стоят массивным концом вверх, вследствие чего они имеют наклонное положение.

Ранние группы менгиров находятся в Каркаралинской степи, в горах Корпетай (рис. 165), в районе водораздела Карасай и в долине р. Нуртай, в урочищах Канаттас, Темирастау (Актогайский район Карагандинской области).

Одиночные менгиры часто встречаются в долине р. Нуртай, групповые – в урочищах Кызышоқы, Канаттас и Актас. В группе Актас уцелели лишь два менгира, у остальных видны лишь основания. Сохранившиеся менгиры округлой формы из глыб гранита без особых следов обработки.

Несколько одиночных менгиров (рис. 182, 4) находится в верхней долине реки Аксай. Один из них расположен на левом берегу р. Аксай, недалеко от старой зимовки Сарсена, в 5 км к юго-западу от группы Сартабан. Его высота около двух метров, размеры в сечении 46x32 см. Менгиры малой и средней величины стоят в разных концах этой обширной долины. В этой же долине в основании земляных курганов стоят высокие каменные изваяния гуниского времени. Менгиры небольших размеров чаще встречаются в долинах рр. Аксай, Дарат и вдоль берега р. Атасу (Мыржык-Жартас, Сангру, Мынбай-сай и т. д.).

Одна из самых интересных групп менгиров «Кзылшоқы» находится у истока р. Нуртай, у северо-восточного подножия горы Корпетай, в 3 км к северо-западу от аула Канаттас. Группа представляет собой каменную аллею протяженностью до 250 м (рис. 179). Наиболее крупные менгиры стоят на концах вереницы. Один из них из слегка подтесанной глыбы мергеля подтреугольной формы установлен узким концом вверх, его высота до 4 м, ширина основания 2,8-3 м, толщина 60-80 см (рис. 180). Камни в середине аллей в два-три раза меньше крайних. Возможно, первоначально они были тоже крупных размеров. В группе было около 20 менгиров, сохранилось 15, остальные разрушены.

В широкой долине р. Сартабан возле старой зимовки с тем же названием, в 38 км к северо-востоку от центральной усадьбы совхоза «Актау» Жанааркынского района расположена вереница

менгиров (рис. 184). Из сохранившихся шести менгиров, четыре расположены цепочкой по направлению с юго-запада на северо-восток с интервалами от 1,5 до 3,5 м. Два менгира установлены по диагонали и образуют углы.

Расстановка менгиров с юго-запада на северо-восток традиционна. Вереницы менгиров есть в долине р. Нуртай (группа Кызылшоқы) и в горах Кызыл-Арай (группа Колденен). Подобная вереница изваяний обнаружена А.Н. Липским в Южной Сибири¹.

Две группы менгиров «Канаттас» расположены на левом берегу р. Нуртай, в 2-3 километрах южнее группы «Кзылшоқы». Менгиры этой группы располагаются не вереницей, а в виде несомкнутого круга диаметром 2,5-3 м. Внутренняя площадка выложена камнями, которые имеют сильно прокаленный вид, что свидетельствует о совершении обряда поклонения огню.

В урочище Темирастау, у северо-западного подножия горы Корпетай находятся четыре группы менгиров, вытянутых цепочкой с запада на восток. Три группы из семи вертикально стоящих менгиров образуют незамкнутые круги диаметром 6-6,5 м. Кольцо восточной группы состоит из девяти менгиров подпрямоугольной формы, вкопанных в землю на одну треть, некоторые опрокинуты. При раскопках менгиров, расположенных на северной стороне, на глубине 60 см прослежено большое скопление золы и угля, а также остатки жертвоприношений в виде костей животных. Это еще одно свидетельство того, что менгиры имели обрядовое значение и были связаны с идеологией степных племен Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы. Менгиры, вкопанные по кругу, возникли на кульминационном этапе культуры бронзы, как продолжение традиции сооружения жертвенных кругов эпохи средней бронзы (андроновской культуры).

В долине реки Байгана, верхнего притока р. Нура, на территории совхозов «Бесоба» и Нуркена Абдирова в Каркаралыинском районе находятся четыре группы менгиров, из которых две – у северо-восточного подножия горы Каражал, вблизи древнего рудника Алайгыр, две – в верховьях р. Байгана, недалеко от древних выработок Каражал. По нашим наблюдениям менгиры часто встречаются вблизи древних рудников и поселений рудокопов.

Одиночные менгиры в виде четырехгранных столбов часто встречаются к югу, юго-востоку и юго-западу от г. Караганды.

В горах Берекетты Карагандинской области стоит короткий менгир типа четырехгранного столба с отбитой верхней частью. Его уцелевшая высота 1,2 м, ширина 48 см, толщина 22 см. В долине Шабан-сай, в 12 км к востоку от центральной усадьбы совхоза Кызыл-Арай (Актогайский район) находится одиночный менгир из глыбы гранита, близкой к четырехгранной форме. Установлен он массивным концом вниз. Его высота 3,5 м, размеры в сечении 1,2x0,6 м. Менгир в виде четырехгранного столба стоит на левом берегу р. Токраун, на территории Коунрадского совхоза Актогайского района, против горы Егизкойтас (рис. 183. 1).

Менгиры в виде четырехгранного столба часто встречаются в горах Бугулы. Один из массивных менгиров стоит в урочище Аккудук, против южных отрогов горы Бугулы (Каракойтас), на территории совхоза Нуратаалды Шетского района. Менгир из светло-розового гранита (высота 2 м, размеры в сечении 44x28 см) стоит на месте древнего святилища, выложенного камнями в виде прямоугольной выкладки. Камни имеют обожженный вид, что говорит о совершении обряда поклонения огню.

Четырехгранный менгир находится и в восточном предгорье Калмак-Кырган в Баянаульском районе. Высота его 2 м, размеры в сечении 38 и 27 см.

Бык, олень, горный козел и другие животные уже в каменную эпоху были тотемами рода и племени, предметами почитания. Менгиры с анималистическими чертами, со стилизованным изображением барана, коня, быка*, верблюда, медведя появляются в эпоху средней бронзы.

Менгиры с изображением барана казахи называют «койтас» - «бараний камень», названия мест «Аккойтас», «Каракойтас» говорят о том, что здесь находятся «бараньи камни». Чаше встречаются «бараньи камни» со стилизованным изображением животного, чем в виде округлой скульптуры.

^{*}Стилизованное изображение быка впервые описано финским ученым Антельерен-Кивало в начале 30-х годов XX столетия².

Менгир в виде высокого четырехгранного столба с завершением в форме треугольника находится в верховьях р. Манака, на территории совхоза «Актау» Жанааркинского района Карагандинской области. Его высота 3,5 м, размеры в сечении 35х18-24 см.

В горах Бугулы, Котыр-Кзылтау, Нар-Шоккен, Каражал встречаются разные типы менгиров: высокие и плоские с треугольным завершением в виде стилизованной головы барана; высокие четырехгранные столбы с коническим или прямоугольным завершением. В верхней долине р. Шопа, у подножия горы Бугулы стоит одиночный менгир – «бараний камень» (рис. 182,1). Его высота 1,6 м, размеры в сечении 38х26 см. В основании менгира на глубине 40 см обнаружены два горных орудия типа каменных кайл². Возможно, эти орудия были принесены в жертву древними рудокопами в день установления менгира. Грунт вокруг менгира сильно прокален, что свидетельствует о совершении обрядов очищения места при установлении менгира и поклонения огню с жертвоприношениями.

«Бараний камень» саблевидной формы расположен в урочище Коктас Актогайского района (рис. 182, 3).

В 40 км к югу от г. Каркаралинска стоит менгир в виде стелы, одна его грань плоская, другая узкая, размеры в сечении 52х24 см, высота 1,8 м. Верхняя часть его в виде треугольника, что является стилизацией головы барана.

В долине р. Аккойтас, расположенной вблизи гор Кокчетау и Соранг, в 140 км к востоку от г. Каркаралинска стоят менгиры из длинных уплощенных блоков светлого гранита с характерным завершением в виде стилизованной головы барана. Два менгира прямоугольной формы высотой около 3 метров находятся на левом берегу р. Аккойтас, один – в горах Кокчетау.

Группа менгиров находится в долине р. Сартабан. Самый крупный менгир № 6 саблевидной формы расположен в северо-восточном конце вереницы. Это – стилизованное изображение барана со слегка намеченным курдюком и мордой, обращенной в небо. Высота менгира ~ 4 м, размеры в сечении 65х20 см. В противоположном конце находится менгир №5 в виде четырехгранного столба высотой 3,5 м и размерами в сечении

25х21 см, рядом с ним высокий менгир №4 прямоугольной формы высотой четыре метра с размерами в сечении 40х15 см. В двух последних менгирах просматривается стилизованное изображение коня с тонкой шеей, постепенно переходящей в туловище. У остальных трех менгиров верхняя часть отбита. Около менгиров прослеживаются остатки жилища и фундамент большого круглого каменного очага диаметром до 5 м. Его центральная часть заросла травой и кустарником. На дне очага обнаружены толстый слой золы мощностью до 30 см и кости животных. По-видимому, очаг имел только ритуальное значение.

Монуменальностью отличается группа менгиров Аксай I, расположенная в долине р. Аксай, правого притока р. Атасу, возле старой зимовки Тельжана, в 15 км к северо-востоку от центральной усадьбы совхоза «Актау» Жанааркинского района, в 18 км к западу от группы Сартабан и в 70 км к востоку от рудника Каражал (рис. 185). Менгиры расположены полукругом в направлении с юго-запада на северо-восток. Все три менгира обработаны в форме четырехгранника с квадратным контуром в сечении. Менгир №1 в северо-восточном конце цепочки отличается зооморфной формой, схематически изображающей барана с поднятой вверх головой. Высота менгира 2,9 м, размеры в сечении 35х25 см. Менгир №2, стоящий посредине, имеет высоту 1,6 м, размеры в сечении 16х26 см. Высота менгира №3 – 3,14 м, размеры в сечении 30х24 см.

В 600 метрах севернее группы Аксай I, в глубине широкой равнины находятся менгиры Аксай II (рис. 186). Это два тщательно обработанных менгира четырехгранной формы с изображением силуэтов барана и коня, головы которых обращены вверх. Менгир №1 своим массивным концом смотрит вверх. Высота его 1,8 м, размеры в сечении 38х34 см. Менгир №2 имеет высоту 3,8 м, размеры в сечении 40х36 см и представляет собой схематическое изображение коня.

Атасуские менгиры со стилизованным изображением фигур барана и коня, мордой обращенных к небу, вместе с другими памятниками эпохи бронзы этого района составляют западную границу мегалитов.

Одну из разновидностей менгиров Центрального Казахстана составляют уплощенные четырехгранные стелы с полукруглым завершением.

Менгиры с полукруглой верхней частью появляются в самом конце эпохи бронзы при переходе к железному веку. Они часто встречаются в Каркаралинской степи около древних рудников и поселений, в частности, в горах Темирши, Кент, Кызыл-Арай. Менгиры в виде уплощенной стелы с полукруглым завершением встречаются в горах Бугулы, Котыр-Кзылтау, Каражал. Большинство из них в последнее время уничтожено.

Циклопических размеров менгиры находятся в урочище Колденен, в 28 км к северу от некрополя Бегазы, на территории совхоза Кызыл-Арай Актогайского района. В группе десять менгиров, и все, за исключением одного, огромных размеров. Они тянутся цепочкой, состоящей из трех звеньев, между которыми имеются разрывы. По внешним очертаниям это плоские гранитные плиты, высотой 3-4 м, шириной 1,5-3 м с закругленной верхней частью.

К типу округлых скульптур близки «бараньи камни» в долине р. Шумек Агадырского района (рис. 183,3), а также на левом берегу р.Кенгир, недалеко от мавзолея Джучи-хана. Группа «бараньих камней» находится в долине р. Акбастау, на территории совхоза «Бесоба» Каркаралинского района (рис. 188)

К западу от Баянаульских гор, в 6 км к северо-востоку от пос. Керней Ульяновского района Карагандинской области стоит менгир, который местные жители называют «серектас» или «калпактас». Установлен он массивным концом вверх. Форма менгира символизирует фаллический культ, связанный с обожествлением органов размножения.

Массивный менгир с полукруглой верхней частью находится в долине р. Былкылдак, на территории совхоза «Кзыл-Арай» Актогайского района. Высота менгира 2,3 м, размеры в сечении 50x22 см. Он стоит у каменной выкладки, имевшей обрядовое значение. Подобные менгиры есть на левом берегу р. Акбастау, на территории совхоза «Бесоба» Каркаралинского района, недалеко от древних рудников Атабай и Адиль.

Массивный менгир с полукруглым верхом находится в Жанааркинском районе, в восточном предгорье Актау (Сымтас), недалеко от левого берега р. Талды-Манака. Он стоит у кургана-ограды – памятника эпохи поздней бронзы. Высота менгира 3,5 м, размеры в сечении 50x20 см. Из актауской группы менгиров примечателен еще один, стоящий в долине р.Манака, в урочище Мечеть, на территории совхоза Кызылтау Жанааркинского района.

В группах «Канаттас», расположенных на левом берегу р.Нуртай по три плоских менгира (рис. 181), из которых два имеют полукруглое завершение, третий – в виде стилизованного изображения контура головы барана и передней части корпуса. Высота менгиров 1,2-1,3 м, диаметр в сечении 80-90x18-22 см.

В группе «Койшоқы» было около двадцати изваяний, до нас дошли двенадцать, остальные разрушены. В первоначальном положении сохранились головные изваяния и некоторые в центре вереницы (№№1, 7, 8, 9). Все они имеют саблевидную форму. Самое крупное изваяние №1 стоит в западном конце цепочки. Изготовлено оно из розового гранита, выходы которого находятся рядом, у подножия горы Кызылтау. Изваяние представляет схематическое изображение барана с некоторым округлением спины и головы. По бокам ясно очерчены большие рога и глаза животного, углублением намечена граница между шеей и головой. Высота изваяния 1,6 м, размеры в сечении 40x18 см, длина головы 35 см, диаметр роговой спирали 20 см. Массивностью отличается и изваяние №2, изображающее барана с мощным корпусом и курдюком в виде бугра. Общий контур фигуры передан в круглой манере. Высота изваяния 3 м, ширина 44-46 см, толщина 13 см. Изваяния №№ 4, 6, 7, 8, 10,11, имея сходство форм с предыдущими, отличаются друг от друга размерами. Подобные изваяния встречаются в группах Сартабан, Аксай, Аккойтас, в предгорьях Кызыл-Арай (рис. 182), т.е. на обширном пространстве от р. Атасу до Чингизского хребта.

Каменные изваяния барана в форме круглой скульптуры встречаются довольно редко. Г.Ф. Миллер в своей работе, посвященной разбору памятников Семипалатинского Прииртышья, дает описание двух каменных изваяний – барана и медведя, обнаруженных им в Калбинских горах³.

Многочисленная группа каменных изваяний барана находится в урочище Койшоки, у юго-западного подножия горы Кызылтау, в 25 км к северу от верхней долины р. Атасу, на территории совхоза «Актау» Жанааркинского района. В эпоху бронзы в этом месте, несомненно, совершались ритуальные обряды. «Бараньи камни» расставлены вереницей, протянувшейся с северо-востока на юго-запад почти на 250 м. Животные мордами обращены на юг и юго-восток. Наиболее крупные изваяния стоят в юго-западном конце, в головной части вереницы.

В группе Койшоки один из менгиров представляет собой довольно реалистическое изображение барана. Это круглая скульптура барана из огромного куска гранита, где точно переданы осанка барана, голова с могучими рогами, сгорбленная спина и нависающий курдюк. Высота изваяния 2,3 м, размеры в сечении 60x18 см.

Подобное каменное изваяние барана обнаружено и в урочище Темирастау, у северо-западного подножия горы Корпетау, недалеко от большой группы менгиров. У изваяния отбита голова. О том, что это изваяние барана свидетельствует округлый, несколько сгорбленный хребет с выразительно нависающим курдюком.

Одно из изваяний барана обнаружено в горах Бугулы Шетского района, близ поселения Бугулы II (рис. 189). Оно стоит у восточной стены большой ограды и лицом обращено на юго-запад. Изваяние вытесано из крупной глыбы мелкозернистого гранита в форме круглой скульптуры. От спиральных рогов сохранились лишь слабые следы. Высота изваяния 1,5 м, ширина 42 см, толщина 20 см. По форме оно аналогично скульптуре барана из Темирастау и каменному изваянию №3 из группы Койшоки. Скульптура барана, подобная изваяниям Койшоки, стоит на левом берегу р. Кенгир, около мавзолея Домбаул, в 46 км к северу от г. Джекзакгана (рис. 190). Изваяние из мелкозернистого серого гранита с тщательно выполненными круглой головой, шей, большими рогами в виде спиральных кругов. Высота изваяния около одного метра, размеры в сечении 28-22 см. Изваяние мордой обращено на юг, оно стоит у каменной выкладки прямоугольного плана.

В группе Койшоки выделяется стела, сделанная из местного розового гранита. Она отличается от саблевидных стел более вытянутой формой, тонкой верхней частью и утолщенной нижней половиной. Хорошо просматривается стилизованно переданный силуэт коня. В изображении головы коня схематично намечены морда, уши в виде треугольника, угол подбородка, тонкая шея, небольшой бугор на месте холки. Особенность изваяния составляет поза коня, мордой устремленного вверх. Высота изваяния 3,2 м, размеры в сечении 42 x 20 см.

Из бугульских изваяний особой интерес представляет каменная скульптура медведя, стоящая на плоском холме у восточного подножия горы Бугулы, вблизи фермы Кенжебай совхоза Нуратаалды Шетского района (рис. 191). Изваяние сделано из диорита, имеет высоту 1,5 м, размеры в сечении 48x28 см. Ясно переданы характерные черты животного: его гигантская фигура, мощный хребет. Весьма выразительно выглядит шея, мощная голова с заостренными ушами и характерной мордой, чуть приподнятой кверху.

К интересным находкам недавнего времени, относится скульптурная голова верблюда (рис. 192), найденная художником А. Мусатаевым в урочище Биданк, на правом берегу р. Кусак. Урочище находится в 40 км на юго-восток от некрополя Бегазы. Голова сделана из пагодита буро-зеленоватого цвета, выходы которого находятся в 20 км к северо-западу от урочища Биданк, в долине р. Казангап, правого притока р. Кусак. По цвету и текстуре этот камень очень похож на каменный пестик с головой человека, который хранится в Эрмитаже (инв. № 1645/1).

В скульптуре из Биданка прослеживаются элементы традиций, основанных на геометрической стилизации тела животного. Голова верблюда передана в виде конуса. Но уже в реалистической манере разработаны выпуклый лоб, заостренные уши, хорошо подчеркнут угол подбородка, рельефно показаны глаза, веки и нос, что характерно для периода поздней бронзы и особенно для раннескифского времени. Скульптура очень похожа на изображение головы верблюда (неизвестного происхождения), которое хранится в Омском музее и описана В.И. Мошинской⁴. По определению

П.Л.Драверта, кварцевый песчаник, из которого сделана голова верблюда, происходит из Северо-Восточного Казахстана.

Район, где найдена скульптурная голова верблюда, замечателен тем, что здесь в горах Калактас находятся залежи минералов каолина и агальмитолита (пагодита), которые легко поддаются обработке. Казахи агальмитолит называют калактас и калытас. У юго-восточного подножия горы Калактас находилось каменное изваяние девушки «Кызтас» из белоснежного пагодита⁵.

Как отмечено выше, в Центральном Казахстане встречаются два типа скульптурных изображений животных. Первый тип передает изображения животных в стилизованной форме, в виде острого треугольника – манера, восходящая к ранним традициям культуры бронзы. Саблевидные стелы со стилизованным изображением головы животных (барана, коня, верблюда) находятся в местностях Аккойтас, Сартабан, Аксай, Койшоки и др.

Второй тип скульптур отличается вполне реалистическим изображением фигур животных с относительно подробной передачей их характерных черт, о чем свидетельствуют скульптуры баранов из Койшоки, барана и медведя из Бутулы, Темирастау, голова верблюда из района Кыл-Арай. Подобные сибирские каменные изваяния описаны М.П. Грязновым, Е.Р. Шнейдером и С.В. Киселевым⁶. Они считают их характерными для карасукского времени. С.В. Киселев утверждал, что каменные изваяния барана типичны только для Абаканской степи, «вне пределов Минусинской котловины такие изваяния не встречаются нигде»⁷. В основном соглашаясь с С.В.Киселевым, Л.Р.Кызласов проводит несколько иную точку зрения, что развитие карасукского искусства могло базироваться на древней андроновской основе, что логически совершенно верно. При этом замысловатые рисунки на карасукских стелах по характеру связаны с древнешаманским культом и могли возникнуть несколько позже, чем стелы с «характерной саблевидной, заостряющейся сверху формой»⁸. Саблевидные стелы Центрального Казахстана отличаются от минусинских тем, что свободны от дополнительных изображений и рисунков в виде антропоморфных символов.

Каменная скульптура Центрального Казахстана совершенно самобытна. Это искусство развивалось последовательно от изображения животных в стилизованной форме до вполне реалистического в бегазы-даидыбаевское время и в эпоху ранних кочевников.

Наиболее ранняя форма каменных изваяний человека открыта геологом Д.Х. Хайрутдиновым в Северном Прибалхашье в горах Итмурынды, вблизи большого андроновского некрополя, расположенного недалеко от древнего рудника Тесиктас и в 65 км к западу от рудника Саяк⁹. В группе было пять изваяний различной степени обработки, стоявших вереницей в меридиональном направлении, лицом обращенные на юг. Наиболее крупное из них находилось в южном конце вереницы. Оно было сделано в виде четырехгранного конуса высотой 95 см, размеры в поперечном сечении 30x28 см. Лицо человека обозначено в виде овала с условными точками, которыми помечены места глаз, носа и рта. М.П.Грязнов и В.Н. Мошинская отмечают, что такая условность изображения человеческого лица характерна для андроновского времени.

Одно из самых древних изображений головы человека на огромном гранитном валуне находится в долине р.Тасшоқы-озен, недалеко от грота Тесиктас. Камень с изображением человека был найден также в Северо-Казахстанской области, недалеко от р.Ишим.

Известны небольшие каменные скульптуры с изображением головы человека и животных. На этапе поздней бронзы появились каменные песты, жезлы, гладилки со скульптурами в виде фаллической, антропоморфной и зооморфной стилизации. Наиболее ранние из них скульптуры козла и кабана, обнаруженные в кургане Мырзашоқы, скульптура головы кабана из кургана Нурмамбет, головы верблюда из Биданка, Итмурынды и др., каменный жезл с головой коня, хранящийся в Семипалатинском музее, другой каменный жезл с головой коня, найденный недалеко от села Бухтарма Восточно-Казахстанской области, хранится в археологическом музее Томского университета, с берегов Иртыша происходит скульптура головы коня из талькового сланца, хранится

в Омском музее. В.П.Никитиным в XIX веке в Каркаралинском уезде был найден каменный пест со скульптурным изображением головы человека и передан в Эрмитаж, из поселения Акколь происходит каменная гладилка с изображением лица человека, хранящаяся в Центральном музее Казахстана.

Материалы настоящей главы рисуют нам картину многопланового и не во всем ясного мира идеологических представлений, религиозных обрядов, связанных с языческими культурами древности. Рудожопы и металлурги, скотоводы и земледельцы Центрального Казахстана, оставившие эти монументальные памятники, отразили в них всю гамму своего мировоззрения на природу и общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Липский А. Н. Новый вид каменного изваяния из Южной Сибири. КСИИМК, 1955, № 59. С. 160, рис. 71.
2. Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunst und Malerei. Helsinki, 1931. Рис. 130.
3. Miller G. Observations historicae, 1735. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 46, оп. 1888, д. 46, л. 64.
4. Мошинская В.И. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья. КСИИМК, XLIII, 1952. С.45-54.
5. Наконник Н.И. Охотники за камнями. Л., 1966. С.168-169.
6. Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929; Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА. 1950, XII. С. 131. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. С.160-172.
7. Киселев С.В. Указ. соч. С. 166.
8. Кызласов Л.Р. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии. КСИИМК, 1956, вып. 63. С. 20-21.
9. Хайрутдинов Д.Х. Древние каменные изваяния в Северном Прибалхашье. Вестник АН КазССР, 1960, № 4. С.8.

ГЛАВА 4 ИСКУССТВО ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

На протяжении всей эпохи бронзы шел сложный процесс развития культуры, объединившей многочисленные этнически родственные между собой степные племена. Апогей в развитии культуры бронзы в Центральном Казахстане наступает в эпоху поздней бронзы. На основе развития горного дела, металлургии и пастушеского скотоводства происходит небывалый прогресс в строительном и каменотесном деле, в искусстве обработки металла и керамическом производстве. Это было связано с тем, что «медь и олово, а также выплавляемая из них бронза ... давала пригодные орудия и оружие...»¹.

С появлением более совершенных, чем каменные, орудий человек получил возможность тонко обрабатывать дерево, камень, кость, металл, т. е. развивать яркое самобытное искусство. В домашних ремеслах широко использовались бронзовые топоры, кельты, вислобушные шоты, тесла, долота, сверла и другие орудия.

Памятники каменной архитектуры, предметы керамического производства и других домашних ремесел свидетельствуют о глубоких изменениях, происшедших в эпоху бронзы в жизни степных племен Центрального Казахстана, явившихся творцами великой культуры эпохи бронзы.

Строительное искусство

Коренные изменения в жизни племен, обитавших на территории современного Казахстана, вызванные переходом от каменных орудий к металлическим и от первобытной охоты к новым формам хозяйственной деятельности, произошли в начале второго тысячелетия до нашей эры. Эти успехи были обусловлены одомашниванием животных и разведением скота, освоением металлургии меди, развитием мотыжного земледелия. Появление металлических инструментов позволило человеку более эффективно обрабатывать дерево и камень.

Переход к новым формам производства вызвал накопление новых хозяйственных и культурных навыков, расширил кругозор человека, явился толчком к появлению искусственных жилищ и тем самым зарождению строительного дела. Все это стало возможным благодаря появлению металлургии меди и олова, получившей широкое развитие в Казахстане во втором тысячелетии до н.э.

В эпоху поздней бронзы строительное дело достигло необычайно высокого уровня. Об этом можно судить по исследованным сооружениям жилищ, монументальным надгробным памятникам, а также гидротехническим устройствам, плотинам.

Многолетними исследованиями выявлены остатки около ста древних поселений, в основной массе расположенных на территории Карагандинской, Джезказганской, Акмолинской, Павлодарской и Кокчетавской областей.

Во всех поселениях Центрального Казахстана планировка жилых строений однотипна. Это, в основном, сооружения квадратной и прямоугольной форм, опущенные в грунт на 30–40 см. Особенно внушительны остатки жилых строений в поселениях Атасу, Бугулы I, II, Аккезен, Бекберген (в горах Темирши), Тагибай-булак. Построенные из крупных валунов гранита или песчаника, они похожи на стены крепостных сооружений, отличающиеся большой толщиной и незыблемостью. Так, в поселении Атасу толщина каменных стен жилищ отмечена в пределах 1,4–1,8 м, в поселениях Бугулы I и II – 1,5–2 м, в Тагибай-булаке – 1,5–1,8 м, в Аккезен – 1,4–1,7 м. Аналогии этим жилым бастионам из других областей распространений бронзовой культуры неизвестны. Такие мощные стены характерны для жилых и погребальных сооружений эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана.

В более ранние эпохи условия суровой зимы заставляли древних жителей Центрального Казахстана погружать жилища в землю, обкладывать стены дерном или засыпать землей в виде бруствера. Каменные стены стали появляться в эпоху ранней бронзы. С атасуского этапа (средняя бронза) каменные конструкции в строительном деле начинают играть ведущую роль. Этому благоприятствовало обилие камня на территории Центрального Казахстана. В качестве строительного материала в это время

использовались гранит, диорит, песчаник, мергель, порфирит, сланцы, туф и др.

С конца средней и в эпоху поздней бронзы получают развитие два типа сооружений каменных конструкций. Первый, восходящий к более раннему времени, состоял в возведении стен из крупных каменных плит и валунов гранита или песчаника, вертикально вкопанных в землю. Мощные каменные стены атасуских, бугулинских, тагибайбулакских и других жилищ, а также монументальные стены мавзолеев Аксу-Аюлы II, Бегазы, Бугулы III и др. возведены таким способом.

Безусловным достижением строительного дела в эпоху бронзы являются каменные конструкции из двух рядов горизонтальной кладки гранитных плит с заполнением внутреннего полого пространства щебнем и глиняным раствором. Для второго типа конструкций подбирались каменные блоки, приближающиеся к прямоугольной форме, благодаря этому стены имеют вид ровных рядов.

Достижения строительного искусства эпохи бронзы особенно ярко представлены в надгробных памятниках. Благодаря тому, что усыпальницы находились под курганной насыпью, они до наших дней дошли хорошо сохранившимися. Структура этих грандиозных сооружений имеет много общего со структурой жилищ того времени (рис. 193).

Одну из многочисленных и ранних групп усыпальниц Центрального Казахстана составляют цисты – строения в плане квадратной или прямоугольной форм, сложенных горизонтальной кладкой из тонких сланцевых плит на глине (рис. 194). На поверхности земли вокруг них идут кольцевые выкладки диаметром до 7–8 м и небольшая насыпь высотой до 30 см. Сдвоенные и строенные кольцевые выкладки вписаны одна в другую. На переходном этапе от андрона к бегазы-дандыбаевскому времени цисты увеличиваются в размерах, а кольцевые выкладки заменяются мощными прямоугольными или квадратными оградками из плоских каменных плит, вертикально вкопанными в землю (рис. 195). К переходному этапу или раннебегазинскому времени относятся гробницы Аксу-Аюлы II и Ортау II (XIII–XI вв. до н. э.).

Гробница Аксу-Аюлы II обнаружена под толщей курганной насыпи, достигающей в диаметре 30 м, высотой около 2 м и представляет собой подквадратное сооружение с закруглениями на углах. Оно обведено двойными каменными стенами, пространством между которыми шириной около 2 м служило обходным коридором. Стены в свою очередь заключены во внешнюю кольцевую ограду, сложенную из больших гранитных плит, установленных на ребро. Диаметр внешней кольцевой ограды 24,5 м, высота вертикально стоящих плит от 1,2 до 1,6 м. Внутренние стены выложены методом горизонтальной кладки из плоских и удлиненных каменных блоков, уложенных в два ряда прямо на грунт. Кладка из удлиненных блоков осуществлялась сквозными «тычками», которые через один-два ряда чередуются с камнями, положенными «в ложок». Так создается полная перевязка. От перекрытия сооружения сохранились лишь следы в виде толстых обгорелых слоев древесины. Это позволяет заключить, что кровля состояла из бревенчатой рамы.

Сооружения с двойными, тройными стенами под курганной насыпью, подобные Аксу-Аюлы II и Ортау II, представляют собой трансформацию ранних кольцевых оград и в своей массе относятся к памятникам конца средней – начала поздней бронзы, т.е. к раннебегазинскому времени (XIII–XI вв. до н. э.).

Высшего расцвета каменная архитектура достигает в бегазы-дандыбаевское время. Мегалитические постройки этого времени поражают своими размерами и архитектурной композицией. Мавзолей Бегазы 1 и 2, каменные усыпальницы Бугулы III, Сангру I, Айбас-Дарасы представляют классические образцы древнего строительного искусства и являются продуктом могучей цивилизации, появившейся и развившейся в Центральном Казахстане в эпоху средней и поздней бронзы.

Совершенно особую группу архитектурных памятников, возникших в эпоху поздней бронзы (X–VIII вв. до н. э.), составляют мавзолей Бегазы. Из семи бегазинских сооружений мавзолей 1 и 2 возведены из огромных глыб гранита и имеют много общего с мавзолеями Аксу-Аюлы II, Бугулы III, Сангру I, Айбас-Дарасы, Аккойтас и др. На фоне сходства планов и конструкции стен,

выполненных горизонтальной кладкой из длинных каменных блоков, своеобразие бегазинских мавзолеев заключается в том, что поверх кладки они имеют мощную облицовку из огромных гранитных плит, установленных на ребро.

Во всех сооружениях Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы кладка осуществлялась в два ряда из горизонтально положенных гранитных плит с заполнением внутреннего полого пространства осколками камней, смешанными с глиной. При этом толщина стен в бегазинских мавзолеях 1и2 была 1,6-1,7 м, в сооружении Бугулы III -1,5 м, в Сангру I -1,0-1,5 м.

Характерную черту каменных сооружений бегазы-дандыбаевского времени составляют опорные каменные столбы, на которых покоилось перекрытие. Устойчивость стен повышали многочисленные каменные подпорки. Ими укреплялись стыки вертикальных облицовочных плит и слабые места в кладке стен. Для устойчивости стен применялась также простейшая форма контрфорса, выполнявшегося способом горизонтальной кладки из камней.

По своему устройству и назначению каменные опорные столбы в надгробных сооружениях подобны опорным каменным и деревянным столбам в жилищах эпохи бронзы и представляют собой слегка обработанные каменные столбы квадратного или прямоугольного сечений. Их высота несколько больше высоты каменных стен.

Одну из характерных особенностей бегазинских усыпальниц составляет длинный коридор, ведущий к входу. Вход находится на восточной стороне и обозначен двумя самыми крупными плитами в сооружении.

Алтарь в мавзолеях был местом поклонения огню и жертвоприношений. Об этом свидетельствуют следы жертвенных кострищ и большие скопления костей животных.

В эпоху поздней бронзы при сооружении жилищ применялось также и дерево. Сооружение архитектурно выдержанных деревянных конструкций связано с появлением острых металлических инструментов - плоских топоров, тесел, долот, сверл и др. С помощью металлических инструментов древний мастер осуществлял рубку деревьев, обтесывал их, производил сверление

и подгонку сопрягаемых элементов. Дерево использовалось в виде бревен, плах, жердей. Об этом свидетельствуют остатки срубных жилищ в поселениях Шортанды-булак и Суук-булак (Жаркаралы III) (рис. 196).

При раскопках поселения Шортанды-булак на дне жилища 14 были обнаружены истлевшие остатки срубных стен и следы от опорных столбов, которыми поддерживалась кровля помещения. Жилище имело прямоугольные очертания и входной коридор. Следы деревянных конструкций прослежены в поселениях Жаркаралы II и III (Суук-булак). В джезказганских поселениях отмечены следы глинобитных стен.

Одним из аспектов строительного дела в эпоху бронзы были ирригационные сооружения. В хозяйственной жизни древних скотоводов и металлургов жизненно важную роль имело сооружение плотин, проведение оросительных каналов и т.д. Идея орошения полей была обусловлена хозяйственным использованием полупустынь Центрального Казахстана, где сосредоточены залежи медной и оловянной руд, где находились огромные массивы пастбищ, в эпоху поздней бронзы ставшие базой для развития скотоводства.

Основная масса древних плотин, запруд и колодцев встречается в южной части Центрального Казахстана, прилегающих к пустыне Бетпакадала. В одном Джезказгане сохранились остатки сотен плотин и колодцев, обложенных камнями, относящихся к эпохе поздней бронзы. Плотины и запруды на руслах, пересыхающих в летнее время речках, в древних плавильных центрах были необходимы для мокрой флотации медной руды.

Плотины сооружались из крупных гранитных плит, установленных на ребро. Ими ограждались глубокие сан, лога, ущелья, русла небольших рек, питающихся трещинными водами. В основании плотин делали водоспуск в виде прямоугольного отверстия, высотой от 40 до 80 см, шириной - 20 - 30 см.

Памятники бегазы-дандыбаевского времени встречаются в Центральном Казахстане почти повсеместно и являются заключительным звеном в цепи архитектурных памятников эпохи бронзы.

К достижениям строительного дела рассматриваемой эпохи следует, прежде всего, отнести решение объемно-пространственных задач, реализацию идеи опор с помощью вертикальных каменных и деревянных столбов, решение конструкции кровли в виде пирамидально-ступенчатого перекрытия, использование огромных каменных плит при сооружении мегалитов.

Исследование большой серии архитектурных памятников эпохи поздней бронзы показывает, как древние строители Центрального Казахстана совершенствовали свое искусство, обогащая его новыми идеями. Древние мастера познали пластические свойства глины, строительные качества камня и дерева, что обусловило появление разнообразных форм построек и, прежде всего, создание мощных и устойчивых каменных сооружений. Мощное развитие строительного дела, доведение его до высот искусства происходит в Центральном Казахстане на позднем этапе эпохи бронзы.

Каменотесное искусство

Традиции каменотесного дела восходят к неолиту. К эпохе бронзы человек подошел с тысячелетней практикой работы над камнем. Обработывая куски кварца, халцедона, опала, яшмы, делая из них орудия крупных, средних и небольших размеров, человек познавал свойства камня. В эпоху бронзы с появлением металлических орудий каменотесное дело продолжало развиваться и совершенствоваться.

Искусство обработки камня в эту эпоху наиболее отчетливо предстает в каменных менирах, представляющих первоначальный опыт воспроизведения облика людей и животных, в хорошо отесанных и отшлифованных каменных орудиях рациональной формы. Особенно выделяются горные рудодробильные орудия – каменные песты, молотки, терочки, ступки, тщательно обработанные метательные каменные шарики для пращи круглой и яйцевидной форм с вырезанным на узком конце желобком для привязывания ремешка петельки.

Метательные шарики были эффективным оружием древних воинов и охотников. Отсюда вполне понятно, что они приобрели сакральное значение и становились талисманом, подобно тому,

как некоторые предметы вооружения казахских батыров были объектом почитания. Метательные каменные шарики были найдены при раскопках могильника Досан на территории совхоза «Бесоба» Каркаралинского района, в поселениях Шортандыбулак и Каракаралы II и др. Нередко шарики были с рельефным изображением солярного круга, что говорит об их значении в качестве талисмана.

Другой вид миниатюрных круглых камешек, хорошо отшлифованных и часто лощенных, предназначался для игры. Отсутствие отверстий и желобков свидетельствует о том, что они не были элементом украшений.

Каменные шарики яйцевидной и круглой форм часто обнаруживаются в культурных слоях поселений, что говорит об их тесной связи с первобытным бытом и боевыми традициями древних жителей Центрального Казахстана (рис. 197).

В предыдущей главе были подробно рассмотрены памятники камнерезного искусства – мениры и самые ранние антропоморфные скульптуры. В эпоху поздней бронзы наряду с монументальными видами камнерезного искусства появляются небольшие каменные скульптурки – жезлы, песты с головой верблюда, коня. Каменная гладилка, на которой высечено лицо монголоида с широким лбом, узкими глазами, плоским треугольным носом найдена в поселении Акколь (рис. 198) хранится в Центральном музее КазССР.

Художественная обработка металла

Одним из основных ремесел в среде племен Центрального Казахстана эпохи бронзы была обработка металла. Эта отрасль производства развивалась на основе применения техникиковки, чеканки, тиснения и искусства литья. Бронзовые предметы обнаружены в Центральном Казахстане в обилии и повсеместно. Они представлены в виде орудий труда, предметов обихода и украшений.

Следует отметить, что кузнечный способ обработки металла был изначальным и характерным для всех этапов эпохи бронзы Центрального Казахстана. Наиболее ранняя техникаковки, тиснения и литья представлена в бронзовых изделиях, найденных в

могильниках Акшатау, Бугулы I и Акмола. К ним относятся медные круглые бусы крупных размеров (Акшатау), литое бронзовое зеркало (Бугулы I), нашивные бляшки с тисненным (пуансон) орнаментом (Акмола) (рис. 201, 202). Все эти предметы относятся к ранней бронзе (нуринский этап).

В периоды средней (атасуский этап) и особенно поздней бронзы (бегазы-дандыбаевская культура) значительно увеличивается число производимых металлических изделий и повышается их качество. Это отчетливо проявляется в образцах вислообушных топоров из древних рудников Аркат-Альжан в Чингизских горах², из окрестностей Семипалатинска³, Центрального Казахстана (Киргизская степь)⁴, Баянаула⁵, Калбинского хребта⁶, Марка-Куля⁷, Курчумского Алтая⁸ и т. д. К произведениям искусства относятся роскошно орнаментированные геометрическим узором кельты из Калбинского хребта и Курчумского Алтая⁹, Майкапчагай (Зайсанский район)¹⁰.

Для украшения кинжалов, ножей, наконечников стрел и копий, боевых чеканов и т. д. применялись различные изобразительные средства. Это либо скульптурные изображения животных, либо орнаментация в виде геометрических фигур (ромбов, треугольников, колец). Большую художественную ценность представляет нож, случайно найденный в долине р. Жумба Самарского района Восточно-Казахстанской области и ныне хранящийся в Иркутском музее¹¹. Нож примечателен художественным изображением на навершии стилизованных фигур животных. Образцами древнего искусства предстают бронзовый нож из Курчумского Алтая¹² (хранится в ГИМе), ножи из поселений Каркаралы I, II, массивные бронзовые ножи, найденные в древних рудниках Акжала (Семипалатинская область), Калбинского и Нарымского хребтов¹³, Бестобе, Степняка и Аксу.

Большую группу составляют ножи с ажурными и прорезными рукоятками и кольцевым навершием¹⁴. Серия этих ножей была показана на выставке в одном из аулов Каркаралинского округа в 1868 г.

Изобразительные мотивы в виде шипов, эфесов, кольцевых и круглых наверший (копачков) присутствуют и на кинжалах.

Изящны и оригинальны бронзовые наконечники стрел, найденные во множестве в разных местах Центрального Казахстана (рис. 203).

В конце II тысячелетия до н. э. здесь изготавливались два типа бронзовых наконечников стрел: втульчатые и черешковые двухперой формы. Они отличаются строго традиционной формой.

В бегазы-дандыбаевское время (X–VIII вв. до н. э.) формы бронзовых наконечников стрел становятся разнообразнее. Для втульчато-двухперых наконечников стрел этого времени характерно наличие шипов, для черешковых двухперых стрел – трехлопастная форма (Бегазы, Алапаул). Некоторые бронзовые наконечники украшены орнаментом. Так, плоскость пера миниатюрного наконечника стрелы из Саягу III покрыта орнаментом из заштрихованных треугольников.

Искусство художественной обработки металла с особенной выразительностью выступает в ювелирных изделиях. Судя по ним, в эпоху поздней бронзы среди жителей поселений Центрального Казахстана были превосходные мастера. Характерно, что медные украшения эпохи ранней бронзы отличаются более крупными размерами. Например, сечение бронзовых бусин из групп Акмола, Акшатау и Бугулы I не менее 1 см, тогда как диаметр бусин атасуского этапа не превышает 5–6 мм. Другую характерную черту бронзовых украшений ранней бронзы Центрального Казахстана составляет яркая декоративная орнаментация, выполненная способом выдавливания изнутри и появлением рядов мелких ямок и их комбинаций.

Начиная с атасуского этапа, художественная обработка металла становится совершеннее. Бронзовые украшения характеризуются законченностью форм и тщательностью выполнения отдельных деталей. На смену декоративной, яркой орнаментации приходит пластика, выразительность геометрических фигур. Об этом свидетельствуют многочисленные нашивные украшения в виде бляшек круглой, полукруглой, овальной, прямоугольной, квадратной, треугольной и других форм. Бляшки нередко орнаментированы традиционным пуансоном, рифлением, гофрировкой и т. д. (рис. 202)

Из фигурных бляшек особенно интересны лапчатые привески. На территории Центрального и Северо-Восточного Казахстана

обнаружено 9 лапчатых привесок. В могильнике Акмола (Павлодарское Прииртышье) найдена самая ранняя, шестипалая привеска с ярким геометрическим узором, относящаяся к нуринскому этапу. Близкая к ней по узору четырехпалая привеска найдена в Малом Койтасе, еще одна трехпалая — в Мырзашоки. По орнаментации к ним близки лапчатые привески из Былкылдака III, Аксу-Аюлы и Баиштын-Карашоқысы (верховье р. Токраун). Кроме привесок из Акмола и Мырзашоки, остальные относятся к атасускому этапу (XVI–XIV вв. до н. э.).

Большую художественную ценность представляют круглые нашивные бляхи с гофрированным орнаментом, выполненным способом тиснения на штампе-матрице (рис. 204). Всего найдено 9 блях, из них две более ранние, гладкие, без орнамента найдены в группе Мырзашоки (близ г. Каркаралинска), три — в комплексе Былкылдак I, III, одна — в Айшраке и три — в Алексеевском поселении. За исключением блях из Мырзашоки, в орнаментальном сюжете остальных господствует влияние соллярно-астрального культа. Символ солнца в виде концентрического круга с расходящимися лучами изображен на бляхах из Былкылдака I и Алексеевского поселения. На бляхе из Айшрака изображены концентрические круги со звездой. Несомненно, эти бляхи, нашивные на одежду, служили талисманом.

Большое мастерство древние ювелиры проявляли при изготовлении литых бронзовых бус в виде пронизок для ожерелий, служивших основным украшением женщины. На территории Центрального Казахстана бронзовых бус найдено множество. Установлено четыре их типа: биконические, боченовидные, круглые, свернутые из медной проволоки и их двоянные варианты. Кроме медных, во множестве обнаружены стекловидные, пастовые (аргиллитовые) и из цветных камней (опала, халцедона, змеевика и др.). Бусы из цветных камней составляют самобытную черту украшений женщин Центрального Казахстана бегазы-ландыбаевского времени. В тонкой манере сделаны бронзовые пронизки в форме цилиндра и ромба, сплошь покрытые рифлением, гофрировкой или традиционным пуансоном.

Шедевром древнего ювелирного искусства являются массивные бронзовые браслеты с конической спиралью в виде рельефных

завитков с коническим завершением, найденные в группах Сангру II (2), Айшрак (3), Беласар (4), Былкылдак (1), Алексеевском поселении (3) (рис. 205). Бронзовых пластинчатых браслетов обнаружено значительно больше. К редким предметам относятся бронзовый пинцет, найденный в группе Сангру III. Аналоги этим предметам культуры бронзы в других районах Евразия не обнаружены. Известен единственный пинцет, происходящий из древнеегипетских памятников.

В усыпальнице Сангру I обнаружена бронзовая накладка в виде четырехлепестковой (крестообразной) розетки с закрученными концами, представляющей собой основу орнамента, получившего широкое распространение в быту ранних кочевников Казахстана, Алтая, Южной Сибири, Прикаспийской равнины и Северного Кавказа. Это одно из существеннейших звеньев, связывающих культуру ранних кочевников с культурой Бегазы.

В археологической литературе немало данных о том, что четырехлепестковая пластинка, появившаяся в бегазинское время, получает развитие в кочевом мире и становится основным орнаментальным сюжетом его декоративного искусства. Этот мотив встречается в разных вариантах и на разных материалах — на войлоке, коже, дереве, глине, металле, кости и т.д.

Розетки из четырех лепестков были доминирующим сюжетом декоративного искусства древних гуннов. Об этом свидетельствуют находки из Шибэ, Ноинулинских, Пазырыкских курганов¹⁷. Деревянные и бронзовые украшения, покрытые листовым золотом и имеющие форму четырехлепестковой розетки, найдены во втором Башадарском кургане на Алтае¹⁸.

Четырехлепестковые розетки были украшением конской упряжи. В первом Пазырыкском кургане обнаружены вырезанные из кожи фигуры четырехлепестковой розетки, нашивные на ремни седла¹⁷. Роскошное седло из пятого Пазырыкского кургана было наполовину расшито узором из четырехлепестковых розеток, по форме тождественных накладке из Сангру I¹⁹.

Крестообразная фигура из четырех лепестков стала основным украшением предметов обихода. Мы видим его на кожаном кошельке из Пазырыкского кургана 2 и на ворсовом ковре из кургана 5 («четырёхлучевая звезда»)¹⁹. Этот мотив встречается

на предметах, сопровождавших подбойные погребения с деформированными черепами²⁰.

В курганах Ноин-ула обнаружено много пластинок, разработанных в композиции четырехлепестковых розеток. Это пластинки из дерева, покрытые красным лаком и без него, по форме сходные с бронзовой пластинкой из Сангру²¹. В шестом Ноинулинском кургане обнаружены четырехлепестковые фигуры, вылитые из бронзы и служившие украшением конской упряжи²², а также настенный ковер с орнаментом двух форм. Один орнамент близок к четырехлепестковой розетке сангрусской пластинки, другой представляет собой ее вариант в развитии – с концами в виде завитков (казахский кошкар муюз). Оба орнамента занимают центральное поле большого настенного ковра.

В гунских курганах обнаружены варианты четырехлепестковой фигуры в виде квадратных нашивных бляшек, украшенных пятью выпуклостями: четыре по углам, одна в центре²³. В позднегунском искусстве появляются ажурные варианты пластинки²⁴, а также трех и пятилепестковые ее разновидности²⁵. Интересный вариант гунской пластинки с камнями на концах и в центре описан М.П.Грязновым²⁶.

Впоследствии четырехлепестковая композиция становится основным элементом орнаментального искусства кипчаков²⁷, затем казахов и киргизов. В качестве орнамента мы встречаем его на металлических, деревянных, костяных и керамических изделиях, на коврах, где четырехлепестковая розетка составляет основу композиции центрального поля.

Розетка из четырех лепестков с завитками на концах изображена на кипчакских бронзовых зеркалах, одно из которых найдено на Караобе, в долине р. М. Узень в Западном Казахстане²⁸, второе хранится в Эрмитаже. Третье зеркало было описано Г.А.Федоровым-Давыдовым, определившего розетку из четырех лепестков с завитками, как крестовидный усложненный орнамент.

В работе Г.А. Федорова-Давыдова дается анализ эволюции четырехлепестковой розетки от гуннов до кипчаков. Автор описывает около полутора десятков металлических изделий, украшенных розетками из четырех лепестков, основная масса которых принадлежит поясному набору.

Бронзовые зеркала, как неотъемлемая часть женского туалета, занимали существенное место среди бронзовых предметов. На территории Центрального Казахстана обнаружены три типа бронзовых зеркал, изготовленных в разные периоды эпохи бронзы. Наиболее ранний тип круглой формы с петелькой найден в группе Бугулы I. Второй тип зеркала квадратной формы с ясно выраженной петелькой на тыльной стороне. Одно такое зеркало найдено в Сангру I и другое – на курорте Боровое. Третий тип зеркала, более поздний, найденный в группе Досан в Каркаралинском районе, имеет круглую форму с массивной ручкой.

Происхождение бронзовых зеркал традиционно связывают с Северным Ираном и Месопотамией. Материалы исследований нашего времени убеждают в том, что памятники древнего искусства могли возникать независимо в разных регионах с развитой металлургией.

При раскопках поселений и могильников эпохи бронзы Центрального Казахстана обнаружено большое число бронзовых орудий труда, доспехов и украшений из меди, бронзы и золота, изготовленных техникой литья,ковки,чеканки и тиснения. Эти приемы обработки металла и изготовления из него различных предметов были широко распространены в эпоху поздней бронзы в Центральном и Северо-Восточном Казахстане, Южном Приуралье, на Алтае, Енисее, в Нижнем Поволжье.

Особый интерес представляют многочисленные золотые украшения, изготовленные древними ювелирами: кольца (рис. 206), золотые обоймы, служившие украшением ремennых поясов, золотые серьги (круглые, спиральные и с раструбом), ожерелье из нитки крученого золота (рис. 207), массивный золотой браслет в виде двух изогнутых полых трубочек (рис. 207).

Большое число находок бронзовых и золотых украшений свидетельствует о том, что добыча золота и меди в центральных и северо-восточных районах Казахстана носила интенсивный характер, позволяя древним умельцам совершенствовать мастерство и создавать шедевры древнего ювелирного искусства.

Косторезное дело

В эпоху поздней бронзы в Центральном Казахстане широкое развитие получает косторезное дело, бывшее неотъемлемой частью домашних ремесел (рис. 195).

Своей оригинальной формой привлекают тонко обработанные костяные псалии, найденные при раскопках поселений Атасу и Шортанды-булак. В числе первых были найдены псалии в культурном слое жилищ 4 и 21 Атауского поселения, по керамике датируемых концом средней бронзы (XIV–XIII вв. до н. э.). Псалий в жилище 4 был в виде изогнутой костяной трубочки с обломанными концами, а в жилище 21 – с тремя отверстиями. Костяной псалий с одним обломанным концом был обнаружен в поселении Шортанды-булак (рис. 198, 33). По тонкости и тщательности обработки шортандыбулацкий псалий превосходит атауские. Костяной псалий был обнаружен также в поселении Тасты-бутак (Актюбинская область)²⁹.

В большом количестве найдены мягко отполированные костяные трубочки, застежки, пронизки, бусы, нередко покрытые сплошным узором из мотивов глазчатых концентрических кружков, треугольников и ромбиков. Так, костяные застежки овальной формы с полушарными выступами на концах и с резным орнаментом из концентрических кружков найдены в Алексеевском поселении³⁰. Близкие по форме костяные застежки с круглыми выуклостями на концах и орнаментом в виде зигзагов обнаружены в мавзолее Бегазы 2, более скромный экземпляр застежек – в поселении Малая Красноярка³¹.

Для изготовления костяных пронизок или пуговиц использовались тонкие трубчатые кости птиц или мелких степных зверьков. Костяные пронизки цилиндрической формы с гофрированными боками обнаружены в мавзолее Бегазы 2 (рис. 208, 39), в группе Айшрак I, в Алексеевском поселении I, в поселении Каркаралы II. На одной из каркаралыных пронизок мы видим кружковый орнамент (рис. 208, 2). Особенно замечательны костяные пронизки в виде головы коня из Алексеевского поселения³². В этом миниатюрном изделии элементы конской головы – челка, грива и лоб изображены условными штрихами из рядов миниатюрных треугольников.

Среди костяных изделий есть футляры-игольники из трубчатых костей животных, резные накладки, пластинки и др. В поселении Шортанды-булак была обнаружена металоидия (трубчатая кость) лошади с резным орнаментом из ромбических и треугольных фигур (рис. 208, 38). Образцом косторезного искусства предстает тонкая трубочка (игольник) из трубчатой кости птицы, покрытая орнаментом из рядов концентрических кружков с точкой посередине, выполненным острым инструментом. Подобная трубочка найдена в плиточном мавзолее Бегазы 5. Аналогичный игольник, украшенный резным кружковым орнаментом, обнаружен в культурном слое жилища 1 поселения Каркаралы II.

Тонко отполированная костяная пуговица полушарной формы с петелькой на тыльной стороне найдена в культурном слое жилища 14 поселения Шортанды-булак. Из аналогий этим предметам косторезного искусства их поздние варианты обнаружены в Большереченских памятниках Верхней Оби³³.

В поселении Шортанды-булак был найден костяной циркуль с двумя острыми концами, из которых один длинный, другой короткий. Он, видимо, использовался для нанесения резного орнамента по мокрой глине, а также для измерения линий и вычерчивания кружков. Один конец костяного циркуля сделан в виде круглой ручки с тонкой выемкой для петельки. На циркуле вырезан орнамент, состоящий из рядов миниатюрных треугольников, вершины которых идут то вверх, то вниз.

Костяное острие дугообразной формы с одним заостренным, другим круглым концом для нанесения орнамента обнаружено в группе Айшрак Б. Там же был найден костяной круг-выпрямитель с широким отверстием в центре. Такие же костяные выпрямители и их заготовки найдены в комплексах Бегазы, Былкылдак, в поселении Каркаралы II (рис. 208, 21). Тщательно отполированное кольцо обнаружено в Алексеевском поселении под Кустанаем. Тонко обработанные костяные выпрямители были принадлежностью лучников, воинов и охотников.

Большой редкостью является костяной стакан цилиндрической формы с плоским дном, прямыми стенками и тщательно отполированной поверхностью. Он сделан из дистального конца

трубчатой кости крупного животного, найден в культурном слое жилища 14 поселения Шортанды-булак.

Костяные предметы с резьбой составляют исключительную особенность косторезного искусства, распространенного среди жителей поселений Центрального Казахстана в эпоху поздней бронзы. Такие предметы, как ширкуль, штамп, стакан, футляры-игельники, орнаментированные декоративным узором, обнаружены только в Центральном Казахстане.

Художественная обработка трубчатых костей животных, особенно лошади, приобретает в эпоху бронзы широкое распространение. Метаподии с хорошо подтесанной поверхностью или в виде заготовок были найдены на стоянках Джезказгана³⁴, в Садчиковском поселении³⁵, в поселениях Агасу, Каркаралы I, II, Шортанды-булак, Бугулы II. Метаподии лошади со следами обработки обнаружены в поселении Малая Красноярка³⁶, в погребениях эпохи бронзы на Кольском полуострове³⁷, на Енисее³⁸. Метаподии служили игельником или футляром для вкладывания острых предметов типа шильев, булавок, проколов, бронзовых наконечников стрел.

Наиболее искусными мастерами резьбы по кости были древние жители поселения Шортанды-булак. Основным художественным средством в украшении предметов из кости был резной орнамент из традиционных треугольных мотивов с удлиненными вершинами, напоминающими клинописные знаки, орнамент из рядов concentрических кружков с точкой посередине, а также орнамент из рядов миниатюрных треугольников, вершины которых идут то вверх, то вниз (рис. 208, 24–27).

В эпоху бронзы искусство обработки кости и резьбы по ней было одним из развитых ремесел в Центральном Казахстане, особенно в бегазы-даидыбаевское время (X–VIII вв. до н. э.). Дальнейшее развитие это искусство получило в раннесакское время (VII–VI вв. до н. э.). Находки предметов из кости, украшенных орнаментом, составляют исключительную особенность поселений Центрального Казахстана.

Керамика

О культуре эпохи бронзы Центрального Казахстана яркое представление дает керамика, достигшая своего расцвета в бегазы-даидыбаевское время. При отсутствии письменных источников с помощью керамики устанавливаются хронологические рамки исторических этапов, поскольку именно керамика лучше других предметов культуры несет на себе специфические черты производства отдельных периодов³⁹.

Подобно архитектуре разных исторических этапов, керамика каждого этапа эпохи бронзы характеризуется типологическим своеобразием с господствующими формами орнаментации и способами изготовления.

Изучение огромного керамического материала позволило выяснить характерные черты керамического искусства в Центральном Казахстане в период с конца эпохи неолита (V–IV тысячелетий до н.э.) до эпохи раннего железа. Изучение керамики с многочисленных неолитических стоянок и поселений эпохи бронзы привело к установлению хронологических рамок четырех основных исторических этапов: неолита, ранней, средней и поздней бронзы.

Самая ранняя керамика, обнаруженная в Центральном Казахстане, относится к позднему неолиту и энеолиту. Значительное число этой керамики в виде фрагментов небольших баночных сосудов ручной лепки с характерным ямочным и линейным орнаментом собрано на дюнных и речных стоянках Бетпақдалы 2⁴⁰ (стоянки Касалбайдын-табаны, Итольген, Нарольген, Тарозек, Коскудук, Шыбынды, Жаман-Айбат). Фрагменты энеолитической керамики желто-серого цвета найдены в дюнах Жеты-Конура, Карабулака и Саменикума. Керамика грубой лепки вместе с кремневым инвентарем собрана на стоянках р. Сарысу (Борыбас, Туздысай, Басуйген и т.д.).

Энеолитическая керамика в значительном количестве собрана Н.В. Валукиным на стоянках Джезказгана Милыкудук, Златоуст, Беловское, на террасовых стоянках Кресто-Север, Петрохолм⁴¹. В собранном материале доминируют фрагменты баночных сосудов с прямой стенкой и ямочным, гладким и линейным орнаментом.

Подобная керамика была собрана на энеолитических стоянках Зеленая Балка, Караганда 15, на стоянках Борыбас, Борыойнак, Кудайменде, р.Шерубай-Нура⁴², Каркаралы II, V, VI, VII⁴³.

Сравнительный анализ материалов свидетельствует о том, что энеолитическая керамика Центрального Казахстана близка к керамике дюнных поселений Тургайской степи, станции Саксаульской⁴⁴, Малый Узень⁴⁵, дюнных стоянок Иртыша⁴⁶ и Верхней Оби⁴⁷.

Наиболее яркие типы керамики ранней бронзы представлены в культуре нуринского этапа Центрального Казахстана, в памятниках Акшатау, Байбала I, Бугулы I (Шетский район), Канатгас (Актогайский район), Сангру II (р. Атасу)⁴⁸, Ботагара и Бесоба (р. Нура), Бурлук (бассейн р. Ишим)⁴⁹, Боровое⁵⁰, Акмола (Павлодарское Прииртышье)⁵¹ и т.д.

Керамика нуринского этапа представляет собой изящные сосуды с четким профилем, хорошо выраженной шейкой и красным коническим поддоном (Бугулы I, Сангру II, Бурлук I, Боровое). Боковые поверхности сосудов нередко до два покрыты роскошным ковровым орнаментом, выполненным мелко-гребенчатым или гладко-линейным штампом. Характерными мотивами орнамента керамики этого этапа являются косые заштрихованные треугольники по венчику, горизонтальные желобки, опоясывающие шейку, сложные меандры с фестонами (Бугулы I, Сангру II, Акмола, Бурлук, Боровое), зигзаги, елочки, ряды миниатюрных треугольных вдавлений, нанесенных гладкими оттисками палочки (Бугулы I, Акшатау, Сангру II, Боровое, Бурлук, Акмола) (рис. 209). Характерным элементом орнамента керамики нуринского этапа является Z-образная фигура, часто встречающаяся в керамике Акшатау, Сангру II, Борового, Бурлука, Акмола. Керамика эта самобытна, не встречается нигде, кроме Центрального, Северного и Восточного Казахстана.

Керамика поздненуринского этапа наиболее ярко представлена в памятнике Сангру II на р. Атасу. В этом регионе преобладают памятники атасуского и бегазы-дандыбаевского времени и среди них Сангру II – единственный, сохранивший черты культуры ранней бронзы, или поздненуринского этапа. Особенность керамики

Сангру II состоит в том, что в ней присутствуют промежуточные типы, свидетельствующие о начале перехода от культуры ранней бронзы к культуре средней бронзы, т.е. к атасускому этапу⁵². Наряду с горшками с четким профилем, коническим поддоном и богатым орнаментом появляются горшки промежуточного этапа, отличающиеся скромностью форм и незатейливым орнаментом, а часто и без него. Такой тип керамики присутствует в группах Байбала, Быкылдак I и Канатгас. Примечательно, что подобные промежуточные типы керамики наблюдаются при переходе от атасуского к бегазы-дандыбаевскому времени (Аксу-Аюлы II, Балакулболды, Беласар, Айшрак Б, Егизек, Ортау II, Байбала II и т.д.).

Керамика атасуского этапа (XVI—XIII вв. до н. э.) отличается от керамики ранней бронзы многообразием форм, крупной величиной и значительной емкостью⁵³. В основном, это горшки, сосуды баночной формы и котлообразные сосуды. Самые крупные из них имеют высоту 28–30 см, диаметр венчика 32–33 см, диаметр дна 12–15 см и больше; самые маленькие соответственно 12–14, 15, 7 см. Все сосуды обычно плоскодонные с выпуклыми плечиками, нередко изогнутой шейкой и кольцевым поддоном. В профиле горшков атасуского времени еще сохраняются пережиточные черты, восходящие к керамике ранней бронзы Центрального Казахстана⁵⁴. Из этой серии особый интерес представляет большой сосуд вытянутой формы с выпуклым плечиком, высоким коническим поддоном и короткой шейкой. Позднее эта форма становится моделью для скифских бронзовых котлов⁵⁵.

Одну из особенностей керамики атасуского времени составляет то, что уже в это время появляются зачатки налепных валиков по шейке сосуда. В керамике ранней бронзы их еще не было, а для керамических сосудов бегазы-дандыбаевского времени они становятся характерным признаком.

Характерную черту атасуского этапа составляет оригинальный уступ, отделяющий шейку сосуда от тулова. Большая серия остроребрых горшков с резко выступающими плечиками и хорошо выраженной шейкой имеет сравнительно ограниченное распространение. Аналогичен ему встречаются в керамике Юго-Восточного Зауралья, срубной культуре Нижнего Поволжья. На Енисее такой посуды нет.

При изготовлении атасуской керамики внимание уделялось ее утилитарному назначению, поэтому для нее характерны скромность и простота. В то же время она не лишена художественных достоинств. Для нее присущи строгие пропорции и тщательная отделка внешней и внутренней поверхностей. Поверхность керамических сосудов атасуского этапа тщательно отполирована специальным лошлом. Значительное количество такой керамики найдено при раскопках могильников Айшрак, Бегазы А, Беласар, Егизек, Жамбай-Карасу, поселений Атасу, Бутулы I, II и т. д. Орнамент, выполненный гладким и мелкогребенчатым штампом, покрывает всю верхнюю половину сосудов (венчик, шейку, плечо и часть тулова). Господствующим сюжетом орнамента являются геометрические узоры, часто прямоугольные и равнобедренные треугольники (по венчику, шейке), каннелюры, меандры (на шейке), зигзаги, сложные меандры и фестоны (по плечу и верхней части тулова)³⁶. Четкими формами и богатым орнаментом выделяется керамика Каркаралинского и Прибалхашского (Карасай, Кызылшоки) районов и бассейна р. Сарысу.

В своих главных чертах керамика атасуского этапа сохраняет традиции керамического производства ранней бронзы. Это хорошо прослеживается по преемственности орнаментальных мотивов, по традиционной баночной форме сосудов (Былкылдак I) и горшков с кольцевым поддоном (Айшрак, Былкылдак, Егизек). Вместе с тем в конце атасуского этапа появляются новые черты, которыми отмечен переходный этап от средней бронзы к поздней. Сосуды эти отличаются от андроновских по форме и орнаменту, это приземистые, шаровидные кувшины с плоским и кольцевым дном, ярко выраженной шейкой, прямым венчиком, слегка срезанным сверху и отогнутым наружу (Айшрак Б, Аксу-Аюлы II, Балакулболды Б, Егизек II, Беласар). В группе Айшрак Б диаметр сосудов больше их высоты. В орнаменте сосудов вместе с традиционными андроновскими чертами уже присутствуют элементы крупного гребенчатого штампа, вдавления овальной и полукруглой форм, мотивы типа метопов древнегреческих ордеров, прямоугольных волют и т. д.

Большим своеобразием отличается керамика групп Егизек I, II. Здесь впервые обнаружены мискообразные сосуды двух типов: приземистые шаровидные на высоком коническом поддоне с ярко выраженной шейкой и слегка уплощенным венчиком, отогнутым наружу. Во вторую группу входят красивые сосуды шаровидной формы с коротким кольцевым поддоном. У всех сосудов диаметр значительно больше его высоты. Изогнутая шейка и узкий поддон придают сосудам особую привлекательность. Орнамент выполнен крупным оттиском гребенчатого штампа, а также вдавлениями овальной, полукруглой и треугольной форм, нанесенных специальным штампом. Появление в конце средней бронзы сосудов нового типа знаменовало собой приближение нового этапа эпохи бронзы, бегазы-дандыбаевского времени. Творческая переработка древних традиций составляет главную черту развития бронзовой культуры Центрального Казахстана.

Высший расцвет культуры бронзы в Центральном Казахстане наступает на этапе поздней бронзы, что было обусловлено интенсивным развитием металлургии, строительного дела, скотоводства и домашних ремесел.

Керамика этого времени отличается неповторимым своеобразием. Четкая формовка и богатый орнамент говорят о необычайно высоком мастерстве керамистов Центрального Казахстана в предскифское время. Яркая керамика Бегазы, Сантру, Дандыбая, Айбас-Дарасы и др. создана мастерами, познавшими законы гармонии. Керамика бегазы-дандыбаевского времени не имеет аналогов ни в керамике замараевского круга памятников, ни в срубной культуре Нижнего Поволжья, ни в керамике Верхней Оби и Томского могильника, ни в карасукской культуре Енисея. Это совершенно самостоятельная в своем развитии, особая и своеобразная керамика, равной которой в культуре бронзы нет.

В поселениях Атасу, Бутулы, Шортанды-булак, Суук-булак (Каркаралы III), Тагйбай-булак, в усыпальницах Бегазы, Сантру, Дандыбая, Айбас-Дарасы, Бутулы III, Айдарлы, Кент, Былкылдак обнаружено большое число керамики бегазы-дандыбаевского времени. Обилие находок свидетельствует о значении керамических сосудов в быту степняков в предскифское время. Изготовление керамики

составляю одну из важных отраслей домашнего производства того времени. Это подтверждается также находками остатков гончарных обжигательных печей в поселениях Центрального Казахстана. В бегазы-дандыбаевское время процесс изготовления гончарных изделий (выбор сырья, заготовка теста, формовка и обжиг) по сравнению с предыдущими этапами стоял на более высоком уровне. Обжиг производился в особых горнах, остатки которых выявлены в поселениях Атасу, Шортанды-булак и др.

Керамика бегазинского этапа отмечена большим разнообразием форм и орнамента. Сосуды из поселений и усыпальнице повторяют друг друга. В условиях замкнутого домашнего производства работы мастеров отмечены индивидуальным своеобразием.

Производство керамических сосудов осуществлялось двумя способами ручной лепки. Плоскодонные сосуды формовались ленточным способом на плоской подставке. Процесс формования начинался с кольцевого дна и завершался венчиком сосуда. Среди многочисленных фрагментов керамики немало боковин с ясно выступающими следами спая кольцевых поясков. В качестве болванки использовался холщовый мешочек, наполненный песком, что является особенностью керамического производства в Центральном Казахстане. Об этом говорят отпечатки ткани на внутренних стенках некоторых сосудов. Ленточным способом лепки создавались сосуды изящной шаровидной формы.

Шаровидные и тонкостенные сосуды формовались также способом выдавливания из кома глины круглым камнем. Формовка сосудов способом выдавливания изнутри появляется в Центральном Казахстане на последних фазах атасуской эпохи и в переходный период (шаровидные миски Айшрака Б, Балакулболды, Егизека) и получает широкое распространение в бегазы-дандыбаевское время.

Два способа производства керамики - ленточный и выдавливания из кома глины были распространены повсеместно по Казахстану, Сибири, Уралу и Нижнему Поволжью.

Обширная серия керамических сосудов этого времени, в основном, делится на две группы: тонкостенную столовую и толстостенную кухонную посуду.

Все тонкостенные сосуды вылеплены из тонкой, хорошо приготовленной глины с примесью мелко измельченного гранитного песка. В качестве отощителя жирной глины этот песок был идеальным компонентом керамического теста.

Поверхность большинства тонкостенных сосудов была черного цвета. Это связано с тем, что сосуды после обжига погружались в жирное молоко, казени при этом обугливался, окрашивая сосуд в черный пшеничный цвет. Сосуды красного цвета получались в результате полировки поверхности гематитовым порошком. Керамика с черным лощением обнаружена в гробницах Бегазы, Сантру I, Айбас-Дарасы, Бугулы III.

Процесс производства кухонной посуды отличался более грубой лепкой, небрежным орнаментом или его отсутствием. Если толщина тонкостенных сосудов была 3-5 мм, то толстостенных - 6-8 мм. В основном, кухонная посуда представлена котлообразными сосудами, большими корчагами, различными типами гладкостенных горшков с шаровидным туловом и плоским дном (Бегазы 5, Сантру I, III) (рис. 210). Характерным признаком кухонной посуды является присутствие на дне следов нагара пищи, а снаружи копоти.

Разнообразием типов и необычайным богатством узоров отличается тонкостенная керамика. Основную типологическую группу тонкостенных сосудов составляют кувшины, вазы, чаши, кубки (бокалы), чарки, плошки с ручкой, горшки, сосуды со сливным носиком, сосуды в виде плоского конуса с прямым венчиком, круглым или уплощенным дном.

Множеством форм и вариантов выделяются кувшины с шаровидным туловом, прямым венчиком, хорошо выраженной шейкой и плоским дном, кувшины шаровидной формы с высокой цилиндрической горловиной, уплощенным или круглым дном.

Широко представлены сосуды типа ваз, украшенные самобытным орнаментом. Среди них особо выделяется невысокая плоскодонная ваза, найденная в плиточном мавзолее Бегазы I. Это единственная в своем роде ваза поражает четкостью и красотой профиля. У нее высокая, плавная шейка, шаровидное тулово и плоское дно. Диаметр венчика и высота сосуда почти одинаковые. Орнамент в виде двух рельефных валиков идет вокруг шейки, между ними

тонко прочерчены горизонтальные волнистые линии. По плечу идут ряды «жемчужного» орнамента в виде четырех рельефно выступающих сосцевидных бугорков, сделанных налепом. «Жемчужный» орнамент окружен двумя концентрическими кругами из рядов мелких ямок.

Прилекает внимание еще одна ваза, найденная в Сангру I, с высоким цилиндрическим горлом, шаровидным туловом и уплощенным дном. Вся поверхность горла и тулова покрыта красивым ковровым орнаментом из узорных лент с косой штриховкой и глазчатых кружков в виде горошин.

Интересна ваза из комплекса Беласар Б. Ваза яйцевидной формы с усеченными концами, четко выраженной короткой шейкой, налепным бортиком, сильно отогнутым наружу, рельефно выступающим коническим поддоном. Основным украшением ее служат глубокие параллельные желобки-каннелюры, из которых два опоясывают шейку сосуда, два – конический поддон и один – тулово. Последний делит сосуд на две равные части, по форме очень напоминающие две пиалы, соединенные устьями. Значительное количество сосудов типа ваз найдено в Сангру III, Айбас-Дарасы, Бугулы II.

Широко представлены емкие глиняные миски с характерным шаровидным туловом, короткой, прямой или изогнутой шейкой, широким устьем с отогнутым наружу венчиком и плоским поддоном. Прототипы мисок с широким устьем встречаются в керамике конца атасуского этапа (Айшрак Б, Егизек) и получают распространение уже в памятниках переходного этапа (Беласар, Егизек II). Надо отметить, что миски из группы Егизек II с широким горлом, выпуклыми боками, изогнутой шейкой и кольцевым поддоном несут архаические черты, восходящие к керамике нуринского этапа. Это проявляется, в частности, в профиле сосудов, в коническом поддоне и в орнаменте.

Сосуды типа мисок обнаружены при раскопках памятников Сангру I, III, Бегазы 4, Айбас-Дарасы. Самобытностью и новыми чертами декора выделяется большая миска из Сангру I (емкостью – 5 л) с четким профилем, высокой шейкой, налепным валиком треугольной формы в сечении, шаровидным туловом и плоским

поддоном. Шейка плавно переходит в валик, слегка отогнутый наружу. За исключением венчика и донной части, поверхность сосуда покрыта ковровым орнаментом, выполненным гребенчатым штампом. Основным сюжетом рисунка являются прорезные крестообразные фигуры и горошины по шейке, свободное пространство между ними заштриховано ромбической сеткой. Ряды крестообразных фигур расположены в диагональном направлении, по три фигуры в каждом ряду, а начало каждого диагонального ряда отмечено рисунком горошины. Сочетанием белого и черного тонов достигается выразительность рисунка. Аналогов миска не имеет.

Большую серию тонкостенной керамической посуды бегазинского времени составляют малые ее типы, предназначенные для питья: кубки, чарки, сосуды типа пиалы (Шортанды-булак), чашки. Все они изготовлены из тонкой глины с большой тщательностью. Появление этой серии керамических сосудов в период поздней бронзы связано с развитием производства молочных продуктов. Производство и употребление кумыса, айрана, молочной водки (шеген) и других напитков требовало изготовления посуды малых форм типа кубков, чашек, пиал, чарок.

Уникальные образцы кубков обнаружены при раскопках памятника Дандыбай (курган-ограда 11). Два оригинальных кубка однотипны по форме и орнаменту, имеют высокий конический поддон и слегка отогнутый наружу валик. Конический поддон сделан отдельно, а затем соединен с корпусом сосуда³⁷. Орнамент выполнен мелким гребенчатым штампом в виде узорной ленты, опоясывающей сосуд восемью спиральными линиями. На поддоне одного из кубков тамгообразный знак, сделанный тем же гребенчатым штампом.

Широко представлены небольшие сосуды (чарки) круглой формы с шаровидным туловом, круглым или уплощенным дном. Почти все они от шейки до основания покрыты узором. Орнамент выполнен разными штампами – гребенкой, ямочным, гладколинейным и др. Господствующий мотив орнамента – узорные ленты и их комбинации, ряды круглых ямок-горошин, вертикальных зигзагов, создающих ряды елочек, сетки из косых пересекающихся линий,

волнистые горизонтальные линии, треугольные вдавления, косые насечки и др. Такого типа сосуды обнаружены в Бегазы 3 и 4, Сангру I, Айбас-Дарасы.

Сосуды типа пиал встречаются сравнительно редко. Крупные фрагменты и один почти целый сосуд найдены на дне жилища 14 поселения Шортанды-булак, один сосуд – в мавзолее Бегазы 4. Аналогия шортандыбулакской пиале найдена М.П. Грязновым на выдувах Ближние Елбаны IV, относящихся к эпохе поздней бронзы²⁶.

Чашки своей полусферической формой напоминают современную пиалу с расширяющимся сверху устьем, круглым или уплощенным дном, прямой шейкой, нередко с наклепным венчиком. Все чашки орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа. Орнамент состоит из узорных лент с треугольными фигурками и кружками (горошинами), ромбических сеток, зигзагов, горизонтальных линий, между которыми идут вертикальные отпечатки короткого штампа (Айбас-Дарасы, сосуд 21; Кызылкент, сосуд 1). К редким памятникам керамического искусства эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана относится миниатюрный неглубокий сосудик-ковшик, или плошка с прямой и уплощенной ручкой, найденный в могильнике Беласар (ограда 5, ящик 7). Сосудик без орнамента, с прямыми стенками, плоским дном и расширяющимся сверху устьем. Такие сосудики были широко распространены в скифское и гунно-сарматское время²⁹.

Большое количество типологически различных керамических сосудов найдено в поселениях древних металлургов и скотоводов, в культурных слоях поселений Милякудук, Айнаколь, Соркудук, а также в древних карьерах Кресто, Златоуста, Беловского и Анненского⁶⁰. Большинство сосудов Джекказгана изготовлено из теста серо-желтого цвета с примесью песка. На поверхности многих черепков сохранились следы сглаживания. Венчики прямые, закругленные сверху, нередко наклепные. Судя по фрагментам боковин, часть сосудов имела шаровидную форму, характерную для бегазы-дандыбаевского времени. Орнамент, нанесенный отпечатками гребенчатого штампа, состоит из насечек, сложного меандра с E-образной фигурой на концах. Фрагменты

тонкой лощенной керамики с гребенчатым штампом обнаружены на дне жилища на участке Таскудук. Здесь же собраны обломки лепных сосудов, украшенных геометрическим узором. Судя по отпечаткам, орнамент был нанесен гребенчатым, ямочным, линейным штампами. Налепные валики украшены насечками.

Среди множества фрагментов различных сосудов поселений Шортанды-булак, Тагибай-булак, Каркаралы II, III и Атасу выделяется ряд типологических форм, представляющих большой интерес для истории керамического производства. К ним относятся фрагменты шаровидных, остросреbrых и плоскодонных сосудов часто с высокой шейкой и кольцевым поддоном, а также фрагменты сосудов с рельефным валиком по шейке.

Большим числом представлены фрагменты венчиков с рельефным наклепом, часто прямые, орнаментированные насечками каплевидной формы, тонким концом обращенные вниз; прямые, высокие венчики, украшенные особым штампом, оставляющим отпечатки лапчатой формы; венчики с двойным наклепом и горизонтальными желобками; наклепные венчики прямые и высокие, орнаментированные косыми насечками, рядами косых прерывистых линий, сложной косоугольной сеткой и т.д.

На фрагментах керамики сохранились отпечатки разных штампов: гребенки, ямочного штампа, оставляющего отпечатки в виде горошин, ногтевые, полукруглые, линейные, фигурные. В рисунках доминируют ленточные узоры, косоугольные сетки, насечки, зигзаги, елочки, черно-белые полосы, имеющие тоновое значение. В керамике поселений Шортанды-булак и Атасу встречены отпечатки совершенно неизвестных штампов, отсутствующих в других районах распространения бронзовой культуры. Это штампы двухлапчатой и каплевидной форм, штамп, оставляющий круглые отпечатки в виде горошин. Штамп, сделанный из тонкой трубчатой кости птицы, с одним круглым, полым внутри концом, и другим – заостренным, был найден в Айшраке Б (курган-ограда 7). С помощью этого штампа наносились линии и круглые горошины. Обнаружены отпечатки штампов, оставляющих X-образные, полукруглые, подковообразные и ногтевые вдавления.

С шортандыбулакской типологически связана керамика поселений Суук-булак (Каркаралы III) и Тагибай-булак (Баянаульский район). В Тагибай-булаке найдены фрагменты сосудов с высокой изогнутой шейкой, рельефным валиком и крупными насечками на них. Здесь доминируют сосуды с толстыми налепными венчиками, часто отогнутыми наружу, украшенные «жемчужным» орнаментом – рядами бугорков, выдавленных изнутри сосуда концом крутой палочки. Этот орнамент называют «жемчужным». Среди многочисленных фрагментов различных сосудов выделяется крупный фрагмент сосуда с выраженным сливным носиком конической формы и «жемчужным» орнаментом по шейке. Сосуд со сливным носиком в керамике эпохи бронзы встречается впервые. Вместе с тем керамика поселения Тагибай-булак отмечена чертами деградации, она грубовата, как по форме, так и по орнаменту: Такая керамика характерна для конечного этапа эпохи бронзы и начального периода железного века (VIII–VII вв. до н.э.). По преобладанию «жемчужного» орнамента керамика поселения Тагибай-булак близка керамике поселения Ближние Елбаны I большереченской культуры Верхней Оби⁶². Это дает основание заключить, что культура поселения Тагибай-булак относится к культуре конца бронзовой эпохи и начальному этапу раннесакской культуры в Центральном Казахстане.

Керамику поселений и могильников бегазы-дандыбаевского времени объединяет общность форм и орнамента: хорошо выраженные прямые шейки сосудов, шаровидные тулова, налепные венчики, сетчатый и «жемчужный» орнаменты, не свойственные предыдущим этапам бронзовой культуры Центрального Казахстана. Основным средством нанесения орнамента были различные типы штампов, с помощью которых создавались сложные сюжеты и композиции.

Для керамики эпохи поздней бронзы характерны налепные валики одинарные, двойные, тройные, часто рельефные, украшенные косыми насечками, защипами, наклонными продолговатыми вдавлениями, косоугольной сеткой, рядами X-образных фигур. Налепные валики обрамляют шейки тонкостенных сосудов. Многочисленные варианты налепных валиков встречены в

керамике поселений Суук-булак, Шортанды-булак, Тагибай-булак, Каркаралы II и Улытау. Рельефные варианты налепных валиков обнаружены в керамике из надгробных сооружений, что подтверждает одновременность существования поселений и могильников. Сосуды с налепными валиками найдены в мавзолеях Бегазы 1, 3, 4, 5, Сангру I, Бутулы III, Айбас-Дарасы и др.

Налепные валики являются наиболее надежным элементом для датировки памятников и керамики бегазы-дандыбаевского времени. В атасуской керамике налепных валиков еще нет, вместо валиков украшением шейки сосудов служат желобки-каннелюры. Валики появляются на керамике переходного этапа (XIII–XI вв. до н. э.) от средней к поздней бронзе.

Другим важным элементом для датировки памятников бегазы-дандыбаевского времени являются некоторые редкие штампы, характерные лишь для Центрального Казахстана. Это штампы, дающие оттиски лапчатой фигуры, кружков в виде горошин, окрашенных черной краской, «жемчужный» орнамент в виде бугорков, выдавленных изнутри сосуда. Характерными элементами украшения керамики переходного периода и бегазы-дандыбаевского времени являются ногтевые, полукруглые, подковообразные, треугольные вдавления, часто залитые черной краской. Применение различных по типу штампов и других средств обогатило сюжет орнамента и привело к появлению новых черт в композиции рисунка.

В керамике Центрального Казахстана заштрихованная лента появляется в конце атасусского этапа и часто встречается в орнаменте керамики переходного этапа. Более ранние изображения узорных лент встречены в комплексе Былкылдак I⁶³ и в ограде 6 группы Беласар. Элементы орнамента – мевандр с волотой и Z-образные фигуры глубоко архаичны и восходят к нуринскому этапу, т.е. к ранней бронзе.

В качестве элементов декора в бегазынской керамике использована мозаика из угловых и подковообразных штампов (Бегазы, Айбас-Дарасы, сосуды 7, 13), полукруглых и ногтевых вдавлений (Бегазы 2, сосуд 4; Бегазы 4, сосуд 1; Бегазы 5, сосуды 1, 2, 4), создающих композиционный сюжет коврового орнамента.

Полукруглые или треугольные вдавления, как одни из основных элементов декора, появляются в керамике конца атасуского этапа и особенно в переходное время. Эти элементы мы находим в керамике усыпальницы Айшрак Б (курган-ограда 11, сосуд 3), в группе Егизек I (сосуды 3, 4, 5), Егизек II (сосуды 6, 7), в поселениях Атасу, Бугулы II, Каркаралы III⁶⁴.

В целом, в бегазы-дандыбаевской керамике обнаруживается совершенно новый тип декора, основанный на применении новых средств нанесения орнамента, традиционный геометрический орнамент претерпевает коренные изменения. Впервые реализуется идея применения в декоре росписной техники. Мотивы узоров в виде горошин и крестообразных фигур, выполненных росписной и прорезной техникой, не характерны для керамики ранней и средней бронзы. Это не традиционный геометрический орнамент, господствовавший на протяжении многих веков, а фигурно-изобразительный, в котором заложено стремление передать художественный сюжет. В орнаменте керамики этого времени немалое значение имеет контрастирование двух тонов – белого и черного.

Многообразие типов керамических сосудов, прежде всего, свидетельствует о ведущей роли скотоводства. В это время создаются емкие сосуды для хранения молока и посуда небольших форм для питья. Эти типы керамики совершенно не свойственны керамике предыдущих этапов, они являются продуктом бегазы-дандыбаевского времени.

Появление у керамики новых черт отмечается уже на этапе перехода от андрона к поздней бронзе. Керамика переходного этапа, сохраняя традиционные, несет в себе новые типологические формы, на основе которых развивается бегазы-дандыбаевская культура, синхронная карасукской культуре Южной Сибири.

Бегазы-дандыбаевская культура самобытна. Вопреки мнениям некоторых ученых, бегазы-дандыбаевская культура развивалась совершенно самостоятельно, независимо от карасукской культуры Южной Сибири. Вся сумма научных данных по материальной культуре Бегазы-Дандыбая убеждает нас в том, что истоки ее надо искать не в Южной Сибири, а здесь, в древних центрах

металлургии. Правильнее говорить не о влиянии Карасука на культуру бронзы Центрального Казахстана, а наоборот.

Строительное дело, керамика, домашние ремесла дают убедительную картину того, как на протяжении тысячелетий эволюционировала культура степных племен Центрального Казахстана. Основной чертой развития бронзовой культуры в Центральном Казахстане является творческая переработка новыми поколениями древних традиций, что характеризуется преемственностью при переходе от старых форм к новым.

Работами ЦКАЭ открыт огромный пласт исторического прошлого племен, населявших территорию Сарыарки от Каспийской равнины и Тургайской столовой страны на западе до долины Иртыша – на востоке, Западно-Сибирской низменности – на севере и до Арало-Балхашского водораздела на юге.

В эпоху бронзы шел сложный процесс развития культуры, объединившей многочисленные этнически родственные между собой степные племена. Апогей в развитии культуры бронзы в Центральном Казахстане наступает на последнем этапе, в эпоху поздней бронзы. На основе развития горного дела и металлургии, скотоводства и домашних ремесел происходит небывалый прогресс в строительном и каменотесном деле, в искусстве обработки металла и керамическом производстве.

Керамика этого времени отличается неповторимым своеобразием. Четкая формовка и богатый орнамент говорят о необычайно высоком мастерстве керамистов Центрального Казахстана в предскифское время. Яркая керамика Бегазы, Сантру, Дандыбая, Айбас-Дарасы и др. создана мастерами, познавшими законы гармонии.

Большое число находок бронзовых и золотых украшений свидетельствует о том, что добыча золота и меди в центральных и северо-восточных районах Казахстана носила интенсивный характер, позволяя древним умельцам совершенствовать мастерство и создавать шедевры древнего ювелирного искусства.

Рудники, крупные рудоплавильные центры и поселения свидетельствуют о размахе древнего горно-металлургического производства, как одной из ведущих отраслей первобытной

экономики, о существовании в Центральном Казахстане на этой основе древней цивилизации. Эта эпоха характеризуется интенсивным развитием скотоводства, освоением коня и верблюда, как транспортных средств и постепенным переходом сначала к пастбищно-яйлажному скотоводству, а затем к сезонным перекочевкам.

Мавзолей Бегазы I и 2, Бугулы III, Сангру I, поражающие своим величием и архитектурной завершенностью, мегалитические скульптуры, предметы керамического искусства относятся к числу выдающихся явлений древней культуры степных племен Евразии.

Циклопические памятники Бегазы 1,2, Бугулы III, Сангру I и другие свидетельствуют о росте и консолидации племен, о выделении родоплеменной знати, вождей, в память которых были сооружены эти мавзолеи.

Великая культура эпохи бронзы явилась одним из факторов древней цивилизации, возникшей в этом огромном регионе. Дальнейшие исследования древних памятников Центрального Казахстана позволят расширить наши знания об этой эпохе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С.161.
2. Хранится в Семипалатинском музее. Колл. 1020/3.
3. Армстронг И. А. Семипалатинские древности. ИАО, т. II, вып. 4. Спб., 1861. С. 271, табл. 1, 3.
4. Хранится в МАЭ. Колл. 35-11.
5. Хранится в Омском музее. Колл. 54/6.
6. Гос. Эрмитаж. Колл. 1138-1.
7. Гос. Эрмитаж. Колл. 1136-59.
8. Гос. Эрмитаж. Колл. 1122—84.
9. Хранятся в Усть-Каменогорском музее.
10. Хранятся в Семипалатинском музее. Колл. 1231/1—34.
11. Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Древности ТМАО, 1883, т. IX, вып. 2/3. С. 181.
12. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. Табл. LXV, 1.
13. Музей ИГН АН КазССР. Колл. 11/644.
14. МАЭ. Колл. 35-16, 17, 20, 68, 3211-1188, 928.
15. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. 1951. С. 198-200.
16. Руденко С.И. Башадарские курганы. КСИИМК, вып. XLV, с. 36, рис. 15, 2.
17. Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. Л., 1950. С. 69, рис. 27, 2, 7; Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. С. 181, рис. 111.
18. Руденко С. И. Указ. соч. С. 213, рис. 128, табл. VII, 1.
19. Там же. С. 97, рис. 49; с. 352, рис. 192; с. 353, рис. 195.
20. Минаева Т.М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 1951, № 23. С. 286, рис. 13, 1; Ростовцов М.И. Курганные находки. Оренбург. С. 44, табл. II, 7.
21. Руденко С.И. Культура хуннов и ноноулинские курганы. М.-Л., 1962. С. 35, рис. 27.
22. Там же. Табл. XXXII, 3, 5.
23. Киселев С.В. Указ. соч. С. 242, табл. XXXVII, рис. 13-25, 28-31; Грач А.Д. Археологические раскопки в Сутхале и Байтрайге.

//Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959-1960 гг. М.-Л., 1966. С. 98.

24. Вайнштейн С.И. Памятники Казылганской культуры. //Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959-1960 гг. Табл. VIII 25. Там же. Табл. X, 1-2; Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 56, рис. 5; с. 66, рис. 12.

26. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. С. 140, рис. 13.

27. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 66, рис. 12.

28. Сенигова Т.Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. //Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Алма-Ата, 1956. С. 55, табл. 1.

29. Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре). //В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 53.

30. Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение. С. 87, рис. 22, 3.

31. Черников С. С. Указ. соч. С. 234, табл. XXXIX, 6.

32. Кривцова-Гракова О. А. Указ. соч. С. 87, рис. 22, 4.

33. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. Табл. XIX, 1.

34. Валукинский Н. В. Дневник № 171, л. 36, 76.

35. Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). С. 164, рис. 14, 6; с. 165, рис. 15, 1-6.

36. Черников С.С. Указ. соч. С. 233, табл. XXXVIII, 3.

37. Гурова Н.Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. МИА, 1933, № 39. С. 269, рис. 17, 4.

38. Грязнов М.П. Неолитическое погребение у с.Батени на Енисее. МИА. 1953, № 39. С. 333, рис. 1-3.

39. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 326, рис. 19; с. 329, рис. 22, 23; с. 342, рис. 35; с. 397, рис. 62.

40. Коллекция В.Г. Григорьева. Хранится в Карагандинском музее и частично в Центральном музее КазССР. Коллекция А.А. Слудского хранится в музее ИИАЭ АН КазССР. Коллекция А.В. Мухли, А.Х. Маргулана и М.Н. Клапчука хранится в

Карагандинском музее. Коллекция В.А. Селевина передана проф. М.Е. Массону (Ташкент).

41. Валукинский Н.В. Дневник № 171, л. 36, 36 об., 41, 41 об., 72 об; № 176, с. 39, 90, 130; № 177, с. 82, 84, 87; Джекказганский музей, инв. № 1207-12073, 12300-12395, 12816, 12817, 13404, 16301, 16751-16760, 18126.

42. Клапчук М.Н. Отчет по открытию и охране археологических памятников Центрального Казахстана. Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 220, с. 2, 5; Он же. Материалы к археологии Центрального Казахстана (Рукопись). Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 185, табл. 33, 6-8; табл. 35, 12; Он же. Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане в 1967 г. Архив ИИАЭ, ф. 248, с. 4.

43. Карагандинский музей. Колл. 61/34, 38; 62/1, 65/1, 66/6.

44. Формозов А.А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связи с ландшафтом. БКИЧП, 1950, № 15. С. 64-75; Он же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, 1949, вып. 25. С. 49-58.

45. Синицын И.В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, 1952, вып. XLV. С.72-73.

46. Чалая Л. А. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1,2. //В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 163-181, рис. 7, 8, 10, 11.

47. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби.

48. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Указ. соч. С. 62, табл. 1, 1-6; с.71, табл. IV; с. 282, табл. X, 1-5, 9-10.

49. Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы Бурлук I. // В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 158, рис. 2, 1-8; с. 159, рис. 3, 1-10, 15.

50. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. ТИИАЭ, т. 5. Археология. Алма-Ата, 1958. С. 283, табл. I, 1-15.

51. Кадырбаев М. К. Акмола – памятник андроновской культуры. //В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 99, табл. I, 1-11, II, 1-12.

52. Кадырбаев М.К. Могильник Сантру II. //Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, 1961. С. 61.

53. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Указ. соч. С.279, табл. LVIII, 1-15.
54. Там же, рис. 3, 7, 9, 11-13.
55. Маргулан А.Х. Комплекс Былкылдак. //В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 183, рис. 15, 2.
56. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. С. 66, табл. III, 1-13; табл. LVIII, 1-15.
57. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа Центрального Казахстана. С. 157, рис.5,1,2.
58. Грязнов М.П. История племен Верхней Оби. Табл. VI, 10.
59. Там же.
60. Валукинский Н.В. Дневник № 177, л. 21, 55, 56, 153; № 176, л. 33, 38, 38 об.
61. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А.М. Указ. соч. С.217, табл. XXVI, 19; XXX; Грязнов М.П. Памятники Карасукского этапа в Центральном Казахстане. С. 155, рис. 16, 1.
62. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. Табл. X, 1-6, 8-9; табл. XIII, 1, 3-7, 9-10; табл. XIV, 8-9, 11-13.
63. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Указ. соч. С.279, табл. LVIII, 15.
64. Там же. Табл. XXV, XXX, XXXI, XXXV, XXXVI, LIX, 5.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ
памятники эпохи неолита и андроновской историко-культурной общности

Рис. 1. Наконечники стрел

Рис. 2. Нуклеусы. Карагандинская группа стоянок эпохи неолита

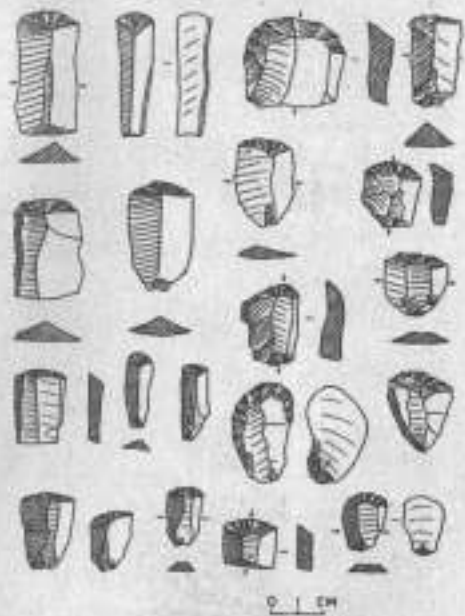

Рис. 3. Скребки, Карагандинская группа стоянок эпохи неолита

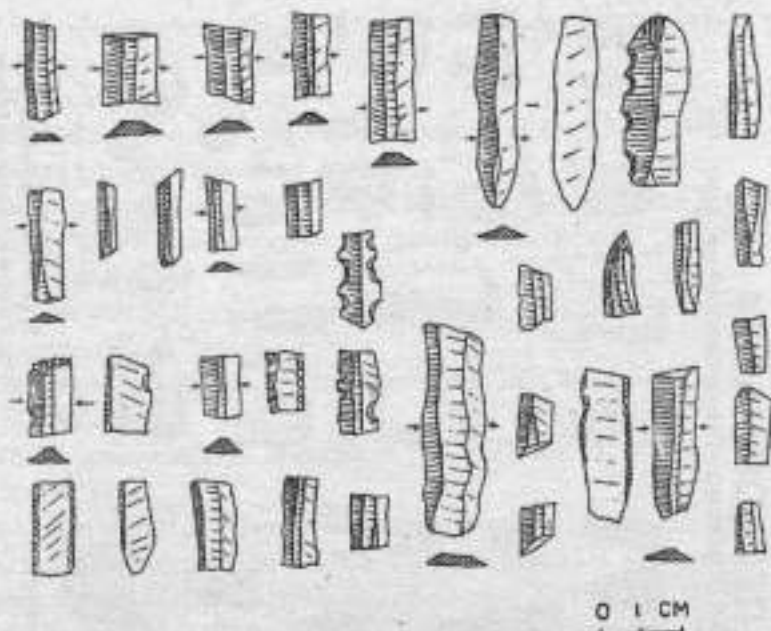

Рис. 4. Ножевидные пластинки

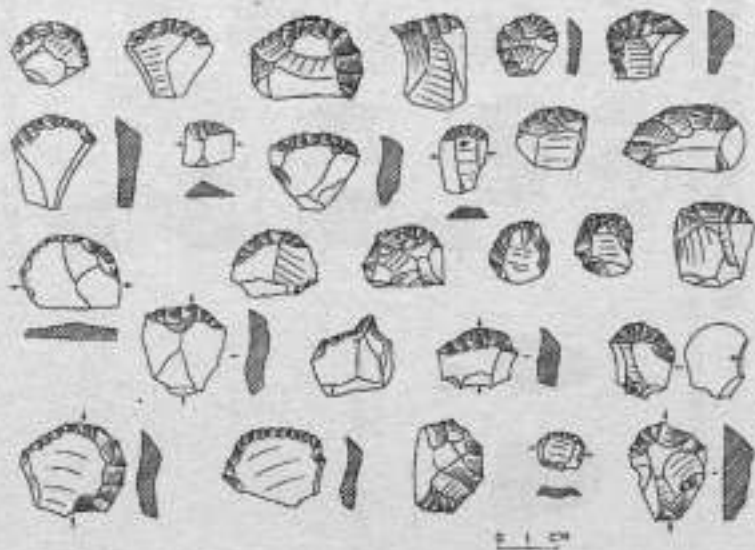

Рис. 5. Скребки. Караганда 15, 19, 46, 41, 29

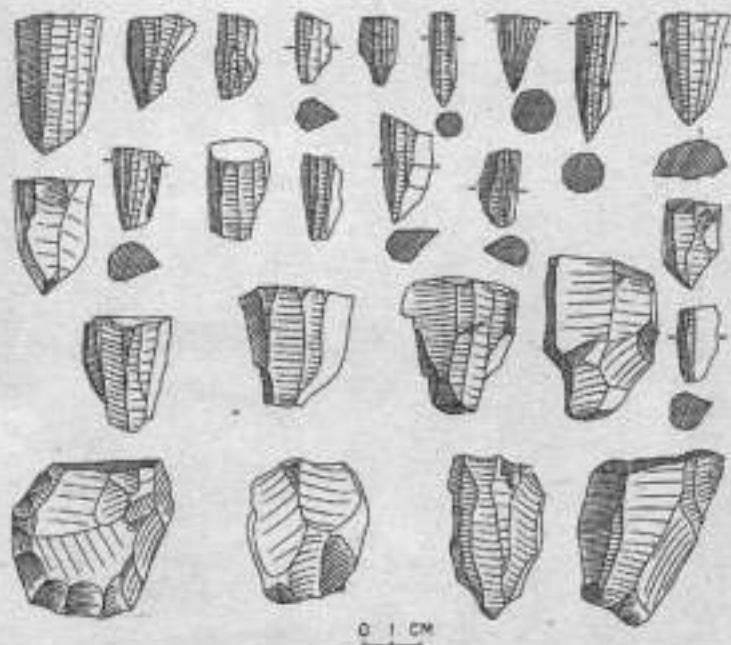

Рис. 6. Нуклеусы и скребки. Караганда 15, 16, 29, 37, 41

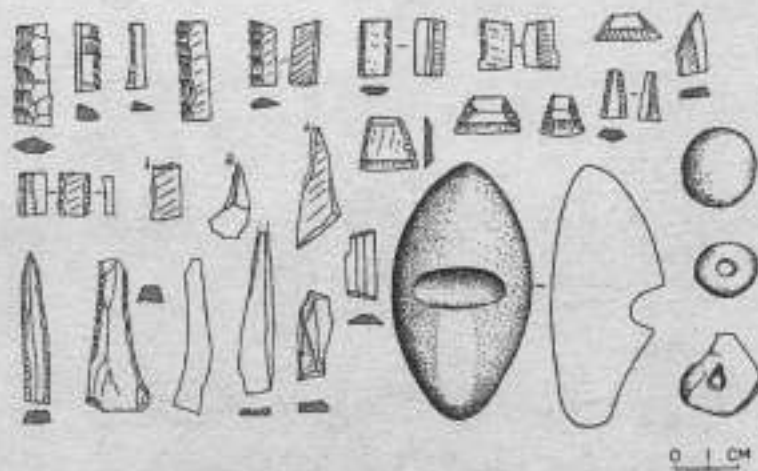

Рис. 7. Вкладыши, трапеции, проколки, острия, резы, утюжок-гладилка, металлический шарик, каменные бусы. Караганда 15, 27, 41

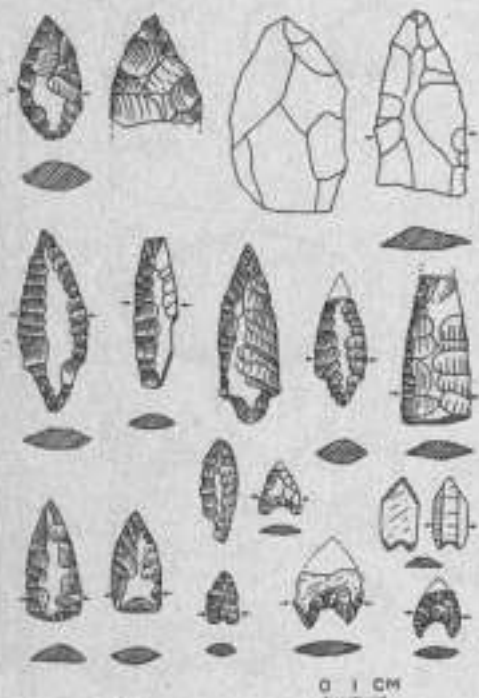

Рис. 8. Наконечники стрел. Караганда
15, 27, 20, 19, 11

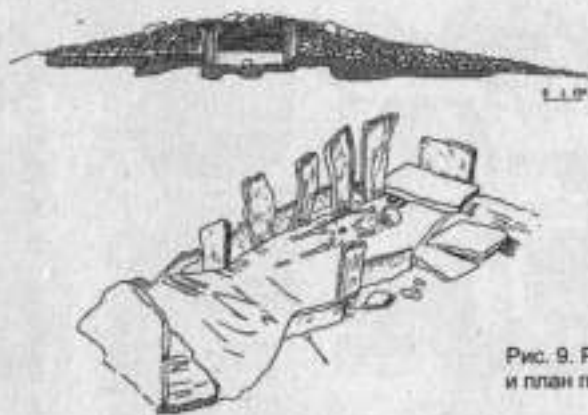

Рис. 9. Разрез кургана 3
и план погребения в нем

Рис. 10. Каменные орудия,
найденные у головы погребенного.
Курган 3

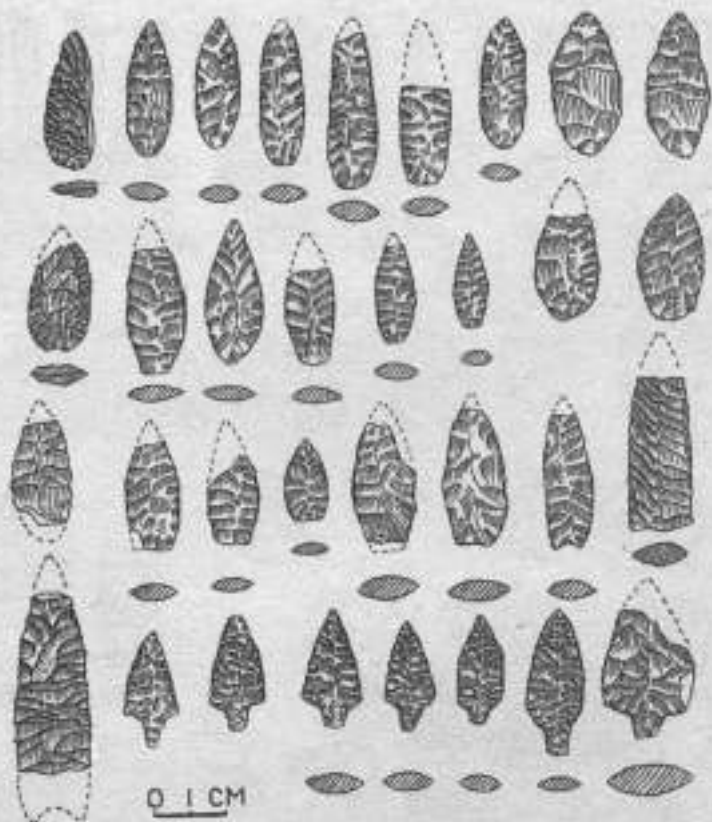

Рис. 11. Наконечники стрел, Джекказганская группа стоянок

Рис. 12. Нуклеусы

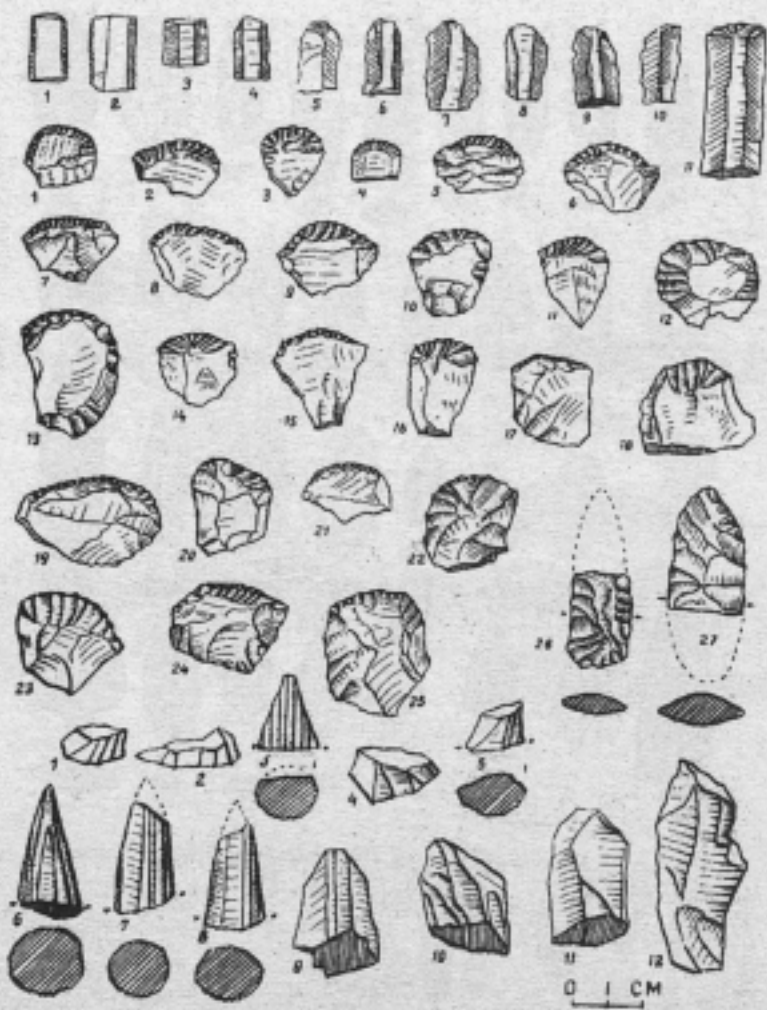

Рис. 13. Нуклеусы, ножевидные пластины, скребки, наконечники стрел. Стоянка Б

Рис. 14. Нухлевидные орудия. Стоянка Б

Рис. 15. Бифасы. Стоянка 23

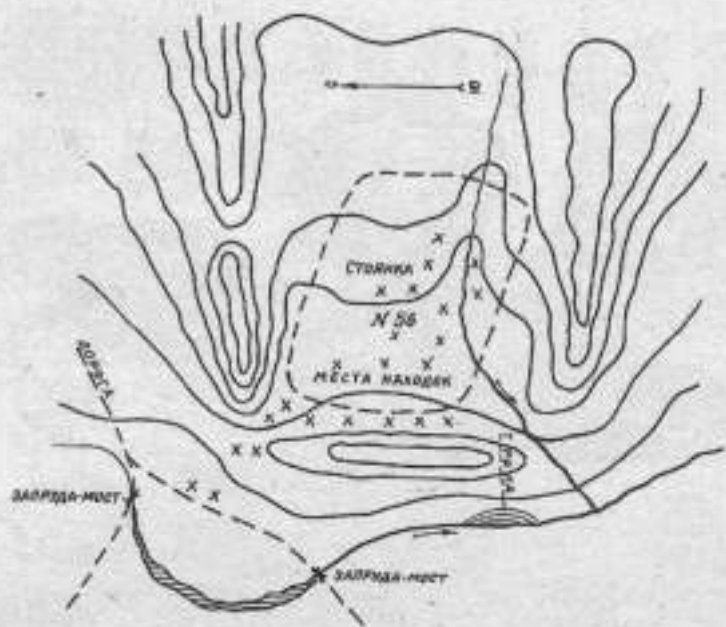

Рис. 16. Дзержазган IV. План стоянки 56

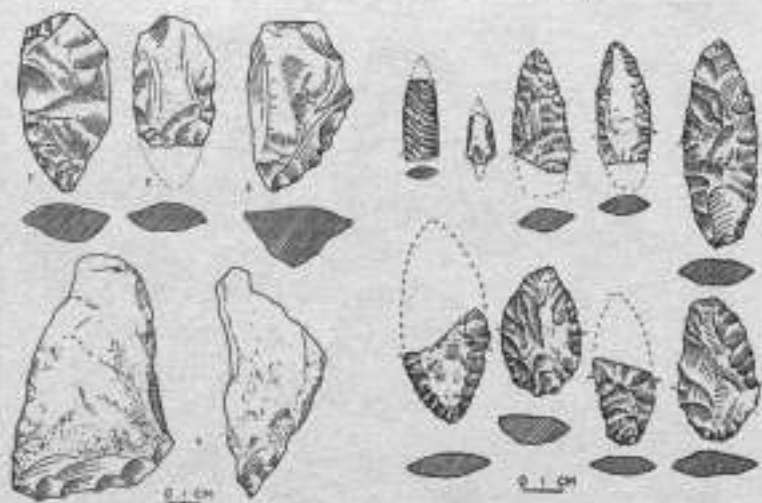

Рис. 18. Наконечники стрел. Стоянка А

Рис. 17. 1-3 - бифасы, 4 - чопангсвидное орудие. Стоянка А

Рис. 18. Наконечники стрел. Стоянка А

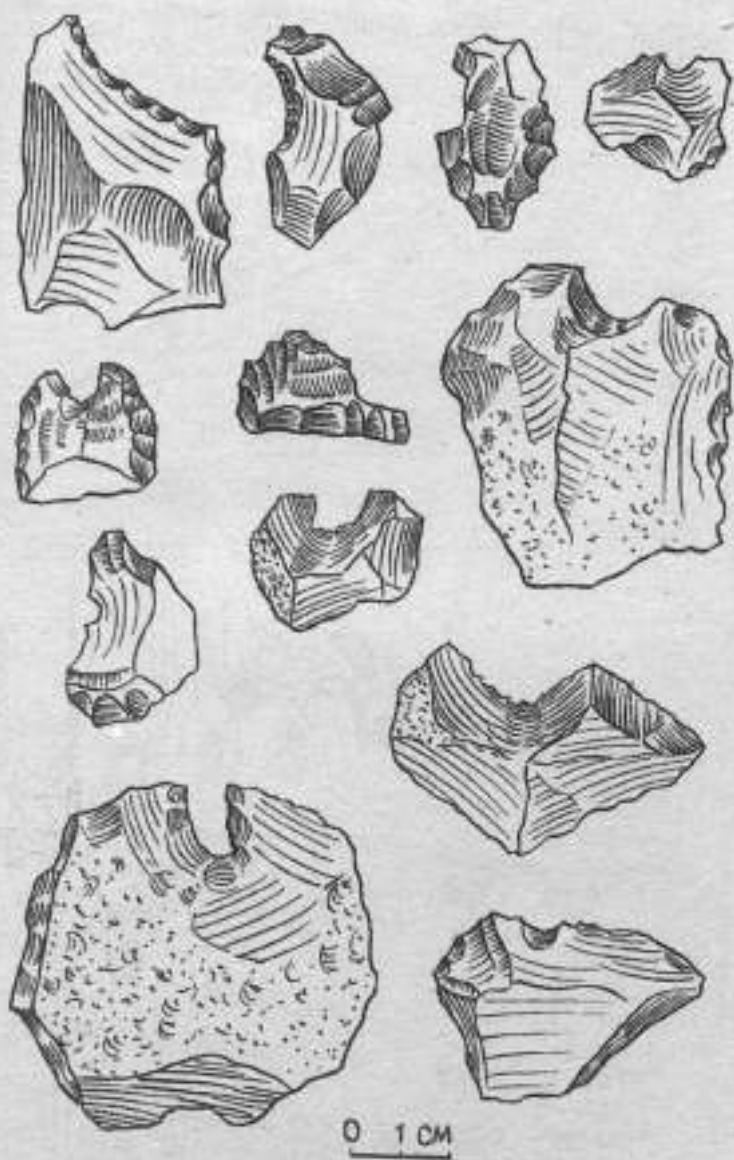

Рис. 19. Скребки. Днепровазган XIV,
Петрохольм, Мильхудук.

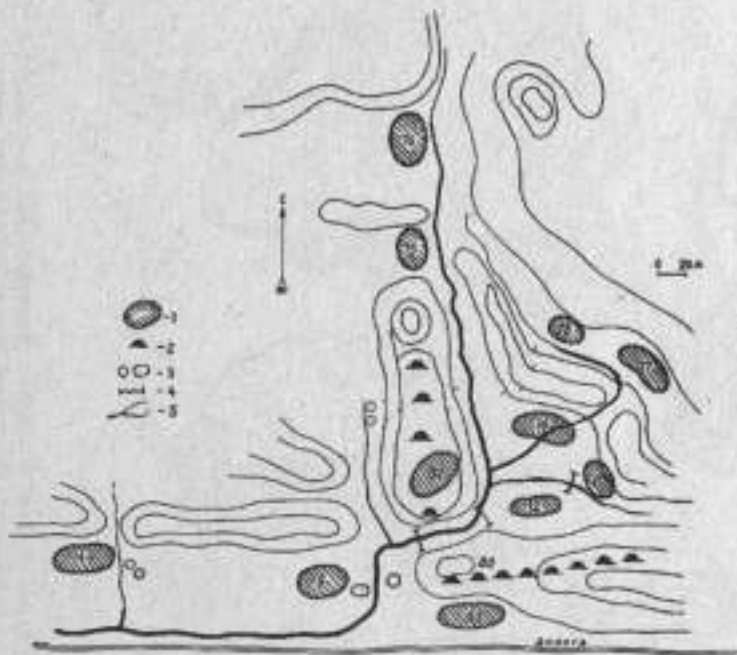

Рис. 20. План группы стоянок Дзезказган XV: 1 - стоянки, 2 - курган, 3 - водоем, 4 - запруды, 5- протоки

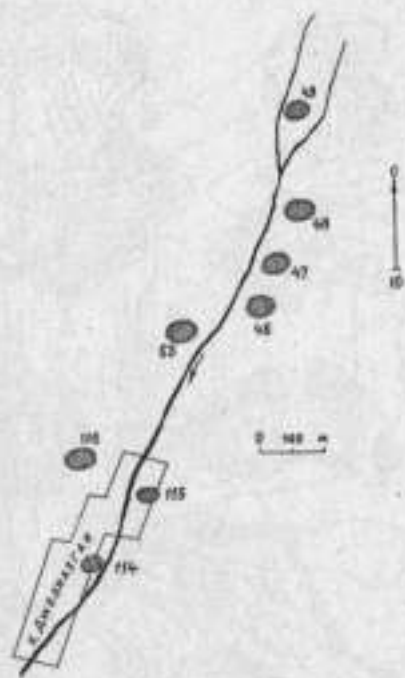

Рис. 21. План группы стоянок Дзезказгана VI

Рис. 22. Концевые скребки

Рис. 23. Ножевидные пластинки (вкладыши). Дзезказган VI, VII

Рис. 24. Наконечники, вкладыши скребки, рубиловидное орудие

Рис. 25. Наконечники стрел. Мильяудук

Рис. 26. Скрепки, наконечники стрел.
Айнаколь

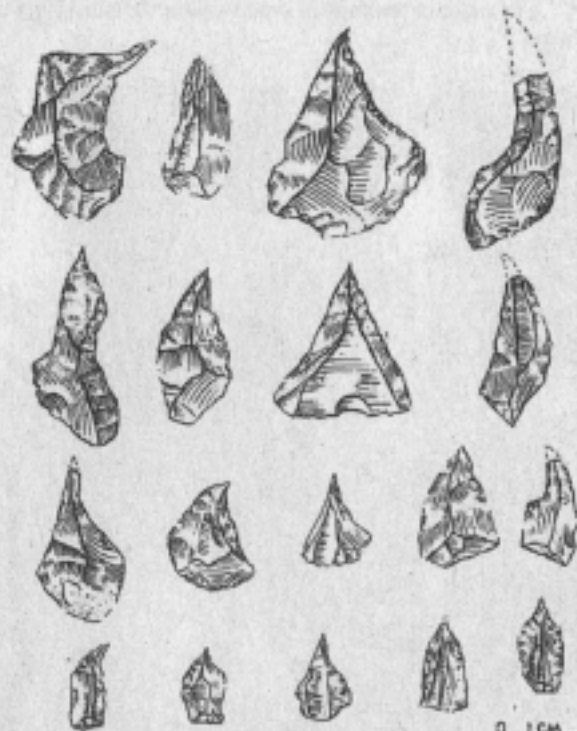

Рис. 27. Проколки. Айнаколь

Рис. 28. Наконечники стрел, скребки, прокопка.
Соркудук

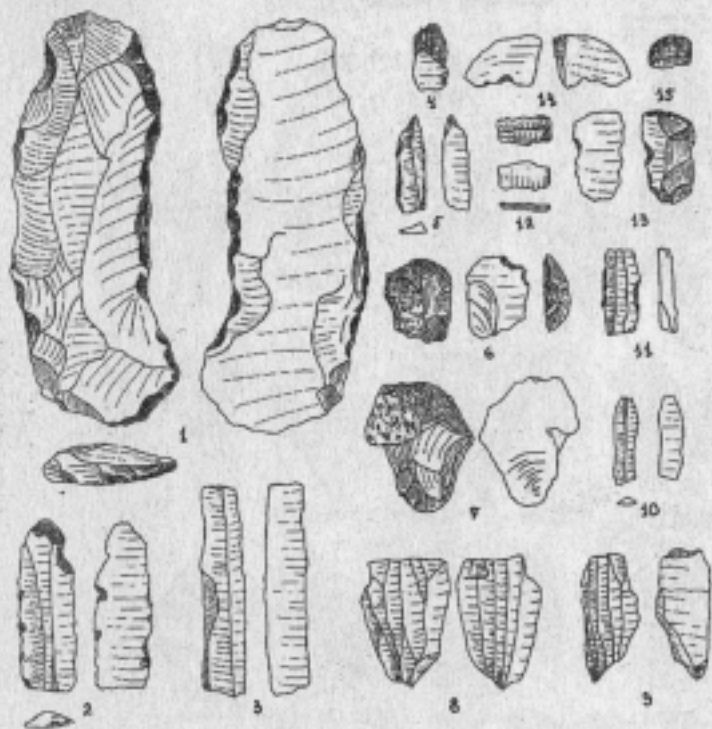

Рис. 29. Нуклеусы, ножевидные пластинки, скребки

Рис. 30. Айшрак Б. Керамика из кургана-ограды 6 (3) и II (1,2)

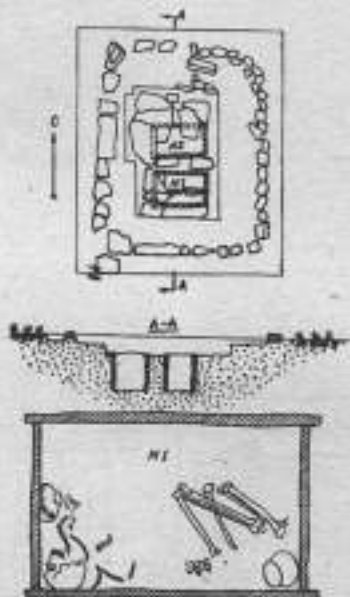

Рис. 31. Егизек I, ограда 23. План и разрез

Рис. 32. Егизек I, ограда 23. Керамические сосуды

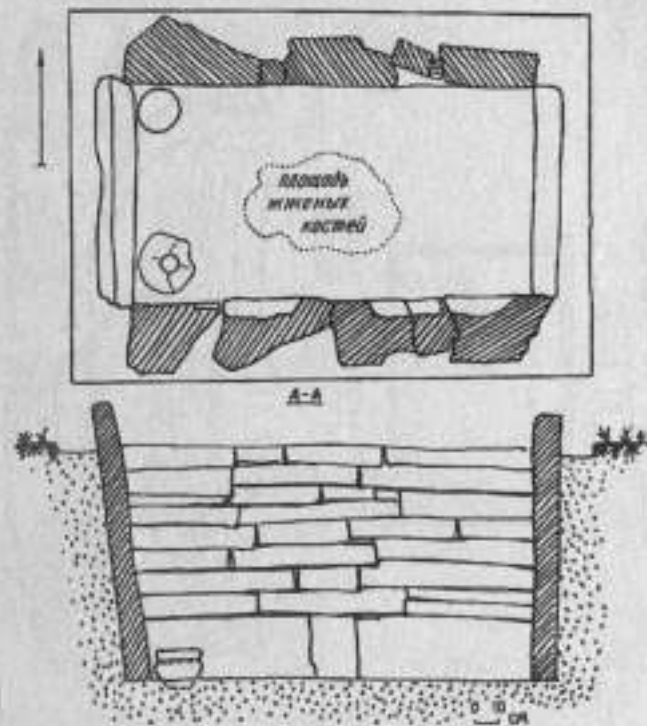

Рис. 33. Егизек II, ограда 2. План разреза

Рис. 34. Егизек II, ограда 2. Керамические сосуды

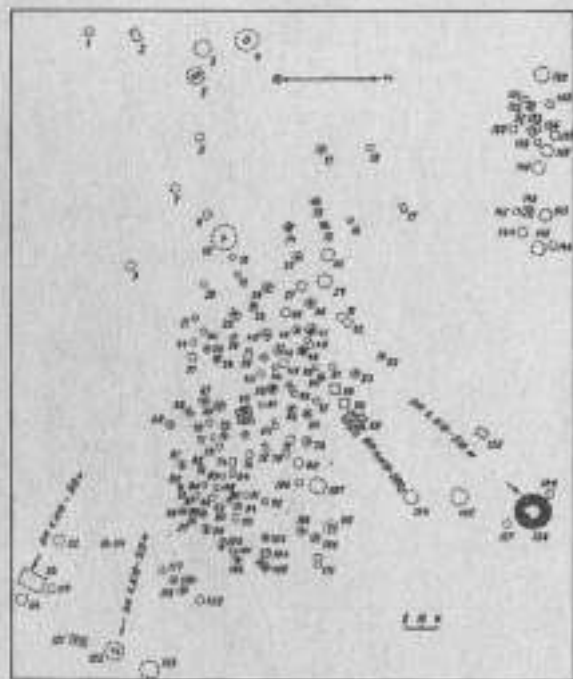

Рис. 35. План могильника Беласар

Рис. 36. Беласар. Тилы оград

Рис. 37. Беласар. Керамика переходного этапа: 1,4 - из ограды 6, 2 - из ограды 3 (24), 3 - из ограды 60

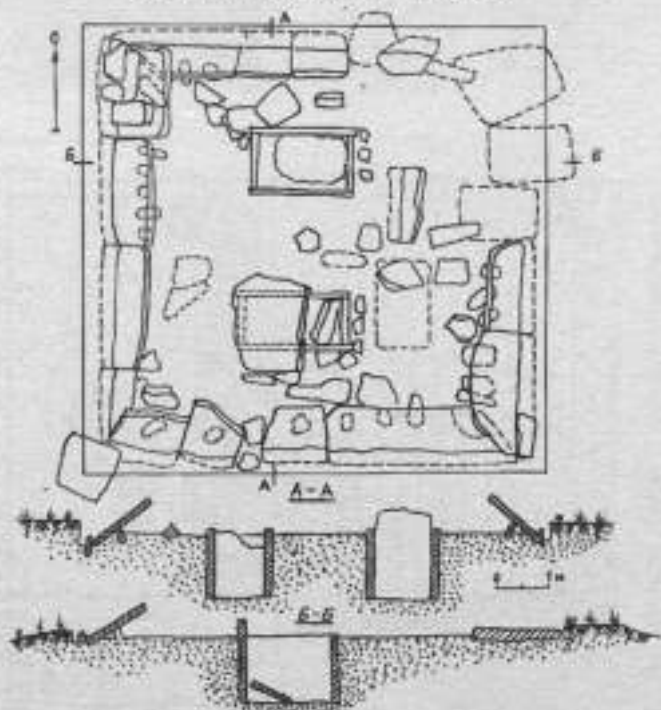

Рис. 38. Беласар. План и разрезы ограды 3 (по плану 24)

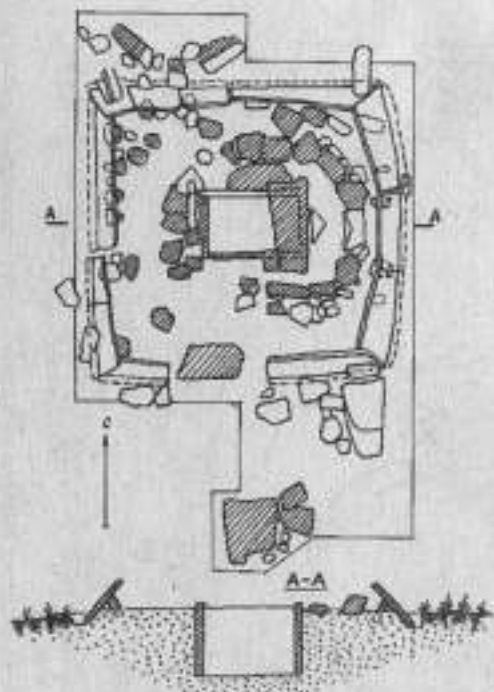

Рис. 39. Беласар. План и разрез ограды 4 (по плану 17)

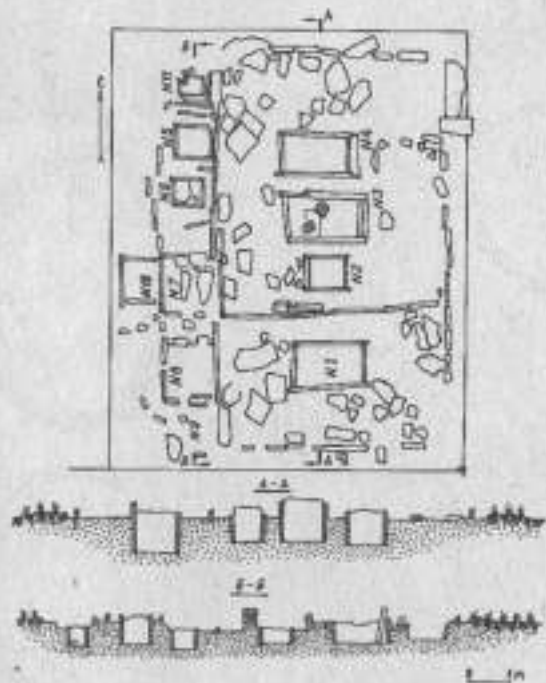

Рис. 40. Беласар. План и разрезы ограды 5 (по плану 65)

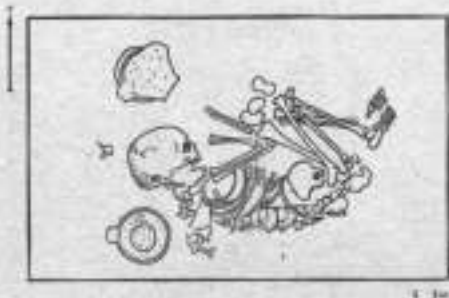

Рис. 41. Ограда 5, ящик 7. Погребение в скорченном положении на левом боку

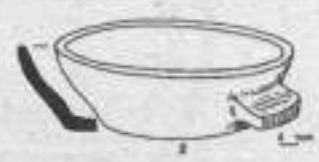

Рис. 42. Глиняная чаша с ручкой из ограды 5 (65)

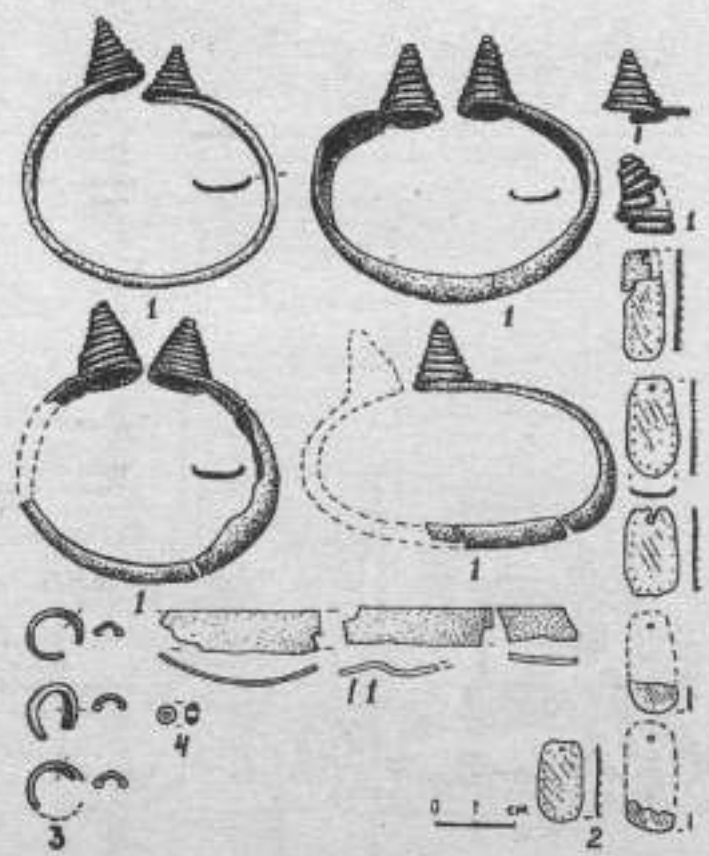

Рис. 43. Беласар. Находки из ограды 5 (65); 1 - бронзовые браслеты и их фрагменты; 2 - бронзовые нашивные бляшки; 3 - бронзовые серьги; 4 - бронзовые бусы

Рис. 44. Беласар. Вид кургана-ограды 6 (42)

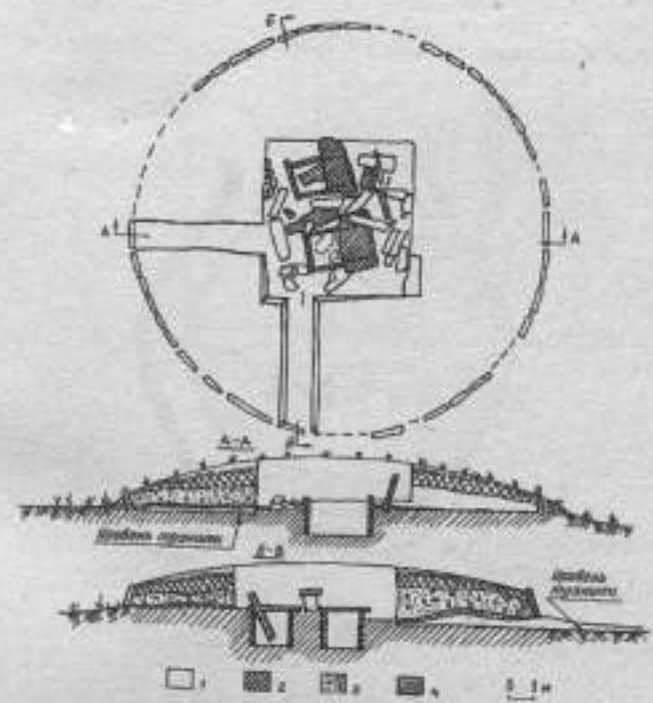

Рис. 45. Беласар. План и разрез курган-ограды 2 (10)

Рис. 46. Беласар. Керамика из кургана-ограды 2 (сосуды 1, 2)

Рис. 47. Беласар. Кувшин из кургана-ограды 2

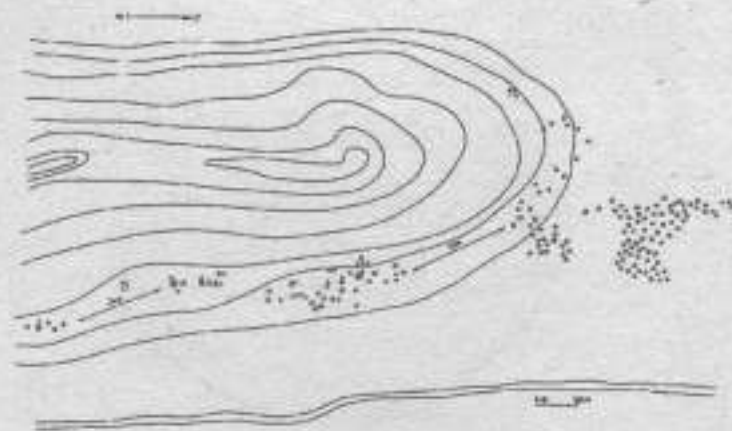

Рис. 48. План комплекса Балакулбоғды

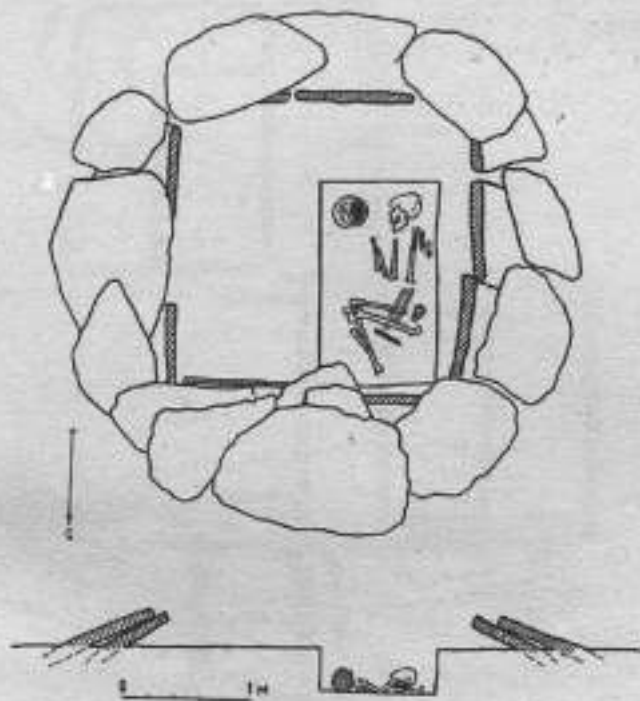

Рис. 49. Балакулбоғды III.
План и разрез ограды 2 (9)

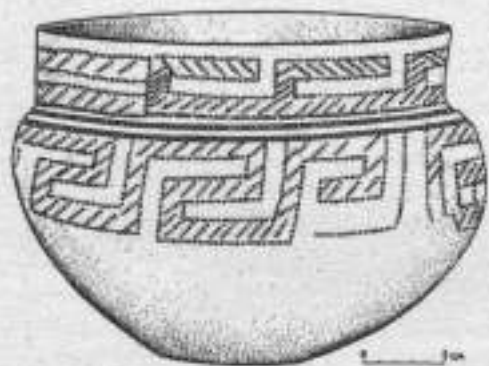

Рис. 50. Балакулболды III.
Сосуд из ограды 2

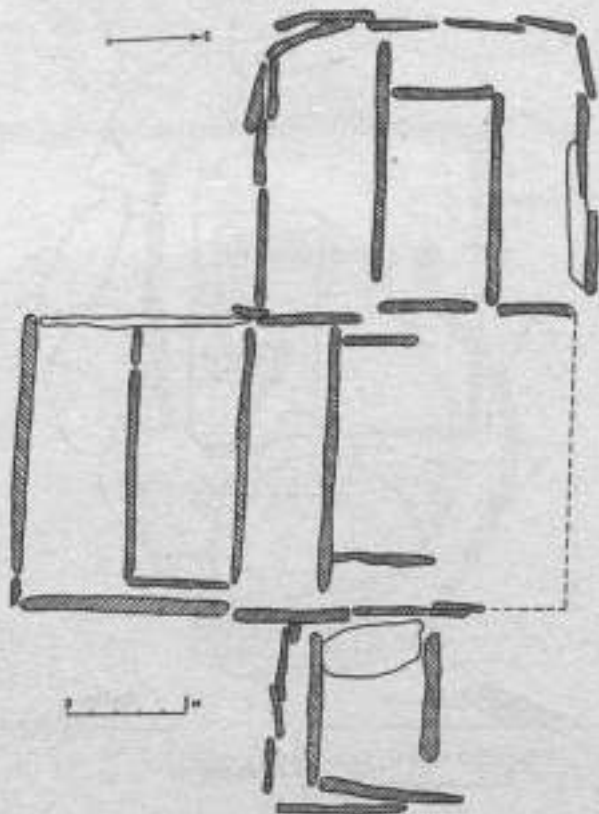

Рис. 51. Балакулболды III. План ограды 3

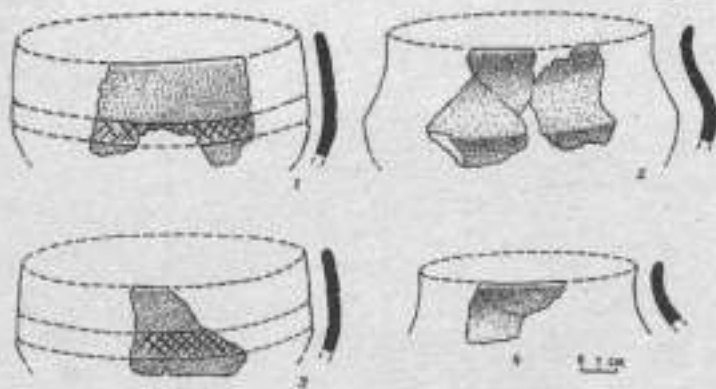

Рис. 52. Балакулболды III. Керамика

Рис. 53. Балакулболды II.
План и разрез ограды 3 (10)

Рис. 54. Балакулболды II.
Ограда 10. Бронзовый наконечник
стрелы, вонзившейся в тазовую
кость человека

Рис. 55. Курган Байбала II.

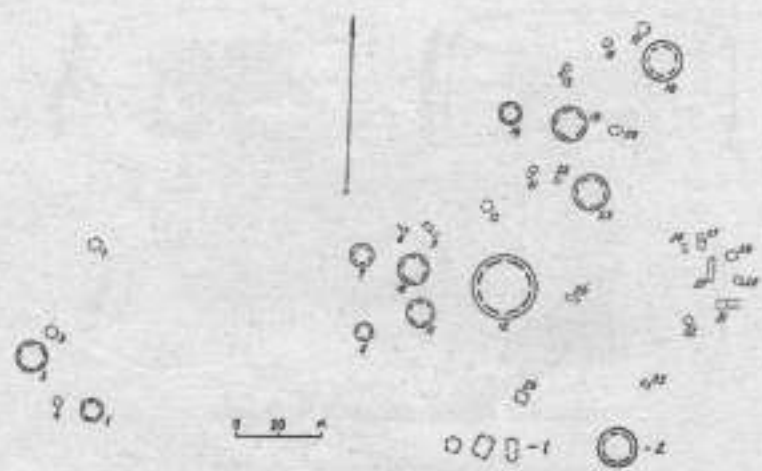

Рис. 56. План комплекса Аксу-Аулы II

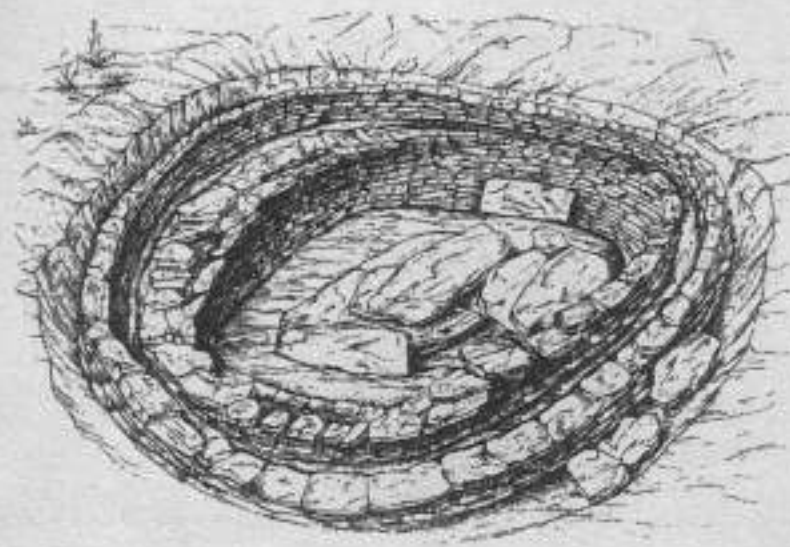

Рис. 58. Аксу-Аулы II Основание скального мавзолея III

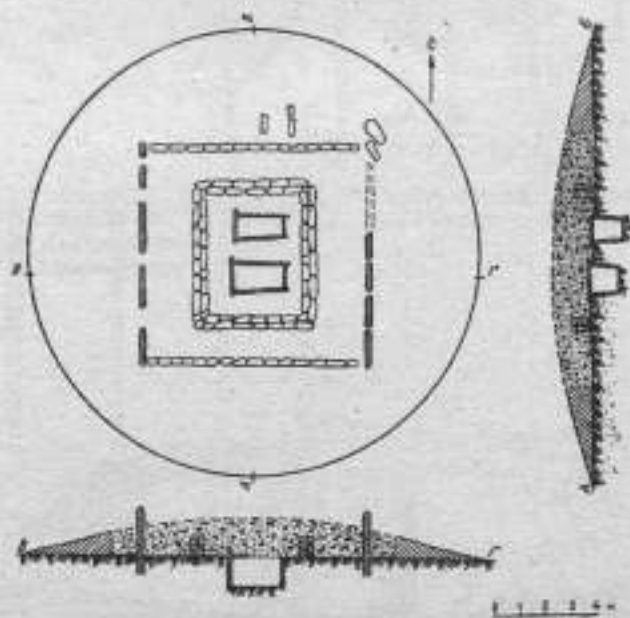

Рис. 56. Аксу-Аулы II План и разрезы кургана 2

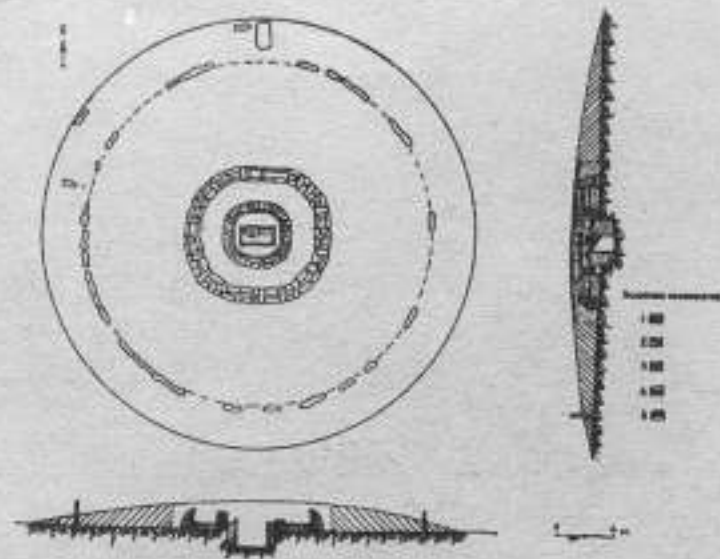

Рис. 59. Аксу-Аулы II План и разрез кургана 3 с кольцевой оградой:
1 - гумусовый слой, 2 - каменный завал, 3 - скопление угля, 4 - бутсека, 5 - материк

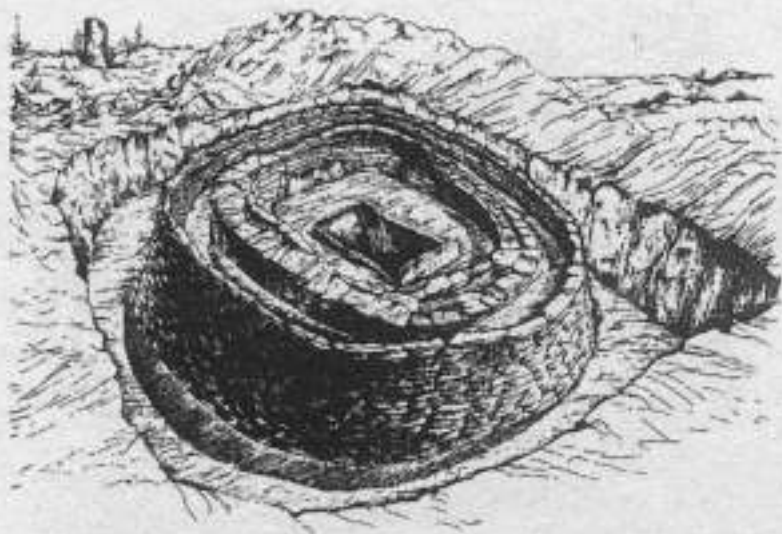

Рис. 60. Аксу-Аюлы II. Общий вид мавзолея 3

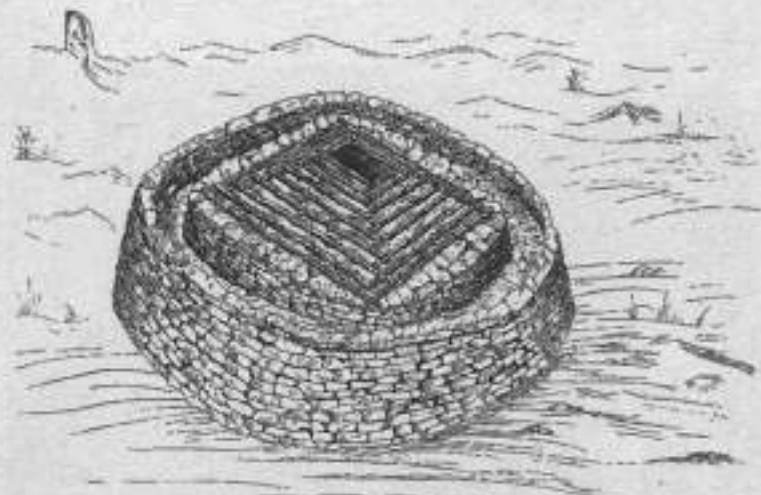

Рис. 60. Каменная гробница Аксу-Аюлы II (реконструкция перекрытия)

Рис. 61. Аксу-Аюлы II, часть северной и северо-восточной стен

Рис. 63. Аксу-Аюлы II. Керамика из мавзолея 3

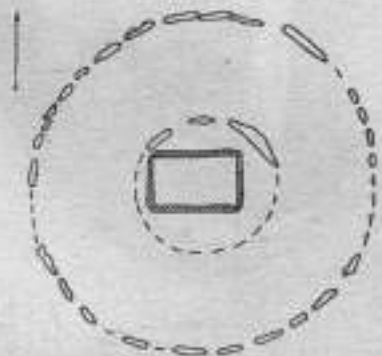

Рис. 64. Аксу-Аюлы II. План и погребение верблюжонка в ограде 4

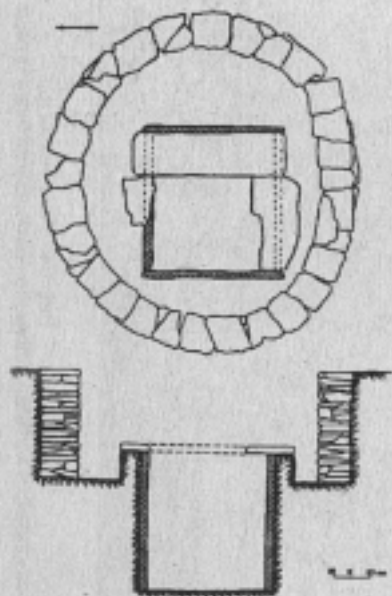

Рис. 65. Ортау II.
План и разрез кургана 1

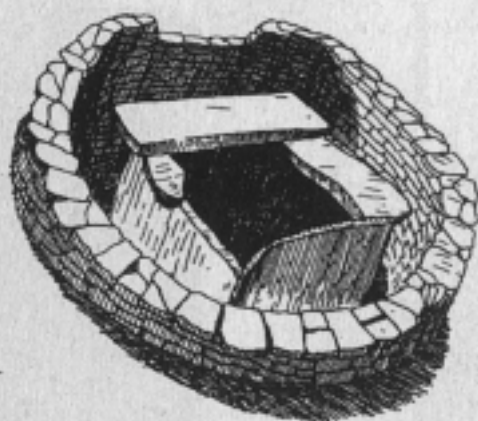

Рис. 66. Ортау II. Вид каменной
гробницы из кургана 1

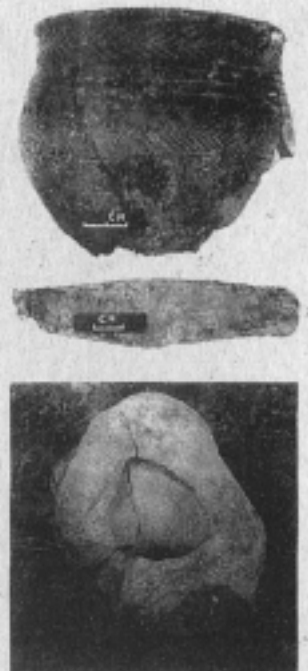

Рис. 67. Ортау I. Вещи из курганов эпохи бронзы:
1 - глиняный сосуд из кургана 3, 2 - бронзовый нож из кургана 2,
3 - каменная терка из кургана 3

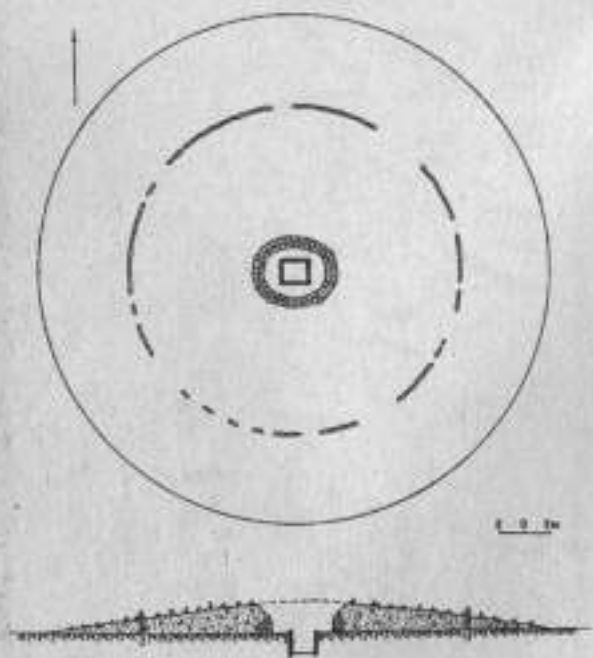

Рис. 68. Ортау II. План и разрез кургана 2

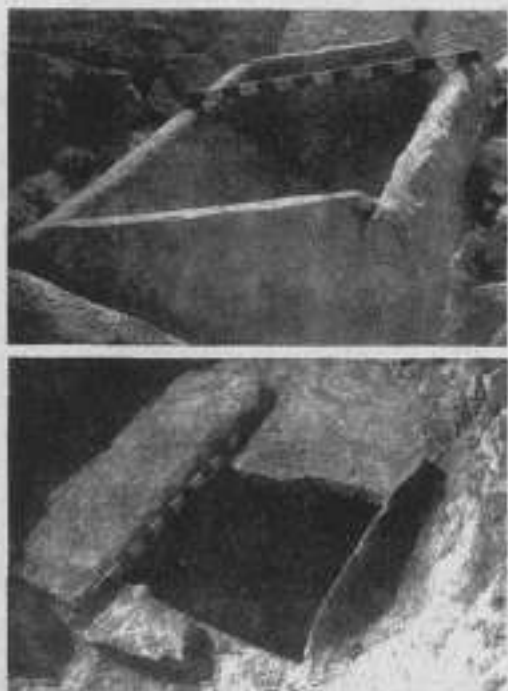

Рис. 69. Тип погребальных склепов раннебашкирского времени; верхний - из комплекса Байбала II, ограда 1, нижний - из комплекса Ортау II, ограда 1

Рис. 70. Керамика из комплекса Ортау II

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ВТОРОЙ ЧАСТИ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Рис. 1. Карта памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана.
1 - менгиры; 2 - зооморфные каменные изваяния; 3 - наскальные изображения; 4 - курганы-ограды с каменной насыпью; 5 - мавзолеи; 6 - поселения; 7 - курганы-ограды со смешанной насыпью

Рис. 2. План комплекса Бегазы

Рис. 3. Бегазы. Общий вид мавзолеев 1 и 2 с северо-запада.

Рис. 4. Бегазы I. Западная стена

Рис. 7. Бегазы. Северо-восточный угол

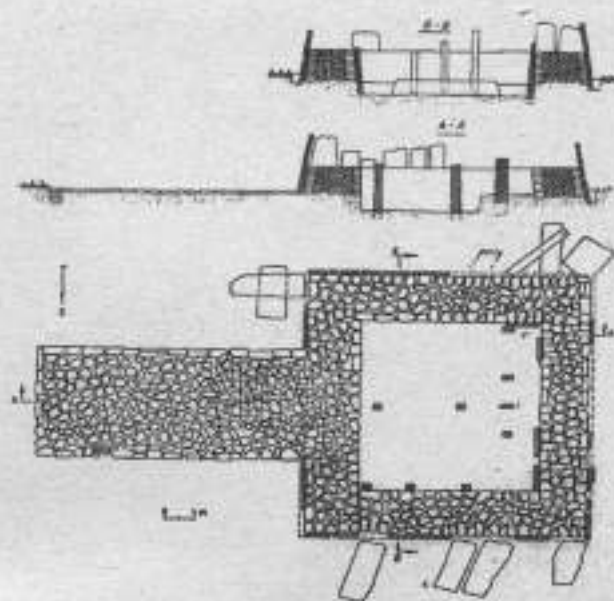

Рис. 5. Бегазы. План и разрезы мавзолея 1

Рис. 6. Бегазы. Мавзолей 1. Южная стена

Рис. 8. Бегазы. Мавзолей 1. Северо-западная часть интерьера

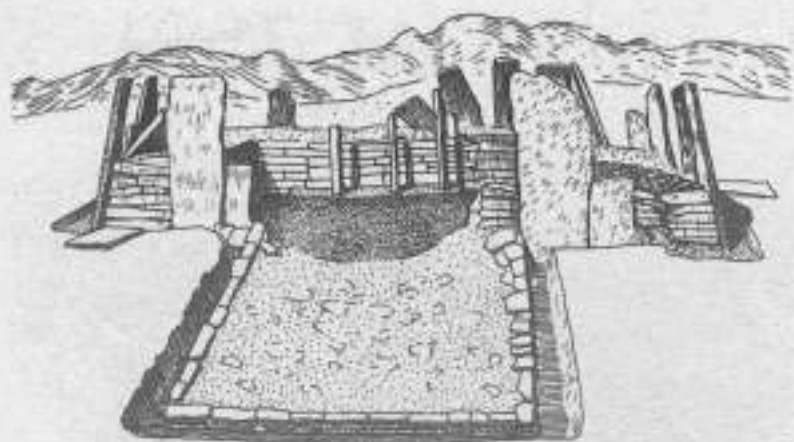

Рис. 9. Бегазы. Мавзолей 1. Вход в мавзолей

Рис. 10. Бегазы. Мавзолей 1. Вид тамбура

Рис. 11. Бегазы. Мавзолей 1. Ряд жертвенных менгиров

Рис. 12. Бегазы 1. Техника кладки из камня

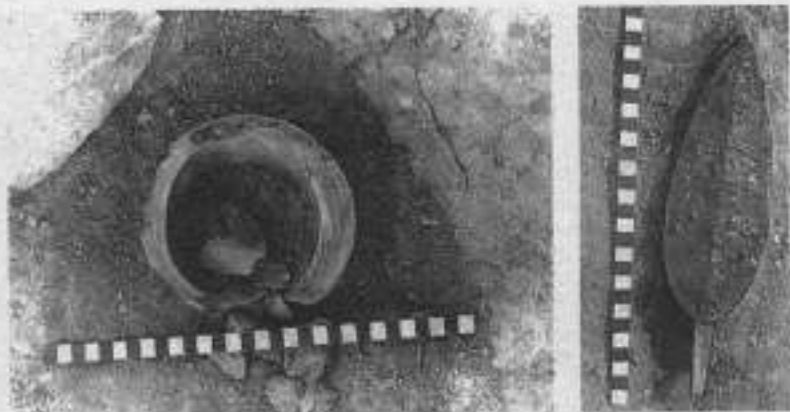

Рис. 13. Бегазы. Мавзолей 1.
Сосуд и медный наконечник копья

Рис. 14. Кувшин 1 из мавзолея 1

Рис. 15. Кувшин 2 из мавзолея 1

Рис. 16. Кувшин 3 из мавзолея 1

Рис. 17. Кувшин 4 из мавзолея 1

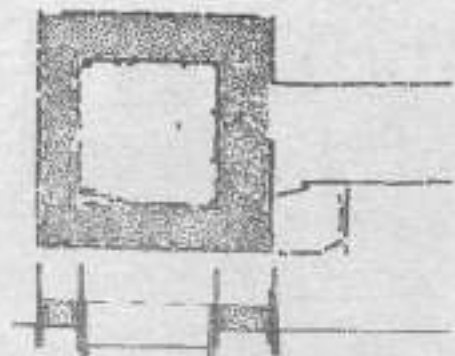

Рис. 18. Бегазы. Мавзолей 2. План и разрез

Рис. 19. Бегазы. Общий вид мавзолея 2

Рис. 20. Фрагмент юго-западного угла

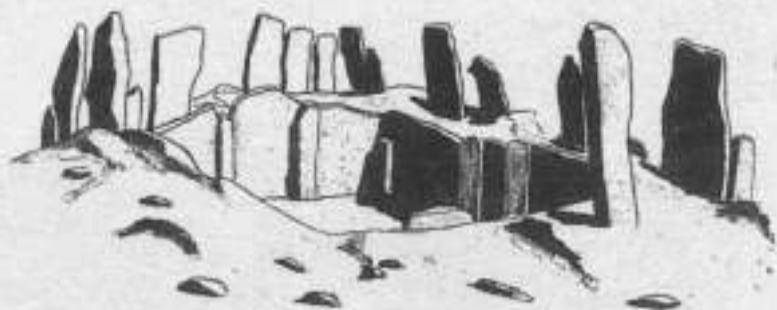

Рис. 21. Бегазы. Интерьер мавзолея 2

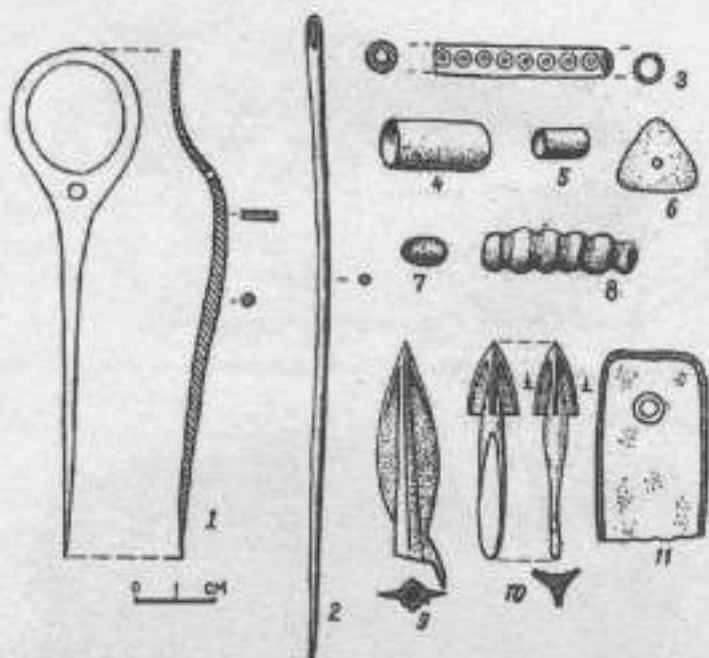

Рис. 22. Находки из мавзолеев Бегазы: 1, 2, 3, 6 - из мавзолея 5; 5, 8, 9, 10 - из мавзолея 2; 4, 7, 11 - из мавзолея 3. 1 - бронзовая булавка; 2 - бронзовая игла; 3 - костяной футляр с орнаментом; 4-5 - костяные трубки; 6 - бронзовая накладка; 7 - круглый камень; 8 - костяная пуговица; 9, 10 - бронзовые наконечники стрел; 11 - точильный камень (мусат)

1

Рис. 23. Бегазы. 1 - мавзолей 3. Вид с востока.
2 - остатки каменного мавзолея 4

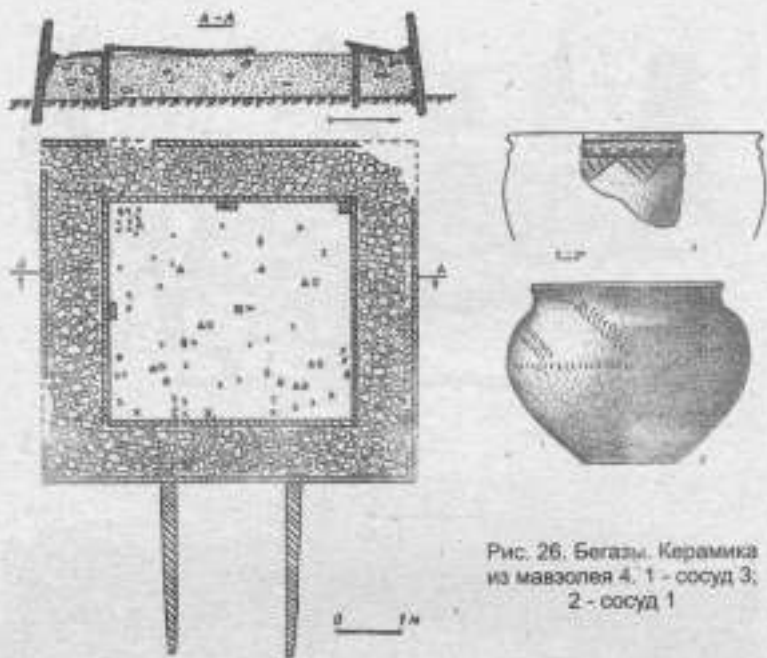

Рис. 24. Бегазы. План и разрез мавзолея 3

Рис. 26. Бегазы. Керамика из мавзолея 4. 1 - сосуд 3, 2 - сосуд 1

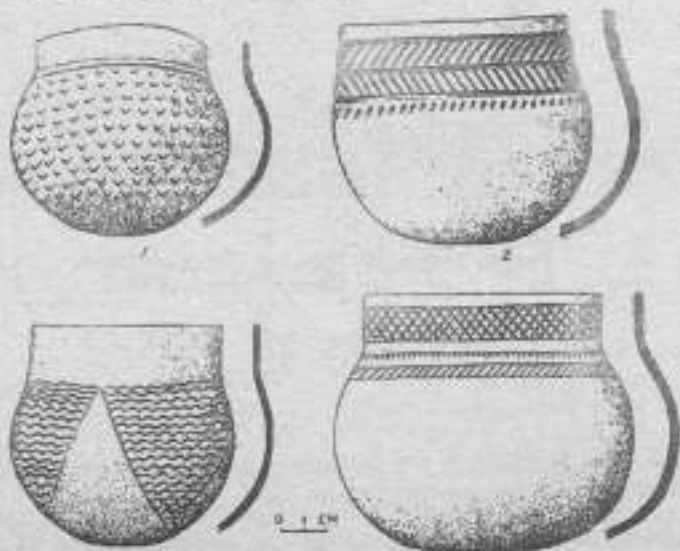

Рис. 25. Бегазы. Керамика: 1, 2, 3 - из мавзолея 3, 4 - из мавзолея 4

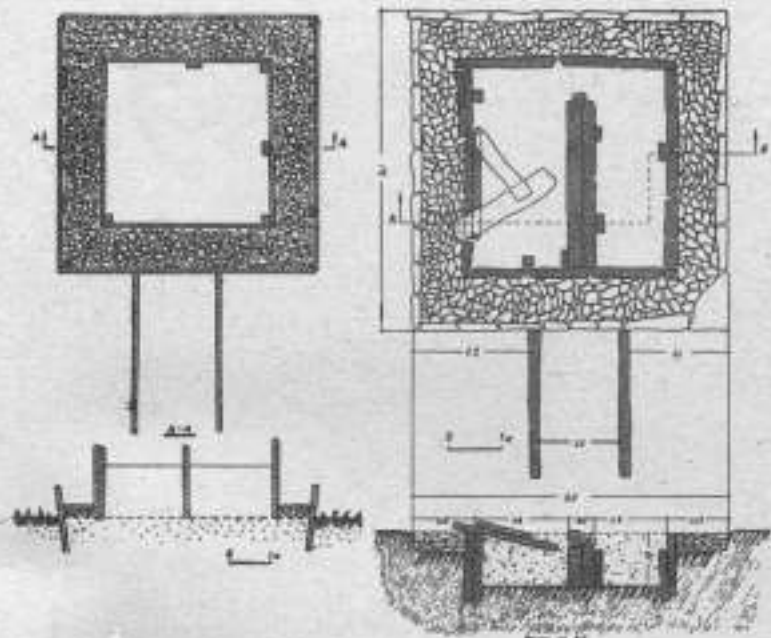

Рис. 27. Бегазы. Мавзолей 4. План и разрез

Рис. 29. Бегазы. План и разрез мавзолея 5

Рис. 28. Бегазы. Остатки скального мавзолея 5

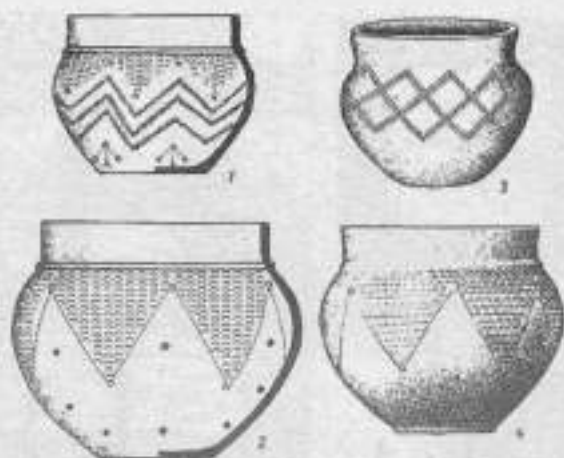

Рис. 30. Бегазы. Керамика: 1 - сосуд 2 из мавзолея 6; 2 - сосуд 1 из мавзолея 6; 3 - сосуд 5 из мавзолея 5; 4 - сосуд 4 из мавзолея 5

Рис. 31. Бегазы. Керамика: 1 - сосуд 2 из мавзолея 6; 2 - сосуд 1 из мавзолея 6; 3 - сосуд 5 из мавзолея 5; 4 - сосуд 4 из мавзолея 5

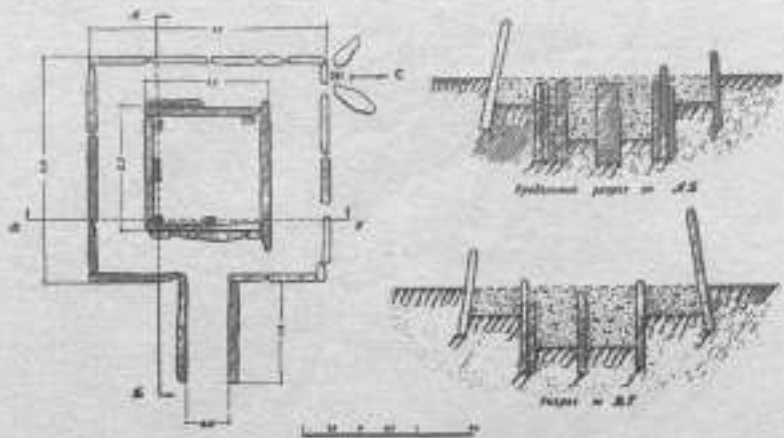

Рис. 34. Бегазы. План и разрез мавзолея 6

Рис. 32. Отстатки мавзолея 6

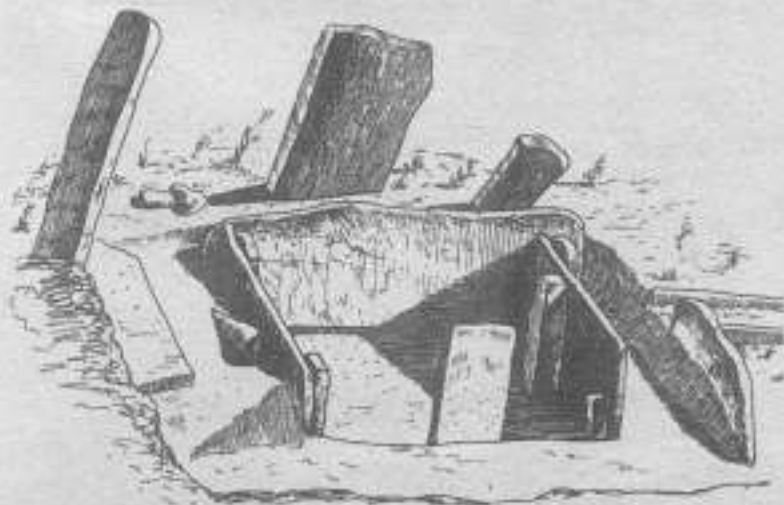

Рис. 33. Бегазы. Скальный мавзолей 6

Рис. 35. План
каменного мавзолея
Бугулы III
и культовых ям

Рис. 36. Курган Бугулы III до раскопок

Рис. 38. Мавзолей Бугулы III

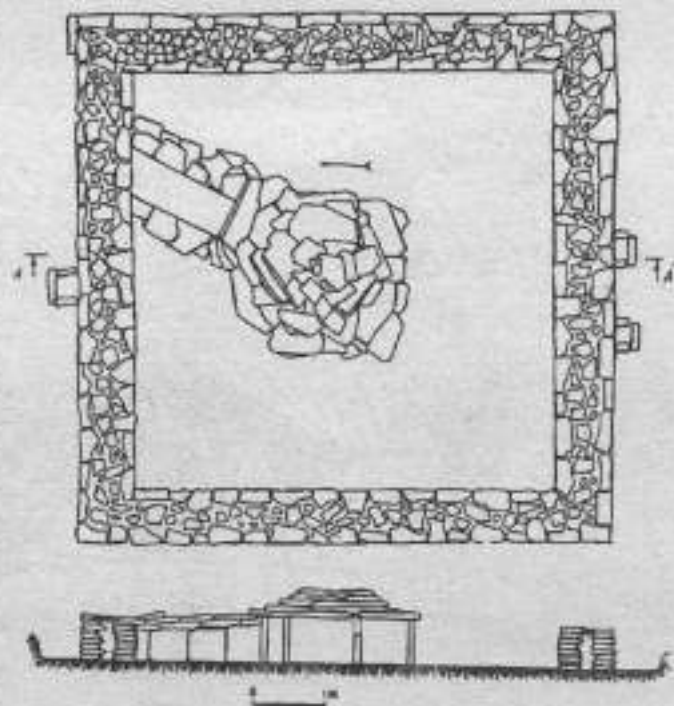

Рис. 37. План и разрез мавзолея Бугулы III

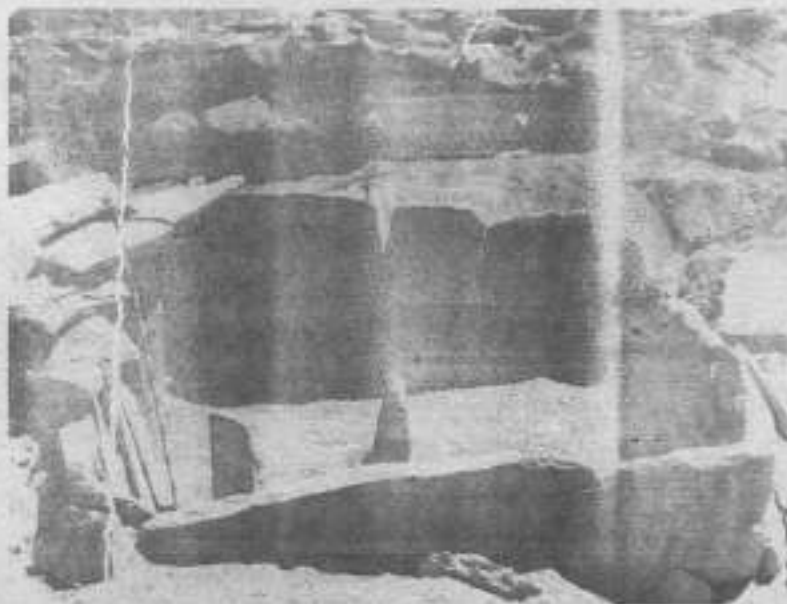

Рис. 39. Бугулы III. Структура внутреннего сооружения

Рис. 40. Бугулы III. 1 - восточная стена мавзолея; 2 - северная стена

Рис. 42. Бугулы III. 1 - внутренний коридор; 2 - вход изнутри, закрытый плитой

Рис. 41. Бугулы III. Паремычка над коридором

Рис. 43. Бугулы III. Пирамидально-ступенчатое перекрытие

Рис. 44. Бугулы III. Ящик для ребенка у северной стены

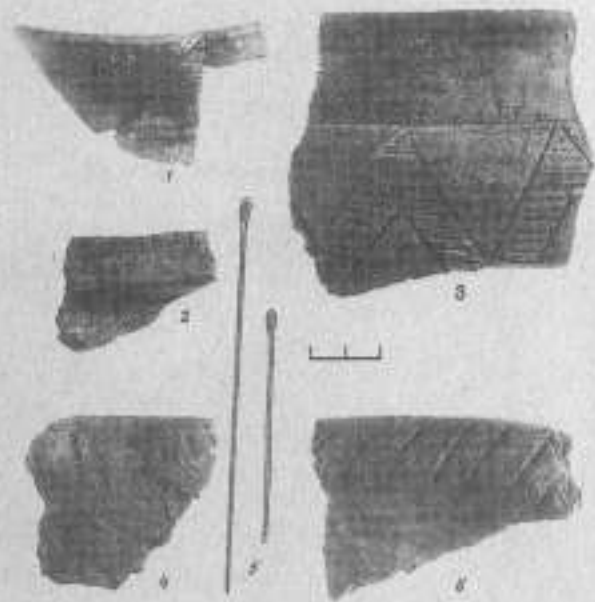

Рис. 45. Керамика и бронзовые иглы из мавзолея Бугулы III

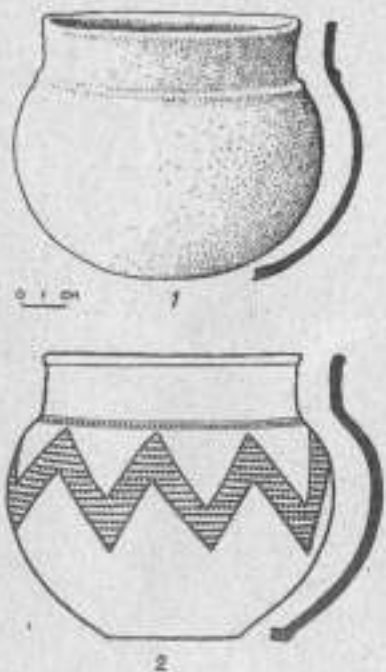

Рис. 46. Глиняные сосуды из мавзолея Бугулы III

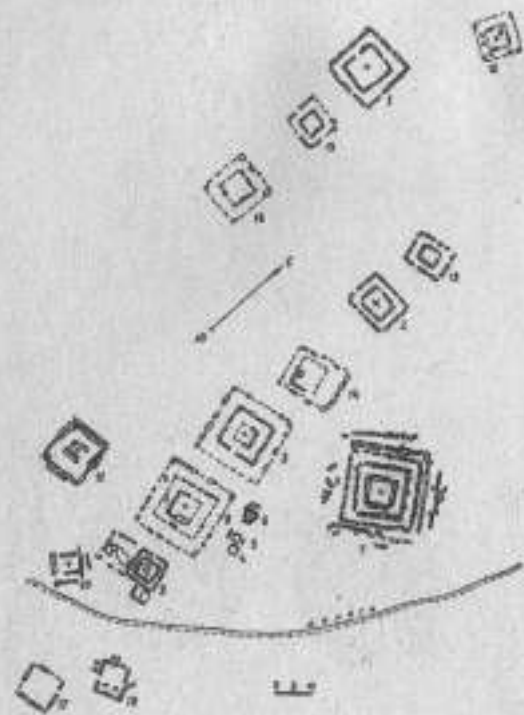

Рис. 47. Сангру I. План некрополя

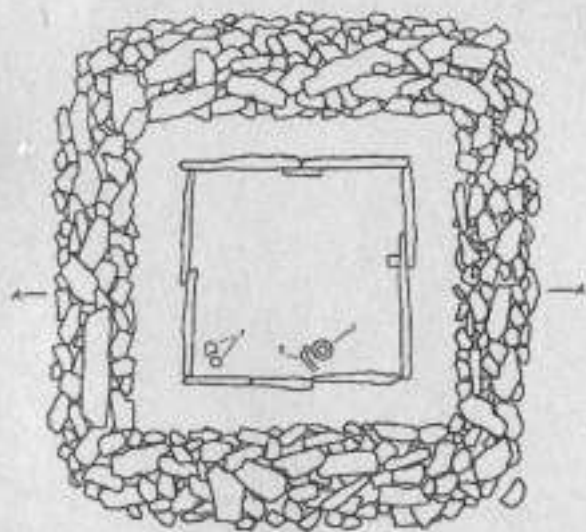

Рис. 48. Сангру I. План и разрез скального мавзолея 1

Рис. 49. Сангру I

Рис. 50. Сангру I. Сосуд 1
из мавзолея 1

Рис. 51. Сангру I. Кувшин 2
из мавзолея 1

Рис. 52. Сангру I. Мавзолей 1.
1 - сосуд 3; 2 - дно сосуда 3

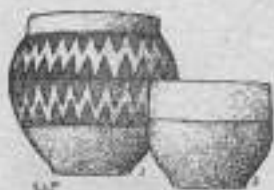

Рис. 53. Керамика из
Сангру I.

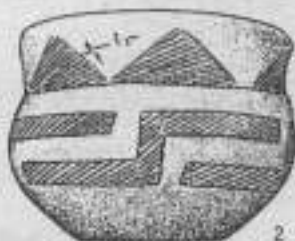

1

1

1 cm

2

2

1 cm

Рис. 54. Сангру I. Глиняные чаши:
1 - из мавзолея 1; 2 - из ограды 3

Рис. 56. Сангру I. Керамика:
1 - сосуд из ограды 3;
2 - сосуд из ограды 2

Рис. 55. Сангру I. План и разрез ограды 2

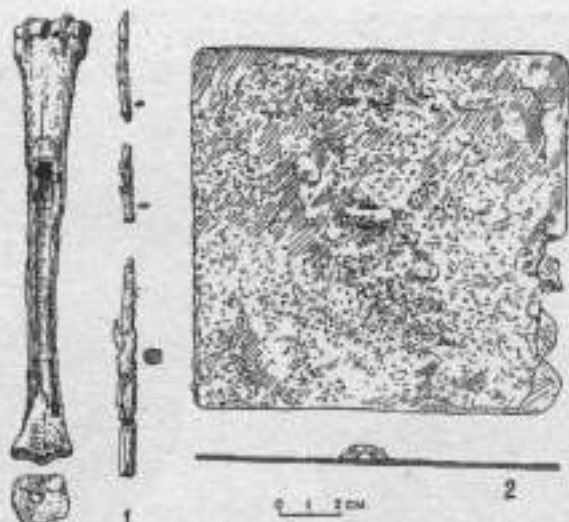

Рис. 57. Сангру I. Находки из ограды 2; 1 - бронзовое шило в костяном футляре; 2 - бронзовое зеркало

Рис. 58. Сангру I. Ограды 4 и 5

Рис. 59. Сангру I. Сосуд 1 из ограды 3

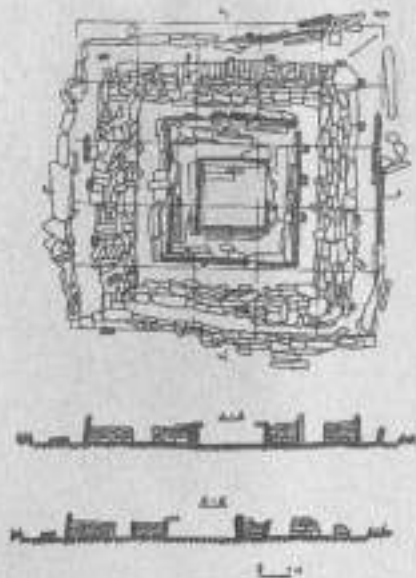
2

1

3

7

Рис. 60. Находки из ограды 1 Сангру III:
1 - бронзовый наконечник стрелы;
2 - бронзовая накладка крестообразной формы;
3 - бронзовый пирцет из ограды 4 Сангру I

Рис. 61. Сангру I. План и разрезы мавзолея 7

Рис. 62. Сангру I. Техника горизонтальной кладки

Рис. 63. Сангру I.
Керамика мавзолея 7

Рис. 64. Сангру I.
Керамика 1 - сосуд
из мавзолея 10;
2 - сосуд 3 из мавзолея 7

Рис. 65. Сангру I. Сосуд 7 из мавзолея 7

Рис. 66. Сангру I. Керамика: 1 - сосуд 4 из мавзолея 7; 2 - сосуд из ограды 8

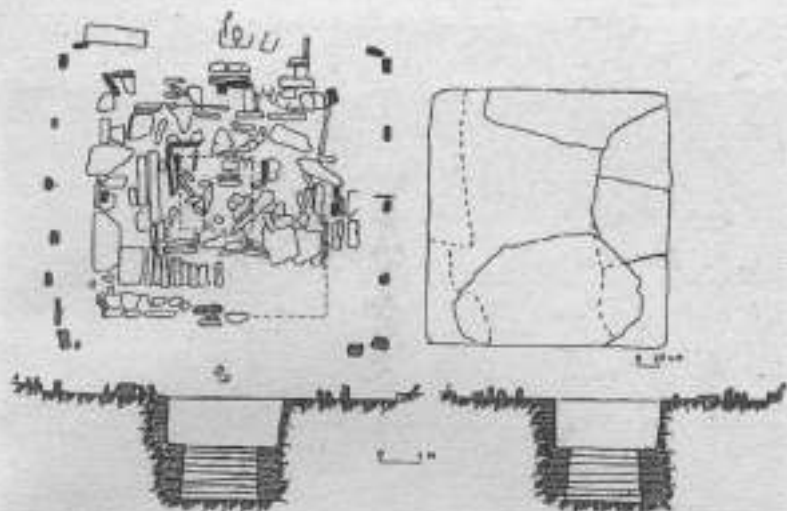

Рис. 67. Сангру I. План первого и второго этажа и разрезы ограды 8

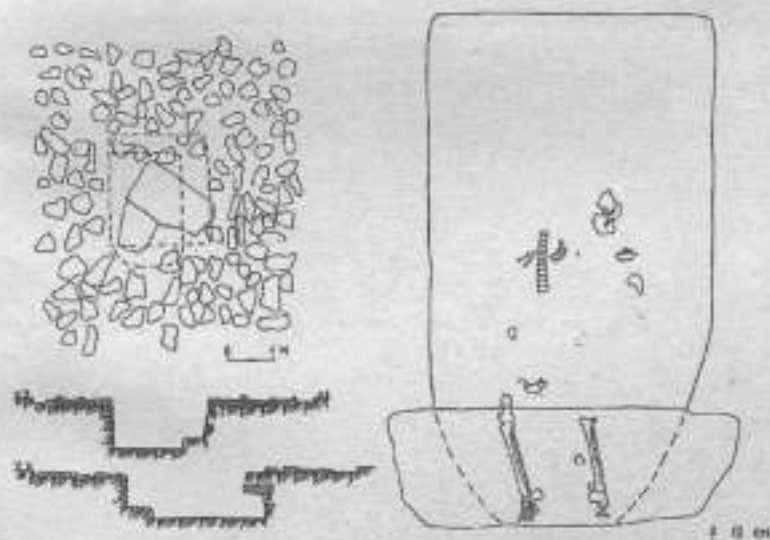

Рис. 70. Сангру I. План и разрезы ограды 12

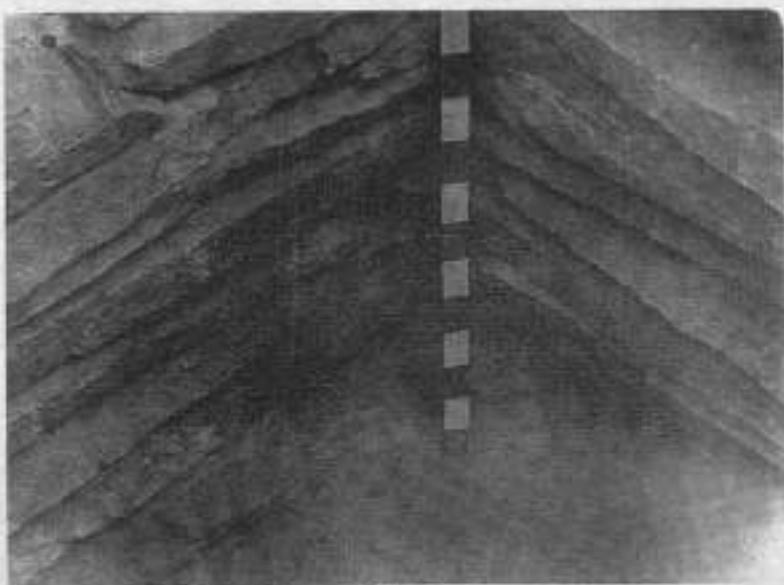

Рис. 68. Сангру I, ограда 8. Фрагмент цисты нижнего этажа

Рис. 69. Сангру I. Сосуд 1 из ограды 3

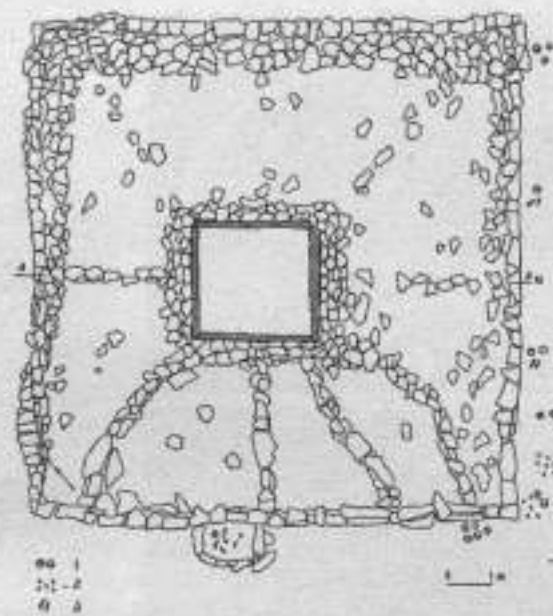

Рис. 71. Айбас-Дарасы. План и разрез курган-ограды

Рис. 72. Айбас-Дарасы. Керамика

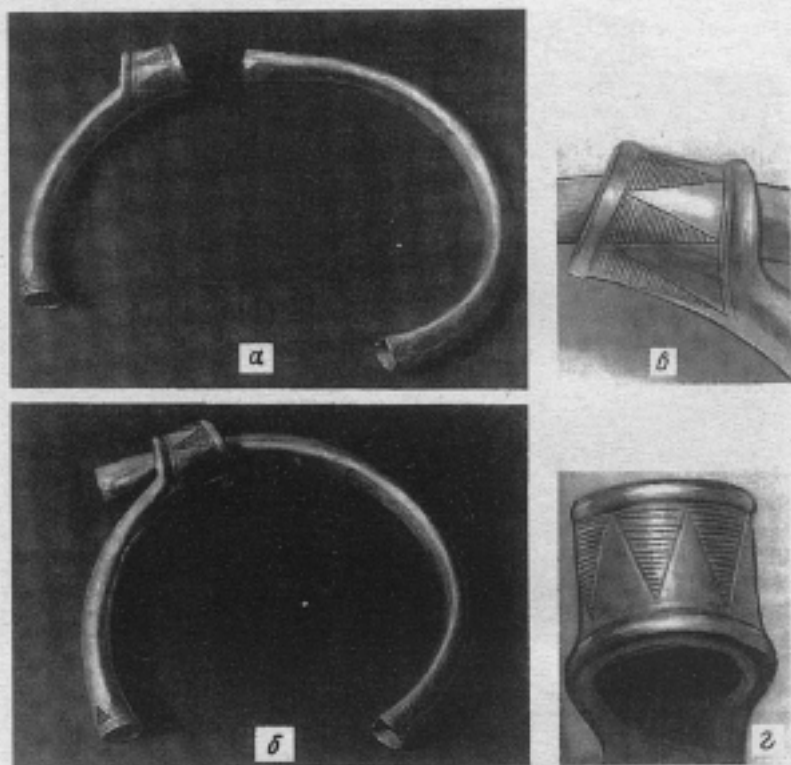

Рис. 73. Айбас-Дарасы, а, б - золотой браслет;
в, г - увеличенные фрагменты

Рис. 74. Айбас-Дарасы. Керамика: 1 - сосуд 21; 2 - сосуд 7

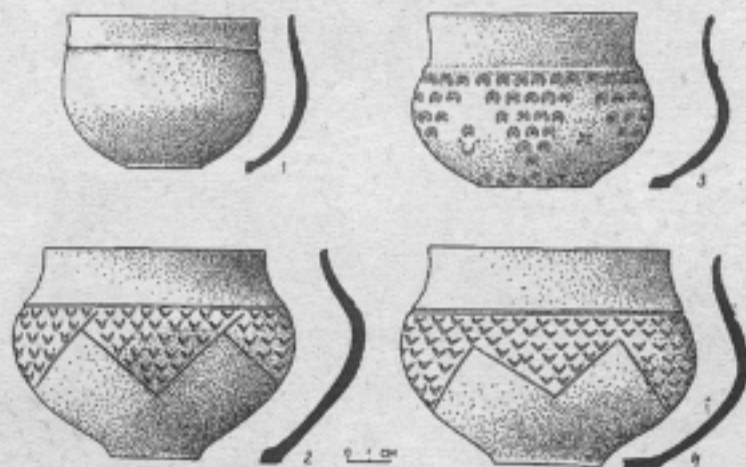

Рис. 75. Айбас-Дарасы. Керамика: 1 - сосуд 10; 2 - сосуд 12;
3 - сосуд 13; 4 - сосуд 11

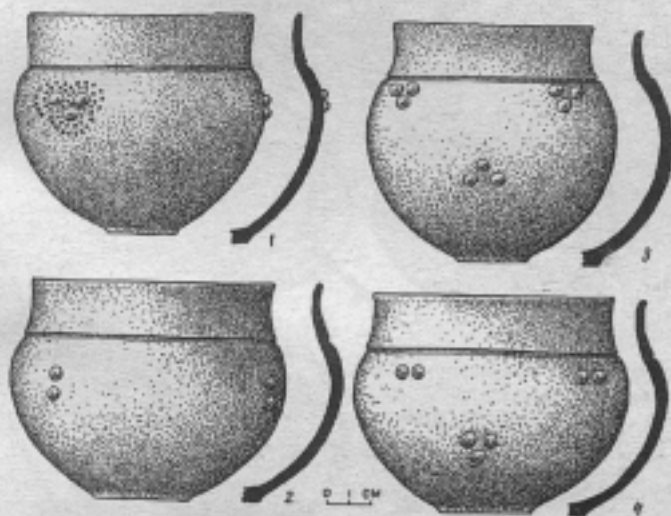

Рис. 76. Айбас-Дарасы. Керамика: 1 - сосуд 16; 2 - сосуд 15;
3 - сосуд 14; 4 - сосуд 20

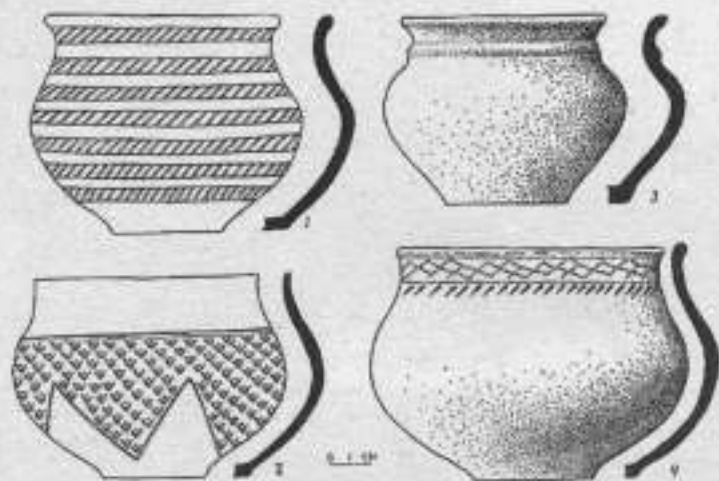

Рис. 77. Айбас-Дарасы. Керамика: 1 - сосуд 18; 2 - сосуд 17;
3 - сосуд 28; 4 - сосуд 19

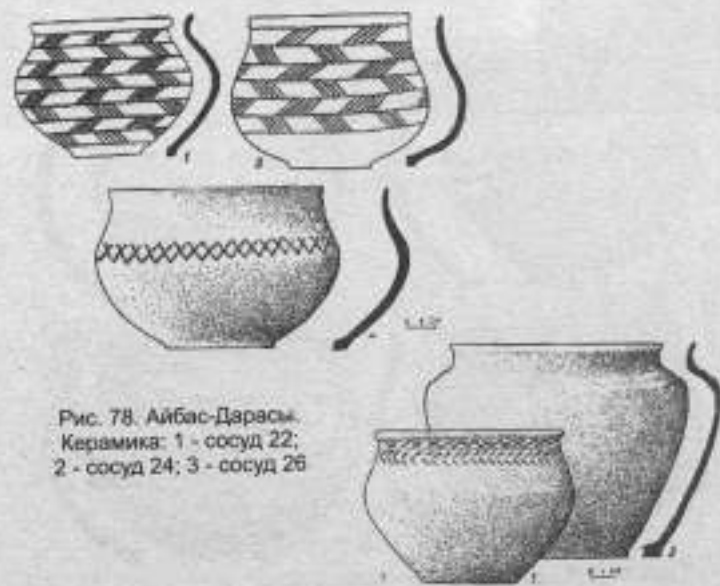

Рис. 78. Айбас-Дарасы. Керамика: 1 - сосуд 22;
2 - сосуд 24; 3 - сосуд 26

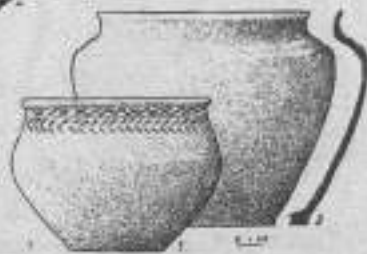

Рис. 79. Айбас-Дарасы. Керамика:
1 - сосуд 23; 2 - сосуд 27

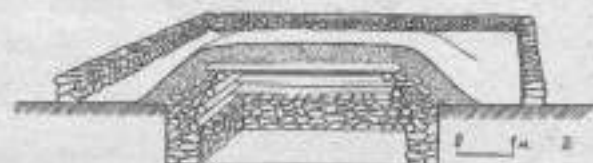

Рис. 80. План и разрез ограды 11 могильника Дандыбай

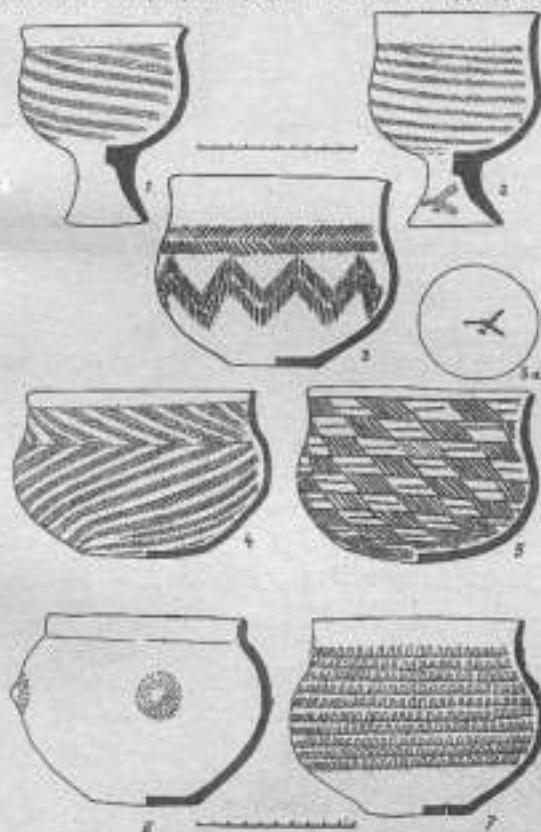

Рис. 81. Керамика Дандыбай

Рис. 82. План памятников
Айдарлы на р. Атасу

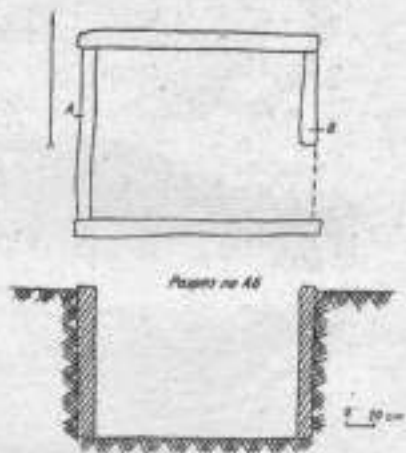

Рис. 83. Айдарлы.
План и разрез ограды 3

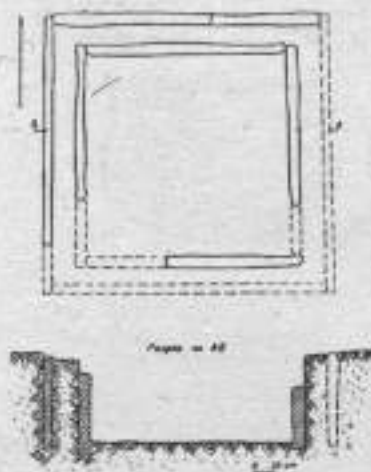

Рис. 84. Айдарлы.
План и разрез ограды 5

Рис. 85. Айдарлы. Ограда 5

Рис. 86. Керамика Айдарлы.
1-3 - ограда 1, 4-9 - ограда 5

Рис. 87. Керамика эпохи поздней
бронзы Центрального
Казахстана. Айдарлы, ограда 1

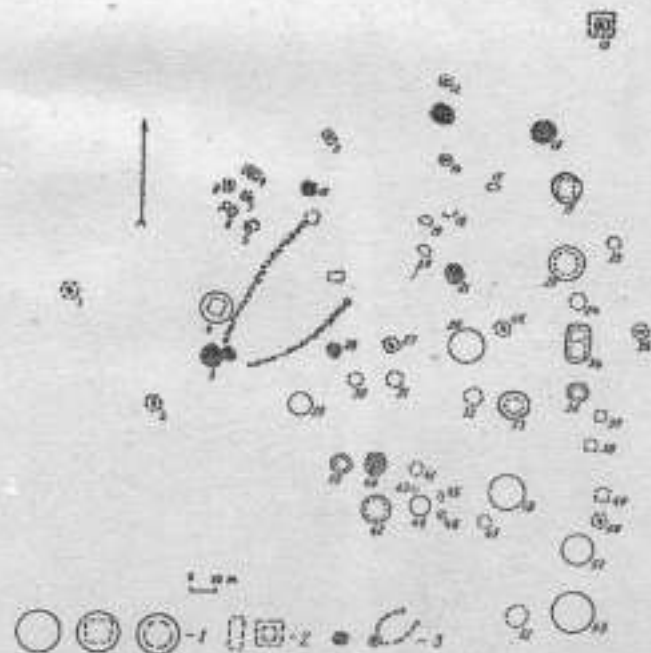

Рис. 88. План комплекса Бугулы II. 1 - курган, 2 - ограды, 3 - курган с усам

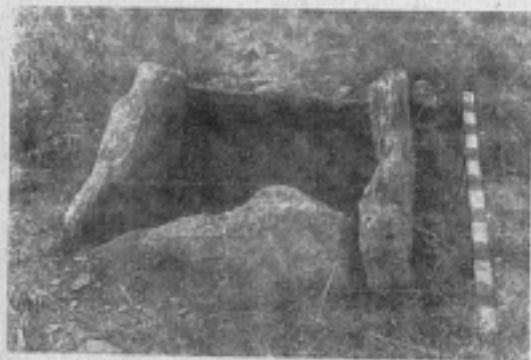

Рис. 90. Бугулы II. Погребальный каменный ящик

Рис. 89. Бугулы II. Вид погребальных ящиков

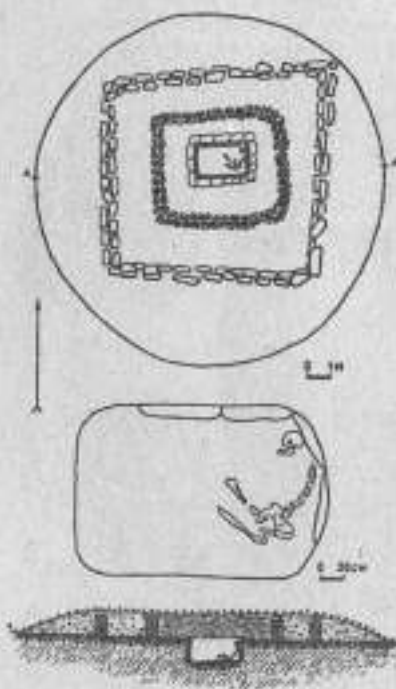

Рис. 91. Бугулы II.
План и разрез кургана 8

Рис. 92. Керамика Бугулы II,
1 - ограда 1; 2, 3 - ограда 6; 4 - ограда 10

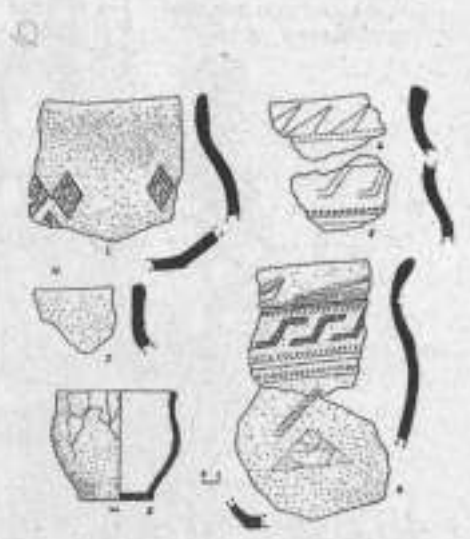

Рис. 93. Керамика Бугулы II.
1 - ограда 10, 2, 3, 6 - ограда 11, 4-5 - ограда 3

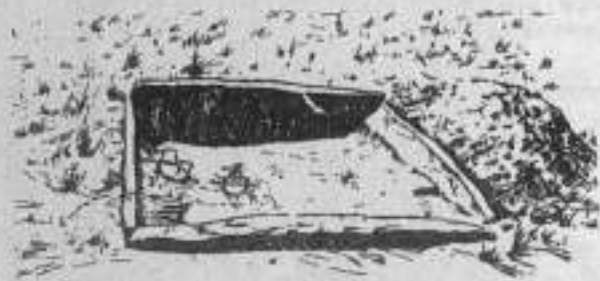

Рис. 94. Былкылдак I Б. План большого ящика 3

Рис. 95. Былкылдак I Б. Керамика из ограды:
1 - сосуд 1; 2 - сосуд 3; 3 - сосуд 4

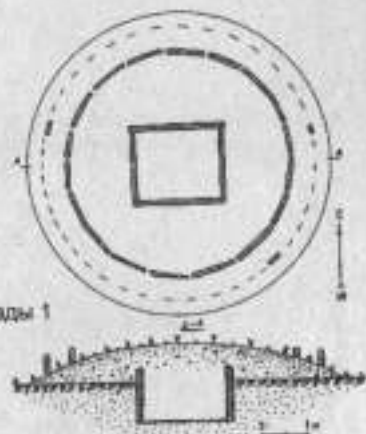

Рис. 96. Горы Кент.
План и разрез кургана-ограды 1

Рис. 97. Керамика из
кургана-ограды горы Кент
Каркаралинского района

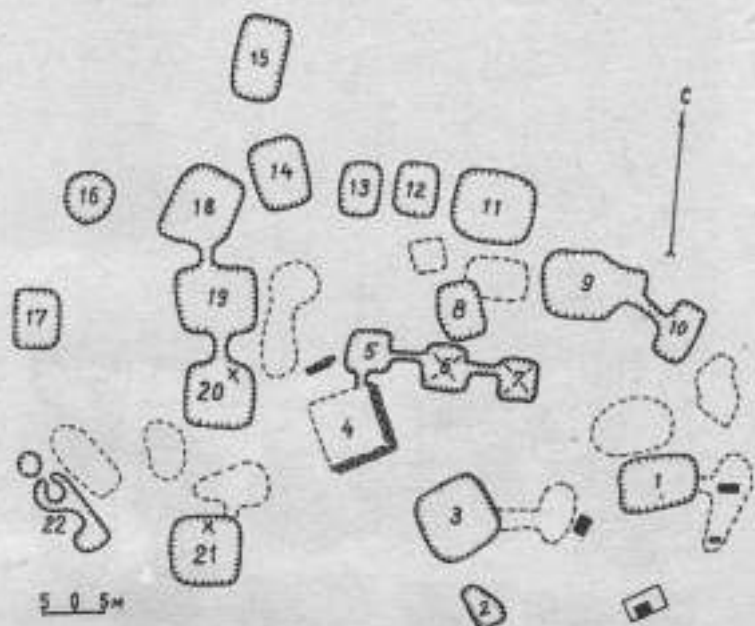

Рис. 98. План Атауского поселения

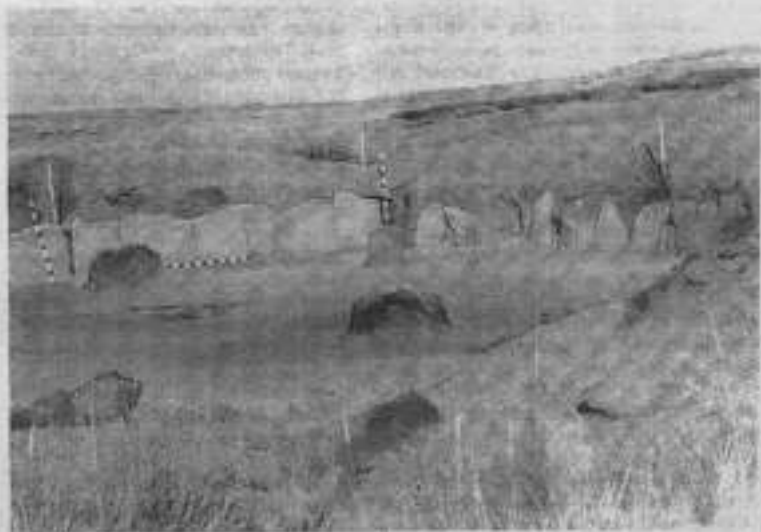

Рис. 99. Поселение Атасу. Скальные стены жилища

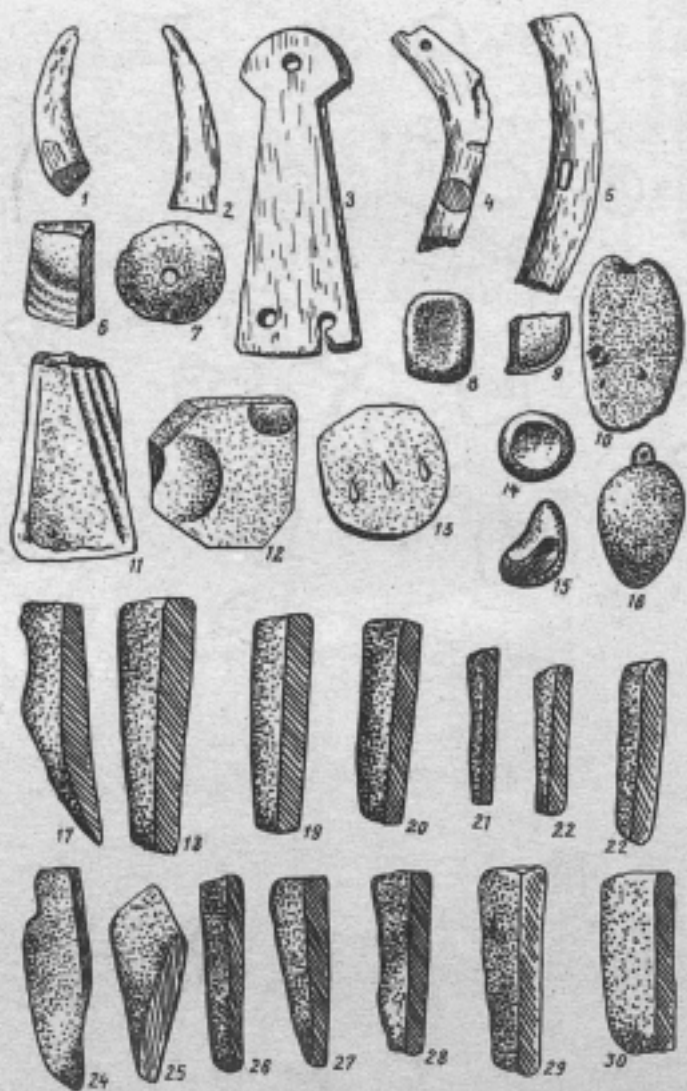

Рис. 100. Поселение Атасу. Находки из жилища 4: 1, 2 - зубы диких животных; 3, 4, 5 - псалии; 6, 11, 12, 13 - формы для литья; 7 - пряслице; 8-10, 14, 15 - тигельки; 16 - каменный шарик; 17-30 - пощипа

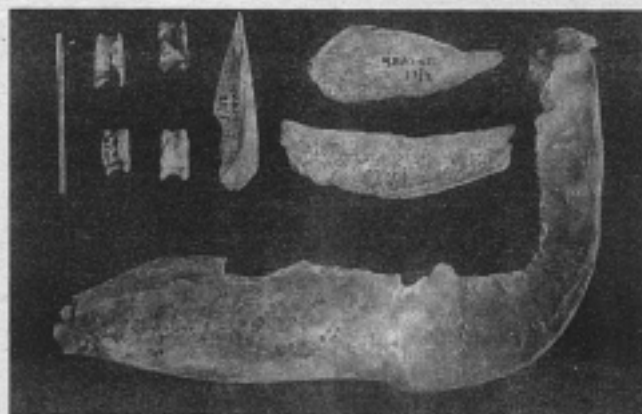

Рис. 101. Поселение Атасу I. Костяные изделия из жилища 4

Рис. 102. Поселение Атасу I. Керамика из жилища 4

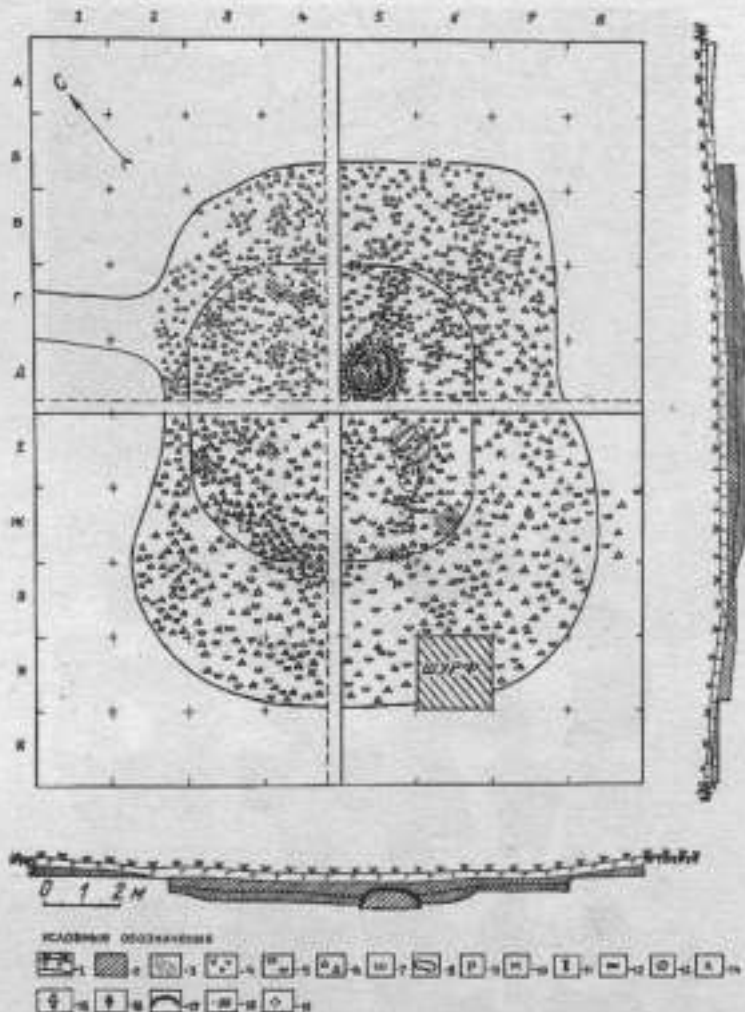

Рис. 103. Поселение Атасу. План и разрез культурного слоя жилища 21:
 1 - гумус; 2 - культурный слой; 3 - глиняная обмазка; 4 - зола, уголь, древесина; 5 - керамика; 6 - кости животных; 7 - шлак медный; 8 - орудия каменные; 9 - руда медная; 10 - медь; 11 - мотыги каменные; 12 - ложила каменные; 13 - пряслице; 14 - шлак керамический; 15 - наконечники костяные; 16 - наконечники каменные; 17 - гончарная печь; 18 - отметки глубины; 19 - выкладка каменная

Рис. 104. Поселение Атасу I. Керамика из жилищ 20 и 21

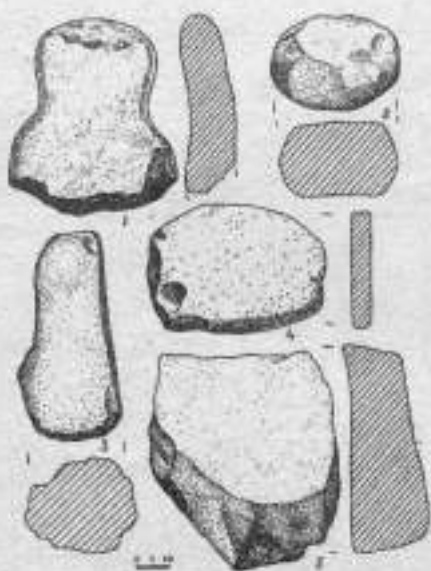

Рис. 105. Поселение Атасы I.
Каменные орудия горного дела из жилища 20, 21

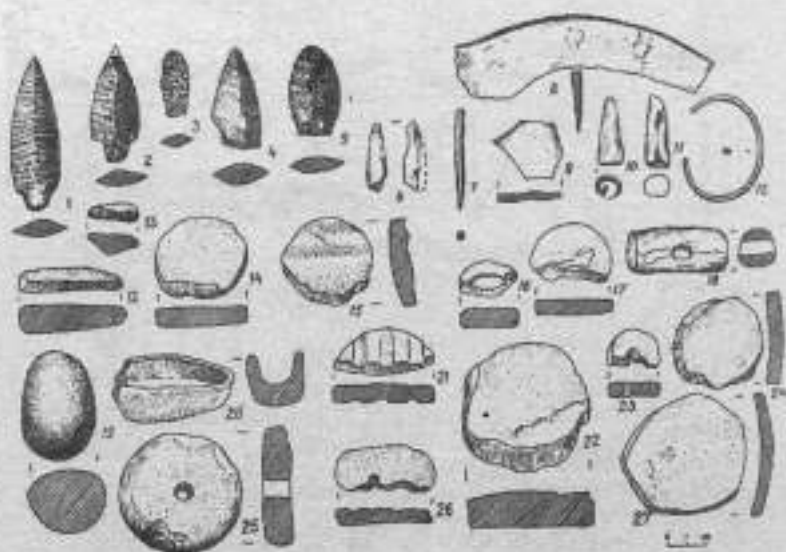

Рис. 106. Поселение Атасы I. Находки из жилищ 20, 21

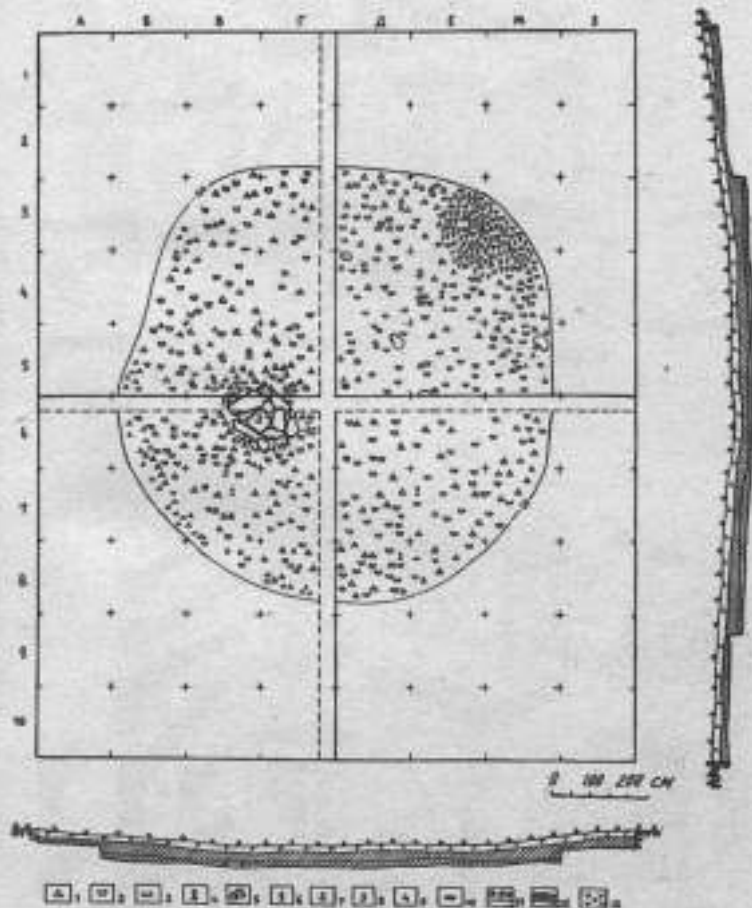

Рис. 107. Поселение Атасу.

План и разрез культурного слоя жилища 20: 1 - кости животных
 2 - керамика; 3 - шлак медный; 4 - мотыги каменные; 5 - камни;
 6-9 - находки вещей; 10 - лошала каменные; 11 - гумус; 12 - культурный
 слой; 13 - зола, уголь древесный

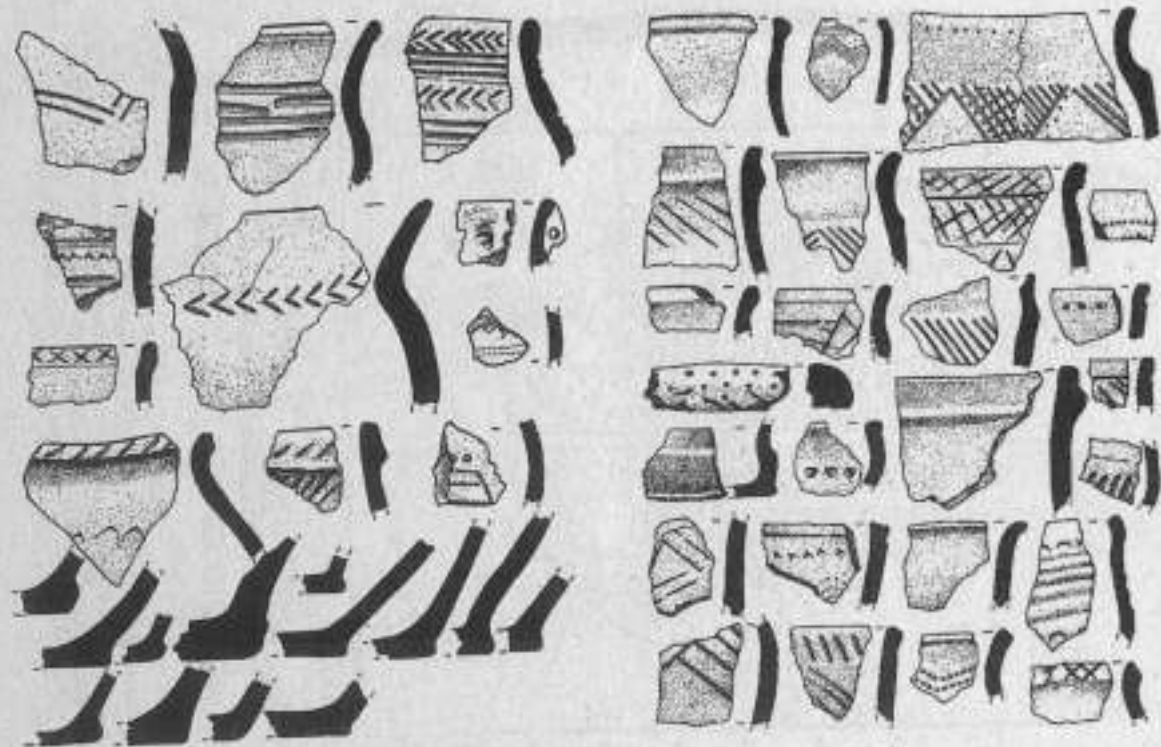

Рис. 108. Поселение Атасу I. Керамика из жилищ 20, 21

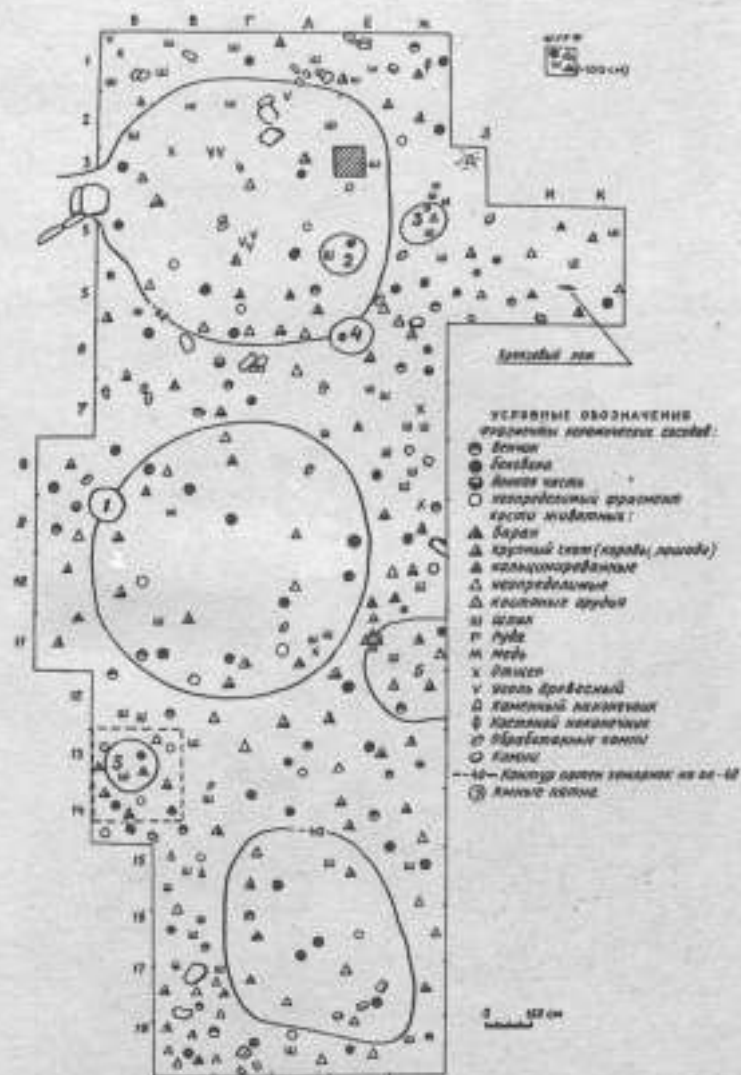

Рис. 109. Поселение Атасу I. План полуземлянок 5, 6, 7 на глубине 0,4 м

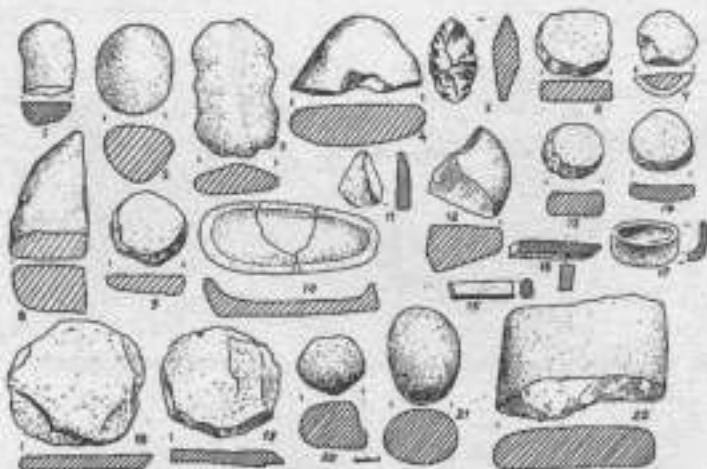

Рис. 113. Поселение Атасу I. Каменные орудия жилищ 5, 6, 7

Рис. 114. Поселение Атасу I. Костяные орудия из жилищ 5, 6, 7

Рис. 115. Поселение Атасу: 1, 2 - бронзовые ножи; 3 - наконечник копья; 4 - бронзовый нож

Рис. 116. План поселения Бугулы I

Рис. 118. Керамика из погребений поселения Бугулы I

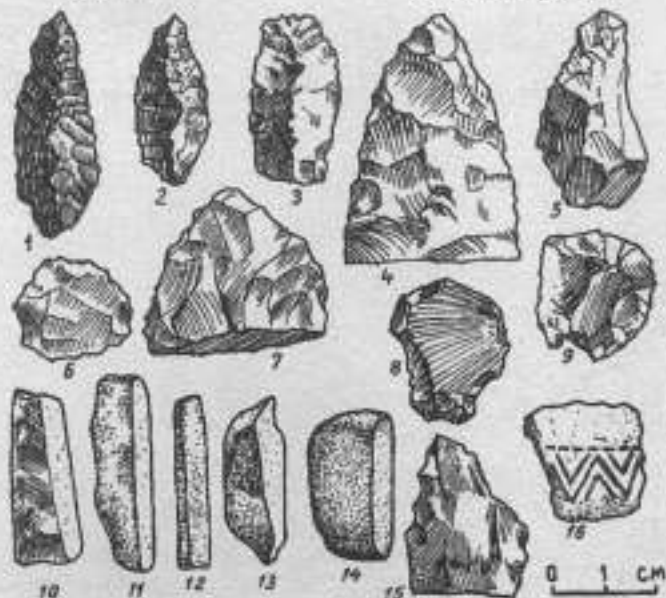

Рис. 117. Бугулы I. Находки из шурфов: 1-15 - каменные орудия; 16 - фрагмент керамики

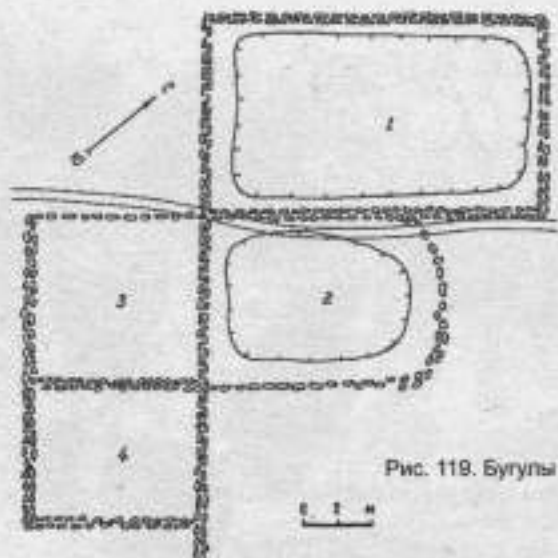

Рис. 119. Бугулы I. План жилища 17

Рис. 120. Бугулы I. План жилища 28

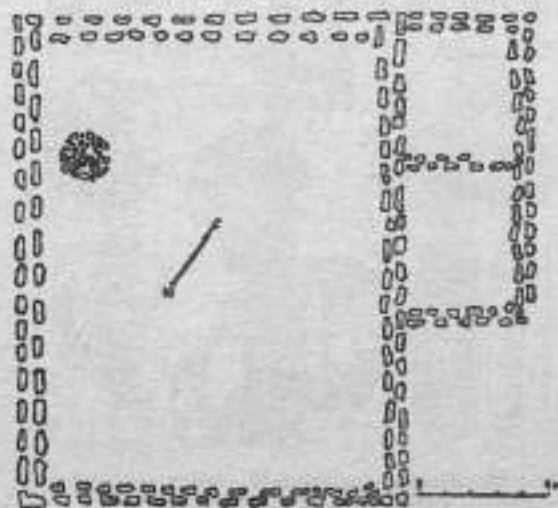

Рис. 121. Бугулы I.
План жилища 43

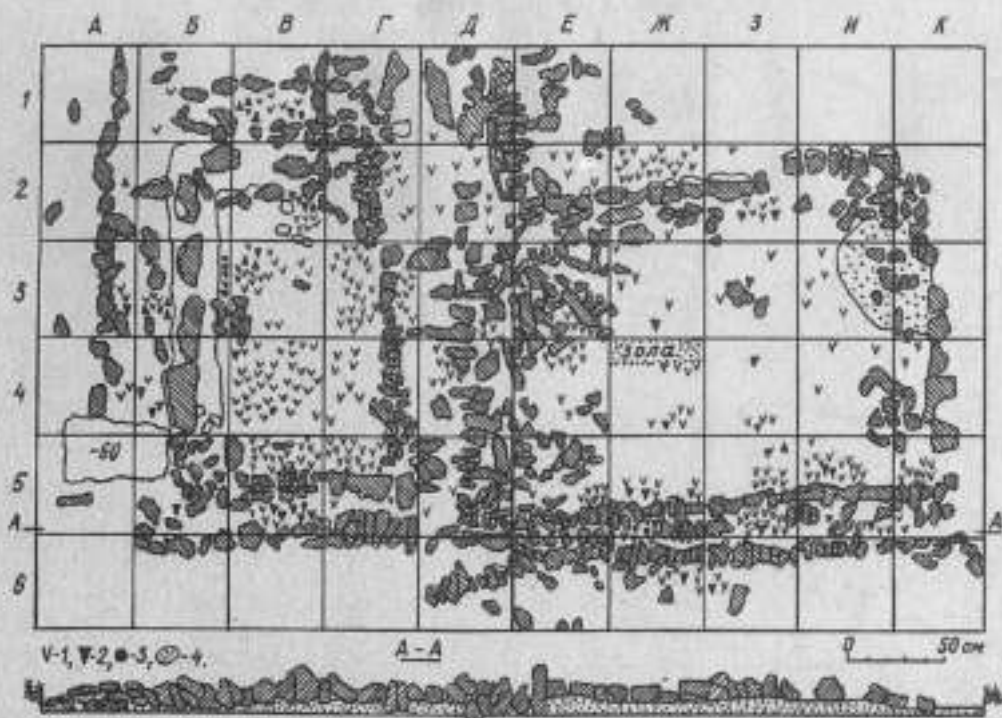

Рис. 122. Бугулы II, План жилища 1

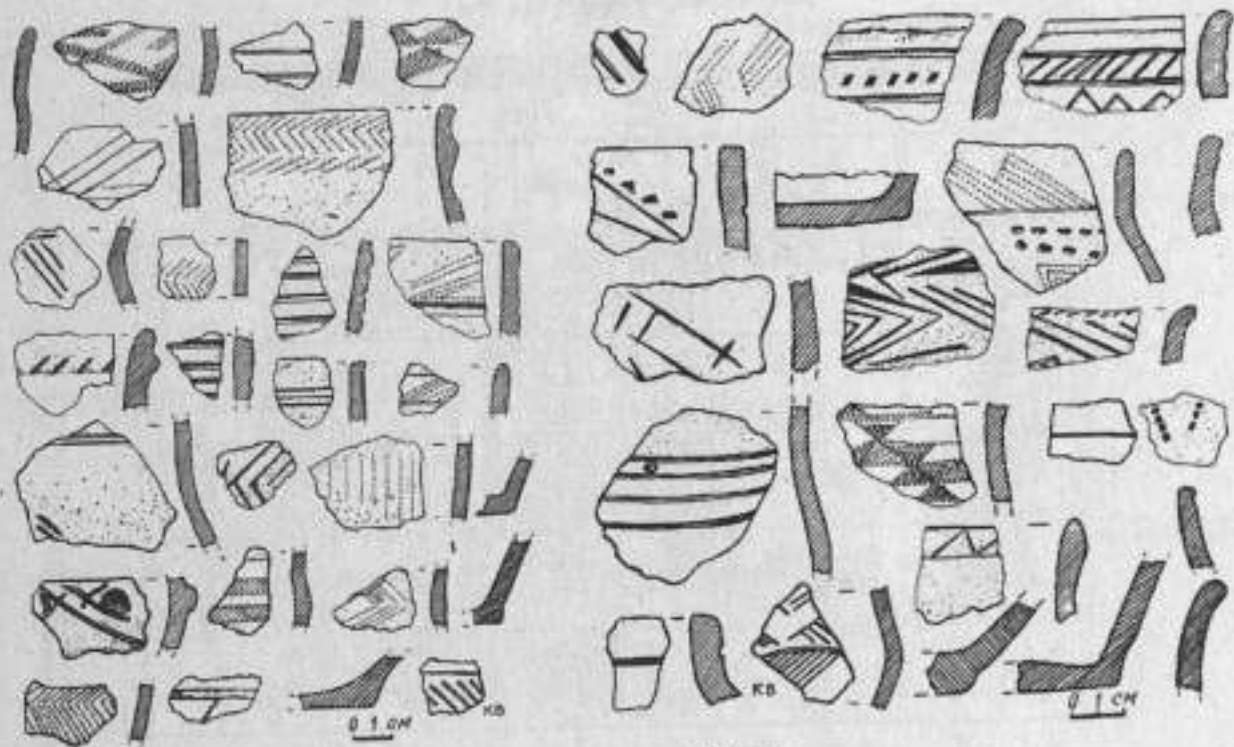

Рис. 123. Керамика из поселения Бугулы II

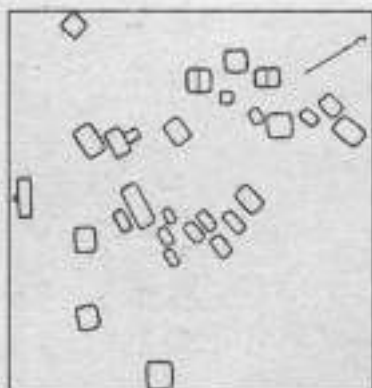

Рис. 124. План поселения
Аххезен (Шетский район)

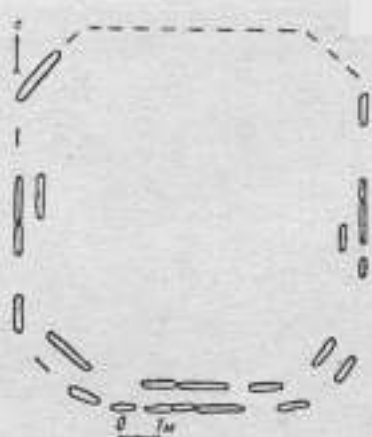

Рис. 126. Байбала.
План скального жилища

Рис. 125. Аххезен. План длинного дома

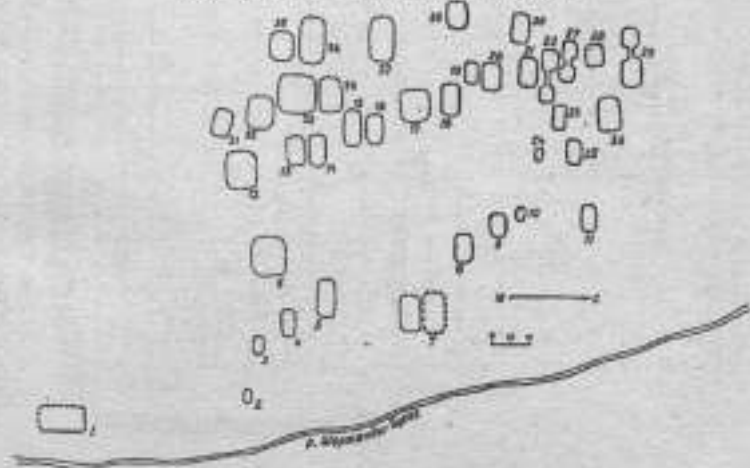

Рис. 128. Шортанды-булак. План поселения

Рис. 127. Каратомар. План жилища

Рис. 130. Шортанды-булак.
Ступенчатый вход в жилище 14

Рис. 129. Шортанды-булак.
План и разрез III культурного слоя жилища 14

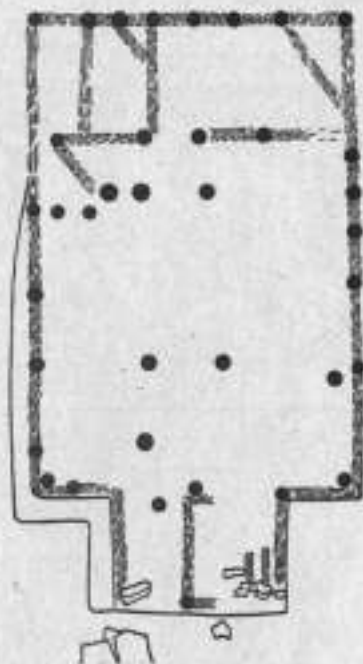

Рис. 131. Шортанды-булак.
План срубной конструкции жилища 14

Рис. 132. Шортанды-булак. Очаг при входе в жилище 14

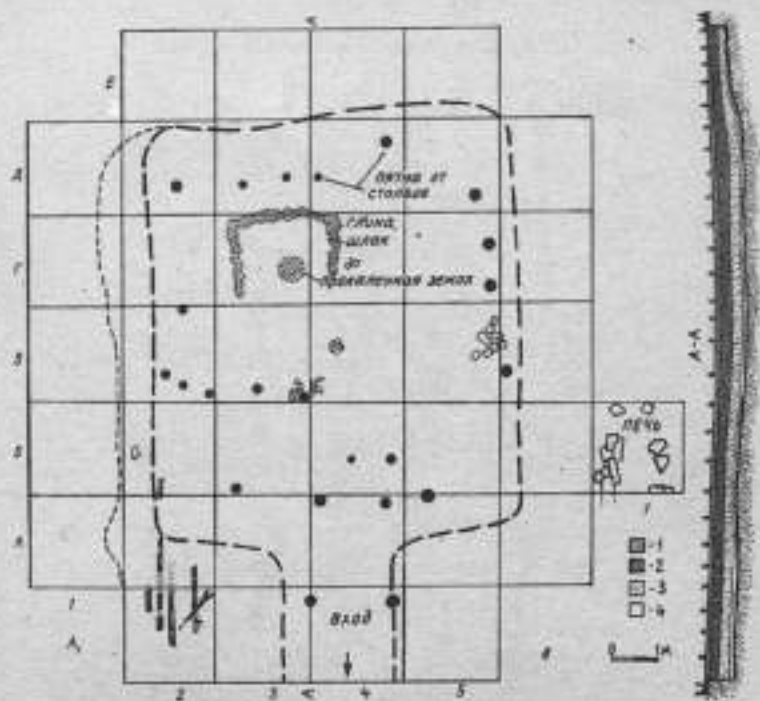

Рис. 133. Шортанды-булак. План жилища 21

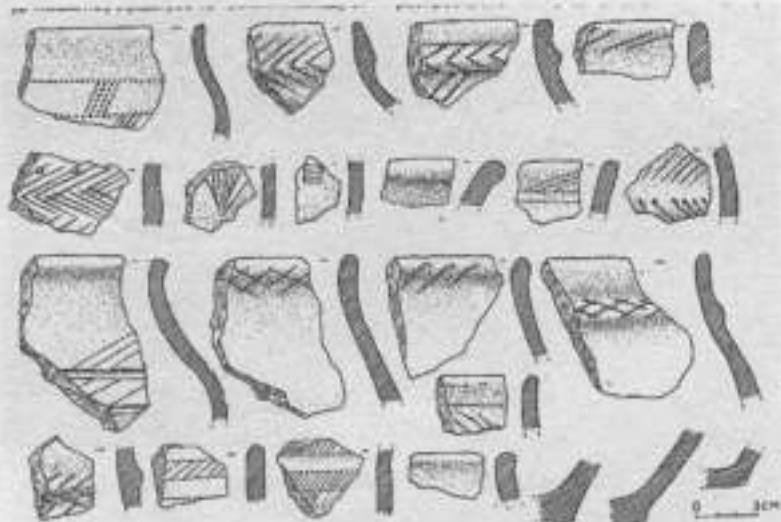

Рис. 134. Шортанды-булак. Керамика из жилища 14

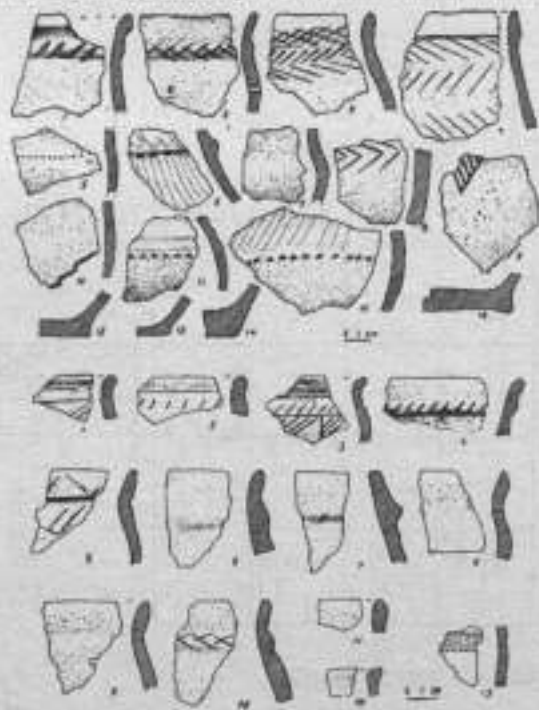

Рис. 135. Шортанды-булак. Керамика из жилища 21

Рис. 136. Шортанды-булак. Керамика из жилища 21

Рис. 137. Шортанды-булак. Глиняная чаша и плоска из жилища 14

Рис. 138. Шортанды-булак. Находки из жилища 14: 1, 2, 11 - каменные яйцевидные шарики; 3 - керамическое пряслице; 4 - костяной стакан; 5 - костяное шило; 6, 8, 9 - медные бляхи; 7 - каменный октаэдрический шарик из могильника Досан; 10 - костяная пуговица; 12 - медный штамп для резной техники

Рис. 139. Шортанды-булак. Находки из жилища 14: 1, 2, 11 - металодия лошади с резным геометрическим орнаментом; 2 - молот из оленьего рога

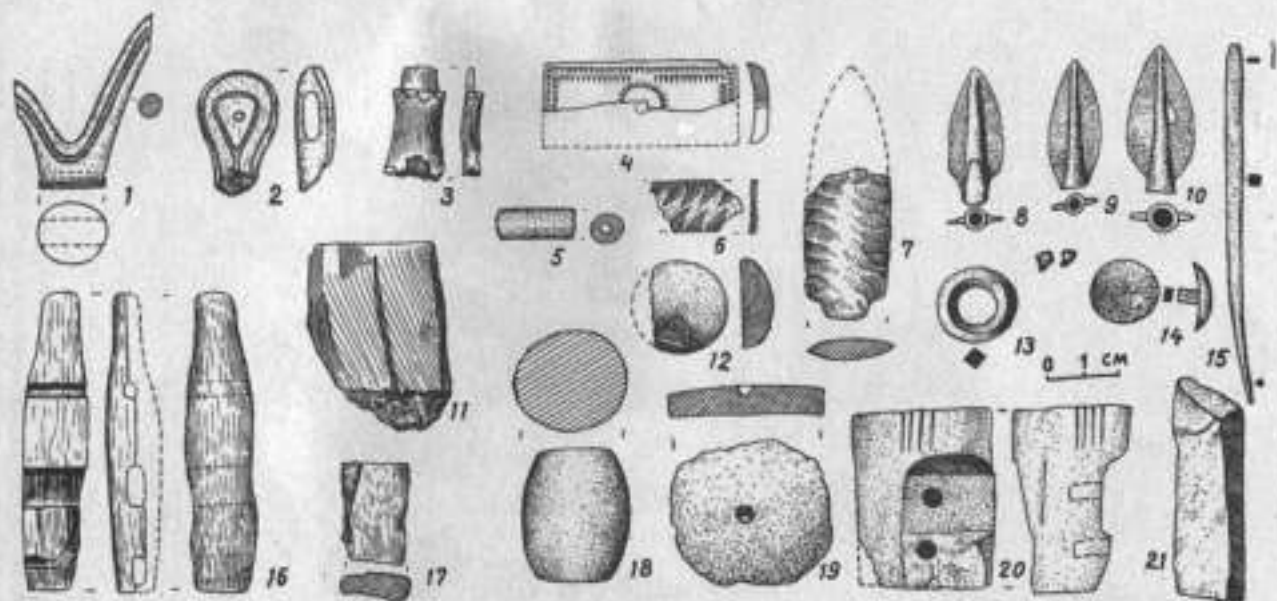

Рис. 140. Шортанды-булак. Находки из жилища 21:

- 1—резной костяной циркуль; 2, 3—обломки резных костяных рукояток; 4, 6—резные костяные пластинки; 5—костяная прошивка;
 7—фрагмент кремневого наконечника стрелы; 11, 17—обломки костяных предметов; 8—10—бронзовые наконечники стрел;
 12—каменный полушар; 13—бронзовое кольцо; 14—бронзовая головка гвоздя;
 15—бронзовое шило; 16—костяной псалий; 18—каменный инструмент в форме молотка; 19, 20—форма для литья; 21—лощило

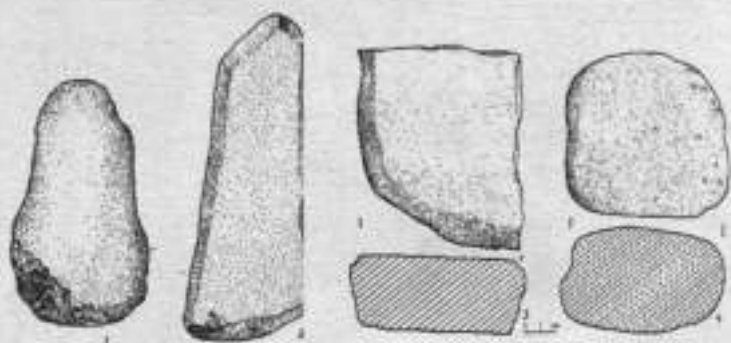

Рис. 141. Шортанды-булак.
Каменные орудия из жилища 14:
1, 2 - песты; 3, 4 - ступки

Рис. 142. Коллекция Карагандинского музея из Каракаралы 1:
1-7, 11, 12 - каменные наконечники стрел; 8, 9 - лопица;
10 - нуклеус; 13 - медный стержень; 14, 17, 18 - каменные шарики;
15, 16 - каменные лычки

Рис. 143. Каркалалы I. Каменные орудия:
1-4, 7 - песты; 5 - мотыга; 6, 8 - терочки

Рис. 144. Каркалалы I. Каменные орудия: 1, 3 - ювелирные молотки;
2 - круг-подставка; 5, 6, 9 - молотки; 7 - точильный камень;
10 - терочка; 11 - каменная форма; 4, 8 - ювелирный молот и подставка
из рудника Текелги (Талды-Курганская обл.);
12 - выпрямитель из поселения в долине р. Мойнты

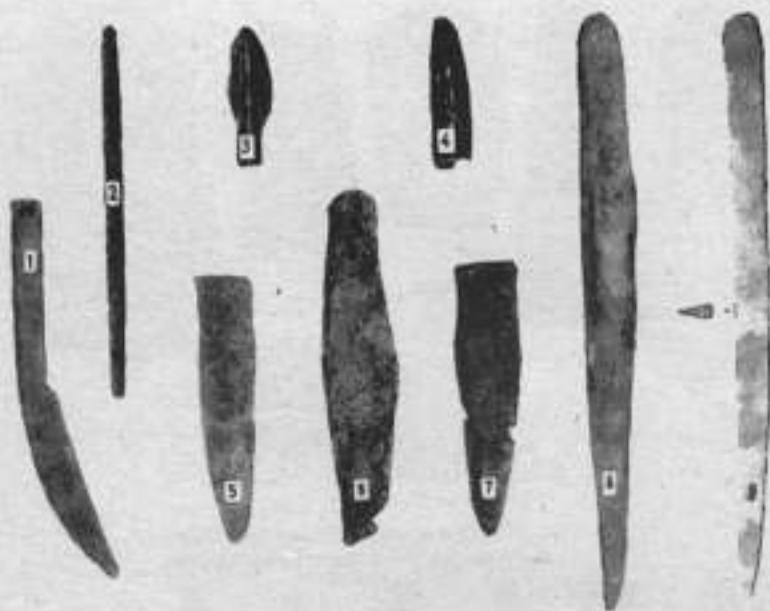

Рис. 145. Бронзовые изделия: 1, 5-9 - ножи; 2 - шило;
3, 4 - наконечники стрел. 1 - из Каркаралы I; 2-5, 7, 8 - коллекция
Карагандинского музея (долина р. Нуры); 6 - из кургана-ограды I комплекса
Ортау (Жаман - Узень); 9 - из Карагандинского поселения 15

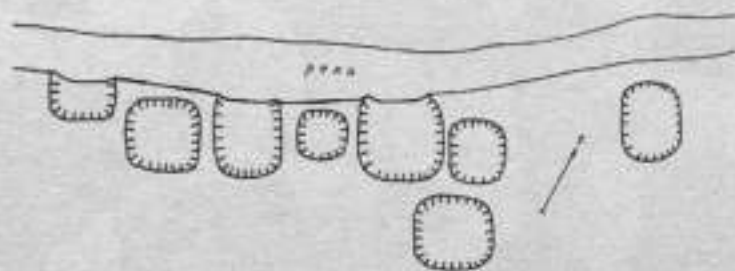

Рис. 146. План поселения Каркаралы II (съемка 1955 г.)

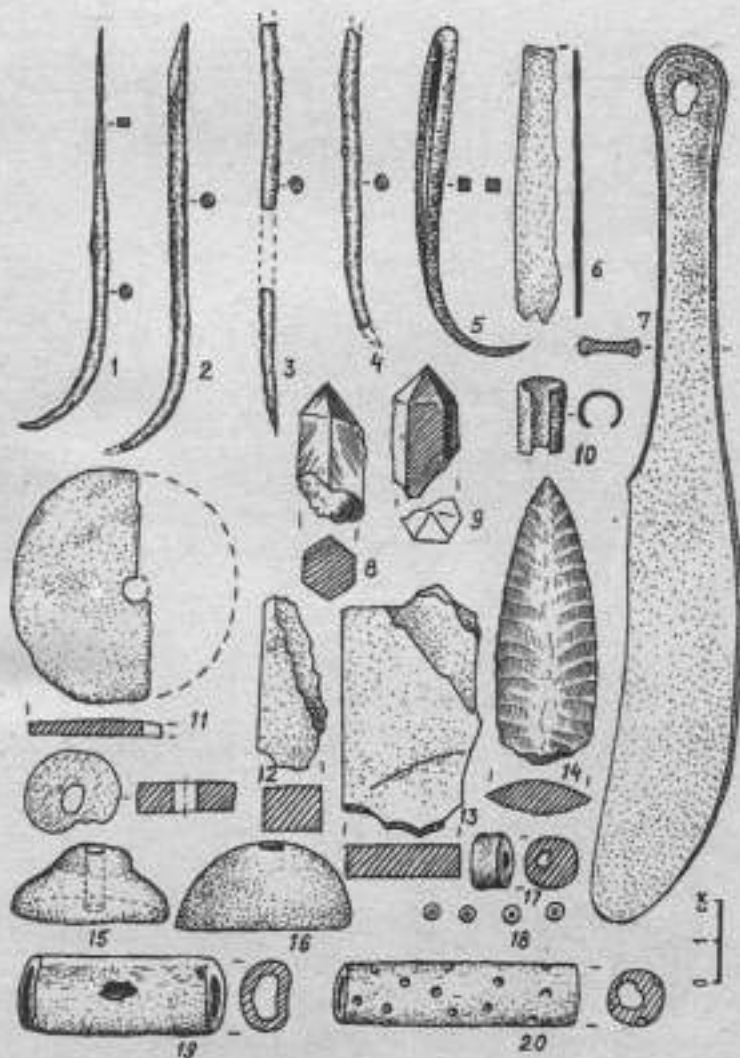

Рис. 134. Находки из Каркаралынского поселения II:
1-5 - медные инструменты для резьбы; 6 - медная гланилка;
7 - большой бронзовый нож; 8, 9, 12, 13 - обломки
кристаллов; 10 - бронзовая обойма, 11 - керамическое пряслице;
14 - кремневый наконечник стрелы; 15, 16 - костяные пряслица;
17 - буса костяная; 18 - каменные бусинки; 19, 20 - костяные трубочки

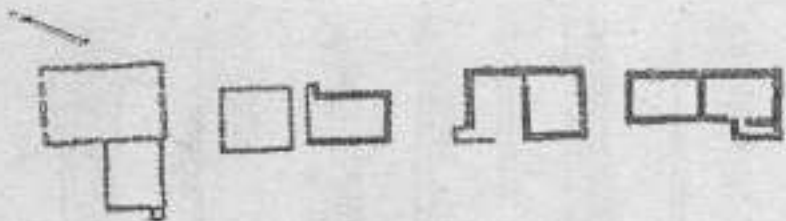

Рис. 148. Тагибай-булак. План поселения.

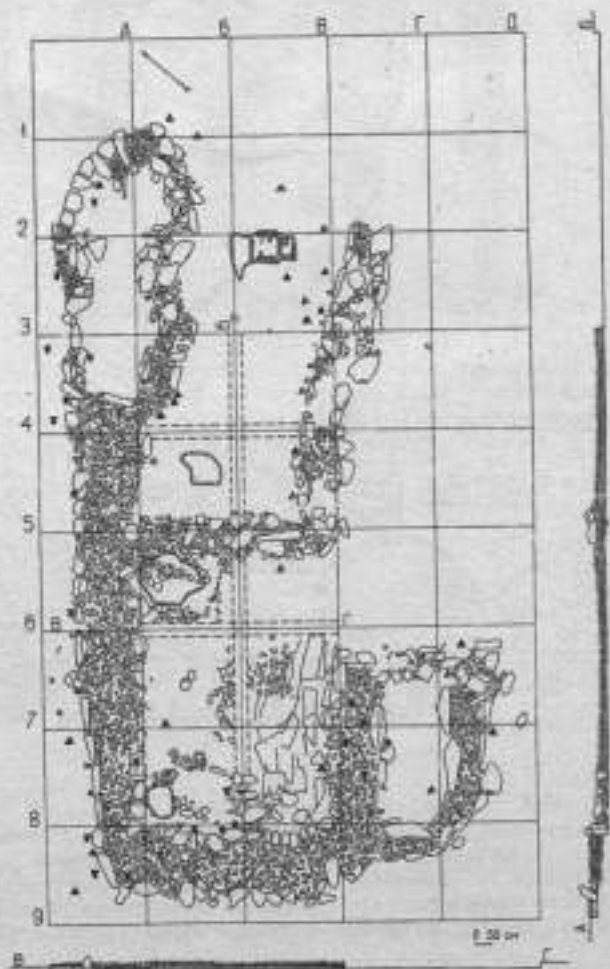

Рис. 149. Тагибай-булак. План и разрезы жилища 1

Рис. 150. Тагибай-булак. Вид жилища 1 с севера

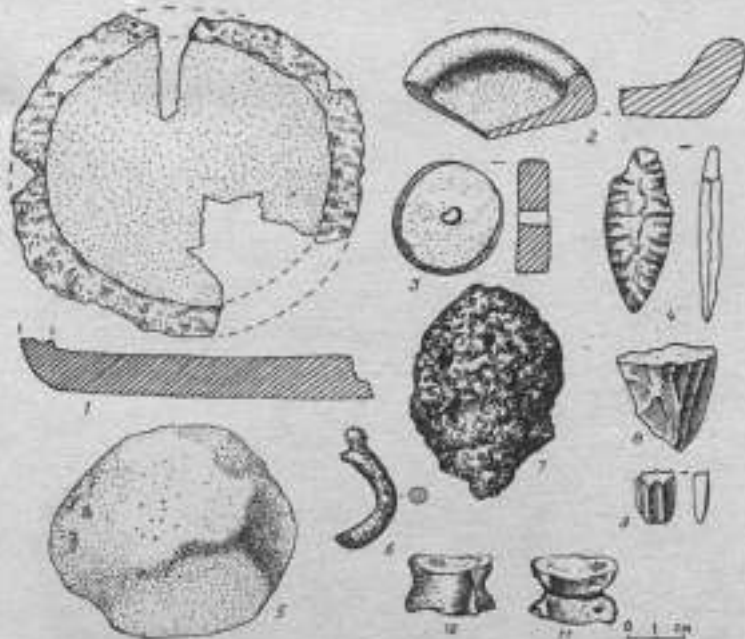

Рис. 151. Тагибай-булак. Находки из культурных слоев жилища 1:
 1, 2 - обломки тиглей; 3 - керамическое пряслице; 4, 8, 9 - кремневые орудия;
 5 - каменный терочник; 6 - железный стержень; 7 - бронзовый шлак; 10,
 11 - астрагалы

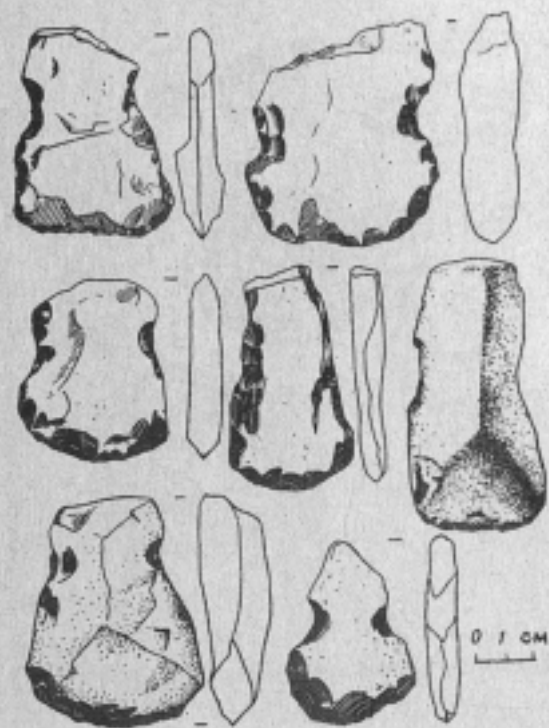

Рис. 152. Тагйбай-булак. Каменные мотыги из жилища 1

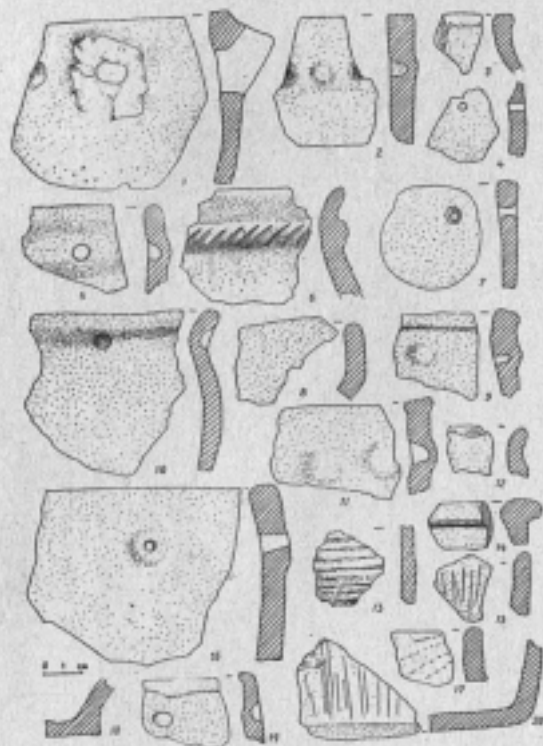

Рис. 153. Тагйбай-булак. Керамика из жилища 1

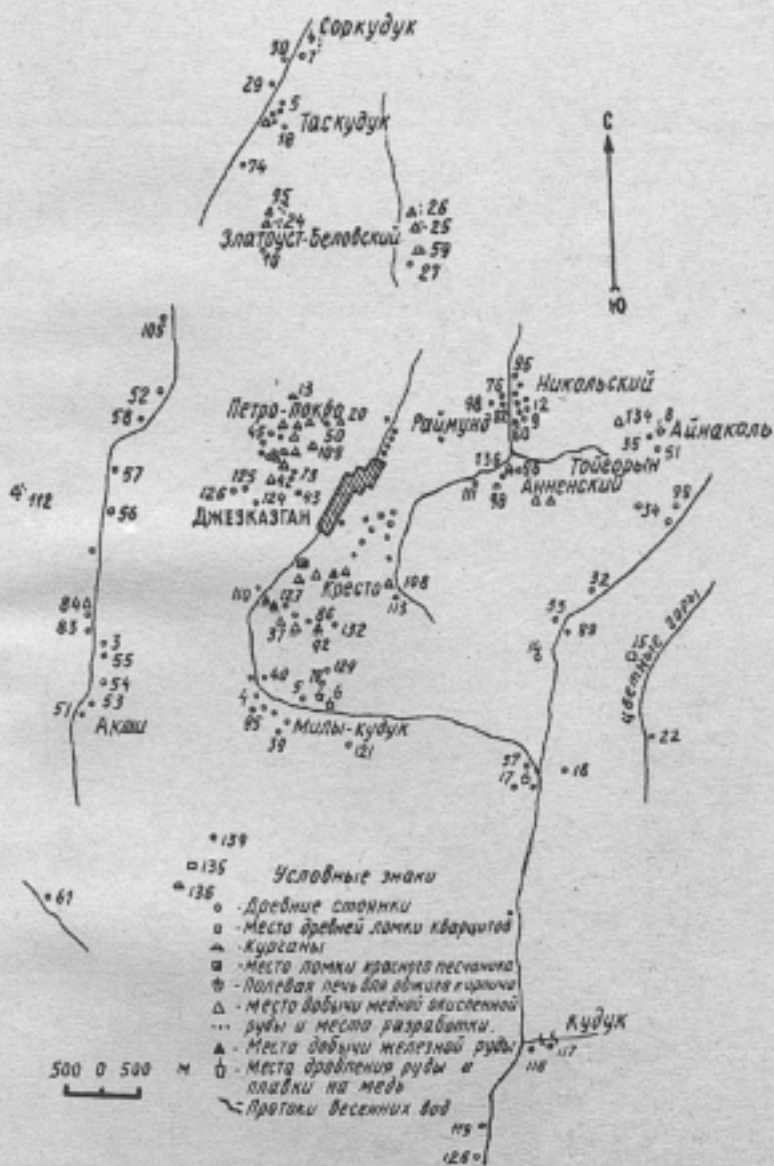

Рис. 154. Схематическая карта памятников Дзезказгана

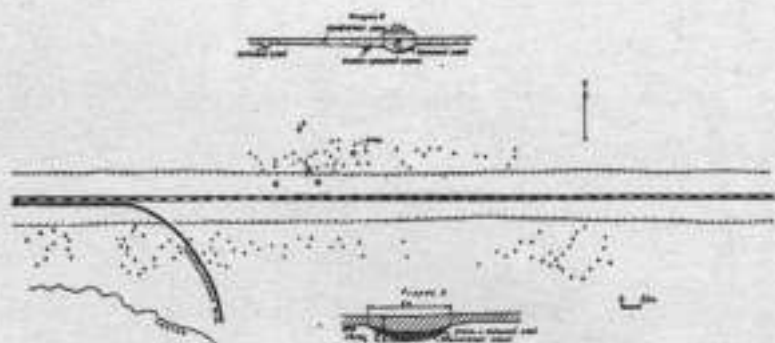

Рис. 155. Милькудук. План и разрез поселения

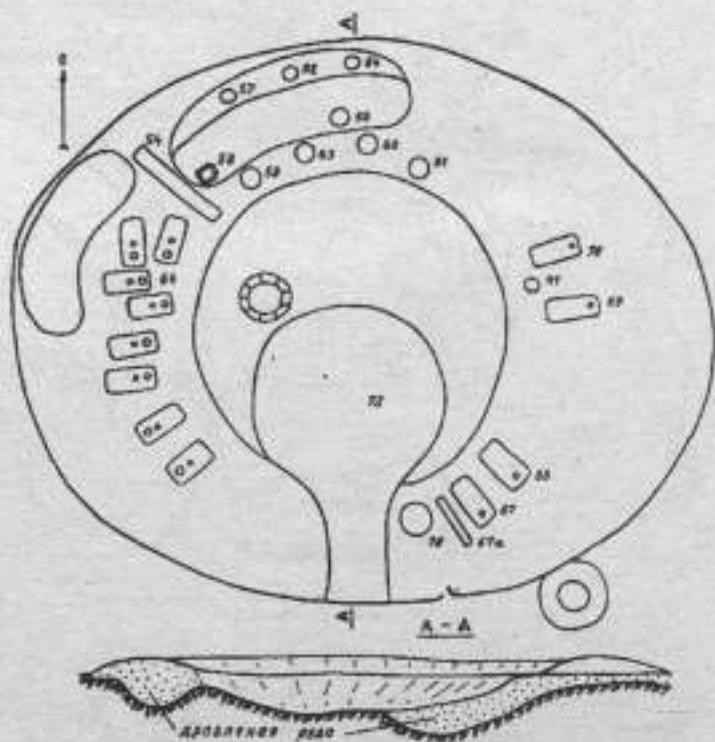

Рис. 156. Милькудук. План мастерской с медеплавильными печами

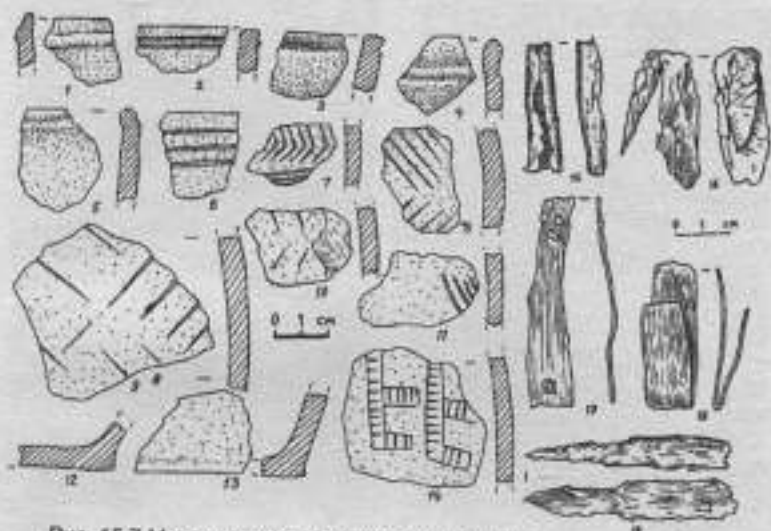

Рис. 15.7 Милыаждук. Керамика (1-14) и медные пластинки (15-19)

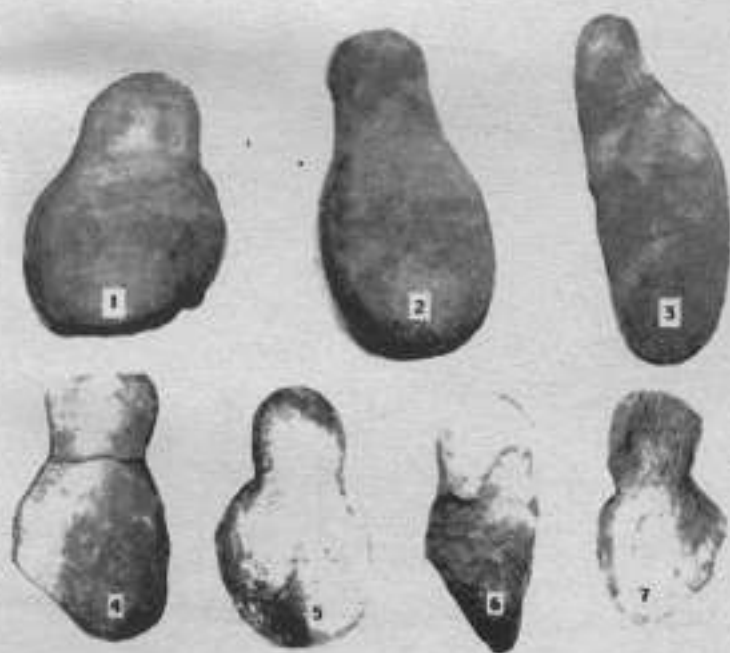

Рис. 15.8. Дзезказган. Рудодробильные орудия, каменные песты и молотки

Рис. 159. Милькудук:
 1 - каменная ступка;
 2, 3 - костяные лопатки-сошки;
 4-5 - каменные молотки

Рис. 160. Дзезказган.
 Каменные песты для
 измельчения руды

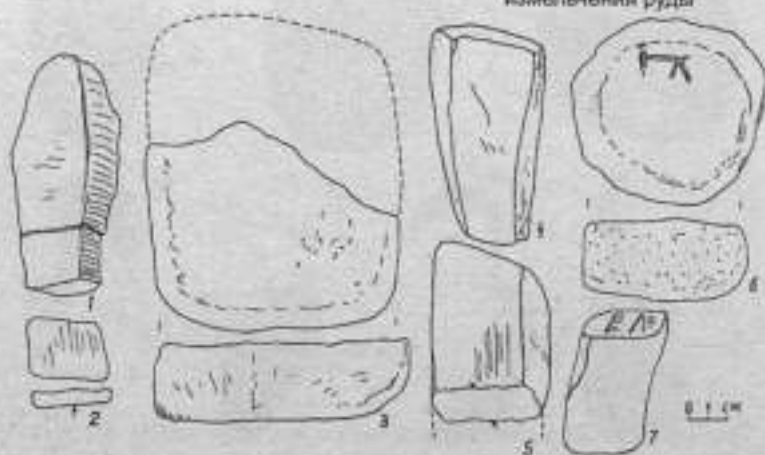

Рис. 161. Милькудук. Каменные орудия: 1, 4, 5, 7 - точильные
 камни; 2, 3, 6 - ступки для измельчения руды

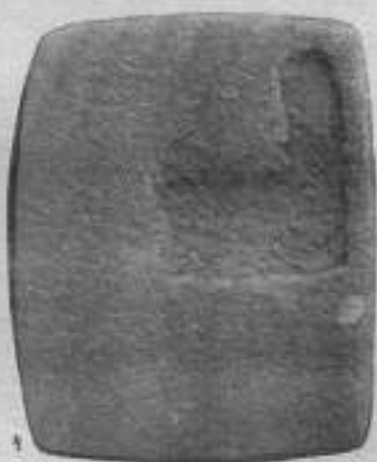

Рис. 162. Милыкудук. Каменные формы для литья

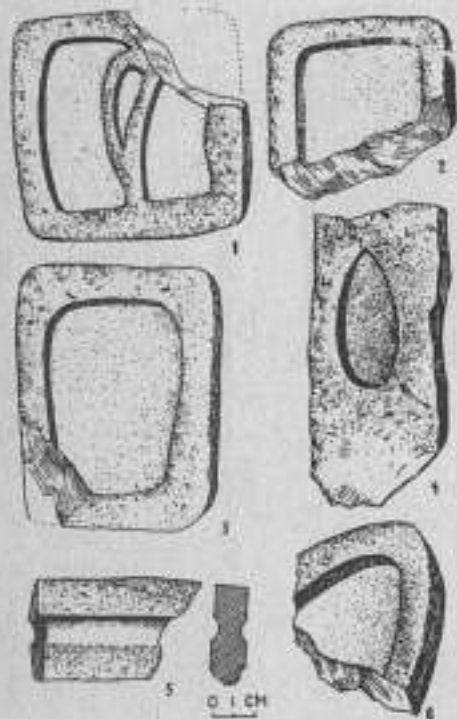

Рис. 163. Милькудук. Каменные формы для литья

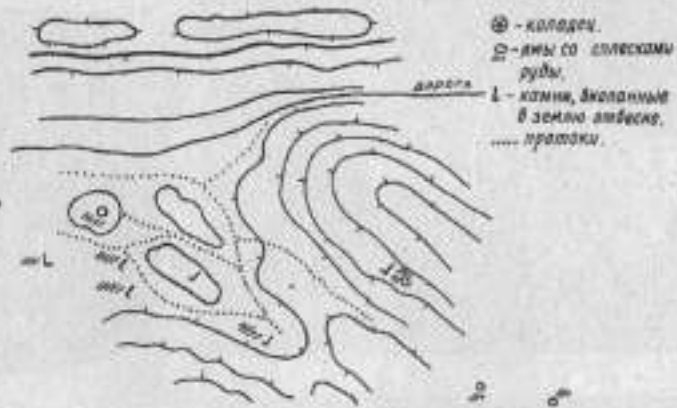

Рис. 164 Айнакол. План поселения

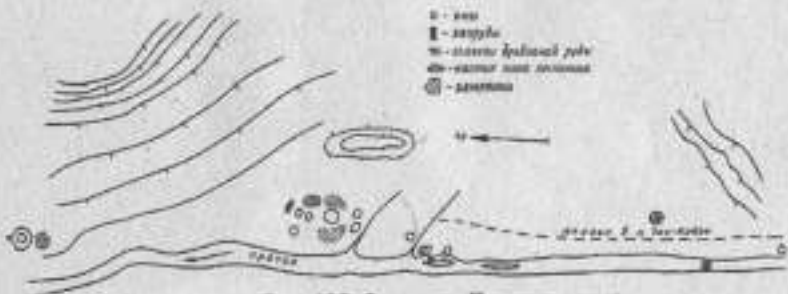

Рис. 165. Соркудук. План строения

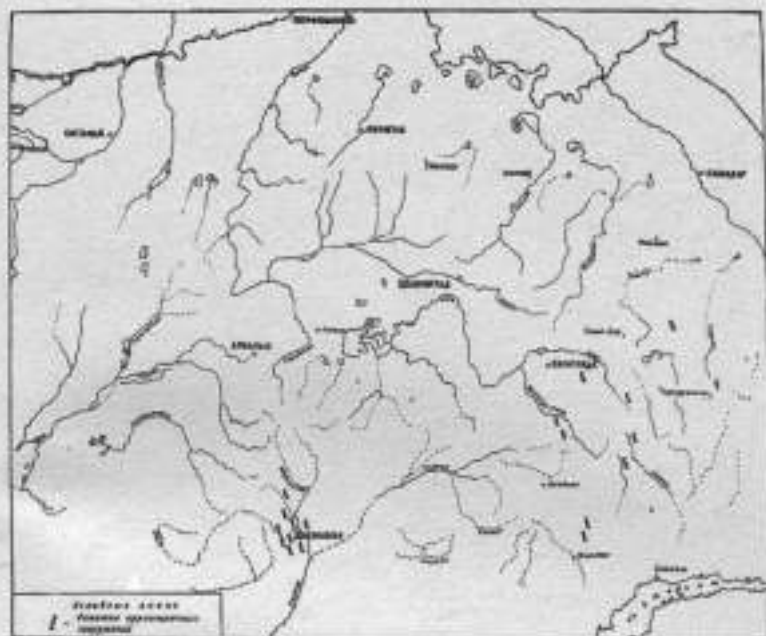

Рис. 166. Схематическая карта оросительных каналов эпохи бронзы

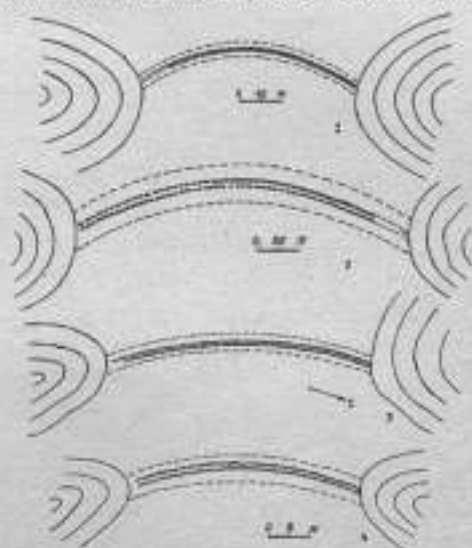

Рис. 167. План оросительных систем Центрального Казахстана в эпоху бронзы: 1 - плотина Коргангас в ур. Кзыл-Чилик; 2 - остатки древней плотины Керегетас; 3 - плотина в долине р. Нуртай; 4 - плотина Кушоы

Рис. 166. Плотина Коргантас, Баянаульский район

Рис. 169. Общий вид плотины Коргантас

Рис. 170. Остатки каменной плотины на реке Тундук

Рис. 171. Остатки плотины у подножия горы Керегетас

Рис. 172. Остатки плотины Алтын-Казган

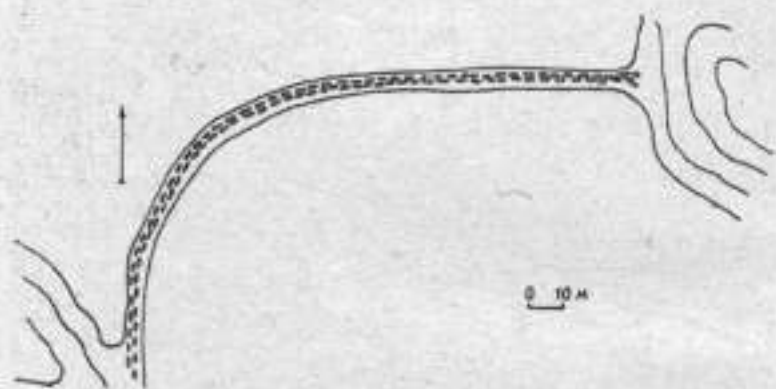

Рис. 173. План и остатки каменных плотин Жетымшоқы

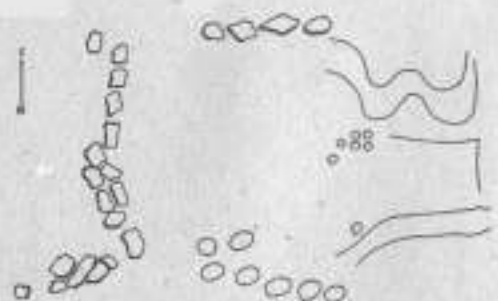

Рис. 174. План плотины в районе рудника Дзезказган (Милыкудук)

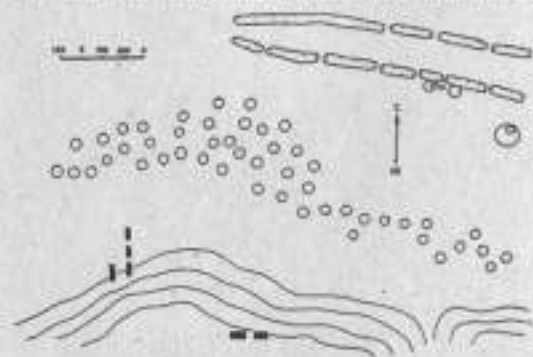

Рис. 175. План плотины в черте древнего рудника Дзезказган (Кресто-Залад)

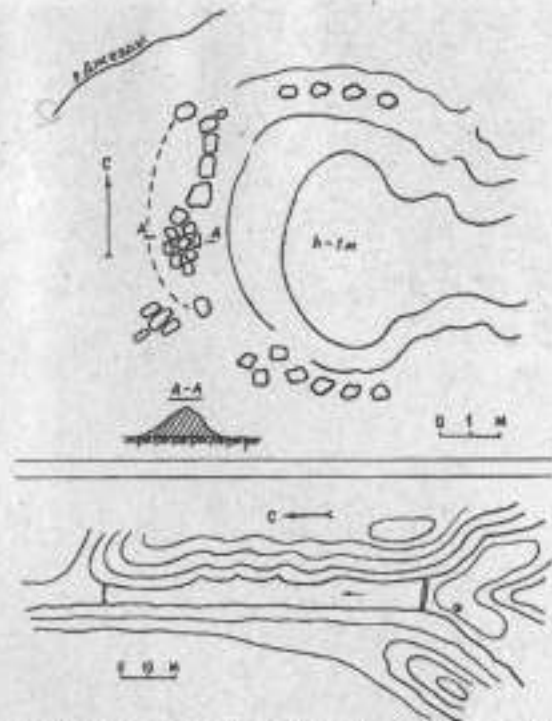

Рис. 176. Остатки плотины у Жанайских гор на реке Дзедды

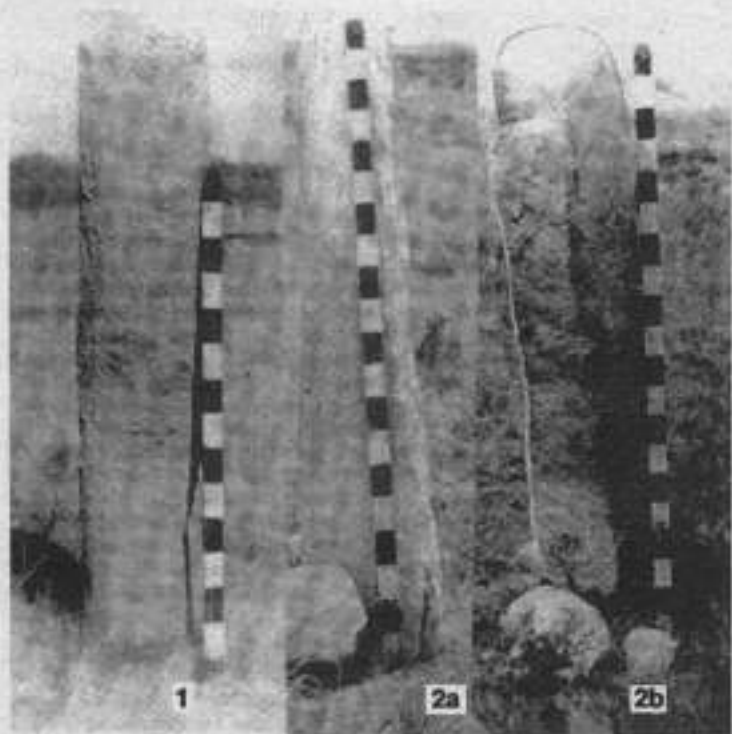

Рис. 177. Менгиры: 1 - горы Калмак-Кырган; 2 - урочище Аюкдук.
(2а - вид с юга, 2б - вид с запада)

Рис. 178. Большая аллея менгиров. Группа I у северо-восточного подножия
горы Корпетай, урочище Қзылшоқы (Ақтоғайский район)

Рис. 181. Менгиры в долине р. Нуртай: 1 - группа I.
2 - группа II.

Рис. 182. "Бараны камни": 1 - в верховьях р. Шола (г. Бугуль);
2 - в урочище Сарышоюк; 3 - в урочище Коктас; 4 - в долине Аксай

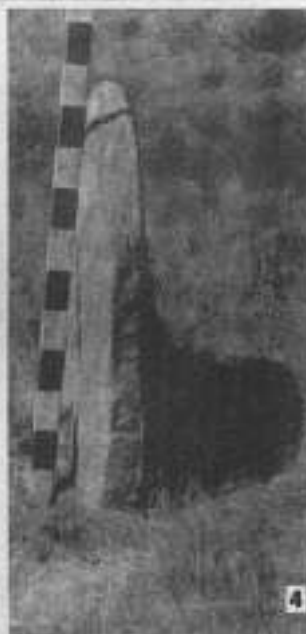
1

2

3

4

Рис. 183. Менгиры: 1 - на р. Токраун, Коунрадский совхоз Актогайского р-на; 2 - в северо-восточной части долины у горы Кокчетау (Каркаралинский р-н); 3 - "бараний камень" из долины р. Шумек (Агадырский р-н); 4 - у древнего рудника Алайгыр (Шетский р-н)

1

2

3

4

Рис. 183. Менгиры: 1 - на р. Токраун, Коунрадский совхоз Актогайского р-на; 2 - в северо-восточной части долины у горы Кокчетау (Каркаралинский р-н); 3 - "бараний камень" из долины р. Шумек (Агдырский р-н); 4 - у древнего рудника Алайгър (Шетский р-н)

Рис. 184. Урочище Сартабан. Группа менгиров. Вид с юга

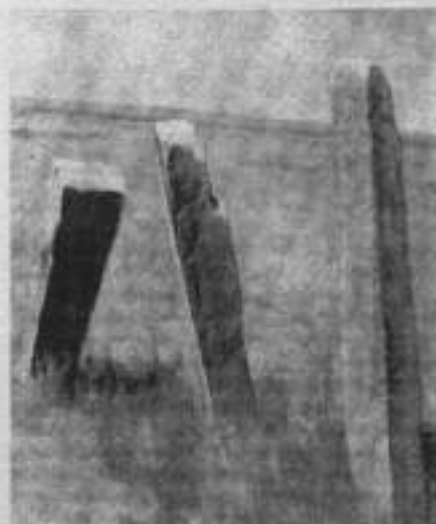

Рис. 185. "Бараньи камни" в долине Аксай, р. Атасу. Группа I

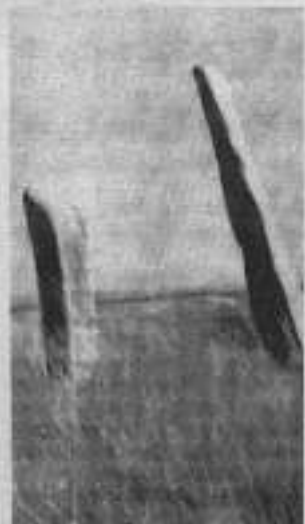

Рис. 186. Схематическое изображение барана и лошади в долине Аксай, р. Атасу. Группа II

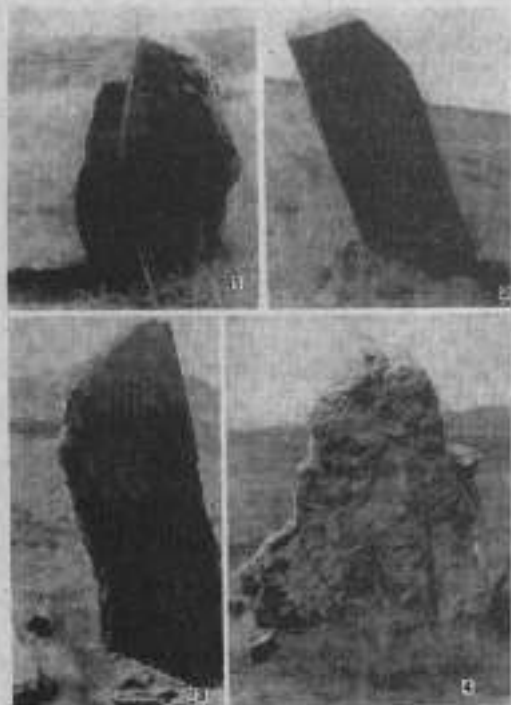

Рис. 187. Изображения барана: 1, 2, - из долины Нуртай; 3 - из Бугулы III; 4 - из аллеи Гурчища Жылшоки

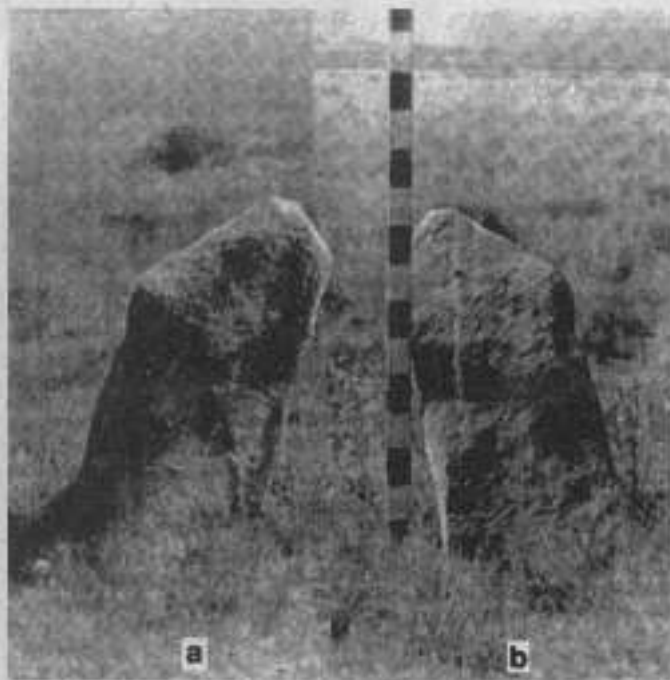

Рис. 188. "Бараний камень" на р. Акбастау. Бесобинский совхоз Каркаралинского района

Рис. 189. Бугулы II, "Бараний камень". Вид с разных сторон

Рис. 190. "Бараний камень" на р. Кенгир близ мавзолея Домбаул

Рис. 191. Бугулы I. Скульптура медведя

Рис. 192. Каменные скульптуры: 1 - голова верблюда из долины р. Кусак; 2 - верблюжьи горбы, Аксу-Аюлы

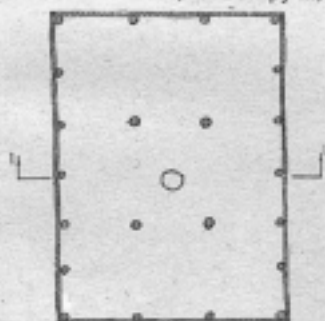
Рис. 193. Сангру III, ограда 6

Рис. 194. Гробница-цита периода средней бронзы: 1 - Бугулы I; 2 - Баласар

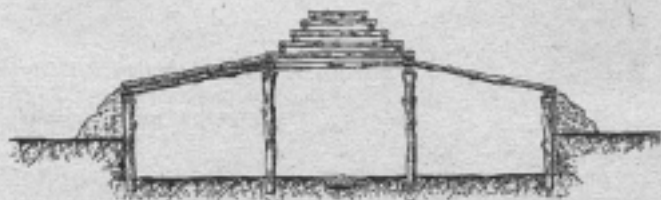
Рис. 195. Памятники переходного и раннебелазинского этапов:
1, 2 - Сангру III; 3 - Коктас I; 4 - Сангру I

План здания

План здания

Разрез 1-1

Рис. 196. Конструкция жилища эпохи бронзы

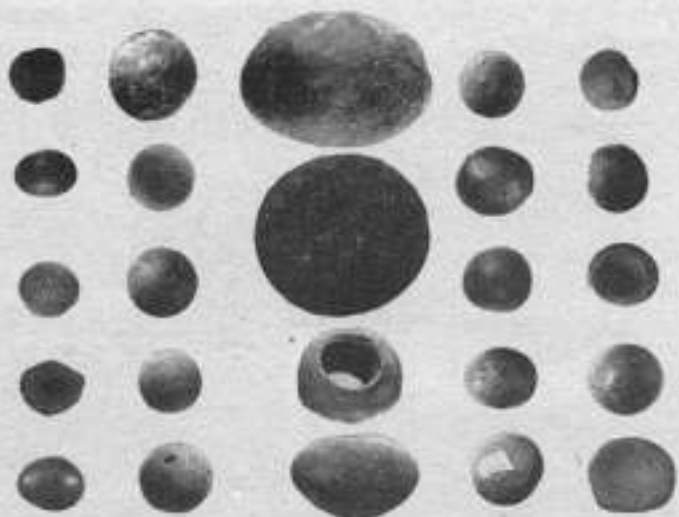

Рис. 197. Предметы каменотесного дела из поселения Зеленая Балка.
(Коллекция Карагандинского музея)

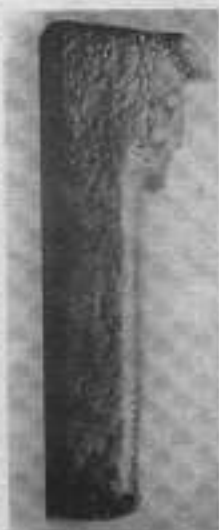

Рис. 198. Каменный жезл
со скульптурой головы
человека из Семипала-
тинской области (коллекция
Эрмитажа)

Рис. 199. Каменные скульптуры:
1 - пест с головой лошади; 2 - голова
верблюда (Омский музей)

Рис. 200. Каменная гадилка с изображением лица человека из поселения у озера Ажоль (Тургайская область)

Рис. 201. Бронзовые бусы: а - эпохи ранней бронзы; б - средней бронзы; в- переходного этапа к эпохе раннего железа.

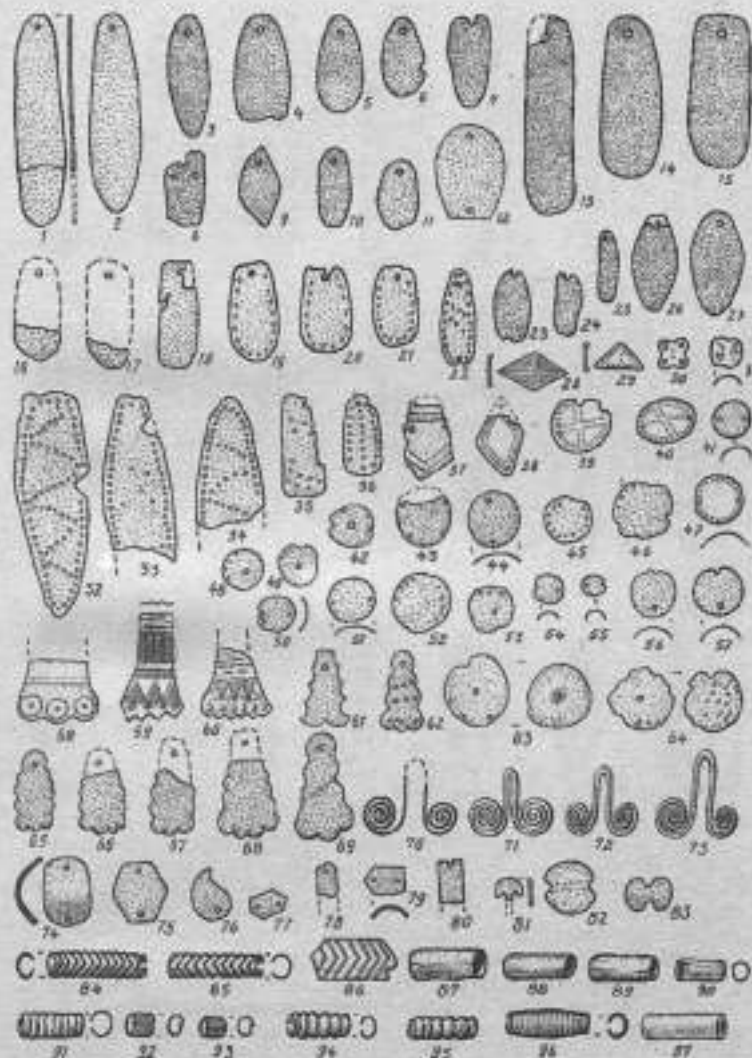

Рис. 202. Бронзовые украшения: 1—7, 9—11, 13—16, 24, 27— овальные подвески с одним отверстием; 8, 12, 23, 74— овальные подвески с двумя отверстиями; 19—22, 25, 36— овальные подвески с пуповинным отверстием; 28—31, 75—81— фигурные наделные бляшки; 32—34— бляхи с пуповинным отверстием; 37— накладки с геометрическим орнаментом; 38— ромбическая наделная бляшка; 39, 40— круглые наделные бляшки; 41—62, 65—69— галечные привески; 70—73— овалы привески; 62, 83— пуговицы; 64—66, 81—86— провески с орнаментом; 87—89, 97— провески; 1, 3, 11, 87, 88, 89, 97, 74—86— Андрон; 9—10, 62, 73, 94— Баллындас; 4, 7, 35, 36, 95— Белазы; 13, 14, 95—87— Аксу-Аалы; 12, 15, 71, 81—83— Каргальды; 16—21— Белазы; 22—25, 28—31, 36—40, 42—46, 48—55, 61— Борзовы; 26, 27, 96— Караби; 32—34, 60— Аамол; 41, 47, 59— Малый Койнас; 63—64 — Сайгу II; 58— Мырзалик; 68, 69— Байытлы-Караалык; 97— Бугулы I

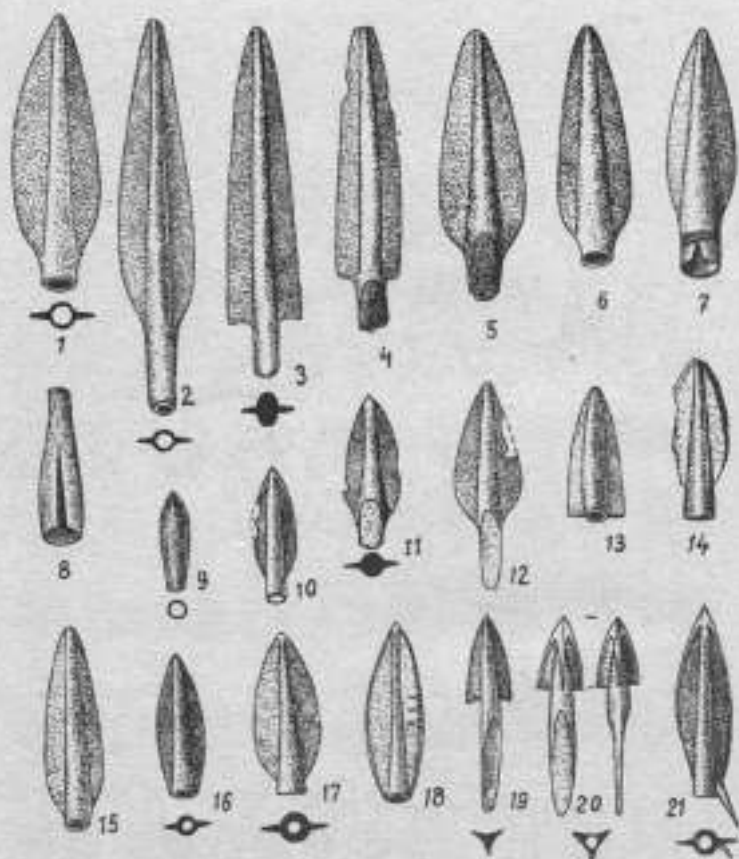

Рис. 203. Бронзовые наконечники стрел: 1, 2, 6, 7, 10, 13-18 - двухперые втульчатые; 3-5, 11-12 - двухперые черешковые; 8, 9 - втульчатые; 19-20 - трехперые с длинным черешком, 21 - двухперый втульчатый с шипом; 1-3, 12, 13 - Айшрак; 4-6 - Ортау (Жаман-Узень II), ограда 2; 7, 15 - из Каркаралинского р-на из коллекции Бахирева; 18 - Сангру III; 8 - Мырзашоки, ящик 3; 9 - аул Бесоба Каркаралинского р-на; 10, 14 - близ г. Темиртау на р. Нура; 11, 16, 17 - Шортанды-булак, жилище 21

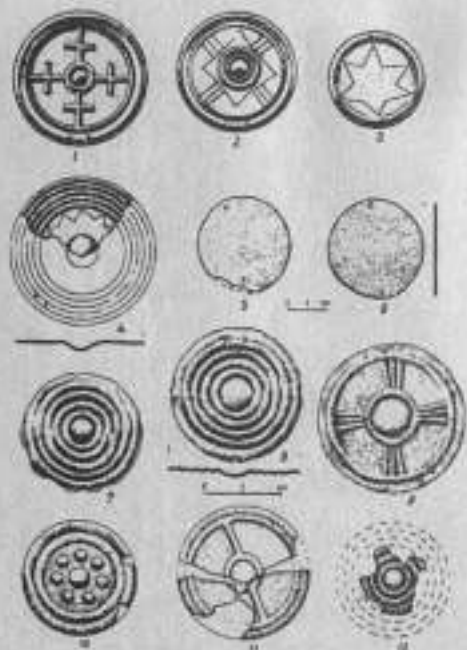

Рис. 204. Круглые фигурные бронзовые накладки с орнаментом:
1—2— Быжылдак I, ограда 8; 3— Быжылдак III ограда 1; 4— Айшрак
ограда 2; 5—6— Мырзащовы, ящик 1; 7—9— Алексеевское
погребение 13; 10—12— Бугулы

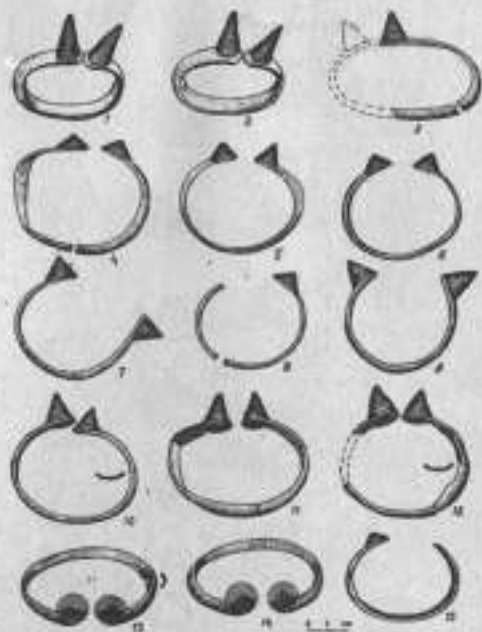

Рис. 205. Бронзовые браслеты с коническим завершением:
1, 2— Сангру II; 3, 7, 9, 10, 11, 12— Беласар; 4— Айшрак;
5, 6— Аксу-Аюлы; 8— Быжылдак III;
13, 14, 15— Алексеевское поселение.

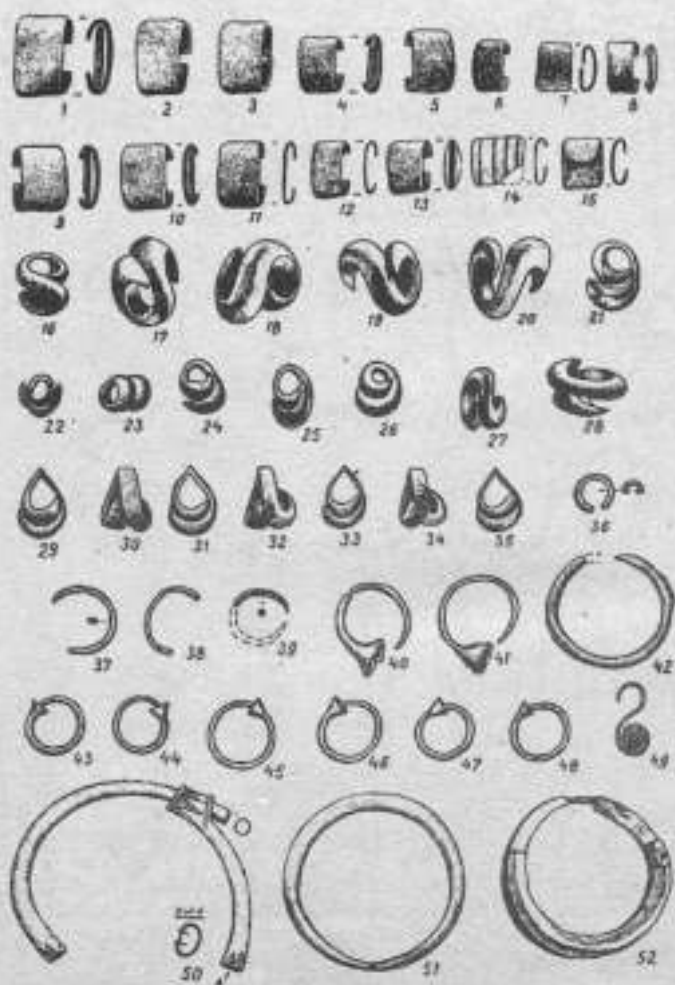

Рис. 207. Золотые украшения эпохи бронзы: 1—15 — бронзовые ободки, покрытые золотым листом (1—10, 14—Айшрак; 11—13 — Аксу-Аюлы; 1; 15 — Алексеевское поселение); 16—36 — бронзовые спиральные кольца, покрытые листовым золотом (16—20, 29, 31 — Айшрак; 21, 22, 36 — Жамбай-Карасу; 23 — Жиланды; 24—26 — Былгылдак; 27, 28 — Бегазы; 30, 32, 34 — Аксу-Аюлы; 33, 35 — Жанайдар); 37, 39 — золотые серьги малых форм (37, 38 — Айшрак; 39 — Бегазы); 42, 51, 52 — золотые серьги, на деревянной основе (42 — Бегазы; 51 — Боровое; 52 — Павлодарский музей); 40, 41, 43—48 — золотые серьги с раструбом (40, 41 — Сангру II; 43—48 — Боровое); 49 — золотая серьга со спиралью (Мырашожы); 50 — золотой орнаментированный браслет (Айбао-Дарасы)

Рис. 208. Резьба по кости эпохи бронзы: 1, 2, 8, 9, 13 - Каркаралы; 1, 3, 5, 12, 14, 34 - Бегалы; 4, 6, 15, 16, 18, 21 -Алекеевское; 7, 11, 17, 24-31, 33, 38 - Шортанды-Булак; 10, 11, 32, 35; 36 - Айшрак; 20, 23 - Сангу II; 22 - Дандыбай; 37 — Боровое

Рис. 206. Бронзовая гривна с золотыми кольцами (Жиланды).

Рис. 210. Сангру III. Керамика из мавзолея 1: 1 - сосуд 2; 2 - сосуд 3

Рис. 209. Бугулы I. Керамика из жилища 28

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный монографический труд является результатом многолетних археологических исследований, благодаря которым Центральный Казахстан является местом, где сосредоточено большое число памятников эпохи бронзы.

Перед автором стояла задача изучения ряда вопросов, связанных с возникновением и развитием производства меди и появление бронзы в этом регионе. Раскопки поздненеолитических стоянок Джезказгана обнаружили значительную серию каменных очагов, сложенных из медистого песчаника. При высокой температуре медистый песчаник, содержащий значительную долю меди, расплавлялся, давая отеки. Человек, на протяжении многих веков наблюдая за отеками расплавленной меди в домашнем очаге, научился плавить медную руду сначала на костре, а затем в специальных горнах и сыродутных печах.

Благодаря археологическим исследованиям были выяснены истоки культуры бронзы в эпоху энеолита (со второй половины III тысячелетия). Памятники эпохи бронзы подразделяются на нуринский этап – ранняя бронза (XVII-XV вв. до н.э.), атасуский этап – средняя бронза (XIV-XIII вв. до н.э.), переходный этап от андрона к поздней бронзе (XII-XI вв. до н.э.) и бегазы-дандыбаевский – поздняя бронза (X-VIII вв. до н.э.). Каждый из этих этапов оставил свой глубокий, неповторимый след в виде многочисленных памятников.

Создателями этих памятников на протяжении всей эпохи бронзы являлись одни и те же степные племена. Сходство орудий труда и быта, особенности и общее развитие форм погребальных сооружений, хозяйство и культы верований свидетельствуют о глубокой преемственности между культурами разных этапов эпохи бронзы.

Культуру поздней бронзы Центрального Казахстана представляет огромная серия памятников: древние рудники Джезказгана (Кресто, Петрохолм, Златоуст, Раймунд), Саяк, Алабуга, Урпек, Имантау,

Кзылэспе, Коуирад, Шаптак и т.д.; древние медеплавильные центры Джекказгана (Милыкудук, Соркудук, Айнаколь), Саяк III, IV, Суукбулак, Тагибай-булак, Атасу, Шортанды-булак, Каркаралы I, II и т.д.; крупные поселения (Бугулы I, II, Атасу I, Шортанды-булак, Аккёзен, Каркаралы I, II, III); остатки гидротехнических сооружений в виде плотин, каналов, запруд и огражденных искусственных водных бассейнов площадью 60-80 га; обширные некрополи и усыпальницы племенных вождей (Бегазы, Бугулы III, Аксу-Аюлы II, Сангу I, Дандыбай, Айбас-Дарасы и др.); поминальные и культовые сооружения в виде аллей менгиров, «бараньих» камней, изваяний медведя, лошади, верблюда, хищников (Бугулы, Карасай, Койшоки, Сартабан, Канаттас, Аккойтас, Байконур, Теректыаулие и т.д.).

Материалы археологических исследований свидетельствуют о хронологической последовательности этапов бронзы и их преемственности. Это позволяет сделать вывод, что бегазы-дандыбаевская культура была закономерным результатом последовательного развития культуры. Если в эту эпоху в этническом составе племен Центрального Казахстана не произошло каких-либо изменений, то в быту и культуре наблюдался существенный прогресс, особенно значительный в архитектурно-строительном деле, в керамическом и металлургическом производствах.

Исключительную особенность бегазы-дандыбаевского этапа составляет высокоразвитая каменная архитектура. Обширная серия грандиозных комплексов-усыпальниц представляет собой кульминационный этап развития бронзовой культуры. Древние строители, используя скальные глыбы при сооружении мавзолеев, достигли изумляющего эффекта. Общую черту всех бегазинских сооружений составляет четко разработанная идея строительной конструкции, прежде всего кладка стен с облицовкой их громадными гранитными плитами, забутовкой и мощным укреплением их нижней части, создание контрфорсов, подпорок для стен, вертикальных опорных столбов, решение идеи шатрового перекрытия.

Поразительное сходство с бегазинскими скальными мавзолеем имеют сырцовые памятники Тагискена на Сырдарье. Возникновение

тагискенских мавзолеев в долине древнего Яксарта – свидетельство начального этапа меридиональных перекочевок племен между Сырдарьей и Центральным Казахстаном, результатом чего явилось появление однотипных памятников. Циркуляция получает особенно широкий размах в период саков, гунов, усуней, канглов и поздних кочевников.

Племена, населявшие Центральный Казахстан в эпоху бронзы, жили оседло, селились в речных долинах и на равнинах предгорий, имели жилища типа полуземлянок, вели многоотраслевое хозяйство, основу которого составляли скотоводство, горное дело и металлургия, домашние промыслы.

Поселения эпохи бронзы в Центральном Казахстане располагались в долинах рек Токраун, Нура, Сарысу, Атасу, Ишим, Селеты, Шидерты, Тундук, Жарлы и их притоков. Интенсивное развитие скотоводства подготовило почву для перехода сначала к яилажному, а затем кочевому скотоводству. Поэтому поселения появляются и в отдаленных от указанных речных долин местностях, в Северной Бетпакале, Северном Прибалхашье, Джекказгане. Водоснабжение в этих районах осуществлялось путем устройства колодцев и водосборных бассейнов, многочисленные остатки которых сохранились в поселениях Джекказгана (Милыкудук, Айнаколь, Соркудук) и Улытау.

Структура жилищ определялась коллективной формой хозяйства и принципом родовой организации. Патриархальные семьи жили под общей кровлей с общим очагом. Общими были хозяйственные постройки. Возле жилищ в специально построенных тамбурах, а нередко внутри жилых строений находились мастерские для плавки и обработки металла. Там же были и гончарные мастерские.

В конце бронзовой эпохи человек выносит свое жилище из подземелья, остатки прочных наземных каменных жилищ прослеживаются в поселениях Атасу, Бугулы I, II, Тагибай-булак, Бегазы, Ортау. Появляются многокамерные жилые постройки с отдельными очагами (Аккёзен, Атасу, Бугулы I, II, Ортау, Бесоба, Каратомар, Тагибай-булак, Шортанды-булак, Суук-булак). При постройке жилищ использовались те же строительные приемы, что и при сооружении мавзолеев. При строительстве жилых

сооружений использовался один из двух принципов каменных конструкций: первый, восходящий к более раннему времени, состоял в том, что стены жилищ возводились из двух рядов крупных плит и валунов гранита, вкопанных в землю. Вторым представлял собой горизонтальную кладку из двух рядов. В обоих случаях внутреннее пространство между рядами забутовывалось обломками камней на глиняном растворе. В эпоху поздней бронзы в жилых строениях широко применялись и деревянные конструкции (Шортанды-булак, Суук-булак).

В Джезказгане обнаружены следы глинобитных стен. Джезказганские поселения были расположены вблизи рудников, карьеров, выработок, отвалов, многочисленных хозяйственных и ирригационных сооружений.

Новые виды хозяйственной деятельности – уход за скотом и охрана общественного стада, добыча руды и плавка металла – выдвинули в общественном производстве на первое место мужчину. Главенствующая роль мужчины в производстве материальных благ и в общинно-родовых отношениях породила идею почитания, обожествления отца-патриарха, старейшины. На этой основе создается культ предков. Сооружение грандиозных надгробных памятников и алтарей обусловлено культом предков. Самой древней формой верований было поклонение небесным светилам. Некрополи Центрального Казахстана, языческие храмы-святилища хранят следы почитания огня и небесных светил в виде изображения Солнца, Луны, звезд (Желтау, Батпаксу), остатков жертвенных вострищ, следов очищения огнем погребальных камер перед помещением в них усопших (Бегазы I, Бугулы III, Сангру I, Айбас-Дарасы). В каменных склепах часто встречаются красная охра и кусочки древесного угля, символизирующие стихии огня и солнца (Балакулболды, Беласар). Наиболее яркие следы поклонения огню обнаружены в языческих святилищах поселений Бугулы I, II, Шлым на р. Нура, Ортау, Балакулболды, в гробницах Бегазы I, Бугулы III, Сангру I, Айбас-Дарасы.

К наиболее древнему типу мегалитических памятников относятся менгиры. Как места древнего культа, они сохранились во многих

районах Центрального Казахстана. В древности менгирами обозначали места открытого алтаря и жертвоприношений, где устраивались поминки и религиозные представления. Это были языческие святилища. У менгиров происходили обряды древних скотоводов, связанные с весенним окомом, а также земледельческие обряды, относящиеся к посеву и сбору урожая. Эти каменные плиты прямоугольного или округлого сечения, вертикально вкопанные в землю, достигают высоты 2-6 и более метров. Они встречаются стоящими одиночно и в виде каменных аллей.

Традиция каменотесного дела восходит к неолиту. К эпохе бронзы человек пришел с тысячелетней практикой работы над камнем. С появлением металлических орудий древние умельцы научились более искусно обрабатывать камень, что проявилось в первом опыте скульптурного изображения животных, т.е. в создании менгиров.

Одним из главных занятий племен Центрального Казахстана была обработка металла. Бронзовые предметы обнаружены в обилии и повсеместно. Они представлены в виде орудий труда, предметов обихода и украшений. Большое количество бронзовых орудий труда было найдено при раскопках поселений древних металлургов (Атасу, Шортанды-булак, Каркаралы, I, II, Степняк, Бестобе и т. д.): бронзовые кирки, ломы, кельты, вислообушные топоры. Была обнаружена большая серия бронзовых наконечников стрел и копий. Эти предметы имели не только прикладной характер, они являются произведениями искусства, как по форме, так и по богатой орнаментации.

Художественная обработка металла доходит до высот подлинного искусства при изготовлении ювелирных изделий. Бронзовые украшения характеризуются законченностью форм, тщательностью обработки, миниатюрностью и скульптурностью деталей. Создаются многочисленные формы нашивных украшений, нередко богато орнаментированные традиционным пуансоном, рифлением, гофрировкой и т.д. Большое искусство древние ювелиры проявляли при изготовлении бронзовых бус и браслетов с коническим завершением в виде рельефных

завитков. В бегазы-дандыбаевское время появляются бронзовые накладки в виде четырехлепестковой розетки. Разные варианты четырехлепестковых розеток в орнаменте позднее широко распространились среди кочевников, стали основной формой украшения предметов обихода, впоследствии четырехлепестковая композиция становится центральным элементом орнаментального искусства кипчаков, позднее казахов и кыргызов.

Интересную часть ювелирного искусства составляют украшения из золота золотой браслет (Айбас-Дарасы), золотая серьга, ожерелье из крученого золота (Жиланды). Обильные находки бронзовых и золотых украшений свидетельствуют о том, что добыча золота и меди носила в центральных и северо-восточных районах Казахстана интенсивный характер, позволив древним умельцам эпохи поздней бронзы создавать шедевры ювелирного искусства.

О достижениях культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана яркое представление дает керамика. При отсутствии письменных материалов керамика является верным источником установления хронологических рамок. Подобно архитектуре, керамика каждого периода бронзы характеризуется типологическим своеобразием, господствующей формой орнамента и способом изготовления. Керамические сосуды формовались двумя способами ручной лепки: плоскостенные ленточным способом на плоской подставке — сначала кольцевое дно, а затем по восходящей линии его верхнее завершение. Формовка глиняных сосудов с помощью холщового мешочка, наполненного песком, являлась особенностью керамики Центрального Казахстана. Шаровидные и тонкостенные сосуды формовались способом выдавливания из кома глины. Обширная серия керамических сосудов этого времени делится на две группы: на тонкостенную столовую посуду и толстостенную кухонную. Кухонная посуда отличается грубой лепкой, небрежным орнаментом или его отсутствием. Характерным признаком кухонной посуды является присутствие на дне следов нагара пищи и копоти.

Основную типологическую группу тонкостенных сосудов составляют кувшины, вазы, миски, чашки, кубки, плошки, горшки, сосуды со сливным носиком.

Керамику бегазы-дандыбаевского времени объединяет обилие форм и орнамента: хорошо выраженные прямые шейки сосудов, шаровидные тулова, чуть отогнутые венчики, сетчатый и бутристый орнамент, не свойственный предыдущим этапам бронзовой культуры Центрального Казахстана. Керамика бегазинского этапа отличается самобытностью и неповторимым своеобразием.

Бегазы-дандыбаевская культура самобытна, она развивалась совершенно самостоятельно, независимо от карасукской культуры Южной Сибири. Вся сумма богатейших научных данных по материальной культуре Бегазы-Дандыбая убеждает в том, что истоки ее надо искать не в Южной Сибири, а здесь, в древних центрах металлургии, и что правильнее говорить не о влиянии карасука на Центральный Казахстан, а наоборот.

Строительное дело, керамика, домашние ремесла дают убедительную картину того, как на протяжении тысячелетий эволюционировала культура степных племен Центрального Казахстана. Основной чертой развития бронзовой культуры в Центральном Казахстане является творческая переработка новыми поколениями древних традиций, что характеризуется преемственностью при переходе от старых традиций к новым.

Работами ЦКАЭ открыт огромный пласт исторического прошлого племен, населявших территорию Сарыарки от Каспийской равнины и Тургайской столовой страны на западе до долины Иртыша — на востоке, Западно-Сибирскую низменность — на севере и Арало-Балхашский водораздел на юге.

В эпоху бронзы шел сложный процесс развития культуры, объединившей многочисленные этнически родственные между собой степные племена. Апогей в развитии культуры бронзы в Центральном Казахстане наступает на последнем этапе, в эпоху поздней бронзы. На основе развития горного дела и металлургии, скотоводства и домашних ремесел происходит небывалый прогресс в строительном и каменотесном деле, в искусстве обработки металла и керамическом производстве.

Керамика этого времени отличается неповторимым своеобразием. Четкая формовка и богатый орнамент говорят о необычайно

высоком мастерстве керамистов Центрального Казахстана в предскифское время. Яркая керамика Бегазы, Сангру, Дандыбая, Айбас-Дарасы и др. создана мастерами, познавшими законы гармонии.

Большое число находок бронзовых и золотых украшений свидетельствует о том, что добыча золота и меди в центральных и северо-восточных районах Казахстана носила интенсивный характер, позволяя древним умельцам совершенствовать мастерство и создавать шедевры древнего ювелирного искусства.

Рудники, крупные рудоплавильные центры и поселения свидетельствуют о размахе древнего горно-металлургического производства, как одной из ведущих отраслей первобытной экономики, о существовании в Центральном Казахстане на этой основе древней цивилизации. Эта эпоха характеризуется интенсивным развитием скотоводства, освоением коня и верблюда, как транспортных средств и постепенным переходом сначала к пастбищно-яйлажному скотоводству, а затем к сезонным перекочевкам.

Мавзолей Бегазы 1 и 2, Бугулы III, Сангру I, поражающие своим величием и архитектурной завершенностью, мегалитические скульптуры, предметы керамического искусства относятся к числу выдающихся явлений древней культуры степных племен Евразии.

Циклопические памятники Бегазы 1,2, Бугулы III, Сангру I и другие свидетельствуют о росте и консолидации племен, о выделении родоплеменной знати, вождей, в память которых были сооружены эти мавзолеи.

Великая культура эпохи бронзы явилась одним из факторов древней цивилизации, возникшей в этом огромном регионе. Дальнейшие исследования древних памятников Центрального Казахстана позволят расширить наши знания об этой эпохе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР
АМТУ — Археологический музей Томского университета
АОВ — Акмолинские областные ведомости
БИГН — Библиотека института геологических наук Академии наук КазССР
ВАН КазССР — Вестник Академии наук КазССР
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВРГО — Вестник русского географического общества
ВЦМК — Вестник Центрального музея Казахстана
ГАОРСС — Гоеархив Октябрьской революции и Советского строительства (Ленинград)
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГЖ — Горный журнал
ГИМ — Государственный исторический музей
ГИРЛСЖД — Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги
ЕПСР — Естественно-производительные силы России
ЗАО — Записки Археологического общества
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗЗСОРГО — Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества
ЗМО — Записки Минералогического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ЗСПО — Записки Семипалатинского подотдела Русского географического общества
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН КазССР — Известия Академии наук КазССР
ИАО — Известия Археологического общества

ИВГРО — Известия Всесоюзного геолого-разведочного объединения
ИГК — Известия геологического комитета
ИГН — Институт геологических наук АН КазССР
ИЗСО — Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества
ИАЭ — Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР
ИКФАН — Известия Казахского филиала АН СССР
ИЛАИ — Известия лаборатории археологических исследований (Кемерово)
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИТУ — Известия Томского университета
ИЭФП — Известия АН КазССР, серия истории, этнографии, философии и права
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН — Казахстанский филиал Академии наук СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
ЛОНИ — Ленинградское отделение Института истории
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МВНИИ — Материалы Всесоюзного научно-исследовательского института
МГПИК — Материалы по геологии и полезным ископаемым Казахстана
МГРМК — Минералогия и геохимия рудных месторождений Казахстана
МГРМПИГ — Материалы по геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии
МГЦК — Материалы по геологии Центрального Казахстана. Издание АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИИАЭ — Музей института истории, археологии и этнографии АН КазССР
МОКИСАР — Материалы Особого комитета по исследованию союзных автономных республик

МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
НАА — Народы Азии и Африки
НИСТИ — Научно-исторический сборник Горного института
НМАЭ — Новые материалы по археологии и этнографии t
ПАСА — Проблемы археологии Средней Азии
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПКСО — Памятная книжка Семипалатинской области
ПСГ — Проблемы советской геологии
ПСУПР — Полное собрание ученых путешествий по России
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СВ — Сибирский вестник
СГ — Советская геология
СЗ — Советская золотопромышленность
СЛ — Современная летопись
СМА — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии
ТВГРО — Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ТВЭО — Труды вольно-экономического общества
ТГВ — Томские губернские ведомости
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТИАЭ — Труды Института антропологии и этнографии АН СССР
ТИГН — Труды Института геологических наук АН КазССР
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
ТИРМ — Труды Института рудных месторождений АН СССР
ТЛОЕ — Труды Ленинградского общества естествоиспытателей
ТМАО — Труды Московского археологического общества
ТМО — Труды минералогического общества
УЗПИА — Ученые записки Педагогического института им. Абая
ЦГА — Центральный государственный архив КазССР
ЦКАЭ — Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

История археологических исследований Центрального Казахстана.....	5
Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.....	76
Предисловие автора.....	77
Введение.....	79
Часть I	
Памятники эпохи неолита и андроновской историко-культурной общности.....	91
Глава I	
Истоки культуры бронзы Центрального Казахстана.....	91
Неолитические памятники Северо-Восточного Казахстана.....	92
Неолитические памятники Баянаульской и Каркаралинской степей и Северного Прибалхашья.....	94
Неолитические стоянки пустыни Бетпақдала.....	103
Неолитические стоянки бассейна р. Сарысу.....	111
Карагандинская группа стоянок эпохи неолита.....	117
Джезказганские погребения и стоянки эпохи неолита.....	125
Часть II	
Памятники эпохи бронзы, предшествовавшие бегазы-дандыбаевской культуре.....	168
Глава I	
Памятники переходного этапа от андрона к поздней бронзе (XII—XI вв. до н.э.).....	170
Айшрак Б.....	170
Егизек II.....	174
Беласар Б.....	178
Балакулболды II, III.....	191
Байбала II.....	196
Глава 2	
Памятники ранне бегазинского времени Центрального Казахстана.....	198

Аксу-Аюлы II.....	202
Ортау II.....	209
Бегазы А (ранняя группа).....	210
Часть II	
Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.....	217
Глава I	
Памятники бегазы-дандыбаевской культуры.....	217
Некрополь Бегазы.....	227
Мавзолей Бугулы III.....	254
Сангру I.....	260
Айбас-Дарасы.....	280
Дандыбай.....	291
Памятники переходного этапа от поздней бронзы к раннему железу (VIII—VII вв. до н.э.).....	299
Айдарлы.....	300
Бугулы II (Кусмурун).....	302
Былылдак I (подгруппа Б).....	309
Кент.....	312
Глава 2	
Поселения эпохи бронзы Центрального Казахстана.....	326
Атасу I.....	329
Бугулы I.....	338
Бугулы II.....	344
Аккезен.....	347
Байбала.....	349
Шортанды-Булак.....	350
Каркаралинская группа поселений.....	362
Каркаралы III (Суук-булак).....	372
Тагибай Булак.....	373
Джезказганская группа поселений.....	378
Глава 3	
Хозяйство и ирригация.....	410
Скотоводство.....	410
Ирригационные сооружения.....	420

Глава 4	
Культовые камни и ранняя скульптура.....	428
Глава 5	
Искусство эпохи бронзы Центрального Казахстана.....	444
Строительное искусство.....	444
Каменотесное искусство.....	450
Художественная обработка металла.....	451
Косторезное дело.....	458
Керамика.....	461
Заключение.....	481
Список сокращений.....	489

МАРГУЛАН А.Х.

СОЧИНЕНИЯ

VI том

Ответственный за выпуск –
Издательско-полиграфическая
корпорация – “Алатау”

*Президент Кененбай Ы.С.
Редактор Кыдырбай С.К.
Дизайн В.В. Стелякин.*

ISBN 9965-807-22-1

Сдано в набор 01.11.08 г. Подписано в печать 21.12.08 г.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л 28,17 + вклейка 4,03.
Усл. печ. л. 32,7.
Гарнитура “Times New Roman”.
Тираж 3000 дана. Заказ № 1935

ТОО ИПК "Алатау"

г. Алматы, 050026, ул. Толе би, 130 "а",
тел: 7(727) 242-32-88 E-mail: corp_alatau@rambler.ru

Книга отпечатано в типографии
АО "Алматы-Болашақ"

г. Алматы, 050026, ул. Муканова, 223 "в",
тел: 7(727) 242-32-88 E-mail: almaty_bolashak@mail.ru

ISBN 9965-807-22-1

9 789965 807220

